

ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

ИМПЕРАТОР МЭЙДЗИ И ЕГО ЯПОНИЯ

Книга известного япониста представляет собой самое полное в отечественной историографии описание правления императора Мэйдзи (1852–1912), которого часто сравнивают с великим преобразователем России – Петром I. И не даром: при Мэйдзи страна, которая стояла в шаге от того, чтобы превратиться в колонию, преобразилась в мощное государство, в полноправного игрока на карте мира. За это время сформировались японская нация и японская культура, которую полюбили во всем мире. А. Н. Мещеряков составил летопись событий, позволивших Японии стать такой, как она есть. За драматической судьбой Мэйдзи стоит увлекательнейшая история его страны.

Книга снабжена богатейшим иллюстративным материалом. Легкость и доступность изложения делают книгу интересной как специалистам, так и всем тем, кто любит Японию.

- [Александр Николаевич Мещеряков](#)
 - [Вступление первое](#)
 - [Вступление второе](#)
 - [Часть I](#)
 - [1852 год](#)
 - [1853 год](#)
 - [1854 год](#)
 - [1855 год](#)
 - [1856 год](#)
 - [1857 год](#)
 - [1858 год](#)
 - [1859 год](#)
 - [1860 год](#)
 - [1861 год](#)
 - [Место действия: Иокогама](#)
 - [1862 год](#)
 - [1863 год](#)
 - [1864 год](#)
 - [1865 год](#)
 - [1866 год](#)
 - [1867 год](#)
 - [Часть II](#)
 - [1868 год](#)
 - [1869 год](#)
 - [1870 год](#)
 - [1871 год](#)
 - [1872 год](#)
 - [1873 год](#)
 - [1874 год](#)
 - [1875 год](#)
 - [1876 год](#)
 - [1877 год](#)

- [1878 год](#)
- [1879 год](#)
- [1880 год](#)
- [1881 год](#)
- [1882 год](#)
- [1883 год](#)
- [1884 год](#)
- [1885 год](#)
- [1886 год](#)
- [1887 год](#)
- [1888 год](#)
- [1889 год](#)
- [1890 год](#)
- [1891 год](#)
- [1892 год](#)
- [1893 год](#)
- [1894 год](#)
- [1895 год](#)
- [1896 год](#)
- [1897 год](#)
- [1898 год](#)
- [1899 год](#)
- [1900 год](#)
- [1901 год](#)
- [1902 год](#)
- [1903 год](#)
- [1904 год](#)
- [1905 год](#)
- [1906 год](#)
- [1907 год](#)
- [1908 год](#)
- [1909 год](#)
- [1910 год](#)
- [1911 год](#)
- [1912 год](#)

- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)

- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)

- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)

- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)

- [340](#)
 - [341](#)
 - [342](#)
 - [343](#)
 - [344](#)
 - [345](#)
 - [346](#)
 - [347](#)
 - [348](#)
 - [349](#)
 - [350](#)
 - [351](#)
 - [352](#)
 - [353](#)
 - [354](#)
 - [355](#)
 - [356](#)
 - [357](#)
 - [358](#)
 - [359](#)
 - [360](#)
 - [361](#)
 - [362](#)
 - [363](#)
 - [364](#)
 - [365](#)
 - [366](#)
 - [367](#)
 - [368](#)
 - [369](#)
 - [370](#)
 - [371](#)
 - [372](#)
 - [373](#)
 - [374](#)
 - [375](#)
 - [376](#)
 - [377](#)
 - [378](#)
 - [379](#)
 - [380](#)
 - [381](#)
-

Александр Николаевич Мещеряков

Император Мэйдзи и его Япония

Вступление первое

Из тени в свет

Правление императора Мэйдзи (жил: 1852–1912, правил: 1868–1912) выдалось длинным. Настолько длинным, что ныне оно кажется более продолжительным, чем длина его человеческой жизни. Это впечатление обусловлено тем, что за сорок пять лет правления Мэйдзи его Япония пережила поистине драматические перемены. В середине XIX века она представлялась Западу несостоятельной во всех отношениях окраиной «цивилизованного» мира. Однако уже к началу XX столетия Япония превратилась в мощное государство, в полноправного игрока на карте мира. Если раньше японцы говорили об угрозе, исходящей с Запада, то после побед Японии над Китаем и Россией настало время опасаться и саму Японию. Всего за одно поколение страна сумела создать современную промышленность и армию. Всего за одно поколение прежний комплекс неполноценности был преобразен в комплекс превосходства. Люди, обитавшие на архипелаге, до правления Мэйдзи не называли себя японцами. Они соотносили себя с родной деревней и княжеством. Всего за одно поколение они осознали себя как японскую нацию. Когда в 60-х годах XX века Япония начала превращаться в супермощную экономическую державу, заговорили о «японском чуде». Но на самом деле «чудо» случилось еще в правление Мэйдзи. Основа послевоенных успехов Японии была заложена именно при нем.

В соответствии с традицией, которая делает особый акцент на идее преемственности, в имени Мэйдзи значился иероглиф, взятый из имени его отца Комэй (букв. «сыновний долг и свет»; годы жизни: 1831–1866, годы правления: 1847–1866). Это иероглиф «мэй» – «светлый», «просвещенный». Таким образом, имя Мэйдзи означает «светлое правление».

Несмотря на сходство имен, отец и сын существовали в совершенно разных измерениях. Комэй прожил свою жизнь в «тени», он был скрыт от людских глаз стенами своего дворца в Киото, военное правительство (сёгунат) в Эдо (впоследствии Токио) запрещало императору покидать пределы резиденции, и его «свет» можно воспринимать только метафорически. Это «свет», который исходил от особы императора и проливался только на его ближайшее и очень немногочисленное придворное окружение. Оно и только оно могло наблюдать за императором, поведение которого было обставлено строжайшими запретами. На него нельзя было даже смотреть, ему был противопоказан даже солнечный свет – выходя из полутемных дворцовых помещений в сад, император находился под защитой магического зонта, оберегавшего его от зловредных флюидов.

Мэйдзи родился еще «в эпоху тени», но он прожил свою взрослую жизнь «на свету». После того как в 1867 году он занял место своего отца, подданные смогли увидеть его – на улицах и площадях, на военных парадах и маневрах, на вокзалах и выставках достижений японского народного хозяйства, в театре, на ипподроме, в цирке... И он тоже видел своих многочисленных подданных. Он был первым из японских императоров, кто смог воочию убедиться, что они действительно существуют.

Метафора «света» и «тени» применима не только по отношению к императору, но и по отношению к стране в целом. С точки зрения Запада, вся Япония до середины XIX века тоже находилась в «тени»: минимум контактов привел к тому, что сведения о Японии были фрагментарны и зачастую не соответствовали действительности. Европейцы не знали ни вековой истории Японии, ни ее блестящей культуры. Книги о Японии были настоящей редкостью. И. Гончаров уподоблял Японию запертому ларцу с потерянным ключом.

То же самое можно сказать и о самих японцах: они довольствовались теми сведениями о Европе, которые сообщали им немногочисленные голландские купцы. Этим купцам из Ост-Индской компании в XVII веке разрешили останавливаться на острове Дэсима возле Нагасаки. Но они не имели права покидать его. Кроме того, информация о загранице сочилась через терпевших кораблекрушение японских моряков. Кроме голландцев, всем остальным иностранцам въезд в Японию был запрещен, сведения о Западе оставались достоянием узкой группы лиц. Это были «рангакуся» – «голландоведы». Так называли тех людей, которым было дозволено читать европейские книги.

Япония долгое время страшилась внешнего мира, она ожидала от него только неприятностей и подвохов. В XVI–XVII веках европейцы, основную часть которых составляли католические миссионеры (в основном из ордена иезуитов), завезли в Японию огнестрельное оружие. В сознании японцев христианство и пушки стали синонимами. Сёгуны из династии Токугава, пришедшие к власти в начале XVII столетия, сочли за благо закрыть страну. И въезд в нее, и выезд были строжайше запрещены. Так получилось, что Япония, окруженная со всех сторон морями, перестала строить крупные корабли, ее можно было назвать страной морской только с существенными оговорками.

Время правления Мэйдзи резко изменило ситуацию: оно принесло с собой решительное расширение общения, торговли, взаимодействия с миром. Япония стала узнавать мир, мир стал узнавать Японию.

Выход из тени сопровождался драматическими последствиями. Как и человек, который неожиданно попадает из темной пещеры на яркий солнечный свет, Япония на время потеряла ориентацию, растерялась, ею овладел комплекс неполноценности. На какое-то время обитатели архипелага стали думать, что в их стране нет ничего достойного похвалы. Но они не стали сидеть сложа руки, а стали учиться. Науке и технике, промышленности и культуре, строительству и технологиям управления, военному делу. Подражательность на какое-то время сделалась лозунгом дня. Однако период слепого копирования продлился недолго.

Традиционная японская культура обладала громадным обаянием. Поэтому и Запад стал учиться у Японии. Европейские художники были очарованы японским искусством. Если посмотреть на дело с точки зрения макрокультурной, то столкновение Японии и Запада было подобно встрече разнотемпературных морских течений, когда в зоне контакта создаются благоприятные условия для роста «культурной биомассы».

Одним из главных последствий правления Мэйдзи стало появление на свет японской нации. Без этого Япония не смогла бы конкурировать с Западом. Японская нация была сконструирована всего за несколько десятилетий под непосредственным европейским влиянием. До этого времени ни о какой «нации» не могло быть и речи – жители разных регионов говорили на непонятных друг для друга диалектах, каждый человек считал, что он принадлежит своей деревне, городу, княжеству, клану. Зачем ему было ощущать себя «японцем», если страна по доброй воле порвала все связи с миром? Однако оказалось, что в XIX веке море уже нельзя держать закрытым на замок. Как только европейцы «открыли» Японию, стал возможным вопрос: «Чем мы отличаемся от незваных пришельцев?»

Формирование нации связано с фигурой Мэйдзи самым тесным образом. Ибо он стал тем символическим центром, вокруг которого и происходило «склеивание» японцев в единое целое. А потому судьбу Мэйдзи и судьбу японского народа нельзя рассматривать по отдельности. Имея статус «живого бога», Мэйдзи все равно оставался одним из миллионов японцев. Ведь он был их символом.

Главная задача этой книги – показать, как происходил переход императора Мэйдзи и всей Японии «из тени в свет». Я хотел проследить, как обитатели архипелага стали ощущать себя

японцами, как менялись их представления о власти и о самих себе, за счет каких инструментов достигалось единство государства и общества, как появлялась на свет та культура, которую мы теперь называем японской. Задача эта огромна и «панорамна», и, естественно, я не имел возможности для полноформатного рассказа обо всех событиях и проблемах.

В связи с этим подборка сведений, которые я предлагаю читателю, не совсем обычна. Разумеется, я не мог обойти вниманием проблемы «глубинные» – социальные, политические, экономические. Но многие из них хорошо изучены и про них можно прочесть в других книгах. Поэтому я не всегда рассказываю о них подробно. Вместе с тем «внешней» стороне истории этого времени уделялось гораздо меньше внимания. Однако это не совсем «справедливо» по отношению к свидетелям, творцам и участникам событий. То колоссальное внимание, которое они сами уделяли «внешней» стороне жизни – одежде, еде, ритуалам, церемониям, обычаям, праздникам, шествиям, парадам и т. д., – говорит в пользу того, что эта сторона жизни тоже нуждается в описании и осмыслении. Подавляющее большинство современников событий не мыслили учеными категориями – социальной формации или же политического строя. Их первичным органом восприятия были глаза. Поэтому мне хотелось – насколько это возможно – взглянуть на Японию Мэйдзи глазами современников, выяснить, как было устроено их зрение, показать, какие события и явления волновали их больше всего. В связи со всем этим я постарался ввести в книгу возможно больше такого материала, который был бы максимально «изобразителен».

При написании этой книги я отказался от «проблемного» стиля изложения, когда автор поочередно рассматривает политику, экономику, культуру и т. д. Для меня было важнее другое: показать, как происходило накопление событий, опыта, времени, истории. Поэтому я постарался сделать так, чтобы структура текста соответствовала структуре реального времени. Мне хотелось показать, как менялась Япония. Менялась быстро, но в этой стремительности была своя постепенность. Постепенность, без которой не бывает истории. В связи с этим я выбрал «летописный» способ повествования: в каждой главе рассказывается об одном годе жизни императора Мэйдзи и об одном годе жизни его страны. Как и в «настоящей» летописи, наполненность того или иного года событиями неравномерна. Средневековые японские аристократы полагали, что год, прожитый неспешно, кажется длинным. Однако то, что справедливо по отношению к частной жизни, не всегда верно в отношении страны. В ретроспективе более длинным кажется год, в который произошло больше бурных событий – реформ, преступлений, войн.

Применяясь к поставленным задачам, я разделил книгу на две части. В первой рассказывается о времени «тени», когда будущий император Мэйдзи был ребенком, когда знакомство японцев и европейцев еще только начиналось. Япония стояла на пороге великих перемен, о которых будущий император еще ничего не знал. Эта часть имеет скорее вводный характер, ее задача – показать, какой была Япония при сёгунате Токугава, какие проблемы пришлось решать власти, когда европейцы стали все настойчивее требовать от Японии «открыться» миру. Во второй части рассказывается о становлении новой Японии. Это был драматический и противоречивый процесс, сопровождавшийся утратой Японии старой.

Читатель, возможно, сочтет некоторые из моих оценок относительно участников и творцов исторической ситуации чересчур жесткими и даже жестокими. Я не упивался собственной безнаказанностью и не хотел никого обидеть. Просто по сравнению с творцами событий историк находится в более выгодном положении: он знает, что произошло потом. А «потом» произошло множество трагических событий, включая Вторую мировую войну. По моему глубокому убеждению, косвенными соучастниками этих событий оказались многие люди, о которых пойдет речь в книге.

Впрочем, указанное преимущество историка весьма краткосрочно. Ко времени, когда читатель прочтет эту книгу, будут открыты новые факты и произойдет множество событий, о которых пока что не знает автор. Они уже не будут способны изменить написанный мною текст, но наверняка доставят пищу для новых размышлений. История продолжается невзирая на те приговоры, которые выносит ей историк. История – это процесс, а книга – результат. Это противоречие еще никому не удалось преодолеть.

При работе над книгой мне пришлось пользоваться многими источниками и исследованиями. Ссылки на них даются в основном тексте. Библиография, посвященная периоду правления Мэйдзи, огромна и не поддается учету. Не в моих задачах и силах было сделать это и рассмотреть все существующие теории, концепции, взгляды. Выскажу лишь одно соображение самого общего свойства. Все известные мне работы написаны специалистами, которые всю жизнь занимаются этим периодом. В этом – их достоинство, которое, как это всегда бывает, плавно переходит в недостаток. Основным предметом моих штудий всегда была древняя история, и потому я не смею претендовать на более детальное – по сравнению со многими уважаемыми мною экспертами – знание реалий периода Мэйдзи. Однако знание реалий древности позволило, как я надеюсь, придать пониманию времени Мэйдзи несколько большую объемность. В качестве отправной точки для моих размышлений послужили выводы, сделанные в моей монографии, посвященной институту верховной власти в древности^[1].

Справедливость требует отметить несколько пионерских книг, которые оказались мне особенно полезны. Все они выступили в качестве своеобразного интеллектуального «катализатора», побудившего меня наконец-то приступить к осуществлению давно имевшегося у меня плана. У меня давно существовало намерение посмотреть на события новой истории глазами специалиста по древности. Однако занятость и косность никак не позволяли найти время еще и для этого. Случилось, однако, так, что почти одновременно мне попали в руки сразу три книги, которые наконец и переполнили «чашу терпения» и заставили засесть за освоение нового для меня материала.

Это книга Таки Кодзи «Портреты императора», в которой прослеживается, как создавались первые изображения Мэйдзи и какую роль они играли в формировании культуры «народного государства»^[2]. Это книга Фудзитани Такаси «Великолепная монархия»^[3], посвященная ритуалам и церемониям времени Мэйдзи. Фудзитани удалось ввести Японию в международный «церемониальный» контекст, что случается с японистами далеко не всегда. Это, наконец, чрезвычайно информативный том «Японский император. Мэйдзи и его мир», принадлежащий перу Дональда Кина^[4]. На основе официальной хроники «Летопись императора Мэйдзи» («Мэйдзи тэнно ки») Д. Кин проделал огромную работу по введению в оборот данных, которые позволяют хоть в какой-то мере судить о человеческих свойствах императора.

В заключение хотел бы также выразить искреннюю признательность Нумано Мицуюэи (Токийский университет), К. Г. Виноградову (ИСАА при МГУ), А. М. Горбылеву (ИСАА при МГУ), И. В. Мельниковой (Университет Досиса, Киото), Е. Б. Сахаровой (РГГУ), А. И. Юсуповой (Музеи московского Кремля) за ценные советы и бескорыстную помощь в сборе материалов, использованных при написании этой книги.

Вступление второе

Место действия: Эдо и Киото

Главные события этой книги происходят в двух городах – Киото и Эдо (Токио). Поэтому перед началом основного повествования я решил познакомить читателя с этими городами. Знакомство с местом действия позволит лучше понять и то время, в котором наслаивались события правления Мэйдзи.

Японский император проживал в Киото. Город был основан еще в 794 году. Тогда его называли Хэйан («столица мира и спокойствия»). Но к концу XII века его стали называть просто Киото («столичный город»). Это название он сохранил и в XIX столетии.

Строители Хэйана считали, что образцом для города служила столица Танской империи – Чанъань. Сходство японской и китайской столиц видно в следующем: прямоугольный план (5,3 км с севера на юг и 4,5 км с востока на запад), местонахождение императорского дворца на севере, широкий (85 м) проспект Судзаку, который делил город на две симметричные части (западную и восточную), пересечение улиц и переулков под прямым углом.

Однако между Хэйаном и Чанъанью были существенные различия. Площадь Хэйана составляла всего около трети территории китайской столицы. Чанъань была обнесена пятиметровыми стенами, которые охраняли ее от кочевников, а Хэйан такими стенами окружен не был. Лишь возле ворот Расёмон на юге города «высилась» стена высотой всего в два метра – она служила лишь символическим прикрытием столицы. Эта стена пришла в ветхость уже к началу X столетия. К счастью для Японии, грозных кочевников в стране не было. Население Чанъани составляло более одного миллиона человек, число жителей Хэйана – около 150 тысяч. Население Киото увеличилось до миллиона только в 20-х годах XX века. В XVIII – начале XIX века его население составляло около 500 тысяч человек.

Предыдущая японская столица Нара (710–784) возводилась в соответствии с теми же самыми принципами, что и Хэйан. Поэтому в самых общих чертах Хэйан, может быть, больше напоминает Нара, чем Чанъань. Сопоставимым было и население – в Нара проживало от 100 до 200 тысяч человек. Но политической элите было милее, чтобы Хэйан сравнивали с китайской столицей – ведь именно Китай считался в то время законодателем дальневосточных мод.

Самым впечатляющим архитектурным проектом Хэйана являлся, разумеется, императорский дворец. Он представлял собой прямоугольник размерами 1,4 на 1,2 км. Внутри дворца имелось два основных комплекса: «внутренний дворец» (дайри), где обитал сам император, и «большой внутренний дворец» (дайдайри), где размещались главные органы управления страной.

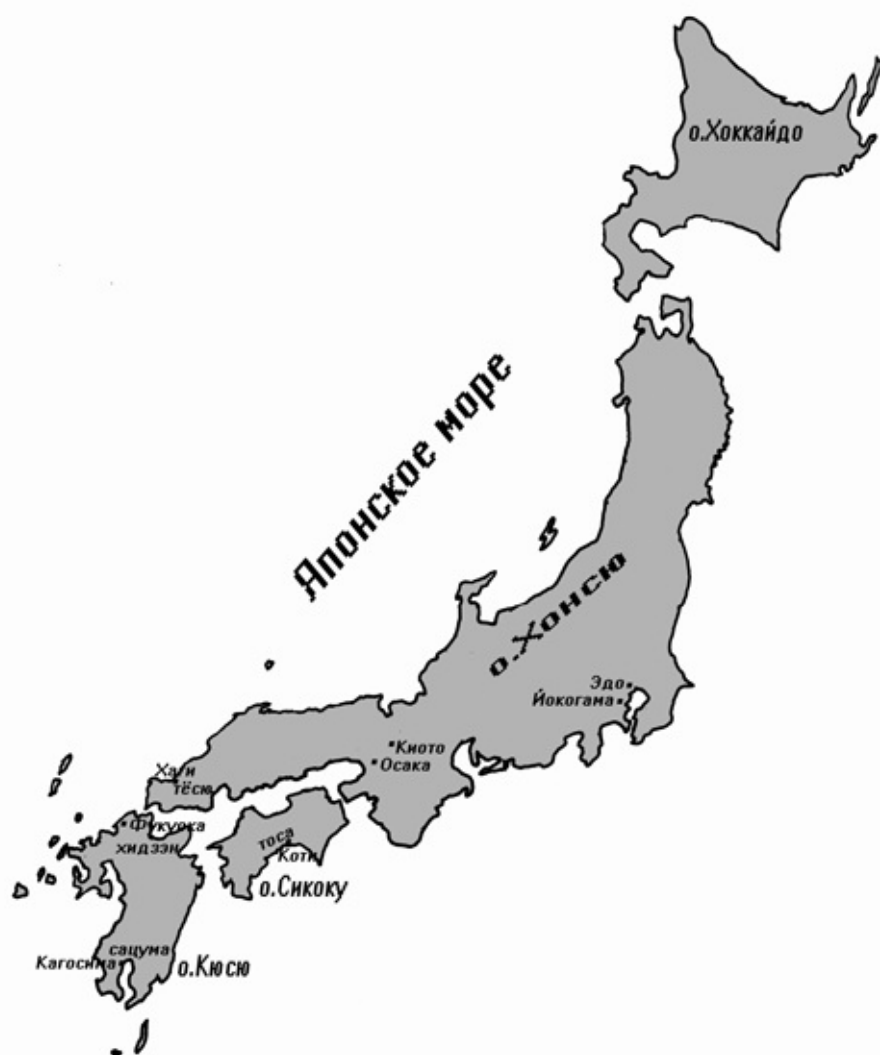
Разумеется, далеко не все городское пространство Хэйана представляло собой урбанистический пейзаж. Около половины территории города занимали пустыри и крестьянские поля. Тем не менее Хэйан долгое время оставался крупнейшим городом Японии.

Великий роман «Гэндзи-моноготари» («Повесть о принце Гэндзи», нач. XI в.) придворной дамы Мурасаки Сикибу ввел в оборот термин «хана-но мияко» – «столица цветов».

Цветут и тут же опадают,
Землю устилают цветы
Уходящей весны.
Уходишь? Вернешься и ты
В столицу цветов.

Под «цветами» в это время разумелась сакура. В Хэйане росло множество деревьев сакуры. Конечно, их было достаточно и в других городах и селениях. Но именно среди придворных Хэйана, свободных от ежедневных забот о собственном пропитании, укоренилось уподобление человеческой жизни быстротечности цветения сакуры.

Такой подход принес множество эстетических и экзистенциальных находок, но вряд ли государственный организм может держаться на таких основаниях, ему требуются символы, сработанные из более прочного материала. Неудивительно, что блестящая культурная жизнь Хэйана сопровождалась кризисом всей социально-политической системы. Это и немудрено, ибо столичным жителям вся остальная страна представлялась глухой провинцией, пребывание в которой недостойно утонченного человека. Назначение даже на такую высокую должность, как губернатор, воспринималось чуть ли не как наказание. По европейским меркам имущественный разрыв между богатыми и бедными не выглядел в Японии слишком вызывающим, но разница в социальном статусе и «культурности» была огромной. И никаких чужаков в свой замкнутый мир хэйанские аристократы не допускали.

Карта Японского архипелага. XIX в.

Идеалом аристократов сделалась женственность – наряды придворных мужчин напоминали женские, мужчины выщипывали брови, пудрили лица, чернили зубы. Они участвовали в бесконечных церемониях, сочиняли стихи, музицировали и предавались любовным утехам.

Чувственность и чувствительность сделались приметам «изыщенной» жизни. Основная часть жизни аристократов проходила в интерьерах, придворные редко покидали пределы того крошечного пространства, в котором они обитали. Неудивительно, что дикую природу они заменили садами – именно там они наблюдали, как одно время года сменяет другое. Дороги зарастали травой, указы императора не исполнялись. Столичные аристократы не имели достаточной энергетики, чтобы собирать налоги и поддерживать в должном порядке инфраструктуру страны как единого целого.

Сами императоры могли служить образцом в деле владения стихом и кистью, они исправно отправляли ритуалы, положенные правителям сельскохозяйственной страны, но были бесконечно далеки от мысли о том, чтобы покинуть дворец и посмотреть, как растет рис. Зрение аристократа стало «близоруким» – он видел то, что делается у него под носом, но его совершенно не интересовала жизнь людей, не принадлежавших к его кругу.

Аристократы Хэйана не замечали «чернь» и, разумеется, не смогли обеспечить единства страны, которая распалась на множество княжеств. Каждое из них обладало собственной дружиной самураев. Столичные аристократы продолжали исправно назначаться на посты советников императора и министров, но теперь эти должности превратились в фикцию.

Непрекращавшиеся усобицы время от времени приводили к тому, что в стране возникал дом-победитель, который на какое-то время оказывался в состоянии поддерживать относительный порядок. И тогда его глава получал от императора титул сёгуна (генерала) и создавал свое правительство. Сначала это был дом Минамото, который обосновался в Камакура (1185–1333), потом Асикага, который предпочел район Киото под названием Муромати (1392–1573). В 1603 году власть оказалась в руках у сёгунов Токугава. Они не ставили своей целью свержение императорского дома – идея о том, что императорская династия является несменяемой, укоренилась в сознании слишком прочно. Сёгуны не смели посягнуть на авторитет династии, кандидатов на роль узурпатора не находилось, но военные лишили Киото каких бы то ни было распорядительных полномочий.

Основатель сёгуната Токугава – Иэясу (1542–1618) расположил свою ставку в Эдо, в 500 километрах от Киото. Именно в Эдо находился замок сёгунов, там располагались те учреждения, которые управляли страной. Император и его аристократы были лишены права голоса в принятии решений, его «охраняли» (и одновременно досматривали за ним) воины сёгуна, но Киото еще долгое время сохранял славу самого «стильного» города страны.

Миссионер Жоао Родригес (1558–1633) так описывал свои впечатления от Киото: «Жители Мияко (столицы. – А. М.) обладают мягкими нравами, они чрезвычайно хорошо воспитаны и обожают развлечения. Они прекрасно одеваются, любят интересно провести время, постоянно предаются развлечениям, забавам и отдыху. Например, они устраивают пиры на природе, наслаждаются цветами и садами, соединяются в увеселениях; они смотрят комедии и драмы, в перерывах между которыми показывают фарсы-кёгэн. Они обожают модные песни. Они очень набожны и часто посещают храмы... Их речь – самая великолепная и изысканная во всей стране, поскольку простолюдины здесь говорят на языке двора и аристократов». Через полвека немец Э. Кемпфер (1651–1716), попавший в Японию в качестве судового врача голландского корабля, соглашался с ним: «Киото известен по всей стране своими ремеслами. Если какая-то вещь, будь даже известно, что она неважного качества, изготовлена в Киото, она будет иметь преимущество перед другими».

Ремесленники Киото выступали в качестве законодателей моды. Изготовленные ими ткани и одежда, керамика и веера, сладости и сакэ считались лучшим подарком в любом обществе. С установлением сёгуната Токугава в стране настал мир, и город стал быстро расти. В начале XVII века его население едва превышало 200 тысяч человек, к концу века оно выросло до

полумиллиона.

Но Эдо рос еще быстрее. Наряду с торговым городом Осака, который считался «кухней Японии», там концентрировались самые энергичные люди эпохи. Эдо стали называть «Тото» – «восточная столица». Киото же стали временами обозначать как «Сайкё» – «западная столица». Гордые самураи Эдо стали подвергать обаяние Киото сомнению. Знаменитый сатирик Сикитэй Самба (1776–1822) писал: «Хотя две сотни лет назад Киото считали „цветочной столицей“, теперь город превратился в пригород, став „цветочной деревней“». Другой писатель и эссеист, Мацуэ Сигэёри, вторил ему: «Сакэ, которое делают в Киото, подобно воде. Сколько ни выпьешь – не забирает».

Раньше, когда Киото однозначно ассоциировался со всем самым лучшим, такие уничижительные оценки были немыслимы. Люди стали говорить, что жители Киото носят одежду устаревших фасонов, что их прежняя вежливость уступила место грубости и невоспитанности. Кандзава Токо, долгие годы прослуживший полицейским в Киото, писал в 1791 году: «Товары, сделанные в Киото на продажу, плохи. Тофу (соевый творог. – А. М.), который раньше считался лучшим, теперь уступает тофу из Осака – очень нежному и мягкому. Если в Киото ты спросишь о чем-нибудь, люди отвечают без удовольствия, если отвечают вообще. В стране нет таких равнодушных людей, как в Киото. В прошлом жители Киото по крайней мере старались притвориться вежливыми, но теперь это не так». Возмущался Кандзава и пассивностью обитателей Киото. Он отмечал, что после пожаров Осака отстраивается намного быстрее, чем столица.

Слава Киото как «бутика Японии» с конца XVIII века блекнет, самураи из Эдо начинают считать, что именно они живут в лучшем городе страны. Путеводители вместо киотосских товаров предпочитают рекламировать местные исторические памятники: буддийские храмы, синтоистские святилища и закрытый для посещения императорский дворец, около которого можно было подышать воздухом прошлого. Из вызывавшей всеобщее восхищение столицы Киото превращается в подобие музея под открытым небом. Но все равно у Киото было то, чего не могло быть у Эдо: император и тысячелетняя история.

Дзэнский монах и знаменитый поэт Рёкан (1758–1831) писал:

Тысячи, тысячи лет
Правления государей...
Где отыщешь слова,
Чтоб сказали
О столице в цвету?

Веками считалось, что главной обязанностью императора и его двора является отправление ритуалов. Такие ритуалы выполняли двоякую функцию. Во-первых, они были призваны оберегать всю страну от бедствий (засух, ливней, тайфунов, землетрясений, пожаров) и обеспечивать благоденствие подданных. При этом никакого участия «народа» в ритуале не предполагалось: чем более тайным был ритуал, тем большей действенной силой он обладал. Эти ритуалы придавали смысл самому существованию двора, знание их мельчайших деталей служило знаком принадлежности к совершенно особой социальной группе. Иными словами, ритуал был для придворных средством самоидентификации, той клейковиной, которая обеспечивала единство древней аристократии.

В глазах сёгуна и его окружения императорский двор обладал безусловным «ритуальным авторитетом». Неоконфуцианство составляло основу официальной идеологии сёгуната. Токугава

не имели никакой возможности игнорировать его важнейшие постулаты: примат светско-духовной власти над военной, первостепенную важность церемониальной активности. Ибо только ритуалы и церемонии обеспечивают порядок в Поднебесной, отделяют человека культурного от варвара. В первой статье «Установлений для императора и придворных» (1615) сёгунат предписывал императору заниматься китайскими «науками» (имеется в виду классическая образованность конфуцианского типа) и японской поэзией. Часто говорят, что это положение свидетельствует о бесправном положении императорского двора. Но это верно только отчасти. Сохранение ритуала в работоспособном состоянии служило в глазах сёгуната важнейшим условием благополучия государства. В условиях нескончаемых войн прошлой эпохи императорский двор обнищал, многие церемонии больше не устраивались и правила их проведения были утеряны, а это воспринималось как утрата гармонии и наступление хаоса.

Сам двор явственно осознал, что именно в ритуальной деятельности заключается секрет восстановления утраченных позиций. В связи с этим императоры занимались сбором сведений по древнему ритуалу и его изучением. С правления Гомидзуноо (1611–1629) по правление Гомомодзоно (1771–1779) императоры составили 17 сочинений, посвященных церемониям и ритуалу. Поразительный факт: в буддийском храме Бодайдзи в Эдо, где отправлялись поминальные службы по членам сёгунского рода, настоятелем служил принц крови, местом рождения которого был Киото. С одной стороны, он являлся заложником сёгуна, но с другой – должность не передоверяли никому другому. Ситуация была такова, что сёгун и император не могли существовать друг без друга. Сёгуны кормили императора, он – обеспечивал им «ритуальное прикрытие».

Разумеется, деятельность сёгуната в Эдо была также обставлена определенными обрядами, но киотосские аристократы считали церемонии самураев «варварскими». Придворный Нономия Садамото, которому было приказано принять участие в поминальной службе по сёгуну Токугава Иэцуна в 1696 году, писал в своем дневнике, что военные не знают правильных манер, а потому и записывать, что происходило в Эдо, не имеет смысла. Поэтому в течение более чем одного месяца, которые он провел в окружении самураев, он не сделал в своем дневнике ни одной записи.

Сёгунат предоставлял киотосскому двору средства для ритуальной деятельности. Однако регулярное обеспечение императора было весьма незначительным. Поэтому двор время от времени подавал прошения о единовременном выделении средств для осуществления тех или иных ритуальных проектов. Сёгунат довольно часто откликался на них. В этом смысле сёгунат Токугава занимал по отношению к двору намного более сбалансированную и мягкую позицию по сравнению с предыдущим сёгунатом Асикага. В период Токугава при дворе императора были восстановлены многие ритуалы, утраченные при Асикага: полная форма интронизации, церемония посвящения в наследные принцы, празднества в некоторых святилищах, конная стрельба из лука (ябусамэ), праздник зимнего солнцестояния и др. Император и придворные обладали тайным знанием ритуалов, которые никто не был в состоянии повторить. И сёгун не был здесь исключением.

Хотя благосостояние императорского двора полностью зависело от сёгуната, не оставляет ощущение, что где-то в глубине души сёгуны и их ближайшее окружение понимали: власть их «неполноценна» и покоится на зыбких основаниях. Авторитет императора был настолько велик, что даже Иэясу, основатель сёгуната Токугава, считал за благо подделать свою родословную, возведя свое происхождение к императору Сэйва (858–876). Даже во времена своего наибольшего могущества Токугава испытывали проблемы с легитимностью. Японским обществом управлял «генеалогический код». Принцип наследственности занятий был главным во всех сферах – начиная от элиты и кончая крестьянами, ремесленниками, торговцами. При

самом императорском дворе возможности социальной мобильности были по-прежнему сведены к минимуму, и основные должности при дворе занимали потомки аристократов всего пяти родов («госэkkэ» – Коноэ, Кудзё, Нидзё, Итидзё, Такацукаса), известных еще с периода Хэйан-Камакура.

Сёгун жил в своем замке в Эдо, построенном в начале XVII столетия. Стены циклопической кладки окружал широкий ров с водой. Киото предназначался для мирной жизни, там не было оборонительных сооружений. Предназначением Эдо была оборона от возможных нападений со стороны мятежных княжеств. Ров был широким, зато улицы были устроены узкими – чтобы затруднить продвижение конницы потенциального противника. Парадокс состоит в том, что во времена Токугава потенциальный противник ни разу не превратился в противника настоящего.

Замок Эдо

Дворец императора под названием Госё представлял собой намного более скромное сооружение, чем замок сёгуна. Ров не отличался такой убедительностью, стены – глиняные. За них было нельзя заглянуть, но никакой защиты они обеспечить не могли. Реальный центр власти находился в Эдо, но столица, то есть резиденция императора, находилась в Киото. Япония середины XIX века представляла собой странную политическую конструкцию.

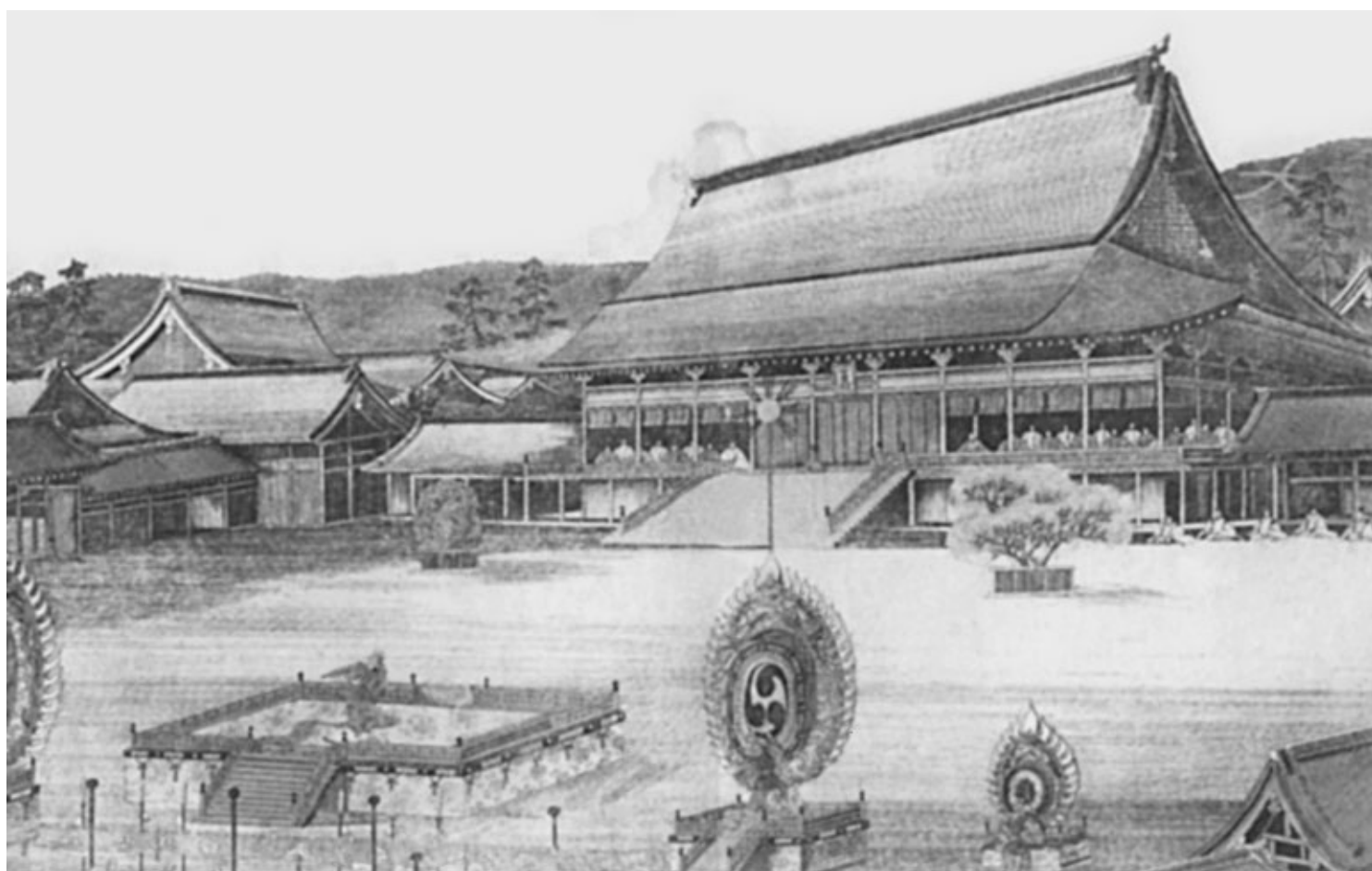
Сёгунат отстранил императора и его двор от принятия каких-либо решений, но сёгун считался назначенным только после того, как издавался указ императора. Европейцы, прибывавшие в Японию в середине XIX века, временами даже не знали, что «настоящий» император проживает в Киото. Они добивались аудиенции у сёгуна в Эдо, считая его полноправным монархом и не подозревая, что для занятия своего поста сёгуну требуется

одобрение со стороны императора. И пусть в действительности преемник сёгуна определялся в Эдо, процедура его назначения оставалась неизменной. Таким высочайшим авторитетом обладал насчитывающий многовековую историю институт императорской власти^[5].

Хотя сёгун и его правительство, составленное из потомственных военных (самураев), вроде бы и обладали огромными полномочиями, в их «подчинении» находилась страна, разделенная на три сотни княжеств. Несмотря на свои ничтожные размеры (средняя площадь княжества составляла всего около 1000 квадратных километров), каждое из них имело свое правительство и свою «столицу», в которой часто располагался и замок. Во многом благодаря этому Японию того времени можно считать весьма урбанизированной страной. Степень урбанизации Японии была приблизительно такой же, как в наиболее развитых странах Европы, и гораздо выше, чем в России. В японских городах проживало приблизительно 20 процентов населения, или около 5 миллионов человек. Города возникали также возле особенно популярных храмов и святилищ.

В стране насчитывалось около 350–400 тысяч самураев. Вместе с семьями – более 2 миллионов человек. Поскольку всякая деятельность помимо военной считалась несовместимой с самурайским статусом, подавляющему большинству выплачивалось жалование рисом. Редчайшая в феодальном государстве ситуация: дворяне, у которых не было земли. Редчайшая для средневековья ситуация: страна, живущая без войн – как внешних, так и внутренних. Разумеется, не все самураи жили без гражданского дела. Некоторые все-таки возделывали землю, некоторые открывали школы, некоторые ремесленничали. И все же столь высокая доля непроизводительного населения не может не вызывать удивления. Ведь это означает, что японский крестьянин мог прокормить всех этих горожан, то есть производительность крестьянского труда была весьма велика.

Многолюдие Эдо поддерживалось системой заложенничества. Князя вместе со своими семьями были обязаны являться в Эдо и жить там. Только по прошествии года им разрешалось вернуться в родное княжество. Тоже на год. Семья же оставалась жить в Эдо. На узких дорогах, ведущих в Эдо, часто можно было наблюдать многокилометровые княжеские процессии. Сам князь мог путешествовать и верхами, и в паланкине. Свита и охрана передвигались по преимуществу пешком. Заставляя князей жить на два дома, сёгунат намеренно истощал их финансы. Держа их неподалеку от себя под надзором многочисленных агентов, сёгун предотвращал возможность сговора. Расписание княжеских путешествий было составлено таким образом, чтобы они не могли повстречаться на одной дороге.

Тронный зал дворца Госё

Тронный зал дворца Госё

Система заложничества приводила к тому, что дети князей воспитывались в Эдо и теряли связи с той землей и с теми людьми, которыми им предстояло управлять. Многие из них считали себя столичными жителями, обитатели их собственных княжеств представлялись им

«деревенщиной». Эта система имела и другой важный побочный эффект: развитие сферы обслуживания. В начале XIX века Эдо был самым большим городом в мире – более миллиона жителей. Это были чиновники сёгуната, князья со своими огромными свитами, ремесленники, торговцы, работники развитой сферы обслуживания. Население Эдо в значительной степени состояло из командировочных мужчин, а им требовались гостиницы, едальни, бани, публичные дома, театры...

Княжества имели в Эдо свои усадьбы-резиденции. Они обладали экстерриториальностью – преступник мог скрыться там и сёгунат не имел легальной возможности вытребовать его. В этом смысле резиденции княжеств походили на посольства иностранных государств. Княжества имели собственные войска, правительство и не платили общенациональных налогов. Бюджет «страны» состоял из тех средств (в основном натуральной подати), которые получал сёгунат на территории, находившейся под его непосредственным управлением. Эта территория была достаточно велика, но доходов на проведение «общенациональной» политики, разумеется, не хватало. Князья могли согласиться поучаствовать в какой-нибудь совместной акции (например, отремонтировать дворец императора), но принудить их было нельзя. Страна была покрыта сетью застав, мосты и дороги не строились в достаточном количестве – Токугава опасались несанкционированного передвижения оппозиционных сил. В случае опасности князья были обязаны поставлять центральной власти в Эдо свои войска, но в условиях отсутствия внешней угрозы их главная обязанность превращалась в фикцию.

Резиденция княжества Сацума в Эдо

Князья вроде бы и подчинялись сёгуну, но все они делились на «чистых» и не очень. Когда основатель династии Токугава Иэясу пришел к власти, он поделил князей (даймё, букв. «большое

имя») на несколько категорий. Главными из них были следующие: «родственники» («симпан даймё», они состояли в родственных отношениях с домом Токугава); «союзники» («фудай даймё»), поддерживавшие основателя сёгуната Иэясу в его борьбе за объединение страны; «внешние князья» («тодзама даймё»), сражавшиеся против Иэясу. Хотя со времени окончания гражданской войны прошло два с половиной века, это деление продолжало сохраняться и никакой возможности перейти из одной категории в другую не существовало. Историческая память в Японии длинна, и «внешние князья» никогда не забывали, что их предки проиграли войну. Многие из них жаждали мести. Однако Токугава создали превосходную систему сыска, горизонтальной солидарности князьям не хватало, и за два с половиной века существования династии Токугава сёгунату ни разу не пришлось применять по отношению к князьям вооруженную силу.

Словом, сёгунату Токугава удалось создать конструкцию, благодаря которой страна длительное время пребывала в мире, но в основе этой конструкции были заложены такие решения, которые привели к распаду пирамиды власти при первом соприкосновении с внешним миром, от которого с таким тщанием закрывалась политическая элита. Это произошло к середине XIX века, когда западные державы стали требовать «открыть страну» все настойчивее. Хотя князья столь долгое время не поднимали никаких восстаний, многие из них вышли из подчинения, как только почувствовали, что поводья ослабли. На поверку оказалось, что лоскутное одеяло, составленное из лояльных прежде княжеств, не выдержало проверки на прочность. Это одеяло было сшито суровыми нитками, но оно все равно оставалось лоскутным.

События разворачивались в замке Эдо, обитатели дворца Госё в Киото были заняты «повторением прожитого»: церемониями и переживанием былого величия. Многим казалось, что так будет продолжаться вечно. И оказались неправы.

Часть I
Тень

1852 год

5-й год девиза правления Каэй. 1-й год жизни Мэйдзи

Император Комэй вел размеренную жизнь, время его заполнялось церемониями и ритуалами, расписание которых было известно на годы вперед. Он привычно занимался японской поэзией и изучением классических конфуцианских текстов. Когда же случалось солнечное или лунное затмение, что почиталось за дурной знак, двор из-за боязни скверны погружался в полную бездеятельность, а сам император пребывал за опущенными бамбуковыми занавесками, возле которых буддийские монахи возносили бесконечные оберегающие молитвы. Комэй находился за бамбуковыми занавесками, потому что смотреть на него не разрешалось. Император опасался сглаза, а монахи боялись, что, взглянув на него, они ослепнут. Времени у императора было много.

Детей у него появлялось на белый свет тоже немало, но они рождались болезненными, многие умирали. В течение многих веков круг брачных партнеров императорского дома был крайне узок, что, как известно, не способствует появлению здорового потомства. Кроме того, японские императоры вели крайне неподвижный образ жизни, придворные дамы одевали и раздевали их, стригли им ногти. Начиная с XVII века они практически не покидали пределы своего дворца Госё в Киото – сёгунат запрещал совершать любые выезды. Защиты же от гиподинамии в виде занятий спортом культурой выработано не было. Потребность в двигательной активности находила свой выход в общении с многочисленными женами и наложницами, но это зачастую вело к полному истощению. Императоры участвовали в многочисленных ритуалах, которые в Японии непременно сопровождаются винопитием. К концу своей недолгой жизни Комэй стал законченным пьяницей. Алкоголизм можно назвать профессиональным заболеванием японских императоров.

Со стороны придворных дам тоже было трудно ожидать помощи в деле появления на свет здорового потомства. Они тоже вели крайне изнеженный и малоподвижный образ жизни. И хотя средневековые женщины обычно разрешаются от бремени достаточно просто, источники уже хэйанского времени говорят о том, что для японских аристократок роды представлялись тяжким испытанием.

Однако этот год принес династическую удачу: 15 октября^[6] у наложницы императора Ёсико (1835–1907), дочери внештатного главного советника Накаяма Тадаясу (1809–1888), родился будущий император Мэйдзи. Ни один из его пяти братьев и сестер не пережил отца. Для того чтобы стать императором в будущем, от него требовалось только одно – выжить.

Роды случились около полудня. В соответствии с традициями роженица разрешилась от бремени в отцовском доме, который был расположен в нескольких сотнях метров от дворца. Когда весть о рождении сына доставили во дворец, Комэй потягивал свое предобеденное сакэ и любовался хризантемами в саду. Поскольку рождение ребенка считалось актом, который вызывает ритуальную нечистоту, на дворцовой кухне потушили огонь. Новый доставили из дома Кавабата Доки, поставщика рисовых пирожков. Его предки пекли императорам пирожки уже больше пяти веков. При дворе больше всего ценили постоянство, принцип наследственности занятий распространялся не только на самого императора, но и на все его окружение.

На шестой день после рождения ребенку дали его первое имя – Сатиномия («Счастливым принц»). В Японии было принято, что с переходом в следующую возрастную категорию человека нарекают по-новому, поэтому одним именем принц не ограничился.

Начиная с момента рождения Сатиномия придворные историографы вели летопись его

жизни. Вот принц сделал первый шаг, вот в первый раз сумел справиться с палочками для еды... Однако главным делом жизни японского императора было все-таки отправление ритуала. Поэтому ни одно ритуальное мероприятие, касающееся принца, не выпадало из поля зрения летописцев.

Первым делом следовало провести обряд «захоронения пуповины». Этот обряд – китайского происхождения, но он так давно укоренился в Японии (первые археологические свидетельства его проведения относятся к VII–VIII вв.), что воспринимался как свой собственный.

Вымытую пуповину положили в глиняный сосуд, который в свою очередь поместили в деревянное ведро. Ведро было обернуто в белый шелк. Его поставили на подставку вместе с двумя ножами (оберегающий амулет), двумя синими камнями (знак твердости и силы) и парой сушеных рыбок-гомамэ (их название омонимично фразеологизму «императорское здоровье»). На ведре были нарисованы сосны (символ долголетия), бамбук (упорство), черепахи (долголетие и мудрость) и журавли (на журавлях, согласно китайским легендам, путешествуют достигшие бессмертия даосские святые).

Воду для первого купания брали из колодца и смешивали ее с водой из главной реки Киото – Камогава. Младенец спал головой к югу или к востоку, его изголовье охраняла пара собак из папье-маше. Между псами находился нож-оберег, деревянная кукла, предназначением которой было «впитывать» дурные флюиды, не давая им добраться до ребенка. Кроме того, в комнате находились две сушеные рыбы «канагасира» («твердая голова») и два ведра – одно с рисом, другое – с синими камнями. Зерна риса были обернуты в серебряную фольгу. При каждом перемещении младенца перед ним разбрасывали эти зернышки для того, чтобы разогнать злых духов. На ведре с рисом были закреплены два белых шнура. Каждый раз, когда младенец чихал, на шнуре завязывался узел. Так продолжалось семь дней. Считалось, что чем больше узлов, тем больше лет суждено прожить ребенку.

Весь этот ритуальный антураж устраивался под руководством Цутимикадо Харэо (1827–1869), наследственного прорицателя и заведующего астрологической службой двора. Именно он определил с помощью гадания, что плацента должна быть захоронена в синтоистском святилище Ёсида, расположенном на востоке города.

Считалось, что род императоров ведет свое происхождение от богини солнца Аматаэрасу. Поэтому по случаю рождения принца его дед Тадаясу сложил:

Чудо случилось —
Радуюсь, что у меня
Внук богини,
С неба светящей,
Народился сегодня.

В то время сложение стихов было нормальным способом высказывания. На право «настоящего» придворного мог претендовать только тот человек, который обладал соответствующими навыками.

Плаценту удалось захоронить не сразу. Согласно прорицанию, первые три дня после рождения были признаны неблагоприятными. Следующий день пришелся на смену «малого сезона» (в году их насчитывалось 24) – тоже неудачное время. На шестой день у младенца полагалось сбривать на голове пушок и нарекать его именем, а на седьмой день проводилась поминальная служба по покойной сестренке Сатиномия. В общем, завершить обряд и избавиться от плаценты удалось лишь на десятый день.

Император Комэй увидел своего сына только по прошествии месяца. Именно такой срок полагался младенцу для того, чтобы очиститься от скверны, вызванной родами. Мать с сыном уселись в паланкин, их сопровождала процессия в несколько десятков человек. Путь оказался долгим – восемь человек понесли паланкин ко дворцу кружным путем, предписанным прорицателем. На лбу Сатиномия был выведен красным иероглиф «собака», который должен был охранять его.

Комэй одарил сына амулетами и игрушками. Принц не остался в долгу – от его имени император получил 100 золотых монет, превосходную бумагу, водоросли, сушеного лебзя, бутылку сакэ и свежую рыбу, которая была возложена на алтарь во дворцовом синтоистском святилище. После этого Сатиномия «пожелал» вернуться в материнский дом.

Именно так описывает летопись «Мэйдзи тэнноки» первое свидание между отцом и сыном. Она не делает скидки на нежный возраст сына, который предстает как человек, который в состоянии управлять своим поведением и от рождения знает, что следует преподнести своему отцу^[7].

В соответствии с древними установлениями ребенок императора воспитывался не во дворце, а в материнском доме. Однако сама мать, как и было положено даме на государевой службе, большую часть времени проводила во дворце. Главной воспитательницей младенца стала его прабабка Накаяма Цунако. К этому времени она уже обрила голову и стала буддийской монахиней, но когда ей приходилось «выходить в свет», надевала парик.

Жизнь в Киото текла размеренным и изолированным от внешних событий чередом, но на самом деле появлялось все больше свидетельств того, что в самом скором времени этому спокойствию настанет конец.

24 июля парусник «Князь Меншиков» доставил в порт Симода семерых потерпевших кораблекрушение японских рыбаков. Корабль принадлежал российско-американской полугосударственной торговой компании. Пользуясь случаем, она хотела установить торговые отношения с Японией.

Когда «Меншиков» бросил якорь, его буквально облепили японцы, желавшие осмотреть корабль. Они твердо знали: как только появятся чиновники, зевак мгновенно прогонят. Так и получилось. Торговых отношений завязать также не удалось, морякам запретили сходить на берег. Более того – власти настолько не желали никаких контактов с внешним миром, что даже отказались принять своих соотечественников. Капитан высадил их на берег в пяти милях от Симода.

Осенью голландцы известили сёгунат, что в следующем году следует ожидать прибытия в Японию американских кораблей. Это была неприятная новость, но голландцы и раньше предупреждали о предполагаемых визитах англичан, а те так и не добрались до Японии. Будоражить общественное мнение лишний раз не хотелось. Может быть, и на сей раз обойдется – надеялись в Эдо. Голландцы заведенным порядком общались с чиновниками сёгуна, до Киото их послания не доходили.

Япония жила по императорскому времени, девизы правления провозглашались от имени императора. Шел пятый год под девизом Каэй – «Благословенная вечность». Он предполагал, что правление пройдет без особых перемен, которые считались признаком упадка. Новоевропейская идея о том, что движение – это хорошо, показалась бы обитателям дворца Госё идиотической. Жизнь в Киото и вправду протекала своим размеренным чередом, но страна находилась на пороге гигантских перемен. Западные державы, одушевленные идеей «свободной торговли», требовали от Японии открыться миру и допустить иностранные корабли в свои порты. Еще в начале XVII века сёгуны Токугава изгнали европейцев.

Разумеется, если бы в то время Япония представляла для европейских держав настоящий

интерес, вряд ли они оставили бы ее в покое. Но, к своему счастью, страна была лишена сколько-нибудь богатых природных ресурсов – в первую очередь, золота. Пряностей, за которыми охотились европейские купцы, там тоже не выращивали. Серебро, конечно, там добывали, но найти его можно было и поближе. Поэтому-то Европа и оставила Японию на время в покое.

Но в XIX веке настали совсем другие времена. Европа и Америка искали теперь не только золото, но и рынки для своих товаров. Поэтому они требовали от Японии «свободы торговли». Для местной политической элиты трудно было представить себе более неуместного и абсурдного предложения. В то время на социальной лестнице Японии купцы занимали последнее место, хорошим тоном для «истинного» самурая было заявить, что он не в состоянии различить номинал монеты, оказавшейся в его руках. Слово «торговец» было для самурая чуть ли не бранным. И пусть теория оказывалась временами весьма далека от реальной жизни и самураям приходилось одалживать деньги у купцов и ростовщиков, но все равно одержимость западных людей торговлей и деньгами лишней раз служила неопровержимым подтверждением, что японцы имеют дело с настоящими «варварами». Желание торговать истолковывалось в том смысле, что там, на Западе, испытывают недостаток в тех вещах, которые имеются в Японии в избытке. И к тому же эти люди не знали китайского языка и не читали Конфуция. А ведь каждому известно, что именно в китайских книгах заключена вся премудрость.

Ретроспектива. В 1825 году Аидзава Сэйсисай написал трактат под названием «Новые предложения» («Синрон») – произведение, которое пользовалось большой авторитетностью. Он, в частности, утверждал: «Земля пребывает в своей твердости, она совершенно круглая, без граней и углов. Все существует в своей природной телесной форме, и наша Божественная Земля (т. е. Япония. – А. М.) расположена на самом верху земли. Хотя она не отличается обширностью, она управляет каждым уголком в этом мире, поскольку там [в Японии] никогда не менялись ни династия, ни форма верховной власти. Различные страны на Западе соответствуют ступням и ногам тела. Вот почему их корабли издалика приплывают в Японию. Что до страны, расположенной среди морей, которую западные варвары называют Америкой, то она расположена в самом дальнем уголке земли; поэтому-то ее люди глупы и просты, они не умеют ничего делать. Все это обусловлено природными причинами».

Аидзава Сэйсисай

Три века тому назад японцы называли европейцев «нанбан» — «южными варварами» — ведь они приплывали в Японию именно с юга. Теперь же это были просто «варвары» — они являлись со всех сторон. И все они были христианами. А вера в христианского бога однозначно ассоциировалась с агрессией. Японцы прекрасно знали, что Китай (великий Китай!) на глазах превращается в жалкую полуколонию.

Европейцы настаивали на открытии Японии. Но при этом они не могли привести никаких «благородных» аргументов, которые прекрасно «работали» в других азиатских странах. Они не могли сказать, что страна управляется плохо, что «аборигены» бесчестны, а власть коррумпирована. Они не могли сказать, что японцы голодают и не могут прокормить себя. Они не могли сказать, что японцы нечистоплотны, малокультурны, неграмотны и ленивы. Все эти аргументы применительно к Японии не обладали никакой убедительностью. Возмущение европейцев вызывала только «инаковость» японских традиций, которые им, европейцам, противны. Плохо, что они не верят в Христа. Но еще хуже, что они не желают торговать — так поступают только варвары. Японцы тоже считали европейцев варварами, но, в отличие от европейцев, они не желали просвещать их.

«Мы полагаем, что страна, которая владеет частью побережья Мирового океана, не имеет никакого права противиться торговле с другими странами... Мы настаиваем на том, что право цивилизованной страны, право христианской страны заключается в том, чтобы навязывать варварам соблюдение обычных норм международного права и определенных норм общения. Мы желаем того и уверены, что близится тот день, когда в рамках четких протекционистских правил мы будем доставлять в Японию множество текстиля и железа, а получать из Японии золото, серебро и древесину, из которой можно получать красители...»^[8] Это цитата из статьи, которая в марте этого года была помещена в американской газете «New York Courier», а затем

перепечатана во влиятельнейшей «Таймс».

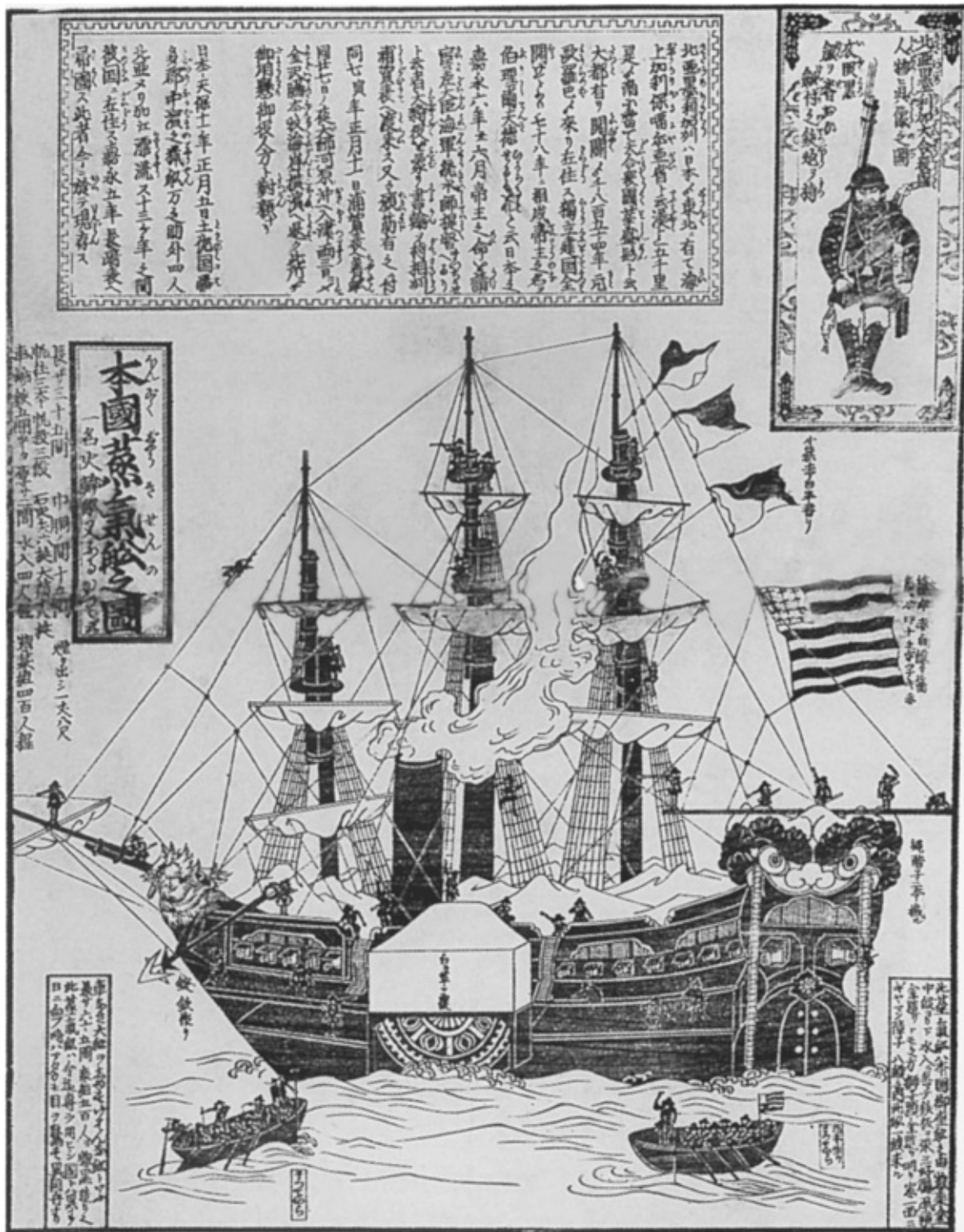
1853 год

6-й год девиза правления Каэй. 2-й год жизни Мэйдзи

Американская флотилия commodora Мэттью Перри (1794–1858), которая появилась в заливе Урага неподалеку от Эдо 3 июня (8 июля по григорианскому календарю), состояла из четырех кораблей. Еще восемь осталось в Китае. Задачей Перри было заставить японцев торговать. Он считал свою миссию делом государственной важности, он управлял своими подчиненными железной рукой и даже объявил, что все дневники, которые вели некоторые офицеры, являются государственной собственностью.

Корабли европейцев японцы традиционно называли «черными» – поскольку их борта делались из просмоленных досок. Теперь же они имели основания называть эти суда так еще и потому, что два корабля флотилии выпускали черный угольный дым – это были колесные пароходы под парусами (паровые фрегаты). Два других корабля были обычными парусниками.

О предстоящем визите Перри голландцы предупреждали сёгунат еще в прошлом году, так что прибытие эскадры не стало полной неожиданностью. Но действительность превосходила самые ужасные ожидания. Американские корабли передвигались с невиданной скоростью – 8–9 узлов (15–17 км в час), оставляя далеко позади себя преследовавшие их японские джонки, которые не были оснащены даже поворотным парусом. Размеры американских кораблей казались чудовищными. Достаточно сказать, что водоизмещение флагманского корабля составляло 2450 тонн! В Японии же строительство океанских судов было запрещено законом – сёгунат боялся, как бы купцы или искатели приключений не заплыли слишком далеко. А потому предел водоизмещения был положен в 150 тонн. Самураи были воинами, которые комфортно чувствовали себя на суше, море не было их стихией. Легко себе представить, какой ужас они испытывали перед гигантским кораблем, который был больше их джонок в 15 раз! Неудивительно, что народная молва, докатившись до Киото, превратила четыре американских корабля в сто, а 560 человек их экипажа – в сто тысяч. Слухи превращали американцев в настоящих зверей. «Очевидцы» утверждали даже, что они мочатся словно собаки – подняв и отставив назад ногу.

Листовка «каварабан» с изображением «черного корабля»

Грамотных в Японии того времени было немало: 45 процентов мужчин и 15 процентов женщин умели читать. Горожане быстро узнавали о произошедших катастрофах и крупнейших политических событиях. Этой цели служили экстренные выпуски цветных гравюр (нисики-э) и подобия газет – листовки, выпускавшиеся от случая к случаю. Первые «листовки» появляются еще в начале XVII века. Качество печати было неважным – ведь для быстроты формы для печати изготавливались из глины, а не из дерева, как то было в случае с гравюрами (известный японцам с XVI века подвижной металлический шрифт сколько-нибудь широкого распространения не получил ввиду непригодности к иероглифической письменности). Именно поэтому эти листовки получили впоследствии название «черепичных» («каварабан»). Современники же обычно называли их «ёмиури» («продажное чтение вслух»), поскольку разносчики для привлечения покупателей зачитывали наиболее завлекательные пассажи.

Нечего и говорить, что и сам Перри не казался японцам симпатичным. На большинстве гравюр того времени его рисовали так, что воинственные намерения Америки и лично Перри не оставляли никакого сомнения.

Хотя Перри по характеру и долгу своей службы был и вправду человеком немирным, но на самом деле выглядел он все-таки несколько по-иному.

Вызывали ужас не только размеры, но и огневая мощь американских кораблей. На всем побережье залива Эдо располагалось всего 98 пушек, из которых только одиннадцать были 50-фунтовыми. Что до американской флотилии, то она располагала более чем 60 такими орудиями. На тысячу японских воинов приходилось только 30 фитильных ружей. Перри было разрешено прибегать к силе только в случае самообороны, но ведь японцы об этом ничего не знали.

Американцы желали открытия портов и действовали приблизительно так же, как Англия в отношении Китая. Иными словами, речь шла о «политике канонерок». Английский флот был самым мощным в мире, но английские купцы не слишком хорошо понимали, чем им может быть выгодна Япония. Китай представлялся им необъятным рынком. На его освоение требовались многие годы. Так куда же спешить? Россия была больше обеспокоена колонизацией Сибири и континентального Дальнего Востока. Поэтому непосредственная инициатива по открытию японских портов перешла к Америке. Американцы вложили большие деньги в бурно развивавшийся китобойный промысел, а суда время от времени терпели крушения и нуждались в пополнении запасов. После опиумной войны Китай был теперь открыт и для американцев, а Калифорния с ее золотыми рудниками остро нуждалась во внешнеторговых партнерах. Нужно было сделать так, чтобы калифорнийское золото нашло себе достойное применение. Калифорнию присоединили к Америке всего пять лет назад, американский президент и конгресс были обеспокоены процветанием своих новых соотечественников.

Коммодор Перри

Ретроспектива. В 1846 году в районе Курильских островов и на Камчатке в охоте участвовало 70 тысяч китобоев на 736 кораблях. Они добывали ворвань и китовый ус^[9].

От Сан-Франциско до Гонконга, главного торгового центра Китая, лежал путь в 6149 морских миль, пароходы требовали угля, угля и еще раз угля. Япония с ее залежами угля на островах Кюсю и Эдзо (Хоккайдо) была единственным местом во всем Тихом океане, которое могло послужить промежуточной базой для американских кораблей. Каменный уголь, которому в тогдашней Японии особого применения не находилось, оказался востребованным. Два с половиной века назад европейским парусникам требовался только ветер. В отличие от сегодняшнего дня Япония середины XIX века представляла собой интерес в качестве поставщика природных ресурсов. О том, что этих ресурсов совершенно недостаточно для

индустриализации, заговорят только через три-четыре десятилетия.

Караульные суденышки окружили эскадру Перри, тот ответил предупредительным залпом. Японские власти несколько раз отправляли мелких чиновников к стоявшей на рейде флотилии. Но Перри не желал разговаривать с ними. Чиновники требовали, чтобы Перри отправился в Нагасаки – порт, который традиционно служил для встреч с иностранцами. Перри отказался. Вместе с отрядом матросов он высадился на берег и в деревне Курихама передал двум достаточно высокопоставленным уполномоченным сёгуната верительные грамоты и послание президента М. Фильмора, адресованное «императору», к которому американский президент обратился с подкупающей простотой: «Великий и хороший друг». Под «императором» он понимал тогдашнего сёгуна Иэёси (1793–1853). Фильмор писал своему «другу»: «Я, обладающий мощными военно-морскими силами, отправил адмирала Перри для того, чтобы он посетил известный город Вашего величества – Эдо – исключительно для достижения следующих целей: установление дружеских отношений; торговля; пополнение запасов угля, провизии и воды; обеспечение заботы о наших людях, потерпевших кораблекрушение».

Ссылаясь на то, что требования американского президента заслуживают тщательного обсуждения, а сёгун Иэёси тяжело болен, сёгунат попросил время на размышление, обещая дать ответ через год. Перри ответил, что в первый раз в качестве проявления «дружественных намерений» он прибыл во главе маленькой эскадры, но в будущем пообещал привести за собой более внушительные силы. Всего через несколько дней эскадра Перри снялась с якоря. Но поплыла она вовсе не в Нагасаки, а в Гонконг. Перри считал, что ждать ответа сёгуната на рейде означало бы не уважать себя.

Сёгунат решил проинформировать императора Комэй об иностранной угрозе только тогда, когда «черных кораблей» Перри уже и след простыл. Комэй отправил посланцев в семь синтоистских святилищ и семь буддийских храмов, чтобы они в течение семнадцати дней возносили молитвы о мире в стране. Это было единственное решение, которое он мог принять самостоятельно.

А что же принц Сатиномия? Пока сёгунат в Эдо ломал голову над тем, что делать с вражескими кораблями, он рос, временами хворал, над ним совершали обряды, изредка его приносили к отцу во дворец Госё.

Уполномоченные сёгуната говорили Перри правду: Иэёси был смертельно болен. Он скончался 22 июня. О его смерти было объявлено только через месяц. Затяжка с сообщением о смерти сёгуна или императора была нормальной практикой того времени. До этого дня решались все вопросы, связанные с правопреемством. Сёгунат пребывал в панике. Для того чтобы хоть как-то избавиться от американцев, в прошлом году Иэёси ограничил добычу угля на землях сёгуната, но издать такой приказ по всей Японии он не мог. Сёгунат пребывал в панике и прибег к немыслимой до этого времени мере – опросу князей и их вассалов по поводу того, что следует предпринять для защиты от «черных кораблей» Перри.

За всю свою историю вооруженные иноземцы приходили в «священную» Японию только один раз: это было в конце XIII века, когда отряды монголов попытались вторгнуться в Японию. Так что чувство независимости от «варваров» в самурайском истеблишменте было развито очень сильно. Оставалось только одно: решить, как это чувство преобразовать в конкретную программу действий. А вот с этим дело обстояло уже намного хуже. Мнения советчиков разделились: кто-то предлагал воевать, кто-то – согласиться с требованиями американцев ввиду неминуемого поражения. Большинство князей сочувственно относилось к предложению Симадзу Нариакira, князя Сацума с острова Кюсю: следует тянуть время и три года готовиться к обороне, потом изгнать американцев, а изоляцию страны сохранить. С этих пор лозунг «изгнание варваров» («дзёи») все больше входит в политический словарь эпохи.

Удивительнее всего, что на сей раз даже простым жителям Эдо предлагалось высказать свое мнение относительно внешней опасности. Однако если военное сословие представило более 700 ответов, то только девять простоллюдинов отважились сделать это. Они полагали, что давать советы сильным мира сего – не их дело. Большинство самураев тоже думали так. Мурата Сэйфу из княжества Тёсю писал: «Пусть мудрые преподносят свою мудрость; пусть мужественные защищают нас своим оружием; пусть богатые крестьяне и купцы преподносят рис, зерно, золото и серебро. Для обороны страны такое решение будет самым мудрым». Иными словами: пусть каждый занимается своим делом. Об организации «всенародного сопротивления» речи не шло. Предложение о переводе «внешних даймё» в разряд непосредственных вассалов Токугава, что могло бы обеспечить большее единство среди воинского сословия, также не рассматривалось.

Один житель Эдо предлагал установить в заливе плоты с пушками. Другой проект заключался в том, чтобы при появлении американских кораблей тысяча лодок вышла в море под видом торговцев. Эти «торговцы» должны были взобраться на борт американского корабля и поджечь пороховой арсенал. Третий план – опутать канатом гребное колесо парохода. Были поданы и совершенно фантастические предложения. Например, перегородить горловину залива с помощью взятых на кладбищах могильных камней. Словом, даже хваленая народная мудрость не могла придумать, как бороться с «варварами». Беспрецедентное обращение сёгуната к князьям и горожанам свидетельствовало о начале крушения векового порядка, который держался на полной секретности принятия решений. Решений, которые подлежат исполнению, а не обсуждению.

Тем не менее сразу после того, как эскадра Перри покинула Японию, сёгунат стал лихорадочно готовиться к обороне. Денег в казне не было, пожертвования и дополнительные поборы не могли исправить положения. Береговая оборона залива Эдо вышла неубедительной и никакой угрозы потенциальному противнику не представляла.

Россия не имела никаких особенных торговых интересов в Японии. Но и отставать от Америки она не желала. Поэтому при получении известия относительно американских планов было решено отправить в Японию вице-адмирала Е. В. Путятина. Так же как и Америка, Россия поручила решать дипломатические вопросы людям военным. Эскадра Путятина прибыла в Японию 18 июля 1853 года, всего несколькими неделями позже Перри. Плавание из Кронштадта заняло 10 месяцев. На Дальнем Востоке у России не было ни незамерзающих портов, ни мощного флота.

Путятин проявил больше внимания к местным установлениям, чем американцы: русские корабли бросили якорь не вблизи запретного Эдо, а в бухте Нагасаки – того города, который в течение последних веков был для Японии единственным окном во внешний мир. В составе эскадры находились четыре корабля, только один из них был паровым. Это была закупленная в Англии шхуна «Восток». Сам Путятин, однако, предпочел в качестве флагманского корабля привычный парусный фрегат под названием «Паллада». Встретившись с губернатором Нагасаки, Путятин спросил разрешения отплыть в Эдо, но получил отказ. Тем не менее ему удалось вручить письмо к эдосскому правительству. Оно было написано по-русски с приложением перевода на голландский и китайский языки. В российском МИДе, глава которого К. В. Нессельроде и подписал письмо, составленное в крайне уважительной манере, переводчики с китайского уже были, а вот переводчиков с японского еще только предстояло воспитать. В письме сообщалось о желании установить добрые отношения, выражалась надежда на открытие портов и территориальное размежевание по проливу Лаперуза. Речь шла о Сахалине и Курильских островах. Россия опасалась, что если не обозначить государственную принадлежность этих территорий сейчас же, то на них могут покуситься американцы. В то время на земном шаре было поделено еще не все.

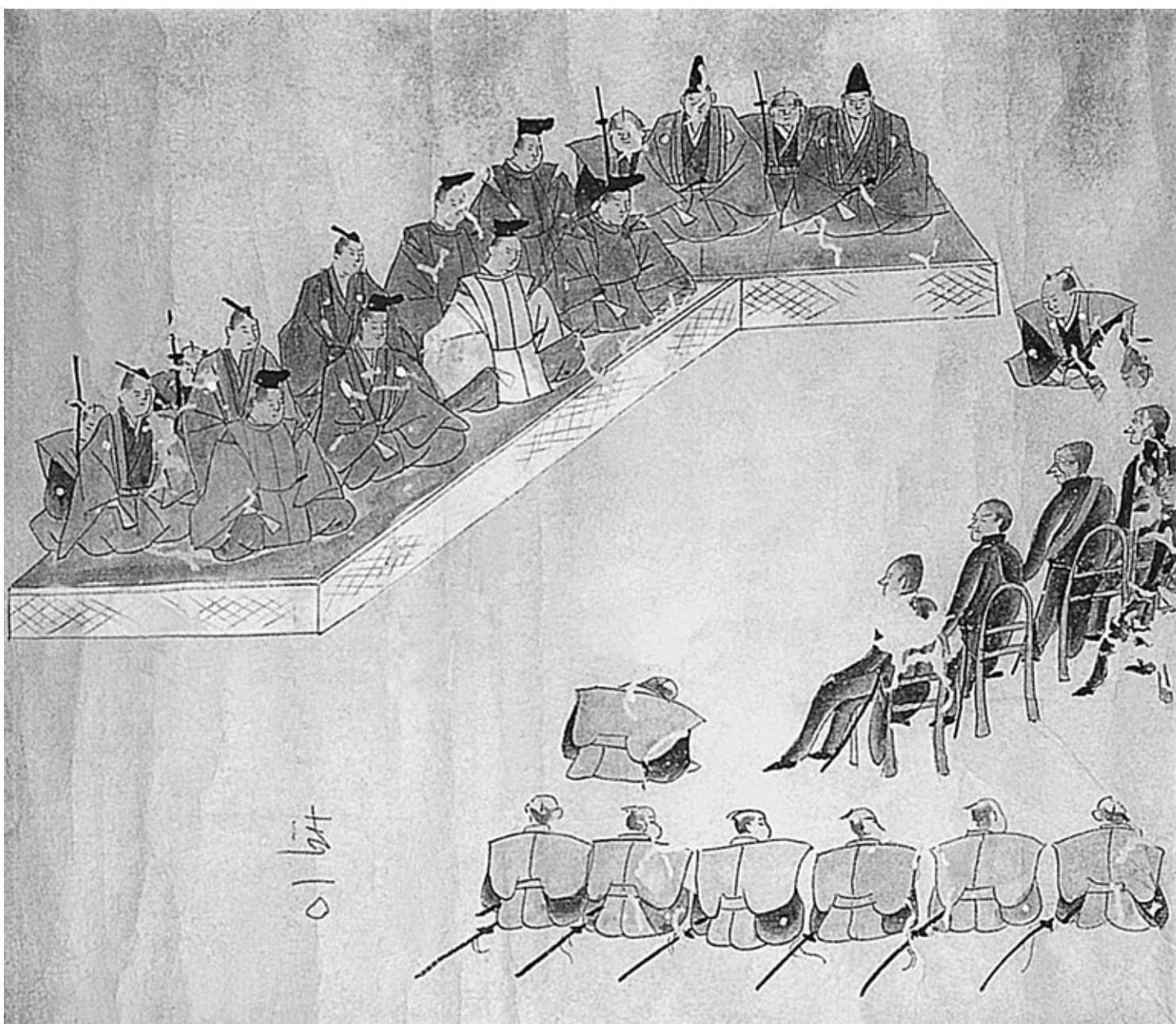
Е. В. Путятин

Поскольку ответ сёгуната ожидался не скоро, Путятин для пополнения запасов и ремонта судов отправился в Шанхай.

В октябре сёгуном стал Токугава Иэсада (1824–1858), четвертый сын предыдущего сёгуна. Всем заинтересованным лицам было прекрасно известно, что он слаб умом и телом, многие исследователи полагают, что он страдал эпилепсией. Поскольку для сёгунов, точно так же как и для императоров, не существовало жесткого порядка определения преемника, у Иэсада были более достойные конкуренты. Избрание сёгуном такого человека в критический для страны момент однозначно свидетельствовало: политическая элита утратила чувство реальности. Однако Комэй без лишних проволочек даровал Иэсада традиционный для сёгуна титул «покорителя варваров». В послании императора Комэй говорилось, что новый сёгун должен изгнать иностранные корабли.

Находясь в Китае, Путятин предложил Перри приступить к совместному «вскрытию» Японии и попросил взаймы 40 тонн угля. Уголь он получил, но от совместных действий Перри отказался. Путятин вернулся в Нагасаки в декабре. Перед отплытием он узнал о начале Крымской войны.

Путятин убеждал присланных из Эдо чиновников в разумности сделанных Россией предложений. Те не отвечали ни да ни нет, подчеркивая, что вопрос этот трудный и его обсуждение займет несколько лет. Переговоры сопровождались обедами и подарками. Не желая мучаться сидением на циновках, Путятин неизменно захватывал с собой на берег стулья. На японцев громадное впечатление произвели подаренные им карманные часы. Путятин подарил японцам и модель железной дороги. И. Гончаров, находившийся в составе команды в качестве секретаря Путятина, отмечал, в какой восторг привела чиновников модель паровоза, который впервые продемонстрировали на корабле: «Особенно с удовольствием ели они мясо и пили вишневку. Их всячески забавляли: показывали волшебный фонарь, модель паровоза, рельсы. С разинутыми ртами смотрели они, как мчится сама собою машинка, испуская пар...»^[10]

Переговоры российской делегации в Нагасаки

Однако «разинутые рты» не означали праздного восторга наивных аборигенов, из этого восторга были сделаны практические выводы. Вскоре местные мастера разобрали паровозик на части, сделали подробное описание его «начинки» и даже изготовили копию этой «огненной повозки с колесами». В то же самое время чиновники, которым по долгу службы позволялось общаться с «варварами», ужасно боялись бесконтрольного «нашествия» вещей с Запада. Они считали: свободная торговля подобна опиуму или алкоголю, она способна легко разрушить традиционный порядок, сделав народ «вещезависимым». И. Гончаров приводит такой весьма показательный эпизод. Путятин стал убеждать своего собеседника в выгодах торговли. Он, в частности, говорил, что окна в японских домах заклеены бумагой, отчего там делается темно и холодно. А стекло лучше бумаги и дешево. Русские же на Камчатке нуждаются в соли, они могли бы покупать ее у японцев и поставлять им соленую рыбу. Рис же можно покупать на Зондских островах, а свои руки употребить на добычу металлов. На что собеседник адмирала отвечал: «... Хорошо, если б иностранцы возили рыбу, стекло да рис и тому подобные необходимые предметы: а как они будут возить вон эдакие часы, какие вы вчера подарили мне, на которые у нас глаза разбежались, так ведь японцы отдадут вам последнее...»^[11]

Многие японцы тогда полагали: европейцы привезут множество безделушек, а взамен

заберут из страны все действительно нужные для жизни вещи.

1854 год

1-й год девиза правления Ансэй. 3-й год жизни Мэйдзи

Перри спешил, он хотел опередить Путятина и потому вернулся раньше обещанного срока, всего через полгода – 16 января, причем теперь в составе его флотилии насчитывалось уже семь кораблей. Через некоторое время к ним присоединилось еще два. На этих кораблях находилось 1600 матросов и 250 орудий. Успел Перри и выхлопотать новую должность. Теперь он аттестовал себя в качестве «специального посланника Америки в Японии». На сей раз флотилия приблизилась к сёгунской ставке еще ближе – корабли зашли в залив Эдо. На все уговоры вернуться в Урага, где японцы построили здание для переговоров, Перри ответил решительным отказом. Переговоры пришлось проводить в селении Канагава, всего в 30 км от Эдо.

Жилой квартал Канагава

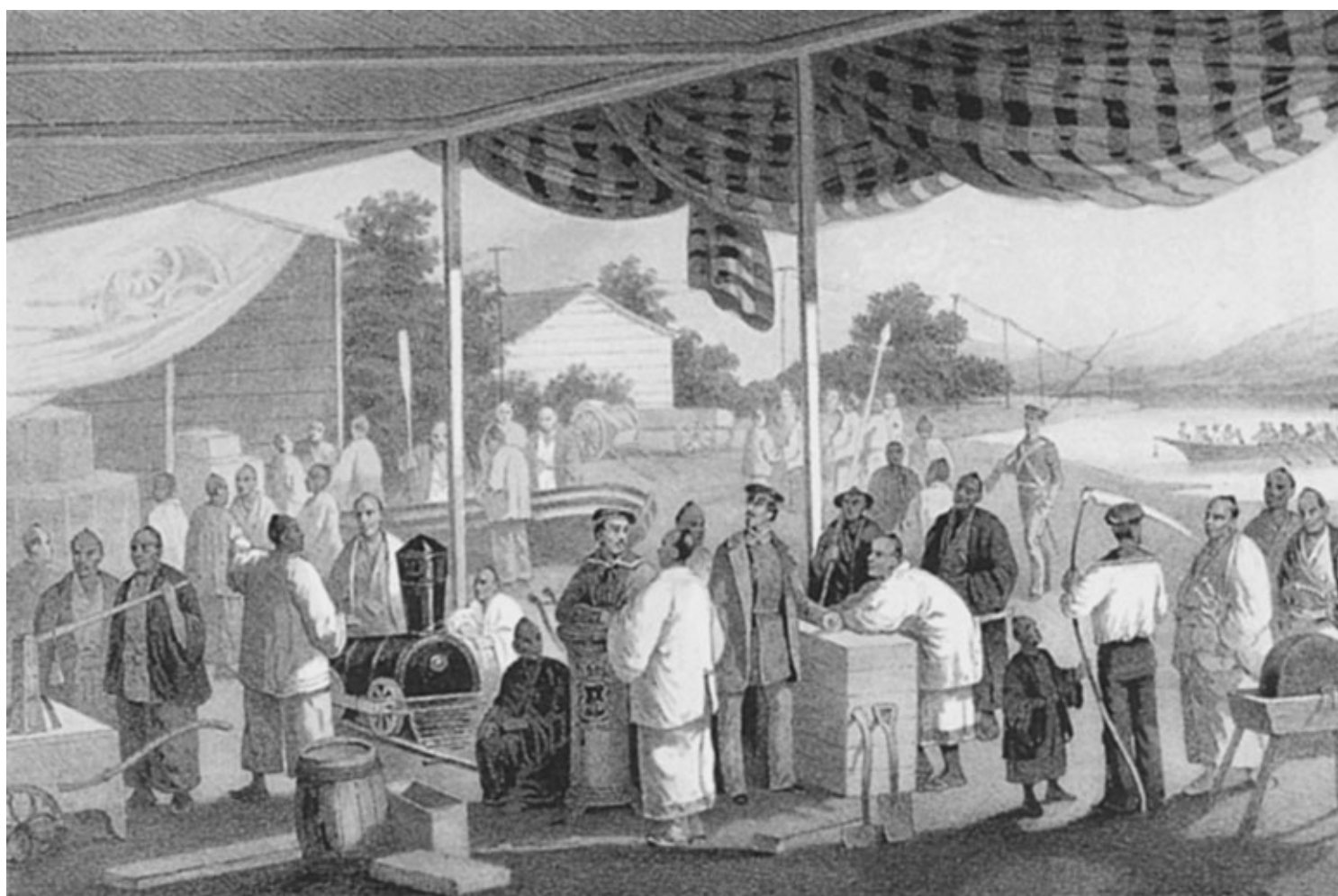
Сёгунат не знал, что ему делать с американской угрозой. Японские переговорщики тянули время, утверждали, что стране попросту нечем торговать. Но многие представители самурайского истеблишмента все-таки склонялись к тому, что Япония не в состоянии противостоять нажиму и возможной агрессии. Пример Китая, разгромленного англичанами в первой опиумной войне, стоял перед их глазами. А потому сёгунат посчитал, что следует из двух зол выбрать меньшее: разрешить заходить американцам в японские порты для пополнения запасов. Но в пункте, касающемся «свободной» торговли, японские переговорщики стояли

твердо. Перри не стал настаивать на нем, и 3 марта (31 марта по григорианскому календарю) 1854 года в Канагава был подписан первый японско-американский договор – «договор о дружбе». Теперь американские корабли могли заходить в порты Симода и Хакодате (оба они считались весьма неудобными с точки зрения судоходства), приобретать там уголь и провиант. Японцы обязались также оказывать помощь потерпевшим крушение морякам, в Симода открывалось консульство, Америка получала статус наибольшего благоприятствования. Путятин действовал уговорами, Перри – угрозами. И именно его тактика первой принесла успех.

Японские власти проявили нерешительность и пошли американцам на уступки. Тем не менее нити внутреннего управления сёгунат еще крепко держал в своих руках, система слежки и контроля над самими японцами еще находилась в работоспособном состоянии. Самурай из княжества Тёсю по имени Ёсида Сёин (1830–1859) вместе со своим младшим коллегой Канэко Сигэносукэ, замороженные огромными американскими кораблями, захотели переправиться через океан. Когда секретарь капитана совершал прогулку по берегу, они передали ему прошение. В послании на китайском языке они уподобляли себя хромоту, который увидел здорового человека и захотел научиться ходить по-настоящему; они уподобляли себя пешеходу, который увидел всадника и захотел научиться передвигаться таким же ловким образом. Словом, молодые люди просили американцев взять их с собой. Не дожидаясь ответа, они пробрались ночью на флагманский корабль «Миссисипи». Но Перри не желал осложнений с властями и распорядился отправить их на берег. Через два дня американцы увидели просителей в клетке, поставленной на берегу залива. Самураи нарушили один из главных запретов сёгуна: каждый должен знать только то, что ему положено знать. Чрезмерное любопытство каралось сурово, самураев посадили в тюрьму.

По случаю подписания эпохального договора Перри подарил японцам телеграфный аппарат и движущуюся модель паровоза – чтобы «аборигены» лучше ощутили, какие потрясающие возможности предоставляет им «настоящая» цивилизация. Паровоз с вагончиком пустили по рельсам, которые уложили кругом на берегу моря. Втиснуться в вагон взрослому человеку было невозможно, поэтому чиновники расположились на крыше. Но все равно поездка произвела грандиозное впечатление – поезд мчался со скоростью 32 км в час!

Вряд ли Перри было известно, что Путятин уже успел в прошлом году подарить японцам паровозик. Но Перри имел дело с центральным управленческим аппаратом, именно его подарок подвергся информационной «раскрутке», и большинство японцев до сих пор уверены, что это был первый паровоз, который увидели их соотечественники.

Паровоз, который Перри подарил японцам

Этот японский художник явно сам не видел паровоза и изобразил его в виде традиционной праздничной колесницы. На такую колесницу водружали переносной храм, в котором находилось вместилище синтоистского божества – синтай

Для испытаний аппарата Морзе протянули 1600 м проводов. Японцы были потрясены, но никаких практических выводов не последовало. Оборудование провалялось без дела в Эдо целых 15 лет. На ящике, в котором хранился аппарат, было написано «FOR THE EMPEROR OF JAPAN». Под «императором» Перри разумел сёгуна. Разбираться в хитросплетениях японской политики ему было недосуг. Он приплыл в эту страну на паровом фрегате, потопить который не могли ни сёгун из Эдо, ни император из Киото.

Уяснив себе, что японцы народ книжный, Перри привез с собой и книги самого разного содержания. Там были: огромный альбом «Птицы Америки», отчеты о работе конгресса, «Естественнонаучная история штата Нью-Йорк», «Геология Миннесоты», «Загородные дома». А еще Перри одарил высокопоставленных чиновников виски. Его объем был впечатляющим: на одного человека приходилось по 10 галлонов. Источники умалчивают о дальнейшей судьбе бутылок.

Как и всех других иностранцев, японцы одаривали американцев теми же самыми вещами, что и тысячу лет назад: шелк, лаковые изделия, керамика. Их «демонстрация силы» сводилась к демонстрации мощи борцов сумо. Своих книг «варварам» они не дарили.

Почти два с половиной века Япония пребывала в изоляции, и промышленная революция не коснулась ее. Века, проведенные в мире и спокойствии, подействовали на самураев

расслабляюще, а их лучшие в мире мечи оказались недостаточно длинными, чтобы представлять хоть какую-нибудь угрозу для иностранных судов с пушками на борту. Запрет на строительство крупнотоннажных судов привел к тому, что у Японии в решающий момент не оказалось боеспособного флота. Ошибку нужно было исправлять, сёгунат заказал в Голландии несколько пароходов и решил, что отныне японские корабли станут плавать под таким флагом: красное солнце на белом поле. Через два десятка лет именно этот флаг будет принят в качестве государственного.

Лето этого года выдалось на удивление жарким, в Киото не хватало воды. Снежников в Японии почти нет, горные реки питаются дождями. Полноводные в сезон дождей, они превращаются в ручейки в разгар лета. У Накаяма Тадаясу колодец тоже пересох. Он приказал вырыть новый в том месте, на которое указал ему прорицатель. Вода оказалась превосходной. Тадаясу доложил императору, что теперь нечего беспокоиться за здоровье его сына. Комэй распорядился, чтобы колодец носил имя сына – колодец назвали «Сати-но И» – «Колодец Счастья».

Борцы сумо переносят мешки с рисом

В этом году природа посылала грозные знаки один за другим. 6 апреля в императорском дворце Госё случился пожар, который уничтожил не только главные здания дворца, но и превратил в пепел еще 5400 домов, находившихся рядом с глинобитными стенами дворца. Император и принц Сатиномия были срочно эвакуированы в близлежащее святилище Симогамо.

4 ноября случилось землетрясение. Оно сопровождалось жуткими волнами, множество людей смыло в море. В это время в Симода, который стараниями Перри уже стал открытым портом, на фрегате «Диана» прибыл Путятин. Остальные корабли его флотилии готовились к военным операциям против англо-французской коалиции – Крымская война была в разгаре. Стихия разрушила порт, волны сорвали «Диану» с якоря, корабль был серьезно поврежден

носившимися по воде джонками. Команда высадилась на берег. Через какое-то время сотня японских джонок попыталась отвести «Диану» в закрытую бухту Хэда, но по пути туда налетел шквал, фрегат затонул. Домой было возвращаться не на чем. К счастью, среди спасенного имущества оказалась книга с чертежами небольшой шхуны. Под руководством русских моряков японские мастера построили шхуну «Хэда». Для японцев это был бесценный опыт в приобретении навыков современного кораблестроения. Часть русских моряков вернулась домой на «Хэде», часть – на американских коммерческих судах. Сделать это было не так просто – англо-французская эскадра пыталась заблокировать морские пути.

Прием в честь коммодора Перри

«Черепичные» листовки не упускали случая, чтобы посмеяться над европейцами и их «варварскими» манерами. На одной из них изображен банкет, устроенный в честь Перри. Из-за непривычки сидеть на полу офицерам поставили стулья. В связи с этим низкие столики, за которыми привыкли принимать пищу японцы, пришлось водрузить на настоящий стол. Американцы требуют выпивки, но изысканные угощения, которыми их потчуют гостеприимные хозяева, им не по вкусу. Им явно хочется мяса, а его тогда в Японии было не сыскать. Вместо мяса им подадут сырую рыбу, какой-то невыразительный бульончик и лапшу.

Первые попавшие в Японию русские тоже отнеслись к японской кухне с недоумением. Вот что писал И. Гончаров: «Поставили перед нами по ящику... Открываем – конфеты. Большой кусок чего-то вроде торта, потом густое, как тесто, желе, сложенное в виде сердечка; далее рыбка из дрянного сахара, крашенная и намазанная каким-то маслом; наконец, мелкие, сухие конфеты: обсахаренные плоды и, между прочим, морковь».

Отправляясь домой, русские нарушили японский закон – вывезли из страны японца по

имени Татибана Косай. Он был самураем в крошечном княжестве Какэгава, потом стал бродячим буддийским монахом, совершил убийство, скрывался от правосудия. Пока шло строительство шхуны, переводчик Путятин с китайского Е. Гошкевич сблизился с Татибана, который скрытно пробрался на русский корабль. На шее у японца висел крестик. По неподтвержденным данным, Татибана купил для Гошкевича географические карты, приобретать которые иностранцам было категорически запрещено. Не вызывает сомнения другой факт: Гошкевич помог Татибана пробраться на русский корабль. Его пронесли на борт в бочке, в которой якобы находились съестные припасы. Татибана удалось сделать то, чего не удалось сделать Ёсида Сёин.

Перспектива. После окончания Крымской войны шхуна «Хэда» была подарена Японии. По ее образцу в Японии построили еще шесть судов.

Однако ни кораблекрушение, ни неудачная для России Крымская война не помешали заключению российско-японского «Договора о дружбе» («Симодский трактат»). Он был подписан 21 декабря в буддийском храме Гёкусэндзи. Для российских судов открывались порты Симода, Хакодате и Нагасаки, государственная граница прошла между островами Итуруп и Уруп, Сахалин объявлялся зоной совместного проживания подданных обеих стран, учреждалось консульство, русские подданные получали право экстерриториальности. Россия стала четвертой страной, которая добилась открытия портов для своих судов. Договор с Англией был подписан 23 августа, для голландцев порты Симода и Хакодате открыли «по старой дружбе» 2 сентября.

Таким образом, Россия получила то, чего она добивалась уже полвека. Однако на самом деле заключение договора было скорее мероприятием имперского престижа, чем экономической выгоды. Редкое население почти не освоенного российского Дальнего Востока никаких товаров предложить японцам не могло. А везти их из европейской части России выходило слишком дорого.

Точно так же как и договоры с Америкой и Англией, японско-российский договор именовался «Договором о дружбе». Статья 1 гласила: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». В отличие от американцев Путятин подписывал договор, не имея за спиной корабельных орудий.

Поскольку природные и политические бедствия преследовали страну, решили прибегнуть к радикальной мере – сменить девиз правления. В отличие от Европы, где счет времени велся от Рождества Христова, в Японии вслед за Китаем применялись девизы правления – система, которая не имеет абсолютной точки отсчета. Девиз правления – это магическое благопожелание, под защитой которого пребывает сам император и его подданные. Каждый новый монарх непременно объявлял новый девиз правления. Однако в случае каких-либо особенно благоприятных знамений или же, наоборот, неудач девиз меняли, не дожидаясь конца правления. Таким образом, контроль над временем в странах конфуцианской культуры находился в руках монарха, а не церкви, как это было в христианской Европе.

Страна жила под девизом Каэй с 1848 года. Но пожар во дворце, природные бедствия и угроза со стороны иностранных держав с несомненностью свидетельствовали о том, что этот девиз исчерпал свои магические потенции. Придворные ученые из Киото обратились к классическим китайским текстам и предложили несколько вариантов, которые были посланы в Эдо. Сёгун остановился на девизе Ансэй – «Спокойное правление», который предложил представитель фамилии Сугавара, известной еще с X века. Самым знаменитым из всех Сугавара был Митидзанэ (845–903), признанный за свою ученость покровителем наук и учения. Девиз был введен в действие 27 ноября.

Девиз Ансэй основывался на максиме: «Если простые люди пребывают в мире с правительством, тогда правитель мирно пребывает на троне». Как и всегда, девиз был провозглашен от имени императора, но без санкции сёгуна он не мог вступить в силу. Тем не менее даже огромные распорядительные полномочия сёгуната не могли окончательно сломить традицию, и смена военного правителя никогда не приводила к смене девиза. Указ был составлен в лучших традициях древности. Фразеология, к которой прибег император, может показаться европейскому читателю удивительной: вину за все несчастья, постигшие страну, Комэй взял на себя. Он имел в виду древнюю концепцию императорской добродетельности (яп. *току*, кит. *дэ*)^[12].

Добродетельность-дэ – это сакральная энергетика, необходимая монарху. В Китае считалось, что с установлением новой династии она получает «мандат Неба» на правление и обладает достаточным запасом добродетельности, который, правда, конечен и неминуемо растрачивается с течением времени. После того как запас подходит к концу, появляется новая династия с новым запасом дэ. Эта династия получает приказ Неба занять трон. Так что в китайскую политическую модель «встроена» смена династии. Несмотря на многочисленные заимствования из Китая в области политической теории, в Японии с ее непрерывной династией концепция мандата Неба была отвергнута. Понятие же добродетельности-дэ применялось не по отношению ко всей династии, а по отношению к конкретному монарху^[13]. Для очень многих японских императоров древности и средневековья именно недостаток добродетельности-дэ служил причиной и предлогом для отречения. Однако при сложившихся обстоятельствах обращение к теме добродетельности служило не доказательством слабости императора, а демонстрацией его силы. Беря ответственность на себя, Комэй утверждал, что власть принадлежит (или должна принадлежать) императорскому двору.

Смена девиза правления сопровождалась и другими проверенными столетиями ритуальными мероприятиями: амнистией и подарками престарелым. Обе эти меры использовались уже в VII веке. Считалось, что они угодны Небу. Сколько было помиловано преступников – неизвестно. Что до подарков, то столетним долгожителям полагалось четыре коку (1 коку равняется приблизительно 150 кг) риса, девяностолетним – три, восьмидесятилетним – два, семидесятилетним – один. Средняя продолжительность жизни в Японии составляла тогда около 40 лет.

После пожара дворец императора был восстановлен достаточно быстро – работы заняли год и семь месяцев. Сёгунат предложил императору сделать свои предложения по улучшению планировки и дизайна, но Комэй отвечал, что страна находится в трудном положении, и попросил оставить все как есть. Экономность и бережливость относятся к традиционным достоинствам образцового дальневосточного правителя. Комэй желал походить на идеал.

1855 год

2-й год девиза правления Ансэй. 4-й год жизни Мэйдзи

Через год после того, как Перри подарил японцам паровозик, его продемонстрировали сёгуну Иэсада. Но сёгун в отличие от князей юго-запада не отдал специалистам приказа разобраться в хитром механизме. Этот не слишком значительный, на первый взгляд, эпизод вполне символичен: по нему хорошо видно, что юго-западные княжества обладали в то время большей витальностью и относились к европейской цивилизации с гораздо более деятельным любопытством, чем центральное правительство^[14]. Именно через «южные ворота» проникали в страну различные технические новинки: это и техника судостроения, и военное дело, и фотография. Князья с юго-запада были людьми деятельными и умными, чего не скажешь о сёгуне Иэсада. Его окружение было сообразительнее его самого, но соседство с ним, похоже, не шло им на пользу.

Угроза со стороны Запада ощущалась не только в верхних эшелонах власти, но и на низовом уровне. Замечательно, что простое население отвечало на вызов Запада усилением образовательной активности. В особенности много школ стало создаваться начиная с 30-х годов XIX века, когда ежегодно открывалось по 140 школ. Теперь число открываемых школ уже переваливало за 300. Большинство из них создавалось при буддийских храмах. Однако термин «храмовая школа» («тэракая») не должен вводить в заблуждение – это были светские заведения, преподавателей-монахов там было мало. Помимо «храмовых школ» существовали и элитные школы, владельцами которых были князья и самураи.

Иными словами, «кризис» конца эпохи Токугава характеризовался настоящим расцветом образования. При этом следует помнить: в организации школьного дела на низовом уровне государство не принимало никакого участия. Однако сама «низовая» Япония ответила на вызов Запада резким увеличением интеллектуальной активности. Это был уникальный способ приспособления к изменившейся ситуации. Многие японцы понимали, что справиться с угрозой можно только догнав Запад в знаниях.

Несмотря на недавнюю смену девиза правления, страну продолжали преследовать несчастья. В сентябре, то есть менее чем через год после провозглашения девиза Ансэй, из-за затяжных дождей уровень рек в Киото поднялся, устояли только два моста над рекой Камо. А 10 октября разразилось страшное землетрясение, больше всего пострадал Эдо.

В то время вина за землетрясения возлагалась на гигантского сома. Считалось: стоит только пошевелить ему хвостом, как тут же начинает трястись земля. На сей раз на японцев особенно сильное впечатление произвело время землетрясения. Дело в том, что 10-я луна считалась временем, когда все синтоистские божества отправляются на свой «съезд» в провинцию Идзумо (совр. префектура Симанэ). Оттого-то этот месяц люди называли «каннадзуки» – «безбожным». Таким образом, когда божества отправились в «служебную командировку» и еще не успели вернуться домой, сом воспользовался их отсутствием для нанесения разрушительного удара своим хвостом, в результате которого, по оценкам источников того времени, погибло более ста тысяч человек (правда, современные исследователи находят эту цифру сильно преувеличенной).

Но, похоже, не всех японцев землетрясение привело в ужас. Бедствие воспринималось многими из них как небесная кара, направленная против владельцев сокровищ, нажитых бесчестным путем. Действительность давала определенные основания для такого заключения: ведь наибольшие потери в абсолютном исчислении понесли именно богатеи. А потому наивные люди полагали, что вслед за бедствием наступит коренное улучшение быта, ибо землетрясение

якобы разрушает не только города, но и условия, когда одним – все, а другим – намного меньше. Для этих людей землетрясение было «исправлением, обновлением жизни» («ёнаоси»). Бедствие свидетельствовало о том, что страна управляется из рук вон плохо. Именно таким образом трактует дальневосточная политология землетрясения. Они – знамение того, что нынешний режим утратил доверие Неба и божеств. Под «режимом» тогда понимался не императорский двор, а сёгунат.

Америка и сом перетягивают канат

После землетрясения, как это повелось, были выпущены «черепичные листки», рассказывающие о бедствии. На одной из картинок в уста сому вкладываются такие слова: хотел я, мол, по Америке хвостом ударить, да только по ошибке в Японию угодил. Нечего и говорить, что имелись в виду события, связанные с американской политикой «выкручивания» японских рук.

Нельзя сказать, что сёгунат бездействовал. Нет, он отдавал приказы. Например, переплавить колокола буддийских храмов на пушки. Но что могли «самопальные» бронзовые орудия против европейских, сработанных на заводах? Сёгунат отдавал распоряжения княжествам усилить береговую оборону и перевооружаться на европейский лад, но у них не было на это ни достаточных средств, ни умения.

1856 год

3-й год девиза правления Ансэй. 5-й год жизни Мэйдзи

Принц Сатиномия, будущий император Мэйдзи, которому предстояло стать символом современной Японии, воспитывался в духе тысячелетних традиций. Он должен был соблюдать многочисленные табу, предписанные его происхождением. В этом смысле средневековые правила поведения в любой стране одинаковы: чем выше статус человека, тем менее свободен он в своих поступках.

В Японии лица императорской фамилии, опасаясь сглаза, не показывались подданным. За пределами дворца они были обязаны передвигаться исключительно в паланкине, на крыше которого красовалась птица-феникс, считавшаяся императорским знаком. Собственно, это была не совсем птица, а «мифологический гибрид»: верхняя часть его головы взята от петуха, нижняя – от ласточки, шея – от змеи, спина – от черепахи, а хвост – от рыбы. Это существо считалось символом благодетельного государя.

Малолетний Сатиномия должен был следовать этому запрету – не показывать свое лицо. В принципе, в нем нет ничего необычного – в Московской Руси царевичи до 15 лет тоже не показывались на людях. Если же они и отправлялись куда-то (скажем, в церковь), то их скрывали от глаз посторонних суконные полы. В Японии, правда, подобный запрет распространялся и на взрослых членов царствующего дома.

29 апреля пока что четырехлетнему Сатиномии предстоял визит во дворец к своему отцу. Ему был предложен паланкин, но принц решительно отказался забираться в него, так что няньке пришлось тащить принца на руках. Пришлось также занавесить весь путь от дома деда до дворца. Такие занавески оберегали Сатиномию от сглаза все его детство^[15].

Биографы Мэйдзи часто отмечают, что взрослый император не слишком любил, когда на него смотрят. Следует помнить: эта «нелюбовь» – побочный продукт его традиционного воспитания.

Сатиномия бывал во дворце все чаще, обменивался подарками с отцом, играл в саду. Его прабабка Цунако нередко сопровождала его. Наблюдая, как он карабкается по устроенному в саду каменному мостику, она сложила:

Сын солнца,
Тебе предстоит покорить
Немыслимые высоты...
Вот в первый раз переходишь
По небесному мосту из камня.

Прабабка была человеком «мифологической закалки» – своим стихотворением она намекала на фигурирующий в синтоистском мифе мост, который соединяет Землю и Небо. Происхождение будущего императора от богини солнца Аматэрасу гарантировало ему, что он принадлежит как Земле, так и Небу. Родившись на земле, он должен закончить свой путь на Небе – точно так же, как и его предшественники. Когда они попадали на Небо, они скрывались в Небесной пещере, и тогда в мире наступала тьма. А чтобы не происходило утраты – хотя бы временной! – света, японские императоры взяли за правило отречься от трона. На трон немедленно всходил преемник, и тогда дела в Поднебесной продолжали идти своим чередом.

Осенью Комэй повелел, чтобы Сатиномия перебрался во дворец Госё на постоянное жительство. В очередной раз принц отказался от паланкина, который загрузили амулетами. Рядом с ними сидела Ёсико, мать Сатиномия. Сам принц шел пешком.

«Семейные» отношения при дворе отличались крайней запутанностью. Император выступал в качестве хозяина гарема, располагавшегося в женской части дворцового комплекса. Неудивительно, что детей у императора могло быть немало. Так, у Гомидзуноо (1611–1629) было больше тридцати детей. Дать всем им, включая дочерей, приличное содержание не было никакой возможности, а потому многих из них предпочитали отправить в монастырь.

Помимо наложниц, у императора была и главная жена. Считалось, что именно ее дети имеют лучшие шансы на занятие престола. Однако болезни супруги и смерти ее детей часто приводили к тому, что занять престол было некому. И тогда императрица усыновляла ребенка какой-нибудь из наложниц. Для японского общества, где институт приемных детей получил чрезвычайно широкое распространение среди всех сословий, в этом не было ничего необычного. Присвоение фамилии было более важным, чем реальное кровное родство. Наложницы рассматривались как «сосуды» для вынашивания императорских детей. Попасть в наложницы было весьма почетно и выгодно как для самой женщины, так и для ее родственников, но наложница не имела права на общественно признанную супружескую жизнь. Права определять дальнейшую судьбу детей матерям также не предоставлялось.

Вот почему уже вскоре после рождения сына Ёсико передала свои материнские права императрице Тёси (в девичестве – Кудзё Асако). При этом никакого секрета из того, кто является биологической матерью принца, при дворе не делалось. Ёсико вместе с Сатиномией поместили в «Цветочный павильон», где она получила возможность заботиться о сыне. При этом матерью он называл не ее, а императрицу.

С переездом во дворец у мальчика развилась бессонница. На любую неприятную ситуацию двор отвечал привычным способом: молитвами. Вот и на сей раз во дворец призвали буддийских монахов. В доме деда Сатиномия болел довольно часто. От ветрянки его лечили заклинаниями и средствами китайской медицины. Но жизнь брала свое, европейские науки и умения проникали в страну. Беспокоясь о здоровье внука, дед настоял, чтобы принцу сделали прививку от оспы, что было тогда большим новшеством.

Вряд ли Ёсида Сёин знал о таких подробностях жизни императорского двора. Но он был уверен, что является подданным императора. Его уверенность питалась феодальными корнями. В одном из писем этого года он утверждал: я – вассал Мори (князь Тёсю), Мори – вассал Сына Неба (императора), а потому и я должен быть преданным императору^[16]. О преданности императору «напрямую» речь пока что не шла, но и перемена в строе мысли была огромной: Ёсида, а вместе с ним и многие другие самураи уже не считали своим сюзереном сёгуна.

В августе в Симода прибыл американский генеральный консул Таунсенд Гаррис. Он был «специалистом» по Азии. До этого Гаррис занимался тем, что «выкручивал руки» королю Сиама. В Японии он обосновался в буддийском храме Гёкусэндзи. Трудно себе представить, чтобы какая-нибудь из европейских стран позволила бы иноверцам обосноваться в христианском монастыре^[17]. Как покажут все последующие события, многие японцы проявят себя «фанатиками». Но религия здесь окажется ни при чем. Или почти ни при чем. Это будут ксенофобы – ненавистники иностранного вообще. В том числе и христианства.

1857 год

4-й год девиза правления Ансэй. 6-й год жизни Мэйдзи

Европейским державам и Америке договоры о дружбе представлялись лишь первым шагом к «открытию» Японии. Почувствовав военную слабость Японии, они стремились развить успех и добиться разрешения на полноформатную торговлю.

Особую активность проявляла Америка. Пытаясь хоть как-то «сохранить лицо», сёгунат старался, чтобы уступки делались не от имени правительства, а от имени местных властей. 26 мая представители магистрата Симода подписали с Гаррисом договор, согласно которому для американских судов был открыт порт Нагасаки, а находящиеся в Японии американцы в случае совершения ими преступлений передавались не в руки японского правосудия, а американскому консулу. То есть американцы получили право экстерриториальности – право, которым пользовались представители «цивилизованных» держав в колониальных странах. Разумеется, магистрат крошечного городка, население которого еще не успело справиться с последствиями недавнего землетрясения, с точки зрения международного права не имел никаких формальных прав на подписание межгосударственного соглашения. Магистрат действовал по указанию из Эдо, но все равно Гаррис опасался: в любой момент японцы могли заявить, что договоры, не подписанные самим сёгуном, не имеют юридической силы. Поэтому Гаррис добивался аудиенции у сёгуна Иэсада. Ведь следующей задачей Гаррис поставил заключение договора о торговле. А уж этот договор должен быть обставлен так, чтобы никто не смог дезавуировать его.

21 октября Токугава Иэсада наконец-то дал аудиенцию Гаррису в своем замке в Эдо. Гаррис три раза поклонился сёгуну, который сидел в кресле, установленном на возвышении. После этого он через Хотта Масаёси (1810–1864), члена Совета старейшин (правительство сёгуната), передал ему послание, подписанное президентом Франклином Пирсом. В этом письме сёгун именовался диковинным словом *tusoon*. Это слово происходило от японского «тайкун» – «великий повелитель». Этот термин был лингвистическим изобретением чиновников сёгуната. Он стал употребляться ими в дипломатической переписке с Кореей, которую, несмотря на добровольную изоляцию, Япония считала своим вассалом. Называть сёгуна «императором» у них не поворачивался язык, а представить его в качестве «генерала» (а именно так переводится «сёгун»). Выходило не слишком впечатляюще.

В послании американского президента говорилось, что консул Гаррис облечен всеми полномочиями по ведению торговых переговоров. В конце аудиенции Иэсада произнес двусмысленную фразу: «Наши отношения будут длиться вечно». Какого рода отношения имел он в виду? Во время аудиенции Иэсада престранно запрокидывал голову, одновременно притопывая правой ногой.

Гаррис прекрасно понимал, что нынешний сёгун – фигура сугубо церемониальная и переговоры по конкретным вопросам следует вести совсем с другими людьми. Поэтому через пять дней он посетил реального главу сёгунской администрации – Хотта Масаёси. Американский консул употребил все свое красноречие, чтобы доказать: в эпоху паровозов и телеграфа мир стал теснее, он стал похож на одну семью. А потому Япония должна предаться выгодам свободной торговли. Гаррис утверждал также, что договор с Америкой поможет Японии избежать злодейского вторжения Англии. Америка же, в свою очередь, милостиво запретит в Японии продажу опиума, чем ее действия будут выгодно отличаться от поведения Англии в Китае. К тому же, вкрадчиво заключал он, заключенный добровольно договор намного почетнее соглашения, подписанного под жерлами корабельных орудий.

Гаррис направляется на аудиенцию к сёгуну Иэсада

Употреблявшаяся Гаррисом метафора «семьи» была близка и понятна японцам. Конфуцианские мыслители Китая и Японии усиленно подчеркивали важность семейных связей и необходимость заботиться друг о друге. Так же хорошо они знали и то, что в семье есть глава — отец, есть сын старший и сын младший. В семье, в которую предлагалось войти Японии, ей отводилась не слишком завидная роль младшего сына.

Однако делать было нечего. Хотта посчитал, что тянуть время не имеет смысла: только подражая «старшим», Япония сумеет стать как «они», а со временем и превзойти их.

Желая поближе познакомиться с противником, японцы с энтузиазмом приступили к изучению американских книг. Однако на все требования стать «открытее» они старались, чтобы иностранцам было известно о Японии как можно меньше. В конце этого года сёгунат приказал книготорговцам: завидев иностранца, вы должны убирать с прилавков географические карты и сочинения по географии, списки чиновников сёгуната и князей, книги по военному делу. В дальнейшем список книг, которые запрещалось продавать иностранцам, дополнили. В отличие от сегодняшнего дня, когда японцы активно поощряют изучение своей страны, в те времена они хотели, чтобы мир знал о них возможно меньше. Впрочем, европейцев, владевших японским языком, были единицы. Запад не особенно усердствовал в изучении Японии, он больше полагался на корабли и пушки. Когда же европейцам действительно требовались «запретные» книги, они посылали за ними своих японских слуг, которые без труда приобретали их.

Ретроспектива. В 1829 году немецкий врач голландской Ост-Индской компании Филипп фон Зибольд был выслан из Японии за попытку вывезти из страны географическую карту. Японцы, способствовавшие приобретению карты, подверглись жестоким репрессиям.

Многим было понятно, что сёгунат не в состоянии справиться с иностранной угрозой. Со стороны князей поступали предложения, как реформировать его. Мацудайра Ёсинага, князь Этидзэн, выдвинул в этом году предложение включить в состав правительства «внешних князей»^[18]. Разумеется, это было бы невиданным новшеством, подрывающим всю «систему

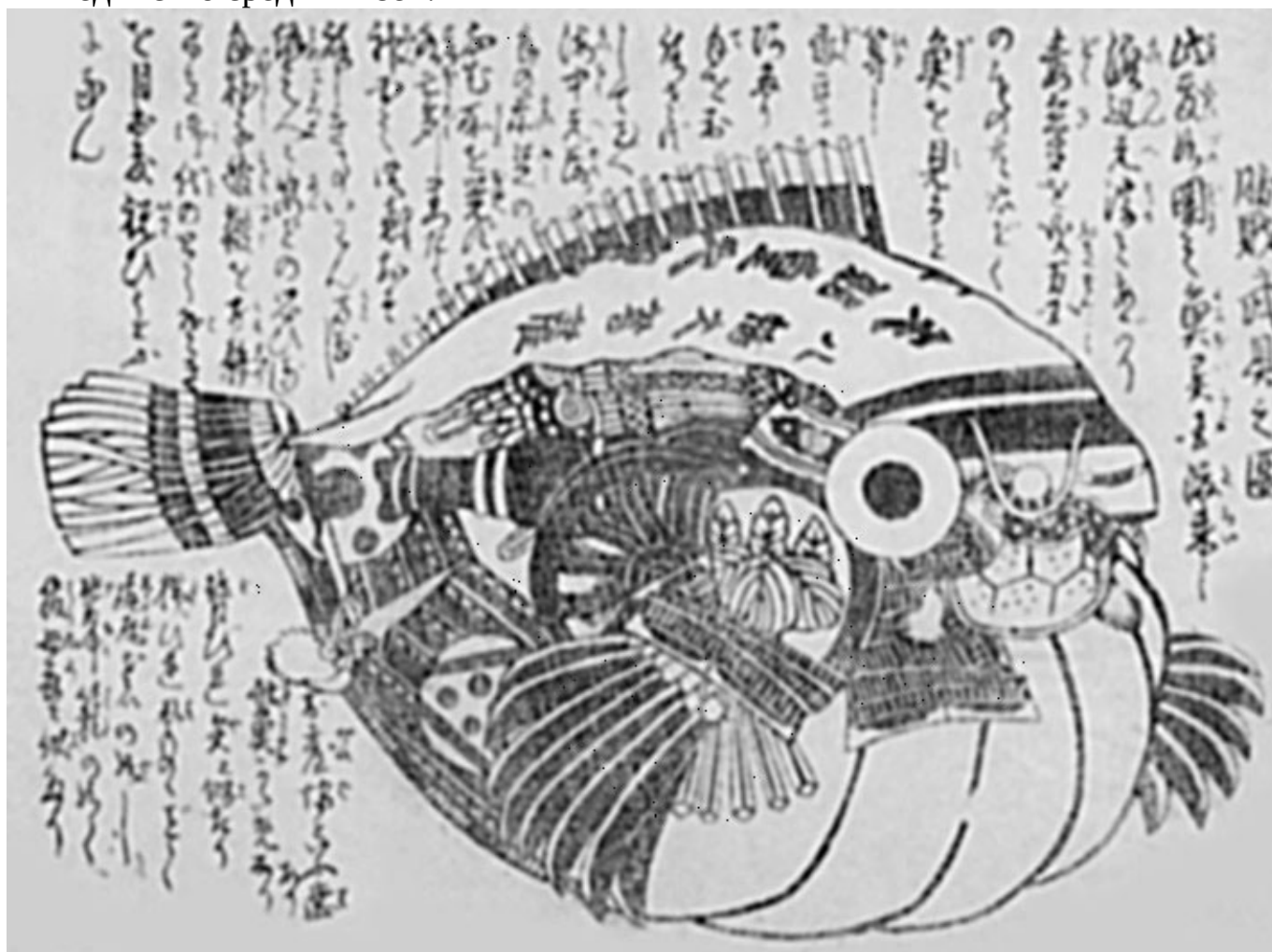
сдержек и противовесов» Токугава, но ведь такая реформа могла бы в результате обеспечить большее единство. Предложение услышано не было.

1858 год

5-й год девиза правления Ансэй. 7-й год жизни Мэйдзи

Угрозы и посулы Гарриса возымели действие, и Хотта Масаёси пообещал удовлетворить требования Америки. Начались переговоры, сёгунат склонялся к подписанию договора о торговле.

Однако многие даймё все равно выступили против договора, и тогда Хотта решил заручиться поддержкой императора – послал ему отчет о проведенных переговорах, а затем отправился в Киото сам. Это был беспрецедентный поступок: императора было принято информировать задним числом о том, что уже безвозвратно случилось. Хотта же вознамерился вовлечь его в процесс принятия важнейшего для страны решения. Это свидетельствовало о неуверенности в своих силах. В то же самое время Хотта был абсолютно уверен, что Комэй по заведенному обычаю не станет возражать против решения сёгунского правительства. И оказался неправ, потому что Комэй отказался одобрить договор с Америкой, приказав сёгунату сначала обеспечить единство среди князей.

Иностранный корабль в образе рыбы фугу

С этого времени вмешательство императорского двора во внешнюю политику сёгуната становится все более заметным. Комэй, похоже, искренне ненавидел иностранцев. При этом ни одного из них он не видел ни разу в жизни. Точно так же, как и подавляющее большинство простых японцев, для которых уподобление «черных кораблей» сверхъядовитой рыбе фугу не выглядело чересчур вольным.

Комэй жил, не выходя за пределы своего дворца в Киото, не соприкасаясь с мирскими делами. Все основные решения в течение двух с половиной веков принимались в Эдо. Естественно, что именно там отдавали себе более адекватный отчет о том, что происходит в стране и со страной. Комэй же исходил из древней и имеющей мало отношения к действительности теории устройства мира.

Ретроспектива. Еще в конце VII века для обозначения верховного правителя в Японии стал использоваться даосский термин «тянь-хуан» (яп. «тэнно»). Он обозначал небесного императора или же Полярную звезду. Тэнно является верховным божеством даосского пантеона и пребывает в небесном «фиолетовом дворце» (фиолетовый – цвет, маркирующий наибольшую сакральность), откуда он управляет даосскими мудрецами. Земной император уподоблялся небесному, а его придворные – небожителям. Все вместе они образовывали нечто вроде пантеона. Жители страны благодетельствованы уже одним тем, что находятся в сфере действия сакрального и всеблагого энергетического поля императора, поля, которое из дикарей превращает их в «настоящих» и полноценных людей. Варварами же являются существа, находящиеся за пределами этого поля. В древности считалось, что это корейцы – на западе, племена на островах, прилегающих к Кюсю, – на юге. Поскольку к востоку от архипелага простирается Тихий океан, то было решено, что роль восточных и северных варваров должны исполнять *эмиси* (впоследствии их стали называть *эдзо* – предки айнов). Несмотря на некоторые географические несоответствия, те племена, которые жили на северо-восточном побережье Хонсю, приписали к восточным, а обитателей северо-запада – к северным варварам. Сам же император находился в сакральном центре (сначала в Нара, потом – в Хэйане-Киото).

Древняя геокультурная модель могла быть, разумеется, с легкостью трансформирована в ксенофобскую. Непременным условием для проявления такой ксенофобии было наличие императора. Недаром через несколько лет получит широкое распространение лозунг «сонно дзёи» («почитание императора и изгнание варваров»), то есть император и ксенофобия попадут в одно и то же смысловое поле. Безусловно, это еще не национализм, утверждающий, что японцы – лучший народ на свете. Логическое построение скорее выглядело так: японский император – лучший на свете, а потому счастливы и хороши те люди, которые живут под его рукой. А не будь императора, мы тоже не были бы «культурны». Отсюда вытекает и необходимость сохранения и защиты императора. Понятно, что в этом построении «народ» не мог выступать носителем каких-то сверхценностей, он был лишь объектом культураносной деятельности императора.

существовали разные мнения относительно того, как следует вести себя с иностранцами, то при дворе императора в это время царило относительное единодушие. Проект послания, представленный императором на рассмотрение придворных, приобрел еще более решительный тон, чем черновик самого Комэй. Воспевавшие сакуру и полную луну, безоружные аристократы – напудренные, с подведенными и выщипанными бровями, облаченные в женоподобные одеяния хэйанского времени – оказались бескомпромисснее, чем самураи с их заткнутыми за пояс двумя мечами.

Двор находился в полной финансовой зависимости от сёгуната. Кому-то могло показаться, что он утратил чувство достоинства. Кто-то мог подумать, что в своем увлечении ритуалами и любованием природой двор забыл о стране. Точно так же, как и страна забыла про существование двора и аристократов. Но это суждение вряд ли соответствует действительности. На самом-то деле император и его придворные оказались готовы защищать интересы страны – так, как они их себе представляли. Они располагали тем, чем не располагал сёгунат – правом непосредственного обращения к родным божествам. В Киото стали собираться сторонники жесткой внешней политики. Среди них были и самураи, покинувшие своего хозяина. Теперь они действовали не по его приказу, а по собственному разумению. Их называли словом «ронин» – «человек-волна». «Настоящие» самураи брили лоб, ронины – отращивали волосы. Они были настроены чрезвычайно решительно – ведь они покидали своих хозяев именно затем, чтобы те не несли ответственности за действия своих прежних подчиненных.

Комэй направил своих посланцев в святилище Исэ, где почиталась Аматаэрасу, и в святилище Ивасимидзу, основанное в 859 году, где поклонялись Хатиману – божеству, которое было призвано оберегать страну от мятежей, беспорядков и иноземных вторжений.

Ретроспектива. В 740 году царедворец Фудзивара-но Хироцугу, недовольный тем, что его отправили из столицы Нара в «почетную ссылку» на далекий остров Кюсю, поднял там вооруженный мятеж. Мятеж был подавлен. Посчитали, что не без помощи местного божества Хатимана. Хироцугу казнили. С тех пор в дни, когда положению двора что-нибудь угрожало, к Хатиману обращались за помощью.

В написанной им самим молитве Комэй просил божеств: если между Японией и иноземцами разразится война, пусть они пошлют на помощь «божественный ветер» (камикадзе) – тот самый, что дважды разметал у японских берегов монгольскую флотилию в конце XIII века.

Ии Наосукэ

Но сёгунат хотел не войны, а мира. Киото находился в глубине страны, в Эдо же знали не понаслышке, на каких страшных кораблях приплыл Перри четыре года назад. В июне Британия подписала в Тяньджине договор с Китаем, руки английских моряков оказались развязаны, и теперь ее грозный флот мог в любую минуту появиться у японских берегов.

Гаррис торопил Ии Наосукэ (1815–1860), который после отставки Хотта Масаёси стал главной действующей фигурой сёгунского правительства. Он был князем Хиконэ, а в апреле его назначили на должность «главного старейшины» (тайро), которая вводилась только в исключительных случаях. Он не был решительным сторонником «открытия страны», но считал, что Япония обречена на этот шаг. Несмотря на противодействие нескольких влиятельных даймё и без одобрения императорского двора, 19 июня торговый договор с американцами был все-таки подписан. Он предусматривал открытие новых портов: Канагава (Иокогама) в 1859-м, Нагасаки и Ниигата в 1860-м, Хёго (Кобэ) в 1863 году. Кроме того, американским купцам разрешалось торговать в Эдо и Осака, посланнику позволялось проживать в Эдо, американским гражданам гарантировалась экстерриториальность. На ввозимые в Японию товары устанавливались фиксированные пошлины – от 5 до 35 процентов в зависимости от вида продукции. Японский экспорт облагался пошлиной всего в 5 процентов.

Может создаться впечатление, что почти ничего неравноправного в этом договоре не было. Однако это не так. Во-первых, договор был заключен не по воле Японии, а по воле Америки. Во-вторых, Япония не имела права пересматривать договор в одностороннем порядке, а срок действия договора не был указан. При режиме «открытых портов» на эти территории фактически не распространялась юрисдикция японского правительства. В-третьих, Япония не имела права вводить заградительные тарифы, к которым часто прибегают «отсталые» страны, поскольку машинная продукция стран развитых намного дешевле даже при учете низкой стоимости труда «аборигенов». В-четвертых, положение о режиме наибольшего

благоприятствования, прописанное в прежних «договорах о дружбе» с западными странами, в значительной степени лишало Японию возможности на проведение независимой внешней политики.

Если рассматривать ситуацию с экономической точки зрения, непосредственные неблагоприятные последствия договора следует признать ничтожными. Однако сам факт ущемления суверенитета страны казался японской элите ужасным. Такое восприятие не поддается чисто рационалистическому толкованию, но именно оно определило стратегию японской внешней политики на много лет вперед. Это говорит о том, насколько мала «рациональная» составляющая политики и насколько велика в ней роль «поэтических» и «эмоциональных» представлений о том, что «правильно», а что – нет.

Япония не отважилась на вооруженное сопротивление, но ей удалось добиться более выгодных условий по сравнению с теми, которые были ранее навязаны Англией другим азиатским странам. Скажем, Китаю. В Японию не допускался импорт опиума, иностранцам разрешалось торговать только в дозволенных для того портах, основной предмет импорта – текстиль – облагался сравнительно высокой 20-процентной пошлиной (в Китае пошлина составляла 5 процентов).

Узнав о договоре, Комэй пришел в ярость и объявил о намерении отречься от трона, мотивировав это тем, что у него не хватает добродетельности-дэ. При отречении встал, естественно, и вопрос о преемнике. Поскольку Сатиномия был слишком мал, Комэй предложил сёгунату сделать выбор из трех принцев, которые принадлежали к боковым линиям императорского рода. Все они были в свое время усыновлены императором Нинко (1800–1846) в качестве гарантии от пресечения рода.

Послание с просьбой об отречении Комэй написал, но не отправил. Императора удалось убедить в несвоевременности такого шага. Канцлер двора Кудзё Хисатада являлся сторонником открытия портов. Он обещал Комэй, что добьется приезда в Киото высокопоставленного чиновника сёгуната для дачи объяснений.

В июле были заключены торговые договоры с Голландией, Россией и Англией (Франция подписала такой договор 3 сентября). Все они взяли за образец договор с Америкой, и в каждый из них было внесено положение о статусе наибольшего благоприятствования. Теперь, какая бы страна ни добилась от Японии уступок, все остальные державы автоматически получали точно такие же льготы. Ии Наосукэ стали обвинять в том, что он действует без санкции императора.

Сёгунат уже плохо контролировал ситуацию. О содержании договоров знали все, кто хотел об этом знать. Их тексты были отпечатаны массовым тиражом в самом Эдо и стали своеобразным «бестселлером». Так был нарушен едва ли не главный принцип прежнего управления – до людей доводится только та информация, которая требует от них исполнения решений.

8 июля, перед подписанием договоров с Голландией, Россией и Англией, сёгунат учредил должность «уполномоченного по иностранным делам» («гайкоку бугё»). Это событие следует признать историческим: поскольку раньше Япония жила в условиях почти полной изоляции, сёгунат обходился без внешнеполитического ведомства. Теперь самурайская элита фактически признала, что настали новые времена и Японии приходится прощаться со своим спокойным прошлым, в котором внешний фактор играл минимальную роль.

8 августа Комэй снова решил подать прошение об отставке. Он узнал о заключенных в июле договорах. Комэй упрекал сёгуната в том, что тот не советуется ни с императором, ни с князьями-даймё. На сей раз послание было передано представителю сёгуна в Киото. Мало того, копию письма передали в княжество Мито. Такой поступок являлся немыслимым нарушением запрета: император не имел права обращаться к князьям напрямую. Когда кто-нибудь из них направлялся

в Эдо и его путь лежал через Киото, ему строго-настрого предписывалось следовать кружным маршрутом и ни в коем случае не посещать императорский дворец. Обращение императора именно в Мито не случайно: его князья принадлежали к дому Токугава, но были известны своими монархическими и ксенофобскими настроениями.

В начале августа до императора дошла весть и о смерти сёгуна. Иэсада скончался уже месяц назад, но все это время сёгунат держал его смерть в секрете. Комэй немедленно сместил канцлера Кудзё Хисатада, назначив на его место Коноэ Тадахиро. В обход сложившейся практики он не получил согласия Эдо на это назначение.

Реакция последовала незамедлительно. В Киото прибыл член сёгунского правительства Манабэ Акикацу (1804–1884). Он не только не принес императору никаких извинений по поводу «своевольного» заключения договоров, но приказал казнить восьмерых самураев, которые поддерживали планы императора по изгнанию иностранцев, и сместил со своих постов нескольких придворных. Некоторых он поместил под домашний арест, некоторых заставил обрить голову и принять монашество – в наказание за то, что они осмелились сноситься с Токугава Нариаки, бывшим князем Мито. За действиями Манабэ стоял Ии Наосукэ. Со своими оппонентами он расправлялся решительно. За его недолгое нахождение в должности тайро репрессиям подверглись 79 человек, за что два года его правления называли «адам». Масштабы репрессий позапрошлого века кажутся теперь «игрушечными».

Как показали будущие события, курс Ии Наосукэ на противостояние с императорским двором не имел перспектив. Он рассчитывал на усиление сёгуната, но долгосрочные результаты его политики оказались прямо противоположными.

Комэй уступил давлению Акикацу, и Кудзё Хисатада вновь занял место канцлера. Кроме того, Акикацу получил указ Комэй о назначении нового сёгуна – Токугава Иэмоти. Вопрос о его назначении был решен в Эдо совсем недавно, теперь следовало соблюсти формальности. С указом императора Иэмоти стал полноправным сёгуном, получил 2-й старший ранг и титул «покорителя варваров». Теперь он звучал как откровенная насмешка – именно сёгун, в глазах Комэй, был главным виновником «позора», именно он не мог осуществить свою главную задачу – защиту императора и страны от «варваров».

Иэясу, основатель сёгуната Токугава, был сильным и способным человеком, он наводил страх на врагов и подчиненных. Однако с течением времени сёгунский двор в Эдо стал все больше походить на императорский в Киото: сёгун стал часто превращаться в фигуру номинальную и церемониальную. Чтобы добиться этого, его окружение применяло давным-давно апробированный в Киото метод – сёгунами (то есть «генералами», военными правителями) зачастую назначали малолеток, которые, только-только войдя в силу, подавали заявление об отставке. В последние годы сёгунами выбирали болезненных и не слишком далеких людей. Реальные же нити управления находились в руках администрации сёгуната (бакуфу). Точно так же обстояло дело и с Иэмоти: страна находилась в глубочайшем кризисе, а сёгуном выбрали не отличающегося крепким здоровьем двенадцатилетнего мальчика.

Ии Наосукэ поддержал кандидатуру Иэмоти. Партия, сделавшая ставку на более сильную и вменяемую фигуру – Хитоцубаси (впоследствии Токугава) Ёсинобу из княжества Мито, потерпела поражение.

В партию поддержки Ёсинобу входили такие влиятельные противники открытия портов, как его отец Токугава Нариаки, князья Мацудайра Ёсинага и Симадзу Нариакира. Хотя Нариаки давным-давно отдал Ёсинобу на воспитание в семью Хитоцубаси, но сын есть сын. Поскольку Комэй тоже выступал за изгнание варваров, интересы «группы поддержки» Ёсинобу и императора совпали. Тем более что именно в княжестве Мито идея о необходимости повышения авторитета императора пользовалась безоговорочной поддержкой.

Кризис сёгуната как нельзя лучше виден в назначении сёгунами недееспособных личностей. Но не будем забывать, что такая система «коллективного руководства» (это касается и императоров) предотвращает появление откровенных диктаторов, что и подтверждает вся японская история. В длительный период мирной жизни такая система устраивала всех, но в условиях внешней опасности она оказалась несостоятельной.

Токугава Иэмоти

Хитоцубаси Ёсинобу

Переговоры между императором и Манабэ Акикацу проходили заочно – они обменивались

посланниками и посланиями. Комэй долгое время отказывал Манабэ в аудиенции, которая состоялась только в самом конце года. Как обычно, император находился за занавесками – так, чтобы посетитель не мог видеть его лица. Акикацу было вручено послание императора сёгуну. Комэй милостиво прощал непослушание сёгуната, но одновременно подчеркивал, что присутствие иностранцев «оскверняет божественную землю» Японии, а потому следует вернуться к «превосходной системе закрытой страны». Кроме того, перед лицом общей опасности Комэй призывал к «объединению аристократов и военных» («кобу гаттай»). Комэй полагал, что пора положить конец вековому разделению на аристократию придворную и военную.

В этом году в городке Хакодате на Хоккайдо было открыто российское консульство. Поначалу оно размещалось в буддийском храме. В отличие от всех других мировых держав Россия добровольно отказалась учредить консульство где-нибудь поближе к центру политических и торговых событий. Тем самым Россия расписалась в том, что Япония не занимает в ее политике сколько-нибудь значимого места. На Хакодате приходилось меньше 10 процентов внешней торговли Японии. Гостями порта были в основном русские военные суда и американские промысловые шхуны, занимавшиеся по преимуществу боем тюленей.

1859 год

6-й год девиза правления Ансэй. 8-й год жизни Мэйдзи

В этом году принц Сатиномия приступил к учению. Его преподавателем письма и каллиграфии стал принц Такахито (1812–1886), семья которого была известна своей ученостью. Каллиграфия в Японии и Китае – это не совсем то, что чистописание. Образованный человек должен был вложить в иероглиф всю свою душу. Иероглифы произошли из картинок (пиктограмм), и дальневосточный каллиграф считался не «чистописателем», а настоящим художником. Но нам неизвестно, каким каллиграфом был будущий император – ранних образцов его почерка не сохранилось. Известно, правда, что те, кому приходилось читать написанное взрослым императором, находили его почерк «весьма неразборчивым».

На первом занятии, которое состоялось 5 мая, Сатиномия и Такахито обменялись подарками. И с той, и с другой стороны это была свежая рыба под названием тай (разновидность морского окуня). Тай считался замечательным подарком. В частности потому, что название рыбы входит составной частью в слово «мэдэтай» (радостный, счастливый).

Помимо каллиграфии Сатиномия брал уроки по чтению конфуцианского канона. На первом занятии ему трижды прочли отрывок из «Книги о сыновней почтительности». Сатиномия в это время следил за текстом. Многие поколения японцев учились письменному китайскому языку именно таким методом – не прибегая к учебникам. Образование Сатиномия было «классическим» – он изучал классиков конфуцианства, в которых, как считалось, заключена вся премудрость. Знание китайского языка было обязательным для образованного человека. Но это был язык письменный. Японцы произносили иероглифы на японский лад – так, что ни один китаец не понял бы их. Такое знание вряд ли можно посчитать владением иностранным языком в нашем понимании. Ни естественнонаучных дисциплин, ни географии Сатиномия не изучал. Впрочем, зачем география человеку, обреченному на жизнь за дворцовыми стенами?

Похоже, что Сатиномия не был слишком усидчив. Его деда Накаяма Тадаясу одно время назначили ответственным за образование внука. Несмотря на всю свою выдержку, однажды он потерял контроль над собой и написал заявление об отставке. Посреди занятия его воспитанник вдруг поднялся со своего места и, не говоря ни слова, удалился в свои покои.

Перспектива. Император Мэйдзи впоследствии сожалел о своей нерадивости. Около 1905 года он сложил:

Жаль мне теперь,
Что ленился тогда
Учиться писать.
Думал только
О лошадке из бамбука.

Японская детская лошадка того времени – это обыкновенная бамбуковая палка. В отличие от Европы, конная езда не входила тогда в программу подготовки японских принцев. Это и понятно: принцев, а уж тем более императоров, всю жизнь носили в паланкине. Средневековый исторический памятник «Окагами» повествует о душевнобольном императоре Кадзан (984–986). В качестве доказательства его болезни

приводится такой аргумент: император вознамерился сесть на коня!^[19]

Немногие товарищи Сатиномия по детским играм вспоминали, что принц был скор на расправу и запросто пускал в ход свои, как они выражаются, «императорские кулачки». Один из них приводит такой эпизод. Некто подарил Сатиномию золотых рыбок. Когда принц на минутку вышел из комнаты, автор мемуаров залез ручками в сосуд и поймал рыбку, которая в результате сдохла от такого невежливого обращения. Вернувшийся Сатиномия пришел в ярость и поколотил проказника.

Другой мемуарист вспоминает про такой случай. Сатиномия играл возле пруда. И вот он окликнул своего престарелого воспитателя, призывая посмотреть на резвящегося карпа. Тот все глаза проглядел, но никакого карпа увидеть не мог. В это время Сатиномия подобрался к нему сзади и толкнул в воду. Пока воспитатель барахтался в пруду, принц кричал: «Смотрите скорее, старик превратился в карпа!» Воспитателю помогли выбраться на берег, вся его одежда была вымазана глиной.

Придворных авторов вряд ли можно считать людьми беспристрастными. Их мемуары – не столько записи о личных впечатлениях, сколько составная часть официальной идеологии. А потому каждый эпизод дневников тщательно продуман и служит определенной цели. Американский японовед Дональд Кин тонко заметил, что цель приведенных эпизодов – лишить принца налета женственности, которым тот, несомненно, обладал ввиду традиционного воспитания^[20]. Ведь Сатиномия воспитывался в расчете на то, что его основным предназначением станет исполнение ритуалов, сочинение стихов, любовные утехы, а не руководство страной и армией. Так что задачей мемуаристов было показать задним числом «мужественность» принца, его готовность к решительным поступкам, необходимым для «настоящего» монарха. Стоит вспомнить, что мальчишеская дерзость, неповиновение и упрямство до определенной степени поощрялись и в среде самураев.

Показательно, что, когда престарелый воспитатель после проделки Сатиномия попробовал подать в отставку, Ивакура Томоми (1825–1883), мелкий придворный в настоящем и один из главных архитекторов новой Японии в будущем, отвечал ему: «...Ты сам был воспитан как аристократ, а потому твое главное желание – привить принцу хорошие манеры. Но Япония сейчас находится в ужасном положении. Не подлежит сомнению, что власть императора возродится. И в это время обладание хорошими манерами будет совершенно недостаточным для императора. Я же вижу в молодом человеке мужской склад, который поможет ему сохранять равновесие в любой критической ситуации, и это меня радует. Возвращаю твое письмо с просьбой об отставке».

Измазанная глиной одежда сохранялась в семье воспитателя как величайшее сокровище...

Сатиномия обожал читать воинский эпос и повествования о подвигах китайских воинов. Его любимыми героями были прославленные воины средневековья – Кусуноки Масасигэ (1294–1336) и Тоётоми Хидэёси (1536–1598). Начал принц и сочинять японские стихи – пятистишия танка. Комэй был опытным стихотворцем, он исправлял опусы сына и давал ему новые и новые темы для сочинения. При японском дворе не было должности «официального» стихотворца, стихи сочиняли все. Но император был главным сочинителем. Речевой этикет предписывал ему витиеватость, уклончивость и многозначность, стихи как нельзя лучше соответствовали такому способу выражения мыслей и чувств.

Ивакура Томоми верил в возрождение императорской власти. Верил в это и Ёсида Сёин, которого казнили 27 октября. Пять лет назад он пытался убежать в Америку и был арестован. Парадокс заключался в том, что он Америку вовсе не любил. Ёсида был страстным сторонником «изгнания иностранцев». В прошлом году его снова арестовали – на сей раз за участие в

подготовке покушения на Манабэ Акикацу. Ёсида Сёин был недоволен тем, что Манабэ готовил договор с Америкой. Готовясь к побегу в Америку, он не «предавал родину», а хотел поближе изучить противника. Задачей Японии в это время было сохранение независимости, но уже сейчас Ёсида вынашивал планы по завоеванию Кореи, Маньчжурии, Китая и Индии^[21]. Однако сёгунат не был в состоянии приспособить к делу даже таких государственныхников.

Этим летом в соответствии с торговыми договорами были открыты три порта – Хакодате, Нагасаки и Канагава. Для американцев этот долгожданный день наступил 2 июня по лунному календарю. По григорианскому календарю этот день пришелся на 1 июля – день провозглашения Декларации независимости. Посланник Гаррис настаивал именно на этой дате. Для многих японцев она стала если и не днем потери независимости, то уж, во всяком случае, днем ее ущемления. Россия в лице Путятина решила столь радостное событие не приурочивать к американскому празднику, и для нее порты открылись тремя днями позже.

В августе в Канагава бросил якорь корабль, на борту которого находился генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. Всего же в его устрашающей флотилии было девять судов. В прошлом году Муравьев вынудил Китай подписать Айгунский договор, согласно которому граница между Китаем и Россией стала проходить по Амуру. Сам Муравьев был верным слугой царя и убежденным государственнымником, хотя в его родственниках числились самые разные люди: и декабрист Муравьев, и анархист Бакунин. После Амура его целью стал Сахалин, отдавать который японцы почему-то никак не соглашались. Путятин был настойчив, но вежлив, Муравьев – напорист и груб. Однако это не помогло Муравьеву. Хотя он и получил титул графа Амурского, но графом Сахалинским так и не стал – еще долгое время остров оставался зоной «совместного проживания» подданных японского и российского государей. Однако японцы своей вежливостью все равно произвели на Муравьева благоприятное впечатление – он говорил, что с японцами дело иметь приятнее, чем с китайцами. Сравнить их с русскими в голову ему почему-то не приходило.

Ёсида Сёин

Муравьев и чиновники сёгуната дебатировали в Эдо, когда в Канагава произошел трагический случай. Русский мичман Мофет с двумя матросами отправились за покупками. На них набросились несколько самураев. Они зверски убили мичмана и матроса Соколова, третьему русскому удалось спастись в соседней лавке. Муравьев потребовал от сёгуната извинений, отставки губернатора Канагава и наказания преступников. Первые два условия были выполнены незамедлительно. Однако преступников по горячим следам поймать не удалось. По японской версии, это были не преступники, а преступник. Сначала власти заявили, что он покончил жизнь самоубийством, однако представить труп так и не смогли...

Это было началом масштабного террора, направленного против иностранцев. До этого русские офицеры – верхами и пешком – пять раз прогуливались по Эдо. Кое-где в них кидали камнями. Особого впечатления на людей, которые прошли Крымскую войну, это не производило. Они опасались только пуль и снарядов, никто не думал, что самурайский меч – оружие не менее страшное.

Русских моряков похоронили на местном кладбище, сёгунат издал указ, строго-настрого запрещавший бросаться камнями в иностранцев, но всего через несколько дней в Иокогаме убили слугу из французской миссии. Это был китаец, но он носил европейскую одежду. Для террористов этого было вполне достаточно. Движение по «изгнанию варваров» набирало силу.

В Нагасаки и Хакодате порты существовали издавна, в Канагава порт нужно было строить. Там размещалась одна из 53 станций тракта Токайдо, соединявшего Эдо и Киото. Поэтому это место отличалось оживленностью. Но правительство не желало, чтобы контактов между японцами и иностранцами было чересчур много. Оно опасалось как «зловредного» влияния иностранцев, так и нападений на них. Порт поэтому решили строить в соседней с Канагава деревеньке Иокогама, хотя в официальных документах значилась Канагава. Гаррис гневался и утверждал, что правительство хочет устроить резервацию – подобно острову Дэсима возле Нагасаки, где в течение двух веков были буквально заточены голландские купцы. Однако Ии Наосукэ на сей раз не желал отступать ни на шаг. Расходы по строительству порта не смущали его, что объяснялось соображениями не столько экономическими, сколько идейными.

На месте деревни Иокогама возник город. Он представлял собой прямоугольный участок площадью около двух квадратных миль. К северу катил волны Тихий океан, с южной стороны подступало болото. На востоке протекала река обычная, на западе – приливно-отливная. Реки соединили широким и неглубоким каналом, и Иокогама стала островом, на который можно было пройти только по одному из четырех мостов. Она и вправду в этом отношении напоминала Дэсима. Но порядки на Дэсима были все-таки намного строже – голландцам запрещалось приезжать с семьями, покидать остров, общаться с местным населением.

Однако и в Иокогаме жить было не слишком уютно. Перед мостами стояли ворота, закрывавшиеся на ночь. Ворота круглосуточно охранялись самураями, которые устраивали каждому личный досмотр и выдавали специальные деревянные таблички, служившие пропусками. Таблички следовало держать в руках или же привязывать к гарде меча. Иностранцам разрешалось выходить за городские ворота, но их свобода ограничивалась радиусом в 28 миль. Правда, с одним существенным исключением: они имели право подъезжать к Эдо только на расстояние в 14 миль (до самого города было 18 миль).

Словом, назвать Иокогаму «открытым городом» можно было только с оговорками. Он и не мог быть по-настоящему «открытым», если закрытой оставалась вся страна. Иокогама походила либо на «веселый квартал» Ёсивара в Эдо (он тоже охранялся и был окружен рвом с водой), либо на территорию иностранного государства. Второе, впрочем, вернее.

В этом году российское консульство в Хакодате переехало в новое двухэтажное деревянное

здание. Ничего грандиозного в нем не было, но на местных японцев оно произвело впечатление. Стали поговаривать, что Россия планирует захватить остров Эдзо и поставить над ним своего генерал-губернатора. При консульстве была открыта первая в Японии европейская больница. Японцев там лечили бесплатно. Захолустный Хакодате понемногу рос; в отличие от Иокогамы, где иностранцы проживали в сеттльменте, здесь они имели право селиться вместе с японцами.

1860 год

1-й год девиза правления Манъэн. 9-й год жизни Мэйдзи

Решения в стране принимались на самом верху. Ни крестьяне, ни купцы, ни низкоранговые самураи правом голоса не обладали. Наиболее склонным к политической ажиотации элементом было, естественно, самурайство. Крестьянам и купцам и в голову не могло прийти, что их мнение следует учитывать. Лишенные легальных способов воздействия на ситуацию, самураи обратились к террору. Уничтожению подлежали не только иностранцы. Первой жертвой «среди своих» стал Ии Наосукэ.

3 марта на него напали 18 человек. Семнадцать самураев происходили из Мито, один – из Сацума. Такое преобладание уроженцев Мито объясняется тем, что Ии Наосукэ двумя годами раньше отверг кандидатуру их ставленника Хитоцубаси Ёсинобу и поставил сёгуном Иэмоти. После этого из высшего руководства изгнали сторонников «партии Ёсинобу», князь Мито находился под домашним арестом. В княжестве Мито были традиционно сильны монархические настроения, а Ии Наосукэ не оказывал императору должного почтения. Эти люди поддерживали лозунг «сонно дзёи» – «почитание императора и изгнание варваров». Лозунг был направлен против сёгуната.

3 марта – это праздник девочек, один из главных праздников годового цикла. В этот день было принято выставлять на домашний алтарь кукол. Имелось в виду повышение плодородия во всех его видах. Ии Наосукэ должен был отправиться в замок, чтобы поздравить сёгуна с праздником. С утра совершенно неожиданно для этого времени года пошел мокрый снег, многие охранники надели плащи. Согласно установленным правилам, крытые носилки Ии Наосукэ охраняло более 60 человек. В последнее время беспокойное поведение выходцев из Мито внушало подозрение. Хотели было увеличить число охранников, но решили, что высшее должностное лицо не должно нарушать законов.

Когда носилки находились неподалеку от ворот Сакурада, к процессии приблизился некий человек. Подумали, что он хочет вручить петицию. Но когда охранник подошел к нему, тот мгновенно выхватил меч и зарубил его. Раздался выстрел, к носилкам со всех сторон бросились вооруженные люди. Длинные плащи сковывали движения охранников. Ии Наосукэ вытащили из носилок и отрубили ему голову. Один из нападавших хотел утащить голову с собой, но был убит сам. Голову доставили домой и пришили к туловищу. Окончательного позора удалось избежать.

Из подброшенного позднее письма явствовало, что нападавшие не метили в сёгунат как таковой. Но они были возмущены бездействием чиновников перед лицом иностранной опасности. Особенное раздражение вызывал сам Ии Наосукэ, который утерял воинский дух, подписал торговые договоры с «варварами» и проводил «неправильную» кадровую политику. Поэтому его и настигла «небесная кара». Уличные артисты декламировали памфлеты, в которых они обвиняли Ии Наосукэ во всех смертных грехах. Они вменяли ему в вину даже смерть Токугава Иэсада, которого «голландские доктора» окормили якобы лекарствами, которыми пользуют «скотину»^[22].

Нападение на Ии Наосукэ

Убийство Ии Наосукэ переполнило ритуальную чашу терпения, и 18 марта был введен в действие новый девиз правления – Манъэн, что можно перевести как «Десять тысяч умножений». Имелся в виду пассаж из «Поздней истории династии Хань», в котором говорилось о бесконечном умножении урожайных лет и населения.

Однако ничто не могло повлиять на церемониальную жизнь Сатиномия. В апреле принц прошел через два важнейших обряда жизненного цикла. Во время первого из них отрезались кончики волос, что символизировало переход ребенка в категорию подростков. Смысл второго заключался в том, что вместо детского шнура ребенок впервые подпоясывался настоящим взрослым поясом. Обе церемонии оказались лишь прелюдиями к провозглашению Сатиномия престолонаследником 11 ноября. Отныне он был обязан жить не с биологической, а с «социальной» матерью (императрицей) в ее покоях. Теперь он считался третьим по положению во дворце Госё – после императора и императрицы.

Новый статус предполагал присвоение нового имени. На суд высших придворных было представлено три имени, из которых они остановили свой выбор на Муцухито – «мирный», «дружелюбный».

Провозглашение престолонаследника было мероприятием плановым, торжественным и приятным. Пир, здравицы, подарки, песни и представления театра Но. Однако вскоре после окончания торжеств, когда Муцухито снова засадили за книги, внимание двора поглотило решение совсем другой и притом весьма деликатной проблемы.

Еще 3 июня сёгун Иэмоти посватался к принцессе Кадзуномия (1846–1877), единокровной сестре Комэй. Теперь требовалось дать ответ. Кадзуномия, точно так же как Иэмоти, было в этот момент 14 лет, она родилась через пять месяцев после смерти своего отца – императора Нинко. 15 июля она впервые участвовала в церемонии «любования луной» и считалась теперь взрослой.

Ретроспектива. Брачные связи между Эдо и Киото были в порядке вещей. Полагая, что это принесет им беспечальную жизнь, многие аристократы с охотой

отдавали своих дочерей за военных. Правда, самурайских сыновей в Киото не привечали. В то же самое время браки между дочерьми императора и сёгунами были редки. В 1620 году дочь сёгуна Хидэтада вышла замуж за императора Гомидзуноо. У самого Гомидзуноо было больше тридцати детей, но в 1629 году на трон взошла именно внучка сёгуна – Мэйсё. Ей было в это время семь лет. Со времени правления последней императрицы Сётоку (764–770) прошло уже 859 лет. Четвертый сёгун Токугава Иэцуна сватался к принцессе крови Хиномия, но отрекшиеся к этому времени от трона императоры Гомидзуноо и Госай ответили отказом.

Брак между Кадзуномия и Иэмоти мог быть очень выгоден с точки зрения консолидации различных партий в Эдо и Киото. Сам Комэй был горячим сторонником единения между аристократами и военными. Но его связывали с сестрой чрезвычайно близкие отношения, чем и объясняется его нежелание допустить этот брак – ведь в случае его осуществления она уедет в Эдо и они больше никогда не увидятся.

Помимо нежелания Комэй расставаться с сестрой существовали и другие резоны. Когда Кадзуномия было всего пять лет, состоялась ее помолвка с принцем Арисугава Тарухито (1835–1895). Сама юная принцесса страшно боялась Эдо – город казался ей ужасным местом, где разгуливают иностранные варвары. Возможно, ей попадались на глаза «лубочные» гравюры, на которых японские художники изображали европейцев: красные лица, носы чудовищной длины. Они напоминали лесных чертей-тэнгу, о которых любят рассказывать японские сказки.

Комэй поначалу ответил Иэмоти, что она обещана другому и, кроме того, у них разные матери, а потому, мол, он не волен отдавать ей приказания. Однако советники императора убеждали его в выгоде брака. Особенно старался Ивакура Томоми. Он говорил, что Кадзуномия сейчас – ценнее для двора, чем любые сокровища. Ведь этот брак увеличит зависимость сёгуната от императора – юного сёгуна будет легче убедить в том, что по всем важным делам следует консультироваться с Комэй. И тогда будет намного проще выгнать ненавистных иностранцев и вернуться к тому благословенному времени, когда страна была закрыта.

Аргументы звучали убедительно, Комэй распорядился отменить помолвку сестры. Для того чтобы позволить Тарухито «сохранить лицо», пришлось прибегнуть к «календарной» аргументации: Кадзуномия родилась в год «огненной лошади», а этот год чрезвычайно неблагоприятен для женщины, которая собирается вступить в брак. За исключением случая, когда она выходит замуж за человека, который родился в тот же самый год. Тарухито дал себя убедить, но Кадзуномия все равно не желала покидать Киото. Тогда Комэй предложил сёгунату отдать за Иэмоти свою единственную полуторагодовалую дочь. Если же сёгунат отвергнет его предложение, ему ничего другого не останется, как отречься.

Как мы видим, Комэй часто использовал угрозу отречения в качестве аргумента в дискуссиях с его оппонентами из Эдо.

Копию текста с отречением показали Кадзуномия, она прониклась чувством собственной вины и согласилась. Но только при соблюдении нескольких условий. Она не покинет Киото, пока не справит семнадцатую годовщину кончины своего отца Нинко, которая наступит через два года. Кроме того, она пожелала жить в Эдо в точно таком же доме, как и в Киото.

Требования самого Комэй к сёгунату оказались более серьезными. Помимо условий, поименованных Кадзуномия, он настаивал на разрыве отношений с иностранными державами. Кроме того, сёгунату следовало представить дело так, что брак заключен не в интересах дома Токугава, а в интересах всей страны и должен послужить единению аристократов и военных. А еще император просил оказать помощь тем людям, которые потерпели материальный ущерб в результате начавшейся торговли с Западом.

Последний пункт требует пояснений. Дело в том, что с приходом европейцев в стране началась инфляция. Раньше в Японии серебро обменивалось на золото в пропорции 5:1. А в Китае, который в то время был самым оживленным торговым центром на Дальнем Востоке, это соотношение равнялось 15: 1. И потому европейские купцы, большинство из которых базировалось в Китае, стали завозить в Японию мексиканские серебряные доллары (в то время они служили для Дальнего Востока международной валютой) и обменивать их на японские золотые монеты. Медная монета в Японии, в представлении европейцев, тоже была очень дешева. Согласно торговым договорам, обменный курс был фиксированным. Спрос на золото внутри Японии стал ажиотажным, оно вздорожало, что сказалось на общем индексе цен. Кроме того, точно так же как и в Китае, самыми популярными среди западных торговцев товарами оказались шелк и чай. На долю шелка-сырца приходилось более 80 процентов японского экспорта. Однако мелкие японские производители оказались не в состоянии удовлетворить возросший спрос. Вздорожавшие шелк и чай «потянули» за собой цены и на другие товары. На самом деле объем международной торговли был невелик, но экономика Японии не могла выдержать даже этого.

Этот год примечателен тем, что сёгунат впервые делегировал за границу официальную миссию. Она отправилась в начале года в Америку – ту страну, которая сыграла наибольшую роль в «открытии» Японии. Главной целью был обмен ратификационными грамотами по торговому договору 1858 года, но одновременно японцы поставили перед собой и другую задачу: посмотреть своими глазами на ту страну, которая доставила Японии столько неприятностей и унижений. Миссию возглавлял Синми Масаоки, управитель провинции Будзэн, в нее входило около 80 человек из 10 княжеств. Был там и мелкий самурай Фукудзава Юкити (1835–1901), которому предстояло сыграть в будущем огромную роль в просвещении японцев относительно того, что это такое – западная цивилизация.

Теперь даже трудно себе представить тот трепет, который испытывали члены миссии перед отплытием. Все они впервые покидали пределы Японии. Они вообще стали первыми японцами, которые пересекли Тихий океан. Заместитель посла Мурагаки Норимаса вспоминал, что в VII–VIII веках, то есть более тысячелетия назад, японские посольства время от времени отправлялись в Китай, но Китай – близко, а Америка находится там, где «день и ночь поменялись местами». А члены его миссии – первые из обитателей «божественной Японии», которые – с тех пор как разделились Небо и Земля – получили повеление достичь этой страны на самом краю света, а потому бремя ответственности давит тяжелым грузом на грудь.

Бремя и вправду было тяжелым – никакого опыта общения с иностранцами на их территории ни у кого не было. Начать хотя бы с того, на каком языке следует написать послание американскому президенту? Обсуждались три варианта: английский, китайский (язык дипломатической переписки для Дальнего Востока) и японский. Остановились на последнем, хотя терминология еще не была выработана и потому послание вышло трудным для понимания даже для самих «дипломатов».

А что следует взять с собой в длительное путешествие? В списке погруженного на борт особое место занимает еда: зерно, бобы, соевая паста и соевый соус, чай, соленья и, разумеется, сакэ. Сакэ взяли из расчета пять черпаков (около 90 мл) в день на человека. Воду настоятельно рекомендовалось экономить. А ведь она требовалась не только для питья. И не только для «обычного» бритья. Все члены миссии были самураями, а «прическа» самурая – это бритый лоб, который следовало поддерживать в постоянно-блестящем состоянии.

Кано Эйтоку. Львы (конец XVI в.)

Первая официальная встреча с иностранцами состоялась в Гонолулу, где посла принял король Гавайев. Его роскошные украшения и шитые золотом одежды произвели на скромных японцев впечатление избыточности, что дало повод сравнить его с ожившей скульптурой владыки рая будды Амиды.

Хотя членам миссии рекомендовалось не выходить в город, любопытство взяло свое и несколько молодых людей отправились в дансинг. Декольте, голые женские плечи, золотые эполеты, шум, гам, какие-то престранные, дикие па. Нет, японцам европейские танцы решительно не понравились. Один из членов миссии сравнил танцоров с «бабочками, которые обезумели при виде цветов». Когда несколько позже японская делегация в полном составе побывала в Вашингтоне, ее пригласили на бал. Он произвел на Мурагаки чудовищное впечатление, из которого он сделал важные культурологические выводы: «Мужчины и женщины двигались парами по комнате кругом, ступая на цыпочки и сообразуясь с музыкой. Они были похожи на мышек, которые не в состоянии остановиться. В этом не было ни вкуса, ни очарования. Было смешно видеть, как огромные юбки женщин надувались при поворотах, как если бы это были воздушные шары. Не подлежит сомнению, что эта нация не знает, что такое порядок и ритуал; весьма некстати, что главный министр должен приглашать посла другой страны на такое действо. Мое недовольство безгранично: они не знают уважения по отношению к порядку, церемонности, долгу. Единственное, что извиняет полное отсутствие церемонности, – это то, что именно так они понимают дружбу»^[23]. Пение же европейцев напомнило ему собачий лай.

Все было в диковинку, один культурный шок следовал за другим. Первая в жизни поездка в конном экипаже, первое путешествие на украшенном флагами Японии и Америки паровозе, звуки работы машины которого напоминали раскаты грома. Мурагаки писал:

Словно бессмертный святой
На облаке дивном
В повозке громовой...
Несусь по дороге,

Газовые фонари – вечером на главных улицах делалось светло, как днем! Зеркальные потолки в номере. Размер зеркал поражал – ведь японские зеркала из бронзы были крошечными. Стулья и кресла из комнат приказали убрать за ненадобностью. Вместо них постелили на пол матрасы. Огромный ковер в холле гостиницы. В Японии того времени овец не держали, а потому шерстяной ковер казался немыслимой роскошью. И по нему ходили прямо в уличной обуви! Отвратительная, жирная, вонючая еда. Мясо, мясо и еще раз мясо. Временами, особенно в первое время, японцам приходилось обходиться водой и хлебом. Вместо палочек – вилка и нож. Идиотские рукопожатия, потные ладони. Неведомый шипучий напиток, бутылки с которым открываются с пугающим хлопком, напоминающим пушечный выстрел. Мумия в музее – человека выставили на всеобщее обозрение, словно какую-нибудь скотину. Увидев в зверинце льва, японцы сделали вывод, что и львы на Западе совсем другие. На самом-то деле в Японии львы никогда не водились, и члены миссии были знакомы только с изображениями львов, которые в японской традиции имеют довольно мало общего с действительностью.

Удивляли не только вещи и животные. Совсем по-другому было устроено и американское общество. Мужчины целовали руки женщинам и уступали им место. При этом дамы чувствовали себя хозяйками положения, не семенили позади своих мужей, а свободно вступали в разговоры с гостями. Женщины вместе с детьми являлись на приемы, где пристало присутствовать только мужчинам. Положительно, такое возможно только в стране варваров, где социальные роли распределены совершенно неподобающим образом.

Посетили члены миссии и дом сына скончавшегося два года назад Перри. Все было очень вежливо, никто не вспоминал его худым словом. Две китайских болонки, вывезенные коммодором из Японии, не отходили от гостей. Им показалось, что собачонки почувствовали запах родины^[24].

Роскошный облик гавайского короля претил японцам, зато появление мэра Сан-Франциско в сопровождении всего лишь пяти-шести подчиненных произвело удручающее впечатление. Ведь он был большим начальником, князем! А князю положена свита.

А как эти американцы приветствуют важных особ! Они не падают ниц, а лишь небрежно приподнимают шляпу, их лица не выражают никакого страха и трепета. Государственные деятели, принимая японцев в своих офисах, и не думали переодеваться в праздничное платье, и даже чаю не подавали. Шумный прием, который устроил мэр Сан-Франциско, напоминал не чинную церемонию серьезных государственных мужей, а заурядную пьянку в дрянной забегаловке города Эдо. А заседание конгресса, на котором членам миссии «посчастливилось» побывать позднее, было больше всего похоже на рыбный базар.

В Америке японцев страшно мучили звуки. Американцы не разговаривали, а кричали. Их подкованные железом лошади громко цокали по мостовым, в то время как в Японии мостовых не было, а копыта лошадей оборачивали в солому. А военные оркестры и артиллерийские салюты в честь встреч и прощаний! И ведь все эти стволы можно было использовать не только в церемониальных целях.

Расхлябанные манеры американцев угнетали, отсутствие должной церемониальности приводило в ужас. Даже на встрече с президентом Джеймсом Бьюкененом никаких особенно торжественных действий со стороны американцев не планировалось. Но Синми решил, что все должно быть обставлено так, как положено в его стране. Желая «распространить сияние империи» на Америку, японцы прибыли на аудиенцию в парадных шелковых одеждах. Их цвет различался в зависимости от должности. Цветом посла был фиолетовый. Процессию

сопровождал почетный караул, играл военный оркестр, текст сёгунского послания несли в специальном лакированном сундучке. Глава посольства и его заместитель погрузились в кареты, остальные члены миссии шествовали пешком. К великому удивлению японской делегации, президент был одет точно так же, как и его подчиненные, у него даже сабли не было! Конечно, его немалый рост вызывал уважение, но одного этого японцам казалось недостаточно. Чаю снова не предложили. Белый дом украшали бюсты предыдущих президентов. Это вызывало самые неприятные ассоциации – ведь в Японии выставляли на всеобщее обозрение только головы казненных преступников. Японцы еще и еще раз убеждались, что находятся в стране варваров.

Фукудзава Юкити в Сан-Франциско. 1860 г.

Не имея дипломатического опыта, японцы тем не менее воспитывались в дипломатическом духе, поскольку их с детства учили, что нужно думать не только о себе, но и о собеседнике. А потому на прямой по-американски вопрос о том, какие женщины им больше по вкусу – японские или американские, приходилось дипломатично отвечать: конечно, американские – потому что у них белая кожа^[25].

В Америке японцам многое не нравилось. Но технические достижения все равно поражали. В обсерватории они наблюдали ночное небо. Воспеваемая в японских стихах луна выглядела огромной. И, между прочим, совершенно непоэтичной – вместо привычного сияющего диска ты

видел уродливые горы и впадины. Словно по гигантской лестнице ты поднялся на самое Небо! А днем по этому небу неспешно плыл украшенный флагами двух стран воздушный шар. Это было уже не конфуцианское Небо, а небо с совсем маленькой буквы, небо, которое можно было безнаказанно покорять. Скорость поезда казалась невероятной, но, находясь в салоне, ты ощущал себя словно дома. Не сговариваясь, сразу несколько членов миссии отметили в своих дневниках: здесь можно писать!^[26] А это для японца – главный признак спокойствия и комфорта.

Члены миссии были обязаны тщательно зафиксировать виденное. Для того чтобы там, в Эдо, уяснили себе, с кем они имеют дело на международных переговорах. Для того чтобы позаимствовать то, что покажется полезным и нужным. Члены миссии закупили множество книг. Это были книги практического содержания, романов не приобретали.

Сопровождавшие японцев американцы также вели достаточно подробные записи, делали зарисовки. Однако это был интерес другого рода. Для тогдашних европейцев японцы представлялись любопытными с точки зрения «этнографии». Группа вооруженных двумя мечами «аборигенов» из далекой страны всегда собирала вокруг себя толпы зевак, американцы даже забирались на деревья и крыши домов, бросали оттуда цветы и пытались фотографировать. В Японии это посчитали бы за нарушение приличий – простолюдин при встрече с вельможей не имел права занимать более высокую точку пространства. Один из членов миссии отмечал, что, если бросить американцам клочок бумаги, они набросились бы на него подобно голодным собакам.

Американцы хотели общаться. Никто из них не мог себе представить, что его общество может быть кому-то не по нраву. Они и созданное ими государство были сделаны из одного и того же мыслительного вещества. Стоя под окнами гостиницы, они приветственно вскидывали руки, посылали воздушные поцелуи и кланчили японские монетки, но японцам выходить на улицу по своей воле было запрещено. В своей стране японцы всячески ограждали иностранцев от соприкосновения с «чернью». Согласно японскому этикету, на высокопоставленную особу смотреть вообще не полагалось. Поэтому при виде толпы, собравшейся поглазеть на японцев, у членов миссии временами возникало ощущение, что с ними обращаются неуважительно. Рукопожатия и автографы, раздаваемые абсолютно незнакомым людям, казались верхом абсурда, хотя члены миссии прекрасно понимали: все это является искренним проявлением дружеских чувств. Что эти люди понимали под дружбой – другой вопрос. В любом случае театральная зала набивалась людьми только потому, что на представлении присутствовали японцы^[27]. Не на сцену, а именно на них были направлены зрительские окуляры.

Из всего японского этнографического антуража – одежды, обуви, мечей, причесок – американцы не собирались заимствовать ничего. А что уж там говорить про моральные и этические нормы. Это был праздный и высокомерный интерес.

Японская культура привыкла разделять: высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и стариков. Культура, которая объединяет необъединимое, казалась им генератором хаоса. Будучи воспитаны в обществе, где принадлежность к тому или иному сословию закреплялась по наследству, самураи считали абсурдным, что президентом страны может стать любой простолудин. Японским представлениям о социальном порядке соответствовало только бесправное положение негров.

Несмотря на хороший прием и доброжелательность простых американцев, членам миссии приходилось быть начеку. Из толпы можно было услышать оскорбления, сравнения с обезьянами и «черномазыми», одного японца попытались стащить с коня. Когда на улице с членом миссии заговорил какой-то пьяный прохожий, он по неосторожности нажал на спусковой крючок своего револьвера. Пуля пролетела мимо, но самурай подумал, что на его жизнь покушаются, выхватил меч, и только проворство спасло незадачливого американца от верной гибели.

Миссию повсюду сопровождали японские флаги. Ими были украшены здания, поезда, пароходы и даже воздушный шар. На родине такого огромного количества японских флагов увидеть было нельзя. Для американцев члены посольства были не вассалами сёгуна, а представителями страны под названием Япония. В самой Японии красному кругу на белом фоне предстояло сыграть роль объединяющего нацию символа только в будущем.

Перед началом визита газета «Нью-Йорк дейли трибьюн» писала: «Какую бы из держав ни посетило японское посольство, его ожидают большие приобретения. Хотелось бы, чтобы визит в нашу страну принес посольству особенную пользу. В нашей стране они могли бы научиться тому, в чем так нуждается Япония. Урок заключается в том, что сила и процветание империи основываются не на классовом делении и статусе, они имеют источником знания народа и свободу. Желательно, чтобы посольство было составлено не из наследственных князей, управляющих своими землями, а из выходцев из низов, которые сумели добиться всего сами. Поскольку наследственные князья не только прямо препятствуют прогрессу народа, но одновременно являются и лицами с властными полномочиями, которые чинят всевозможные препятствия в деле международного общения»^[28].

Сбылись ли надежды американской газеты на «приобретения» и «пользу»? Если и сбылись, то далеко не сразу. Вернувшись домой, члены миссии представили свои отчеты о путешествии, но их поместили в недоступный для жителей страны архив. Тогдашние власти расценивали информацию как одну из своих основных привилегий.

Однако заграничная информация все равно доходила до японцев. И она была пугающей. В Японии стало очень быстро известно, что англо-французские войска заняли Пекин. Согласно заключенным договорам, Цинская империя должна была выплатить очередную контрибуцию, согласилась на «свободную» торговлю в Тяньцзине и, вдобавок к Сянгану (Гонконгу), лишилась южной части полуострова Цзюлун (Каолун). Китай на глазах терял свой суверенитет и превращался в полуколонию. Уж если огромный Китай не смог защититься от нашествия «варваров», то что уж говорить о Японии, которую сами японцы исстари привыкли именовать «просяным зернышком»...

1861 год

1-й год девиза правления Бункю. 10-й год жизни Мэйдзи

После того как Сатиномия дочитал «Книгу о сыновней почтительности», Комэй велел ему приступить к «Великому учению». При этом учеников в классе стало ровно в два раза больше: к Сатиномии присоединился Урамацу Тарамицу (1850–1915), отпрыск аристократического рода.

Предыдущий девиз правления Манъэн не прожил долго. В феврале его заменили на «Бункю» – «Длительная культурность». Обозначающие данный год циклические знаки сулили бедствия, и еще с периода Хэйан в такой год проводилась смена девиза. В пассаже «Поздней истории династии Хань», из которого и были позаимствованы иероглифы для нового девиза, говорилось о доблестях культурных и воинских. Иероглиф «воинский» в название девиза непосредственно не вошел. Но Сугавара Тамэсада, предложивший этот девиз, имел в виду и его – напряженное ожидание военного конфликта нервировало подданных. Они полагали, что сейчас правительству совсем не помешает и военное умение. Ведь политика западных держав отнюдь не ограничивалась дипломатическими аргументами. Пребывая в полной растерянности, сёгунат шел на одно послабление за другим. В июне он снял запрет на строительство крупнотоннажных кораблей и разрешил частным лицам покупать иностранные суда. Но вековое отставание от Запада не могло быть преодолено сразу.

В феврале возле острова Цусима бросил якорь корвет «Посадник». Командир эскадры И. Ф. Лихачев не получил указания относительно создания на Цусиме военно-морской базы. Но у него было разрешение под свою личную ответственность заключить соглашение с местным князем об аренде участка – при условии, что это не вызовет протестов сёгуна и вмешательства западных стран^[29]. Однако при высадке на остров некий Ясугоро, присланный сюда для охраны острова, попытался оказать сопротивление и был застрелен. Это произвело на местных крестьян устрашающее впечатление, но выгоды пребывания матросов на острове, похоже, перевешивали: моряки исправно платили за овощи, коров, кур и яйца. Русские и японские плотники приступили к постройке зданий для будущей базы. Однако сёгунат был против, против были и англичане, хорошо понимавшие стратегическую важность острова, с которого контролировалось прохождение судов через Корейский пролив. Английский посланник Р. Элкок (Олькок, Alcock) тоже мечтал превратить Цусиму в базу. После того как на Цусиму зашли два английских корабля, русская эскадра покинула остров, а Лихачев вроде бы получил в Петербурге нагоняй. Однако после случившегося и Англия не стала лишний раз будоражить общественное мнение и искать новых столкновений с Россией, Францией и другими европейскими странами. И получилось, что Цусима так и не превратилась в открытый порт.

Открытым портом был Хакодате, и пребывание там российского консульства являлось совершенно законным. В этом году туда прибыл отец Николай (Касаткин, 1836–1912). Со временем он станет одним из лучших иностранных знатоков Японии. Его предшественник на этой должности, И. В. Махов, пробыл в Хакодате совсем недолго, но успел издать русскую азбуку для японских детей.

Сёгунат не мог продемонстрировать свою силу на Цусиме – русских изгнали оттуда англичане. Он пытался сохранить свой пошатнувшийся авторитет за счет заключения «династического» брака между сёгуном Иэмоти и принцессой Кадзуномия. Он принял все условия, выдвинутые императором. Все, за исключением одного: отсрочка свадьбы на два года – это слишком много. Еще в прошлом году сёгунат спешно приступил к починке дорог, по которым должны были пронести в паланкине принцессу, но Комэй велел подождать до весны следующего

года, чтобы Кадзуномия смогла принять участие в поминальных службах по отцу. Сёгунат нехотя согласился. Предпринимать двухнедельное путешествие в летнюю жару сочли слишком большим испытанием, и отъезд назначили на осень.

Тут императору стало известно, что сёгунат ведет секретные переговоры и готов заключить новые торговые соглашения – на сей раз с Пруссией, Бельгией и Швейцарией. И тогда Комэй заявил, что свадьбе не бывать – ведь условием «брачного контракта» являлся разрыв отношений с Западом. Придворным удалось немного успокоить его. Последовал указ о том, что брак не отменяется, но лишь откладывается на несколько лет. Сама Кадзуномия полностью поддержала брата. Она говорила, что этот брак ей не по сердцу и что она отправится в Эдо только тогда, когда там простынет и след последнего иноземца.

Однако гнев Комэй все-таки поулегся, Кадзуномия помолилась «на дорожку» в нескольких святилищах. На прощанье Комэй вручил ей памятную записку, в которой содержалась просьба употребить все свое влияние на сёгуна, чтобы он сдержал свои обещания по изгнанию «варваров».

Кадзуномия отправилась в путь 20 октября. Ее сопровождало около 10 тысяч воинов, набранных из тех княжеств, которые особенно лояльно относились к императорскому двору. Всего же в поездку отправилось 16 тысяч человек. Дороги этого времени были намеренно узкими – сёгунат опасался восстаний неблагонадежных князей. Так что процессия растянулась на много километров. Помимо разобранного на составные части киотосского дома Кадзуномия 280 лошадей везли 7440 одеял, 1380 подушек, 8060 чашек для риса, 5210 суповых плошек, 1040 подносов, 2110 тарелок. Ходили слухи, что принцессу могут похитить. Речь, видимо, шла о тех поклонниках императорской фамилии, которые считали брак принцессы с сёгуном оскорблением для трона. Так что лицам мужского пола свыше 15 лет запрещалось пересекать дорогу перед процессией, в городах же мужчинам вообще предписывалось не выходить из домов.

Маршрут составлялся так, чтобы избежать неблагоприятных знаков. Так, процессии пришлось сойти с тракта Токайдо и сделать большой крюк по горам, поскольку предсказателям показалось, что название местечка Сатта возможно истолковать как «разведенная с мужем». Когда предстояло проследовать мимо дерева породы «энкири эноки», то есть «железное дерево, нарушающее обет», слуги закрыли его до вершины соломенными циновками.

С каждым шагом носильщики приближали принцессу к Эдо. А от него было рукой подать до Июкогамы, населенной иностранцами, одно упоминание о которых вызывало у Кадзуномия ужас.

Место действия: Иокогама

В Иокогаме набирала силу новая жизнь, о соблюдении традиционных табу там не думал никто. Там думали о комфорте и прибыли. Иокогама стала «открытым городом» в 1859 году. Первое время иностранные жители обитали в японских «карточных» домиках, но довольно скоро стали появляться и столь непривычные для японцев кирпичные строения. Через месяц после открытия порта в Иокогаме находилось 99 японских торговых домов, в 1862 году их насчитывалось уже 390. Они торговали шелком, изделиями из лака и бронзы, керамикой, чаем.

Иностранцы казались пришельцами из другого мира, повар европейского ресторана брал с японцев деньги за вход – только за то, чтобы они могли взглянуть на иноземцев. Рисовать их тоже стало прибыльным бизнесом. Только в 1860–1861 годах было выпущено не менее 800 цветных гравюр с их изображениями! Эти картинки так и назывались – «иокогамскими картинками». Настоящим бестселлером стала шеститомная книга художника Хасимото Садахидэ «Увиденное и услышанное в открытом порту Иокогама». Надо признать, на художников мало действовали политические лозунги эпохи, призывавшие к изгнанию варваров. Фигуры европейцев почти неизменно появляются на фоне стоящих на рейде кораблей, которые стали символом как самой Европы, так и технического прогресса.

Несмотря на огромный объем изобразительной продукции, посвященной иностранцам, их самих насчитывалось в Иокогаме совсем немного: в 1860 году в городе постоянно проживало всего 34 купца, а в 1862-м – не более 200. На Иокогаму проходило более двух третей внешнеторгового оборота, но не стоит обманываться впечатляющими цифрами, ибо объем внешней торговли страны составлял всего 12 миллионов долларов. В это время значение Иокогамы определялось не столько объемом торговых операций, сколько тем зрительным впечатлением, которое она производила на японцев благодаря многочисленным работам художников.

Большинство иокогамских купцов были англичанами. Однако в первое время торговые переговоры обычно велись на голландском языке. Англичане не знали японского, японцы – английского. Поскольку длительное время контакты японцев с европейцами ограничивались голландцами, то они располагали только переводчиками с голландского.

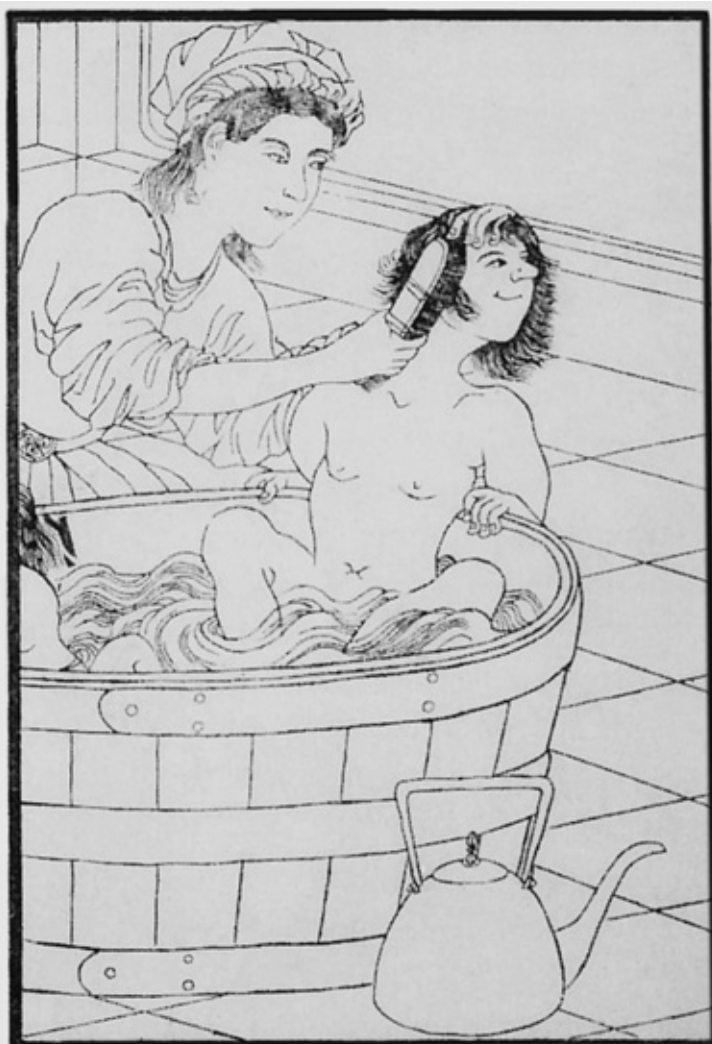
В «открытии» Японии главную роль сыграли американские военные корабли. Однако наибольшую выгоду извлекли все-таки английские купцы. Именно Англия была в то время наиболее развитой страной мира. К тому же в Америке полыхала война между Севером и Югом. И тут уже было не до торговли с какой-то там Японией.

Японцев удивляло все: европейские собаки, экипажи, огромные лошади, одежда. Большой экстравагантностью казалась им манера держать руки в карманах, которых их традиционная одежда была лишена. Жены иностранных купцов ездили верхом – еще одна неожиданность. Поражали и невиданные доселе бытовые новшества: швейная машинка, утюг, велосипед, мыло, огромные стеклянные окна и зеркала. Да мало ли что еще... Да хоть и еда. Непривычные к мясу японцы неизменно отмечали, как любят европейцы говядину, свинину, баранину. Скот везли из Китая и даже из Америки, забивали его уже здесь, в Иокогаме. Поскольку дело мясников считалось делом нечистым, их лавки из-за жалоб японских жителей вывели за пределы города.

Страсть японцев к учению сказалась и на гравюрах. На многих из них приводятся небольшие словарики: как то или иное слово звучит по-английски, по-голландски, по-французски. Лица же европейцев казались художникам совершенно одинаковыми – именно такими они и предстают на гравюрах: красных (желтых) волос, огромного носа и глубоко

посаженных глаз было достаточно, чтобы понять – это европеец.

Европейцы привозили в Йокогаму тех животных, с которыми японцы были знакомы только по описаниям или же картинкам. Два тигра, приобретенные голландским торговцем в Малакке за 100 долларов, были проданы им в Японии за три тысячи.

Хасимото Садахидэ. Американка, моющая детей первосортным мылом

Хасимото Садахидэ. В лавке мясника

Портреты англичанина, американца и француза

Хасимото Садахидэ. Иностранцы в Иокогаме (1861)

Зачастую художники рисовали то, о чем они слышали, но никогда не видели. В правой части этой гравюры изображена женщина с музыкальным инструментом, похожим на скрипку. Она держит ее на коленях и играет на ней с помощью медиатора – точно такого же, какой используют для традиционного японского инструмента – сямисэна.

Европейцев в Иокогаме насчитывалось совсем немного. На редких балах присутствовало примерно девять десятков мужчин и всего около двадцати женщин. Надо ли говорить, что содержатели борделей зарабатывали неплохо. Квартал Миёдзаки, где располагались публичные дома, возводили одновременно с жилыми домами. Он начал функционировать уже в ноябре 1859 года. Все иностранцы получили приглашение поучаствовать в церемонии открытия. К приглашению прилагалась небольшая чашечка, веер с планом «веселого квартала» и полотенце с надписью по-английски: «This place is designed for the pleasure of foreigners». Цены в Миёдзаки были выше эдосских в четыре-пять раз. Именно тогда моряки занесли в Японию сифилис. Несколько позднее в Иокогаму стали приезжать и европейские «красавицы». На визитной карточке одной из них красовалось: «Мисс Мери. 30 долларов. Адрес общеизвестен».

На писателя В. Крестовского «публичные нравы» Иокогамы произвели отвратительное впечатление: «Все дома были ярко освещены внутри, и в каждом из них наиболее характерную внешнюю особенность составляла пристройка вроде закрытой эстрады или галереи, выходящая в уровень с нижним этажом прямо на улицу. Одни из этих галерей стекольные, другие же просто забраны деревянной решеткой. Там, за этими решетками, поджав под себя ноги, сидели на толстых циновках молодые девушки, одна возле другой, составляя тесно сплоченный, но довольно широкий полукруг, обращенный лицом к улице. Сидят они тут как на выставке, точно птицы в клетках, и это действительно выставка, так как фланирующие мужчины останавливаются на улице перед каждой галереей, нагло глазят и рассматривают их сквозь решетку. Да оно и точно напоминает наши зверинцы, где перед такими же решетками толчется „публика“, глаза на диковинных зверей заморских»^[30].

Иокогама была сеттльментом. Ее иностранные обитатели – существами особыми. У них были особые права и особые обязанности. В частности, это была обязанность платить больше

всех: для них всюду был установлен специальный тариф, который разительно отличался от того, который действовал в отношении самих японцев. За пользование гостиницей – особая плата. За вход в театр – особая. Причем для того, чтобы избежать нежелательных контактов с японцами, иноземца помещали непременно в ложу. Если же находился чужак, который все-таки садился в партере среди японцев, спектакль попросту не начинали. Пользоваться дешевым паромом, направлявшимся через залив в Канагаву, иностранным жителям Иокогамы тоже запрещалось. Или нанимай лодку, или скачи в объезд по берегу. Члены миссий выходили в город исключительно в сопровождении японских охранников, которые всячески препятствовали им в общении с местными жителями. Состав самой охраны менялся каждые 15 дней, чтобы между охранниками и дипломатами не возникало чересчур доверительных отношений. Естественно, что посещать дома японцев иностранцам запрещалось.

В Иокогаме было признано право на свободу вероисповедания: первая церковь была освящена в январе 1861 года двумя французскими католическими священниками. Однако это право не имело отношения к местному населению. 50 японцев, которые осмелились посетить церковь, арестовали и под страхом смертной казни запретили вновь заходить в нее.

Контакты японцев и иностранцев не ограничивались взаимовыгодной торговлей и изучением привычек друг друга. Нет, конфликты случались, особенно в первую половину 60-х годов.

Английский дипломат Эрнест Сатов отмечал, что европейские жители Иокогамы молоды, энергичны и здоровы, так что на европейском кладбище новые поступления обеспечивались не за счет естественных смертей, а за счет невинных жертв самурайских нападений^[31].

Иностранные жители Иокогамы постоянно пребывали в нервическом состоянии. Япония стала считаться страной опасной для жизни. Торговцы огнестрельным оружием подсчитывали барыши – все мужское население города носило с собой револьверы. Их бесполезность была осознана много позже. По свидетельству Э. Сатова, сам он перестал носить с собой револьвер только в 1869 году – во-первых, из-за тяжести, а во-вторых, потому что нападавшие (обычно вооруженные самурайскими мечами) всегда действовали с такой неожиданностью и быстротой, что никто не успевал применить револьвер^[32].

Бытовой пожар европейцы с готовностью принимали за поджог. И в таком случае из страха перед погромами матросам стоявших на рейде кораблей отдавалась команда высадиться на берег. Более тысячи военных квартировали и в самом городе, причем значительная часть стоимости их содержания была возложена на сёгунат. Адресуясь к министру иностранных дел, английский посланник Р. Элкок писал, что климат в Иокогаме вполне неплох, а присылка войск из Гонконга в Иокогаму весьма выгодна для финансов империи, ибо содержание войск удалось возложить на сёгунат. Элкок не делал большой разницы в статусе Гонконга и Иокогамы, считая оба города за колонии.

Несмотря на все опасности, которые грозили иностранным обитателям Иокогамы, положение в Эдо было еще хуже. Непрекращавшиеся нападения на иностранцев привели к тому, что большинство представительств сочли за благо на какое-то время перебраться в Иокогаму, ограниченная территория которой охранялась намного лучше.

Нужно сказать, что среди иноземных жителей Иокогамы и матросов было достаточно людей, которые относились к японцам как к представителям низшей расы и не упускали случая задеть их. Епископ из Гонконга Смит, посетивший Иокогаму в 1860 году, писал, что иностранцы в городе – это «невоспитанные искатели приключений из Калифорнии, португальские головорезы, беглые моряки, преступные пираты и моральные отбросы европейских наций». Еще более беспощаден был В. В. Крестовский. Характеризуя иностранных обитателей Иокогамы, он писал: «И вы видите, как в беспокойно бегущем, озабоченном их взоре скользит ищущая

похоть, как бы только сорвать с кого куш, что-нибудь и где-нибудь хапнуть, жамкнуть хорошенько всеми зубами, купить, перебить, продать, передать, поднадуть. Это все народ авантюрист, прожектер, антрепренер чего угодно и когда угодно, прожженная и продувная бестия, – народ большей частью прогоревший, а то и проворовавшийся или окончательно компрометированный чем-либо у себя дома, на родине, и потому бежавший на Дальний Восток, где можно еще с высоты своего европейского превосходства не только презирать и эксплуатировать этих „смешных и глупых варваров“ китайцев и японцев, но еще и „цивилизовать“ их, за хорошее, конечно, жалованье, в некотором роде „миссию“ свою европейскую исполнять, безнаказанно держать себя с нахальнейшим апломбом, да к тому же нередко еще и роль играть в местном европейском клоповнике»^[33].

Стоит ли удивляться, что эти люди запросто пускали в ход свои кулаки и пистолеты? Элкок сравнивал иокогамские порядки с беззаконием, царившим на золотых приисках. Французский миссионер Монико упоминает о французе, который разрядил свой револьвер в местного каменщика только за то, что тот «имел наглость» потребовать заплатить по просроченному счету. Художник Хасимото Садахидэ, настроенный по отношению к европейцам вполне дружелюбно, описывает сцену, которую он наблюдал в мясной лавке. Несколько японцев обступили мясника, с нескрываемым любопытством разглядывая, как тот разделяет тушу. Реплики, подаваемые ими на непонятном тому языке, вывели мясника из себя, и он натравил на толпу собак. Люди разбежались. «К счастью, никто не пострадал», – заключает Садахидэ. Но иностранцев к японскому суду привлечь было нельзя. Консулы же обычно обходились со своими соотечественниками с предельной «гуманностью». Говорили, что из всех стран мира избежать кары за правонарушение для европейца было легче всего в Японии и Китае.

С самого начала получилось так, что качество человеческого материала в Иокогаме оставляло желать лучшего. Партнерами европейских авантюристов часто выступали далеко не лучшие представители японского народа. Таможня была продажной. Целые партии вина за взятку можно было записать в графу «для личного употребления» и избежать пошлины. Европейским купцам приходилось внимательно следить за качеством приобретаемого товара. Несоблюдение условий контракта было в порядке вещей. Иокогама была для японца главным окном в Европу. Личные контакты способствовали тому, что японцы узнавали о ней – как хорошее, так и плохое – из первых рук. Иокогама заставляла их задуматься о том, как Япония должна вести себя по отношению к Западу.

1862 год

2-й год девиза правления Бункю. 11-й год жизни Мэйдзи

По условиям договоров иностранным державам разрешили учредить представительства в Эдо. Поскольку в Японии не было принято «снимать квартиру» и все японцы жили в собственных домах (или, как князя-даймё, в усадьбах), то большинство представительств поселили в буддийских монастырях – других сколько-нибудь подходящих строений в городе попросту не сыскалось.

В январе в Эдо был убит голландец Хюскен, переводчик Гарриса. Ссылаясь на то, что они не могут гарантировать ничьей безопасности, власти призвали иностранцев не участвовать в похоронах Хюскена. В июле ронины из Мито напали на английскую миссию в Эдо. Сёгунат не мог защитить иностранцев. Он не мог защитить даже членов своего правительства.

15 января было совершено покушение на члена совета старейшин сёгуната Андо Нобумаса (1819–1871), решительного сторонника брака между сёгуном и принцессой Кадзуномия. Когда паланкин Андо направлялся в сёгунский замок, на него напали шесть самураев (четверо из них были уроженцами Мито). Пуля ранила Нобумаса, но пятьдесят охранников уберегли хозяина, все нападавшие были убиты на месте.

По обычаю того времени террористы захватили с собой заявление, разъяснявшее причины их действий. Они утверждали, что предстоящая свадьба – лишь средство получить от императора одобрение торговых договоров. Ярость нападавших подпитывалась слухами о том, что Нобумаса по наущению американского консула Гарриса якобы замыслил убийство Комэй и нанял двух ученых мужей, которые должны были подыскать подходящие исторические примеры по смещению императоров. А потому террористы со спокойной совестью заявляли, что являются орудиями для осуществления «возмездия Неба». Именно этим термином стали в это время оперировать политические экстремисты.

Андо Нобумаса выжил, но ранение заставило его выйти в отставку. Он был наиболее способным и деятельным членом сёгунского правительства. С его уходом центр политической жизни начинает стремительно перемещаться в сторону Киото.

11 февраля свадьба Кадзуномия и сёгуна все-таки состоялась. Церемония продолжалась десять часов.

В августе сёгунат пошел на ряд уступок «внешним князьям», которые воспользовались растерянностью сёгуната перед обрушившимися на него бедами. Во-первых, Хитоцубаси Ёсинобу, проигравшего выборы четыре года назад, назначили опекуном при юном и недееспособном Иэмоти. Во-вторых, произошло поистине эпохальное событие – значительное смягчение системы заложничества: сроки пребывания даймё в Эдо были сокращены, а членам семьи разрешалось покидать Эдо по своему усмотрению. Тянувшиеся в Эдо церемониальные процессии князей являлись наиболее зримым показателем их покорности сёгуну. Ослабление системы заложничества свидетельствовало о том, что сёгунат перестает контролировать ситуацию.

Теперь даймё получили намного больше возможностей посещать Киото, что имело в перспективе самые негативные последствия для сёгуната. Кроме того, экономя на поездках в Эдо, княжества стали тратить больше средств на создание собственных армий. Князья закупали вооружение, нанимали ронинов – самураев, потерявших хозяина или же покинувших его. В последние годы существования сёгуната ронины играли приблизительно такую же роль, как и казаки в эпоху Смутного времени в России. Большинство из них были выходцами из юго-

западных княжеств – Сацума, Тёсю, Тоса, Хидзэн. Значительное число составляли и уроженцы Мито. Они представляли собой плохо управляемую, возбужденную массу людей. Они хотели возрождения власти императора, низведения сёгуна до положения «обычного» даймё и изгнания иноземцев со священной земли Японии.

Для самого города Эдо упразднение системы заложенничества означало, помимо прочего, значительное сокращение населения: в свитах даймё состояло около 300 тысяч человек! Вместе с их частичным отъездом из Эдо потеряли работу многие жители города, которые были заняты их обслуживанием. Многие из них вернулись домой.

Европейцы плохо понимали, как устроена власть в Японии. Это относится не только к сёгуну или императору, но и к князьям. Так, князем Сацума считался Симадзу Тадаёси (1840–1897), но настоящим правителем являлся его отец, регент Хисамицу (1817–1897). Хисамицу был отцом князя, но, согласно японским понятиям о родстве, считался его дядей! Ведь в детстве Тадаёси усыновил брат Хисамицу, занимавший пост даймё. После его смерти Тадаёси наследовал ему, но получил в качестве опекуна Хисамицу.

В конце 1861 года Тадаёси и его опекун Хисамицу в знак своей верности через посланников преподнесли императору меч. Комэй ответил стихотворением:

Да будет известно:
Этот меч заботу
Проявит о нас.
Душа воина —
Тучами не омрачена.

Передают, что при получении стихотворения у Симадзу Тадаёси и его отца пролились слезы умиления. Теперь князья Сацума стали считать своим сюзереном не сёгуна, а императора. В стране начинался настоящий раскол.

Посчитав, что защита императора обеспечена плохо, семья Симадзу отправила в Киото отряд из тысячи самураев. Летом они вошли в город, там к ним присоединились другие самураи и ронины. Они были настроены чрезвычайно решительно и требовали, чтобы сёгун поклялся в верности императору, а те должностные лица, которые выступают против изгнания иностранцев и повышения авторитета императора, были бы смещены. Доказательств основательности намерений этих людей не пришлось ждать долго: Танака Симпэй из Сацума убил Симада Сакон, вассала канцлера Кудзё Хисатада, который выступал за открытие портов. Его голову выставили на всеобщее обозрение, а искромсанное тело выбросили в реку. Императорский дворец Госё охраняли верные сёгуну дружины, своих войск у императора не было. Однако теперь город заполнился «доброхотами», которые сами посчитали себя защитниками императорских интересов. До их столкновения с официальными телохранителями Комэй оставалось совсем немного времени.

В своих отношениях с сёгуном сам Комэй никогда не рассчитывал на силу. За прошедшие столетия императорский двор и военные правители Эдо привыкли друг к другу, и Комэй не приходило в голову разрушить эту систему. Ему казалось: он и Иэмоти являются необходимым условием существования друг друга. Тем более что сейчас Иэмоти породнился с ним. Поэтому Комэй приказал Симадзу Хисамицу усмирить своих людей. Тот подчинился. Те же надеялись, что Хисамицу поведет их немедленно в бой, но его целью были скорее преобразования, чем кровавая революция. Самураи пришли в возбуждение, многие из них стали действовать на свой страх и риск, дисциплина падала, никто не мог быть спокоен за свою жизнь. Ни в Киото, ни в

Иокогаме, ни в самом Эдо.

19 августа эти опасения подтвердились в очередной раз. Речь идет о так называемом «инциденте в Намамуги».

Английскому купцу Ричардсону было 29 лет, он приехал в Японию из Шанхая с туристическими целями. Вместе с двумя приятелями и приятельницей они предприняли конную экскурсию из Иокогамы. Возле деревни Намамуги они повстречались с процессией Симадзу Хисамицу, направлявшегося из Эдо в Киото. В процессии было около 400 человек. Хисамицу несли в дорожном паланкине. Всадники подались влево, но не спешили. Они прижались к живой изгороди, но дорога была настолько узкой, что процессия остановилась. К Ричардсону, который находился впереди других всадников, подбежали трое самураев и искромсали его на куски. Самураи успели ранить и двоих спутников Ричардсона, и только его приятельница осталась невредимой. Но всем троим спутникам Ричардсона удалось скрыться. Коней у самураев не было.

Похоже, что Хисамицу не отдавал приказаний напасть на иностранцев. Его охранники действовали по своему усмотрению – ведь эти иностранцы не спешили, то есть не оказали уважения их господину. Если бы это были не иноземцы, а японцы, охрана, возможно, поступила бы точно таким же образом. Так что имело ли это убийство целиком антииностранный подтекст, сказать трудно. Но проблема заключалась в том, что Хисамицу отказался выдать убийц Англии – ведь с точки зрения японского закона они поступили совершенно правильно. Сёгунат учредил охранные посты на той территории, где было позволено бывать иностранцам, но не предпринял серьезных мер для поимки самураев. В случае невыдачи преступников Англия вначале грозилась объявить морскую блокаду, но потом одумалась – в торговле нуждались европейцы, японцы не видели в ней особого проку. Тогда Англия потребовала компенсации размером в 25 тысяч фунтов. В порту Иокогамы собралась флотилия из семи британских военных судов.

В свете этих драматических событий становится более понятным, почему западные державы столь настойчиво требовали для своих подданных и граждан экстерриториальности, то есть неподсудности японским законам. Японцам казались варварами европейцы. Европейцы же в свою очередь считали варварскими японские порядки.

Симадзу Хисамицу направлялся в Киото. Его целью была консолидация тех сил, которые в состоянии организовать отпор Западу. Для этого решили организовать визит Токугава Иэмоти в Киото. Иэмоти был вынужден пойти на этот унижительный для сёгуна визит еще и потому, что он рассчитывал задобрить антисёгунскую партию при императорском дворе. Ведь за то время, пока Хисамицу находился в Киото, трое активных сторонников брака Кадзуномия и Иэмоти (Ивакура Томоми, Тигуса Арибуми и Томинокодзи Хиронао) были лишены своих придворных должностей и их посадили под домашний арест. Их обвинили в сотрудничестве с сёгунатом. В то время ни по одному вопросу не существовало согласия.

В июне-октябре дипломатическая миссия сёгуна во главе с Такэноути Симоцукэ-но Ками посетила Европу. В состав миссии входил и Фукудзава Юкити, который попал за границу уже во второй раз. Там был и Фукути Гэнъитиро (1841–1906), которого нарекут впоследствии отцом японской журналистики. В составе миссии находилось и много других талантливых молодых людей, которым предстояло создавать другую Японию. Пока еще никто не знал, насколько другой она будет. Пока что все полагали: достаточно «подсмотреть» у европейцев, как они делают свои замечательные вещи, научиться их технологиям, но сохранить при этом привычные домашние порядки.

Перед миссией стояли важные задачи. Помимо чисто ознакомительных целей, ей предстояло добиться от Франции, Англии, Германии, Голландии, Пруссии, России и Португалии отсрочки открытия портов Ниигата, Хёго, Осака и Эдо на пять лет. Дело в том, что сёгунат не

мог гарантировать безопасности иностранцев. Многочисленные случаи нападений на них говорили о том, что правительство не справляется с разгулом терроризма.

Посольство 1862 г. Такэноути – второй слева

Фукути Гэнъитиро

Ни один японский корабль не был в состоянии добраться до Европы. Поэтому японцам пришлось воспользоваться британским военным кораблем. Капитан не отнесся к ним как к полномочным представителям «великой» державы, багаж было приказано ограничить самым необходимым. Доспехи, копья и паланкины пришлось оставить дома. Самураи взяли с собой только парадные седла и стремена. Им было трудно обойтись без привычной соевой пасты, но она протухла очень быстро и ее пришлось выкинуть в открытое море на пути между Гонконгом и Сингапуром. Члены миссии опасались тягот пешего пути по европейским дорогам, привычные им соломенные сандалии-варадзи послали вдогонку на почтовом корабле. Но сандалии негодились – передвигаться пешком по Европе, где оказалось неожиданно много лошадей и железных дорог, почти не пришлось. Варадзи тоже выкинули.

Японцы привыкли к мирной жизни, им и в голову прийти не могло, что их решение погрузиться на английский корабль может вызвать международные проблемы. Однако гражданская война в Америке сделала Англию ее врагом. Пронесся слух, что в Сингапуре американский боевой корабль поджидает английское судно. На корабле потушили огни, самураи

выпили сакэ и еще раз осмотрели свои мечи. Тревога оказалась ложной, но они лишний раз убедились в том, в какой опасный и непредсказуемый мир затягивает их история.

Все европейские страны с легкостью пошли на отсрочку открытия портов. Однако по требованию англичан в качестве компенсации за изменения в сроках пришлось значительно снизить импортные пошлины. Европейцы потирали руки, но японцам такая уступка казалась сущим пустяком – забота о торговой выгоде не входила в кодекс самурая.

За исключением Фуудзикава Юкити все члены миссии очутились в Европе впервые. Бытовые условия гостиничного проживания (огромные комнаты, газовые лампы, внутренний телефон) восхищали, но европейскую еду большинство японцев нашло отвратительной. Много мяса и животного масла, зато мало рыбы и овощей. Спасал привезенный с собой соевый соус, в который опускали купленную в лавке сырую рыбу. Японцы в своих традиционных одеждах собирали на европейских улицах толпы зевак. Точно такое же любопытство испытывали у себя дома и японцы по отношению к европейцам.

В Париже миссию принял Наполеон III. Аудиенция показалась японцам чересчур скромной – на ней присутствовало всего два десятка придворных, словно это был не император могущественной державы, а какой-то мелкий даймё. Японского сёгуна во время аудиенции окружала сотня вассалов. Да и сама резиденция императора не произвела особого впечатления. Отель на 600 номеров, в котором остановились японцы, показался им грандиознее.

Фукудзава Юкити в Париже (1862 г.)

В Лондоне поразил туннель под Темзой. Идея, что через реку можно переправляться не только по мосту, но и под землей, оказалась для японцев новой.

По случаю смерти королевы английский двор соблюдал траур, поэтому получить аудиенцию на высшем уровне не удалось. Пришлось ограничиться встречей с министром иностранных дел Расселом.

В это время в Лондоне проходила Всемирная выставка. Там были представлены вещи и из Японии, но сёгунат не имел к ним никакого отношения. Это были предметы искусства и ремесла из коллекции английского посланника Элкока. Среди 900 экспонатов находились изделия из

лака, бронзы, фарфора, бумаги, живопись, самурайские доспехи, светильники и фонарики, шляпы и одежда. Эти предметы экспонировались рядом с китайскими изделиями. Японская экспозиция вызвала большой интерес, послужив началом моды на «японское», которая через несколько десятилетий буквально захлестнет Европу. Японцы удивлялись тому, что эти вещи нравились европейцам. Это вселяло надежду, что еще не все потеряно.

Самый горячий прием ожидал Такэноути в Голландии. Там повсюду вывесили японские флаги и приветствия на японском языке. Была выпущена и памятная медаль с изображением короля, который дал посольству аудиенцию. В Японии в то время еще не было ни орденов, ни медалей. Вместо этого Такэноути «наградил» короля и наследного принца мечами. Длительное время именно голландцы олицетворяли собой Европу, а потому в своих речах Такэноути подчеркивал, что он будто бы вернулся на свою вторую родину. Выставленная в художественной школе японская керамика еще раз подтверждала, что японское искусство пользуется в Европе популярностью. В свою очередь японцам нравились голландские фабрики и заводы, однако парламент и избирательная система восторга не вызвали. Мысль о том, что власть можно выбирать, казалась в то время абсурдом. Коллегиальность в принятии решений присутствовала и в японской политической практике, но право голоса имели лишь те, кому это право досталось по наследству. Точно так же японцы были неприятно удивлены тем, что земля в Голландии свободно продается всем, даже иностранцам. На замечание о том, что иноземцы могут на купленной земле возвести крепость и оснастить ее пушками, голландский уполномоченный отвечал: пока что таких глупцов не находилось. Однако японцы остались при своем мнении и еще долгое время считали продажу земли иноземцам «распродажей родины».

После короткого визита в Берлин, где состоялась встреча с кайзером и осмотр парламента, миссия направилась в Петербург. Там Такэноути возили в карете, запряженной шестеркой лошадей. В других европейских столицах предоставлялась только четверка. В резиденции членов миссии ждала и другая неожиданность: их быт организовали на японский лад. Они спали на привычных деревянных подушках, еда готовилась на японский манер, кушали палочками, чай пили из японских чашек. Под впечатлением такого приема Фукудзава Юкити сочинил стихотворение на китайском языке, которое заканчивалось словами: «Европейское Небо не отличается от Неба родной деревни».

Татибана Косай

Заботу о японской миссии проявил вывезенный в Россию Татибана Косай. К моменту приезда миссии в Петербург он уже поменял имя, крестился, женился, помог Гошкевичу составить японско-русский словарь, за который тот получил Демидовскую премию. В этом издании было 15 тысяч словарных единиц. Теперь Татибана Косай находился в штате российского МИДа и его звали Владимиром Ефимовичем Яматовым. Ямато – древнее название Японии, а Ефимовичем японец стал потому, что его крестником стал Ефим Гошкевич. Именно Яматов и устроил для гостей истинно японский прием, хотя показаться им на глаза он так и не решился. Ведь он бежал за границу и нарушил закон, запрещавший покидать пределы Японии. Но члены миссии, конечно, почувствовали, что без природного японца в Петербурге не обошлось.

С Россией у Японии с самого начала складывались особые отношения. Это была единственная европейская держава, которая соседствовала с Японией. А соседи – это границы. И на сей раз в Петербурге состоялись очередные переговоры по поводу принадлежности Сахалина. Александр II дал аудиенцию Такэноути, но переговоры по территориальному вопросу не продвинулись ни на шаг.

Россия хотела получить весь Сахалин, японцы настаивали на разделе острова по 50 параллели, напоминая, что Сахалин первыми начали осваивать именно японцы. Слыша от японских переговорщиков, что японское название острова – Карафуто – японского происхождения, начальник Азиатского департамента граф А. П. Игнатъев попросил Такэноути написать его иероглифами. Тот не смог этого сделать и воспроизвел название острова только с

помощью азбуки^[34] – ведь Сахалин вошел в орбиту японской внешней политики совсем недавно и ни один «нормальный» японец не знал иероглифическое обозначение этого острова. Да и слово это было отнюдь не японского, а китайского происхождения. Сахалин – название маньчжурское, хотя в русском народе его и называли временами «Соколиным» островом. Сам Игнатьев, разумеется, вряд ли мог знать такие тонкости, но у него появились квалифицированные советники. В первую очередь, Яматов и Гошкевич. Несмотря на остроумный лингвистический выпад Игнатьева, вопрос о Сахалине снова завис, японцы на уговоры не поддавались. Лингвистические и исторические аргументы явно не работали. До военных дело пока не дошло. В те времена Сахалин представлял собой «ничейную» землю. Только несколько лет назад русские окончательно выяснили, что Сахалин – это не полуостров, а остров (японцам это стало известно в 1809 г.). По большому счету, в то время ни у Японии, ни у России не было желания и сил приступить к его освоению.

Переговоры в Петербурге по территориальному размежеванию были единственной неудачей миссии. Такэноути заторопился домой. На обратном пути миссия ненадолго заехала в Берлин, потом снова в Париж. В это время в Париже уже получили сообщение об убийстве Ричардсона, прежнее гостеприимство сменилось холодностью. Выстроенный на прощание почетный караул казался не знаком дружелюбного внимания, а грозным предупреждением. Вернувшись в Японию, члены миссии обнаружили там подъем ксенофобских настроений. И им запретили рассказывать о том, что они увидели в Европе.

В этом году состоялась еще одна поездка за границу. Сёгунский корабль «Сэнсаймару» отправился в Шанхай. Основной целью была торговля, но одновременно японцы посмотрели на обстановку в Китае, на то, как ведут себя иностранцы в «открытой стране». Они пришли к однозначному выводу, что территория сэттльментов фактически не принадлежит Цинскому правительству, а иностранцы относятся к местному населению как к людям второго сорта. Страх превратиться во «второй Китай» охватил японский истеблишмент^[35].

1863 год

3-й год девиза правления Бункю. 12-й год жизни Мэйдзи

В марте в Эдо вернулся корабль «Канрин-мару». Он занимался тем, что обследовал архипелаг Огасавара в Тихом океане. Общая площадь входивших в его состав островков составляет всего 700 квадратных километров. От Эдо его отделяло расстояние около 1000 километров. Архипелаг был почти необитаемым, лишь пять десятков англичан и американцев проживали там. Они ловили рыбу, выращивали свиней, занимались огородничеством и меновой торговлей с изредка заходившими сюда иностранными судами. Хотя Англия и Америка теоретически претендовали на архипелаг, но сколько-то серьезных усилий по его колонизации пока что не предпринимали. Японцев там не было, но сёгунат уже понял, что ничейной земли на этом свете быть не должно. «Канрин-мару» доплыл до Огасавара, договорился с местной общиной, что она не станет возражать, если архипелаг станет частью Японии. Сёгунат уведомил об этом консулов иностранных держав. Они возражать не стали. До Огасавара никому не было дела, но Япония сделала первый шаг в сторону территориальных приобретений – она подобрала то, что никому не было нужно.

Юный Иэмоти прибыл в Киото 4 марта. Сёгуны не приезжали в столицу уже более двух веков. Разумеется, и императоры никогда не были в Эдо. Этот визит символизировал новые отношения сёгуната с двором. Авторитет двора поднимался, сёгуната – падал. Несмотря на традиционный запрет посещать Киото, все больше князей стали нарушать его. Двор использовал их пребывание в столице для того, чтобы убедить князей в необходимости скорейшего изгнания иностранцев. Переговоры с Иэмоти император использовал для достижения этой же цели. И сёгун, и Комэй испытывали на себе сильнейшее давление вышедших из-под контроля ксенофобов.

Так, около месяца назад был убит конфуцианский ученый Икэути Дайгаку. Убийцы отрезали у него уши и послали их придворным Накаяма Тадаясу и Огиматисандзё Санэнару, требуя их отставки на том основании, что они якобы подкуплены сёгунатом и именно поэтому проводят политику единения императорского и сёгунского дворов. Сказавшись больными, оба придворных подали в отставку. Вместо Тадаясу воспитателем Муцухито был назначен Сандзё Санэтоми (1837–1891). Сандзё будет находиться при нем всю оставшуюся жизнь.

В этом году произошло более 70 инцидентов (убийств, поджогов и просто угроз) с участием ксенофобов, выносивших приговор о «небесном наказании». Среди пострадавших было немало купцов – самураям казалось, что именно их алчность влечет страну к пропасти. И во всех случаях было оставлено дотошное объяснение – за что.

От рук террористов страдали не только люди, но и статуи. 22 февраля девять человек ворвались в буддийский храм Тодзи в Киото (он был основан еще в IX в. знаменитым буддийским монахом Кукаем), вытащили оттуда деревянные статуи представителей предыдущей династии сёгунов – Асикага, отрубили им головы и выставили на всеобщее обозрение. Сёгуны Асикага были печально знамениты тем, что обращались с императорами крайне непочтительно. Они, в частности, упразднили многие ритуалы при императорском дворе. Экзекуцию, произведенную над статуями, современники восприняли как намек на то, что то же самое может случиться с действующим сёгуном Иэмоти. Осквернителей святынь арестовали, но это не могло отменить прискорбного факта: в стране появилось множество людей, которые не желали следовать заведенному веками порядку.

Иэмоти прибыл в Киото в сопровождении трех тысяч человек. Он проследовал в замок

Нидзёдзё, официальную резиденцию сёгунов. В последний раз там останавливался Токугава Иэмицу в 1634 году. Сначала Иэмоти отправил к императору своего опекуна Токугава Ёсинобу и влиятельного князя Этидзэн – Мацудайра Ёсинага, чтобы те извинились за его неумелую политику. Он просил также выпустить указ о подтверждении своих полномочий, дарующих ему право управлять страной от имени императора. Ситуация в стране была настолько беспокойна, что сёгунату требовались дополнительные доказательства законности своего существования.

Потом Иэмоти отправился в императорский дворец сам. Его встречали как высокого гостя. Но всё равно Иэмоти не мог остаться доволен: дарованный ему ранг был ниже, чем ранги первого, левого и правого министров, а также министра Центра. И это несмотря на привезенные им богатые подарки: золото, серебро, рулоны шелка, свитки с живописью. Когда Иэмицу приезжал в Киото, он обладал самым высоким рангом среди всех японцев. Но времена переменялись.

Времена изменились, и Мори Ёситика, князю Тёсю, пришла в голову идея, чтобы император посетил два синтоистских святилища – Камо и Ивасимидзу. Это была откровенно крамольная мысль, полностью нарушавшая принятые установления. Ведь сёгунат запрещал императору покидать пределы дворца. Только в случае пожара во дворце император мог рассчитывать на то, чтобы перебраться на какое-то время в буддийский храм.

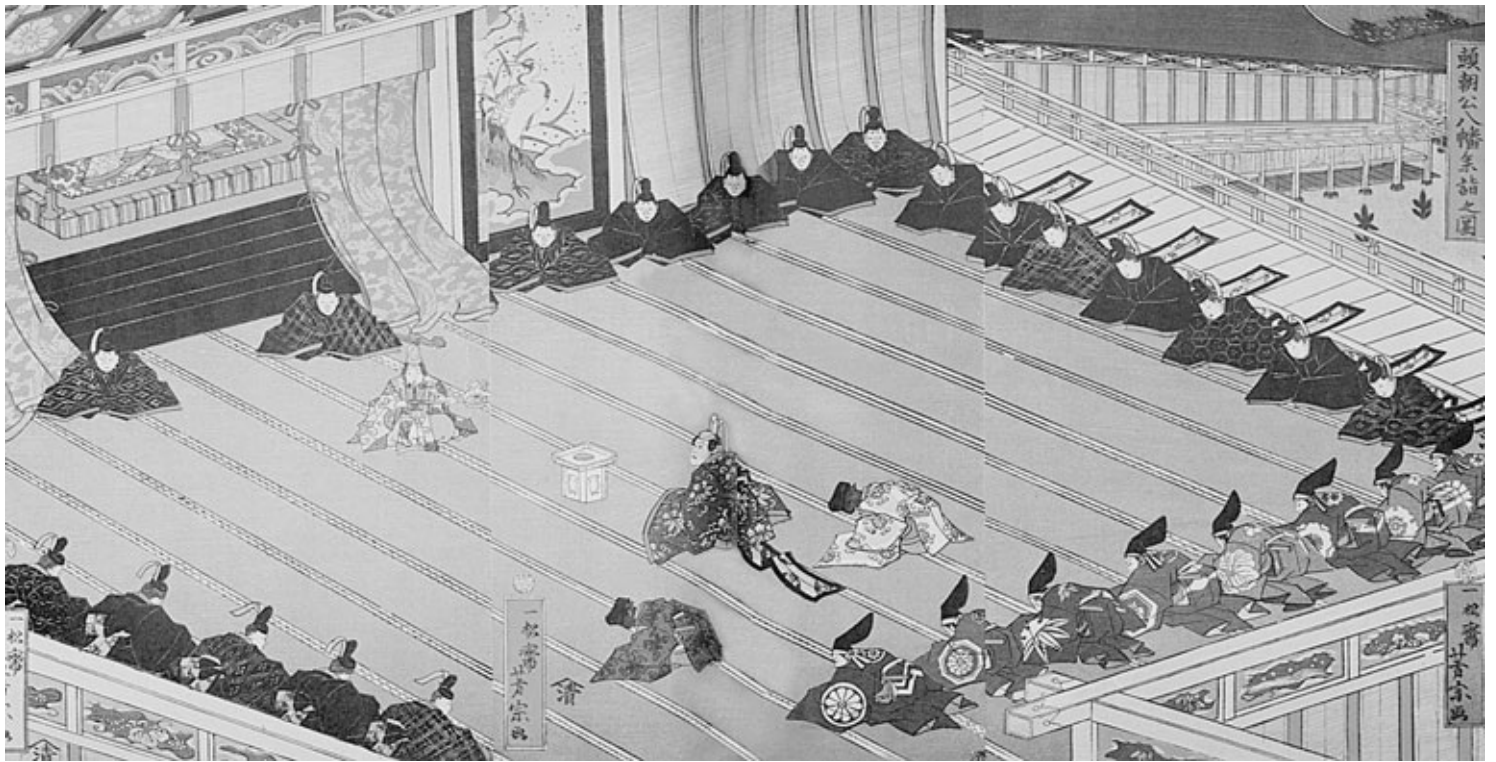
Ретроспектива. По своей воле ни один действующий император не мог покинуть киотосского дворца Госё с 1626 года. В этом году Гомидзуноо пронесли несколько сот метров до замка Нидзёдзё, где он находился четыре дня. После отречений, которые были нормой времени, экс-императоры получали несколько больше свободы передвижения, но эта степень была тоже невелика. Ни один из императоров эпохи Токугава не мог насладиться видом символа Японии – Фудзиямы или же увидеть Тихий океан.

В сопровождении всех своих министров, сёгуна и нескольких даймё император 11 марта покинул дворец и отправился возносить молитвы в святилища Камо (их было два – Верхнее и Нижнее), прося у богов изгнать иностранцев. Весь день шел дождь. Когда паланкин императора проносили мимо Иэмоти, он послушно спешился, приказал слугам убрать зонт над своей головой и упал на колени.

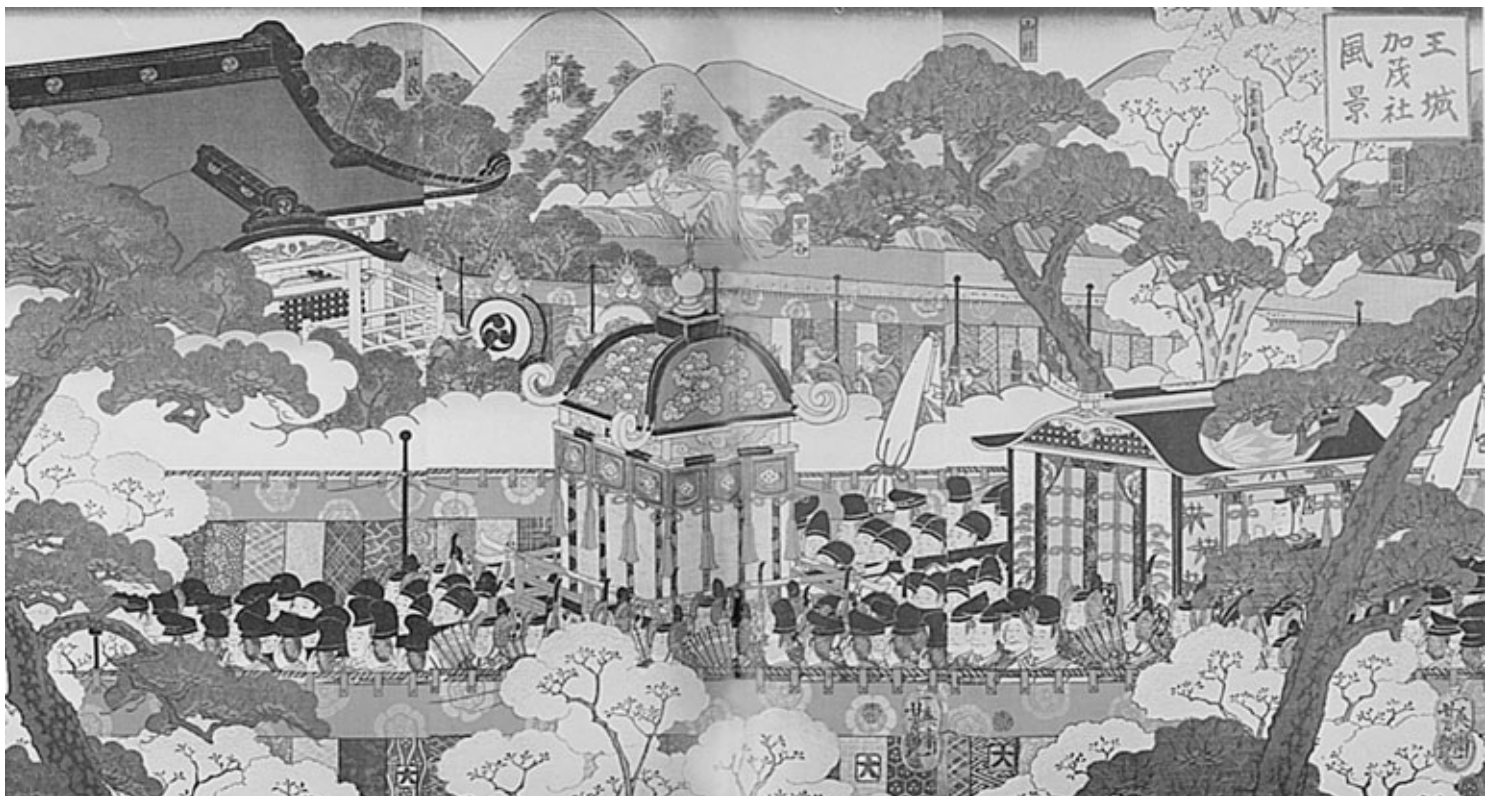
Паломничество Комэй стало началом новой эпохи: император стал выходить из тени на свет. Пусть его лица еще нельзя было увидеть, но почин был сделан. Десятки тысяч жителей Киото выстроились вдоль дороги, чтобы впервые в своей жизни увидеть паланкин императора. Раньше жители страны могли наблюдать только процессии князей или же сёгунов.

Ретроспектива. Когда даймё путешествовали из своих владений в Эдо и обратно, их процессии растягивались на километры. Выезды сёгунов в Никко, где находилось святилище в честь основателя сёгуната – Иэясу, обставлялись самым торжественным образом. Источники утверждают, что в процессии участвовали сотни тысяч человек. Вероятно, эту цифру можно счесть за преувеличение, но не вызывает сомнения, что именно процессия была основной формой публичности, доступной власти. В Японии, в отличие от Европы или России, отсутствовали помещения (гигантские дворцы или соборы), рассчитанные на проведение массовых церемоний. Дворец императора – это комплекс сравнительно небольших одноэтажных строений. К тому же дворцовый комплекс недаром называли «запретным городом» – вход туда был строго-настрого запрещен. Синтоистские святилища и буддийские храмы предназначались не столько

для массовых молений, сколько для сохранения там святынь – это были дома для божеств, а не для верующих. Даже в «Золотом павильоне» храма Тодайдзи (г. Нара), считающегося самым большим деревянным сооружением в мире, могли одновременно находиться всего несколько десятков человек. Площадей в японских городах тоже не было. Так что единственной возможностью поразить воображение подданных грандиозностью действия оставалась процессия.

Визит Иэмоти в императорский дворец. Комэй находится слева, за бамбуковыми занавесками

Выезд императора Комэй на моление в святилище Камо. В первом паланкине, на крыше которого красуется феникс, находится Комэй, во втором – Иэмоти. Лицо Комэй, как это и

положено императору, скрыто за занавесками. Дорога от дворца до святилища была занавешена полотнищами. Их предназначение – предоставить государю дополнительную защиту от сглаза.

Комэй не хотел отпускать юного сёгуна обратно в Эдо. В этом с ним были солидарны почти все придворные. Одна группа намеревалась использовать его пребывание для закрепления успехов в деле гармонизации отношений двора и сёгуната, другая же строила планы по дискредитации сёгуна для того, чтобы расчистить путь к прямому императорскому правлению. Иэмоти ждали, естественно, и в Эдо. Там продолжались переговоры по поводу урегулирования «дела Ричардсона». Обстановка нагнеталась с каждым днем. Англичане требовали выплаты огромной компенсации родственникам Ричардсона, грозили бомбардировками, японские жители Иокогамы бежали из города, эдосцы увозили ценности родне в деревню. Тем не менее императору все-таки удалось уговорить Иэмоти погостить подольше.

Комэй намечал посетить еще святилище Хатимана в Ивасимидзу и пригласил Иэмоти присоединиться к нему. Иэмоти согласился. Как и в прошлый раз, Комэй хотел донести до богов свои ксенофобские чувства. Но тут из столицы исчез дядя принца Муцухито – Накаяма Тадамицу (1845–1864), седьмой сын Тадаясу. Тадамицу был принят на придворную службу еще в 1858 году, когда ему исполнилось всего 13 лет. Его главной обязанностью было играть со своим племянником, принцем Муцухито. Тадамицу рано вовлекся в политику и стал одним из самых отчаянных сторонников изгнания иностранцев. Осенью прошлого года он планировал убить Ивакура Томоми, которого считал «прозападником». Когда его отцу Тадаясу донесли об этом замысле, он предложил сыну: лучше уж зарежь меня. Так что в тот раз Тадамицу пришлось отказаться от «небесного возмездия». Тем не менее его сторонники доставили подметные письма в дома Ивакура и еще двух придворных. В письмах содержалось требование покинуть город в двухдневный срок. В противном случае семьи неугодных будут умерщвлены, а их головы выставят на берегу реки Камо. Ивакура пришлось поселиться за городом. Нрав Тадамицу был настолько необузданным, что отец предполагал в нем сумасшедшего и даже просил императора лишить сына должности при дворе.

С исчезновением Тадамицу стали подозревать, что он вместе с самураями из княжества Тёсю намеревается напасть на процессию и убить сёгуна. Несмотря на благородные цели паломничества, страх за судьбу Иэмоти заставил Комэй остаться во дворце.

И тут ему пришлось еще раз убедиться, насколько он не волен в своих поступках. Только раньше им распоряжался сёгунат, который не выпускал его за пределы дворца, а теперь уже его собственные придворные стали понуждать императора покинуть Госё.

День паломничества перенесли на неделю, он настал 11 апреля. Накануне поездки Комэй почувствовал головокружение, что случалось с ним достаточно часто. Путешествие в тряском паланкине за пределы города вряд ли могло способствовать поправке здоровья, но канцлер Такацукаса Сукэхиро настаивал на поездке. Потом потребовал аудиенции Сандзё Санэтоми – он желал убедиться в том, что Комэй действительно болен, а не отлынивает от своих обязанностей. Вместе с другими столь же «непочтительными» придворными он настаивал на том, что откладывать поездку больше нельзя. Некоторые из них угрожали силой усадить императора в паланкин. Тому ничего другого не оставалось, как повиноваться. Муцухито и императрица наблюдали, как Комэй нехотя усаживается в паланкин.

Похоже, что Комэй и вправду чувствовал себя неважно. Непривычный к поездкам, он устал – святилище Ивасимидзу находилось довольно далеко от дворца, дорога заняла целый день. Когда император направлялся к главному святилищу, он споткнулся и упал. Ему помогли подняться. Опираясь на руки придворных, Комэй обошел еще пятнадцать святилищ, расположенных на территории храмового комплекса. Помимо других божеств, там поклонялись

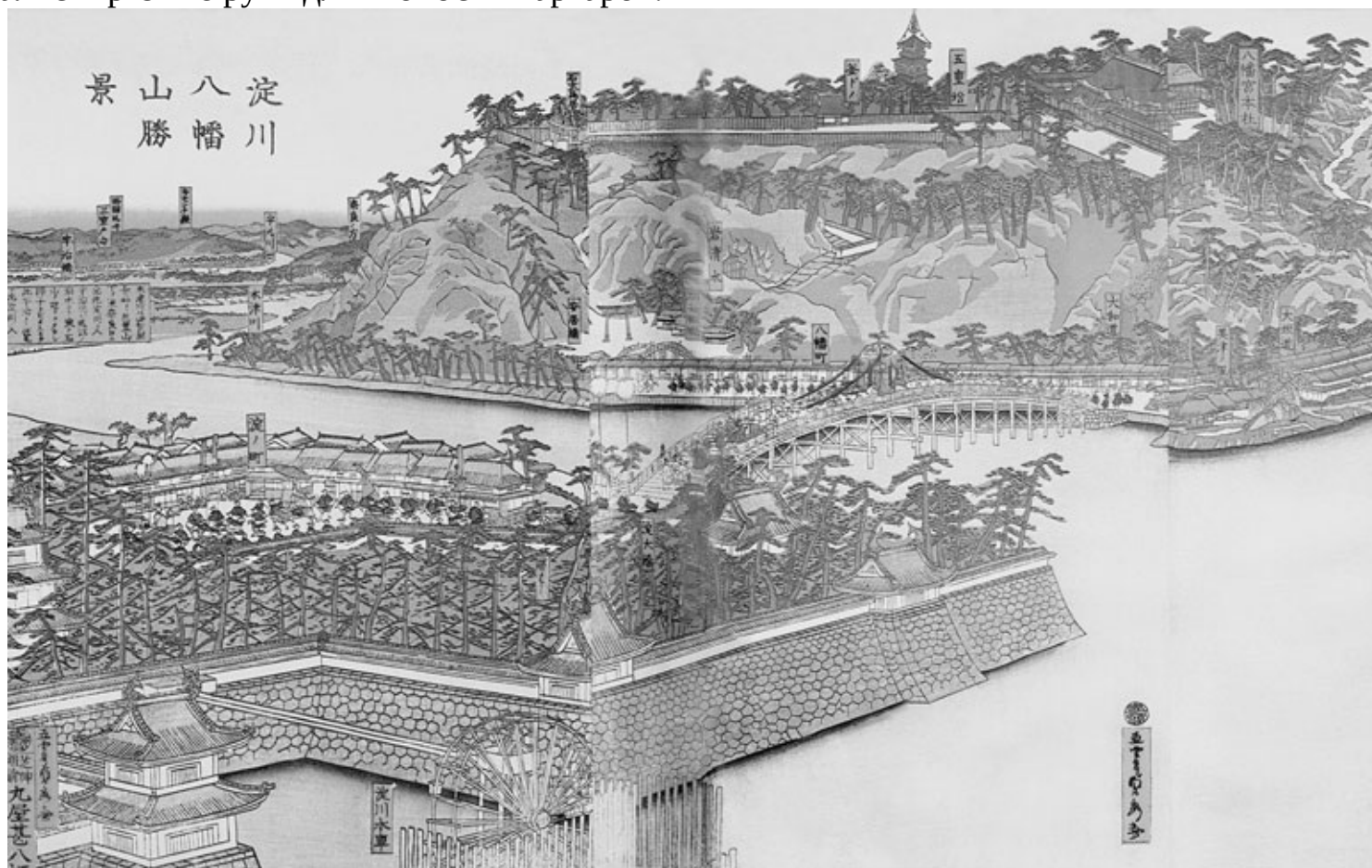
и Дзинго-когу (201–269), которая после смерти своего царственного супруга Тюай якобы предприняла завоевательный поход в Корею.

Несмотря на то что экстремистски настроенным придворным удалось заставить императора помолиться об изгнании варваров, вторая часть их плана провалилась. Героев написанного ими сценария одного за другим поражал недуг.

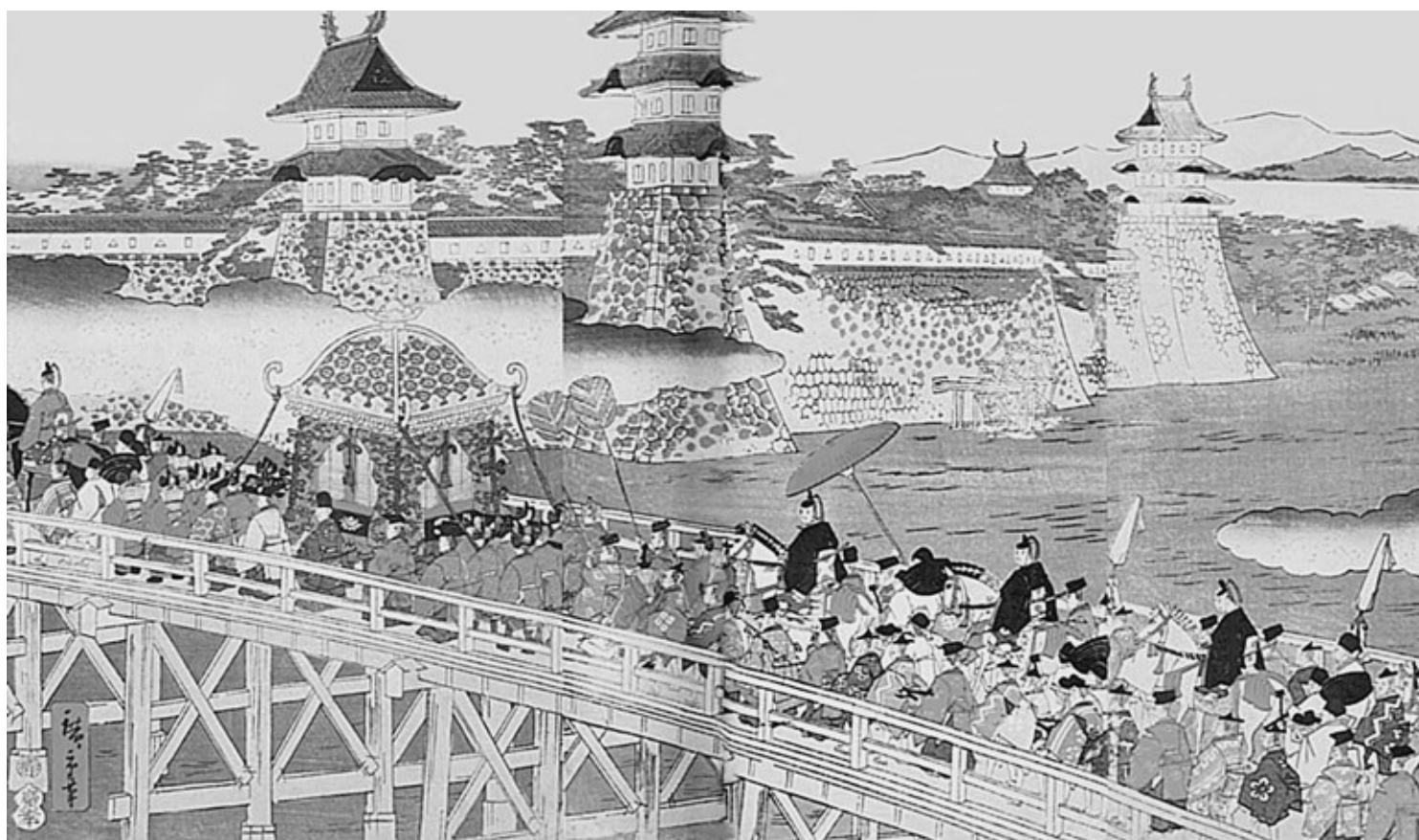
Предполагалось, что в Ивасимидзу император пожалует сёгуну меч – древний знак того, что его обладатель находится в подчинении у императора. Кроме того, в сложившейся ситуации меч выступал символом готовности к решительным сражениям с «варварами». Если бы Иэмоти принял меч, противиться приказам императора он был бы уже не в состоянии. Иэмоти и его советники разгадали замысел, и сёгун сказался простуженным. Вместо себя он решил отправить в святилище Токугава Ёсинобу. Пока император молился, Ёсинобу оставался у подножия горы, на вершине которой находилось святилище. Его вызвали туда уже около двух часов ночи. Но Ёсинобу вдруг заявил, что у него разболелся живот.

Отказавшись принять меч, сёгун навлек на себя многочисленные насмешки. Люди распевали: «И меч-то императорский тебе оказался не нужен, чем ты варваров прогонишь?»

При дворе гадали, куда делся Накаяма Тадамицу в преддверии паломничества, а он вдруг объявился в Тёсю – княжестве, в котором антииностранные настроения были чрезвычайно сильны. Но даже там уже понимали, что с европейцами можно воевать только их же оружием. Тадамицу же, увидев закупленные княжеством европейские корабли и пушки, пришел в неопишемую ярость. Разве может святое дело быть исполнено с помощью тех вещей, которых касались грязные руки длинноносых варваров?

Выезд Комэй в святилище Ивасимидзу. Художники часто изображали те моменты, когда процессия переправляется через реку по мосту. Этот прием создавал дополнительные возможности для того, чтобы подчеркнуть длину процессии, ставил акцент на «соединяющих» потенциях императора.

Возвращение Комэй из святилища Ивасимидзу

В сентябре Тадамицу присоединился к террористической группе, которая действовала в самом сердце страны – в провинции Ямато. Ее глава Ёсимура Торатаро, не спрашивая мнения самого Комэй, считал себя его почитателем. Желая досадить сёгунату, банда сжигала правительственные учреждения и чинила расправы над чиновниками. В свою очередь князь Тёсю отправил в Ямато шайку наемных убийц, которые расправились с Ёсимура. Насилие делалось ежедневной нормой, назревала война всех против всех.

Пребывание Иэмоти в столице не прошло даром. Подарки, ежедневное общение с императором и придворными, слово самурая, данное накануне свадьбы с Кадзуномия, заставили Иэмоти, которым полностью управлял его опекун Ёсинобу, пообещать Комэй, что 10 мая 1863 года иностранцы будут изгнаны из страны. Это было совершенно авантюрное обещание, не подкрепленное ничем. Ёсинобу прекрасно понимал это и возвращался в Эдо намеренно медленно. Никаких распоряжений относительно изгнания варваров он не отдал.

9 мая, после изнурительных переговоров, британскому представителю Джону Нилу были переданы деньги в счет платы за убийство Ричардсона. Их доставили на многочисленных повозках. Английская миссия наняла всех иокогамских китайцев, работавших менялами. Проверка и пересчет денег продолжались три дня. Это были деньги, которые заплатил сёгунат. Но оставалась еще доля, которая должна была быть уплачена самим княжеством Сацума.

Англичане могли бы радоваться, что их требования начинают выполняться. Однако одновременно с уплатой компенсации сёгунат уведомил их о том, что сёгун и император приняли решение о закрытии всех ранее открытых портов. Представители иностранных держав пережили шок. Сёгунат сдержал свое слово и расплатился с англичанами, но одновременно нарушил свои обещания в другом. А на следующий день начались военные действия.

Уверовав в искреннюю решимость двора и сёгуна немедленно изгнать иностранцев силой, в назначенный день – 10 мая – береговые орудия Тёсю обстреляли стоявшее на якоре американское торговое судно. Затем настал черед французского и голландского военных

кораблей, проходивших через залив Симоносэки. Эти атаки не имели никакого практического эффекта, но Комэй отправил князю Тёсю послание с выражением благодарности. Поборникам изгнания варваров казалось, что победа не за горами. Они вспоминали и про Дзинго-когу, и про «божественный ветер», разметавший монгольский флот шесть веков назад.

Ответные действия против Тёсю предприняты поначалу не были – никто из европейских представителей не желал брать на себя личную ответственность за крупномасштабные действия без согласия своего правительства, а почтовые корабли добирались до Европы два месяца. Протесты, направленные сёгунату, носили формальный характер – всем стало понятно, что сам Иэмоти не в состоянии управлять ситуацией. На какое-то время пролив Симоносэки оказался заблокированным для торговых кораблей. Суда, направлявшиеся из Шанхая в Иокогаму, стали обходить Кюсю с юга. Зато сёгунату пришлось разрешить разместить в Иокогаме казармы с английскими и французскими солдатами, да еще взять на себя значительную часть расходов на их пребывание.

В то же самое время англичане не отступались и от своих прежних требований. Хотя сёгунат выплатил свою долю компенсации за убийство Ричардсона, сацумский князь Симадзу Мотихиса не желал платить свою часть. Не желал он и арестовывать убийц. Симадзу уверял, что они скрылись в неизвестном направлении. Нил приказал захватить три сацумских парохода, стоявших на якоре в Кагосима. Туда из Иокогамы прибыла флотилия из семи английских боевых кораблей, на борту которых находилась и дипломатическая миссия. 2 августа сацумские пароходы сожгли, но английская флотилия была обстреляна из береговых орудий. Один снаряд угодил во флагманский корабль, убив капитана и еще одного офицера. Всего же погибло 11 моряков. От ответного огня из корабельных орудий в городе начались ужасные пожары. Англичане, похоже, посчитали свою миссию по устрашению выполненной и возвратились в Иокогаму.

Поскольку десант высажен не был и английские корабли «бежали» в Иокогаму, Комэй посчитал исход сражения за победу и отправил Мотихиса поздравление. Приободрившиеся придворные стали носить мечи, чего они не делали уже многие столетия. На потомственных военных это, скорее всего, должно было производить довольно комическое впечатление. Однако воодушевленный мнимыми боевыми успехами Тёсю и Сацума канцлер императорского двора Такацукаса Сукэхиро приступил к опросу находившихся в Киото князей относительно желательности того, чтобы император лично возглавил кампанию по изгнанию иностранцев. Ему отвечали в том духе, что ни сам Комэй, ни его придворные не имеют в этой области ни малейших навыков. Тем не менее Комэй попросил Мацудайра Катамори, князя Айдзу и военного губернатора Киото, чтобы его воины устроили учения возле восточных дворцовых ворот.

За маневрами трех тысяч воинов наблюдал сам Комэй, императрица, наследный принц Муцухито, множество придворных кавалеров и дам. Для Муцухито это был первый опыт контакта с войсками – впоследствии участие в военных маневрах и парадах станет существенной частью его «работы» на посту императора.

Воины Катамори производили впечатление партизанского отряда. Все они были в доспехах и шлемах, но вооружение оставляло желать лучшего: у кого-то было ружье, у кого-то копье, у кого-то – лук со стрелами или меч. Солдаты трубили в морские раковины, звенели колокольчиками, били в барабаны. Время от времени они издавали воинственные крики. Вряд ли они могли устрашить английского или американского солдата.

17 сентября перед дворцом Госё состоялись еще одни «показательные выступления», в которых принимали участие воины сразу из нескольких княжеств. На составителей «Летописи императора Мэйдзи» они произвели сильное впечатление: «Гром ружейных выстрелов отдавался в небесах, пороховой дым застилал воздух. Мальчики и девочки из числа зрителей сделались

бледными от ужаса, но принц [Муцухито] смотрел со спокойствием, его лицо ничуть не изменилось. В новые времена еще не было случая, чтобы сам император наблюдал за маневрами, никто никогда не слышал, чтобы принц в таких вот нежных летах сопровождал при этом императора. Среди придворных нашлись люди, которые посчитали, что все это является нарушением вековых традиций, запрещавших вооруженным людям находиться на территории дворца; даже-де если это маневры, упражняться с оружием вблизи местообитания императора является осквернением божественного»^[36]. Иными словами, военные инновации императора Комэй казались многим кощунственными.

Ретроспектива. Действующий император Японии никогда не был главнокомандующим. Это относится и к историческому времени, и к легендарному. Мифический первоимператор Дзимму, основывая свое государство, сражался с племенами варваров, населявших архипелаг, но только до того, как он официально взошел на престол. После этого Дзимму уже не брал в руки оружия, и его внимание было направлено на мирные дела. Именно ритуал интронизации делал императора императором – до него он мог представлять на страницах хроник в более привычном для Европы образе предводителя воинства. Но после этого он был должен править мирными средствами, все дела, связанные с убийством и смертью, были ему противопоказаны. Он не имел даже права произносить слов «кровь» и «смерть», заменяя их эвфемизмами – «пот» и «отдых».

Однако времена изменились, и Комэй объявил, что рассматривает возможность лично возглавить войска в священном походе против «западных варваров». Кроме того, он решил посетить усыпальницу Дзимму, помолиться в святилищах Касуга и Исэ.

Святилище Касуга, основанное в 710 году, располагается в Нара. Вначале там почиталось родовое божество Фудзивара. Но поскольку Фудзивара стали впоследствии основными брачными партнерами императорского рода, то святилище Касуга превратилось в святыню и для императоров. Что касается Исэ, то в связи с какими-то неясными нам запретами действующий император никогда не посещал свое родовое святилище. Вместо него это делала незамужняя принцесса крови, служившая в Исэ в качестве жрицы. Так что и здесь Комэй решил выступить нарушителем традиций.

Однако сторонники «единения между аристократами и военными» тоже не дремали. Они заперлись во дворце и провозгласили от имени Комэй указ: «Начиная с весны текущего года геральды (гисо) нередко вступали в сговор с княжеством Тёсю и неверно толковали мои указания. Самым ужасным примером этого является дело о моем личном командовании войсками. Отныне Санэтоми и иже с ним запрещается посещать двор, они должны оставаться под домашним арестом»^[37]. Поездка императора по святым местам также отменялась.

Под присмотром воинов из Сацума дружине Тёсю было приказано покинуть Киото. Вместе с ними оставили столицу семеро придворных радикалов, включая Сандзё Санэтоми. Политические волнения на время улеглись, свой двенадцатый день рождения Муцухито провел в спокойствии. Впервые за последние семь лет его бабке, жене Тадаясу, было позволено встретиться с внуком. В преддверии Нового года Муцухито подарил Урамацу Тарумицу, своему старшему товарищу по играм и учению, свои детские книжки с картинками – слегка подпорченные его собственными каракулями. Подарок был приурочен к церемонии посвящения Тарумицу во взрослые.

11 декабря англичанам удалось достигнуть компромиссного соглашения с Сацума: княжество выплачивает компенсацию (за счет займа, взятого у сёгуната) родственникам

Ричардсона и обязуется в будущем наказать его убийц в присутствии английских офицеров. Поскольку во время бомбардировки Кагосима убийцы находились в рядах защитников города, всем было понятно, что этот пункт сформулирован таким образом, чтобы «сохранить лицо» каждой из высоких договаривающихся сторон.

События этого года произвели неизгладимое впечатление на всех японских участников вооруженного конфликта. Прямое столкновение показало, что ни сёгунат, ни гордившиеся своим высоким боевым духом юго-западные княжества ничего не в состоянии противопоставить «черным кораблям». Вывод: следовало учиться у противника. В этом году Тёсю первым из княжеств нарушило запрет центрального правительства и направило группу студентов в Англию. В их числе были Ито Хиробуми (1841–1909) и Иноуэ Каору (1835–1915), которым предстояло сыграть выдающуюся политическую роль уже в самое ближайшее время. Пребывание в Англии имело для их мировоззрения самые радикальные последствия. Мгновенно убедившись в колоссальной разнице военного и промышленного потенциалов Японии и Запада, они решительно отказались от своего прежнего желания немедленно изгнать иностранцев. Ито и Иноуэ поняли, что задача по сохранению национального достоинства решается совсем по-другому.

Ито Хиробуми

Элита все еще думала, как ей поступить с иностранцами, а люди попросту наслаждались новыми возможностями, которые предоставляло им время. В этом году португальский антрепенер привез в Японию слона и выставил его в Эдо. Немедленно была отпечатана гравюра

с его изображением и довольно издевательским текстом: «Благодетельность наших священных правителей достигла иноземных стран, оттуда к нам доставляют диковинные вещи, диковинных птиц и животных. И вот теперь в новый порт Иокогамы корабль доставил настоящего, огромного, живого слона. Он понимает человеческую речь, угадывает то, что чувствуют люди, он умеет тушить пожары, отводит дурные болезни, спасает от яда. Тот, кто взглянет на него хоть раз, избавится от семи несчастий, семь удач пожалуют к нему. Все благородные люди должны поскорее увидеть его!»

Слон имел у зрителей большой успех.

Утагава Ёситоё. Недавно завезенный большой слон (1863 г.)

1864 год

1-й год девиза правления Гэндзи. 13-й год жизни Мэйдзи

В январе сёгун Иэмоти в сопровождении Токугава Ёсинобу снова отправился в Киото. На сей раз Комэй пожаловал ему должности правого министра и командующего правым крылом охраны дворца. Придворные должности давным-давно превратились в подобие почетных титулов, они не были обеспечены ни полномочиями, ни жалованием. Наоборот – получавший придворную «должность» самурай должен был платить двору за оказанную ему честь. Поступления из этого источника являлись существенным финансовым подспорьем для императорского двора.

Комэй явно ощущал себя старшим по положению, в одном из своих более поздних писем он говорил, что любит Иэмоти как собственного сына и просит сёгуна, чтобы тот относился к нему как к отцу. Жалуя Иэмоти новые должности-титулы, Комэй рассчитывал польстить ему и заручиться поддержкой сёгуната в деле реализации своих заветных планов по изгнанию иностранцев. В то же самое время он не одобрял экстремистских действий самураев из Тёсю. Признавая в себе недостаток добродетельности, который и привел к угрозе потери независимости страны, император описывал создавшееся положение как чрезвычайно угрожающее: это словно горка яиц, готовая рассыпаться от малейшего прикосновения.

В феврале вступил в действие новый девиз правления – Гэндзи («Исток правления»). Смена девиза не была связана с напряженной ситуацией в стране – на сей раз она оказалась «плановой». Дело в том, что закончился прежний шестидесятилетний цикл и начался новый. А в такой год смена девиза происходила всегда – вне зависимости от положения в стране. Разумеется, все рассчитывали, что произойдет настоящее обновление, которое принесет Японии мир и покой. Но надежды никак не желали воплощаться в жизнь.

В мае эмиссар сёгуната Икэда Нагаоки (1837–1879) проводил переговоры в Париже. Он просил, чтобы Иокогама была закрыта для иностранцев. Это требование шло вразрез с настроениями, господствовавшими в Эдо, но ведь Иэмоти дал слово императору Комэй добиваться изгнания иностранцев. Нечего и говорить, что французы возражали против такой инициативы.

Растерянность и неразбериха уже достигли критической точки, и Икэда дал французам уговорить себя достаточно скоро. Он не только отказался от достижения цели своей миссии, но и подписал 17 мая договор, согласно которому сёгунат обязывался заплатить французам компенсацию за прошлогоднее самоуправство Тёсю и гарантировать свободный проход судов через пролив Симоносэки. И это при том, что заключать такие договора у Икэда не было полномочий. Икэда ослушался своего правительства и в другом отношении: решив, что ему все равно не добиться закрытия Иокогамы, он предпочел не ездить в Англию.

По возвращении на родину Икэда был лишен своих должностей, а сёгунат отказался соблюдать условия подписанного в Париже договора.

Икэда Нагаоки (стоит) в парижском фотоателье

Кидо Такаёси

Хотя пребывание Иэмоти в Киото не было омрачено новыми конфликтами или же террористическими актами, Комэй был прав в своей оценке ситуации. В начале июня из Тёсю доставили послание, в котором требовалось вернуть в Киото Сандзё Санэтоми, князя Тёсю Мори Ёситика и его сына Садахиро. Поскольку двор счел за благо переложить решение этого вопроса на сёгунат и ответа не последовало, два десятка самураев из Тёсю добрались до Киото, чтобы уже на месте обдумать, что им следует предпринять. В частности, они обсуждали возможность увезти императора Комэй в Тёсю.

Самураи собрались в самом центре города, на втором этаже гостиницы «Икэдая», где элитный отряд сёгуна напал на них. Часть самураев убили на месте, других арестовали. Кидо Такаёси (1833–1877), которому еще предстояло сыграть выдающуюся политическую роль, удалось спастись бегством. За это до самой смерти его презрительно именовали «беглецом».

Тогда из Тёсю явился отряд из более чем тысячи воинов. На сей раз Государственный совет (Дадзёкан, высший орган при дворе) занял более гибкую позицию и разрешил вернуться опальным деятелям, если те признают свои ошибки. Но одновременно двор настаивал на том, чтобы воины Тёсю покинули столицу. Но те не хотели и слушать. Они задумали учинить в городе поджоги, убить Мацудайра Катамори, военного губернатора Киото, убедить императора перебраться в Тёсю и заставить Иэмоти немедленно очистить страну от иностранцев. А пока что они зарезали ученого-конфуцианства Сакума Сёдзан, известного своими выступлениями в пользу открытия страны. И тогда Комэй отдал приказ о подавлении мятежных войск.

Впрочем, что означает «мятежных»? Комэй сам был сторонником «изгнания варваров», войска Тёсю не собирались свергать императора, они «всего лишь» хотели, чтобы он предпринял более решительные действия и стал знаменем борьбы против иностранной агрессии. Воины Тёсю были убеждены, что у императора плохие советники, которые манипулируют им. В первую очередь – это люди из Сацума.

Рано утром 19 июля войска Тёсю подступили к дворцу Госё. Императорский дворец считался «запретным городом», и потому последовавшие события обычно называют «инцидентом у запретных ворот».

Воинов Тёсю насчитывалось не так уж много, но летопись сообщает, что звуки боя напоминали «10 миллионов ударов грома», а сам дворец сотрясался, словно во время ужасного землетрясения. Дворец защищали воины из княжеств Сацума, Айдзу, Огаки и Кувана. Решающую роль сыграла дружина Сацума, которой руководил Сайго Такамори (1828–1877) – бедный и малознатный самурай, обязанный своим возвышением непосредственно сацумскому князю Симадзу Хисамицу.

Сайго Такамори был одним из колоритнейших персонажей истории Японии того времени. Сайго отличался необычайными для японца габаритами. Его бычья шея и глубоко посаженные под густыми бровями глаза производили такое впечатление, что каждый самурай невольно перегибался в поклоне. Сайго Такамори говорил о себе, что «любит войну». В то же самое время он обладал какой-то магнетической силой, которая притягивала к нему людей.

Через пять часов после начала сражения мятежники были сокрушены, на следующий день казнили более 30 человек. Их тела три дня пролежали перед воротами дворца. Многие самураи из Тёсю покончили жизнь самоубийством. Легенда передает, что один из выживших самураев Тёсю написал на подошвах: «Бандиты из Сацума, негодяи из Айдзу».

Для Муцухито это было суровое испытание: гром сражения, вопли, взрывы. Огонь пожара подбирался к дворцу – в этот день в Киото сгорело 28 тысяч домов, храмов, святилищ. Говорят, что от всех этих испытаний принц даже лишился сознания.

Войска Тёсю потерпели поражение в столице. Оно знаменовало собой крах лозунга «почитание императора и изгнание варваров» («сонно дзёи»). Теперь в Тёсю стали говорить о необходимости ликвидации сёгуната. Отныне энергия этого княжества будет направлена не столько против иностранцев, сколько против собственного правительства.

Но на этом беды Тёсю не закончились. Через две недели, 5 августа, объединенная эскадра, состоявшая из семнадцати кораблей (9 английских, 3 французских, 4 голландских и 1 американского), подвергла обстрелу город Симоносэки в Тёсю – это было возмездие за прошлогоднее нападение на иностранные суда.

Пролив Симоносэки узок, стремительное течение меняет направление четыре раза в сутки. Дождавшись того момента, когда вода стала на какое-то время «стоячей», эскадра приступила к артиллерийской подготовке. Огонь 288 корабельных орудий был ужасен. По свидетельству современника, «будто сто раскатов грома разом покатались из гор в долину». После массовой бомбардировки был высажен десант, который окончательно уничтожил береговые укрепления. На борту иностранных кораблей находилось 5000 человек, в высадке на берег принимали участие 2600. По тем временам это была огромная сила, превосходившая мобилизационные возможности княжества.

Западные державы на время позабыли про свои противоречия. Нужно было продемонстрировать всем японцам без исключения, что сопротивление не имеет смысла. Среди защитников Симоносэки находился Ямагата Аритомо (1838–1922), который впоследствии стал министром обороны Японии. Но это будет потом, а сейчас он был ранен и ему пришлось убедиться, что сопротивление «западным варварам» бесполезно. Теперь он будет говорить не об

«изгнании варваров», а о необходимости открытия страны и вестернизации, без чего Япония никогда не сможет встать вровень с Западом.

Береговая артиллерия княжества Тёсю состояла из бронзовых пушек. Там были и купленные в Китае орудия, и отлитые в самой Японии. Пушечный чугун в стране производить еще не умели. Среди захваченных европейцами трофеев были даже деревянные ружья одноразового пользования, с помощью которых отчаянные самураи намеревались изгнать иностранцев. Многие были вооружены только мечами, луками и копьями. Доспехи предназначались в качестве защиты против мушкетов, но винтовки, которые состояли на вооружении у европейцев, с легкостью пробивали их.

С точки зрения войн следующего столетия число жертв с обеих сторон следует признать ничтожным. И нападавшие, и защищавшиеся потеряли всего по несколько десятков человек. Но превосходство западной коалиции все равно не вызывало никаких сомнений, и князь Тёсю согласился на условия западных держав: гарантировать в проливе безопасность судоходства, продавать иностранным судам уголь и провизию, заплатить контрибуцию и не восстанавливать береговую артиллерию. Предлог для выплаты контрибуции был выбран европейцами весьма замечательный: деньги следовало заплатить за то, что доблестные воины объединенного флота не сожгли город Симоносэки. Но Тёсю пришлось пойти навстречу и этому требованию, что свидетельствовало о полном бессилии перед западной угрозой. Сумма контрибуции составила огромную сумму в три миллиона долларов. В качестве переводчиков на переговорах выступали Ито Хиробуми и Иноуэ Каору.

Захваченные французскими войсками береговые орудия Тёсю

Войско Тёсю состояло всего из двух тысяч человек. Крестьян там не было. К боевым действиям их не привлекали. С началом боя они попрятались в горах. Но не затем, чтобы организовать партизанское движение, а затем, чтобы спастись. Очевидцы свидетельствуют, что они грузили конфискованные европейцами пушки, пребывая во вполне радостном настроении. Ничего похожего на чувство «национального» или же «княжеского» позора они, похоже, не испытывали. Да и князь на крестьян не рассчитывал. Их никогда ни о чем не спрашивали, они слушались своих непосредственных начальников, но сам князь был слишком далеко, чтобы крестьяне по-настоящему сочувствовали ему.

А сам Мори уже готовился отразить новое нападение. Он получил известие о готовящейся против него карательной экспедиции. На сей раз это были войска сёгуната. В ответ на мятежное поведение у императорского дворца Иэмоти стал собирать армию, чтобы покарать княжество. Однако многие даймё отказывались принять участие в операции, мобилизация проходила с трудом: хотя сам сёгунат считал Мори и его людей предателями, многие самураи сочувствовали их борьбе с Западом.

15-тысячная сёгунская армия, собранная из 35 княжеств, подступила к Тёсю. Похоже, ни одна из сторон не собиралась сражаться всерьез. Мори принес извинения, сёгунат ими удовлетворился. В качестве доказательства чистоты и искренности намерений в ставку правительственной армии были посланы головы трех зачинщиков беспорядков, произошедших в Киото. Князь приговорил их к почетной казни – харакири.

Сёгунат добился извинений у князя Тёсю, но он все равно терял рычаги управления страной. Пока его главное внимание было обращено в сторону Тёсю, в княжестве Мито произошли серьезные столкновения между сторонниками «почитания императора и изгнания иностранцев» и последователями более мягкой линии. Сторонники «сонно дзёи», сбившиеся в отряд численностью около тысячи человек, в результате сдались на милость сёгуна, но расправа оказалась жестокой: к смертной казни было приговорено 376 человек.

В этом году было принято решение о возведении судостроительного завода в местечке Ёкосука неподалеку от Эдо. Правительство согласилось с предложением французского посланника возложить финансовое бремя строительства на княжества, но сделать это оказалось невозможно. В стране появилось множество людей, которые отказывались выполнять указания сёгуна.

1865 год

1-й год девиза правления Кэйо. 14-й год жизни Мэйдзи

7 апреля произошла очередная смена девиза правления. Вместо иероглифов Гэндзи были выбраны два знака, означавшие «Соответствие благоприятному» (Кэйо). Предыдущий девиз правления продержался чуть больше года. Но за этот год произошло столько неприятного, что девиз Гэндзи, несмотря на возлагавшиеся на него надежды, оказался скомпрометированным. Самое ужасное – это то, что военные действия развернулись возле императорского дворца в Киото, то есть произошло осквернение императорской резиденции пролитой кровью, чего не случалось уже более двух с половиной веков.

Ненавистные иностранцы между тем подбирались все ближе к Киото. Осенью семь военных кораблей, принадлежавших Англии, Франции, Америке и Голландии, подплыли к городу Хёго (будущий Кобэ) и потребовали открытия порта, милостиво обещая, что в этом случае скостят две трети контрибуции за бесчинства в Симоносэки. Причем они хотели, чтобы согласие на это было бы на сей раз санкционировано не только сёгуном, но и императором. Вероятно, к этому времени иноземцам стало понятно, что без одобрения Комэй японцы смогут оспорить правомочность любого договора. Раньше иноземцы полагали, что император – не более чем «духовный авторитет», а действительным монархом является сёгун, которого они и именовали «ваше величество». Чиновники сёгуната поддерживали их в этом убеждении. По свидетельству Т. Гарриса, представители сёгуната «говорили о микадо почти что с презрением и взрывались от хохота, когда я цитировал им некоторые высказывания, свидетельствующие в пользу того, каким почтением пользуется он среди японцев. Они говорят, что у него нет денег, политической власти и ничего другого, что ценится в Японии»^[38].

На сей раз иностранцы грозили, что в случае отказа выполнить их требования они высадутся на берег и доберутся до Киото, намекая: теперь-то мы уяснили себе, кто главнее. А если двор проявит неуступчивость, тогда придется разговаривать на языке «оружейного дыма и урагана пуль». На размышление было предоставлено семь дней.

Находившиеся в Хёго двое членов совета старейшин решили, что не стоит искушать судьбу, жертвовать людьми, и согласились с предложенными условиями. Когда Комэй узнал об этом, он пришел в ярость, лишил их придворных рангов и приказал поместить под домашний арест. Это было неслыханное вмешательство в дела сёгуната, но распоряжение исполнили. И тогда Ёсинобу через управителя Осака официально проинформировал иноземцев о том, что в действительности вовсе не сёгун, а император является главным в этой стране. Сёгунат впервые признал этот факт. Для иноземцев это значило, что их до сих пор водили за нос. Для самого сёгуната это признание означало еще больше: теперь все его предыдущие действия напоминали жалкие потуги самозванца, дни его были сочтены.

Европейцы потеряли всякое доверие к сёгунату и требовали, чтобы сёгунский переговорщик Иноуэ Ёсия предоставил веские доказательства того, что император Комэй даст свое согласие на открытие Хёго и одобрит прежние неравноправные договоры с пятью державами, включая Россию. Ёсия гордо обнажил свой кинжал и собрался уже в качестве доказательства чистоты своих намерений отхватить себе палец и поставить печать кровью, но испуганным иноземцам удалось остановить его. Иэмоти обратился к императору с письменной просьбой одобрить договоры. Одновременно он, жалуюсь на свою некомпетентность, собрался уступить пост своему опекуну Токугава Ёсинобу. Комэй ответил отказом и вызвал его в Киото. Еще несколько лет назад это было бы невозможно. Сёгун утверждал отречение императора, но не наоборот.

Ретроспектива. Император был обязан получить согласие сёгуна на любой свой поступок. Император Нинко скончался 23 февраля 1846 года. О его смерти не было объявлено – ведь он не успел, как это было принято, отречься от престола и принять монашеский постриг. В Эдо отправился нарочный с просьбой разрешить покойному Нинко отречься от трона. Разрешение было дано. Официальное сообщение о смерти последовало только 13 марта.

Иэмоти и Комэй, как обычно, не стали обсуждать вопрос о договорах «лицом к лицу». Вместо них это делали их ближайшие советники. Комэй, который следил за бурной дискуссией из-за бамбуковой занавески, после длительных споров был вынужден в конце концов пойти на уступки. Ведь ему заявили: если мы станем упорствовать, иностранное войско явится в Киото и сожжет все вокруг – и тогда даже от святилища Исэ останется только пепел. Комэй согласился одобрить ненавистные ему договоры, но отказался открыть порт Хёго. Он также поставил свою подпись под указом, предписывающим сёгунскому войску предпринять новую карательную экспедицию против Тёсю.

К этому времени позиции сёгуната и Сацума разошлись уже далеко. Узнав об указе, самурай Окубо Тосимити (1830-1879), которому предстояло сыграть одну из ведущих ролей в политике новой Японии, в письме к Сайго Такамори говорил: «несправедливый указ не является указом»; только такой указ, который пользуется поддержкой «всех людей Поднебесной», должен быть принят к исполнению^[39].

Это высказывание заслуживает самого пристального внимания. Во-первых, оно много говорит о том, как стала восприниматься природа власти – она должна опираться на широкую поддержку. Во-вторых, оно свидетельствует: самураи Сацума в это время были еще очень далеки от мысли о непререкаемом авторитете императора. Они рассматривали его как средство для осуществления своих планов.

В этом году в Японию попала весьма поучительная книга. Она принадлежала перу американского правоведа и дипломата Генри Уитена (Henry Wheaton, 1785–1848) и называлась «Международное право» («Elements of International Law»). Она была впервые опубликована в 1838 году. В Японию попал китайский перевод книги, выполненный американским миссионером У. Мартином. Японские мастера быстро вырезали доски, книгу издали. Труд Уитена произвел на японцев большое впечатление.

В этой книге рассказывалось о международном праве, толковалось, в частности, что такое договоры военные, торговые, договоры о дружбе. Повествование при этом велось с точки зрения «цивилизованных стран», к которым относились Европа и Америка. Страны «нецивилизованные» следовало покорять. Со странами «получивилизованными» предписывалось заключать неравноправные договоры и вводить там режим экстерриториальности. В случае отказа – применять силу. К таким «получивилизованным» странам автор относил и Японию. Она оказалась в одной компании с Турцией, Персией, Сиамом, Китаем и Кореей. Европейцы признавали, что государственность имеет в этих странах прочную основу. Но считать их «цивилизованными» все равно отказывались. Потому что для того, чтобы быть «цивилизованными», следовало ввести там христианство. Может быть, именно тогда, после прочтения книги, многие японцы по-настоящему поняли, чем их страна является для Запада.

Рассуждения Уитена были совершенно стандартными для XIX века. Причем это была не просто теория международных отношений, а самая обычная практика – азиатские «нецивилизованные» страны одна за другой лишались независимости и кусков своих территорий. Это и Бирма, и Вьетнам, и Камбоджа. Причем победы Англии и Франции

достигались без особого напряжения сил. Россия же продолжала завоевывать Центральную Азию. Было от чего прийти в ужас – кольцо сжималось, а Япония не имела никакого исторического опыта по защите своей страны от иноземных захватчиков.

Основу европейского международного права составляла теория «прогресса», выработанная в XVIII веке. Согласно этой теории, все племена и страны классифицируются в соответствии с достигнутым ими уровнем «знаний и морали»: дикие, варвары, полудцивилизованные, цивилизованные и просвещенные.

Для японцев было настоящим шоком, что европейцы обладают законами и руководствуются ими. Согласно традиционным конфуцианским представлениям, законы могли иметь только «культурные страны». Выходило, что белые люди – отнюдь не варвары!^[40] Это было поистине грандиозное открытие. Получалось, что с европейцами можно иметь дело. При этом вопрос о «справедливости» этих законов не вставал.

С этих пор стремление к европейской «цивилизации» («буммэй») и «просвещению» («кайка») стало овладевать японцами все больше и больше. Теория прогресса и эволюции, согласно которой возможно подняться вверх по шкале цивилизованности, позволяла надеяться на лучшее. Традиционное дальневосточное мировидение такой возможности не предполагало: деление на культурный «центр» и варварскую «периферию» было извечным и неизменным.

А принц Муцухито между тем читал совсем другие книги. Теперь он закончил «Мэн-цзы». На овладение этим важнейшим памятником у него ушло чуть больше года. Комэй похвалил его за усердие. Но в то же самое время в одном письме посетовал, что придворные дамы испортили его. Он-де говорит, что все, кто слушаются императора, – «плохие». Мир терял свою прежнюю стройность.

Дворцовая атмосфера мало способствовала последовательным занятиям «большой политикой». Тем, кто был осведомлен о придворной жизни, она напоминала атмосферу «веселых кварталов». А опальный Ивакура Томоми, который проживал в то время в столичном пригороде, даже призвал императора отказаться от такой разгульной жизни – немыслимое нарушение этикета.

Надо сказать, что воздержание и воздержанность никогда не входили в список придворных добродетелей. Но раз такая претензия стала приходить на ум, значит, что-то было неладно в японском государстве. А тут еще поползли слухи, что принц Каяномия якобы проклял императора. Будто бы с его подачи монах Нинкай убил присланной принцем стрелой фазана, положил его на алтарь, проклял Комэй и пообещал, что Каяномия займет его место.

Комэй не поверил слухам и даже построил для принца новые покои. Но нервическая обстановка в стране и при дворе говорили за то, что люди готовы поверить в самые невероятные предположения.

В этом году наконец-то изловили преступника (или одного из них?), который убил двух русских моряков шесть лет назад, в 1859 году. Им оказался ронин из княжества Мито. Его казнили в Йокогаме.

1866 год

2-й год девиза правления Кэйо. 15-й год жизни Мэйдзи

К этому времени многие княжества перестали соблюдать запреты сёгуната. В том числе и запрет выезжать за границу. Сам сёгунат подавал им в этом пример. За последние годы существования сёгуната за границу отправились 153 молодых человека, 68 из них были направлены сёгунатом. Из княжеств наибольшую активность проявляли Сацума (26 человек) и Тёсю (11). Запреты нарушали даже простолюдины. В этом году Июкогаму покинула группа из 18 бродячих артистов, которая объехала с гастрольями Америку, Англию, Францию, Голландию, Испанию и Португалию. Это были первые японские артисты, побывавшие на Западе.

Труппа японских артистов, выехавшая на Запад

В феврале в Петербург прибыло шесть японских юношей – сыновья знатных самурайских семейств с Эдзо (Хоккайдо). Предполагалось, что они пройдут в России курс обучения. Расходы на их командировку взял на себя сёгунат. Юноши отплыли из Хакодате. В эту флотилию входили два русских военных корабля. Один из них назывался «Варяг». Он доплыл до Гонконга, а затем вернулся в Японию. Другой доставил будущих студентов в Европу. Они обосновались в Санкт-Петербурге, где их опекали Татибана Косай и Гошкевич. В октябре их навестили два японских студента, проходившие курс обучения в Англии. Нарушив запрет сёгуната на выезд за границу, княжество Сацума отправило их в Англию. Одним из студентов был Мори Аринори (1847–1889), ставший впоследствии министром просвещения. Сацума и сёгунат стремительно приближались к открытому военному конфликту, но их юные посланцы в Европе не испытывали по отношению друг к другу недружественных чувств. Они мирно проводили время в пирушках, осматривали достопримечательности. Беседы с Мори Аринори подводили петербургских студентов к выводу, что уж если учиться за границей, то не в России, которая представлялась им теперь задворками

Европы.

Княжества Сацума и Тёсю, которые еще недавно были злейшими врагами, достигли между тем согласия и заключили в январе союз. Главную роль в объединении их сил сыграли Сайго Такамори, Окубо Тосимити и Кидо Такаёси. Посредническую функцию при организации переговоров исполнял Сакамото Рёма (1835–1867) из княжества Тоса. Накаока Синтаро (1838–1867) из этого же княжества подвел под договор теоретическую базу: он утверждал, что только военный союз Сацума и Тёсю и возвращение всей полноты власти императорскому двору способны обеспечить процветание Поднебесной. «Полнота власти» формулировалась как «единство ритуала и политики» в одном лице. И этим лицом был вовсе не сёгун, а император^[41].

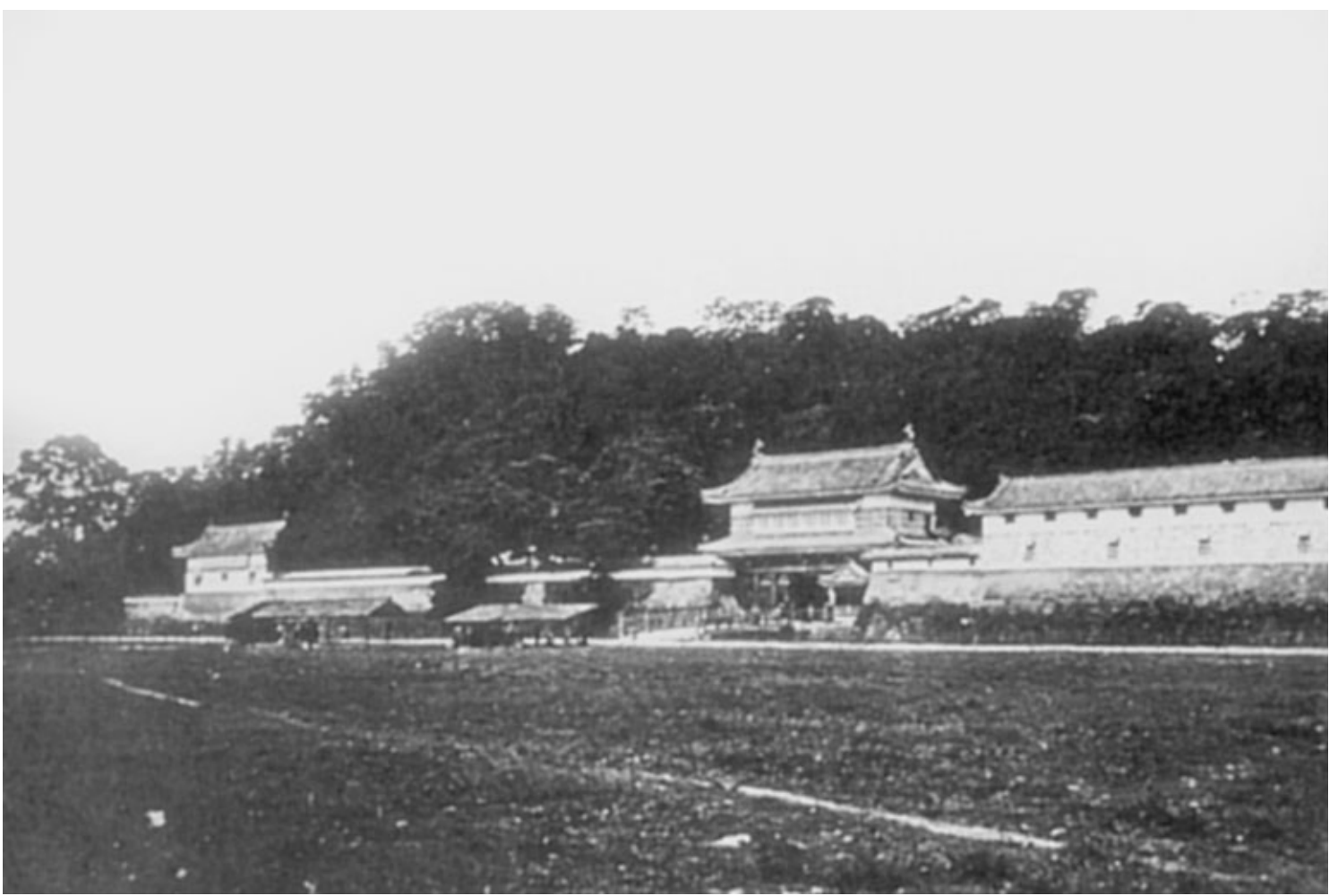
Вместе с заключением союза непосредственной целью Сацума и Тёсю стало не изгнание иностранцев, а свержение никчемного сёгуната и восстановление власти императора.

Наряду с другими княжествами, расположенными в том же регионе (Тоса и Хидзэн), Сацума и Тёсю сыграли выдающуюся роль в японской истории этого времени. В чем же состояла их сила?

В то время основу благосостояния составлял рис, выступавший в качестве денежного эквивалента. Во всех этих княжествах риса было много. По уровню производства риса среди других княжеств даймё Сацума занимал второе место, Тёсю – девятое, Хидзэн – десятое, Тоса – девятнадцатое. Несмотря на запрет сёгуната, Сацума и Тёсю торговали шелком и сахаром, используя архипелаг Рюкю в качестве перевалочной базы.

Расстояние, отделявшее эти княжества от Эдо, было достаточно большим, что ослабляло эффективность контроля со стороны центральной власти. Так, Сацума проигнорировало распоряжение сёгуната, согласно которому каждому княжеству предписывалось иметь только один замок.

Сацума, Тёсю и Тоса входили в коалицию тех сил, которые противостояли Токугава Иэясу в конце XVI века. После поражения в решающей битве при Сэкигахара (1600) их владения были урезаны, дружины самураев пришлось разместить на сравнительно небольших территориях, так что концентрация людей с оружием там оказалась весьма значительной. Потомки этих самураев всегда помнили о тех обидах, которые нанесла им победившая сторона. Статус «внешних вассалов», которым они обладали, казался им откровенно унижительным – ведь они не имели права занимать должностей в центральном аппарате сёгуната. Режим Токугава они считали несправедливым и лишенным легитимности. Ощущая себя малопричастными к делам, происходившим в Центре, и не надеясь на помощь сёгуната, юго-западные княжества уделяли повышенное внимание дееспособности своих вооруженных сил. Контакты с европейцами, которые были более частыми, чем у других, позволяли им заимствовать их идеи. Особенно это касалось военного дела.

Замок князей Симадзу в Кагосима. Он был менее величественным, чем во многих других княжествах. Это компенсировалось тем, что в Сацума находилось 102 укрепленных сооружений

Замок князей Мори в Хаги

Крупнейшие торговые центры Японии находились в Эдо и Осака. Развитие там товарно-денежных отношений подрывало феодальные порядки. На далеком юго-западе деньги имели меньшую значимость, а традиционные устои, обеспечившие социальную стабильность, – большую. Самураи Эдо становились изнеженными, у них было больше денег, но эти деньги не обладали тем могуществом, которое они приобрели на Западе. В Японии не было сделано таких изобретений (в первую очередь, парового двигателя), которые спровоцировали индустриализацию в Европе. Феодальные порядки разлагались, но на смену им не приходил машинный капитализм.

В отличие от Эдо, где в последние годы существования сёгуната у власти слишком часто находились безвольные, малолетние и больные сёгуны, которые были марионетками в руках высшей бюрократии, юго-западными княжествами управляли более энергичные и способные лидеры. Следует учитывать и такую плохо объясняемую исторической наукой местную особенность: самураи этих княжеств отличались повышенной энергетикой и пассионарностью. Во всех главных событиях того времени именно они играли ведущую роль. Это касается выступлений как против иностранцев, так и против самого сёгуната. В последующем выходцы из юго-западных княжеств образуют костяк нового правительства. Самые активные его

противники тоже будут их земляками.

В этом году в продаже появилась анонимная брошюра «Политика Англии». Ее автором был Эрнест Сатов. Брошюра представляла собой перевод трех статей англичанина, помещенных в иокогамской газете «Japan Times». Сатов предлагал: во главе Японии должен встать император, а сёгун пусть будет одним из князей. Сочинение Сатова имело откровенно подстрекательский характер. Скорее всего, Сатов высказал программу действий Сацума и Тёсю. Сёгунат в Эдо находился под влиянием французов, англичане же сделали ставку на юго-западные княжества. Соперничество Англии и Франции на международной арене докатилось и до Японии.

В июне сёгунская армия вновь направились в экспедицию против Тёсю. Ее возглавлял сам Иэмоти. Он действовал в соответствии с приказом императора Комэй «покарать Тёсю». Княжество Сацума осудило операцию, назвав ее «преступлением». Наряду с Сацума многие князья тоже отказались участвовать в походе; с самого начала моральный дух в войсках был низок, воевать против княжества, которое совсем недавно выступило с оружием в руках против западных держав, не хотелось. Сёгун Иэмоти серьезно захворал, правительственная армия терпела поражение за поражением.

О начале карательной экспедиции против Тёсю было объявлено заблаговременно, так что опальное княжество имело время для подготовки отпора. Воины Тёсю яростно и умело сражались против сёгунских войск, которые стали им ненавистнее иностранных интервентов. В Тёсю появились отряды сопротивления. В них было разрешено носить оружие простолюдинам и даже париям-эта. К этой категории населения относились люди, причастные к «нечистым» занятиям: кожедубы, могильщики, палачи, уличные артисты и т. д. Тем самым был нарушен один из главных принципов устройства тогдашнего общества: правом на оружие обладают только самураи. Так был сделан первый шаг к созданию «народной армии».

С обеих сторон применялось огнестрельное оружие – Япония вступила в эпоху современных войн. В этом ей помог Запад: сёгунат закупал оружие у Франции, а Тёсю – у Англии. Войска Сацума не выступили против сёгунских войск, но агенты этого княжества помогали Тёсю закупать оружие.

Иэмоти был бездетен. Чувствуя наступление смерти, он хотел оставить в качестве своего преемника трехлетнего сына Токугава Ёсинори. Никто не поддержал его. Тогда Иэмоти отправил императору письмо, прося назначить сёгуном своего опекуна Хитоцубаси Ёсинобу. Иэмоти скончался в Осака 20 июля в возрасте двадцати лет. Кампания против Тёсю была в самом разгаре.

Ёсинобу был сыном известного своими антизападными взглядами Токугава Нариаки, князя Мито. Того самого княжества Мито, ученые которого с 1658 года составляли «Историю великой Японии» (последний, 397-й том увидел свет в 1906 г.). Несмотря на то что «История» замышлялась как апологетика сёгуната, она превратилась в восхваление императоров. Именно в Мито впервые получил распространение лозунг «почитание императора и изгнание варваров», именно там разрабатывали теорию, согласно которой император «поручил» сёгунам вести практические дела управления страной. Но, как известно, ни одно поручение не бывает бессрочным...

Сёгун Токугава Ёсинобу

Ёсинобу переименовал фамилию на Токугава и стал первым сёгуном из Мито и последним сёгуном династии Токугава. В самом назначении сёгуном представителя того дома, который выступал за возвращение полномочий императору, есть нечто весьма символическое.

Ёсинобу коснулись многие веяния нового времени, он не чурался западного только потому, что был японцем. Он седлал своего коня Хидэн (Вспышка Молнии) европейским седлом и заказывал свинину в европейских лавках Иокогамы.

Все выступали за то, чтобы прекратить гражданскую войну, но Комэй настаивал на продолжении наступления на Тёсю. Поразительная ситуация! Княжество Тёсю ратовало за реставрацию власти императора, а Комэй выступал за продолжение наступления на него. Он не мог забыть про ту бойню, которую учинили воины Тёсю в Киото. Но и тогда они хотели того же самого: чтобы страну возглавил император. Комэй не мог свыкнуться с мыслью, что он один может управлять страной. Его воспитывали в лучшем случае как соправителя, но не как монарха.

В августе сёгунские войска потерпели в Тёсю очередное поражение. Ёсинобу наконец-то удалось уговорить императора отдать приказ остановить военные действия. Предлог был выбран вполне благовидный – соблюдение траура по Иэмоти.

В октябре Фукудзава Юкити опубликовал первую часть книги «Сэйё дзидзё» («Жизнь в странах Запада»). В этой книге, снабженной многочисленными рисунками, автор поделился той информацией, которую он почерпнул из поездок в Америку и Европу в 1860 и 1862 годах. Но тогда членам миссий запретили делиться сведениями о том, что им удалось увидеть. Теперь же в

стране царила неразбериха, заговор молчания был прерван. Книга Фукудзава стала настоящим бестселлером и разошлась совокупным тиражом более 200 тысяч экземпляров!

В книге содержался перевод «Американской декларации независимости». С этого времени слова «независимость», «свобода» и «цивилизация» все прочнее входят в словарь японцев. Они все лучше понимали, что только та страна, в которой люди усвоили европейскую науку, технику и манеры поведения, может считаться «цивилизованной». И только «цивилизованная» страна может претендовать на статус «независимой». Главный практический вывод Фукудзава был таков: чтобы Япония стала «цивилизованной», следует возможно быстрее внедрять паровой двигатель, развивать транспорт и связь. Он верил, что японцы смогут это сделать.

Фукудзава приводил самые разные сведения о европейцах. Здесь и подробнейшие описания одежды, каменных зданий, способов общения и даже такая важная бытовая деталь, как поход в туалет: «Справлять нужду следует следующим образом. Для отправления малой нужды просто расстегните брюки. Для отправления большой нужды следует отстегнуть подтяжки спереди и сзади; надевать их снова довольно неудобно и хлопотно». Предупреждает автор и о том, что, если вы остановились в чужом доме на ночь, под кроватью обязательно будет поставлен ночной горшок, который не следует принять за что-нибудь другое. Дело в том, что японцы привыкли спать на «подушках» (или же подголовниках) из дерева или керамики. Поэтому некоторые члены миссии 1860 года, непривычные к мягким подушкам, спали, положив горшок под голову.

Фукудзава Юкити хорошо знал своих соотечественников. А для них «цивилизация» заключалась не только в «высоких» принципах, но и в мельчайших деталях быта.

После смерти Иэмоти отношения императора и нового сёгуна демонстрировали согласие. Оба они оставались приверженцами мирного сосуществования гражданской и военной власти, центры которых находились друг от друга на расстоянии в 500 километров. Комэй пожаловал Ёсинобу обычный для сёгуна титул «покорителя варваров». Однако этим отношениям не было суждено продлиться долго. И не потому, что они испортились.

11 декабря Комэй наслаждался выступлениями танцоров. Но недомогание не позволило ему досидеть до конца представления. Врачи сначала говорили, что император слегка простыл, но через четыре дня пришли к выводу, что это оспа. Под диагнозом подписались 15 докторов. Еще через четыре дня императору стало намного лучше; буддийского священника, которого доставили во дворец для чтения молитв, отпустили. Теперь врачи объявили, что у императора очень легкая форма болезни. Уже стали обсуждать детали предстоящего пира по поводу выздоровления, но 25 декабря у императора появилась рвота. Те люди, которые наблюдали за Комэй в этот день, вроде бы заметили, что на лице у него появились характерные фиолетовые пятнышки. Императору пустили кровь, но через несколько часов он скончался. На этой земле ему было отпущено 36 лет жизни.

В первые дни болезни принц Муцухито каждый день навещал отца. Но когда выяснилось, что у него оспа, Комэй запретил сыну появляться в своих покоях. Он вздохнул с облегчением, когда узнал, что принцу без его ведома уже давным-давно сделали прививку.

Разговоры о том, что императора отравили мышьяком, начались сразу же после его кончины. Многие высокопоставленные люди полагали: его смерть вызвана непримиримой позицией Комэй по отношению к Западу. Он был человеком уходящей эпохи. Сколько Комэй ни противился договорам с западными странами, он ничего поделать не смог. Летом этого года были подписаны договоры о дружбе с Бельгией и Италией, а за две недели до смерти императора – с Данией.

Но кто же отравил императора? Мы не знаем. Мы лишь можем предположить, кто мог сделать это. Чаще всего называется имя Ивакура Томоми, за которым осталась слава политика и махинатора. Сам Ивакура, уподобляя политику ширме, говорил, что ширму невозможно

поставить по прямой линии – она непременно упадет. Ее можно поставить только зигзагообразно.

Одна из версий причастности Ивакура к убийству императора звучит так. Будто бы Ивакура хорошо знал, что император имеет обыкновение грызть кончик кисточки. И вот он якобы пропитал ядом две новых кисти, которые затем передали Комэй. Но был ли Ивакура действительно причастен к убийству? Говорят, что, узнав про смерть Комэй, он хотел навсегда покинуть столицу и принять монашество, полагая, что его карьера закончена.

Говорят, говорят, говорят...

В Японии того времени оспа была достаточно распространена, но тяжелые, приводящие к летальному исходу случаи встречались редко. Внешние симптомы такой формы действительно напоминают признаки отравления мышьяком. Но вряд ли мы сумеем узнать, что случилось на самом деле: показания современников путанны и часто не заслуживают доверия. Возраст же, в котором скончался Комэй, особого удивления не вызывает: слишком многие его предшественники прожили недолго.

Несомненно одно – со смертью Комэй начался новый период жизни его сына Муцухито, а вместе с его воцарением – новый период японской истории.

О смерти Комэй было объявлено через пять дней. Для обычаев того времени этот срок можно считать небольшим.

Год был неудачным во всех отношениях: гражданская война, смерти сёгуна и императора. В Осака и Эдо громили магазины и продуктовые лавки. Крестьяне, мирные и покорные японские крестьяне, тоже выходили из повиновения. Люди хотели спокойствия и дешевого риса, а «высшие» политические соображения сопровождалась лишь новыми тяготами в виде увеличения налогов и трудовой повинности. Если на протяжении периода Токугава регистрировалось в среднем 25 волнений в год, то в этом году их случилось 185! Раньше крестьяне просили снизить налоги, теперь – требовали смещения неугодных им чиновников. Чиновники, с которыми они имели дело, не занимали, естественно, сколько-нибудь заметного положения, но все равно это были представители власти! Раньше волнения чаще всего случались в конце года, когда подходил срок уплаты налогов. Теперь больше всего их случилось летом, в разгар гражданской войны, когда правительству отчаянно требовалась поддержка крестьян. Множество волнений случилось непосредственно в районе ведения боевых действий. Крестьяне не желали вдаваться в проблемы «большой политики», им не хотелось оказывать помощь никому – ни правительственным войскам, ни княжеским. Крестьянский гнев был направлен и против деревенских богатеев и ростовщиков – их дома громили и поджигали. С добром поступали по-разному: бывало, что все уничтожали; бывало, что подвергали «справедливому перераспределению». Однако убийств практически не случилось^[42].

Основной формой волнений было уничтожение богатств, нажитых «неправедно». Это была форма не только социального, но и ритуального поведения. По крестьянской логике, после разрушения непременно следует возрождение и обновление мира, который теперь устроится на справедливый лад. Недаром крестьянские выступления назывались «ё-наоси» – «обновление мира». Они не имели своей целью свержение сёгуната, но именно сёгунат был повинен в том, что крестьяне вышли из повиновения.

Крестьянские волнения в Японии ни в коем случае нельзя сравнить по своим масштабам и накалу страстей с крестьянскими войнами в Европе, но для спокойной веками страны и они казались несомненным свидетельством наступающего хаоса.

1867 год

3-й год девиза правления Кэйо. 16-й год жизни Мэйдзи

В этом году был опубликован первый том «Капитала» Маркса. Но в Японии не было ни буржуазии, ни пролетариата. Японию волновали совсем другие проблемы.

Человеку со слабыми нервами в Японии в это время делать было нечего. Иностранцы ожидали нападения в любой момент. Проживая в здании английской миссии в Эдо, ее сотрудник Митфорд непременно держал под подушкой револьвер и выкладывал дорожки сада ракушками, чтобы вовремя услышать приближение нежданного гостя. Один из молодых переводчиков не выдержал постоянного страха за свою жизнь и застрелился^[43].

Обстановка в стране была напряженной, но это не могло отменить череду ритуалов, связанных с восхождением на трон нового императора. 9 января Муцухито появился в Тронном зале дворца. Справа от трона две придворные дамы уже положили императорские регалии (меч и печать), «хранителем» которых отныне становился Муцухито. Муцухито распорядился, чтобы канцлер Нидзё Наруюки исполнял отныне обязанности его регента. Муцухито было всего 15 лет, и он даже не успел совершить обряд совершеннолетия (гэмпук). Поэтому во время ритуала на нем была подростковая одежда. В эти дни Муцухито спал тревожно: какие-то духи посещали его. Находившийся в зрелых летах император Комэй имел дело с юным Иэмоти. Теперь партнером взрослого сёгуна Ёсинобу стал несовершеннолетний Муцухито.

В женской части дворца произошла решительная чистка. Как уже говорилось, в последние годы правления Комэй во дворце господствовала атмосфера пьянства и разврата. Чистка была настолько радикальной, что возникли опасения: а осталось ли там достаточно дам, которые могли бы обучить церемониальному делу вновь прибывших девушек? При этом почти весь старый персонал «трудоустроили» – кого-то выдали замуж, кто-то принял монашество. Биологическая мать Муцухито, Ёсико, тоже хотела уйти в монастырь, чтобы молиться за упокой Комэй, но ее удалось уговорить остаться во дворце вместе со своим сыном.

По случаю смены императора объявили амнистию. Это была давняя традиция. Считалось, что амнистия – дело, угодное самому Небу. А в начале правления особенно важно заручиться его поддержкой. В частности, были прощены наиболее решительные сторонники изгнания иностранцев, которые находились под домашним арестом. Одним из них был принц Арисугава Тарухито.

К этому времени всем стало окончательно ясно, что армия сёгуната не в состоянии справиться с войсками всего лишь одного княжества – Тёсю. Токугава Ёсинобу попытался «спасти лицо»: 23 января он получил окончательное разрешение Муцухито на конец войны с княжеством. Войны, которой в последние месяцы и так не было. В августе прошлого года военные действия были прекращены из-за траура по сёгуну, теперь мотивировкой роспуска войск послужила смерть императора. Смерти лидеров страны способствовали восстановлению мира.

Комэй похоронили на территории буддийского храма Сэннюдзи в восточной части Киото. В этом храме покоились останки многих государей, начиная с Сидзё (1232–1242). Буддийский обряд трупосожжения стал практиковаться в Японии с конца VII века. Из царствующих особ первой в 702 году была кремирована отрекшаяся от трона шестью годами раньше экс-императрица Дзито. Однако традиционный синтоистский обычай похорон предполагал положение во гроб и предание земле. Со свойственным японцам стремлением к компромиссу они придумали, как примирить это противоречие: сама заупокойная служба проводилась по-

буддийски и включала в себя символическое сожжение тела, но на самом деле тело клали в гроб. Так повелось, начиная с Гокомё (1643–1654). Ввиду боязни ритуального загрязнения Муцухито не сопровождал гроб своего отца на кладбище. Две недели провел Муцухито в Траурном дворце, где, облаченный в самые непритязательные одежды, молился об успокоении души покойного.

Став центром ритуальной жизни двора, Муцухито пока что оставался заложником прежних отношений между двором и сёгунатом. В последние годы правления Комэй двор, безусловно, добился больших полномочий: Комэй достаточно часто говорил «нет» на ту или иную инициативу сёгуна. Но никакой конкретной программы по преодолению кризиса у двора не было. Комэй мог упрямиться в деле «ратификации» того или иного договора, он молился об изгнании иностранцев, но это все, на что он был способен. Пятнадцатилетний Муцухито тоже, естественно, ничего не предпринимал. Вся система власти была устроена таким образом, чтобы император ничего не решал сам. Именно поэтому юные годы нового императора никого не смущали. Предшественники Муцухито тоже всходили на трон рано: Кокаку в момент интронизации было девять лет, Нинко – семнадцать, Комэй – пятнадцать.

Став императором, Муцухито продолжал образование в совершенно традиционном духе: занимался каллиграфией и стихосложением, читал классические китайские тексты и изучал книги, посвященные дворцовому ритуалу.

А в это время по согласованию с посланником Леоном Рошем в Эдо прибыли 15 французских инструкторов для обучения сёгунской пехоты. С голландских верфей сошел заказанный сёгунатом пять лет назад военный корабль «Кайё-мару» водоизмещением в 2590 тонн. Ни одно из мятежных княжеств не могло похвастаться таким мощным судном.

Тем не менее крах сёгуната стремительно приближался. Но никто еще об этом не знал. Международные переговоры по-прежнему велись от имени сёгуна. Посланники сёгуната отправились в Санкт-Петербург и 25 февраля (18 марта) подписали промежуточный договор, согласно которому вопрос о принадлежности спорного Сахалина по-прежнему оставался открытым, но и сам остров оставался открытым для подданных обеих стран. Никто не был удовлетворен таким половинчатым решением.

Российские дипломаты строили отношения с Японией в Петербурге, английские – пытались воздействовать на внутривнутриполитическую ситуацию, находясь в самой Японии. В мае члены английской миссии, возглавляемой Парксом, отправились на свою первую аудиенцию к Ёсинобу. Англия почти открыто поддерживала Муцухито, но в этот момент еще не было понятно, как развернутся события, а потому следовало предусмотреть и запасные варианты.

Аудиенцию наметили устроить в сёгунском замке в Осака. Центр политической жизни все больше сдвигался в направлении Киото. Ёсинобу не появлялся в Эдо, он делил свое время между Осака и Киото. Правительство же продолжало находиться в Эдо. Ёсинобу становился все больше похож на полководца без штаба.

На членов английской миссии «кухня Японии» – Осака – произвела самое неблагоприятное впечатление: «Не может быть ничего более неинтересного, чем японский город. В нем нет ни цвета, ни архитектуры; что до Осака, то этот город поистине выглядит исключительно безобразно, в нем есть только торговля и промышленность. Каналы и реки Осака побудили некоторых сравнить его с Венецией. Какое кошунство!»^[44]

Портрет Ёсинобу в английской газете «The Illustrated London News»

Однако сам Ёсинобу членам миссии откровенно понравился. Вот как описывает сёгуна Митфорд, обнаруживший в нем «замечательную личность»: «Он был обычного для японцев роста, но по европейским меркам он был невелик; впрочем, традиционные японские одеяния скрадывали эту разницу. За все время моего пребывания в Японии он оказался самым красивым, по нашим меркам, мужчиной. Черты лица – правильные, глаза – яркие и умные, кожа – оливкового цвета, чистая и здоровая. Рот – очень жестко очерчен, но когда он улыбался, выражение лица приобретало мягкость и исключительную обаятельность. Он был ладно и крепко скроен, что выдавало в нем человека, привыкшего постоянно двигаться; он был неутомимым наездником, привычным к любой погоде, как английский хозяин псарни. Он был самым настоящим и притом великим аристократом. Жаль только, что он представлял собой анахронизм»^[45].

Второстепенность Ёсинобу, его подчиненная роль по отношению к пятнадцатилетнему Муцухито видна уже в том, что Гарри Паркс осведомлялся у сёгуна не о его собственном здоровье, а о здоровье императора. Точно так же как Ёсинобу спрашивал Паркса о том, как чувствует себя королева Виктория. И над Парксом, и над Ёсинобу находилась более высокая и авторитетная инстанция.

В воспоминаниях Митфорда Ёсинобу предстает как остроумный, обаятельный и галантный собеседник. Проведя гостей в комнату, стены которой были увешаны портретами знаменитых поэтов и поэтесс, Ёсинобу решил подарить один из них Парксу. Тот стал отнекиваться, утверждая, что интерьер будет разрушен. Однако Ёсинобу ответил: когда я буду видеть зияющее пространство на стене, это станет приятным напоминанием о том, что моя картина находится теперь в вашем владении^[46].

В Японии, как и во многих других странах, монарх был обязан жениться. И чем скорее, тем

лучше. Это было связано прежде всего с необходимостью продолжения правящего рода. Выбор у императора был небольшой: только представительницы нескольких самых знатных фамилий имели право на то, чтобы назваться супругой государя. Летом состоялись смотрины: во дворец Госё прибыла Харуко, младшая сестра старшего государственного советника Итидзё Санэёси. Их покойный отец занимал при жизни пост левого министра. Мать Харуко тоже была самого благородного происхождения – она была дочерью принца. Харуко блестяще знала поэзию и, естественно, сама слагала стихи. Считается, что за свою жизнь она сочинила около 400 тысяч танка! Она читала по-китайски, умела играть на кото (вид цитры), пела. Кроме того, изучала чайную церемонию и икэбану. Кроме того, она отличалась завидным здоровьем. Но она была старше своего предполагаемого супруга на целых три года. Случаи, когда супруга была немного старше императора, в японской истории отыскивались, но три года – это показалось многовато. Проблему разрешили просто: посчитали, что Харуко родилась не в 1849-м, а в 1850 году.

Когда паланкин с Харуко поднесли к дворцовым воротам, придворные взяли в руки длинные и широкие куски материи, образовав подобие коридора – чтобы Харуко могла пройти во дворец, избежав людских взглядов. Традиционная поведенческая логика, решительно отделявшая императора и его аристократию от подданных, продолжала действовать.

Муцухито и Харуко пообедали, выпили сакэ, обменялись подарками. Харуко, среди прочего, преподнесла ящичек со свежей рыбой, а император подарил ей набор заколок, благовония и трубку для курения табака. Харуко вроде бы никогда в курении замечена не была, но табак считался тогда в Японии одним из видов благовоний. А раз благовоние – значит, отгоняет злых духов и болезни. В этом японцев убедили европейцы еще в XVI веке – они были уверены, что табак оберегает от сифилиса, который они завезли, как и табак, из Америки.

Харуко произвела благоприятное впечатление, и через два дня ей сообщили, что теперь она – невеста императора. Сёгун отреагировал немедленно: пообещал предоставить деньги на свадьбу – единовременно, и 500 мешков риса на мелкие расходы для Харуко – ежегодно.

Но свадьба не могла состояться, пока не закончится годичный траур по Комэй. По этой же причине нельзя было проводить и ритуал совершеннолетия юного императора.

Сёгунат предпринимал отчаянные усилия, чтобы спастись, наращивал свои вооруженные силы. Это требовало огромных средств. Напомним, что в стране не существовало общенациональных налогов. Хотя земельные владения Токугава были самыми обширными в стране, их кошелек все равно был пуст. Ёсинобу обратился к Леону Рошу с просьбой о займе в 6 миллионов долларов. Тот обещал помочь. Специально для этой цели создали «Французскую экспортно-импортную компанию», которая обязалась предоставить требуемые средства в обмен на право разрабатывать ресурсы севера Японии. Однако компания не сумела собрать достаточного капитала. Потенциальным кредиторам показалось, что положение сёгуната недостаточно прочно. В этом их убедили сами японцы, вынесшие свои внутренние проблемы на международную арену.

В этом году в Париже проводилась Пятая всемирная выставка. Япония впервые принимала в ней участие. На выставку в качестве представителя сёгуна Ёсинобу направился его четырнадцатилетний брат Акитакэ. Делегация с самого начала находилась в весьма двусмысленном положении. По пути в Европу корабль заходил в порты, которые принадлежали как Англии, так и Франции. Во французских портах Акитакэ салютовали пушки, выстраивался почетный караул. А в британских владениях делали вид, что ничего не знают о том, кто находится на борту корабля. Более того: в Гонконге в качестве переводчика к сёгунской делегации приставили Зибольда. Сына того самого Зибольда, который был с позором изгнан 40 лет назад за попытку вывезти из страны географические карты. Акитакэ счел это за знак неуважения и предпочел вообще не спускаться на берег.

В Париже Акитакэ посетил, в частности, могилу Наполеона Бонапарта. Рядом с ней были выставлены пушки, которые французские матросы захватили у Тёсю. Княжество Тёсю проиграло битву западной коалиции, но оно выиграло войну у сёгуната. При посещении могилы Наполеона делегация сёгуната наверняка ощущала смешанные чувства.

Токугава Акитакэ

В Париже дела сёгунской делегации не задалась с самого начала. Японцев поместили в шикарный «Гранд-отель», впервые в жизни они смогли воспользоваться лифтом. Но плата за постой оказалась так велика, что казначей Сибусава Эйити настоял на переезде в съемные квартиры. Однако Акитакэ ожидал и более неприятный сюрприз.

Одновременно с делегацией сёгуната князя Сацума и Сага отправили в Париж своих собственных представителей. Акитакэ находился в стране, которая поддерживала сёгунат. А делегаты Сацума и Сага находились в стране, которая являлась их соперником. Их целью была дискредитация сёгуната в глазах Запада.

Делегации Сацума и Сага удалось настоять на том, чтобы экспозиции княжеств и сёгуната разместили порознь. Княжескую экспозицию украшал флаг с изображением герба Сацума – вписанный в круг крест. Представитель Сацума привез с собой и несколько изготовленных втайне орденов. Орден представлял собой пятиконечную звезду (такая эмблема никогда раньше не употреблялась в Японии), в центре которой находился опять же герб Сацума. Это был первый в японской истории орден. Один из них предназначался самому Наполеону III. В послании на

его имя говорилось, что Сацума – одно из могущественных японских княжеств и находится под властью сёгуна. В то же время князь Сацума является королем Рюкю, а потому он – независимый правитель, то есть имеет право награждать глав иностранных государств.

Королевство Рюкю было двойным данником – Китая и Сацума, но князь Сацума, безусловно, не являлся королем. И все же для сёгуната в лице Акитакэ сложилась крайне неприятная ситуация: все поняли, что сёгунат не контролирует ситуацию в стране. И это послужило дополнительным основанием для того, что обещанный заем никогда сёгунату предоставлен не был. Наполеон III отправил Ёсинобу в подарок военный мундир. Ёсинобу мундир понравился, но это было слабое утешение. Газеты писали, что ни делегация сёгуна, ни делегация княжеств не имеет права представлять всю Японию. Операция юго-западных княжеств по дискредитации сёгуната удалась.

Всемирная выставка сказала отрицательно на политической репутации страны Японии. Зато она оказала положительное влияние на имидж самих ее обитателей. Журналисты сравнивали «национальный характер» китайцев и японцев и приходили к выводу, что японцы живее и любопытнее. Они быстрее схватывают новое и устремлены в будущее, а китайцы довольствуются тем, что их культура – самая древняя в мире. Японская экспозиция, где были представлены предметы искусства и ремесла, произвела большое впечатление на парижских художников. Для них это было время поиска новых форм и борьбы с «академизмом». И в этом отношении работы японских мастеров цветной гравюры, столь непохожие на «эталонную» европейскую живопись, пришлись как нельзя кстати. Европейская слава Хокусая (1760–1849) берет начало именно с этих пор. Зародившись в Париже, она перекинулась затем и на Японию, где Хокусай считался художником неплохим. Но не более того^[47].

Хокусай стал первым японцем, имя которого стало известно европейской публике хоть сколько-то широко. В это время страна не могла похвастаться ни учеными, ни изобретателями, ни архитекторами, работы которых могли бы быть оценены в Европе. Для освоения великого литературного наследия Японии требовались квалифицированные переводчики и время. Путь к сердцам европейцев первыми стали пролагать люди изобразительного искусства, слава Японии стала прирастать художниками.

Власти княжества Сацума были самыми активными во всех отношениях. Они привезли орден Наполеону III, они же 14 июня арестовали в Нагасаки 68 местных христиан. Хотя христианство находилось под запретом в течение двух с половиной веков, на Кюсю, где успехи иезуитских миссионеров оказались в свое время наибольшими, сохранилась горстка их последователей. Они получили название «тайных христиан». В основном это были крестьяне и рыбаки. Иконы они заделывали под штукатурку и молились на стены. Буддийскую богиню милосердия Каннон они изображали с ребенком на руках – это было против правил традиционной иконографии, но зато напоминало о Богородице. Власти проверяли благонадежность подданных и, по совету голландских протестантов, регулярно заставляли их попирать ногами христианские (католические!) иконы, сделанные для прочности из меди, но «тайные христиане» старались наступать только на края, избегая попирать само изображение, отчего иконы стирались преимущественно, по краям^[48]. Лишенные церковных книг, японские христиане передавали из поколения в поколение песнопения. За долгие годы эти гимны превратились в набор лишенных смысла звуков. Впрочем, японцам к этому было не привыкать: написанные по-китайски буддийские молитвы не переводились на японский и тоже не были понятны на слух «простому» человеку.

Видя, что власть в стране ослабевает, «тайные христиане» из Нагасаки решили, что гонения уже позади, и стали открыто молиться в храме, построенном французскими католическими миссионерами. Между христианами и буддистами нарастал конфликт. Христиане вооружились

бамбуковыми копьями, которые играют в Японии роль русских кольев. Последовали аресты.

Наднациональный характер христианства и безграничная уверенность в своей правоте заставили французского и португальского консулов в Нагасаки потребовать освобождения арестованных. Особенно активны были французы – сёгунат сильно зависел от них в деле укрепления армии. Ёсинобу ответил тем, что написал письмо Наполеону III с просьбой о прекращении прозелитской деятельности, но «тайных христиан» все-таки освободили.

Падающие с неба амулеты

Нестабильная ситуация, как это часто бывает, привела к появлению самых фантастических верований. В середине июля пронесся слух, что с неба стали падать бумажные амулеты, на которых было якобы написано: «Святылище Исэ». Человек, к которому попал такой амулет, считался «счастливым». Счастья ожидали многие. Люди входили в экстатическое состояние, плясали и пели под звуки барабанов, флейт и сямисэнов. Каждый куплет они заканчивали фразой «ээ дзя най ка» – «пусть будет так». Пусть будет богатый урожай, пусть не будет богатых и бедных, пусть всем будет хорошо. К этим людям, разгоряченным спиртным, присоединялись другие, они переходили из одного места в другое. Мужчины переодевались в женское платье, женщины – в мужское. Они ощущали, что в воздухе пахнет переменами, и надеялись на лучшее. Они боялись перемен и одновременно призывали их. Они могли превратиться в горячий материал революции, но они ничего не понимали в политике. Их песни адресовались потусторонним силам, а не земной власти. Они надеялись, что боги услышат их и перемены наступят сами собой.

Поэтому главная опасность для Ёсинобу и его сёгуната исходила вовсе не от крестьян. И не от волны стихийных волнений горожан, которые, будучи недовольны стремительным ростом цен, громили лавки. И даже не от иностранных держав, которые к этому времени поняли, что с Ёсинобу можно иметь дело. Главным врагом были княжества на юго-западе страны.

В июне в Киото состоялась встреча выходцев из Тоса и Сацума. Ее главными вдохновителями были Накаока Синтаро, Гото Сёдзиро (1838–1897) и Сакамото Рёма (1835–1867) – из Тоса, Сайго Такамори и Окубо Тосимити (1830–1878) – из Сацума. Они сошлись на том, что Ёсинобу должен отречься и стать самым обычным князем-даймё. Что до других князей, то они войдут в верхнюю палату представительного органа, здание для которого будет построено

в Киото. Предполагалось, что в заседаниях нижней палаты будут участвовать представители аристократии, самураев и даже простолюдинов. Верховная же власть в стране предназначалась императору и его двору.

В сентябре Тёсю и Сацума заключили следующее соглашение, в котором они пошли еще дальше: Ёсинобу должен быть свергнут силой. Они исходили из того, что на небе не бывает двух солнц, в семье – двух глав дома. Поэтому и в государстве не должно быть двух правителей.

14 октября Ёсинобу провел в своем киотосском замке Нидзёдзё совещание с 40 самыми влиятельными даймё с доходом больше 100 тысяч коку риса. Несколькими днями раньше бывший князь Тоса Ямаути Ёдо (1827–1872) предложил Ёсинобу отречься. Теперь Ёсинобу спрашивал князей о том, как ему поступить. Большинство из них отмолчалось. Только представители Сацума, Тоса, Фукуока и Хиросима высказались за отречение. Но зато никто не захотел публично поддержать Ёсинобу. На следующий день в императорский дворец Госё доставили послание Ёсинобу. Сетуя на отсутствие у себя талантов и добродетельности, он утверждал, что только мудрое руководство со стороны императора способно обеспечить защиту страны от иностранцев. А потому он просит об оставке.

Казалось бы, чего еще могли ожидать сторонники императора? Однако в тот же самый день на свет появились «секретные указы» Муцухито. В этих указах император, именуемый «отцом и матерью» народа, приказывал Тёсю и Сацума свергнуть Ёсинобу, поскольку тот вместе с кучкой бандитов «часто не слушался» императорских команд, задумывая «еще больше накренить божественную страну».

Сакамото Рёма

Гото Сёдзиро

Поскольку Ёсинобу уже подал прошение об отречении, никакой дополнительной необходимости в «свержении» сёгуната, к чему призывали радикалы из Сацума и Тёсю, не существовало. Это были довольно странные и даже подозрительные указы. Выражения, которые там употреблялись, граничили с грубостью, не приличествующей потомку богини солнца. Хотя там употребляется местоимение «Мы» («тин»), которым самообозначался только сам император, указы были подписаны не самим Муцухито, а тремя придворными (Накаяма Тадаясу, Огиматисандзё Санэнару и Накамикадо Цунэюки). Ивакура Томоми, который считается вдохновителем указа, впоследствии утверждал, что перед тем, как отправить указы в Тёсю и Сацума, их текст «показали» Муцухито.

Многие историки полагают, что «отречение» Ёсинобу было всего лишь театральным жестом. В Японии угроза отречения входит в арсенал политика. Комэй, отец Муцухито, тоже неоднократно угрожал отречься, но всякий раз находил силы «обуздать» себя. Ёсинобу, возможно, рассчитывал, что двор не сумеет совладать с делами и попросит его вернуться. Теперь уже на тех условиях, которые продиктует он. Проницательный и циничный Эрнест Сатов считал именно так. Англия открыто поддерживала коалицию юго-западных княжеств. Сатов записывал свою фамилию иероглифами «сацу» и «то», что можно было истолковать как «путь Сацума».

Отречение Ёсинобу отнюдь не означало, что все князья немедленно станут слушаться приказов из Киото. Двор приказал явиться в Киото всем князьям, но только 16 из них откликнулось на призыв, – большинство предпочло отсиживаться в своих владениях, дожидаясь

дальнейшего развития событий. Само отречение Ёсинобу не обладало для многих законной силой, поскольку с правительством в Эдо не было проведено никаких консультаций. Тем не менее заявление Ёсинобу об отставке было подписано императором, и в стране больше не существовало сёгуна. Впервые за последние девять столетий страна осталась без военного правителя.

В стране не было сёгуна, но сёгунат еще существовал. 15 ноября его агенты убили в Киото Сакамото Рёма и Накаока Синтаро, которым принадлежала ведущая роль в организации союза Сацума и Тёсю. Союза, направленного на упразднение сёгуната.

12 декабря Митфорд посетил Кобэ, который теперь становился еще одним городом, открытым для пребывания там иностранцев. Он попал на семидневное празднество, посвященное открытию сэттльмента. Радостная атмосфера праздника настраивала его на оптимистический лад: простые японцы явно предвкушали те выгоды, которые принесет им свободная торговля!^[49]

Двор должен был теперь решать текущие вопросы управления, но никакого механизма принятия и осуществления решений еще не имелось. Двор не обладал ни деньгами, ни сколько-то крупными земельными владениями или же войском. Единственной его опорой были воины из юго-западных княжеств. В конце ноября Муцухито впервые в своей жизни устроил смотр войскам из Сацума, Тёсю, Аки и Тоса. При этом из двух тысяч воинов полторы тысячи представляли Сацума. Впервые в жизни император появился на людях верхом. Командирам пожаловали подарки, нижним чинам – сакэ. Солдаты Сацума были одеты в нечто, что напоминало европейскую униформу. Сатов, имевший случай приблизительно в это же время наблюдать другой смотр, отзывался о внешнем виде государева войска весьма пренебрежительно: «Их форма представляла собой подражание европейскому стилю – черные брюки с красными лампасами и черные куртки; редкий солдат мог похвастаться парой ботинок, на остальных были соломенные сандалии. В качестве головных уборов служили шляпы из папье-маше – конические или же в форме крышки от кастрюли – с двумя поперечными красными ленточками. Они маршировали шагом английской пехоты, причудливо дополняя его криком, сопровождавшим произведенный выстрел»^[50].

8 декабря воины из Сацума, Овари, Фукуи, Хиросима и Тоса заблокировали ворота дворца Госё. Теперь на них, а не на сёгунских отрядах лежала обязанность по охране Муцухито. На «учредительном собрании», где доминировали выходцы из Сацума и сторонники Ивакура Томоми из числа принцев и аристократов, были упразднены все прежние должности и создана новая структура управления, в которую входили только противники сёгуната. Правительство возглавил принц Арисугава Тарухито. Ёсинобу и его ближайшее окружение получили приглашение прибыть на собрание, но, предчувствуя худшее, они во дворец не явились.

Ранним утром следующего дня посланник двора известил Ивакура Томоми, что он освобождается из-под домашнего ареста и должен немедленно прибыть во дворец. Облачившись в придворный наряд, тот явился пред очи Муцухито. Голова его была обрита, как то полагалось арестантам и монахам. В ящичке, который он принес собой, находился указ о переходе полноты власти к императору. Муцухито удалился в свои покои, где и зашел его перед принцами крови и высшими придворными. В указе говорилось: возрождение императорской власти производится в соответствии с вековыми принципами, заложенными первоимператором Дзимму.

Этой ночью было решено: потребовать от Ёсинобу отречься не только от своей должности, но и от родовых владений дома Токугава. Поначалу возник острый спор о целесообразности такого решительного шага, но когда Сайго Такамоти, дожидавшийся за дверями положительного решения вопроса, сказал в сердцах, что цена вопроса – пара ударов кинжалом, спорщики пришли к единому мнению. До этого дня предполагалось, что Ёсинобу перестает быть сёгуном,

но остается князем. Причем князем наиболее богатым и влиятельным. Но теперь речь шла о том, чтобы лишить его всего.

Ёсинобу, которому сообщили о приказе императора, удалился из киотосского замка Нидзёдзё в свой замок в Осака. Но и здесь его не оставили в покое. Поскольку приближалась первая годовщина кончины Комэй, в Киото собирались провести пышные поминальные службы. Но денег не было. И тогда не нашли ничего лучшего, как обратиться к Ёсинобу. Двор просил два миллиона рё, но Ёсинобу дал всего одну тысячу – ровно в 2000 раз меньше. Вассалы Токугава требовали немедленно сокрушить Сацума и Тёсю, которых (а вовсе не Муцухито!) они считали истинными виновниками происходящего. Ронины, направляемые Сайго Такамори, занимались в Эдо грабежами и поджогами, пытаясь спровоцировать сёгунат на какие-нибудь решительные действия, которые послужат предлогом для развязывания войны. Когда возле эдосского замка случился пожар, власти обвинили в нем воинов Сацума. Ронины обстреляли представительство княжества Сёнай, ответственного за поддержание порядка в Эдо. 25 декабря воины сёгуната окружили резиденцию Сацума и потребовали выдачи зачинщиков, завязалась перестрелка, здание сожгли дотла. План штурма был разработан французскими инструкторами. Обстановка накалялась, все говорило о том, что гражданской войны не избежать. Получив известие об уничтожении резиденции Сацума, находившийся в Осака Ёсинобу принял решение о наступлении на Киото.

Часть II

Свет

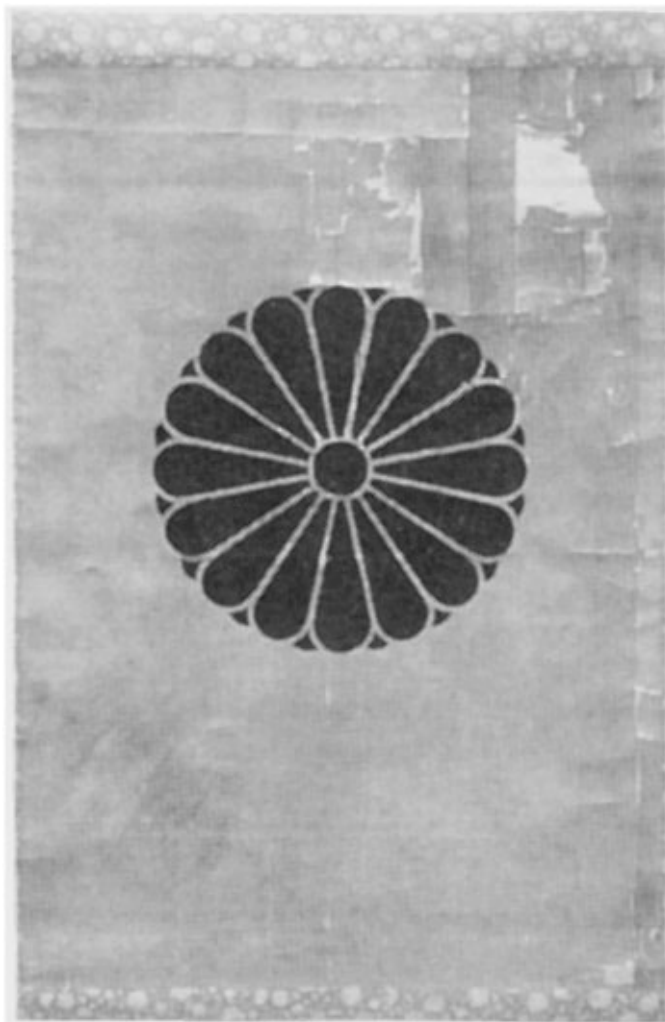
1868 год

1-й год правления Мэйдзи

В этом году новогоднего праздника не получилось. 1 января Ёсинобу обвинил Сацума в предательстве и объявил своим вассалам о мобилизации. В первый день нового года было положено начинать только самые хорошие и справедливые дела. Войска Ёсинобу (его собственные, княжеств Айдзу и Кувана) двинулись из Осака в Киото. На подступах к городу, в Тоба и Фусими, завязались бои с императорским войском, состоявшим из дружин Сацума, Тёсю и Тоса. Когда до Сайго Такамори дошла весть о том, что в Тоба начались стычки, он воскликнул: «Один выстрел в Тоба делает меня счастливее, чем приобретение миллиона сторонников!» Одновременно Сайго, который фактически руководил операцией, отдал распоряжение: в случае опасности нарядить Муцухито придворной дамой и доставить его в женском паланкине в безопасное место.

3 января завязался решительный бой. Хотя численность сёгунской армии значительно превышала дружины Сацума и Тёсю (15 тысяч против 5), Ёсинобу потерпел поражение. Скорострельность фитильных ружей сёгунских воинов была в десять раз ниже скорострельности винтовок Спенсера, которыми пользовались самураи из императорского лагеря. Воины Сацума были уже не совсем самураями, привыкшими сражаться поодиночке и не признававшими коллективных действий. Они скорее напоминали европейских солдат, действовали коллективно, были обучены залповому огню. Дух воинов Ёсинобу был подорван тем, что Сацума и Тёсю развернули императорские штандарты, а это означало: они бьются с врагами по приказу императора. Предвидя будущее развитие событий, Ивакура Томоми приказал изготовить такие штандарты еще в прошлом году. И хотя Ёсинобу утверждал, что сражается не против императора, а против Сацума, теперь он предстал перед всеми как враг Муцухито.

Сражение продолжалось четыре дня, совокупные потери обеих сторон составили 500 человек убитыми и полторы тысячи ранеными. Часть сёгунских войск перешла на сторону императора. 6 января, глубокой ночью, Ёсинобу покинул осакский замок, сказав, что отправляется на поле боя. На самом деле он решил бежать в Эдо на принадлежавшем сёгунату пароходе «Кайё-мару». Однако в темноте лодки, на которые погрузились сторонники Ёсинобу, не смогли обнаружить пароход. Ёсинобу пришлось искать пристанища на стоявшем на рейде американском военном корабле. Проведя там ночь, Ёсинобу направился в Эдо на «Кайё-мару». Потерявшие главнокомандующего войска были полностью деморализованы и рассеялись. Впоследствии Ёсинобу утверждал, что покинул своих людей только потому, что не желал сражаться с войсками императора.

Императорский штандарт

В Эдо Рош попытался уговорить Ёсинобу продолжить борьбу, и тот приказал поначалу готовиться к обороне, но после двухнедельных раздумий отказался от сопротивления. Он распустил верных ему даймё по их владениям. Сам он покинул замок и затворился в храме Канъэйдзи в эдосском районе Уэно. Тем самым Ёсинобу продемонстрировал раскаяние и отсутствие воинственных намерений.

Поражение сёгунской армии в битве при Фусими-Тоба привело к эффекту домино – выпестованная предками Ёсинобу политическая конструкция разваливалась на глазах, большинство князей без лишних разговоров перешло на сторону Киото.

Ёсинобу прекратил сопротивление и не стал протестовать против конфискации родовых земель Токугава в пользу двора, но на нем все равно лежала печать «врага императора». Вдова Иэмоти, принцесса Кадзуномия (теперь она звалась принцессой Тикако), уговорить которую выйти замуж за сёгуна стоило таких трудов, обратилась к императору с просьбой простить Ёсинобу. Она грозила, что покончит жизнь самоубийством, если дом Токугава не будет прощен. Ивакура Томоми потребовал от Ёсинобу письменных извинений. Тот отправил своего посланца в Киото, но извинения показались Ивакура «неискренними». Он вел дело к упразднению сёгуната.

В самый разгар военного противостояния Митфорд писал своему отцу: «И все эти мучения выпали на долю страны только затем, чтобы несколько европейских купцов смогли бы обогатиться. Ничто не может затемнить тот факт, что прибытие иностранцев послужило началом проблем. Японцы нас не приглашали; они были богаты, жили в мире и были по-своему счастливы. Сейчас они обеднели, голодны, платят за все все больше и больше, они находятся накануне гражданской войны, не получив взамен абсолютно ничего. Им остается только выкладывать деньги за оружие, которым они собираются убивать друг друга. Я наблюдал так

называемое победоносное шествие цивилизации и в Китае, и в Японии, и нахожу, что это бедствие для обеих стран...»^[51]

Несмотря на столь редкостную для дипломата интонацию, осуждавшую действия собственной страны, Митфорд продолжал успешно выполнять порученную ему работу.

Военные действия разворачивались на фоне церемониальной лихорадки, овладевшей двором. 3 января посланцы двора известили гробницы императоров Тэнти, Кокаку, Нинко и Комэй, что Муцухито предстоит наконец-то провести церемонию посвящения во взрослые. Она состоялась 15 января, в полнолуние. Теперь Муцухито имел законное право на взрослую прическу и одежду, теперь он чернил зубы и выщипывал брови. По этому случаю простили 19 придворных, которые подверглись ранее опале. Кроме того, в тот же день посланники иностранных государств получили от имени Муцухито такое уведомление: «Император Японии объявляет правителям иностранных государств и их подданным, что сёгуну Токугава Ёсинобу в соответствии с его просьбой было даровано разрешение вернуть управление [императору]. В связи с этим верховная власть во всех делах – как внутренних, так и внешних – осуществляется отныне Нами. А посему титул „тайкун“, от имени которого заключались договоры, должен быть заменен титулом „император“». Теперь все должны были почувствовать, что Муцухито действительно стал взрослым.

Это уведомление означало не только смену власти, но и ее преемственность: Муцухито признавал те договоры, которые заключил сёгунат и которые так не хотел признавать его отец. Он хотел сказать: европейцам не следует беспокоиться. В городах развесили объявления о том, что проявление недружелюбия по отношению к иностранцам будет караться. Вместе с тем говорилось и об усилении военных приготовлений, которые станут способствовать росту авторитета Японии за рубежом.

Серия указов относительно внешних сношений возвещала о прекращении изоляции Японии. При этом утверждалось, что Комэй всегда заботился об установлении дружественных отношений с иностранными государствами, но из-за сёгунов этого сделать не удалось^[52].

Утверждение относительно Комэй, разумеется, ни в коей мере не соответствовало истине. Однако кто, кроме чрезвычайного узкого круга лиц, знал об этом? И потому покойному императору можно было приписать любые намерения. Сёгунат же теперь сделают на многие годы «козлом отпущения». По любому случаю станут утверждать, что из-за его тяжелого наследия дела идут не совсем так, как надо.

Несмотря на признание заключенных сёгунатом международных договоров, обещание дружелюбия и большей открытости, новая политическая элита, точно так же как и старая, на самом деле была настроена по отношению к Западу враждебно. Ивакура Томоми в письме к Сандзё Санэтоми заявлял, что расценивает все западные державы в качестве врагов Японии^[53]. Однако обстоятельства заставили правительство на долгое время затаить свои обиды.

Указание вести себя по отношению к иностранцам дружелюбно последовало не зря. 11 января представители иностранных держав, которые спешно обустроивали свой новый селтльмент в Кобэ, подверглись обстрелу из винтовок, которые воины княжества Бидзэн, известные своими антииностранными настроениями, только что получили из Америки. Самураи еще не успели овладеть новым оружием, пули летели выше цели. Убитых не случилось, был ранен только один американский матрос. Обитателям селтльмента удалось отстреляться. По их настоянию императорский двор приговорил Таки Дзэнсабуро, отдавшего приказ открыть огонь, совершить харакири. Семь иностранцев, включая Митфорда, присутствовали при ритуальном самоубийстве. Они стали первыми европейцами, которым пришлось наблюдать церемонию, о которой они были столь наслышаны. Описание самоказни, сделанное Митфордом, поражает своим хладнокровием и любовным отношением к деталям.

«Дорогой отец! Прошлым вечером меня послали в качестве официального лица, чтобы наблюдать смертную казнь под названием харакири. Церемония, приказ о проведении которой был отдан самим микадо (императором. – А. М.), началась в 10.30 вечера в храме Сэйфукудзи, штаб-квартире армии Сацума в Хёго. Каждая иностранная миссия прислала своих наблюдателей. Английского посланника представляли Сатов и я.

Нас пригласили последовать вслед за японскими представителями в хондо, или главную залу храма, где и должна была состояться церемония. Это было впечатляющее зрелище: огромная зала с высоким потолком, поддерживаемым темными деревянными столбами. С потолка свисали шикарные золотые светильники и украшения, являющиеся обычной принадлежностью убранства буддийских храмов. Перед высоким алтарем, где пол, покрытый превосходными белыми циновками, был приподнят на три или четыре инча, лежал коврик из ярко-красного войлока. Длинные свечи, поставленные через равные интервалы, отбрасывали неяркий загадочный свет, достаточный лишь для того, чтобы увидеть происходящее. Семеро японцев заняли свои места слева от приподнятой платформы, семеро иностранцев разместились справа. Больше никого не было.

После нескольких секунд напряженного ожидания Таки Дзэнсабуро, крепкий мужчина благородной внешности, 32 лет от роду, вошел в залу; на нем была церемониальная одежда, надеваемая по поводу важных событий – своеобразной формы плечики из конопляной ткани. Его сопровождал кайсяку и три офицера. Следует заметить, что слово „кайсяку“ не соответствует нашему „палачу“. Оно обозначает джентльмена, во многих случаях родственника или друга осужденного; отношения между ними вовсе не те, что между жертвой и палачем – скорее это отношения между главным и второстепенным действующими лицами. В данном случае роль „кайсяку“ выполнял ученик Таки Дзэнсабуро; он был выбран друзьями последнего из своего числа за его искусство владения мечом.

Таки Дзэнсабуро и находившийся слева от него кайсяку медленно подошли к японским свидетелям и поклонились им; затем приблизились к европейцам и поприветствовали их таким же образом, возможно, даже с большим почтением. В обоих случаях на их приветствие последовал церемонный ответ. Медленно и с замечательным достоинством осужденный взойшел на платформу, дважды распростерся перед высоким алтарем, уселся на войлочный коврик. Кайсяку присел слева от него. Один из офицеров-помощников вышел вперед с подставкой, похожей на ту, что используют в храмах во время совершения подношений; на ней лежал завернутый в бумагу вакидзаси – короткий японский меч, или кинжал, длиною в девять с половиной инчей, с наконечником и лезвием острым, как бритва. Помощник распростерся и передал кинжал осужденному, который почтительно принял его, поднял на уровень головы обеими руками и затем положил перед собой.

После следующего глубокого поклона Таки Дзэнсабуро, голосом, который выдавал бьющие через край чувства и колебания, ожидаемые от человека, который делает мучительное признание, но с лицом и манерой, в которых не чувствовалось никакого страха, произнес следующее: „Я и только я один, 11 дня прошлого месяца отдал нарушающий закон приказ открыть огонь по иностранцам в Кобэ и повторил его еще раз, когда они попытались спастись бегством. За это преступление я вспарываю себе живот и прошу присутствующих оказать мне честь, наблюдая за этим“.

Поклонившись еще раз, говоривший сбросил верхнюю часть одежды и остался голым по пояс. В соответствии с обычаем он тщательно подоткнул рукава под колени, чтобы не позволить своему телу упасть назад, поскольку благородному японскому джентльмену пристало умирать, падая вперед.

Неспешно, недрогнувшей рукой он взял лежавший перед ним кинжал – он смотрел на него

мечтательно, почти любовно; секунду, казалось, он собирался с мыслями в последний раз, потом глубоко вонзил кинжал в левую нижнюю часть живота, медленно повел его в правую сторону и, поворачивая кинжал в ране, слегка подал его наверх. Во время этой ужасающе болезненной операции ни один мускул не дрогнул на его лице. Он вынул кинжал, наклонился вперед и вытянул шею, и тогда чувство боли впервые отразилось на его лице, но он не издал ни звука. В этот момент кайсяку, который все это время находился рядом и зорко наблюдал за каждым движением, вспрыгнул на ноги, задержал на секунду свой меч в воздухе – вспышка, тяжелый отвратительный глухой звук, грохот падения – одним ударом голова была отделена от туловища.

Установилась мертвая тишина, – прерываемая только мерзким звуком крови, извергающейся из обездвиженной кучи перед нами – того, что секунду назад было мужественным рыцарем. Это было чудовищно»^[54].

Инцидент в Кобэ не стал последним. 15 февраля в городе Сакаи двадцать самураев из княжества Тоса напали на безоружных французских моряков. Погибло 11 человек – некоторых из них застрелили, некоторых – забили до смерти. Леон Рош потребовал извинений от принца Ямасина (министр иностранных дел) и князя Ямаути Ёдо из Тоса, казни преступников, выплаты 150 тысяч долларов семьям погибших моряков и удаления из открытых портов самураев Тоса. Ямасина и Ямаути согласились выполнить все эти требования. Ямаути Ёдо, которого в это время лечил врач английской миссии, заявил, что это преступление не имеет никакого отношения к истинному самурайскому духу. Двадцать самураев приговорили к совершению харакири. Многие из них оставили предсмертные стихи, в которых воспевали свою доблесть. Ни один из них не раскаялся, некоторые даже в момент самоказни выкрикивали антииностранные лозунги. После того как одиннадцать самураев уже вспороли себе животы, капитан французского корабля и Рош остановили самоказнь. Сатов в очередной раз был недоволен действиями французов: он утверждал, что это не исполнение приговора, а месть по принципу «око за око».

А всего несколькими днями позже, 30 дня второго месяца, император Муцухито должен был дать обещанную еще до кровавого инцидента в Сакаи аудиенцию Рошу, представителю Голландии Полсброеку и Гарри Парксу. Для того чтобы оправдать такую смелость, пришлось вспомнить, что еще в далеком VIII веке японские государи принимали посланцев из Кореи и Китая. Однако правители Японии не встречались с иностранцами уже больше тысячи лет. Ивакура Томоми и князю Фукуи по имени Мацудайра Ёсианага (1828–1890) пришлось убеждать не только самого императора, но и его ближайшее окружение. Особенно сильно протестовала женская половина двора во главе с биологической матерью Муцухито – Накаяма Ёсико. Она даже заявила, что ее сын не может дать аудиенцию ввиду болезни. Ивакура пришлось попросить доктора освидетельствовать Муцухито, и тот признал его абсолютно здоровым.

Сторонникам императора эта аудиенция была намного нужнее, чем иностранным представителям. В эти дни еще не было окончательно ясно, одержат ли императорские войска победу в борьбе с приверженцами сёгуната, а согласие иностранных представителей прибыть на аудиенцию означало признание Муцухито верховным правителем страны. Ивакура Томоми благодарил Англию за то, что она первой признает Муцухито сувереном Японии. Американский, итальянский и прусский посланники приглашение отклонили, сославшись на то, что держат нейтралитет в схватке между сёгуном и императором.

Представители Франции, Голландии и Англии должны были прибыть в Госё в одно и то же время. Однако Паркс опаздывал, и аудиенцию решили начать без него. Около двух часов дня Муцухито появился в тронном зале. В руках у него были меч и яшма – символы его власти, с которыми он никогда не должен был расставаться. Однако иностранцы не видели императора, так как он расположился за занавесками, отделявшими его от посланцев.

Перспектива. В. Крестовский, посетивший дворец Госё в 1881 году, так описывал тронный зал, превращенный к тому времени в подобие музея: он устроен на четырех уровнях, каждый из них соответствует важности занимаемого положения. Четвертая, самая высокая площадка, напоминающая «концертную эстраду», предназначалась для императора. Над ней «из-за высоких боковых ширм, напоминающих кулисы, опущена во всю высоту комнаты широкая зеленая штора, собранная из длинных и тоненьких бамбуковых спиц. За этою-то шторой и помещался микадо во время аудиенции, и, когда он усаживался на свое место... штора медленно поднималась до высоты его груди, но так, что лицо „Внука Солнца“ все-таки оставалось невидимым для простых смертных; сам же он мог созерцать их, как через вуаль, из-за сквозящей шторы»^[55].

В тот достопамятный день Сандзё Санэтоми и Накаяма Тадаясу стояли подле императора, а принц Ямасина и Ивакура Томоми вместе с менее знатными придворными находились снаружи занавешенного пространства. Введенный в залу Рош был первым из иностранцев, который слышал голос Муцухито. Император сказал: «Мы рады узнать, что император вашей страны пребывает в добром здравии. Надеемся, что отношения между нашими двумя странами будут еще более сердечными, пусть они будут вечными и неизменными». От имени Наполеона III Рош пожелал Японии процветания, а самому Муцухито – защиты со стороны божеств синто. После того как та же самая процедура была повторена с участием голландца, иностранных представителей угостили чаем со сладостями.

Что же случилось с Парксом? Возглавляемая им процессия, которую сопровождали Накаи Хироси (1838–1894) и Гото Сёдзиро, вовремя покинула храм Тионъин, где остановилась английская делегация. Все 70 англичан ехали верхами, и только Митфорд передвигался в паланкине – его кобыла не ко времени охромела. Позади английской делегации двигалось настоящее войско численностью в полторы-две тысячи человек. Такое мощное сопровождение означало скорее почет, оказываемый Англии, чем реальную возможность защиты. По пути к дворцу на англичан бросились двое террористов. Улица была настолько узкой, что конные английские охранники не смогли пустить в ход свои пики. Но Накаи успел спрыгнуть с коня и ввязался в борьбу с одним из нападавших. Эрнест Сатов продолжает: «Однако он запутался в своих широких штанах и упал на спину. Его соперник уже собрался обезглавить его, но Накаи отвел удар, получив только легкое ранение головы, а затем поразил нападавшего в грудь. Это лишило того сил, и, когда он поворачивался к Накаи спиной, Гото поразил его в плечо; он упал на землю, а вскочивший с земли Накаи снес ему голову»^[56].

Второго преступника удалось схватить живым. Правда, Митфорду едва удалось при этом избежать смерти. «Я услышал пистолетные выстрелы, звон мечей, крики „Нападение!“, „Убейте его!“, „Застрелите его!“. Я выпрыгнул из своего паланкина, мне никогда не приходилось выпрыгивать из чего-нибудь с такой быстротой. Я бросился вперед. Улица была покрыта лужами крови, я увидел, как убийца приближается ко мне. Он был ранен, но не слишком серьезно, он был полон решимости. С его клинка капала кровь, лицо кровоточило. Я знал достаточно о японском искусстве владения мечом, чтобы понять – пробовать увернуться от удара не было никакого смысла. Поэтому я поднырнул под гарду и вырвал окровавленный меч из его руки». Однако преступнику удалось вывернуться, он бросился бежать, но был схвачен несколькими минутами позднее. Тем временем сам Митфорд побегал убедиться в том, что Паркс в безопасности. По пути он «споткнулся обо что-то. Это была человеческая голова»^[57].

Никто из членов английской делегации не погиб, хотя раненых оказалось около десятка человек. Накаи положил отрубленную голову нападавшего в ведро и отнес его в храм Тионъин. Пойманного преступника по имени Саэгуса Сигэру освидетельствовал английский врач Виллис.

Нападавший происходил из самурайского сословия, служил в буддийском храме. Волосы на его голове еще не успели отрасти. Он «выразил свое величайшее раскаяние и попросил, чтобы ему отрубили голову, которая была бы выставлена на всеобщее обозрение, чтобы японский народ узнал о его преступлении»^[58].

Саэгуса отправился в Киото, узнав, что там находятся иностранцы, и желая напасть на них – ведь одним своим присутствием они сделали «нечистым» священный императорский город. Из какой они страны, для него не имело значения, он был готов убить любого. Его погибший сообщник оказался деревенским врачом и не принадлежал к самурайскому сословию.

Гарри Паркс на сей раз не настаивал на казни нападавшего, заявив, что его преступление наносит большее оскорбление Муцухито, чем ему самому, а потому японцы вольны поступить с ним согласно своим представлениям о законе. Однако он не хотел повторения печального опыта с убийцами французских моряков, которые восприняли свое харакири за огромную честь. А потому Паркс просил о «настоящей», позорной казни. Саэгуса действительно лишили самурайского звания и приговорили к усекновению головы, причем за два часа до казни сфотографировали. Головы обоих преступников выставили на всеобщее обозрение, а трех их сообщников сослали. Многие жители Киото сочувствовали им на том основании, что допуск иностранцев во дворец императора непременно грозит Земле Богов и самому Муцухито осквернением и неслыханными бедствиями.

Аудиенцию для английской делегации пришлось отложить, Муцухито выразил свое глубочайшее сожаление по поводу случившегося, а храм Тионъин превратился на время в настоящий лазарет, рубашки и простыни пошли на бинты.

Через три дня, 3 марта, Паркс, Митфорд и Сатов снова отправились во дворец. На сей раз английских охранников было меньше – некоторые еще не успели оправиться от ран. Зато двое из них, ехавшие по обе стороны от Паркса, обнажили свои сабли – вещь для Японии немислимая, поскольку самурай вытаскивал меч из ножен только в одном случае: если он намеревался немедленно пустить его в ход. Однако на сей раз все обошлось без происшествий. Англичан, привыкших к роскоши дворцов европейских и восточных монархов, поразило скромное убранство дворца Муцухито.

Сатова в зал приемов не допустили – ему было нельзя появляться перед Муцухито, так как он не был представлен к английскому двору. Депутации повезло – они стали первыми европейцами, которые увидели японского императора. Муцухито окончательно вышел из тени, в которой его предки пребывали столько веков.

Вот как Митфорд описывает Муцухито: «В центре залы находился балдахин, поддерживаемый четырьмя тонкими, покрытыми черным лаком колоннами, задрапированными белым шелком с красно-черным узором. Под балдахином пребывал юный Микадо, он сидел, вернее, он прислонился спиной к высокому креслу. Позади него сидели на коленях два принца крови, готовые придти ему на помощь. За пределами балдахина, впереди Его Величества сидели два других принца крови.

После того как мы вошли в залу, Сын Неба поднялся и принял наши поклоны. В то время это был высокий юноша с ясными глазами и чистой кожей; его манера держаться была очень благородной, что весьма подходило наследнику династии, которая старше любой монархии на земном шаре. На нем была белая накидка и длинные пузырящиеся штаны из темно-красного шелка, которые волочились по полу наподобие шлейфа у придворной дамы. Его прическа была такой же, как и у его придворных, но ее венчал длинный, жесткий и плоский плюмаж из черной проволочной ткани. Я называю это „плюмажем“ за неимением лучшего слова, но на самом деле он не имел никакого отношения к перьям. Его брови были сбриты и нарисованы высоко на лбу; его щеки были нарумянены, а губы на помажены красным и золотым. Зубы были начернены.

Чтобы выглядеть благородно при таком изменении природной [внешности], не требовалось особых усилий, но и отрицать в нем наличие голубой крови было бы невозможно»^[59].

Ито Хиробуми (фотография 1867 г.)

К этому весьма выразительному описанию, свидетельствующему о том, что в это время зримый образ императора моделировался в соответствии с понятиями о женственности придворных дам (свободные и длинные одежды, бритые брови, грим, чернение зубов), Митфорд добавляет еще одну примечательную деталь: Муцухито едва шевелил губами, а потому стоявший рядом принц крови должен был повторять его слова погромче, чтобы Ито Хиробуми мог перевести их. Митфорд объясняет это юношеской застенчивостью императора, но на самом деле, разумеется, дело было не только в этом. Император впервые встречался лицом к лицу с иностранцами, но древняя традиция, предписывающая общение с посторонними при помощи посредника, сохранялась в полном объеме. Согласно синтоистским представлениям, божества говорят не сами, но передают свою волю через медиумов (жрецов). Являясь обладателем божественной природы, император должен был поступать точно так же.

Перспектива. Запрет «на голос» был окончательно ликвидирован только 15 августа 1945 года, когда император Хирохито (Сёва) впервые в жизни выступил по радио с заявлением о капитуляции Японии во Второй мировой войне.

Муцухито выразил свое сожаление по поводу произошедшего три дня назад инцидента, на что Паркс галантно отвечал, что милостивое отношение к нему государя заставило его полностью забыть о случившемся. На этом аудиенция была закончена, она длилась всего 15 минут. Аудиенция оказалась знаменательной во многих отношениях. В том числе и в том, что высокие стороны общались через переводчика с английского языка. С этих пор международным языком общения для японского двора становится именно английский. В придворной жизни Европы господствовал французский, но французы долгое время поддерживали не императора, а сёгуна.

Императорские войска шли к Эдо, не встречая никакого сопротивления. Однако это продвижение не было похоже на марш-бросок – путь проходил через многие княжества, в том числе и такие, которые были прямыми вассалами дома Токугава. Всем им следовало разъяснять обстановку, их уговаривали оказать помощь или хотя бы соблюдать нейтралитет. Старые порядки были разрушены, новая дисциплина еще не устоялась.

Для того чтобы перетянуть на свою сторону простолюдинов, было сформировано специальное подразделение «Сэкихотай» («Отряд красной вести»), в который входили крестьяне, торговцы и ронины. Отряду поручили обещать, что на родовых землях Токугава налоги будут снижены наполовину. Однако командиры отряда стали обещать повсеместное снижение налогов. Революционная стихия выходила из-под контроля. Отряд объявили вне закона, десятки его членов были безжалостно казнены без суда и следствия. Власть действовала быстро, не давая народной стихии разгуляться. Жертвовать налогами – это абсурд, ради их сохранения жизнью простолюдинов можно было пренебречь как величиной бесконечно малой. С отрядом обошлись по законам революционного времени, но это время находилось под полным контролем власть предержащих.

Перспектива. Потомкам командира «Отряда красной вести» Сагарака Содзо удалось добиться восстановления его доброго имени в 1928 году. Памятник ему и его десяти подчиненным был установлен в 1930 году^[60].

В это время в Эдо шли переговоры о сдаче замка сёгуна войскам под водительством Сайго Такамори. От Ёсинобу требовали, чтобы он сам открыл ворота замка. Сам Муцухито отправился в Осака, который теперь был очищен от сёгунских отрядов.

Муцухито несли в закрытом паланкине, рядом с ним лежало священное зеркало, люди вдоль дороги падали на колени. По дороге он заехал в святилище Хатимана в Ивасимидзу. Всего пять лет назад его отец Комэй молил там богов об изгнании европейцев. А теперь Муцухито просил божеств оказать ему покровительство в борьбе с тем самым Ёсинобу, который в 1863 году отказался принять там меч из рук Комэй. В Осака, с горы Тэмпо, Муцухито впервые увидел море. Впервые в жизни он смог воочию убедиться в том, что оно действительно существует и что стандартный оборот указов, утверждающих, что император является повелителем четырех морей с четырех сторон света, – не просто метафора. Военный корабль «Дэнрю-мару», принадлежавший княжеству Сага, салютовал императору из своих пушек.

13—14 марта состоялась встреча Сайго с высокопоставленным чиновником сёгуната Кацу Кайсю (1823–1899). Сайго был настроен чрезвычайно решительно и считал, что Ёсинобу заслуживает смерти. Гарри Паркс настоятельно советовал достичь компромисса, уверяя, что казнь сёгуна противоречила бы «международным законам». Сайго смягчил свои первоначальные требования. Теперь фамилии Токугава уже не грозили прямые репрессии, Кацу согласился прекратить борьбу и сдать город. Одновременно сёгунат приказал своим студентам в Европе немедленно вернуться на родину. Это было одно из последних распоряжений, отданных

сёгунатом. Только один из японских студентов в Петербурге отказался возвратиться в Японию.

Императорская армия, возглавляемая сацумским самураем Сайго Такамори и киотосским аристократом Хасимото Санэяма, 11 апреля заняла Эдо, не встретив никакого сопротивления. Там их почтительно приветствовал новый глава рода Токугава – Ёсиёри. Он был главой старинного рода, но сёгуном он не был. Он не был даже «обычным» князем. Власть полностью перешла в руки сторонников императора.

Кацу Кайсю

Сёгунская династия Токугава прекратила свое существование. От ее имени правили 15 сёгунов. В то же самое время Муцухито был 122-м по счету императором. Для общества, которое ценит традицию, – разница колоссальная. И пусть все первые древние государи с точки зрения современной исторической науки были личностями легендарными, важно то, что люди не считали их таковыми.

При занятии Эдо удалось избежать кровопролития. Но сдача оружия была формальной, многие прямые вассалы прежнего сёгуна не желали признавать нового порядка, то есть гегемонии «предателей» из Сацума и Тёсю, и бежали в Ава. Ушло и семь кораблей сёгунского флота.

На северо-востоке страны началась гражданская война. Главными противниками правительственных войск выступили княжества Айдзу и Сёнай, которые составили коалицию с другими княжествами северо-востока. В коалицию входило 31 княжество. Воины Айдзу во главе со своим князем Мацудайра Катамори раньше охраняли дворец Госё, части Сёнай обеспечивали порядок в Эдо.

Эта гражданская война получила название «войны Босин» (название 1868 г. по 60-летнему циклу). Хотя повстанцы бились против войск Муцухито, их лидеры утверждали, что только они, а не «двuruшники» из Сацума и Тёсю по-настоящему верны императорскому делу. Это был типично феодальный строй мысли, когда основой любых поступков является месть и безоговорочная преданность «хозяину». А хозяином теперь был Муцухито. Реставрации сёгуната не требовал никто. Точно так же, как и власти самого Ёсинобу. Со стороны непокорных эта война не имела ни цели, ни будущего.

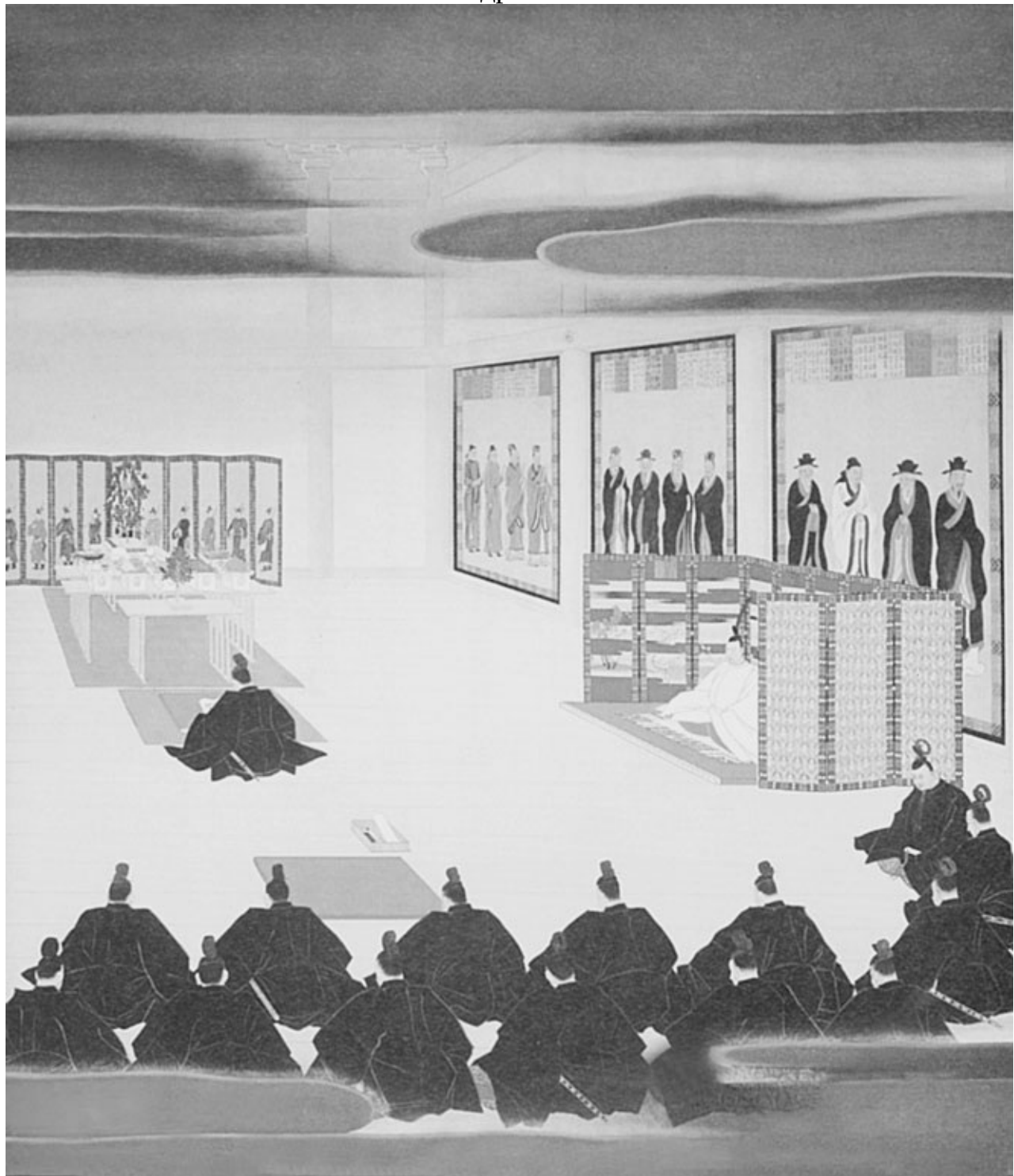
Воины Сацума перед отправкой на фронт. На ковре выткан герб Сацума

Воины княжества Уэда вместе со своим князем Мацудайра, поддержавшим императора, перед отправкой на фронт

Пока в Эдо шли переговоры, новому правительству в древнем Киото нужно было что-то предпринимать. Следовало успокоить людей и обрисовать перспективы. 14 марта, на следующий день после первой встречи Сайго и Кацу, во дворце Госё состоялась масштабная церемония, на которой присутствовала большая часть политической элиты (принцы, придворные, князья, чиновники). Целью этой церемонии было создание общего для этой элиты политического и идеологического поля. Перед началом церемонии залу обрызгали соленой водой и разбросали рисовые зерна – синтоистский обряд очищения. После того как глава синтоистского придворного ведомства прочел молитву, Муцухито занял свое место на возвышении в северной части залы, – согласно традиционным китайским представлениям, давным-давно усвоенным в Японии, государь является земным воплощением Полярной звезды и потому должен находиться на севере, а его подданные – на юге. Место, где сидел Муцухито, с трех сторон окружали ширмы с изображением четырех времен года – символ того, что именно император обеспечивает правильное чередование сезонов и, таким образом, богатый урожай. Одно то, что Муцухито не был скрыт от присутствующих занавесом, было огромным новшеством. Подавляющее большинство из них видело своего повелителя впервые в жизни. Открыв им свое лицо, Муцухито признал присутствующих своими ближайшими сподвижниками. Заместитель главы правительства Сандзё Санэтоми прочел синтоистскую молитву, призывающую богов Неба и Земли. Затем Муцухито прошествовал к алтарю, устроенному справа по диагонали от его места,

поклонился и совершил приношения красной и белой материей (сочетание этих цветов является в синто наиболее чтимым). Затем Санэтоми перед алтарем от имени императора прочел текст «Высочайшей клятвы в пяти статьях». Своим адресатом клятва имела богов.

Церемония «Высочайшей клятвы в пяти статьях»

Статьи «Клятвы», прошедшие несколько этапов редакции (последний вариант принадлежал кисти Кидо Такаёси), были сформулированы в чрезвычайно абстрактных выражениях, которые поддаются истолкованиям, но плохо поддаются буквальному переводу. Во-первых, Муцухито обещал принимать решения на основе «общественных собраний» и учета мнений общественности. Это положение было призвано успокоить политическую элиту. Понятно, что многие даймё в это время были обеспокоены возможностью возникновения авторитарного правления, а коллегиальность управления действительно почти всегда являлась для японской элиты одним из основных политических принципов. Во-вторых, прокламировался

конфуцианский принцип, что и элита и подданные обязаны объединиться в деле управления страной. В-третьих, чином военным и гражданским, а также простым людям предоставлялось право проявлять личную инициативу. Это положение было направлено на разрушение сословных границ в обществе. В-четвертых, обещалось, что «будут устранены дурные обычаи прошлого», а управление станет основываться на «Пути Неба и Земли», то есть справедливо и по закону. В-пятых, говорилось, что «знания будут обретаться во всем мире» и это должно послужить укреплению императорского трона. То есть данной статьей император провозглашал отказ от политики изоляционизма и подчеркивал образовательный аспект своей программы действий.

Документ получился коротким, риторические фигуры – абстрактными. Это было традицией – указы императора всегда старались формулировать именно таким образом, чтобы оставить простор для исполнителей. Несмотря на полностью изменившуюся к тому времени политику, текстом клятвы козыряли и во время Второй мировой войны, и после ее окончания. В заключительной части документа Мэйдзи поклялся перед «богами Неба и богами Земли» в том, что он будет неукоснительно придерживаться этих пяти принципов, и просил у своей элиты содействия в своих начинаниях.

Прибывшие в Киото князья и их вассалы скрепляли клятву своими подписями, признавая тем самым свое подчиненное положение по отношению к императору и его новому курсу. Высшей же инстанцией, перед которой были ответственны все те, кто поставил свою подпись, выступали синтоистские божества. Клятву подписали 832 человека. Теперь император получил полное право отдавать им приказы. Своими главными советниками Муцухито назначил двух придворных – Сандзё Санэтоми и Ивакура Томоми.

После принесения клятвы Муцухито направил высшим государственным лицам послание, в котором заявил о том, что теперь, в соответствии с древними обычаями, будет самолично управлять страной, заботясь о народе. Только при этом условии страна сможет преодолеть последствия изоляционизма, отбросить устаревшие обычаи, обновиться, заслужить уважение иностранных государств, стать такой же мощной, как гора Фудзи. Это может быть обеспечено только при одном условии: если все подданные отбросят эгоистические заботы о себе и станут печься об общественном благе. Только так может быть обеспечена безопасность Земли Богов^[61].

Муцухито и его советники хотели, в частности, сказать: теперь между императором и народом не будет никаких посредников, будь то сёгун Токугава, князья или же канцлер из рода Фудзивара, как то было в период Хэйан. Простые люди, которые раньше были полностью отстранены от принятия решений, теперь вовлекаются в политический процесс. Многоступенчатая система управления отменяется, император превращается в символ единства страны, единения народа и его правительства, без чего невозможно сохранить суверенитет.

Угроза со стороны Запада и неспособность ей противостоять, комплекс неполноценности по отношению к мощным «цивилизованным» странам и решимость его преодолеть стали главными причинами, по которым Япония решилась на модернизацию. Ее первым объектом стал сам император. Он выступал в двух ипостасях: реформатора и приверженца древних устоев. Под последними в это время понимался прежде всего синто. Его древние божества были призваны освящать новый курс нового правительства.

Европейские страны нового времени искали образцы для подражания в Древней Греции и Риме; средневековая Япония чаще всего обращалась в сторону древнего Китая; новая Япония видела преемственность со своим собственным прошлым. Но с прошлым не «ближним», когда в политической жизни доминировали сёгуны, а с прошлым «дальним», под которым понимался миф и древняя история.

Текст «Клятвы» был оглашен перед политической элитой и богами. Народу же предложили для ознакомления пять указов, которые разместили на досках для объявлений, имевшихся в

населенных пунктах, — там, где раньше вывешивали приказы сёгуната. Эти доски служили в качестве «средства массовой информации», обеспечивавшего связь между властями и народом. Первые три указа фактически повторяли предписания сёгуната. Они призывали заботиться о родителях, старших и увечных, предупреждали о недопустимости преступлений, запрещали христианство. Еще один указ запрещал покидать места своей прописки, что тоже в полной мере соответствовало политике сёгуната. По-настоящему новым следует считать только последний указ, который объявлял: политика императорского правительства полностью изменилась, установлены отношения с иностранными государствами. А потому всякое недружелюбное действие по отношению к иностранцам будет рассматриваться как преступное.

Пепелище на месте центрального святилища храма Канъэйдзи

На примерах Китая и Индии, а также в результате поражения в Симоносэки японская политическая элита убедилась: сопротивление западным державам в настоящий момент невозможно. Но это вовсе не означало, что эта элита смирилась. Она лишь затаилась, чтобы приступить к модернизации и построению сильной государственности, без которой призывы к мщению оказывались сотрясением воздуха. А сейчас нужно было унять на время жажду «благородной мести» и справиться с внутренними проблемами.

Императорские войска вошли в Эдо без всякого сопротивления, но около тысячи сторонников Ёсинобу засели на холме Уэно — там, где находился сёгун до занятия города правительственными войсками. Ёсинобу там уже не было, но его вассалы все равно не хотели

сдаваться. 15 мая две тысячи воинов правительственной армии под предводительством Омура Масудзиро (1824–1868) разгромили их. Это был первый и последний случай, когда в Эдо слышались разрывы снарядов. По холму Уэно стреляли два орудия, пожары уничтожили дотла гигантский буддийский храм Канъэйдзи, где находилась одна из усыпальниц дома Токугава (другая находилась в храме Дзодзёдзи). Теперь в Эдо не осталось никого, кто мог бы оказать вооруженное сопротивление новому правительству. Императорские войска в надежде на поимку мятежников хватали всех подозрительных. Если на теле пойманного оказывалась татуировка, его отпускали без дальнейших расспросов. Свое тело татуировали только простолюдины, которые в политике не участвовали.

Мятежники действовали на свой страх и риск. Ёсинобу не имел к ним никакого отношения. В награду за сговорчивость Ёсинобу 24 мая дому Токугава было определено огромное содержание – 700 тысяч коку риса в год. Потерпев поражение, Ёсинобу не стал совершать харакири. Именно ему Япония в значительной степени обязана тем, что эпоха правления сёгуната закончилась сравнительно бескровно.

Перспектива. Ёсинобу удалился в крошечный городок Нумадзу на побережье залива Суруга (нынешняя префектура Сидзуока), где и провел остаток жизни, работая над усовершенствованием агрокультуры чая, охотясь на кабанов и упражняясь в фотографическом деле. Кроме того, он оказался плодовитым отцом – у него было десять сыновей и одиннадцать дочерей.

В стране царила неразбериха, и на какое-то время прежние запреты пали. В том числе и запрет на критику власти. Бывший сотрудник внешнеполитического ведомства сёгуната Фукути Гэнъитиро приступил к изданию одной из первых японских газет – «Коко симбун» («Мир новостей»). Ему удалось выпустить всего несколько номеров, в которых он, в частности, пророчил, что «клике Сацума-Тёсю» не удастся удержаться у власти. Никогда в истории страны люди с юго-запада не стояли у кормила власти, а потому они обречены и сейчас, – утверждал Фукути. Как и очень многие сторонники сёгуната, он был возмущен: благородный Ёсинобу вернул власть императору, а она оказалась в руках безродных выскочек с юго-запада.

Главного редактора арестовали и поместили в сёгунский замок, где он находился вместе с другими неблагонадежными элементами. Порядок еще не установился, заключенные курили свои трубочки и выпивали. С ними поступали по-революционному: или рубили голову, или отпускали на волю. Фукути повезло и его выпустили. Он пообещал прекратить издание газеты и отдал властям те доски, с которых печатались прошлые выпуски. Такое же требование новое правительство вскоре выдвинуло и по отношению к другим издателям. К осени продолжали свою деятельность только две проправительственные газеты^[62]. Имя Фукути осталось в истории, поскольку он оказался первым журналистом, который подвергся репрессиям при новом режиме. Впоследствии его назовут «отцом японской журналистики».

Для сторонников возрождения власти императора в японской истории не существовало периода более «правильного», чем VIII–XII века (эпохи Нара и Хэйан). Это время было достаточно нестабильным, дворцовые заговоры следовали один за другим (это в особенности верно для VIII в., когда большинство правителей были женщинами, выбираемыми в качестве компромиссных фигур), к IX веку род Фудзивара уже начинал подминать под себя императоров. Но для поборников монархии важнее было другое: согласно тогдашнему законодательству, император являлся главной фигурой управленческого процесса, а чиновники являлись лишь передаточными механизмами для исполнения высочайшей воли. Поэтому решили «восстановить» название главного управленческого органа того времени: Палату большого

государственного совета (Дадзёкан). Дадзёкан существовал при императорском дворе и во времена Токугава, но никакими реальными полномочиями не обладал.

Хотя название Дадзёкан было старым, его внутренняя структура сильно отличалась от древних установлений. Достаточно сказать, что в его составе были представлены три ветви власти: законодательная (Гисэйкан), исполнительная (Гёсэйкан) и судебная (Кэйхокан). Сама идея о разделении ветвей власти была заимствована из Америки. В то время многие наивно полагали, что Америка может послужить моделью для политического устройства Японии. Надо ли говорить, что они глубоко ошибались. Так, известный общественвед Като Хироюки (1838–1918) совершенно серьезно утверждал об органическом сходстве Японии с Америкой на том лишь основании, что в Америке есть правительства штатов, а в Японии есть князья с их советами старейшин. При таком понимании не стоит удивляться тому, что заимствование разделения властей не было системным. Названия ветвей были, но при этом принцип их независимости в расчет не принимался. Согласно распоряжению о создании Дадзёкан, именно ему принадлежала власть в Поднебесной. Поднебесной, которой управляет наследственный монарх. Идея выборности не находила в Японии достаточного количества сторонников.

Была восстановлена и Палата небесных и земных божеств (Дзингикан), впервые созданная еще в VIII веке. Теперь под ее наблюдением находились все святилища, жрецы и отправляемые ими культы. При этом главным жрецом синто считался сам император. Идеологи нового режима утверждали, что в древности управление осуществлялось с помощью ритуала, что император совмещал в себе распорядительные и жреческие функции (сайсэй итти). А потому и ныне следует устроить жизнь именно таким образом. До осуществления этого идеала оставалось еще далеко, но движение к нему уже началось. В качестве первого шага уже 28 марта было обнародовано распоряжение о запрете отправления в синтоистских святилищах буддийских культов.

Имелось в виду, что стержнем официальной идеологии следует сделать синто. При Токугава такую роль в значительной степени обеспечивал буддизм. Все японцы без исключения находились в его власти, поскольку буддийским монахам удалось монополизировать отправление похоронного ритуала. Буддийские храмы выполняли и роль передового отряда борьбы с христианством. Отправляясь в путешествие, нужно было получить справку из храма, что ты не являешься адептом этого «ужасного» вероучения. Именно монахи составляли списки жителей, храмы являлись разновидностью государственных учреждений.

Теперь людям сказали, что нужно относиться к иностранцам (прежде всего европейцам) терпимо, хотя запрет на принятие христианства по-прежнему сохранялся. Именно христианство рассматривалось как наиболее опасный элемент, который грозит размыванием духовных основ. Все европейцы, с которыми имели дело японцы, были христианами. Что можно было противопоставить христианству? Ответ напрашивался сам собой: свою религию.

Однако что это такое – своя религия? Японцы традиционно жили в условиях «двоеверия». Посещение синтоистского святилища отнюдь не противоречило посещению буддийского храма. Похороны справлялись согласно буддийскому ритуалу трупосожжения, но праздники весны и урожая проводились в соответствии с традициями синто. Ребенок являлся синтоистом по рождению, но, состарившись, умирал буддистом. Синтоистские божества считались аватарами (ипостасями) будд и бодхисаттв. В связи с этим во многих синтоистских святилищах находились буддийские изображения, а в буддийских храмах – синтоистские кумирни. За многие века буддизм и синто слились настолько крепко, что наличие статуи Будды в синтоистском святилище казалось делом самым обычным. Соединение буддизма и синто в одном комплексе «работало» и применительно к самим государям. При восшествии на трон они исполняли синтоистский обряд Дайдзёсай и после этого отправляли синтоистские ритуалы, направленные на повышение

плодородия и обеспечение мирной жизни страны. Однако для всех них настал день, когда они отрекались от престола и принимали постриг, заканчивая свою жизнь буддийскими монахами.

Буддизм и синто переплелись так прочно, что сама постановка вопроса о религиозной принадлежности казалась «среднему» японцу абсурдом. Тем не менее с воцарением Мэйдзи началась работа по «воспитанию» населения в духе синто. А для этого следовало прежде всего «отделить» синто от буддизма. Ксенофобский потенциал японского общества был направлен и в сторону буддизма, усвоение которого началось еще в VI веке. Поскольку сутры были известны японцам по китайским переводам, то и сам буддизм стал рассматриваться как иноземное учение. Буддизм – вероучение интернациональное, а правящей элите требовалось сконструировать японскую нацию, то есть выработать такие национальные свойства, которые выделяют японцев среди всех остальных народов. Еще одна причина, почему буддизм оказался не люб новому правительству, заключалась в том, что все его наиболее влиятельные на тот момент школы были тесно связаны с сёгунатом. Что до синто, то он в идеологии сёгуната существенной роли не играл.

Для критики буддизма использовались и рационалистические соображения, свойственные конфуцианству: содержание армии дармоедов монахов дорого стоит трудовому народу; создание семьи и продолжение рода являются главными целями всякого «нормального» человека, и обет безбрачия должен быть клеймен как антисоциальный. Главные цели правительства Мэйдзи (модернизация, создание мощной промышленности и сильной армии) могли быть решены только при максимальной мобилизации людских ресурсов. Конечная задача состояла в том, чтобы сделать Японию «великой», а этого можно было достичь лишь поощряя увеличение населения. И не просто «населения», а людей, занятых производительным трудом. В связи с этим правительство запретило деятельность бродячих монахов. Монахам запретили и просить подаяние. Улицы японских городов потеряли значительную часть своей живописности.

Синто представляет собой множество локальных культов общинных и природных божеств. Каждая деревня, гора и река имела своего духа-покровителя (ками). В древности была проведена определенная работа по унификации синто. В результате на свет появились «Кодзики» («Записи о делах древности», 712) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720), где была зафиксирована государственная версия мифа, которая, однако, стала достоянием лишь узкого круга придворных и ученых. К X веку выработали список святилищ, в которые по случаю важных ритуалов отправлялись подношения двора. Этих святилищ насчитывалось более трех тысяч. И практически в каждом из них чтили разных божеств! По своей сути синтоизм слабо приспособлен для создания общенациональной идеологии. Но, тем не менее, альтернативы ему не сыскалось.

С разделением буддийских и синтоистских культов жрецам было запрещено служить в буддийских храмах, всем им предписывалось отрастить волосы, чтобы они больше не походили на буддийских монахов. Синтоистских жрецов катастрофически не хватало, и штаты святилищ стали пополняться за счет бывших буддийских монахов. Зафиксирован случай, когда все монахи древнейшего храма Кофукудзи в Нара подали коллективное прошение о том, чтобы им разрешили переквалифицироваться в синтоистских жрецов^[63].

Правительство говорило о том, что принцип неразделенности управления и ритуала (религии) имеет древние основания в японской истории. Отчасти это было так, но приверженцы этой идеи одновременно одушевлялись и российским примером, где православие фактически являлось государственной религией^[64]. Однако и разница была существенной: российский император не являлся первосвященником, он был лишь верным адептом, а в Японии императору приписывались жреческие функции.

В этом году отцу Николаю удалось тайно крестить в Хакодате трех человек. Это были

первые православные японцы, крещенные в самой Японии. Николай знал, что идет против японского закона, что обращенных им людей ждут гонения. Только летом этого года было арестовано и брошено в тюрьму более 2400 последователей христианства. Но это не остановило отца Николая. Он был уверен, что религия стоит над государством, что спасение души не идет ни в какое сравнение с земными невзгодами.

Муцухито и его правительство остро нуждались в международном признании. Англия пошла навстречу. Тем более что к власти пришли ее ставленники. Через месяц с небольшим после первой встречи с императором Гарри Паркс вновь предстал перед ним. На сей раз – чтобы вручить верительную грамоту от королевы Виктории. Встреча состоялась в Осака, в храме Ниси Хонгандзи.

Сатов, в этот раз почему-то допущенный на аудиенцию (возможно, потому, что она состоялась не во дворце), писал, что занавеска перед тронем была закатана наверх. «Когда Микадо встал, верхняя часть его лица скрылась от моих глаз [за занавеской], но я видел всего его всякий раз, когда он двигался. Его кожа была белой, возможно это было сделано искусственно; его рот был некрасив – врачи называли бы его прогнатическим, но общее очертание было хорошим. Его настоящие брови были сбриты, другие – нарисованы иным выше. Одевание состояло из длинной черной свободной накидки на плечах, белой верхней одежды-мантии и широких фиолетовых штанов...

Сэр Гарри сделал шаг вперед, чтобы передать письмо королевы Микадо, который явно ощущал то ли робость, то ли стеснение, и принц Ямасина должен был помогать ему; его роль состояла в том, чтобы перенять письмо у Микадо. Потом Его Величество позабыл свою речь, но когда человек по левую руку от него немного подсказал ему, ему удалось произнести первое предложение. И тогда Ито [Хиробуми] зачел полный перевод, подготовленный заранее. Сэр Гарри представил каждого из нас, а затем адмирал [А. Кеппел] представил своих офицеров. Микадо выразил надежду, что все было благополучно с его командой, и мы, пятясь, вышли в прихожую...»

В связи с изменениями в политической элите, куда стремительно ворвались малознатные самураи, Муцухито пришлось встречаться и с ними, что вызывало у них неподдельный восторг и трепет, поскольку традиционно императора могли лицезреть только придворные не ниже пятого ранга, число которых составляло всего несколько десятков человек. Удивительно, насколько разным было восприятие ими Муцухито по сравнению с описаниями англичан. Так, и Митфорд и Сатов говорят о том, что кожа у императора – белая, а вот старший советник государя (санъё) Ёкои Сёнан (1809–1869) утверждает, что темная. Митфорд убеждает, что голос у Муцухито – тихий, а Ёкои Сёнан – что громкий^[65]. Ничего здесь не поделаешь: свой государь и чужой государь... Каждый обращает внимание на то, что ему ближе. Ёкои – единственный, кто отметил: в кабинете Муцухито имелся столик с принадлежностями для курения табака. Возможно, император в пору своей юности покуривал.

Ближайшее окружение императора прекрасно понимало, что нужны зримые свидетельства наступления другой эпохи. 1868 год оказался важнейшим с точки зрения создания новой эмблематики. Гербом дома Токугава считалась мальва, но теперь настал черед другого цветка. В апреле в качестве герба императорского дома была утверждена 16-лепестковая хризантема, ставшая одновременно и символом государства. Хризантема – символ долголетия и негибкости. Ее лепестки – пища отшельников и святых. До этого времени хризантема использовалась в гербах многих домов и даже буддийских храмов (например, в знаменитом Энрякудзи в окрестностях Киото), но теперь только император имел право на этот герб. Нечего и говорить, что торговать изображениями этого герба также запрещалось. Впоследствии было установлено, что запрет не распространяется на хризантему с числом лепестков меньше 12 и

больше 25.

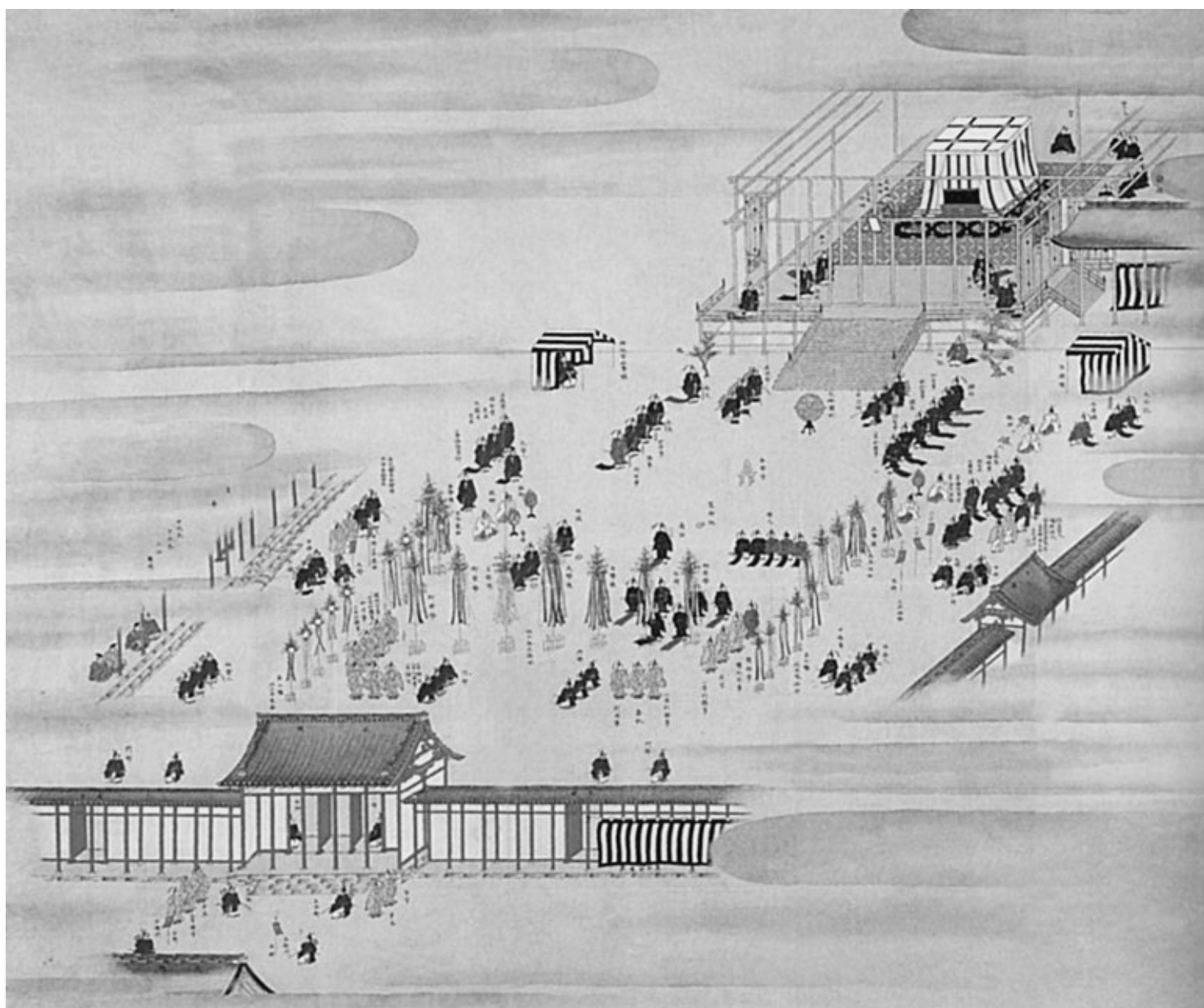
27 августа была проведена вторая часть ритуала интронизации – сокуи. Ранее Муцухито получил регалии, то есть была установлена преемственность по отношению к Комэй. Теперь следовало установить контакт с населением страны, представленным в лице придворных, которые принимали участие в ритуале. Простолюдины не присутствовали на церемонии интронизации, но в стране был объявлен выходной день, чтобы они могли спокойно отпраздновать наступление новой эры.

Церемония проводилась к югу от павильона Сисиндэн в Госё. Дождь прекратился только недавно, земля еще не просохла. Во внутреннем дворе поставили флаги с изображениями солнца и луны (штандарты императора), в землю воткнули ветки священного синтоистского дерева сакаки. В вознесенной синтоистским жрецом молитве-норито поминались предки правящей династии (божества Идзанаги, Идзанами и Аматаэрасу, первоимператор Дзимму). Музыканты сыграли здравицу:

Живи тысячи лет,
Столько живи,
Сколько песчинок
На берегу
Бескрайнего моря.

Традиционно этот ритуал отправлялся согласно канонам танского Китая. Однако теперь в ритуал были внесены серьезные новшества, которые должны были продемонстрировать, что император и его страна вступают в новую эпоху. Эпоха Тан, которая раньше считалась «классической» и заветам которой считалось правильным следовать неукоснительно, теперь признавалась «устаревшей». Вследствие этого и на период Нара, когда танское влияние в придворной жизни было всеобъемлющим, стали смотреть с некоторым подозрением.

Восьмиугольный коронационный трон Комэй погиб в пожаре, в лихорадке первого года правления новый изготовить не успели, заменив его на использовавшийся в повседневной жизни дворца задрапированный квадратный помост. Император был одет в желтое (цвет солнца) платье с вытканым на нем изображениями цветков павлонии (наряду с хризантемой – символ императора), бамбука (символ роста и стойкости), феникса и единорога-цилиндя (китайское мифологическое животное, символ редкостных способностей и талантов). То есть одеяние Муцухито было еще вполне китайским. Но оно все же отличалось по крою от того, в котором проходил церемонию интронизации Комэй.

Церемония восхождения на трон (сокуи)

Одежды участников церемонии также были несколько иными. Устроители ритуала хотели подчеркнуть, что страна и ее император вступают в новую эпоху. Ветви сакаки и здравицы раньше в ритуале поставления вообще никогда не фигурировали – устроители посчитали, что эти элементы передают синтоистские реалии интронизации первоимператора Дзимму.

Дух новой эпохи должен был продемонстрировать и глобус. Раньше на его месте располагалась курильница для благовоний, но она ассоциировалась с буддизмом и ее убрали. Глобус был изготовлен по приказу Токугава Нариаки (1800–1860), князя Мито. В 1852 году он подарил его императору Комэй. При нем, похоже, этот глобус диаметром в 110 см никакой ритуальной роли не играл. За исключением, пожалуй, того, что на контуры Японии была наклеена золотая бумага. Это говорило о том, что Япония – самая важная страна во всем мире.

Устроители ритуала поставления на трон Муцухито, главным идеологом которого выступал Ивакура Томоми, пошли дальше. Используя глобус в качестве важнейшего аксессуара ритуала, они хотели, видимо, подчеркнуть, что правление нового императора будет более открытым, чем правления его предшественников. Кроме того, глобус, возможно, имел и иной, скрытый смысл. Его установили к югу от трона. Согласно традиционным представлениям, место императора – на севере, а к югу располагаются его подданные. Таким образом, в подданные японского императора записывалось все человечество, его слава должна была просиять во всех уголках

земного шара.

Древние божества синто и европейский глобус. Такое сочетание можно считать символическим для правления Муцухито на всем его протяжении: заимствования с Запада станут нормой его времени, но не будут забыты и древние мифологические и исторические основы. При этом господствовавшие до этого времени в придворном обиходе китайские нормы станут затушевываться или подвергаться сомнению.

Многие современные исследователи в полном соответствии с мнением тогдашних ревнителей старины относятся к ритуальным нововведениям с изрядной долей скепсиса и осуждения. Однако у нас такой подход вызывает сомнения. Люди, которые творили этот ритуал, находились внутри традиции, и их «смелость» доказывает, что ритуал в то время был явлением живым. Эти люди верили в то, что обновленный ритуал будет обладать магической силой – еще большей, чем прежний.

8 сентября был принят новый девиз правления – Мэйдзи. В соответствии с древними традициями императорский указ начинался с констатации того, что император, несмотря на отсутствие у него добродетельности, вззошел на трон и теперь желает сменить девиз правления. Как и подобает настоящему дальневосточному властителю, он становился «хозяином» времени. Однако дальше следовало нововведение: провозглашалось, что отныне одному правлению будет соответствовать только один девиз^[66]. Теперь, в отличие от прежних времен, никакие беды и неудачи не могли привести к смене девиза правления. Теперь правителю Японии отступать было некуда – он как бы пообещал всем, что его ожидают только удачи и победы. Императорский указ намекал на беспокойное правление Комэй, который стал своеобразным рекордсменом по количеству девизов – за 21 год его правления их было принято шесть.

Глобус, использовавшийся во время ритуала интронизации Муцухито

Ретроспектива. Больше него девизов правления имелось у Годайго (1318–1339) – девять за 21 год правления. То время было отмечено бурными событиями – с переменным успехом Годайго боролся за власть с родами Ходзэ и Асикага.

После смерти Муцухито ему присвоили посмертное имя, совпадающее с этим девизом правления. Именно под этим именем он и остался в истории. Именно так мы и будем называть теперь императора в нашей книге. Однако следует иметь в виду, что сами современники редко называли императора по имени. Для его обозначения существовало несколько терминов: «действующий государь», «ваше величество», «святейший и высочайший» и некоторые другие. Когда речь заходила о теле правителя, то следовало сказать: «драгоценное тело с золотыми ветвями и драгоценными листьями». К обозначению всякого действия государя прибавляли эпитет «драгоценный». Драгоценная речь, драгоценная прогулка. Ну, и так далее. И только иностранцы сделали для себя исключение: они всегда именовали императора по имени – Муцухито.

Два иероглифа девиза правления Мэйдзи позаимствовали из китайской «Книги перемен» («Ицзин»): «Святой, повернувшись к югу, выслушивает Поднебесную; он управляет (дзи), повернувшись к свету (мэй)». Из предложенных ему вариантов император остановился именно на этом. Вернее, так решили за него боги – находясь в дворцовом святилище, Мэйдзи вытянул бумажку именно с этими иероглифами. В японской истории это был 245-й по счету девиз правления.

Осенью этого года решили отмечать день рождения императора. Он получил название «тэнтё тикю» – «пусть жизнь императора длится, пока существуют Небо и Земля». Традиция празднования императорского дня рождения восходила к VIII веку, но потом ее забыли. Однако прецедент существовал, а что может быть в этом мире важнее его? Газеты строго писали, что все подданные «обязаны радоваться» этому событию.

В дискурсе этого года с маниакальной частотой мелькают слова «новый» и «обновление». И это не случайно: в стране происходили поистине революционные преобразования. Они начались с фигуры самого императора.

Аудиенции Муцухито показывали: он вышел из тени на свет. Он «засветился», его видели. Для императора и его окружения было важно продемонстрировать – как подданным, так и иностранцам, – что в стране появилась новая власть. И что эта власть строится на иных основаниях. В частности, это касается большей открытости императора народу.

Один из основных идеологов нового режима, Окубо Тосимити (1830–1878) из Сацума, в своем январском обращении ко двору писал, что до сегодняшнего дня император пребывал за «драгоценными занавесками» и только несколько придворных могли видеть его, это отдаляло «верхи от низов», так что он не мог выполнить свое предназначение в качестве «отца и матери для людей» и только перенос столицы мог бы изменить положение. Подразумевалось, что вся атмосфера старого дворца Госё и самого Киото «тянула назад», препятствовала любым росткам нового. А потому следует перенести местопребывание императора в Осака. Окубо не был бы японцем, если бы не обратился и к примерам «незамутненной» древности: «Правлением императора Нинтоку будут, вне всякого сомнения, восхищаться в Поднебесной вечно. В настоящее время в иностранных странах монарх в сопровождении нескольких человек гуляет за городом, выказывая заботу и окормливая людей. В эти дни обновления и возрождения императорского правления святые времена династии должны быть взяты за образец; должно быть принято дерзновенное решение о переносе столицы, которое внушит благоговейный трепет просвещенным правительствам иностранных государств». Кроме символических оснований предьявлялись и более практические аргументы: через порт Осака удобно сношаться с

зарубежными странами, отсюда удобно контролировать армию и флот^[67].

Не только Окубо Тосимити, но и все ближайшее окружение Муцухито склонялось к необходимости переноса столицы. Выбор был, в сущности, невелик. В стране имелось только три города, которые могли претендовать на статус столицы: Киото, Эдо и Осака. Если исключить Киото и находившийся в этот момент в руках сёгуната Эдо, оставался только Осака.

Ссылка на Нинтоку (313–399), двор которого находился именно в Осака (тогда город назывался Нанива), отнюдь не случайна. Ведь Нинтоку считался образцовым конфуцианским государем: жил скромно, крыша его дворца протекала, но зато он заботился о своих подданных. Когда он поднялся на гору, взор его обрадовали многочисленные дымки – признак того, что его подданные хорошо питаются. К тому же Нинтоку жил в ту эпоху, когда на передвижение государя еще не налагалось ограничений.

Окубо Тосимити первоначально выступил за то, чтобы перенести двор императора в Осака. Однако с падением Эдо стали активно прорабатываться и другие планы. Большой поддержкой пользовался проект «двух столиц» – Киото и Эдо. Одна столица, бывший Эдо, будет называться Токио (Столица Востока), а другая, Киото, – Сайкё (Столица Запада). Дело в том, что традиционная география делила территорию Японии на две основные части – западную (с центром в Киото) и восточную (с центром в Эдо). Что до самого императора, то он будет попеременно жить в обеих столицах. Этот проект принадлежал Это Симпэй (1834–1874).

Кидо Такаёси отстаивал план сразу трех столиц – Киото, Эдо и Осака. Однако в результате выбор был сделан в пользу Эдо на том основании, что он являлся крупнейшим городом в восточных провинциях, куда отовсюду стекались люди. А потому он представлялся наиболее подходящим местом для управления страной. Эдо был фактической столицей страны уже в течение длительного времени благодаря присутствию там замка сёгуна. Парадокс заключался в том, что официальный статус столицы он получил только после того, как сёгун покинул его.

17 июля Эдо был переименован в Токио. При этом никакого указа об утрате Киото столичных функций не последовало. Считалось, что император будет совершать частые поездки из одного города в другой, чтобы иметь возможность выслушивать мнения людей.

В императорском указе предусмотрительно утверждалось, что отношение к западной и восточной столицам будет одинаковым^[68]. Для жителей Киото это означало, что отношение Мэйдзи к Киото не изменилось, а жителям Эдо император как бы говорил: статус вашего города поднимается до столичного, и хотя лично я родился в Киото, оба города для меня одинаково важны.

Токио находился на самой обширной равнине страны – Канто (Мусаси), которая была житницей Японии. Он располагал самой развитой городской инфраструктурой. И даже коренной житель Киото аристократ Сандзё Санэтоми полагал: «Рассматривая положение во всей стране, следует сказать, что процветание и упадок Киото и Осака зависят от процветания и упадка Токио. От того, процветает или находится в упадке Токио, зависит, процветает или находится в упадке вся страна. Если будут потеряны, например, Киото или Осака, это не будет означать, что будет потеряна Япония – до тех пор, пока остается Токио»^[69].

В анонимном стихотворении этого времени говорилось:

Поблекли
Вечнозеленые иглы
Мощной сосны.
На равнинах Мусаси
Хризантемой запахло.

Дискуссия о переносе столицы ясно свидетельствует о планах политической элиты. Она желала, чтобы император вышел из тени, сделался зримым символом власти, сократил дистанцию между правителями и управляемыми. Но в то же самое время принятый к исполнению проект отнюдь не предполагал, что император будет «править» страной. Действительно, трудно себе представить, как кочующий между двумя столицами император в условиях отсутствия телефона, телеграфа и даже железной дороги сможет получать информацию, вникать в нее и принимать решения.

Японский император по крайней мере с VIII века позиционировался как «слушающий» и «говорящий». Он слушал придворных сановников и «говорил» перед ними, что принимало форму указов^[70]. Но если раньше аудиторией этих указов были исключительно придворные, то теперь их адресатом становился и «народ Поднебесной». Его же император собирался «выслушивать» во время своих поездок.

В качестве первого опыта предполагалось, что Мэйдзи совершит путешествие из Киото в Токио. Это делалось для того, чтобы не возникало непреодолимого разрыва между «верхом и низом». Несмотря на плачевное состояние казны, опасение заговоров и противодействие многих аристократов (они, естественно, опасались утраты своих позиций), Это Симпэй и вездесущему Ивакура Томоми удалось убедить сомневавшихся в необходимости поездки императора в Токио.

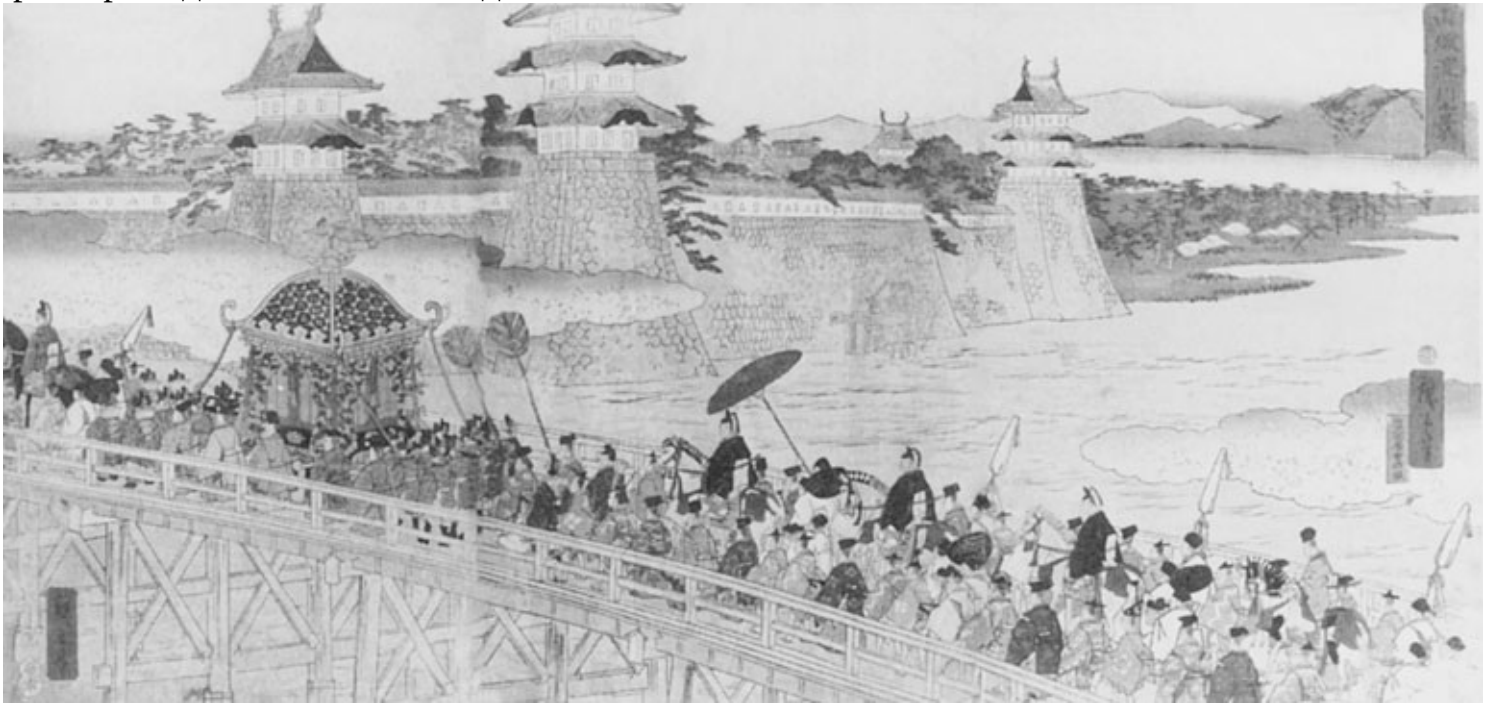
Поражают энергия и быстрота, с которыми выполнялся намеченный курс. Паланкин с Муцухито двинулся из Киото в Токио рано утром 20 сентября. Всего через два дня падет главный оплот мятежных сторонников сёгуната – замок Айдзу, а через пять дней война с повстанцами на Хонсю будет закончена вообще. Останется лишь один очаг сопротивления – остров Эдзо (Хоккайдо).

Официальной причиной путешествия Мэйдзи в Токио стала забота о людях восточной части страны, которые пострадали из-за военных действий. Кроме того, нужно было заполнить «церемониальный вакуум», возникший в крупнейшем городе страны в результате краха сёгуната. Нужно было наглядно продемонстрировать людям, что в стране есть новый и могущественный правитель. В то время среди жителей сильно опустевшего Токио господствовали самые мрачные предчувствия относительно судьбы города. Эрнест Сатов разделял их: «Теперь, когда даймё, чьи потребности удовлетворялись купцами и владельцами магазинов, отправились в свои загородные дома, население [города] неизбежно уменьшится. Печально, если Эдо придет в упадок, поскольку это один из прекраснейших городов Дальнего Востока. Хотя там нет красивых публичных зданий, его расположение на берегу океана, роскошные сады даймё и замечательные огромные рвы вокруг замка, над которыми возвышаются циклопические стены, на которые бросают тень живописные ряды сосен, многочисленные деревенские виды в самом городе, – все это создает впечатление величия»^[71].

Мэйдзи сопровождало 3300 человек во главе с Ивакура Томоми, Накаяма Тадаясу и многими князьями. Поскольку дороги были крайне узкими, процессия растянулась на много километров. Процессии являлись при сёгунате одним из основных средств демонстрации силы и мощи, при виде князя или сёгуна люди падали ниц. Чем длиннее была процессия, тем более важной считалась персона, ее устраивавшая. Процессия Мэйдзи должна была «отбить память» о процессиях князей и сёгуна. Мэйдзи отправлялся в Токио не в качестве вассала сёгуна, а как его победитель. В отличие от прежних даймё он демонстрировал не покорность, а триумф.

В путешествие, как то и было положено, Мэйдзи захватил свои императорские регалии – священное зеркало и яшму. Их несли в двух паланкинах. Жители Киото кланялись и прижимались лбом к земле при виде императорского кортежа. Они хлопали в ладоши – точно так же, как они привыкли это делать в храмах и святилищах, желая обратить внимание божеств на свои нужды. Выбравшись из Киото, Мэйдзи издали помолился кургану, в котором был

погребен император Тэнти (661–671) – родоначальник той линии императорского рода, к которой принадлежал и сам Мэйдзи.

Андо Хиросигэ III. Император Мэйдзи на пути в Токио

Ретроспектива. Тэнти – единственный из японских правителей, о котором в древних текстах говорилось, что он получил «мандат Неба» на управление страной. Кроме того, Тэнти был известен тем, что учредил первую в истории Японии школу и покровительствовал поэзии.

Храня традиции и опасаясь, что император навсегда покидает их, многие киотосские аристократы выступили против поездки. Когда в середине первого дня своего путешествия Мэйдзи остановился на отдых, процессию догнал придворный Охара Сигэтоми, который сообщил: тории (ворота, ведущие в синтоистское святилище) во внешнем святилище в Исэ (там почиталась богиня еды Тоёукэ) неожиданно обвалились, что следует истолковать как неблагоприятный знак, предписывающий Мэйдзи немедленно вернуться в Киото. Однако Ивакура, хорошо знакомый с политическими технологиями своего времени, отговорился тем, что устроит специальную службу, дабы избавиться от возможных несчастий, и заявил о решимости Мэйдзи завершить путешествие.

Во время путешествия по тракту Токайдо, связывавшему Киото и Токио, Мэйдзи отправлял посланцев, чтобы те совершали приношения в святилищах, которые попадались ему по дороге; жертвовал деньги старикам, больным и инвалидам, родителюбивым чадам и чадолюбивым родителям, верным женам и слугам, а также тем, кто пострадал от стихийных бедствий. За время путешествия император облагодетельствовал более одиннадцати тысяч человек. Точно так же поступали и древние японские государи – до тех пор, пока они не перестали покидать пределы своего дворца. Мэйдзи мог позволить себе благотворительность – расходы оплатили купцы из Киото и Осака.

По дороге в Токио Мэйдзи впервые в жизни наблюдал, как крестьяне жнут рис. Урожай того года выдался не слишком богатым. Мэйдзи раздавал крестьянам в утешение сладости. Разумеется, не самолично, а через своих чиновников. В домах, мимо которых проезжал император, окна вторых этажей приказали заклеить бумагой, чтобы никто не мог увидеть

Мэйдзи сверху.

Несмотря на ограничения, тело императора (или же заменяющий его паланкин) становилось доступным для обозрения, само смотрение на него являлось разновидностью ритуала. Теперь люди могли видеть, от чьего лица адресуются им указы, которые они обязаны исполнять.

Ни один из императоров за всю японскую историю не совершал такого длительного путешествия. Можно только догадываться, что чувствовал Мэйдзи, впервые обозревая свою страну, о которой он знал только из книжек и докладов. Увидев гору Фудзи, Мэйдзи повелел своим сопровождающим непременно сочинить по стихотворению к тому дню, как они прибудут в Токио.

Этот день настал 13 октября. Путешествие заняло 23 дня. Это означает, что Мэйдзи не слишком спешил – процессия проделывала около 20 километров в день. Процессии даймё обычно покрывали за день 40 километров. Но свита императора была намного больше и он чаще останавливался в пути. За въездом императора в поверженный город наблюдали десятки тысяч людей. С приближением императорского паланкина они в полном молчании падали на колени. В Японии этого времени не было принято приветствовать высокое лицо с помощью восторженных возгласов. Выезды сёгуна или князей проходили в полном молчании, нарушаемом лишь криками охраны: «Вниз, на колени!»

Тоёхара Кунитэру. Въезд Мэйдзи в Токио

На пути к сёгунскому замку Мэйдзи остановился для короткого отдыха в храме Дзодзёдзи, где находилась одна из усыпальниц дома Токугава. Паланкин не проходил в ворота по высоте, пришлось подкапывать снизу землю. Но остановиться хотя бы на минуту в таком знаменательном месте, чтобы продемонстрировать, кто теперь в Токио главный, нужно было обязательно. Въезд Муцухито в Токио напоминал настоящий триумф. На покорении сёгуната была поставлена жирная ритуальная точка. Вторая усыпальница Токугава, находившаяся в храме Канъэйдзи, была сожжена еще в мае во время умирения остатков сёгунских войск.

Охрана императора была облачена в некое подобие европейской униформы. По сравнению с прежним самурайским облачением Митфорд находил ее «ублюдочной», но подданные императора думали по-другому – новые одежды были одним из свидетельств того, что новый режим будет проводить по отношению к Западу совсем другую, «открытую» политику.

Впрочем, открытость была относительной. Во время путешествия Мэйдзи придворные вели подробный путевой дневник. Получилось десять тетрадок. В одной из них сделана пометка: «Для служебного пользования. Публикация запрещается».

Хотя на Хоккайдо еще продолжались военные операции, победа императорской армии уже не вызывала сомнений. 15 декабря принц Арисугава Тарухито, командующий этой армией, вернул Мэйдзи его штандарт и меч. Миссия по укрощению мятежников была выполнена. Мэйдзи ответил тем, что велел поить токийских горожан за его счет в течение двух дней. Было выпито 3000 бочек рисового вина. Не забыли советники императора и про закуску, в качестве которой выступала сушеная рыба. Пожалуй, это было первое мероприятие Мэйдзи по «кормлению» народа. Сёгунам поить такое количество людей в голову не приходило. По всей вероятности, идея была подсказана европейским опытом «работы» с населением. Стратегией сёгунов являлось отделение элиты от управляемого ею народа, новая власть демонстрировала большую близость.

Цукиока Ёситоси. Въезд Мэйдзи в сёгунский замок

Перспектива. Позднее эту поездку Мэйдзи в Токио признали «исторической». На выставке в Токио, проводившейся в 1917 году и приуроченной к пятидесятилетию Токио, экспонировалась панорама. Спустя 50 лет зрители могли наблюдать огромную процессию Мэйдзи и многочисленных подданных, приветствовавших императора по пути его следования.

Токио произвел на Мэйдзи огромное впечатление своими гигантскими размерами. Точно так же, как и сёгунский замок, который был намного больше, чем его дворец в Киото.

В Токио Мэйдзи повстречался со своей теткой Кадзуномия. Виделся он и с младшим братом Ёсинобу – пятнадцатилетним Токугава Акитакэ, ставшим теперь главой княжества Мито. Он поведал императору о том годе, который он провел во Франции. Мэйдзи отправил Акитакэ на Хоккайдо в помощь своим войскам – чтобы мятежники увидели, что даже брат бывшего сёгуна выступает на стороне императора.

Замок сёгуна, в который переехал император Мэйдзи

Несмотря на разочарование приверженцев сёгуната, никаких серьезных волнений в Токио не наблюдалось. В этом видна отличительная особенность тогдашнего (а во многом и нынешнего) менталитета японцев. «Большие» вопросы решаются «большими» людьми. Мы живем сами по себе, а власть – сама по себе. Ёсинобу не велел сопротивляться. В его замок вселился Мэйдзи. Значит, ему и нужно повиноваться. Как и в конце периода правления сёгуната, когда власти так и не отдали приказа организовать всенародное сопротивление иноземцам, никакого подобия партизанского движения в стране не развернулось.

Находясь в Токио, Мэйдзи впервые в жизни отважился подняться на борт корабля. Это был японский военный корабль. Дед императора, Накаяма Тадаясу, решительно отговаривал Мэйдзи от этого «безрассудного» поступка – он боялся, что корабль утонет, а вместе с ним пойдут ко дну священный меч и яшма. А утеря регалий может привести к ужасным последствиям. Без регалий император не может считаться «настоящим» императором. Но выход был все-таки найден: Мэйдзи расстался на время со своими регалиями (что было против всех правил), оставив их на берегу, но на борт «Фудзи» все-таки поднялся. Стоявший рядом американский корабль поприветствовал его орудийным салютом.

Воины антиимператорской коалиции вместе со своими французскими инструкторами

На рейде Иокогамы стоял еще один корабль, построенный в Америке. Это был броненосец «Stonewall Jackson». Он был заказан еще сёгунатом, но доплыл до берегов Японии уже когда началась гражданская война. Западные державы объявили о нейтралитете. Ивакура Томоми употребил все свое красноречие, чтобы броненосец достался императорскому флоту – Хоккайдо еще сопротивлялся. При активнейшем посредничестве Гарри Паркса 28 декабря нейтралитет был все-таки снят, новое правительство получило наконец-то полное международное признание, и броненосец немедленно направился на Хоккайдо осаждать Хакодате – главную базу мятежников во главе с бывшим заместителем командующего сёгунским флотом Эномото Такэаки (1836–1908). За день до снятия нейтралитета он успел провозгласить на Хоккайдо республику и стать ее президентом. В первый и в последний раз на территории Японии появилось образование с таким шокирующим любого монархиста названием. В первый и в последний раз Мэйдзи столкнулся с настоящим сепаратизмом. Однако республика оказалась мертворожденной – она просуществовала лишь до апреля следующего года.

Эномото Такэаки

8 декабря Мэйдзи отправился в обратный путь из Токио в Киото. На сей раз его сопровождало 2153 человека. Он спешил в древнюю столицу, чтобы принять участие в поминальной службе по своему отцу. Первое длительное путешествие Мэйдзи было закончено. Пройдя путь между Киото и Токио, он словно волшебной нитью соединил их.

Вернувшись в Киото, Мэйдзи наконец-то отпраздновал свадьбу с Харуко. К этому времени кончился срок траура по ее брату Итидзё Санэёси, скончавшемуся в мае.

23 декабря правительство Мэйдзи известило иностранных посланников о том, что желает пересмотреть неравноправные договоры. Оно и правда хотело этого, но в данный момент не имело никаких возможностей для достижения поставленной цели. Заявление имело своим настоящим адресатом не за границу, а тех многочисленных самураев, которые требовали от правительства твердой позиции в международных делах. В противном случае как можно было бы оправдаться перед теми, кто заявлял: новое правительство столь же слабо, как и сёгунат? Тем более что в сентябре этого года был подписан очередной неравноправный договор – на сей раз с Австро-Венгрией. И на сей раз его подписал отнюдь не сёгун.

Страна, разумеется, жила не только «большой» политикой. В этом году в Иокогаме появилось в продаже мороженое. Оно стало одним из символов тех «благ», которые несет с собой западная цивилизация. Непривычные к молочным продуктам японцы находили его, правда, не слишком аппетитным. Молоко и молочные продукты приводили японцев в ужас, их желудки, приученные к сырой рыбе, не выдерживали такой «экзотики». Многие говорили, что молоко «воняет».

1869 год

2-й год правления Мэйдзи

Год начался нервно – 5 января был убит Ёкои Сёнан, который занимал должность государственного советника (санъё) и решительно поддерживал модернизацию. Он возвращался из дворца в своем паланкине, когда четверо самураев обстреляли его из пистолетов. Ёкои открыл дверцу и выпрыгнул наружу, пытаясь защититься своим кинжалом, но был убит. Нападавшим удалось скрыться. Мэйдзи выделил деньги на лечение раненых слуг и на похороны.

Убийц схватили на горе Коя, неподалеку от Киото. На этой горе размещался знаменитый буддийский храмовый комплекс, основанный Кукаем еще в 816 году. Убийцы заявили, что считают Ёкои предателем, который, будучи «заодно с варварами», задумал «окрестить» Японию. Один из них видел, как Ёкои прогуливается по токийскому кварталу Цукидзи в европейской одежде и в шляпе. Это послужило достаточным основанием для возбуждения ненависти. Убийц казнили в ноябре 1870 года, но немало людей сочувствовало их «мужественному» поступку. В то же самое время назвать его истинно «самурайским» отваживались не все – ведь истинный самурай должен уметь обходиться одним холодным оружием.

В то время сама принадлежность к правительству сделалась опасной для жизни. Правительство держало решительный курс на модернизацию. Только с ее помощью можно было создать сильную и независимую страну. Сам Ёкои всегда оставался убежденным конфуцианцем, и никаких планов по крещению Японии у него, разумеется, не было.

Следующей жертвой пал Омура Масудзиро (1824–1869) из Тёсю, усмиритель сёгунских отрядов в Уэно. Теперь он занимал должность военного министра. Многие самураи полагали, что его деятельность по модернизации японской армии ведет к потере их наследственных привилегий – именно он выдвинул идею о необходимости введения всеобщей воинской повинности и настойчиво продвигал свои предложения в противовес плану Окубо Тосимити: создать армию из бывших самураев, где главную роль играли бы воины из Сацума, Тёсю и Тоса.

В начала сентября восемь человек из его родного Тёсю напали на Омура и его сопровождающих, когда они находились на постоялом дворе в Киото. Омура был ранен, но ему удалось спастись от убийц в бочке с грязной водой. Его переправили в Осака и отдали на попечение голландскому доктору. Тот заявил, что необходима немедленная ампутация ноги. Для деятеля такого ранга на операцию требовалось согласие правительства. Его пришлось ждать чересчур долго. Омура скончался от гангрены. Как и большинство других преступлений, это злодеяние было тоже раскрыто. Самураев ждала смертная казнь, но, как и в случае с Ёкои Сёнан, слишком многие полагали, что правда находится на стороне убийц.

Неспособность правительства обеспечить порядок и безопасность служила для западных держав дополнительным предлогом для того, чтобы отклонять требования об отмене режима экстерриториальности. Впрочем, нравы обитателей европейских представительств тоже временами бывали весьма далеки от идеала. Так, секретарь британской миссии Адамс, которому надоели ночные завывания токийских собак, не нашел ничего лучшего, как разрядить свой револьвер в одну из них. Пуля попала в камень, срикошетила и ранила повара миссии^[72].

7 марта было проведено первое заседание Общественной ассамблеи (Когисё). В своей пятистатейной клятве Мэйдзи обещал управлять, сообразуясь с общественным мнением. Общественная ассамблея стала практическим воплощением этого обещания. В ее состав входило 376 членов – высокопоставленные чиновники и назначенцы от каждого княжества. Ассамблея отменила смертную казнь для японских последователей христианства и заменила ее поркой.

Запретила она и наиболее «нецивилизованные» формы обращения с преступниками. В том числе выставление отрубленной головы на всеобщее обозрение. Этот обычай европейцы находили «варварским», японцы же теперь стали прислушиваться к их мнению. Они желали стать цивилизованными на европейский лад.

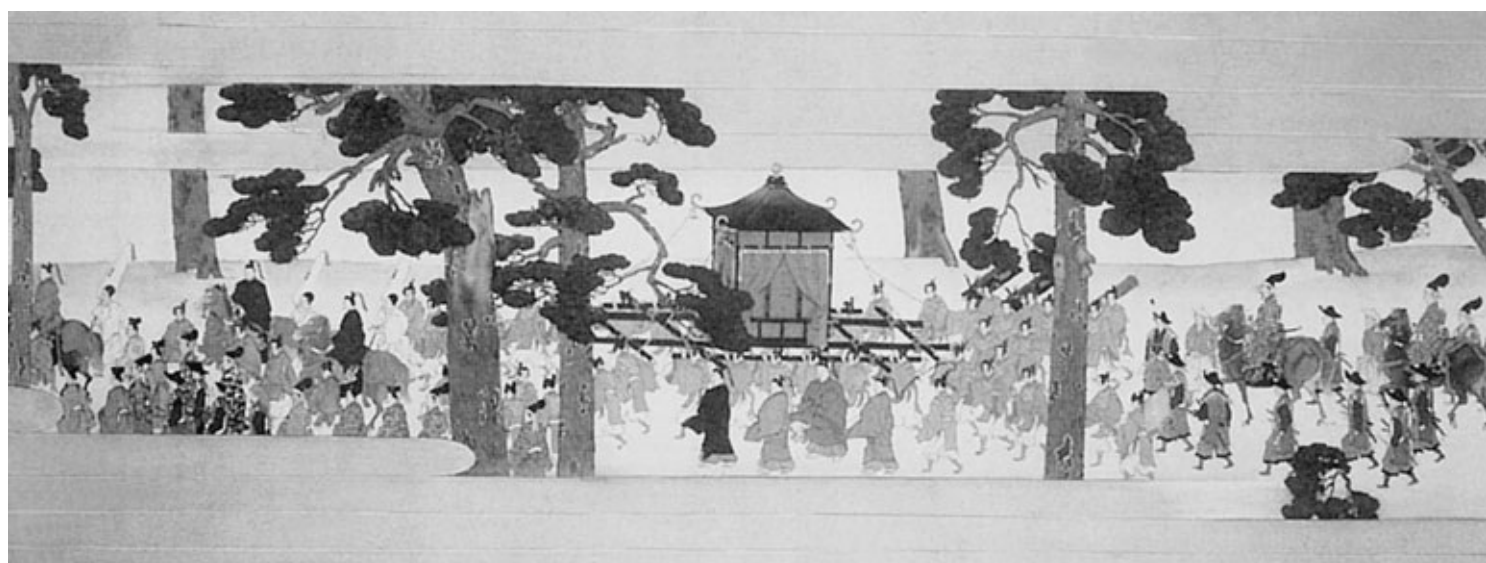
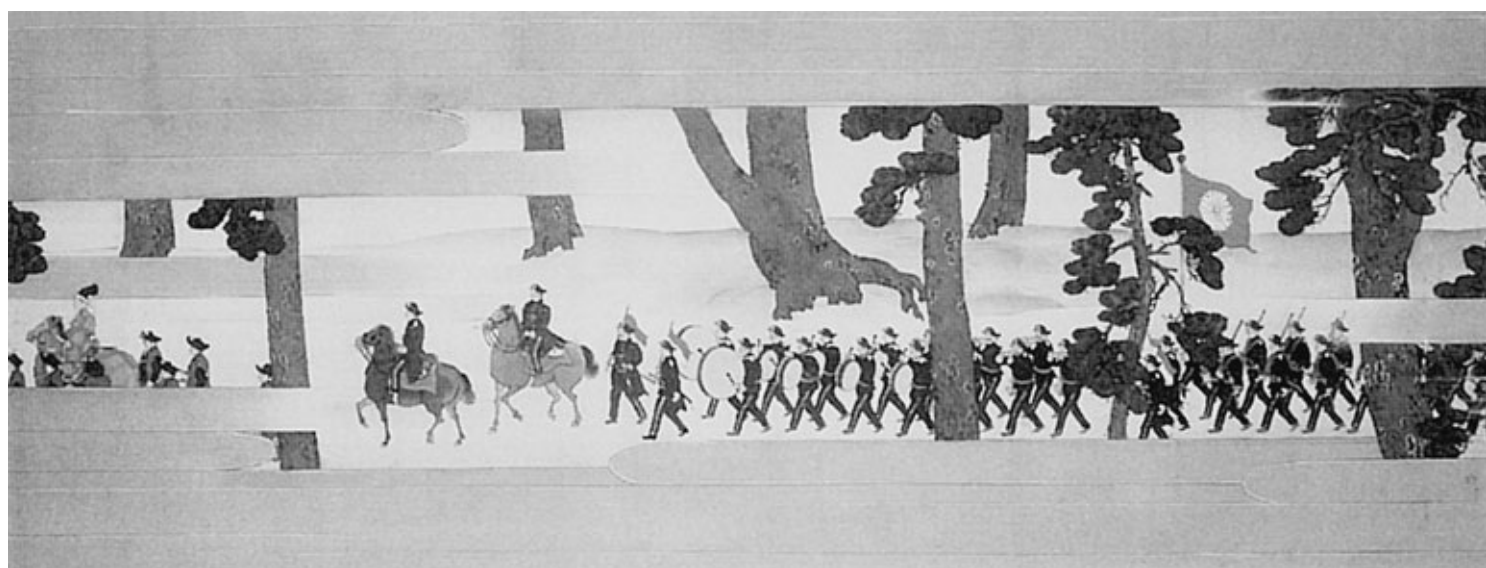
В то же самое время работа ассамблеи доказывала, что она твердо защищает привилегии самурайского сословия и неспособна полностью отказаться от наследия прошлого. Так, вынесенные на голосование вопросы о запрете харакири и об отмене ношения двух мечей были заболлотированы практически единогласно.

Слухи о переезде императора в Токио беспокоили жителей Киото все больше и больше. Беспокойство было оправданным: в начале марта Мэйдзи снова погрузился в паланкин и отправился в Токио. На сей раз в его процессии находилось 2000 самураев-добровольцев. Они просили императора не покидать Киото и не осквернять себя общением с иностранцами. Поскольку уговорить Мэйдзи им так и не удалось, они тоже отправились в путь, желая защитить своего императора.

По пути в Токио паланкин Мэйдзи остановился в Исэ, где находится родовое святилище императорского рода. Парадокс заключался в том, что еще ни один император никогда не молился там. Запрет на посещение Исэ был, возможно, вызван тем, что там хранился оригинал священного зеркала – вместилище прародительницы императорского рода, богини солнца Аматэрасу. Императору же не разрешалось смотреть на солнце.

Когда Мэйдзи направлялся к святилищу, над ним, как и положено, несли огромный зонт, защищавший его от злых духов. Уличный зонт выполнял ту же функцию, что и балдахин над тронем государя в помещении. После посещения Исэ Мэйдзи отправился в святилище Ацута, где хранился оригинал священного меча Кусанаги. Согласно преданию, полумифический принц Ямато Такэру брал его с собой в поход против «восточных варваров». Посещение важнейших святилищ еще раз говорило о том, что отныне именно культы синто призваны обеспечивать благополучие в государстве.

Худшие опасения жителей Киото получили подтверждение. Добравшись до Токио, Мэйдзи отправил в Киото посланца, который доложил гробнице Комэй, что неотложные дела задерживают императора. Вдовствующей императрице было сказано: ей следует ожидать возвращения ее «сына» не раньше, чем через несколько лет. С этого времени Токио фактически становится столицей страны. Токио, безусловно, обладал более развитой городской инфраструктурой, чем Киото. Именно там располагались все центральные правительственные учреждения, там же находились и иностранные миссии. Но, видимо, играло роль и другое соображение. Люди привыкли слушаться «того, кто в Эдо». А потому новая власть сочла за благо обосноваться именно там.

Император Мэйдзи посещает святилище Исэ

Чтобы показать «открытость» новой власти, для горожан Токио на три дня открыли сёгунский сад, находившийся внутри замка, – «милость», которая не имела precedентов. Посетителей было столько, что восемь человек погибли в давке. Императору ничего другого не оставалось, как вновь закрыть ворота замка и пожаловать деньги семьям погибших.

В сёгунский замок из дворца Госё перенесли святилище Касикодокоро. В нем хранилась одна из императорских регалий – копия бронзового зеркала, находящегося в Исэ. Кроме того, рядом с ним построили и другое святилище – Синдэн. В нем император стал поклоняться божествам Неба и Земли. Его функция первожреца синто приобрела дополнительные основания.

4 мая Мэйдзи издал указ об учреждении Департамента истории во главе с самим Сандзё Санэтоми, который через два месяца стал правым министром. Для власти, которая пыталась обрести свою идентичность, это было важнейшее решение. В указе с горечью и негодованием говорилось о том, что последней хроникой, написанной по императорскому указу, была «Сандай дзицуроку» (901), но при сёгунах официальные летописи больше не составлялись. Одной из

основных задач департамента стала работа по изданию древних хроник и документов, а также создание новой официальной версии истории. В рамках конфуцианского мировоззрения история рассматривалась как интеллектуальный инструмент, призванный проиллюстрировать моральные нормы: вознести хвалу верноподданным и осудить изменников государеву делу. В настоящий момент осуждению подлежали прежде всего сёгуны. То есть история в ее императорской интерпретации даже не претендовала на «объективность» и представляла как идеологическое средство воспитания подданных. Как и в случае с древними хрониками, написание новой истории Японии возлагалось на людей, которые находились на государственной службе.

Возлагая вину за прекращение работы придворных историографов на сёгунат, идеологи Мэйдзи были правы лишь отчасти. Хроника «Сандай дзицуроку» была составлена в 901 году, а Минамото Ёритомо был назначен первым сёгуном лишь в конце XII века. На самом деле официальные хроники перестали составлять потому, что они выполнили на тот момент свое предназначение: они уже доказали легитимность существовавшего порядка, при котором во главе страны стоял император^[73]. И всякое отклонение от этого порядка рассматривалось как нежелательное. Но можно понять и инвективы по отношению к сёгунату: в то самое время, как правительство начинало проводить свои реформы, на севере страны еще продолжалась борьба с последними его приверженцами.

На Департамент истории возлагалась важнейшая задача: правительство Мэйдзи остро нуждалось в доказательствах своей легитимности. Кроме того, не отменялась и другая задача, которая всегда стоит перед создателями официальных версий истории: доказать уникальность исторического пути страны. Именно поэтому в указе говорилось о необходимости показать разницу между «культурой и варварством, между своим и заграничным».

Создание Департамента истории было лишь одной из мер по пересмотру концепции прошлого. Все они были направлены на то, чтобы возвеличить императорскую династию и изобразить сёгунаты как отклонение от первоначального замысла Неба. Наибольшего внимания удостоился, разумеется, мифический основатель династии Дзимму. Из царедворцев древности были отмечены Накатоми Каматари (614–669), предотвративший узурпацию власти родом Сога, и Вакэ-но Киёмаро (733–799), который сыграл ключевую роль в борьбе против монаха Докё (?—772), пытавшегося занять императорский трон. Раньше этих верноподданных почитали в буддийских храмах, которые теперь преобразовали в синтоистские святилища. Новые святилища были воздвигнуты также в честь императоров Сутоку (1123–1141), Готоба (1183–1198), Цутимикадо (1198–1210), Дзюнтoku (1210–1221), и Годайго (1318–1339). Их главной заслугой являлась борьба против сёгунов. Особенно возвеличивался Годайго и его сторонники: принцы и верные императору воины. Предложение о возведении святилища Кусуноки Масасигэ (1294–1336), сражавшегося против сёгуна Асикага Такаудзи, поступило уже 13 мая 1868 года. Особой чести удостоился также Китабатакэ Тикафуса (1293–1354), автор сочинения «Дзинно сётоки» («Записи о прямом наследовании императоров»), в котором он обосновывал непрерывность императорской династии и клеймил сёгунов за то, что они узурпировали власть. Знаменитым военачальникам XVI века Ода Нобунага (1534–1581) и Тоётоми Хидэёси (1536–1598) также воздали должное. Их деятельность по объединению страны, поделенной между враждующими кланами, была истолкована как защита императорского дома от сёгуната.

Практически все исторические деятели, подлежавшие канонизации, были аристократами или же самураями (исключение составляет лишь выходец из крестьян Тоётоми Хидэёси). Героям «из народа» пока что не находилось места в общенациональном пантеоне.

Не были забыты правительством и недавние герои. В июне 1868 года было принято решение возвести в горах к востоку от Киото святилище в честь воинов, павших во время бурных событий, сопровождавших реставрацию императорской власти. Оно получило название

«Святылище-оберег страны в Рёдзэн». Теперь, с переездом императора в Токио, на токийском холме Кудан было построено аналогичное святилище Сёконся («Святылище сбора покойных душ»).

Перспектива. В 1879 году святилище Сёконся было переименовано в Ясукуни («Святылище умиротворенной страны»). Оно стало главным пантеоном японских военных, погибших при исполнении служебных обязанностей. Впоследствии там стали почитать и всех тех, кто отдал свою жизнь за императора и Японию начиная с 1853 года – года прибытия «черных кораблей» американского коммодора Перри. Потом настал черед погибших в завоевательных войнах конца XIX – первой половины XX века. Место Ясукуни в картине мира современных японцев вызывает ожесточенные споры. Визиты туда государственных деятелей позиционируются как «частные», но все равно вызывают негодование многих демократических организаций и тех стран, которые пострадали от японской агрессии.

В мае сопротивление противников нового правительства, находившихся на Хоккайдо, было окончательно сломлено. Гражданская война закончилась. В ней участвовало более 110 тысяч воинов. Количество жертв никому подсчитать не удалось, но можно с уверенностью утверждать, что оно было велико.

Надо сказать, что по меркам следующего века с побежденными обращались «по-рыцарски». Это было естественно – практически все они были самураями. В отличие от простолюдинов отряда «Сэкихотай», мало кто из них был казнен, на потерпевшие поражения княжества наложили умеренную контрибуцию, владения некоторых княжеств были урезаны, княжество Айдзу – ликвидировано, замок – срыт. Кого-то вынудили уйти с поста главы рода, кого-то долгие годы содержали под домашним арестом. Лидера повстанцев Эномото Такэаки посадили в тюрьму почти на три года, но потом назначили чиновником в департамент развития его «любимого» Хоккайдо, он участвовал в переговорах с Россией по поводу судьбы Сахалина и Курильских островов, занимал министерские должности. Мацудайра Катамори, одного из самых активных деятелей северной коалиции из Айдзу, сначала отправили в ссылку, но потом назначили синтоистским жрецом при родовых могилах Токугава. Его и ему подобных подвергли смерти политической, но не физической.

В сентябре Мэйдзи издал указ о «прощении Токугава Ёсинобу». Он начинался со слов: «Ведомо Нам, что мудрый государь ведет низы с помощью своей добродетельности, а государь неразумный устрашает людей законом». Мэйдзи считал себя государем мудрым и простил Ёсинобу. Он считал, что почетной ссылки довольно для его нейтрализации. Иэсато (1863–1940), новый глава дома Токугава, учился в Кембридже и стал впоследствии главой палаты пэров японского парламента. Японская правящая элита, насквозь «прошитая» родственными связями, давным-давно исповедовала принцип: сын за отца не отвечает. А уж тем более преемник. Кроме того, в Японии по крайней мере с VIII века верили, что неуспокоенный дух убитого или казненного противника непременно наведет какую-нибудь порчу. Поэтому лучше нейтрализовать его, не прибегая к крайним формам насилия. Нужно сказать, что такая политика оказалась весьма успешной. Практически никто из побежденных больше не участвовал в антиправительственных заговорах, многие из них верно служили императору и его правительству.

Объединение Японии продолжалось не только на поле боя. Еще 20 января князья четырех княжеств (Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн) подали императору свое историческое обращение. В нем утверждалось, что все на японской земле принадлежит императору. В том числе,

естественно, и сама земля. Именно так и обстояло дело в глубокой древности (имелся в виду наделный принцип землепользования, закрепленный в законодательных кодексах VIII в.). Однако при ненавистных сёгунатах этот незыблемый, казалось бы, принцип был нарушен и земли перешли к князьям, что должно быть признано за воровство и грабеж. Но теперь подписавшие это обращение восстанавливают историческую справедливость: они безвозмездно передают императору земельные реестры и списки людей, населяющих их владения.

К передаче своих земель государству (императору) инициаторы проекта призывали и всех других князей. Замечательно, что практически все они последовали призыву. Только двенадцать даймё не откликнулись на предложение. Отчего процесс ликвидации феодальной собственности на землю прошел так «гладко»? Текст обращения подчеркивал, что для императора нет ныне более насущной задачи, чем поставить страну в один ряд с мировыми державами, а это может быть осуществлено только при условии наведения порядка внутри самой Японии. Несмотря на вековые противоречия между кланами, подавляющее большинство князей были едины в желании сделать страну сильной и могущественной. Малоспособные к «горизонтальной солидарности», они хотели, чтобы в стране был «хозяин». Без него привычная картина мира теряла свою стройность.

Князья были людьми военными, привыкшими к иерархии, где они занимают достаточно высокое, но отнюдь не первое место. Их амбиции были ограниченными. Кроме того, воины юго-западных княжеств доказали, что являются реальной силой.

Сыграло свою роль и недопонимание планов правительства. Князья прекрасно знали, что с приходом каждого нового сёгуна перерегистрация владений была обычной процедурой. Они отдавали свои земельные реестры в Эдо, а потом получали их обратно. Некоторые даймё полагали, что именно так произойдет и на сей раз. Тем более что в тексте обращения к императору содержалась такая лукавая фраза: «Отдай нам то, что должно отдать, возьми то, что должно взять».

В июне 262 князьям, которые подали обращения, было «разрешено» вернуть реестры своих владений императору. Остальным велели это сделать в приказном порядке. Одновременно князья назначались губернаторами своих владений, то есть их наследственные права были поставлены под сомнение. Князья продолжали управлять в границах прежних владений, но теперь они делали это уже от имени Мэйдзи. Теперь они стали больше напоминать чиновников, состоящих на государственной службе. Правда, князья сохраняли за собой право собирать налоги и использовать их по своему усмотрению. Однако на выплату рисовых пайков своим вассалам было наложено серьезное ограничение – теперь на эти цели могло расходоваться не более 10 процентов налоговых поступлений. Одновременно князьям поручили провести «инвентаризацию» своего хозяйства и представить отчет о бюджете, населении, системе управления и т. д. Внутреннее деление элиты на множество категорий предлагалось упразднить и свести к двум: «кадзоку» («знатные», то есть бывшие князья и аристократы) и «сидзоку» (можно описательно перевести как «военные-дворяне»), к которым отнесли простых самураев. Остальное население именовалось теперь «простыми людьми» («хэймин»). Так был сделан решающий шаг по превращению князей, их вассалов и воинов в подданных Мэйдзи. Между центральной властью и «народом» постепенно исчезал передаточный механизм и посредники, от которых зависело: будут ли люди подчиняться приказаниям центрального правительства или нет. Феодальному способу управления был нанесен серьезный удар.

В начале лета Гарри Паркс получил известие, что второй сын королевы Виктории, Альфред, герцог Эдинбургский, совершавший кругосветное путешествие, желает посетить и Японию. В первый раз в истории страны в гости к императору собирался член правящей династии из Европы. Вопрос о приеме герцога вызвал бурю эмоций. Дело в том, что традиционная модель

внешних отношений не предусматривала отношений равенства между государствами. Одно из них должно было обязательно выступать в качестве сюзерена, а другое – данника и вассала. Поэтому китайское правительство отказалось принять герцога как равного, в связи с чем он был вынужден приехать в Китай в качестве частного лица. Наученный горьким китайским опытом, Паркс неоднократно подчеркивал, что герцог должен быть принят в Японии в качестве равного партнера. На этом основании придворные консерваторы решительно выступили против визита герцога, ибо это означало бы уравнивание потомка синтоистских богов с иностранным принцем. На их переубеждение ушло несколько месяцев, но в результате вопрос был решен положительно. Однако для достойного и небидного для англичан приема следовало выработать новые правила этикета. Ивакура Томоми приступил к делу.

Герцог прибыл в Иокогаму. Мебель для его токийской резиденции срочно закупили в Гонконге. За несколько дней до прибытия герцога в Японии помолились «китайскому богу» (т. е. богу, обеспечивавшему безопасное морское путешествие). Когда герцог сходил на берег, его приветствовал 21 залп артиллерийского салюта. Дорога от Иокогамы до Токио была отремонтирована и подметена; молитвы богу дорог были вознесены, окна вторых этажей – крепко-накрепко запечатаны бумажными лентами. Перед тем как герцог вошел в прежний сёгунский замок, чтобы повстречаться с Мэйдзи, провели церемонию очищения, поскольку японцы опасались, что герцог, являясь представителем ритуально нечистой заграницы, может «заразить» и самого Мэйдзи. Церемония заключалась в том, что герцога и его свиту обмахивали родом метелочки из бумажных полосок (нуса), которые использовались в синтоистских очистительных ритуалах. Когда впоследствии об этом стало известно Фукудзава Юкити, он, по собственному признанию, «едва не заплакал от чувства национального унижения», поскольку прекрасно понимал: с англичанами обошлись недостойно.

Сами иностранцы, похоже, не отдавали себе отчета в скрытом для них смысле ритуала, сочтя его за очередное подтверждение того, что имеют дело с «варварами» и загадочной японской душой. Во всяком случае, никаких протестов герцог не заявлял, аудиенция прошла без всяких инцидентов, отчеты посольства были самыми благоприятными. После того как Мэйдзи стоя поприветствовал герцога с того возвышения, где находился его трон, он пригласил гостя в чайный павильон «Осенние листья», расположенный в саду. Затем его провели в «Павильон водопада». Содержание состоявшейся беседы вряд ли может представлять интерес. Мэйдзи сказал, как он рад визиту, выразил озабоченность тем, что с дороги герцог устал. Тот же благодарил за сердечность приема, который, вне всякого сомнения, порадует его мать-королеву. Вездесущий Паркс не преминул отметить, что оба молодых человека выглядели весьма застенчивыми.

Хотя состоявшийся разговор вряд ли можно счесть «увлекательным», именно в его тривиальности и заключался главный смысл – стороны продемонстрировали обоюдную приязнь и отсутствие подозрительных намерений. Ну а что касается того, кто из них более «чист», каждый, вероятно, остался при своем первоначальном мнении. Вряд ли в этот момент Мэйдзи мог с пониманием отнестись к подарку Альфреда – золотой табакерке, на крышке которой был изображен обрамленный алмазами портрет герцога. В самой Японии изображать монарха запрещалось, и Альфред мог запечатлеть образ Мэйдзи только в сердце.

Герцог получил от Мэйдзи множество замечательных вещей: изделия из лака, бронзы, эмали, керамику и кинжал. Подученный своими советниками, Альфред попросил Мэйдзи написать стихотворение для передачи Виктории, что и было исполнено.

Если правишь
С думой о людях,

Небо с Землею
Вместе пребудут
Веки вечные.

Реакция Виктории на стихотворение неизвестна. Скорее всего, ничего поэтического она в ответ не сочинила. Европейские государи к этому времени уже утратили поэтический дар.

Отношения с европейскими царствующими домами были установлены. Всего через месяц после визита герцога Эдинбургского посольство Австро-Венгерской империи доставило японскому императору статую императора Франца-Иосифа. Причем в полный рост.

Теперь Мэйдзи был принят в семью европейских монархов. Правда, стоит помнить, что он, в обход западных обыкновений, именовать монархов «братьями» все-таки не стал. Видимо, это казалось пока что не совсем соответствующим действительности. Лишенное и тени панибратства «ваше величество» («котэй хэйка») подходило, в японском понимании, намного больше.

В своем стихотворении Мэйдзи говорил об управлении «с душой о людях». Это утверждение вполне соответствовало представлениям об идеальном дальневосточном монархе. В этом году Японию замучили затяжные дожди. Урожай прошлого года оказался плохим, в этом году виды на него тоже были неважными. 25 августа Мэйдзи распорядился об оказании помощи крестьянам пострадавших районов. Он урезал расходы на содержание двора и даже отказался от пира по случаю своего дня рождения. Его чиновники последовали примеру, отдав в фонд помощи нуждающимся от 10 до 20 процентов своего жалования^[74].

В то время как Мэйдзи осуществлял свои представительские функции, правительство тоже не теряло времени даром. Власти прекрасно понимали, что для создания единой страны следовало обеспечить не только вертикальные связи между властью и народом, но и связи горизонтальные – между обычными людьми. Поэтому с самого начала существования нового режима развитию средств связи и транспорта уделялось колоссальное внимание.

Как и многие другие технические новинки, первая телеграфная линия появилась в Иокогаме. Пробная линия длиной всего в 700 м соединила располагавшийся в этом городе правительственный офис и учреждение, занимавшееся портовыми маяками. Это произошло летом, а уже к концу года телеграфная линия связала Иокогаму и Токио. Ее прокладка происходила под руководством английских инженеров. В следующем году телеграммы в Токио можно было посылать уже и из Нагасаки. Вначале основными пользователями телеграфа были государственные учреждения, но постепенно он входит и в повседневную жизнь. Это имело самые неожиданные последствия для бизнеса. Так, например, известен пример купца Симомура Дзэнтаро, который занимался торговлей шелком-сырцом. Он обладал превосходной службой пеших фельдъегерей, которые доставляли ему сведения о ценах в Иокогаме раньше, чем это делали другие. За счет этого он мог проворачивать прибыльные спекулятивные операции. С повсеместным распространением телеграфа такой бизнес попросту перестал существовать.

Все это происходило на фоне ближайшей спутницы всякой революции – инфляции. Новое правительство выпустило бумажные деньги, но особого доверия к ним не было, и ассигнации княжеств продолжали хождение. Смена власти и военные действия вызывали панические настроения. По сравнению со временем рождения Мэйдзи цены выросли в 6,27 раз. Неудивительно, что и в этом году крестьянских волнений было снова много – больше 150. Не пощадила революция и самого Токио. Бывший совсем недавно крупнейшим городом в мире, он потерял 800 тысяч своих жителей. Теперь в Токио проживало всего 500 тысяч человек.

1870 год

3-й год правления Мэйдзи

3 января был обнародован указ об учреждении института агитаторов (сэнкёси). Он назывался «О распространении великого и божественного Пути». Чтобы подчеркнуть его исключительность, указ был составлен на китайском языке. Агитаторам предлагалось разъяснять подданным суть этого Пути, которая заключалась в единении ритуала и управления, в почитании синтоистских божеств и императора. Несколько позднее «великий Путь» был окрещен «великим Учением». Речь шла о создании государственной религии. Агитаторы состояли в штате министерства небесных и земных божеств (т. е. синто). Приверженцы буддизма и конфуцианства пребывали в панике: в будущей Японии им не находилось места, «великое Учение» отвергало их.

В этом году японские торговые корабли стали плавать под тем флагом, который стал официально считаться государственным. Это был красный круг на белом поле. Сочетание белого и красного считалось в синтоизме счастливым. Красное – это очистительная энергия огня и солнца, а белое – сама чистота. Эмблема имела хождение в Японии давно. Она использовалась и в древних придворных церемониях, и в средневековых самурайских гербах. С 1854 года по предложению княжества Сацума флаг стали поднимать на японских торговых кораблях, принадлежащих сёгунату. Теперь же он стал императорским флагом. Императорским и одновременно общенациональным. Частные суда тоже были обязаны ходить под этим флагом.

Круг символизировал солнце, а значит, и богиню Аматэрасу и ее «прямого потомка» – императора Мэйдзи. Решение было вполне естественным – ведь с VIII века государство называло себя «Нихон» – «Присолнечная страна». Однако до правления Мэйдзи Япония не обладала общенациональной символикой, потому что в понятие «государство» входила только политическая элита. Теперь же началось победоносное шествие японского флага – как внутри страны, так и за границей.

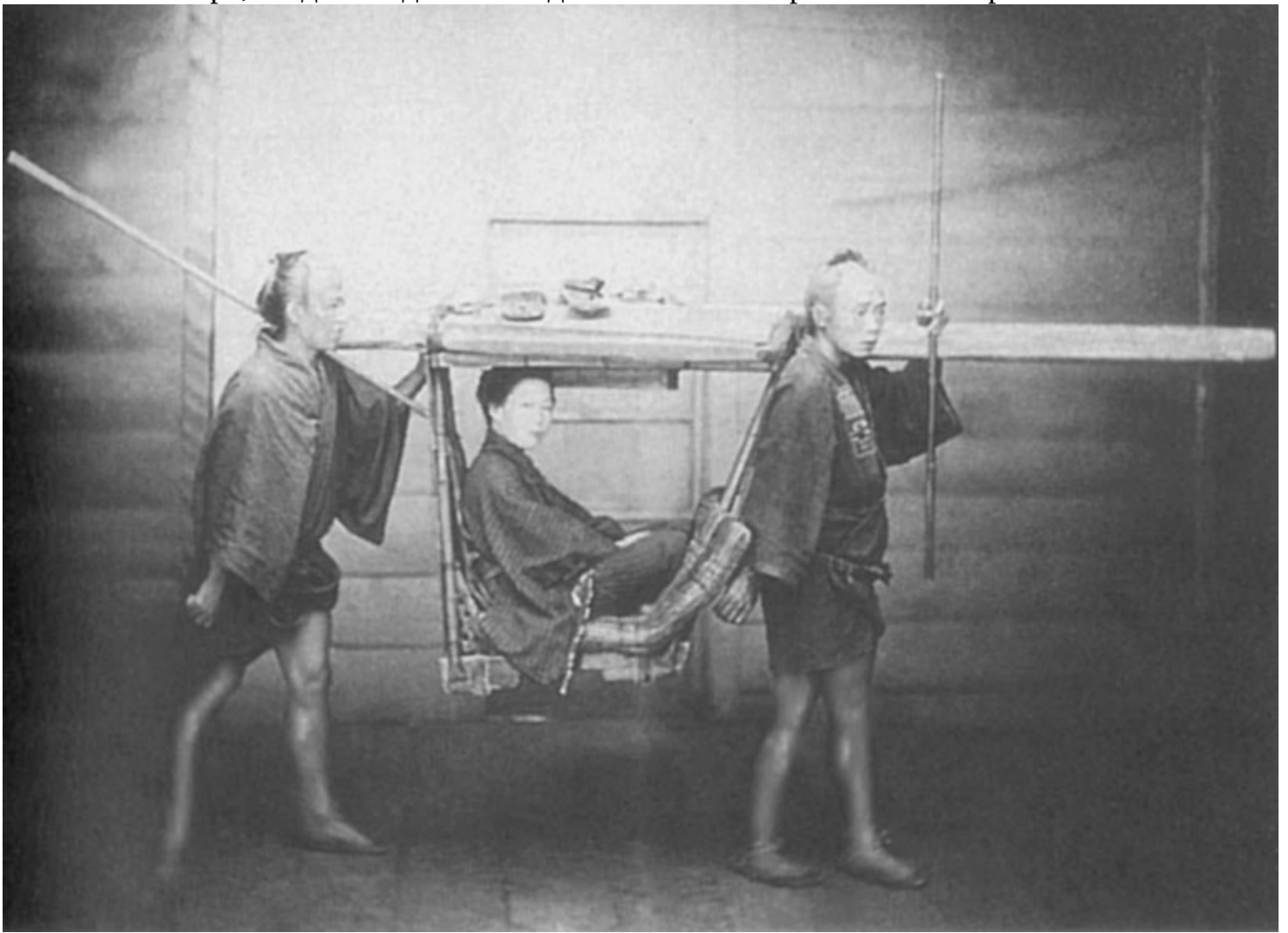
Создание государственной символики шло полным ходом. Англичанин Джон Фентон, с прошлого года находившийся в японской армии на должности музыкального инструктора, нашел удивительным, что в стране отсутствует гимн, и высказал мнение о необходимости его создания. Ояма Ивао, уроженец Сацума и командир артиллерийской батареи, предложил анонимное пятистишие, восходящее к знаменитой поэтической антологии «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен», 905):

Государя век
Тысячи, миллионы лет
Длится пусть! Пока
Камешек скалой не стал,
Мохом не оброс седым!

(Перевод Н. И. Конрада)

Эта здравица пользовалась большой популярностью и при сёгунате, но к императору как таковому она никакого отношения не имела. Под «государем» понималось любое лицо, занимающее высокое положение. Фентон положил эти слова на музыку. В первый раз гимн был

исполнен в сентябре, когда Мэйдзи наблюдал за военно-морскими маневрами.

Корзина-каго

Темп жизни убыстрялся. Колесо становилось символом цивилизации. Раньше японцы колесом пользовались мало. Можно припомнить разве что неуклюжие двуколки хэйанских аристократов, влекаемые неспешным волом. Но и они вышли из употребления. Знатные люди путешествовали в паланкинах или же в «корзинах» (каго) – подобие кресла-люльки, которую несут два носильщика. Теперь же в городах можно было увидеть велосипеды, экипажи, ландо. Но узкие улицы Токио не годились для гужевого транспорта. Эти улицы, как и проселочные дороги, представляли собой утрамбованную пешеходами землю. Приземистые японские лошадки (европейцы так их и называли – «пони»), которых не было принято подковывать (копыта обували в соломенные «башмаки»), не причиняли им особенного вреда, но тяжелые экипажи мгновенно превращали дороги в месиво. Кроме этого, многие горные дороги были настолько круты, что лошади не могли преодолеть подъемы и спуски. Не говоря уже о том, что и самих лошадей насчитывалось не так много. Намного меньше, чем людей.

Поэтому предложение токийца Идзуми Ёсукэ запрячь в обычную европейскую коляску обычного японского человека выглядело логичным. Он получил лицензию и стал рикшей в 1870 году. В 1871 году рикш в Токио было уже 25 тысяч, а в 1872-м – 50. Они оказались намного маневреннее и дешевле конных экипажей. Теперь пользоваться «такси» могли и сравнительно небогатые люди, которые еще несколько лет тому назад не могли представить себя такими «господами». Средняя скорость рикши составляла около 7 километров в час, за полный рабочий день возница пробегал километров 65–70. Немудрено, что профессия рикши не считалась

слишком полезной для здоровья – сердце и легкие часто не выдерживали нагрузки. Человек-экипаж – одно из немногих японских изобретений того времени, которое оказалось востребованным и в Китае, и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В самой Японии рикши чрезвычайно быстро получили повсеместное распространение.

То, что сейчас называется «рикшей», японцы именовали «дзин-рикися» – буквально «человек-коляска». Русские переиначили это слово в «дженерикшу». В. Крестовский так описывал их: «Дженерикшами называются в Японии маленькие, ручные, чрезвычайно легкие и изящно сделанные колясочки на двух высоких и тонких колесах, на лежащих рессорах, с откидным верхом, который сделан из непромокаемой (просмоленной) [на самом деле промасленной. – А. М.] толстой бумаги, натянутой на три бамбуковых обруча. Экипажи их снабжены тонкими оглоблями, соединенными между собой перемычкой, в которую возчик на ходу упирается руками и грудью». Автор особо отмечал, что рикши, в отличие от русских извозчиков, никогда не просят «на водку»^[75]. Точно так же не было принято давать и «на чай». Эта уникальная особенность японской сферы обслуживания сохраняется до сегодняшнего дня. Высказывавшееся наблюдателями эпохи Мэйдзи опасение, что под влиянием европейских обыкновений официанты и рикши «испортятся», к счастью, не сбылось.

В этом году при Министерстве финансов учредили отдел преобразования метрологической системы. Уже в то время стало понятно, что современная цивилизация основывается на тотальной стандартизации. Она была действительно необходима, ибо даже традиционные японские меры длины и веса несколько отличались друг от друга в зависимости от региона и рода профессиональных занятий. А тут еще в японскую жизнь стали настойчиво проникать английские футы и франко-немецкие метры.

Главой отдела стал Сибусава Эйити (1840–1931), которому предстояло сыграть выдающуюся роль в развитии японской экономики. Однако путь к современной цивилизации поначалу лежал через прошлое. Унификаторы решили сперва привести в единому знаменателю японские меры длины. Они пошли по традиционному пути, полагая, что чем древнее мера, тем она лучше. Однако оказалось, что древнейший эталон длины сяку (сейчас он равняется 30,3 см) отличается от наиболее ходовых в то время образцов^[76]. Тогда пришлось смириться с действительностью и взять за образец более распространенный эталон. Но и тогда справиться с проблемой окончательно не удалось: в разных областях жизни стандарты оставались разными – плотники и портные не могли найти общего языка. Жизнь оказалась разнообразнее правительственных идеалов.

Проникновение западных метрических систем также не обеспечивало единообразия. Английские специалисты придерживались своих норм, французы и немцы настаивали на своих. Поэтому японский флот, строившийся под руководством англичан, мерил все на футы, а сухопутные силы, попавшие еще при сёгунате под французское влияние, – на метры.

Перспектива. Закон об обязательном переходе на систему «метр-килограмм» был принят в 1921 году. Однако на деле сосуществование различных метрических систем продолжалось вплоть до окончания Второй мировой войны. Только тогда Япония сделала окончательный выбор в пользу европейской метрической системы. Причем несмотря на то, что в это время влияние американской культуры на Японию было подавляющим.

Открытие Японии означало, что теперь ее дипломаты не могут игнорировать то, что происходит в мире. В июле разразилась франко-прусская война. Японский МИД заявил о своем нейтралитете. Япония стала участвовать в международных делах. Пока что в качестве страны,

которая не поддерживает никого.

В августе в Йокогаме стала выходить первая ежедневная газета – «Ёкохама майнити».

1871 год

4-й год правления Мэйдзи

Мэйдзи общался с европейскими монархами и их семьями все больше. Как непосредственно, так и заочно. Вильгельм I счел необходимым уведомить его, что стал германским кайзером. Мэйдзи отправил ему поздравление и два альбома японской живописи. Посетил Японию и великий князь Алексей Александрович, совершавший кругосветное путешествие на корабле «Светлана». Он был всего на два года старше Мэйдзи. Вероятно, это был первый русский, который видел Мэйдзи. Он вывез из Японии коллекцию предметов искусства и разных диковинок, но никаких записей о встрече не оставил^[77]. Однако он не забыл сделать пожертвования на православные церкви в Токио и Хакодате^[78].

Новое правительство стремилось к тому, чтобы Японию поскорее признали в мире страной «цивилизованной». Одним из признаков цивилизованности был современный уголовный кодекс. В соответствии с ним в начале года осудили трех самураев, напавших на англичан в Токио. Двоих приговорили к повешению, третьего – к 10 годам каторжных работ. С этих пор самураев стали судить, как всех остальных, то есть почетного для них харакири самураям больше не полагалось. А быть казненными тем же способом, как и прочие преступники, им не нравилось. В связи с этим нападений на иностранцев стало намного меньше^[79]. Самураи боялись не смерти, а смерти на общих основаниях.

Правительство рассчитывало, что принятие кодекса поможет уговорить Англию и Францию убрать свои войска из Иокогамы (из каждой страны там было размещено по тысяче человек), но европейские посланники расценивали требования правительства как назойливые ходатайства, удовлетворять которые совершенно необязательно. Они продолжали утверждать, что жизни иностранцев в Японии по-прежнему грозит опасность.

В конце апреля в Китай отправился полномочный представитель Мэйдзи – Датэ Мунэки. В его задачу входило подписание договора о дружбе. Сначала он настаивал на договоре такого типа, который заключали западные державы с Японией. Только теперь в качестве неравноправной стороны должен был выступить Китай. Однако страны Запада разговаривали с позиции силы, а у Датэ Мунэки единственным аргументом были великояпонские амбиции. 14 июля договор все-таки заключили, но он оказался равноправным. Он предусматривал взаимные права по консульскому суду над своими подданными, свободную торговлю в отведенных для того портах, территориальную целостность и взаимную помощь. Договор мог бы послужить основой для оборонительного союза против Запада, но, как покажут последующие события, этого не случилось.

Этот год можно считать переломным в строительстве новой Японии – на место упраздненных княжеств пришли префектуры, а князья-даймё утратили большую часть своих привилегий. К этому шло давно, ассамблея Сюгиин (наследница Когисё), откликаясь на предложения правительства, постепенно ограничивала независимость княжеств, обязывая их тратить все больше средств на общенациональные нужды, в первую очередь на оборону. Мало кто сомневался в том, что интересы страны требуют большего единства. Ввиду финансовых затруднений и невозможности платить своим самураям рисовые пайки некоторые князья сами подавали прошения об упразднении княжеств и о создании на их месте префектур – так, чтобы государство взяло на себя их финансовые обязательства. Хотя и существовало множество различных мнений относительно будущей судьбы княжеств, это были различия в деталях, почти все сходились на том, что без ликвидации княжеств обойтись невозможно. Вопрос состоял

только в том, какая группировка сумеет добиться принятия своего плана. Как и в большинстве подобных случаев, победила позиция юго-западной коалиции, которая, благодаря тесным контактам с придворными аристократами Сандзё Санэтоми и Ивакура Томоми, имела свободный доступ в покои Мэйдзи. Сайго Такамори, его младший брат Цугумити, Окубо Тосимити, Ояма Ивао, Кидо Такаёси, Иноуэ Каору и Ямагата Аритомо подготовили обращение к государю об упразднении княжеств.

14 июля в императорский дворец прибыли главы четырех княжеств, которые сыграли решающую роль в победе над сёгунатом. Правый министр Сандзё Санэтоми огласил перед князьями Сацума, Тёсю, Хидзэн и Тоса указ, в котором говорилось: в соответствии с вашими предложениями княжества упраздняются, а на их месте появляются префектуры, куда назначаются новые губернаторы.

Границы префектур совпадали с границами крупных княжеств, мелкие были объединены. В результате получилось 72 префектуры, три города, приравненных к префектурам (Токио, Киото, Осака), и один округ – Хоккайдо. Выделение Хоккайдо в особую административную единицу вызывалось необходимостью его колонизации – остров представлял собой дикий и малонаселенный край. Чтобы избежать ненужных ассоциаций, за редкими исключениями названия префектур не повторяли названий княжеств. В основном их называли по крупным уездам, располагавшимся на их территории. На должности губернаторов местные уроженцы назначались редко. В дальнейшем количество префектур менялось, в 1888 году их стало столько же, сколько и в настоящее время – 47.

Теперь государство получило полное право на распоряжение землей и княжескими предприятиями: рудниками, заводами, верфями. Правительство приняло на себя часть долговых обязательств княжеств, но зато отныне налоги стали поступать не в пользу князей, а в пользу императора. Правительство получило материальную и финансовую основу, без которой единая страна попросту не могла бы существовать. До этого времени три четверти государственного бюджета обеспечивали поступления с национализированных земель, которые раньше принадлежали сёгунату, а теперь в казну полились средства со всей страны. Прежним князьям вменялось в обязанность жить в столице. В этом отношении новое правительство позаимствовало опыт режима Токугава, державшего князей и их семьи в Эдо в качестве заложников.

Вместе с упразднением княжеств сразу два миллиона самураев и членов их семей стали «безработными» и лишились своих рисовых пайков. Нужно было каким-то образом интегрировать их в новые общественные и имущественные отношения. Задача оказалась непростой. Поскольку веками самураям запрещались любые занятия, кроме военного дела, многие из них оказались не готовы к тому, чтобы кормиться самим. Государство поступило с бывшими князьями и самураями вполне гуманно: оно сохранило им значительную часть их прежних доходов или же рисового пайка, но перевело его в денежное исчисление. При этом можно было получать пенсию ежегодно, а можно было получить выплату сразу за несколько лет, но отказаться при этом от пожизненной пенсии. Правительственные траты на выплату пенсий были огромными, в значительной степени они обеспечивались займами, сделанными в Англии.

Несмотря на определенное сопротивление и недовольство этими историческими реформами, упразднившими феодальную систему хозяйствования и управления, преобразования прошли на удивление спокойно. В отличие от «классических» европейских революций – французской и российской – социальная реконструкция в Японии была произведена не за счет массового истребления правящего слоя, а за счет перераспределения сил внутри элиты.

Прежняя система политической организации привела к тому, что княжества оказались малоспособны к горизонтальной солидарности. Многие князья, безусловно, больше думали о

судьбе страны, чем о собственной выгоде. Кроме даймё юго-западных княжеств многие другие князья обращались к императору с петициями, прося зачислить своих вассалов в общенациональную армию. Им было ясно, что раздробленная на уделы страна не в состоянии противостоять Западу. Кроме того, главным в их мировоззрении была верность своему господину. А своим господином они стали считать Мэйдзи. Поэтому любой его указ воспринимался как обязательный к исполнению. У. Гриффис, находившийся на службе у князя Этидзэн, свидетельствует: 1 октября князь собрал «многие сотни своих потомственных вассалов, велел им сменить верность хозяину на патриотизм и в благородном обращении попросил их следовать национальным, а не местным интересам. На следующее утро все, как мне показалось, население города численностью в 40 000 человек высыпало на улицы, чтобы бросить последний взгляд на господина Этидзэн, который покинул свой родовой замок и отправился в Токио, где ему предстояла жизнь частного джентльмена без всякого политического влияния»^[80].

Относительно отсутствия политического влияния Гриффис, конечно, несколько преувеличивал: многие даймё продолжали пользоваться значительным авторитетом. Однако нарисованная им картина бесконфликтного отказа от прежних привилегий действительно поражает. Кое-где крестьяне выступили против потери ими своего сюзерена, но ни на какой активный протест они оказались неспособны. Их петиции говорят не столько о любви к князю, сколько о подозрительности по отношению к новому правительству. Они боялись, что теперь воры и грабители получают свободу действий, что у них конфискуют их молодых дочерей, что иностранцы будут заправлять правительством и пить кровь японских женщин^[81].

Иными словами: беспокойство крестьян в значительной степени питалось слухами и не имело под собой реальных оснований. А поскольку политика правительства была в целом разумной, то развеять слухи и выбить почву из-под крестьянских выступлений оказалось делом посильным.

Хотя политика правительства была в целом разумной, все равно многие его действия вызывали беспокойство. Курс на репрессии по отношению к буддизму вызывал осязаемое недовольство. Простые люди трактовали его как курс на христианизацию. В марте крестьянские волнения разразились в Микава. Крестьяне посчитали, что в правительственных учреждениях «засел Христос». Завидев чиновника, они кричали: «А вот и Христос пожаловал!» – и убивали его^[82].

Недовольство вызывали и меры, направленные на приведение всего населения к общему знаменателю. Теперь настала очередь париев – «эта», или «сэммин» («подлый люд»). Они жили деревнями, напоминающими резервации. Начиная с августа этого года они тоже стали «простым людом» («хэймин»). Многим это не нравилось. Привычка считать, что есть люди, которые по определению «ниже» тебя, въелась в кожу и в сердце. Однако правительство понимало: только в том случае, если население придет в состоянии гомогенности, из него можно будет слепить «нацию».

Перспектива. Парии стали по закону полноправными подданными, однако сила традиции в японском обществе настолько велика, что и сейчас их потомки подвергаются серьезной дискриминации на бытовом уровне.

Революция и гражданская война принесли крестьянам не только немало беспокойств и бед, но и освобождение от многих прежних ограничений. Им разрешили торговать рисом и сажать на свои поля то, что они сами посчитают нужным. Теперь любой простолюдин имел фамилию (раньше – только имя), мог носить любую понравившуюся ему одежду и причесываться в соответствии со своими вкусами. Самураям тоже позволили самим определять свой облик и

заниматься торговлей, сельским хозяйством и ремеслом. Браки между простолюдинами и военными также были разрешены.

Японские крестьяне

В сентябре Мэйдзи издал указ, в котором говорилось: традиционные придворные одежды, основой для которых послужили одеяния танского Китая, «производят впечатление слабости». Император Мэйдзи напоминал своим придворным, что в глубокой древности император был верховным главнокомандующим, а потому в нынешние времена и ему самому следует выглядеть по-другому. Он предупреждал: скоро вы увидите меня изменившимся. Одновременно он призывал своих подданных одеваться на заграничный манер.

Отмена ограничений на одежду и прически означала настоящий переворот в сознании. Теперь даже крестьяне могли одеваться в шелк, что раньше было им категорически запрещено. Самураям же разрешалось отказаться от бритого лба и косички (такая прическа называлась тёнмагэ). Парикмахеры зарабатывали хорошие деньги. Фотографы тоже – каждый хотел запечатлеть свой уходящий в прошлое самурайский облик на память потомкам. Не остались в стороне от этого бума и шляпники – многие бывшие самураи стеснялись своей непривычной внешности и прикрывались шляпами.

В народе получили распространение шуточные куплеты.

«Постучишь по выбритому лбу – услышишь музыку прежних времен».

«Постучишь по голове со свободно ниспадающими волосами – услышишь музыку реставрации императорской власти» (имелось в виду, что такую прическу носили многие ронины, выступавшие за восстановление власти императора).

«Постучишь по подстриженной голове – услышишь музыку цивилизации».

«Реформа причесок» не затронула, пожалуй, только буддийских монахов, которые, несмотря ни на что, по-прежнему продолжали бриться наголо.

Когда Петр I проводил первую российскую модернизацию, он велел брить бороды. В Японии же, наоборот, многие мужчины, желая показать свою «прогрессивность», обзавелись растительностью на лице. Раньше это позволялось лишь убеленным сединами старикам, теперь борода и усы служили признаком «европейскости».

Новая форма одежды сочетала в себе элементы европейского и японского костюма. Можно было увидеть щеголя, у которого на сюртуке между лопатками красовался фамильный герб, как если бы это была традиционная куртка хаори. Фетровая шляпа спокойно сочеталась с кимоно. Скроенная на европейскую фигуру одежда зачастую сидела на японцах мешковато – брючины и рукава выходили длинны. Но правительство распорядилось, что фрак и цилиндр являются обязательной «униформой», в которой чиновникам предписывалось совершать новогодние визиты. В присутственных местах теперь нужно было носить европейскую одежду и по будням. Помимо соображений моды, это было обусловлено тем, что отныне идеалом становился динамизм, а кимоно плохо соответствовало этой цели.

Вот как несколько лет назад характеризовал японскую одежду И. А. Гончаров: «Глядя на фигуру стоящего в полной форме японца, с несколько поникшей головой, в этой мантии, с коробочкой на лбу и в бесконечных панталонах, поневоле подумаешь, что какой-нибудь проказник когда-то задал себе задачу одеть человека как можно неудобнее, чтоб ему нельзя было не только ходить и бегать, но даже шевелиться. Японцы так и одеты: шевелиться в этой одежде мудрено. Она выдумана затем, чтобы сидеть и важничать в ней. И когда видишь японцев, сидящих на пятках, то скажешь только, что эта вся амуниция как нельзя лучше пригнана к сидячему положению и что тогда она не лишена своего рода величавости и даже красива. Эти куски богатой шелковой материи, волнами обильно обвивающие тело, прекрасно драпируются около ленивой живой массы, сохраняющей важность и неподвижность статуи»^[83].

Перспектива. Большинство европейцев находило, что национальная одежда больше японцам к лицу. В 1878 году англичанка Изабелла Бёрд совершала путешествие по Японии с целью поправки здоровья. Она не нашла японский климат подходящим для лечения своих недугов, но Япония и ее обитатели произвели на нее в целом благоприятное впечатление. Ей тоже не показалось, что западный костюм красит японца. Во-первых, отказ от гэта (сандалии на деревянных подставочках) сделал японцев еще ниже ростом. Во-вторых, японская одежда имела свободный крой, а это, по ее мнению, было хорошо для их худых фигур, ибо делало их «размернее» и скрывало «недостатки» конституции. Действительно, японцы того времени не отличались дородством – ведь в традиционной диете животных жиров практически не содержалось.

В. Крестовский, побывавший в Японии в 1880–1881 годах, был согласен с англичанкой: «...у мужчин, особенно у молодых, нередко встречается смешение японских принадлежностей с европейскими, и не могу сказать, чтобы было особенно красиво, когда на каком-нибудь одном субъекте надеты кимомоны (кимоно. – А. М.) и английская пробковая каска (а то еще цилиндр или вульгарный котелок), а на другом – жакет с крахмальной сорочкой и японские панталоны. То же самое и относительно обуви:...американские ботинки при голых икрах»^[84].

С отменой княжеств к крестьянам пришла и свобода перемещения. Отходничество и паломничество получили достаточно широкое распространение еще при Токугава, но каждая

отлучка требовала письменного разрешения, путешествия с семьей были запрещены, на дорогах стояли контрольно-пропускные пункты – заставы. Теперь – во всяком случае, с точки зрения закона – крестьянин мог отправиться куда ему заблагорассудится, наняться куда захочет или куда его примут.

Крестьяне получили много прав, но в это время они не могли и помыслить об участии в политической жизни, зато их дети станут деятельнее.

Мэйдзи, разумеется, не знал, что в этом году в крошечном городке Тоса-Накамура на острове Сикоку родился мальчик по имени Котоку Сюсуй. Мэйдзи узнает о нем только через 40 лет, когда Котоку приговорят к смертной казни по обвинению в покушении на жизнь императора.

Новое правительство – новые деньги. В мае в оборот поступили иены. На построенном в Осака монетном дворе, на английском оборудовании начали чеканить «всего» 14 видов золотых, серебряных и медных монет. При сёгунате же в обращении находилось более полутора тысяч денежных знаков! Подавляющее большинство из них, естественно, имели хождение только на очень ограниченной территории. С введением иены запутаннейшая денежная система сёгуната ушла в прошлое, деньги стали не разъединять страну, а объединять ее.

В Восточной Азии тогда господствовал серебряный стандарт, международные сделки обсчитывались в серебряных мексиканских долларах. Этому всячески способствовала Англия с ее золотым стандартом. Однако Япония стремилась заимствовать только самое лучшее и, несмотря на противодействие Англии, ввела у себя золотой стандарт. Япония не имела реальных возможностей для его поддержания, но заслуживает уважения амбициозность правительства.

Вместе с ликвидацией княжеств была создана и новая структура управления, которая больше подходила для централизованного государства. О реформе чиновничьего аппарата, разработанной Кидо Такаёси, было объявлено 29 июля. Дадзёкан состоял теперь из трех палат: Сёин (Центральная), Саин (Левая) и Уин (Правая). Центральная палата напрямую «подчинялась» Мэйдзи. На практике это означало, что он присутствовал на ее совещаниях, где решались важнейшие стратегические вопросы. Однако голоса он не подавал никогда.

Гото Сёдзиро

В Центральной палате были предусмотрены должности главного министра (ее занимал Сандзё Санэтоми, 34 года, аристократ), левого министра (пост остался вакантным), правого министра (Ивакура Томоми, 46 лет, аристократ), советников-санги (Кидо Такаёси, 38 лет, уроженец Тёсю; Сайго Такамори, 44 года, Сацума; Итагаки Тайсукэ, 34 года, Тоса; Окума Сигэнобу, 33 года, Хидзэн). Названия всех этих должностей имелись в штатном расписании двора еще в VIII веке.

Правая палата была исполнительным органом – правительством в современном понимании этого термина. В ее состав входили министры и их заместители. Министерств было учреждено девять: небесных и земных божеств, иностранных дел, финансов, обороны, образования, промышленности, юстиции, императорского двора и Министерство освоения Хоккайдо.

Левая палата являлась органом для разработки законов, ее председатель являлся одновременно советником-санги. На пост председателя Мэйдзи назначил Гото Сёдзиро (33 года, Тоса), заместителем стал Это Симпэй (37 лет, Сацума). В работе этой палаты также принимали участие министры и их заместители, то есть она отличалась от Правой палаты функциями, но не составом. В этом следует видеть явное желание сократить количество людей, причастных к принятию решений. За полной ненадобностью палату упразднили всего через четыре года. Идея разделения ветвей власти осталась в романтическом, но недалеком прошлом.

Большинство людей из этого состава правительства сыграли выдающуюся роль в последующих событиях, связанных с политикой, экономикой и культурой. Хотя княжества и сословия были отменены, происхождение того или иного человека продолжало иметь огромное значение. В составе нового правительства бывшие самураи доминировали над аристократами, а среди княжеств наибольшим весом обладали выходцы из Сацума и Тёсю, хотя были представлены также Тоса и Хидзэн. Но не бывшими князьями, а низкоранговыми самураями. Однако и они тоже рассматривали подведомственные им органы власти в качестве «владений» своих землячеств. Обсуждение бюджета страны часто превращалось в обмен обвинениями в недооценке «исторической» роли того или иного землячества.

В самом начале административного строительства в окружении Мэйдзи были представлены высшие придворные и князья антитокугавской коалиции. Летом 1868 года в должности старших советников (гидзё) находилось 5 принцев, 12 аристократов и 13 князей (или же их близких родственников). Должность младших советников занимали 43 высокоранговых аристократа, 6 низкоранговых, 53 самурая. В новом правительстве не было ни одного принца, количество аристократов также резко сократилось, князей не стало совсем. Иными словами, «благородные» не выдержали конкуренции с «худородными». Проводить реформы, ломать устоявшийся порядок могли только они.

Однако японское общество по-прежнему относилось с большим уважением к наследственному статусу и потому не могло рассматривать новый состав правительства как полностью легитимный. Особа императора, от имени и во имя которого проводились реформы, придавала правительству необходимую легитимность, позволяла всей административной конструкции сохранять равновесие и вес.

Основу правительства составляли низкоранговые самураи, которые, в отличие от аристократов и князей, провели свое детство в играх и упражнениях на открытом воздухе. У Ито Хиробуми был немыслимо большой дня изнеженного обитателя дворца размер ноги, поскольку все детство его заставляли бегать босиком. Члены нового правительства были физически крепки, и большинство из них прожило долгую жизнь, несмотря на то что многие из них вели не самый здоровый образ жизни – увлекались алкоголем и табаком. Обращает на себя внимание и молодость (в особенности по японским стандартам!) правительства, которому предстояло

создавать новую Японию. Только граничащая с дерзостью смелость, кипящая энергия, необремененность грузом традиций и прожитых лет могли позволить этим людям на протяжении жизни одного поколения сделать из униженной Западом страны державу, с которой пришлось считаться всем. Правда, как покажут последующие события, многим из молодых реформаторов пришлось поплатиться за это жизнью. Они не были подвержены болезням, но это не могло уберечь их от покушений террористов.

Засилие землячества с юго-запада в верхнем эшелоне управления несколько компенсировалось тем, что основу бюрократического аппарата на среднем уровне составляли выходцы из Токио и Сидзуока. Это были самураи – бывшие вассалы Токугава. Именно они обладали наибольшим опытом бюрократической работы. Руководящие должности им не доверяли, но именно они оказались наиболее компетентны в реализации решений, принятых наверху. Число чиновников стремительно возрастало. Если в 1868 году центральный чиновничий аппарат составлял всего 307 человек, то в 1872-м – уже более 4500.

Японцы привыкли познавать внешний мир через книги. Мало путешествуя за границу, они тем не менее прекрасно знали китайскую классику. Сейчас настало время для знакомства с Западом посредством книг. В стране один за другим издавались переводы с западных языков. Причем поначалу наибольшей популярностью пользовались не детективы и не романы, а книги познавательного свойства. В этом году увидела свет книга Самуэля Смайlsa «Self-Help» («Самопомощь»). В этой книге были собраны биографии тех людей, которые сумели «сделать себя». Книга разошлась тиражом в миллион экземпляров! Особенной популярностью пользовалось жизнеописание Бенджамина Франклина. Книга Смайlsa начиналась его знаменитым изречением: «Небо помогает тому, кто помогает сам себе».

Мэйдзи тоже прочел книгу Смайlsa. Он считал, что Небо помогает тем, кто чтит своих предков. В этом году во дворце появилось святилище Корэйдэн. Считалось, что в нем пребывают души более 2200 предков действующего императора – императоров, императриц, наложниц и других членов императорской семьи.

Миякава Кодзан. Портрет Бенджамина Франклина на соуснике (1882 г.) Японцы были трудолюбивы и без всякой протестантской этики, которая утверждает, что труд – дело

богоугодное. Однако, в отличие от Запада, для обоснования трудолюбия были выбраны другие основания. Японцы полагали, что лень и отсутствие движения ведут к застою жизненной энергии *ки* (кит. *ци*), болезням и смерти^[85]. Таким образом, у японцев отсутствовала типичная для «отсталых» стран проблема, где идеалом времяпрепровождения является праздность, которая и тормозит «модернизацию». Авторитет Запада еще больше подхлестывал желание японцев трудиться и еще раз трудиться. Но трудиться не только для достижения собственного достатка, но и для блага страны. На фарфоровом соуснике поверх изображения Франклина в японском (!) одеянии, написано: «Франклин. Родился 18 января 1706, умер 17 апреля 1790. Известный государственный деятель, который горячо любил свою страну, Соединенные Штаты Америки, и преуспел в науках».

В этом году Мэйдзи окончательно стал полноправным правителем, ибо в 11-й луне была проведена третья, заключительная часть интронизации – Дайдзёсай (Великий праздник урожая). Этот ритуал последнюю тысячу лет неизменно проводился в Киото. Поэтому объявление о том, что на сей раз местом ритуала выбран Токио, возмутило многих. Стало ясно, что Мэйдзи останется в Токио до конца своих дней.

Дайдзёсай – это разновидность ежегодного праздника урожая. Однако ритуал Дайдзёсай отправлялся только в начале нового правления. Японского правителя породило сельскохозяйственное общество рисосеятелей.

Для того чтобы провести Дайдзёсай не в Киото, а в Токио, пришлось решить немало технических проблем. Предназначаемый для вкушения императором рис доставлялся раньше из двух провинций, расположенных неподалеку от Киото. Теперь с помощью гадания определили, что «священным полям» надлежит быть поблизости от Токио. Сам ритуал проводился на территории императорского дворца, где построили три павильона. Как и было заведено, ритуал проводился глубокой ночью при свете факелов. Как и было заведено, император вкусил священный рис вместе с божествами и стал одним из них. Вместе с тем и этого ритуала тоже коснулись нововведения.

Перед павильонами были выставлены различные продукты питания, полученные от частных жертвователей. Они предназначались как божествам, так и самому императору. Формула единения между императором и его подданными приобретала реальное «продуктовое» наполнение. После окончания всех церемоний для членов иностранных миссий был устроен пир, чего, естественно, тоже никогда не случалось.

Провинциальных чиновников угощали от имени Мэйдзи в местных офисах. Однако ни на одном из этих пиров Мэйдзи сам не присутствовал. На пиру с иностранцами заместитель министра иностранных дел Соэдзима Танэтоми выразил надежду, что запас добродетельности, полученный Мэйдзи в результате успешного исполнения ритуала, непременно достигнет правителей тех стран, представители которых собрались здесь сегодня^[86]. Если Мэйдзи действительно обладал такой «дистанционной» харизмой, то, разумеется, он мог и не присутствовать на вульгарном банкете.

Каноны императорского поведения заставляли императора учиться и еще раз учиться. Харуко и ее свите было также позволено присутствовать на лекциях, которые читались для Мэйдзи. Традиционная политическая доктрина рассматривает правителя как культурного героя (покровителя поэзии, каллиграфии, словесности). Каждый месяц Мэйдзи выслушивал шесть лекций по учению Конфуция и еще шесть – по историческим японским хроникам. Чуть позже в программу включили средневековое сочинение Китабатакэ Тикафуса «Дзинно сётоки» («Записи о прямом и божественном императорском наследовании»). В этой книге обосновывается, в частности, уникальность исторического опыта Японии: в Индии и Китае неоднократно

случались смены правящей династии, а вот в Японии этого не случилось никогда. По крайней мере со времен Китабатакэ японцы стали гордиться не столько обширностью своей территории, сколько тем, что их правящая династия не знает перерыва, а сами они живут там же, где жили их предки. Да и занимаются тем же самым. Пространство в таком понимании ценно не столько возможностью приумножения – тем, что его можно расширить за счет завоеваний, сколько счастьем сохранения уже имеющегося, возможностью обихаживать это пространство.

В свете высказанного замечания относительно хронологического кода японской культуры замечательно то, что в числе лекторов Мэйдзи был и потомственный ученый Хирата Нобутанэ, правнук знаменитого Хирата Ацутанэ (1776–1843), который принадлежал к синтоистским «почвенникам» и с особым жаром обосновывал божественную природу Японии. Почвенники – это приверженцы «отечественного учения» («кокугаку»). Они превозносили ту Японию, которая якобы существовала до начала материкового влияния – Японию синтоистскую, добуддийскую и доконфуцианскую. В период Токугава «отечественное учение» было в японской мысли периферийным, но при Мэйдзи оно оказалось по-настоящему востребованным. Разумеется, не в полном объеме. Если его антибуддийская составляющая эксплуатировалась весьма активно, то антиконфуцианский заряд получил ограниченное применение. Как показало будущее развитие японской государственности, она не смогла обойтись без китайских социологических построений.

С июля основным наставником Мэйдзи стал Мотода Накадзанэ (1818–1891), ученый-неоконфуцианец из Кумамото. Основываясь на классических текстах, он доказывал необходимость присутствия Мэйдзи при обсуждении важнейших государственных дел. Кроме того, он настаивал на большей открытости политической элиты, доступ в которую должен быть обеспечен благодаря способностям, а не рождению. Мэйдзи действительно присутствовал на большинстве совещаний, но его мнение остается для нас загадкой. Его роль заключалась не в том, чтобы иметь мнение, а в том, чтобы освящать любое решение своим присутствием. Что до второго пункта рассуждений Мотода, то следует отметить: несмотря на все ограничения, в правление Мэйдзи для вертикальной мобильности открылись такие возможности, каких никогда не существовало в японской истории.

Мотода был интеллектуальным наставником императора в течение 30 лет – вплоть до своей смерти. Решительно отказываясь от традиционной концепции созерцательности и неучастия в делах суетного мира (уединенная жизнь в горах была идеалом мудреца), он говорил о неразрывности мысли и ее практического воплощения. Мотода был одним из тех людей из ближайшего окружения императора, кто неустанно подчеркивал необходимость учиться у Запада естественным наукам. В то же самое время он считал, что в области морали Японии учиться нечему, следует лишь твердо придерживаться заветов Конфуция и Мэн-цзы. Таким образом, Мотода помог сформулировать едва ли не главный принцип правления Мэйдзи: Запад важен для Японии преимущественно как источник для развития естественных наук и техники; душа же народа должна оставаться при этом японской. Впервые подобные идеи были высказаны ученым Сакума Сёдзан (1811–1864) в последние годы существования сёгуната. Именно он говорил о необходимости «восточной морали и западной науки» – положение, которое в правление Мэйдзи было сформулировано как «японский дух, западное знание» («вакон ёсай»).

Существенная уступка западным способам воспитания монарха заключалась в занятиях верховой ездой. Вряд ли киотосские аристократы, привыкшие к малоподвижному образу государя, могли одобрить такие неподобающие императорскому статусу нововведения. А вот в Токио Мэйдзи позволялось упражняться по крайней мере шесть раз в месяц. Некоторые придворные ворчали, что лучше бы император уделял больше времени книгам. Мэйдзи прожил дольше многих своих предшественников. Отчасти это объясняется тем, что в отличие от них он

упражнял свое тело.

Эти перемены вызвали неподдельный восторг Сайго Такамори, полагавшего, что теперь страна получит «динамичного» государя, способного к решительным действиям. Особенно радовало его то обстоятельство, что Мэйдзи проводит свое время не на женской половине дворца, а в своем рабочем кабинете и на плацу.

В этом году Мэйдзи приступил к изучению немецкого языка. Выбор именно немецкого был продиктован тем, что японская элита ощущала наибольшее родство с Пруссией. Недаром впоследствии при составлении японской конституции именно Пруссия была взята за образец. Однако занятия иностранным языком вскоре пришлось оставить. Вероятно, потому, что император оказался не слишком способен к языкам. Так или иначе, в отношении иностранных языков он получил вполне традиционное образование. То есть он говорил только по-японски и умел читать по-китайски.

Нововведения стали возможны лишь потому, что в этом году состав камергеров Мэйдзи претерпел решительные изменения. Если раньше непосредственный доступ к императору имели представители лишь аристократических фамилий, то теперь основу его окружения составляли потомки самураев. В их непосредственную обязанность входило образование Мэйдзи, доклад о текущих делах и его физическая подготовка. В женскую часть двора также ввели дочерей самураев.

Уже тогда пристрастие Мэйдзи к алкоголю вызывало тревогу. В Японии каждое ритуальное или же церемониальное действие сопровождается возлияниями. Поскольку император был естественным и главным участником всех мероприятий такого рода, то повод для винопития представлялся каждый день. Напомним, что его отец Комэй тоже страдал излишним пристрастием к алкоголю. Сначала Мэйдзи увлекался японским сакэ, потом пришла очередь французских вин и шампанского. Утверждали, что император мог выпить за вечер две бутылки шампанского. Бывало, что после обильных возлияний он не был в состоянии удерживать свое тело в вертикальном положении. Однако все очевидцы единодушно отмечали: никакого похмелья у императора не бывало – каждое утро он вставал с ясной головой и принимался за дела.

Тем не менее супруга Мэйдзи, Харуко, сложила стихотворение, где она высказала беспокойство по поводу вредной привычки императора:

Когда весной расцветают цветы,
Когда осенью пламенеют клены,
Надеюсь: сохранишь
Ты умеренность,
Чарку подъямля.

Вместе с западными алкогольными напитками в жизнь Мэйдзи постепенно входила и европейская еда. В конце года он внял рекомендациям врачей и попробовал молоко. С этого же времени на дворцовой кухне стали готовить говядину и даже баранину. Мэйдзи как бы говорил своим подданным: я разрешаю вам европейскую кухню. И не только разрешаю, но и призываю.

Придворная жизнь менялась достаточно быстро, но многие обыкновения оставались прежними. Придворные музицировали, сочиняли стихи. У Мэйдзи одна за другой стали появляться наложницы. Это была совершенно обычная практика. Харуко оказалась бесплодна. Наложницам было, как правило, меньше двадцати лет. От пяти из них у Мэйдзи родилось 15 детей. Выжило только пятеро. Все они считались детьми Харуко.

Мэйдзи привыкал к мясной пище вместе со своей страной. С самого начала «новой эпохи» Фукудзава Юкити и другие западники ратовали за то, чтобы японцы ели побольше мяса. В понимании Фукудзава мясо было способно сделать японцев сильнее и выносливее. Однако поначалу многие японцы смотрели на европейцев, «пожирающих» мясо, с неприкрытым отвращением. Князя-даймё, когда их проносили мимо мясной лавки, приказывали поднять свой паланкин повыше¹⁸⁷¹. Но французские военные инструкторы, работавшие при последнем сёгуне Ёсинобу, жаловались, что японским солдатам не под силу управляться с современной амуницией, и требовали улучшить их рацион. В то же самое время непривычность японцев к мясной пище нравилась христианским проповедникам: они находили, что японцам легко соблюдать пост.

В этом году писатель Канагаки Робун (1829–1894) опубликовал книгу «Агуранабэ» («Сидя у кастрюли»), где он устами своего героя заявлял: «Мы должны быть весьма благодарны за то, что мы – ввиду того, что Япония неуклонно приближается к цивилизации – можем есть мясо. Разумеется, есть еще неотесанные мужланы, которые не желают избавиться от своих варварских предрассудков и настаивают на том, что употребление мяса оскверняет настолько, что ты уже не можешь поклоняться буддам и божествам».

Мясо появлялось на столах состоятельных горожан все чаще, оно сделалось признаком «цивилизованной жизни». Газеты, со столь присущей средствам массовой информации страстью к преувеличениям, утверждали, что мясоедение распространяется не со скоростью неспешной поступи коровы, а со скоростью полета пушечного ядра.

Япония столкнулась с проблемой модернизации. Нужно было сделать так, чтобы страна в кратчайшее время стала конкурентоспособной. Беда состояла в том, что поборники сильной Японии не совсем представляли себе, с кем им предстоит конкурировать. Ведь почти никто из членов правительства никогда не покидал пределов Японского архипелага. И тогда было решено отправить на Запад посольство.

Ито Хиробуми, который занимал должность заместителя министра промышленности, разослал письма высокопоставленным чиновникам, предлагая отправить в Европу и Соединенные Штаты представительную миссию для знакомства с государственным устройством, внешней политикой, военной организацией, торговлей и таможенными установлениями на Западе. Он полагал, что лучшее знание этих реалий поможет японцам пересмотреть неравноправные договоры, в которых указывалось: процесс их пересмотра может начаться 1 июля 1872 года.

Идея посольства получила одобрение. Предполагалось, что миссия вернется в Японию через 10 месяцев. Посольство вышло весьма представительным – за океан отправились многие ведущие члены правительства. В это время правительство не представляло собой команды единомышленников. Члены посольства опасались, что в их отсутствие могут быть предприняты какие-нибудь решительные действия, с которыми они не согласятся. Поэтому за три дня до отплытия, 9 ноября, Ивакура Томоми (от имени командированных за океан) и Сайго Такамори (от имени остававшихся на родине членов правительства) подписали договор. Он состоял из 12 пунктов. Правительство и миссия обязывались постоянно обмениваться информацией. Правительство обещало не проводить серьезных реформ. Взаимное недоверие между различными фракциями было настолько велико, что соглашение более всего напоминало договор между двумя странами, которые находятся не в слишком дружественных отношениях.

Руководство миссии Ивакура. Слева направо: Кидо Такаёси, Ямагути НАОёси, Ивакура Томоми, Ито Хиробуми, Окубо Тосимити

12 ноября миссия отплыла в Сан-Франциско на американском пароходе с непатриотичным названием «Америка». Кораблей, которые переплыли бы великий Тихий океан, у Японской империи по-прежнему не было.

Миссию возглавлял министр иностранных дел Ивакура Томоми. Его заместителями были назначены государственный советник (санги) Кидо Такаёси, министр финансов Окубо Тосимити, заместитель министра промышленности Ито Хиробуми и Ямагути НАОёси из Министерства иностранных дел. В состав миссии вошло 48 полноправных членов и 59 студентов, включая пятерых дочерей самураев – девушек в возрасте от 8 до 15 лет. За исключением Ито Хиробуми, все они покидали пределы родины впервые в жизни.

В Сан-Франциско миссию ожидал превосходный прием. В то время Америка по сравнению с Англией или Францией считалась страной «отсталой», и потому желание японцев познакомиться с Америкой и поучиться именно у нее наполняло сердца американцев гордостью. На торжественном приеме в «Гранд-отеле» собралось около 300 представителей американской политической элиты. После окончания ужина Ито Хиробуми произнес речь. В ней он утверждал: Япония полностью покончила с феодализмом «без единого выстрела, не пролив ни одной капли крови», что является уникальным случаем в мировой истории. Это было сильным преувеличением, ибо к этому времени жертвами гражданской войны стали уже тысячи человек. В ближайшие годы их число значительно возрастет. Однако создание нового «японского мифа» уже началось – Ито Хиробуми нужно было доказывать миру и себе самому уникальность

Японии.

Поскольку залу гостиницы украшали флаги Японии и Америки, Ито произнес несколько патетических слов о японском государственном флаге: «Красный круг на нашем государственном флаге – это не сургучная печать, которая „запечатывает“ нашу империю, это символ, который предвещает вхождение страны в мировое содружество цивилизованных государств, благородный символ восхода диска утреннего солнца над линией горизонта».

Ито Хиробуми имел в виду, что миссии, отправляемые ранее сёгунатом в Европу и Америку, выступали под флагом совсем другой, закрытой страны, выехать из которой можно было только преступив закон. Члены посольства делали все возможное, чтобы представить Японию на Западе как современную и цивилизованную страну. В отличие от первых посольств сёгуната они неизменно появлялись на людях в костюмах с галстуками и в цилиндрах. И только Ивакура Томоми своим традиционным одеянием напоминал: мы приехали из Японии.

Члены миссии были введены в заблуждение теплым приемом и попытались начать разговор о пересмотре договоров с Америкой. На что им было твердо указано, что у Ивакура Томоми отсутствуют документы, дающие ему полномочия на такие переговоры. Окубо и Ито срочно вернулись в Токио, чтобы выправить документы, подтверждающие его полномочия.

1872 год

5-й год правления Мэйдзи

Документы, подтверждающие полномочия миссии, доставили в Америку. Однако оказалось, что Окубо и Ито напрасно пересекали Тихий океан – доброжелательность американских чиновников оказалась всего лишь чертой их улыбчивого национального характера, в деле они оказались людьми предельно жесткими. Американцы, находясь в Америке, стали требовать права на свободное передвижение американцев внутри Японии. Ивакура отвечал: тогда дайте нам послабления в таможенных тарифах. И тут японцы с ужасом осознали, что, если они подпишут такой договор с Америкой, любой другой иностранец немедленно получит точно такие же права, ибо в типовых договорах с другими странами был прописан режим наибольшего благоприятствования. Иными словами: если одна страна получает какие-то привилегии, то другие получают их автоматически. При этом, согласно заключенным договорам, сама Япония режимом наибольшего благоприятствования не пользовалась. Получалось, что заключи Япония договор в Вашингтоне, таможенные поблажки со стороны Америки не распространятся на другие страны.

Японцы чувствовали себя обманутыми, но делать было нечего, и Ивакура счел за благо прервать переговоры. Кидо Такаёси признался в своем дневнике, что он едва сдерживал слезы. Японцы еще раз убедились в том, что попали в юридическую ловушку, выбраться из которой им будет совсем непросто. Против этого существовало только одно средство – чтобы тебя стали бояться.

Поездка в Японию Окубо Тосимити и Ито Хиробуми оказалась бесполезной и в другом отношении. Миссии Ивакура срочно понадобилась фотография Мэйдзи. На Западе практиковался обмен изображениями монархов и глав государств, членам миссии нужно было отвечать подарком на подарок.

Ретроспектива. На изображения императоров традиционно налагался запрет. Как и в других культурных традициях, японский государь считался «живым богом». Поскольку в синто отсутствуют антропоморфные изображения божеств, то и императоров тоже не было принято изображать. Редкие портреты императоров всегда делались только после того, как они отреклись от трона и приняли монашеский постриг, что было нормальной практикой японского средневековья.

Такие изображения помещались в буддийских храмах, которые имели непосредственные связи с императорским домом. Отрекшийся от трона император мог жертвовать свой портрет основанному им храму. Такие сведения имеются, в частности, относительно Гоцутимикадо (1442–1500)^[88]. Эти храмы были фактически закрыты для паломников. Сами же изображения, выполненные родственниками (родственницами) императора, предъявлялись членам семьи покойного императора во время поминальных служб. Это портреты (часто посмертные) выполнялись родными императора, поскольку обычным «художникам» смотреть на императора не полагалось. Так, например, портрет Гомидзуноо (правил 1611–1629, годы жизни 1596–1680) был выполнен в 1664 году художником Кано Танью, но лицо нарисовал сын Гомидзуноо – Гёдзё, поскольку Танью не допустили до экс-императора.

Таким образом, с отречением от престола экс-император освобождался от некоторых ограничений, которые накладывал на него его прежний пост. От некоторых,

но отнюдь не ото всех. Именно в этом русле и следует рассматривать императорскую иконографию – император предстает не столько как государственный деятель, сколько как набожный последователь учения Будды. Изображения императоров были выведены из идеологического ряда и не могли быть использованы в качестве одной из составляющих «общенациональной» идеологии.

Заказ миссии Ивакура на фотографию Мэйдзи двор принял к исполнению. В мае Утида Куити сфотографировал Мэйдзи. Это была его первая фотография в жизни.

Однако члены миссии были настолько разочарованы полученным изображением, что так и не решились дарить его. Придворные одеяния императора не соответствовали нынешнему «мужественному» и «цивилизованному» времени. Традиционное обличье императора мало подходило для того, чтобы внушать европейцам чувство уважения и трепета. Юное безусое лицо императора Мэйдзи с подбритыми и подрисованными бровями казалось европейцам «женственным». Ниспадающие одежды, не предназначенная для пешего передвижения обувь «на платформе», длинные волосы, забранные в нечто напоминающее пучок, не могли никого устроить.

Госин. Портрет экс-императора Ханадзоно (1338)

Фотография императора Мэйдзи в традиционном облачении

Утида Куити

Летом миссия покинула Бостон и взяла курс на Европу, где она посетила Англию, Францию, Бельгию, Голландию, Германию, Россию, Данию, Швецию, Италию, Австро-Венгрию и Швейцарию. Ивакура и его коллеги посещали торговые палаты, государственные учреждения, доки, фабрики, школы, тюрьмы, музеи, балы, наблюдали за военными маневрами, встречались со множеством высокопоставленных деятелей. Но теперь стало ясно, что пересмотр договоров откладывается в долгий ящик, и серьезных переговоров члены миссии больше не проводили, используя поездку прежде всего для сбора информации.

Придворный историограф Кумэ Кунитакэ (1839–1931) вел подробнейшую запись того, что имели возможность наблюдать члены миссии. Его дневник известен под длинным названием – «Отчет о том, что увидела специальная полномочная миссия, путешествуя по Америке и Европе» (опубликован в 1878 г.). В отчет не вошло изложение хода дипломатических переговоров. Зато книга стала поучительным описанием увиденного, своеобразным путеводителем по странам Запада. Возможно, самый главный вывод книги был таков: Европа и Америка стали такими могущественными сравнительно недавно, этого удалось достичь благодаря развитию науки и образования, а потому Япония – если, конечно, сильно постараться – имеет возможность догнать Запад. Вывод звучал оптимистически. Кумэ получил за свою работу премию в размере 500 иен.

Дипломатические переговоры с западными странами закончились провалом, но информация, которую получили члены делегации, была поистине бесценной. Стало ясно, какой

огромный путь предстоит пройти Японии, прежде чем к ней начнут относиться серьезно и примут в клуб мировых держав. Население архипелага должно было твердо усвоить принципы современного общества: время – это деньги, промышленность важнее сельского хозяйства, конкуренция и торговля – двигатели прогресса, фабриковать дешевые товары выгоднее, чем производить предметы роскоши. Эти азбучные истины индустриального общества в корне противоречили привычным установкам общества самурайско-сельскохозяйственного. Многим членам миссии стало казаться, что необходимо избавиться от всего традиционного: от своего прошлого, обычаев, конфуцианства, культуры. У членов миссии на устах был только один лозунг: «Даешь западную цивилизацию и западное просвещение!» («Буммэй кайка!»).

Кумэ Кунитакэ

Стало также ясно, с кого следует брать пример. Труд Кумэ Кунитакэ состоял из 100 свитков. Америке и Англии было посвящено по 20, Германии – 10, Франции – 9. На долю России досталось пять.

Петербург поразил воображение, но колоссальный имущественный и образовательный разрыв между столичной аристократией и всей остальной страной оставил гнетущее впечатление^[89]. В научной и образовательной сферах России в это время похвастаться тоже было особенно нечем. Влияние России в области литературы, искусств и социальных учений относится к более позднему времени. Огромная территория России воспринималась японцами как несомненное доказательство присущего России стремления к экспансии, которая угрожает и Японии.

В то же самое время у России был исторический опыт вестернизации и превращения страны в мощную европейскую державу. Миссия Ивакура посетила Петербург как раз накануне пышных празднований в честь двухсотлетнего юбилея Петра I. По личному наблюдению Л. И. Мечникова, Ивакура Томоми «был восторженным поклонником Петра Великого и из своего путешествия вывез богатую коллекцию портретов преобразователя России...»^[90]. Сама миссия Ивакура напоминала Великое посольство Петра в Европу.

Приемом миссии занимался в Петербурге Владимир Яматов, он же Татибана Косай, который обихаживал сёгунское посольство 1862 года. С тех пор прошло всего десять лет, но как успела измениться за это время Япония! Теперь Татибана перестал страшиться последствий своего побега, члены миссии убеждали его в том, что на родине его не станут преследовать. Заслужив российскую пенсию размером в 300 рублей в год, он оставил службу в МИДе и место преподавателя в Петербургском университете и вместе с миссией вернулся в Японию. В Петербурге у него остались жена и двое детей.

Перспектива. Японское правительство нуждалось в знатоках петербургской жизни и в квалифицированных переводчиках с русского языка. Татибана Косай принимал участие в японско-российских переговорах по территориальным проблемам, но проработал на государственной службе совсем недолго. Он прожил в России почти два десятка лет, и ему, возможно, оказалось психологически трудно отстаивать японские интересы. Отпав от православия, он стал буддийским монахом и в обществе больше не появлялся. Чиновники являлись к нему в храм, уговаривали послужить стране еще, но он отвечал твердым отказом. Умер Татибана Косай в полном забвении в 1885 году, в возрасте 65 лет.

Членам миссии любая страна была в новинку, но, пожалуй, наибольшее впечатление произвела на них Пруссия. Казалось бы, все понятно: у Пруссии была мощная армия, которая только что разгромила французскую. Юнкеры напоминали японцам родных самураев. Но японцев привлекало и другое: Пруссия приступила к модернизации совсем недавно, она занималась усиленным экспортом сельскохозяйственной продукции, средства от которой вкладывались в горное дело и промышленность. Быстрая индустриализация входила в число приоритетных задач и в Японии. Кроме того, крепкие сословные перегородки и наличие всемогущего кайзера тоже были близки японцам. В отличие от других западных политиков, которые рассуждали о «справедливом» устройстве мира, Бисмарк прочел японцам целую лекцию, где он откровенно разъяснял, что в этом мире правит только сила. Он, в частности, заявил: «Говорят, что в нынешнем мире любая страна строит взаимоотношения с другими странами на основе дружбы, гармонии и должных церемоний. Однако это всего лишь пустые слова, за которыми стоит реальная практика: сильный оскорбляет слабого, сильный презирает слабого. Я пришел к выводу, что только набравшая силу страна заставляет другие обращаться с собой как с равной»^[91].

Словом, Пруссия пришлась японцам по сердцу. Кумэ Кунитакэ отмечал: «В деле становления политики Пруссия имеет много такого, что делает ее похожей на Японию. А потому для нас было бы выгоднее изучать политику и обычаи прусские, чем английские и французские». Америка в качестве образца для подражания в политической области вообще не рассматривалась. Идея о том, что главу государства следует избирать, казалась дикой.

Западные флюиды доходили и до Мэйдзи. 8 января он произвел смотр своим войскам. Они построились на площади Хибия, расположенной к востоку от дворца. В смотре принимало участие 10 тысяч воинов. С этих пор участие в смотрах и маневрах станет одной из основных

церемониальных обязанностей Мэйдзи. Японские императоры никогда не позиционировались в качестве полководцев, но окружение Мэйдзи посчитало, что он должен походить на европейского монарха.

В середине февраля произошло поистине историческое событие – был снят вековой запрет на куплю-продажу земли. Впервые в истории Японии крестьянин получил право собственности на ту землю, которую он всегда обрабатывал в качестве пользователя. Причем это право было предоставлено без всякого выкупа. Теперь исчезло главное препятствие для капиталистического развития, в стране продавалось и покупалось все. Правда, иностранцам владеть землей по-прежнему не разрешалось.

Размеры крестьянских участков оказывались, как правило, ничтожными. Но с этим пришлось смириться – на архипелаге было слишком много крестьян и слишком мало пригодной для возделывания земли.

Ввести частную собственность на землю оказалось проще, чем справиться с религиозной нетерпимостью. В начале февраля на северо-востоке Японии, в районе Сэндай, посадили в тюрьму восьмерых японских адептов православия, более сотни, включая детей, допросили. Затем гонения вспыхнули и в Хакодате. Момент был выбран крайне неудачный, на миссию Ивакура со стороны европейских стран обрушились упреки. И тогда Ивакура пришлось просить правительство отменить запрет на христианство, что и было сделано 24 февраля. В страну хлынул поток миссионеров – протестантов и католиков, а Япония могла теперь гордиться тем, что стала еще более цивилизованной и современной.

Впрочем, ее «современность» была, безусловно, ограниченной. Обычай брить брови и чернить зубы быстро уходил в небытие. Но когда под воздействием разрешения носить любую понравившуюся им прическу на улицах Токио стали появляться женщины с короткой стрижкой, мэрия запретила ее очень быстро. За такую стрижку штрафовали. Тем же, кто поспешил постричься до введения запрета, выдали справку – она позволяла избегать штрафа в течение 100–150 дней. Преобразования Мэйдзи были совершены исключительно мужчинами, и их облик преображался быстро. Но эти же мужчины не слишком приветствовали, чтобы изменения коснулись женщин. В их понимании, женщине надлежало хранить дом и традиции. Главной целью правительства было создание конкурентоспособной армии и обслуживавшей ее экономической структуры, а не создание эгалитарного общества европейского типа, где женщины стремительно выходили из-под власти мужчин. Для обучения за границу за счет государства отправлялись только мужчины. Пять девочек, которые входили в состав миссии Ивакура, остались единственными представительницами слабого пола, которых отправили учиться за границу за государственный счет.

Правительство остро нуждалось в инструменте, который помог бы донести до населения волю правительства. Чиновничий аппарат был пока малочислен и слаб, газетное дело еще не успело развиваться в достаточной степени. В этих условиях правительство в очередной раз обратило свой взор на Запад, где христианской церкви принадлежала выдающаяся роль в деле воплощения в жизнь решений властей. Японское правительство решило обратиться к помощи синтоистских жрецов и буддийских монахов. В марте вместо Министерства по делам синто было образовано Министерство религии. Прежние агитаторы (сэнкёси) были переименованы на христианский манер в «проповедников» (сэккёси). Их обязанности остались без изменений: внушать уважение к богам и любовь к родине; разъяснять сущность принципов Неба и Пути людей; внушать почтение к императору. Усилия власти по созданию государственной религии продолжались. Синто отводилась исключительная роль в этом новообразовании, но с его исключением из названия министерства поклонники буддизма и конфуцианства могли перевести дух.

В этом году Мэйдзи начал серию поездок по стране. С упразднением княжеств и ликвидацией застав страна обрела новое пространство, которое предстояло сделать единым. Причем это объединение осуществлялось не только экономическими, социальными и информационными мерами, но и средствами ритуальными. Одним из них и явились поездки Мэйдзи по стране. Значительную часть первой половины своего правления император провел в дороге. Он предъявлял себя своим подданным, являя собой символ единства страны и реализуя свои «склеивающие» потенции.

В первом таком путешествии Мэйдзи предстояло посетить те юго-западные княжества, которые сыграли решающую роль в свержении сёгуната. В обосновании этой поездки говорилось: сёгунат в течение долгих лет не выпускал императора за пределы дворца, но теперь он станет постоянно объезжать страну, чтобы узнать ее географию, климат, условия жизни своих подданных. Император сожалел, что есть еще такие места, где люди не имеют понятия о добросердечных планах государя, а это не может не помешать шествованию по пути прогресса и просвещения. В подтексте этого заявления содержалось признание того печального факта, что еще далеко не все жители Японии знают, кто является их сюзереном. Нужно было показать всем, что император – фигура более важная, чем бывший сёгун или князь. Еще одним предназначением такого путешествия была демонстрация того, что Мэйдзи освободился от прежних ограничений со стороны сёгуна. Теперь Токугава Ёсинобу безвыездно жил в Сидзуока, а император разъезжал по стране.

Сёгунат превратился в настоящего «козла отпущения». По любому случаю его объявляли виновным даже в том, в чем он виноват не был. Спору нет: сёгуны ограничили свободу перемещений императора до крайней степени. Но здесь стоит вспомнить, что уже в период Хэйан императоры предпочитали не покидать пределов своего дворца, выезды из него были чрезвычайно редки и ограничивались пригородами Киото. Уже в это время император ассоциировался с покоем, а не с движением.

План по визуализации императора был разработан Окубо Тосимити. Поскольку такое путешествие воспринималось как отступление от вековых традиций, киотосские аристократы выступили, как всегда, против. В этом году таких новшеств было слишком много. Достаточно сказать, что вслед за своими министрами император стал появляться на людях в европейской одежде и обуви. А поскольку теперь все чиновники стали носить европейскую обувь, то вместо соломенных циновок-татами полы дворца застелили коврами, чиновники и посетители перестали снимать перед входом обувь. Немыслимое нарушение правил хорошего тона!

Иностранцы, видевшие Мэйдзи в новом наряде, отмечали: в европейской обуви он чувствует себя неуверенно, его ноги как бы не принадлежат ему. В мае для пошива новой императорской одежды вызвали иностранного портного из Йокогамы. Похоже, что это был первый и последний раз, когда с Мэйдзи сняли мерку – ведь никому не позволялось дотрагиваться до императора.

Путешествие Мэйдзи началось в 4 часа утра 12 июля. Он покинул дворец верхом. Он был одет в приталенный черный шерстяной мундир с крючками вместо пуговиц. На груди золотой нитью была вышита хризантема, на спине – феникс. Брюки были с золотыми лампасами. На треуголке с поднятыми полями также красовался вышитый золотом феникс.

Погрузившись на борт корабля вместе с более чем 70 сопровождающими, Мэйдзи отправился в свое первое морское путешествие из порта Йокогамы. На борту корабля моряки встретили его в соответствии с европейскими флотскими традициями: духовой оркестр, подъем флага, 21 залп корабельных пушек.

Через два дня корабль бросил якорь в заливе Тоба, и Мэйдзи верхами двинулся на поклонение в святилище Исэ. Свита, одетая в европейское платье, шла пешком. Двое камергеров несли обернутые в красную материю ящички с мечом и яшмой. Люди, завидев процессию,

падали на колени и трижды хлопали в ладоши – точно так же, как и во время поклонения божеству.

Следующим пунктом назначения значилась Осака. Оттуда Мэйдзи направился по реке в Киото, куда он не приезжал уже больше трех лет. Дома на улицах были украшены зажженными бумажными фонариками. Как утверждает «Хроника императора Мэйдзи», не было ни одного человека, который бы не плакал от умиления, увидев в первый раз лицо своего повелителя^[92]. Мэйдзи проезжал по улицам Киото уже поздно вечером. Трудно сказать, могли ли в действительности горожане разглядеть его лицо. Вполне возможно также, что многие даже не могли отважиться сделать это. В народе было широко распространено убеждение, что если взглянуть на императора, то можно ослепнуть. Ведь он был потомком богини солнца.

В Киото Мэйдзи повидался со своими родственниками, поклонился гробнице отца, посетил выставку местной промышленности, две школы. В одной из них иностранные учителя преподавали английский, немецкий и французский языки. Промышленность и образование были приоритетными направлениями деятельности правительства.

После посещения императором Кагосима горожанам разрешили осмотреть то здание, где Мэйдзи останавливался на ночлег. Люди занимали очередь еще до рассвета, им жаловали амулеты – кусочки соломенной циновки, на которой молился Мэйдзи, иглы с веток криптомерии, которые украшали настил, где император отдыхал вечером. Из воспоминаний свидетелей более поздних путешествий Мэйдзи известно, что люди подбирали камушки с дороги, где проехал Мэйдзи. Они полагали: эти камушки принесут богатый урожай и семейное благополучие. В продаже появились цветные гравюры с изображением императорской процессии. На одной из них указывалось, что она предназначена для тех людей, которые не смогли увидеть императора самолично. При этом говорилось, что следует каждодневно поклоняться изображению, а неаккуратное обращение с ним приведет к «божественному наказанию»^[93]. Словом, Мэйдзи был для людей настоящим живым богом, и власти всячески поддерживали в них это убеждение.

Новый наряд императора казался настолько непривычным, что, когда Мэйдзи уже прибыл в Нагасаки, один местный горожанин даже подал петицию с просьбой отказаться от европейской одежды. Сайго Такамори вызвал его к себе и закричал: «Разве ты до сих пор не понял, как обстоят дела в нынешнем мире?» Сайго имел в виду, что теперь не только император, но и все его подданные «обречены» на то, чтобы сменить свое обличье.

Это путешествие, точно так же как и последующие выезды императора, назывались «дзюнко» или «гёко» («благословение императорским путешествием»). В Китае времен Ханьской империи считалось, что пребывание в непосредственной близости от императора приносит людям благополучие. Японский царедворец Фудзивара Нагаката (1140–1191) писал: «Считается, что? куда бы ни отправлялся Сын Неба, он приносит с собой счастье». Правительство Мэйдзи взяло на вооружение этот тезис.

Перебравшись на остров Сикоку, Мэйдзи посетил гробницы императоров Дзюннин и Сутоку. Усыпальницы японских императоров располагаются, как правило, в районе городов Нара – Киото, но два этих императора, жившие в VIII и XI веках, умерли в изгнании, отношение к ним было неоднозначным. Однако Мэйдзи хотел сказать, что чтит всех своих предшественников.

Заехав на обратном пути в Кобэ, император вернулся в Токио и обратился к подданным с посланием, подчеркивавшим важность образования. Правительственный указ об образовании появился 2 августа. Всего через четыре года после начала новой эпохи в Японии было введено всеобщее начальное четырехлетнее образование.

Всеобщим и обязательным оно оказалось только на словах. В следующем году начальную школу посещало только 28 процентов детей. Реформа образования была не слишком

подготовлена, денег в бюджете не хватало, но само намерение вызывает уважение: политическая элита отдавала себе отчет в том, что реформы осуществляют конкретные люди. И если они неграмотны, то самые благие намерения обречены на провал. В отличие от многих других правительственных мероприятий последующего времени, объяснительная записка Министерства образования, на основе которой и готовился указ, получилась на редкость либеральной. В ней утверждалось, что образование нужно прежде всего самому человеку – для того, чтобы его жизнь и карьера сложились удачно. Цели при этом указывались поистине грандиозные: «чтобы в любой деревне не было бы неграмотной семьи, чтобы в каждой семье не было бы ни одного неграмотного».

В так называемых «развивающихся странах» строительство образования обычно начинается с высшего звена – университетов. В результате имущественный и социальный разрыв между элитой и «простолюдинами» дополняется колоссальной разницей в уровне образования. Однако японские лидеры рассудили по-другому: основной акцент был сделан на начальном образовании. Правительство держало курс на разрушение прежней иерархии и создание социальной гомогенности.

Предполагалось открыть восемь университетов и более 53 760 школ – чтобы одна школа приходилась на 600 учеников. И без введения обязательного обучения Япония была страной весьма образованной. Еще до эпохи Мэйдзи около 40 процентов мужчин умели читать и писать (среди женщин – 15 процентов). Однако теперь менялась сама концепция того, чему надо учить. Наиболее решительную позицию занимал Фукудзава Юкити, призывавший к тотальному обновлению: «...Сила государства зависит от того, каково в нем просвещение. Если сравнить восточное конфуцианство с западным просвещением, то окажется, что Востоку недостает: в области конкретных знаний – математики и естествознания, в области отвлеченных принципов – чувства независимости. А как то, так и другое человечеству необходимо решительно во всем. Поэтому, если мы хотим, чтобы Япония сравнялась с западными державами, мы должны всеми силами изгонять из нашей страны конфуцианское просвещение» (перевод Н. И. Конрада). Чиновники Министерства образования под руководством Это Симпэй при разработке образовательной концепции активно пользовались работами Фукудзавы.

Дотаций Министерства образования и местных властей не хватало – родители доплачивали за обучение. Однако в реальности платили не все, родители часто несли в школу не деньги, а что-нибудь из съестного: учителя нередко бедствовали.

Поначалу далеко не всех введение начального образования привело в восторг. Многие крестьяне были недовольны тем, что их дети должны ходить в школу, а не помогать родителям в поле. Плата за обучение ложилась дополнительным бременем на тощий крестьянский бюджет. Случались даже серьезные волнения: крестьяне разрушали и жгли школы. Но все-таки подавляющее большинство подданных Мэйдзи полагало: образование – благо.

Большинство новых начальных школ являлись наследницами «храмовых школ» – «тэракоя», которые появляются еще в XV веке при буддийских храмах. Школы размещались также в деревенских частных домах. Однако достаточно споро шло и строительство новых школьных зданий.

Японская политическая элита приступала к преобразованиям, имея достаточно надежную основу: весьма грамотное население, значительная часть которого хотела учиться и дальше. В этом отношении правительство Мэйдзи было солидарно с народом, совокупные инвестиции в образование равнялись расходам на оборону. В то время на Западе существовала только одна страна, где расходы на образование превышали оборонный бюджет. Это была Америка. Япония являлась «развивающейся» страной. Обычно в таких странах военный бюджет резко превышает бюджет образовательный. Япония стала исключением, и это был правильный стратегический

выбор^[94].

В школах новой Японии «настоящих» учебников поначалу не было. В качестве учебных пособий использовали «Приглашение к учению» и «Жизнь на Западе» Фукудзава Юкити, а также переводные книги западных авторов, иные из которых были столь плохи, что вряд ли стоило их переводить. Один из вариантов «Книги для чтения в начальной школе» представлял собой почти дословный перевод американского учебника «Wilson Reader». Это было похоже на курс «америковедения»: японские дети узнавали, что их американские сверстники играют в бейсбол и спят на кроватях. Знания же о жизни в своей стране они получали не в школе, а на улице и дома. В любом случае школа давала такие знания, в овладении которыми родители помочь детям не могли. Школа создавала «информационную солидарность» между поколением школьников, но она же создавала информационный и культурный разрыв между детьми и родителями. Если родители и ходили в свое время в «храмовую школу», то учили их там совсем другому.

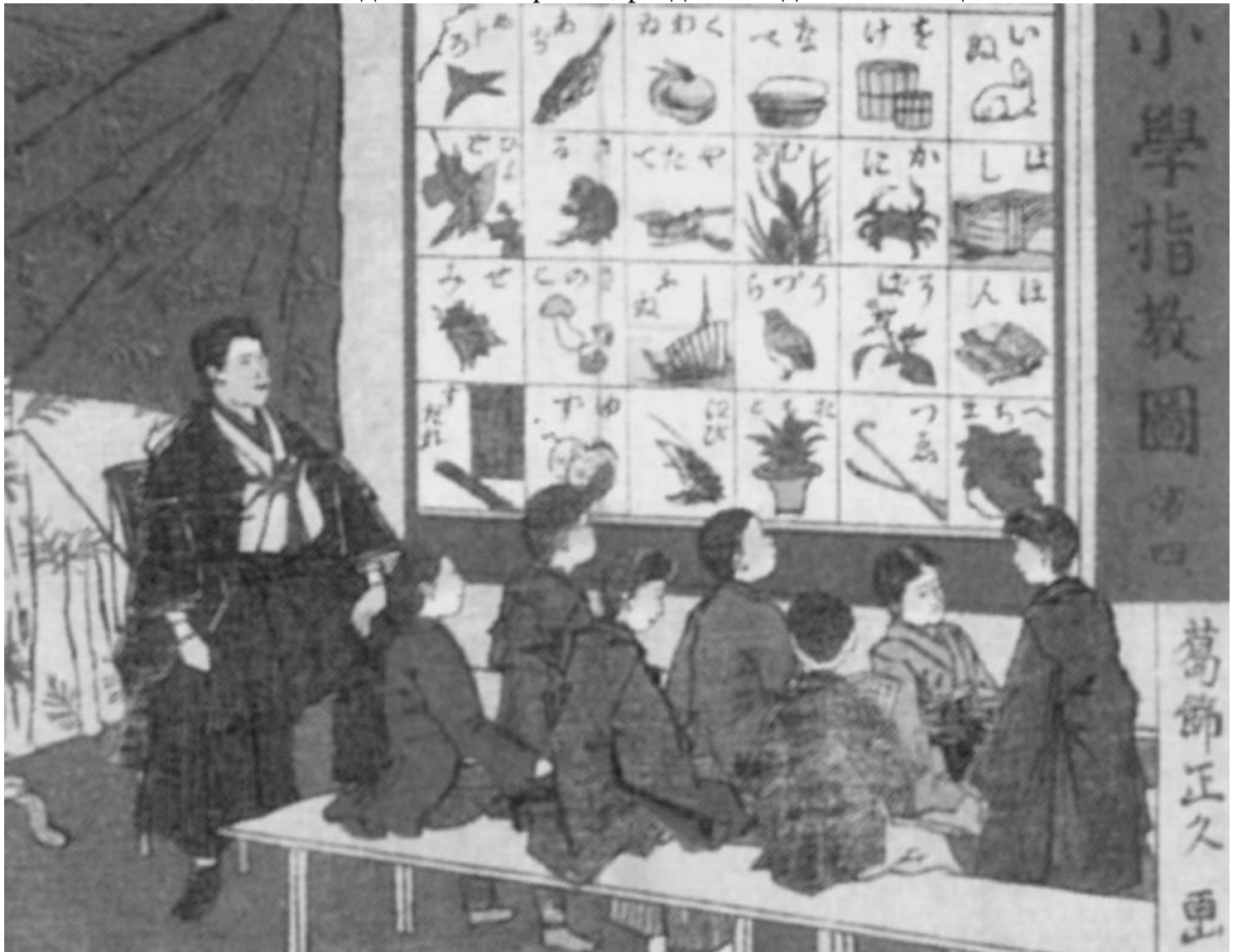
Упражнение в письме

Не только многие учебники были европейскими. Теперь во всех школах сидели не на циновках, а за партами, девочки учились вместе с мальчиками. Уже одно это приучало воспитанников совсем к другому образу жизни^[95].

Бумага была дорога, но японцы никогда не жили слишком богато — они привыкли к экономии, привыкли приспособливаться и делать вещи долгосрочного пользования. В эту пору в школах часто писали на специальных дощечках из глинистого сланца с помощью стержня из высушенной глины, вставленного в металлическую трубочку. Затем вместо тяжелых и неудобных

дощечек стали использовать и «вечную бумагу» — лист покрытого лаком картона, с которого легко стирались написанные тушью иероглифы.

Помимо чисто образовательных целей, перед школой стояли и другие задачи — государственной важности. Как уже неоднократно говорилось, правящая элита была озабочена конструированием японской нации. Одним из основных условий этого является создание общего для всего народа фонда знаний и памяти — все люди в стране должны уметь разговаривать на одном и том же языке, знать одни и те же факты, разделять одни и те же ценности.

Школьный класс

Несмотря на видимую простому глазу европеизацию, школа, естественно, оказалась все равно японской. Для заучивания азбуки учителя использовали стихотворение, которое приписывается буддийскому монаху Кукаю (774–835). В этом стихотворении встречаются все знаки японского алфавита. В переводе Н. И. Конрада стихотворение звучит так:

Красота сияет. Миг —
И увяла вся.
В нашем мире что, скажи,
Пребывает ввек?
Грани мира суеты
Ныне перейдя,
Брось пустые видеть сны
И пьянеть от них.

В этом стихотворении, которое каждый школьник был обязан затвердить наизусть, заключена непреходящая и горькая мудрость: все имеет свой конец, и с этим нужно смириться с самого начала. Прекрасное прекрасно именно потому, что оно проходит мгновенно. Школьники учились посюстороннему европейскому прагматизму, но не забывали и об относительности

своего собственного земного бытия. Еще в школе японцы получали надежную прививку против чрезмерной улыбочки и оптимизма.

Все иностранцы отмечали, что школьное дело поставлено в Японии очень хорошо. Но здания школ использовались не только для обучения детей. Школа была государственным учреждением, которое служило и для собраний взрослых. Например, именно в школах они могли знакомиться с правительственными указами. Чиновник зачитывал жителям очередное распоряжение властей, толковал его, после чего каждый прикладывал свою печать к ведомости. После этого никто не мог сказать, что он «не знал» об указе. В других случаях текст указа пускался вкруговую по домам. Но и здесь приложение печати было обязательным, хотя далеко не всегда смысл распоряжения оказывался понятен. Не все были грамотны, к тому же правительственные указы писались чрезвычайно трудным для понимания языком. Существовали и доски правительственных объявлений. Власти исходили из расчета – одна доска на 80 домов. Так подданные Мэйдзи узнавали о том, чего он хочет от них.

В токугавской Японии существовала весьма развитая по средневековым стандартам транспортная система. Сеть дорог и почтовых дворов покрывала страну. Однако колесный транспорт был запрещен, лошадей не хватало, из опасения мятежей сёгунат препятствовал строительству мостов, и переправы через реки превращались в мучение, дороги были по той же причине узкими. Почтовые дворы обслуживали крестьяне, мобилизованные по трудовой повинности, и они совершенно не были заинтересованы в том, чтобы пропускная способность дорог увеличилась. То, что считалось хорошим для прежних времен, оказалось полностью непригодным для новой Японии.

Это стало особенно ясно в результате войны с сёгуном, когда правительственные генералы не могли осуществить быстрой переброски войск к месту боевых действий. Правительство прекрасно понимало, что без транспортной инфраструктуры никакая модернизация невозможна. Для того чтобы поспеть за Западом, требовалась скорость и еще раз скорость. Поэтому в июне в Токио была образована «Компания сухопутных перевозок». Ее создали на основе почтовой службы, действовавшей еще во времена сёгуна. Ее пешие гонцы занимались доставкой писем и посылок по тракту Токайдо, соединявшему Эдо и Киото. Новое правительство поручило компании организовать всеяпонскую государственную почтовую службу. При поддержке правительства «Компания сухопутных перевозок» поглотила более мелкие частные службы доставки и образовала общенациональную сеть. Доставка осуществлялась на телегах с конной тягой, а также запряженными в двухколесные тележки людьми и пешими гонцами-почтальонами. В нескольких городах частные компании организовали дилижансные службы. Однако недостаток лошадей и совершенно непригодные для колесного транспорта узкие и лишенные твердого покрытия дороги делали чрезвычайно актуальным развитие морского и железнодорожного транспорта. Все японские дороги этого времени можно отнести к классу «проселочных» – после дождя они делались непроходимыми для гужевого транспорта. Отсутствие средств и опыта строительства не позволяли быстро решить проблему. Поддержание в порядке старых дорог и строительство новых было заботой местных властей и жителей, основным средством колесного передвижения долгое время оставались рикши.

Транспортные ограничения периода Токугава предопределили ситуацию, когда в Японии Мэйдзи стали сразу и одновременно развиваться все виды транспорта – колесного, морского, речного и железнодорожного.

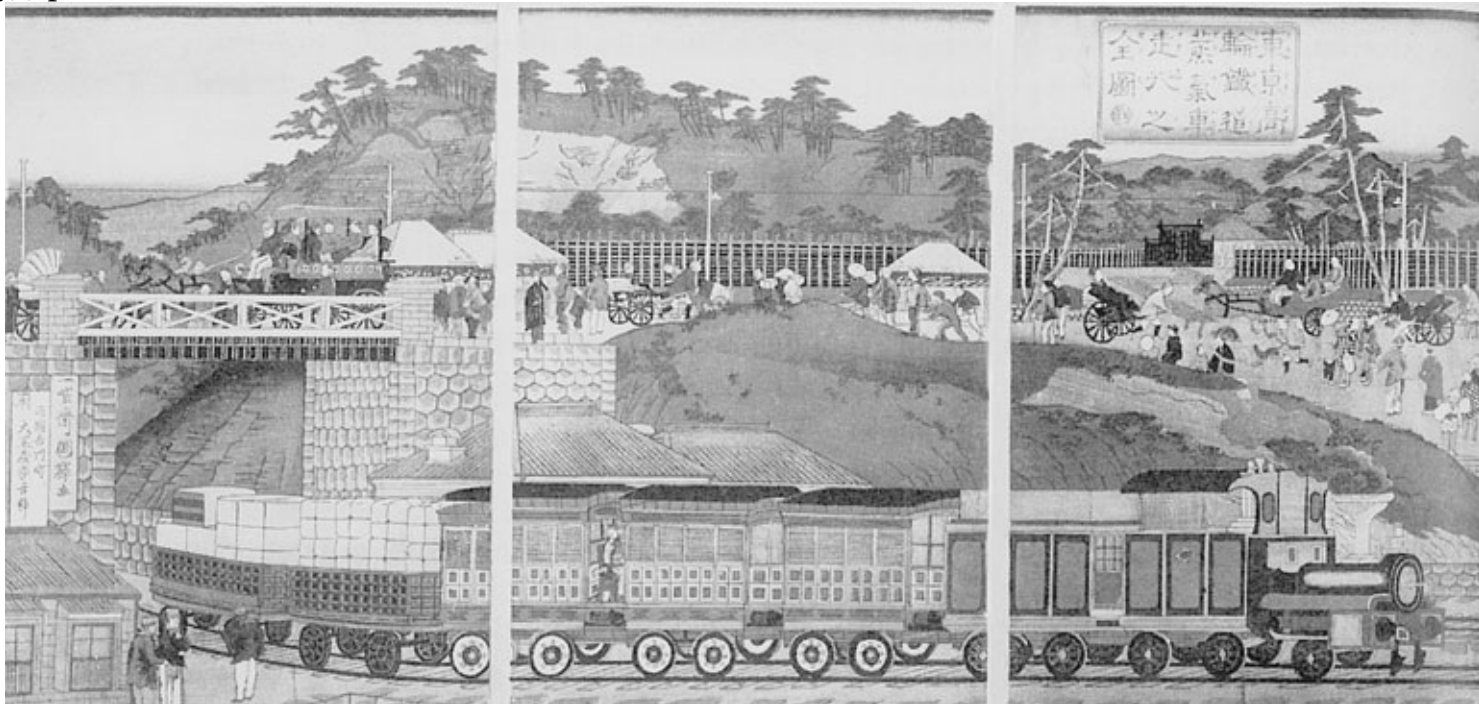
В этом году была введена в эксплуатацию первая линия железной дороги. Этот проект служил наглядным свидетельством того, какие блага несет с собой европейская цивилизация. О строительстве линии между Токио и Йокогамой протяженностью в 24 км объявили еще в марте 1870 года. Любопытство публики оказалось настолько велико, что художники немедленно

выбросили на рынок изображения поездов, которые они срисовывали из европейских книг и журналов.

Официальное открытие железной дороги состоялось 13 сентября. Дорогу строили под руководством английских инженеров, все оборудование импортировали из Европы. Здание вокзала Симбаси в Токио строилось по проекту американского архитектора. Раньше на этом месте находились деревянные усадьбы трех княжеств – Тацуно, Сэндай и Айдзу, которые упорно сопротивлялись установлению нового режима. Теперь новое окончательно победило старое, железо – дерево, а левостороннее движение – правостороннее. Разумеется, для постройки станции можно было бы подобрать и другое место. После победы над своими противниками режим Мэйдзи отнесся к ним со снисхождением и не стал уничтожать их физически. Но он символически похоронил их под рельсами прогресса.

До этого времени левостороннее движение было принято только в Англии и ее колониях. Япония стала первой (и, похоже, последней) страной, которая приняла левостороннее движение совершенно добровольно.

Посмотреть на отправление первого поезда собралась огромная толпа – от 60 до 100 тысяч человек. Сам император Мэйдзи приехал на ландо, изготовленном для него в Лондоне. В последний раз на официальном мероприятии он был облачен в традиционное японское платье. После церемонии открытия железной дороги он будет показываться на людях почти исключительно в военной форме европейского образца. Короткий указ Мэйдзи гласил, что железная дорога должна послужить развитию торговли и процветанию народа. Если бы указ был обнародован пару десятилетий спустя, слов о том, что железная дорога призвана «усилить великую Японию», было не избежать. Но пока что еще не каждая акция проходила по сценарию государственников.

Утагава Кунитэру II. Паровоз в Таканава, Токио (1870 г.)

Окна трех пассажирских вагончиков поезда трогательно занавешены бамбуковыми шторами – точно так же, как занавешивался паланкин. На самом деле в составе первого японского поезда было 8 вагонов: один вагон первого класса (рассчитан на 18 человек), два вагона второго класса (по 24 человека в каждом) и пять – третьего класса (по 44 человека). В. Крестовский отмечал, что разница между первым и вторым классом заключается исключительно в том, что в первом классе скамейки обиты красным сафьяном, а во втором – обтянуты камышовой плетенкой. «Японская публика ездит исключительно во втором, предоставляя европейцам платить вдвое за

удовольствие посидеть в течение сорока минут на красном сафьяне»^[96].

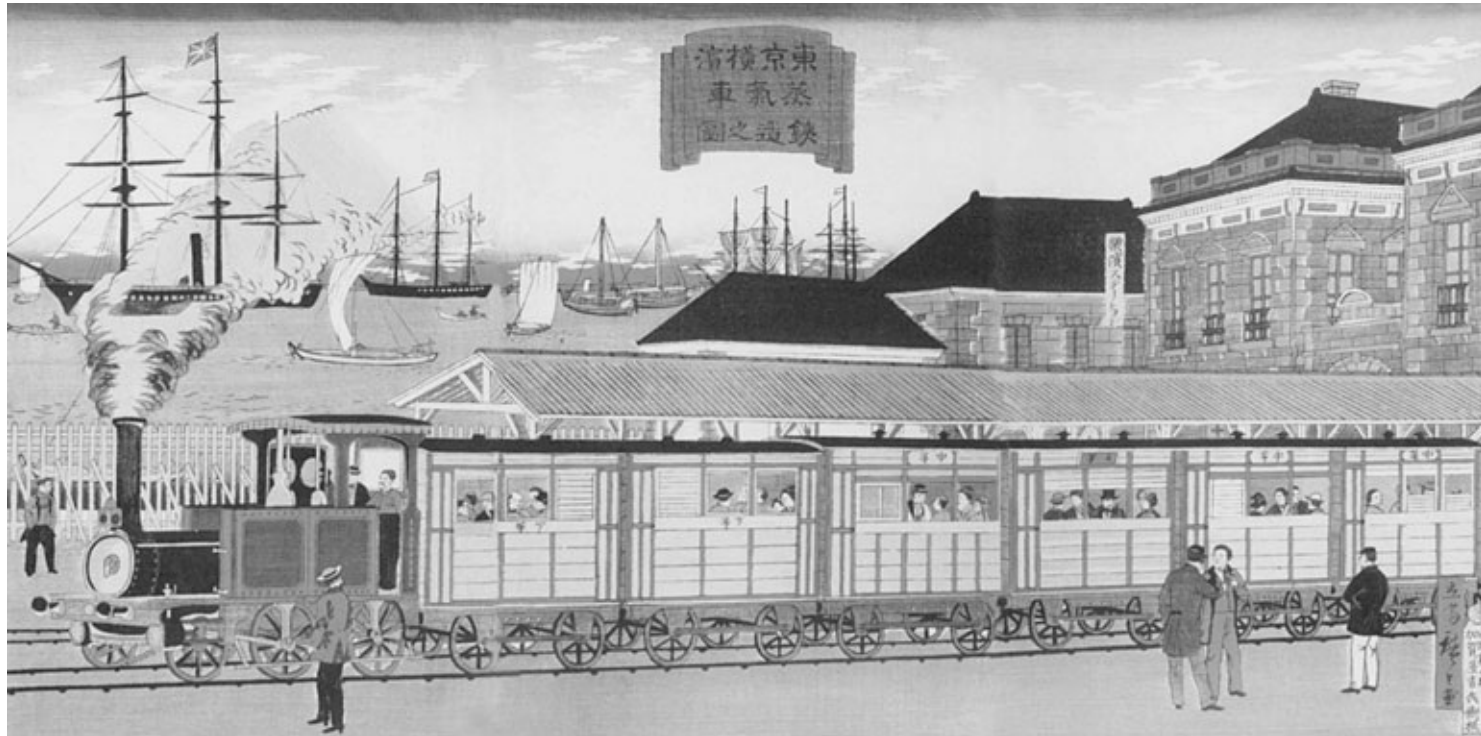
Под звуки гимна, сочиненного англичанином Д. Фентоном, Мэйдзи отправился в Иокогаму в составе, который обслуживала английская бригада. Вслед за ним в поезд погрузились министры его правительства, послы иностранных держав, придворные. В этот же день Мэйдзи вернулся обратно. Он путешествовал в обычном вагоне первого класса, персонального вагона у него пока что не было.

Публика была заворожена невиданным зрелищем. Многие думали, что вагоны поезда будут размером в обычный экипаж, но на самом деле деревянные вагоны оказались огромными – не меньше стандартного дома, в котором жило большинство японцев. «Дом» – это не только метафора. Поскольку японцы привыкли снимать обувь перед порогом дома, некоторые из них разувались прямо на платформе перед тем, как войти в вагон. Велико же было их удивление, когда на конечной станции они обнаруживали на выходе, что оказались без ботинок.

Поражала и скорость – расстояние между двумя станциями поезд преодолевал за 53 минуты! Ежедневно курсировало девять пар поездов. Они почти всегда были заполнены до отказа. И немудрено: ведь цена билета второго класса равнялась цене поездки на рикше, который пробегал тот же маршрут за 8—10 часов. Билет третьего класса стоил столько же, сколько и поездка на пароходе, продолжавшаяся 3–4 часа. Путешествие в конном экипаже занимало четыре часа.

Билет тогда называли привычным словом «пропуск» («тэгата»). Именно этим словом обозначались пропуска, выдававшиеся при сёгунате тем путешественникам, которые проходили через заставу. Но только раньше пропуск ни за какие деньги купить было нельзя. А теперь стоило только заплатить – и ты получал право на свободу передвижения. В вагонах разрешалось даже курить. Правда, запрещался табак нюхательный и жевательный. Но туалеты отсутствовали. Одного незадачливого пассажира оштрафовали за то, что он справлял малую нужду прямо из окна мчащегося на всех парах поезда. Сумма штрафа была весьма внушительной – 10 иен.

На примере железной дороги хорошо виден экономический курс страны. Иностранные предприниматели предлагали построить железную дорогу на свои средства, но получали решительный отказ: правительство всеми силами противилось прямым иностранным инвестициям. Однако свободных денег в стране было мало, и для строительства железной дороги заняли у Англии 100 миллионов фунтов стерлингов. Правительство предпочитало залезать в долги. Предпочтительнее – к самим японцам. Но это оказалось невозможно.

Утагава Хиросигэ III. Паровоз на железной дороге, соединяющей Токио и Иокогаму (1875 г.)

Строительство железной дороги между Киото и Осака планировалось еще в 1869 году. Правительство хотело взять заем у местных купцов на очень выгодных условиях (7 процентов годовых и половина прибыли), но оказалось, что местный капитал смотрел на новшество с подозрением.

Чиновники же одушевлялись идеей промышленного развития страны. Его идеологи прекрасно понимали, что современная экономическая и военная мощь зиждется не столько на сельском хозяйстве, сколько на промышленности. Находясь в Англии, Окубо Тосимити писал: «Нет места, где бы мы не побывали. И куда бы мы ни направлялись, нигде ничего не растет на земле, только уголь и сталь. Заводы выросли до невиданных размеров, и черный дым от самых разных производств поднимается к небу. Это служит достаточным объяснением богатства и могущества Англии»^[97]. Столкнувшись с нерешительностью предпринимателей и недостатком местного капитала, правительство стало вкладывать средства в строительство передовых заводов и фабрик, многие из которых оно на крайне льготных условиях продавало потом опомнившимся капиталистам.

В этом году была открыта не только государственная железная дорога, но и казенная шелкомотальная фабрика в Томиока, которая стала зримым свидетельством усилий правительства поощрению отечественной промышленности. Кирпич для постройки здания делали местные мастера по производству черепицы, вместо цемента использовали собственное изобретение – раствор, приготовленный на основе древесного угля. Проект был французским, японским строителям стоило немалого труда перевести метры в привычные меры длины. А этих метров вышло немало – здание имело 142 метра в длину.

Фабрика в Томиока

Новейшее оборудование с паровыми двигателями закупили во Франции и Италии. Однако после окончания строительства неожиданно возникла проблема: местные жительницы не хотели наниматься на работу – они увидели, как французы пьют красное вино: пронесся слух, что они пьют человеческую кровь, крестьянки опасались, что теперь настал их черед. Японскому управляющему пришлось послать работать на фабрику свою тринадцатилетнюю дочь, а правительство обязало несколько префектур прислать на фабрику работниц. К октябрю на фабрике трудилось 404 человека.

Японии была нужна валюта, шелк в Европе и Америке был в моде. Фабрика в Томиока служила ориентиром для быстро развивавшейся легкой промышленности, став одним из символов прогресса.

Открытие железнодорожного сообщения имело огромное значение не только с точки зрения

скорости передвижения. Поезда ходили по расписанию. Японцам пришлось привыкать, что значение имеют не только часы, но и минуты. В расписании поездов говорилось: «Люди, которые намереваются попасть на поезд, должны прибыть на станцию по крайней мере за 15 минут перед отправлением поезда, купить билеты и совершить другие необходимые действия. Для того чтобы избежать задержки отправления, станции закрываются за 5 минут до отправления поезда».

Но как узнать, сколько сейчас времени? Японские сутки были разделены на 12 промежутков (страж) – шесть днем и шесть ночью. Поскольку начало дня наступало с восходом солнца, то продолжительность ночной и дневной стражи различалась в зависимости от времени года. Различалась она и в разных географических точках. Часов в Японии почти ни у кого не имелось. Тем более карманных. Напольные часы были настолько дороги, что их называли «княжескими». Простолюдины же узнавали время по звуку колокола в буддийском храме.

Понимая эти трудности, руководство железной дороги еще до открытия движения обратилось к властям с таким предложением: «Для успешного функционирования железной дороги необходимо установить правила, чтобы все люди в столице придерживались одного и того же времени. Большой колокол храма Дзодзодзи в Сиба следует перенести на вершину горы Атаго, где он станет каждый день и каждую ночь отбивать часы – с 1 до 12. Если люди в столице будут сверять время отправления и прибытия поездов с ударами колокола, это послужит всеобщему удобству горожан. В случае положительного решения вопроса колокол следует перенести немедленно и информировать о том градоначальника Токио».

Колокол перенесли на гору Атаго, его удары синхронизировали с залпами пушки, палившей в бывшем сёгунском замке. Предполагалось, что счастливые обладатели часов будут сверять свои стрелки по залпам и звону колокола. Так появилось общегородское время. Железнодорожное время с ним совпадало. Однако вопрос о минутах оставался нерешенным. Разумеется, на станциях установили часы. Часы стали помещать в учреждениях, в школах, банках, на городских зданиях. Но этого оказалось все-таки мало. Задача состояла в том, чтобы часы были у всех.

Древние японские источники свидетельствуют, что уже в VIII веке чиновников обязывали являться во дворец императора, то есть в присутствие, к определенному часу. Таким образом, важность времени для государственных дел была осознана очень давно. Другое дело, что цена деления того традиционного времени была достаточно велика. Европейцы, проживавшие в Японии в начале эпохи Мэйдзи, отмечали, что опоздание на полчаса является для японца совершенно обычным. Отец Николай с раздражением свидетельствовал: «Из Янаицу призвали дзинрикися, к сожалению, весьма поздно, по обычной японской медлительности и неаккуратности; едва в половине 9-го ч.». И это при том, что время отъезда было назначено на пять часов утра^[98]. Железная дорога также не отличалась пунктуальностью. На опоздание в 15–20 минут никто не обращал внимания.

Значительная часть общества, похоже, осознавала недопустимость такого положения. Продажа часов в стране набирала обороты. Часы стали чуть ли не первым западным предметом длительного пользования, который получил в Японии действительно широкое распространение.

Перспектива. К концу эпохи Мэйдзи более 70 процентов семей располагали напольными и настенными часами. Что касается карманных и начавших входить в обиход наручных часов, то ими пользовались около 10 процентов населения^[99].

Открытие железнодорожного сообщения между Токио и Иокогамой практически совпало с переходом на солнечный календарь.

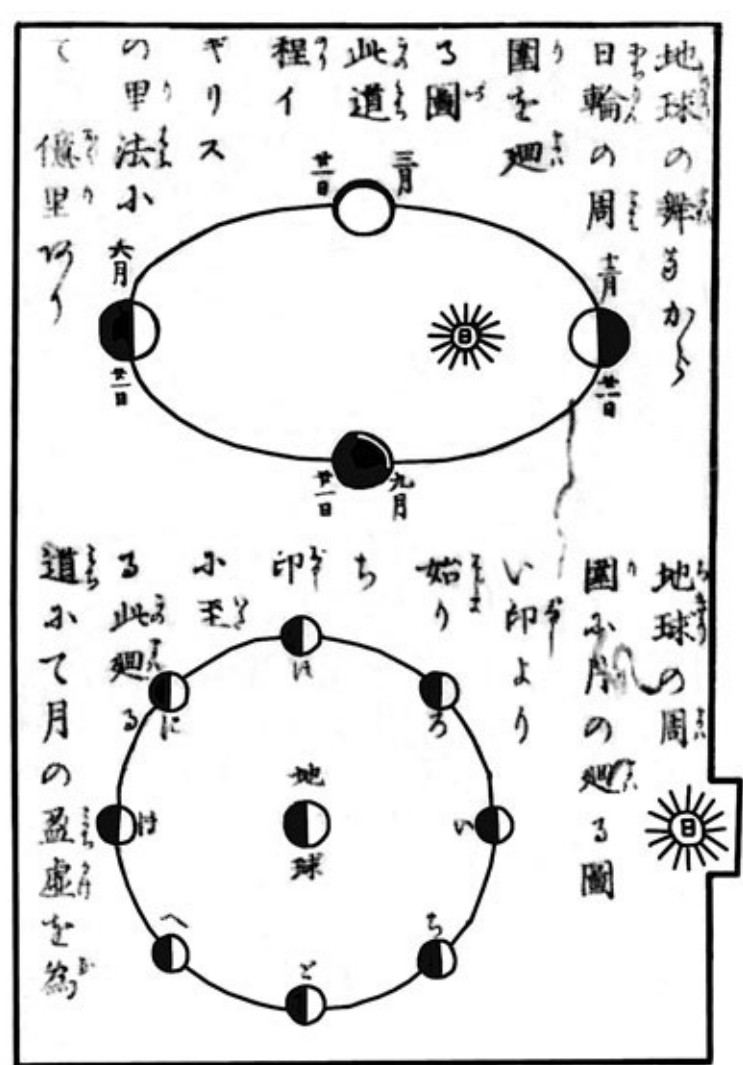
9-го дня 11-й луны был обнародован указ об отказе от лунного календаря и переходе на

солнечный (григорианский). В нем, в частности, говорилось: «...чтобы сделать нашу страну современной и реформировать старые обычаи с целью приближения народа к цивилизации, наличествует насущная необходимость пересмотреть закон о календаре. Существующая система с ее делением дня на стражи, продолжительность которых зависит от длины дня и ночи, создает огромные неудобства для всех институций. Повелеваем опубликовать солнечный календарь повсеместно во всей стране. не только для того, чтобы ввести правильный календарный порядок, но и для того, чтобы способствовать просвещению людей...»

Из указа хорошо видно, что переход на солнечный календарь считался делом не только практическим, но и идеологическим. Назначением нового календаря было обеспечение развития страны и вхождение в семью «цивилизованных» стран. О том, что носителем цивилизованности может являться и Япония, в то время не помышлял никто.

Совершенно не случайно, что переход на новое время осуществлялся от имени императора. В Японии, вслед за Китаем, именно император считался «хозяином» времени. Это было обусловлено тем, что император отвечает за «правильное чередование сезонов», то есть, говоря современным языком, за погоду. Его молитвы были призваны обеспечить своевременное выпадение осадков и, в конечном итоге, богатый урожай^[100].

В соответствии с указом 3-й день 12-й луны 5-го года девиза Мэйдзи предлагалось считать первым днем января 6-го года. Получалось, что у людей «украли» целый месяц. Государственным чиновникам жалование за декабрь не заплатили. Но не это стало главным последствием перехода на солнечный календарь. Отказавшись от лунного календаря, новое правительство в одночасье упразднило всю ту сложнейшую систему, которая предписывала, какой день считать «счастливым», а какой – нет. Теперь и сам Мэйдзи, и все его подданные могли начинать дела и путешествовать в любом направлении, когда только им заблагорассудится. Разумеется, отказ от прежних табу не мог произойти сразу, но теперь старая система была обречена на отмирание.

Правительство приняло решение о переходе на солнечный календарь, но не озаботилось тем, чтобы разъяснить населению его суть. Эту миссию взял на себя неугомонный Фукудзава Юкити, выпустивший брошюру, которая стала его очередным бестселлером.

Итак, солнечный календарь ввели в действие. Но при этом не отменили летоисчисление по девизам правления. Внутри страны продолжался прежний счет лет по девизу правления Мэйдзи. В этом сказалась не только дань традиции, но и древнее убеждение в том, что наличие собственных девизов правления является признаком независимости страны. Страна, зависимая от Китая (например, Корея), жила по девизам правления китайских императоров. Если бы Япония перешла на европейский (христианский!) счет лет, для многих это означало бы, что страна утратила свою независимость.

Перспектива. Такого же «двойного счета» времени Япония придерживается и ныне – летоисчисление, ведущее счет от Рождества Христова, уживается с девизами правления, то есть со временем, по которому живет только Япония. Сам Китай с падением Цинской династии с 1912 года живет по христианскому времени. На сегодняшний день Япония – единственная страна в мире, где продолжают существовать девизы правления, вся государственная документация ведется в соответствии с нынешним девизом правления Хэйсэй – «Установление мира [на Земле и на Небе]».

Европейскому календарю был создан и еще один национальный противовес. 15-го дня 11-й луны вышло распоряжение считать 29 января общенациональным праздником. Дело в том, что,

согласно записям мифолого-летописного свода «Нихон сёки», первый легендарный японский император Дзимму якобы вошел на трон якобы в первый день первой луны ровно 2503 года назад, т. е. в 660 году до Рождества Христова. А новый лунный год начинался в 1873 году 29 января. То есть один и тот же год в зависимости от желания можно было считать 1873-м годом от Рождества Христа, 2503-м годом со дня основания японского государства или же 6-м годом правления Мэйдзи.

История с принятием нового календаря очень показательна для стратегии правительства Мэйдзи. Согласно этой стратегии, каждое нововведение должно уравниваться элементом традиции. Традиции действительной или изобретенной. Счет лет со дня «основания империи» раньше в Японии принят не был.

Одновременно с открытием железнодорожного сообщения была введена в строй и первая телеграфная линия. Ее протянули между Токио и Иокогамой. Плата была велика, но зато телеграмма доходила до адресата с невероятной скоростью – за 53 минуты. Страна стала стремительно покрываться густой сетью телеграфных проводов.

Не обходилось и без недоразумений. Газеты сообщали: некоторые люди, чересчур уверовавшие в возможности технического процесса и услышавшие о том, что по проводам можно «передавать», привязывали к столбу свои посылочки, ожидая их немедленной доставки в место назначения. Впрочем, вряд ли таких людей насчитывалось слишком много.

Каждый день приносил что-то новое. В этом году пришла мода на кроликов. Особой популярностью пользовались кролики импортные. В страну их завезли 15 тысяч. Люди платили за них немалые деньги. Невероятно ценились экземпляры диковинных расцветок. Этим пользовались мошенники, которые яркими красками расписывали бедных животных в самые невероятные цвета.

В октябре Министерство юстиции вынесло историческое решение, запрещавшее торговлю людьми. До этого времени продажа бедняками своих дочерей владельцам публичных домов и увеселительных заведений была вполне обычным делом. На практике это выглядело так: родители брали заем у хозяина публичного дома, а в качестве залога предоставляли свою дочь. Если они не могли или не хотели отдать долг, девушка оставалась у хозяина. Зарплату она получала, но выкупиться удавалось немногим. Теперь же долги проституток прощались, а родители имели право отдать своих чад только в ученики для овладения каким-нибудь мастерством или искусством. При этом специально подчеркивалось, что в публичных домах учиться нечему. Однако, несмотря на это распоряжение, тайная продажа девушек в публичные дома практиковалась еще несколько десятилетий.

Непосредственной причиной, побудившей правительство озаботиться судьбами бесправных подданных, послужили события, развернувшиеся на перуанском корабле «Мария Луз». Эти события получили широкую международную огласку.

В середине XIX века поток чернокожих рабов из Африки стал истощаться, но южноамериканским латифундистам требовались все новые и новые рабы. Выход был найден – их стали ввозить из Китая. В июне в порт Иокогамы для проведения экстренного ремонта зашло перуанское судно, следовавшее из Макао. На его борту находился 231 рабочий-кули. Во время стоянки один из китайцев спрыгнул в воду, его подобрал английский корабль и передал местным властям. Китаец рассказал о том зверском обращении, которому подвергаются его товарищи. Тем не менее японские власти вернули его перуанскому капитану с условием не наказывать беглеца. Капитан не послушался. Когда британский посланник поднялся на борт корабля, он обнаружил, что условия контракта не соблюдаются, кули живут в нечеловеческих условиях. Получив это сообщение, министр иностранных дел Соэдзима запретил кораблю сниматься с якоря. Состоялся суд, который нашел условия контракта незаконными и постановил освободить

китайцев. Впоследствии из Перу прибыла специальная миссия. Она попросила передать дело в международный арбитраж. В качестве судьи японцы избрали Александра II, который 12 лет назад избавил Россию от крепостного права. Русский царь признал действия японских властей совершенно законными.

В ходе суда перуанская сторона, которую представлял английский адвокат, заявляла, что Япония не имеет никакого права осуждать капитана из Перу, поскольку в самой Японии процветает работорговля. Упрек был справедлив, японские власти отреагировали на удивление быстро.

Инцидент с перуанским кораблем и забота о собственных проститутках пошли на пользу международному престижу Японии – к этому времени продажа людей была запрещена даже в Америке и России.

1873 год

6-й год правления Мэйдзи

Раньше празднование Нового года означало приход весны. Дальневосточный Новый год случается в конце января – феврале, когда в Японии уже зацветает слива. Однако с переходом на солнечный календарь в первый день года о наступлении весны можно было только мечтать. 1 января привычное сочинение стихов о теплом весеннем ветерке, прогоняющем зиму, казалось абсурдом. Зато дипломатическому корпусу и иностранцам, состоявшим на службе у японского правительства, было позволено поздравить Мэйдзи с наступлением нового года. Причем не только дипломатам, но и их женам. Правда, в этот год только жены русского и американского посланников отважились посетить императора.

Миссия Ивакура продолжала свое путешествие. Ее членам часто пеняли, что в Японии до сих пор преследуют христиан. В ответ на это правительство поступило весьма дипломатично: запрет на христианство окончательно не отменили, но запрещающий христианство указ XVII века, который был вывешен в публичных местах, 24 февраля убрали. Мотивация была замечательной – этот указ можно убрать, потому что за прошедшие со дня его обнародования годы все японцы и так успели выучить его наизусть^[101]. Теперь власти смотрели на деятельность христианских проповедников сквозь пальцы.

В этом году отец Николай открыл в Токио православную семинарию. За год до этого сам министр иностранных дел Созэдзима поспособствовал приобретению довольно обширного участка в районе Суругадай. Однако кто-то пожаловался в правительство, что в своих проповедях Николай учит непочтительности по отношению к императору. Это было откровенной ложью, но Николаю пришлось написать объяснительную записку, в которой он торжественно поклялся: православная церковь, в соответствии со Священным Писанием, учит повиновению властям.

В этом году впервые праздновали два новых праздника – День основания империи и День рождения Мэйдзи. Одновременно отменялись все прежние праздничные дни, которые привыкли отмечать в деревне. При Токугава праздничные дни определялись самой общиной, «проклятый» сёгуна не вмешивался во внутренний производственно-праздничный ритм деревни. Сёгуна и князей интересовали вовремя заплаченные налоги, власть над душами интересовала их в меньшей степени. С установлением нового режима люди и вправду избавились от многих ограничений прошлого. Но не будем забывать: «освобождение» от «феодалных пут» привело и к тому, что подданные Мэйдзи потеряли значительную часть своих прежних прав и приобрели множество новых обязанностей. В частности, обязанность отдыхать в предписанные дни. Так государство недвусмысленно напоминало народу, кто является истинным хозяином времени.

Крестьянам предписывалось справлять день рождения императора. Они, как умели, делали это. Возле дороги втыкали дощечку с надписью «государь-император Муцухито» и устраивали возле нее жертвенник с бутылками сакэ, цветами и фруктами^[102]. Точно так же они почитали и других божеств.

В конце существования сёгуната количество праздничных дней в деревне достигало 60–90 в год, и двух государственных праздников показалось мало. Так что в октябре приняли решение о введении еще шести новых праздничных дней.

3 января – Гэнсисай (Праздник начала). Учрежден в честь схождения на Землю Ниниги-но Микото, внука богини солнца Аматэрасу. С этого времени начинается вечное правление на земле потомков солнечной богини.

5 января – Новогодний пир. Во дворце Мэйдзи он проводился с приглашением политической элиты и иностранцев.

30 января – День поминовения императора Комэй.

3 апреля – День смерти первоимператора Дзимму.

17 сентября – Праздник вкушения божествами нового урожая (Каннамэсай). Вначале справлялся 17 сентября, в 1879 году перенесен на 17 октября. Включал в себя приношения плодами нового урожая на алтари святилищ в императорском дворце и в Исэ.

23 ноября – Праздник урожая (Ниинамэсай). Древний сельскохозяйственный праздник, главный смысл которого заключался в «кормлении» императора новым урожаем.

Перечисленные праздники (ритуалы) имели в основном древнее происхождение или же основание. Однако раньше эти ритуалы справлялись только придворной знатью, теперь же в них предлагалось участвовать всему населению. Главной целью этих праздников было создание общенационального пространства и времени, в центре которых находится действующий император и его династия. Праздники служили регулярным напоминанием о том, что ритм жизни всякого японца, где бы он ни находился, задается учрежденным государством временем, которое в этом своем качестве равносильно самой природе в ее циклическом и вечном движении. Во время общенациональных празднеств незримое присутствие императора должны были ощутить все его подданные сразу. Раньше народные праздники в различных деревнях зачастую праздновались в разное время, их набор не совпадал. Теперь же общенациональные праздники проводились в один и тот же день по всей стране. В этот день по всей стране вывешивались национальные флаги. Вывешивать их в другие дни (например, во время местных храмовых празднеств) было запрещено.

Если в Европе многие праздники имеют христианское происхождение и потому их роль в значительной мере служит объединяющим все христианские страны началом, то в Японии подавляющее большинство общенациональных праздников не имело зарубежных аналогов (исключение составляет лишь Новый год). Буддийские праздники и годовщины, которые могли бы выполнить роль, аналогичную христианским, востребованы правительством Мэйдзи не были.

Таким образом, в Японии актуализировался миф национальный, а не интернациональный, и вся система была выстроена в расчете на выделение Японии и японцев в качестве обладающих неповторимыми характеристиками. И это при том, что сама идея общенародных праздников была подсказана европейским опытом. Интересно, что в отличие от европейских стран, где смена власти и революционные события часто фиксируются в календаре, в календаре японских праздников реставрация (революция) Мэйдзи не отражена никак. Японская власть стремилась подчеркнуть в данном случае не столько идею новизны власти, сколько идею преемственности.

В сентябре произошла очередная церемония освящения нового святилища в Исэ. Это был древний ритуал, согласно которому один раз в 20 лет рядом со старым святилищем строили его точную копию. Старое святилище при этом уничтожалось. Основной смысл этой церемонии заключался в обновлении национального космоса. После освящения появилось предписание, согласно которому жители страны были обязаны в определенные дни поклоняться святилищу в Исэ. Таких дней за год насчитывалось 46. Помимо «регулярных» молений в 1-й и 15-й дни каждого месяца ритуалы концентрировались в конце и начале года, в 6-й и 9-й лунах. Подавляющее большинство из этих дней никогда не имели непосредственного отношения к Исэ. Это была традиционная обрядность, связанная с наступлением нового года, молениями о дожде и праздником урожая. Однако теперь жителям предписывалось осознать, что они подчиняются не своему привычному годовому ритму – его пульсирование обуславливалось прародительницей императорского рода Аматаэрасу. Молитву следовало проводить, обратившись в сторону Исэ. Местные власти должны были подавать отчеты о том, как прошел ритуал и кто на нем

присутствовал. Для постоянного напоминания о существовании главного святилища страны власти регулярно собирали с каждого двора взносы на его содержание^[103]. Власти поставили цель обеспечить каждый двор амулетом – узким полотняным куском материи из самого Исэ. В результате успешного осуществления плана было продано 7 миллионов таких амулетов^[104].

Так создавалось общенациональное время, ход которого диктуется императорским родом. Так конструировалась и общенациональная сакральная топография, определенные точки которой обладали для всех подданных одинаковой значимостью. Святилище Исэ рассматривалось при этом как ритуальная точка отсчета, а все другие святилища в стране – как его филиалы.

При сёгунате аристократы, князья и их самураи не были занесены в подворные списки. Все остальные жители были приписаны к буддийским храмам, которые, таким образом, выступали как составная часть административного аппарата. Поскольку новое правительство держало курс на превращение синто в государственную религию, то в октябре эту функцию по регистрации населения решили передать синтоистским святилищам. Теперь все японцы должны были числиться прихожанами святилищ.

Перспектива. Затея закончилась провалом. Несмотря на все старания правительства, синтоистские жрецы не сумели выполнить технических функций низшего звена государственного аппарата – они оказались слишком необразованными и непривычными для исполнения административных задач.

Этот год принес японским юношам неприятные новшества. После окончания новогодних праздников 10 января было объявлено о введении воинской повинности. Ее активного поборника Омура Масудзиро убили, но его дело продолжил Ямагата Аритомо.

Во время франко-прусской войны Япония объявила о своем нейтралитете, но отправила в Европу двух наблюдателей. Их донесения окончательно убедили в необходимости введения воинской повинности. Особенно впечатляющим выглядел опыт Пруссии, которая сумела мобилизовать 700 тысяч человек.

Императорский указ начинался с критики самураев. Утверждалось, что они без суда и следствия могли убивать простых людей. Это, естественно, являлось нарушением заветов древности, а потому ныне следовало вернуться к ее незамутненности, но учитывая при этом и иностранный опыт. Теперь, когда княжества ликвидированы, люди обрели свободу и должны постараться для блага государства. Логика нарождающегося тоталитаризма была поистине «убийственной»: с обретением «свободы» после прохождения обязательного образования следовало непременно послужить государству еще и в качестве его защитника.

Ямагата Аритомо

Призыву подлежали молодые люди, достигшие двадцатилетнего возраста. Срок службы определялся в три года. Призыва могли избежать государственные служащие, студенты государственных учебных заведений, главы семейств, единственные сыновья в семье. От службы разрешалось и откупиться. Правда, сумма была огромной – 270 иен. Вполне приемлемое жалование составляло в то время 12–14 иен в месяц. Немногочисленные богачи предпочитали заплатить отступного, юноши калечили себя, получали (покупали) справку о своей нетрудоспособности или нетрудоспособности родителей, главы дворов прилагали все усилия, чтобы подделать семейные списки, сообщали властям неверный год рождения будущего солдата. Благо к этому времени система учета и контроля еще не устоялась. Усыновление было обычной практикой того времени, и если потенциального новобранца усыновляли в семье, где не имелось сыновей или же приемному отцу исполнилось 60 лет, юноша тоже получал освобождение от армии. Находилось и немало людей, которые усыновляли за приличное вознаграждение. Но оно было все равно намного меньше, чем плата за официальное освобождение от службы. Юноши, чей рост не превышал 154,5 см (через два года снижен до 151,5 см), призыву также не подлежали. В продаже появилась книга, рассказывавшая о том, как можно избежать воинской повинности.

Словом, поначалу 80–90 процентам молодых людей удавалось тем или иным способом избежать призыва. Причем в несколько ближайших лет количество уклонившихся только возрастало. Правительство явно не контролировало ситуацию. Видимо, на этом этапе это было попросту невозможно. До прусского идеала оставалось еще очень далеко, никаких войн – ни оборонительных, ни захватнических – страна вести не могла, обсуждавшаяся в этом году экспедиция в Корею стала бы настоящей катастрофой. Воинская повинность стала

действительно всеобщей только ко времени русско-японской войны. Но начало все равно было положено, намерения правительства не вызвали сомнений. Денег в казне было мало, но военные расходы все равно составляли около 20 процентов бюджета.

Военная реформа в том виде, в каком она была реально проведена, имела своей непосредственной целью выбить почву из-под ног самураев. Они полагали, что имеют право на получение государственных пенсий потому, что являются единственными защитниками страны. Теперь этот аргумент перестал работать, теперь они получали пенсию только потому, что правительство оказывало им такую «милость».

Реформа имела и стратегические цели. Для неграмотных солдат в армии устраивали школьные занятия, юноши из разных префектур общались друг с другом, проходя службу, они были объединены одной главной целью – защитой своего императора. Предполагалось, что эта общая цель поможет создать новую общность под названием «японский народ». Будущее покажет, что это был правильный расчет.

В момент введения «всеобщая» воинская повинность оказалась в реальности ограниченной. Но она все равно не понравилась многим крестьянам, люди еще не успели проникнуться осознанием того, что военная служба является их «почетной обязанностью». Крестьянам нужно было выращивать рис, горожанам – зарабатывать на него. Защита императора и родины казалась им досадной помехой для своих производительных трудов.

По стране прокатилась волна крестьянских восстаний. При Токугава крестьянин платил налоги, но не служил в армии. Теперь он продолжал эти налоги платить, но государство лишало его столь необходимых в хозяйстве рук. Не обошлось и без трагических недоразумений, вызванных лингвистической глухотой разработчиков реформы. Дело в том, что в разъяснениях, сопровождавших указ о введении повинности, патетически утверждалось: служба в армии – это «налог кровью» («кэцудзэй»), который каждый подданный обязан заплатить своему государству. При этом подчеркивалось, что в западных странах именно так и обстоит дело.

Страх перед благодетельным правительством и ужас перед иностранцами сделали свое дело. 3000 крестьян из Ходзё (префектура Окаяма) восприняли это выражение чересчур буквально. Они подумали, что теперь государство станет забирать у новобранцев их кровь и пускать на свои патриотические нужды – использовать на красители и для производства каких-то диковинных лекарств. Поползли слухи о приближении отрядов в белых халатах. Кроме того, говорили, что теперь париев-эта правительство поставило выше обычных крестьян. Поскольку никаких убийц в белых халатах не обнаружилось, разгневанные крестьяне из Ходзё сожгли деревню париев, стали выступать не только против воинской повинности, но и против школ, западных причесок, употребления в пищу мяса. Волнения, сопровождавшиеся погромами магазинов и государственных учреждений, прокатились также по Хоккайдо и префектуре Фукуока. Многие крестьяне опасались, что призыв в армию означает немедленную отправку в Корею, возможность нападения на которую тогда обсуждалась с таким энтузиазмом. Беспорядки подавили, сотни людей были убиты. Различным наказаниям подверглись около 27 тысяч человек, 15 человек из их числа приговорили к смертной казни.

Время было такое: любой слух казался правдой. Это говорит о том, что население страны напряженно ожидало от властей любого подвоха в любую минуту. Впрочем, свой «налог кровью» крестьянам заплатить все-таки пришлось – убитые и казненные действительно пролили свою кровь на жертвенник под названием «государство». Большинство из них были неграмотными или же малограмотными. Только грамотный человек способен забыть про свой непосредственный опыт и ясно представить себе то, чего он никогда в жизни не видел и не увидит. В данном случае имеется в виду «нация» или же «родина».

Недовольство военной реформой высказывали и самураи: их приравнили к «черни», лишив

главной привилегии – быть единственными в стране обладателями оружия. Правительству направлялись протестные обращения, в которых утверждалось, что крестьяне не способны жертвовать собой во имя высших государственных интересов. В одном из них говорилось: доверить им оборону страны – все равно что взваливать на кошку с собакой груз, посильный только для лошади и вола. Многие из прежних самураев стали впоследствии офицерами в новой армии и полиции, но в первый момент самураи находились в шоке, ибо служить вместе с «деревенщиной» они считали ниже своего достоинства. Особенно недовольны были воины императорской гвардии, многие из которых послужили своим оружием императору в гражданской войне всего пять лет назад.

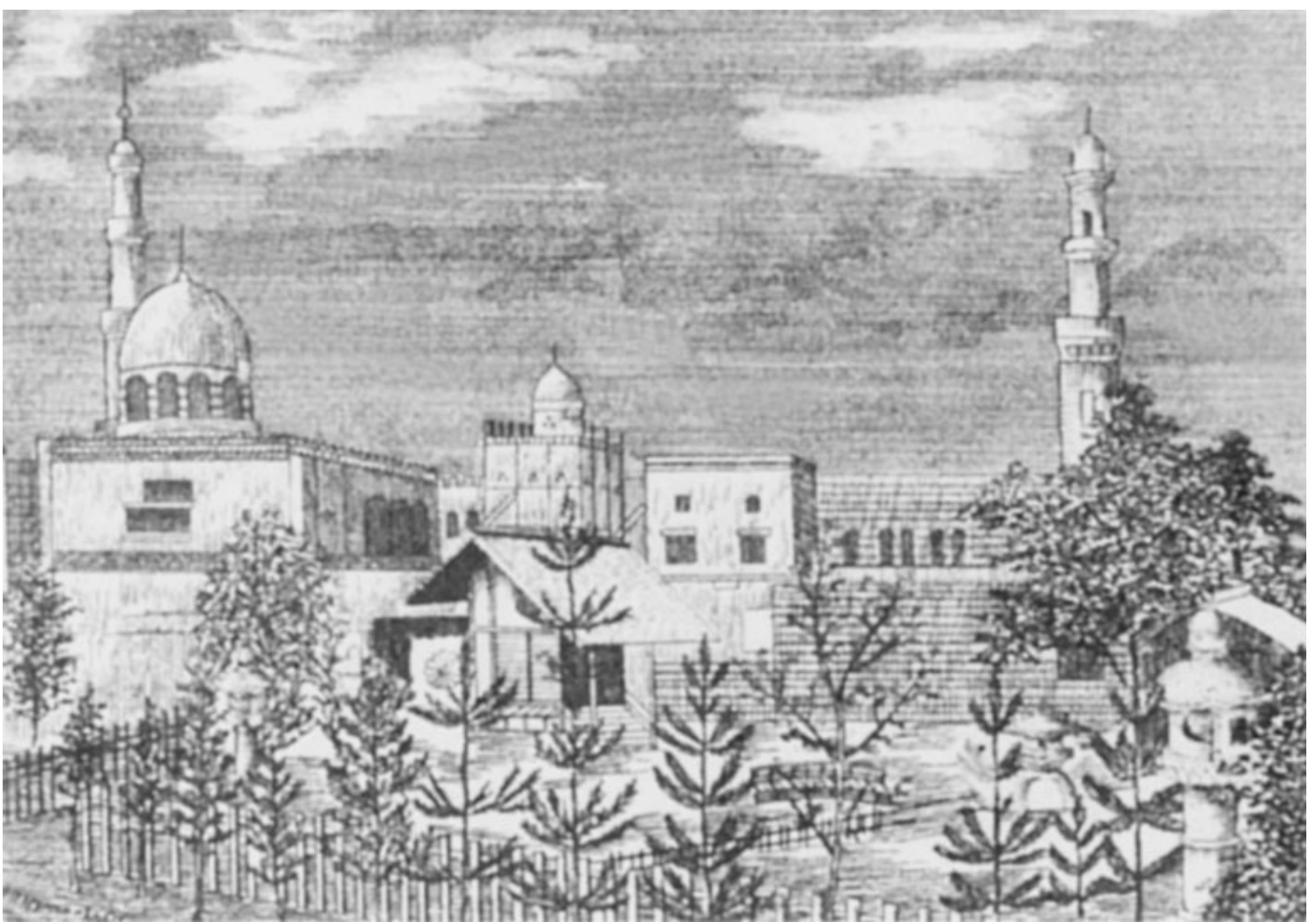
Каждый самурай подчинялся только своему князю, но каждым солдатом командовал император Мэйдзи. В перспективе регулярная императорская армия была призвана поставить Японию в один ряд с западными державами. В солдатах воспитывали «японский дух» и личную преданность императору, но все остальное было европейским: форма, оружие, выправка. Рацион тоже был составлен на иноземный лад – достаточно сказать, что в него входили хлеб и сухари.

В этом году Япония снова принимала участие во Всемирной выставке. Она открылась в Вене в мае.

Выставку успели осмотреть и члены миссии Ивакура. Присланные из Японии мастера построили синтоистское святилище и разбили сад. Среди экспонатов были представлены образцы керамики, одежда, ткани, работы по металлу, поделки из слоновой кости и китового уса. Публика охотно покупала веера и другие изделия ремесленников. Так изживался комплекс неполноценности – японцы проникались ощущением, что их руки и голова способны на многое. А тут еще шелковые ткани фабрики Томиока получили вторую премию. Впервые Япония заслужила премию за промышленную продукцию.

В японском павильоне можно было увидеть и модель пятиярусной пагоды, и сработанное из папье-маше изображение Будды – копию гигантской бронзовой статуи из Камакура. Буддизм в это время пользовался в Европе определенной популярностью, и японское правительство не могло игнорировать этого поветрия.

Однако в самой Японии дело обстояло совсем по-другому. 14 марта было принято решение о прекращении отправления буддийских ритуалов при дворе. В новых условиях только синтоистские обряды имели право на существование. Буддийские статуи и поминальные таблички с именами императорских предков вывезли из дворца в храм Сэннюдзи в Киото. Кроме того, в этом году правительство запретило проводить похороны по буддийскому обряду. Теперь всем подданным Мэйдзи предписывалось заканчивать свой земной путь в земле. И это при том, что подавляющее большинство японцев предпочитало буддийскую кремацию.

Японский сад на Всемирной выставке в Вене. Японцы приехали в Вену не только «показать себя», но и поучиться. Двое из них впервые в жизни увидели там выставленные в качестве экспоната папиросы и уже через два года начали их производство в Японии. Эпоха трубок стала постепенно уходить в прошлое

Япония всегда была страной достаточно веротерпимой. Даже когда в Японии XVI века появились христианские проповедники, к ним поначалу отнеслись без особого предубеждения. И только агрессивность проповеди, сопровождавшаяся вмешательством во внутренние дела и поставками огнестрельного оружия южным княжествам, привела к запрету на христианство. Нынешнее гонение на буддизм не знало примеров в японской истории.

Хотя само правительство, опасаясь волнений, неоднократно выступало против открытого и чересчур рьяного преследования буддизма, на местах нашлось немало «инициативных» доброхотов, которые по-своему толковали настроения правительства. Они жгли храмы и сутры, уничтожали статуи. Обстановка накалилась настолько, что многие монахи сочли за благо уйти из монастырей.

Резкая грань, отделявшая действия правительства внутри страны и за ее рубежами, являлась одной из неприятных его черт. Строительство «камакурской деревни» в Вене происходило одновременно с уничтожением буддийских святынь в самой Японии. Саму статую камакурского Будды всего несколько лет тому назад пытались продать на металлолом какому-то европейскому дельцу^[105].

Многочисленные предания зафиксировали общую атмосферу того времени. В одном из них повествуется о той самой древней пятиярусной пагоде храма Кофукудзи в Нара, модель которой была выставлена в Вене. Некий человек якобы купил эту пагоду за смехотворную сумму в 25 иен.

Ему была нужна не сама пагода, а только металл, который использовался при ее строительстве. Сочтя, что разбирать пагоду выйдет слишком накладно, он решил сжечь ее, и только протесты местных жителей, опасавшихся пожара, спасли пагоду^[106].

Закрывая глаза на разрушение буддийских святынь, правительство одновременно прилагало усилия для того, чтобы ввести стихию синто в нужное и полезное русло. В стране существовали десятки тысяч синтоистских святилищ, в подавляющем большинстве из них отправлялись местные культы, совершенно бесполезные с точки зрения высших интересов «народного государства». Ведь в период правления Токугава синтоизм не обладал статусом государственной религии, и для того чтобы свыкнуться с этим новшеством, требовалось время. Всю эту аморфную синтоистскую массу следовало упорядочить, придать форму, построить по вертикали. Поэтому святилища ранжировали по шести категориям. При этом получить разрешение на строительство нового святилища стало чрезвычайно сложно, оно выдавалось в исключительных случаях. Государство, похоже, отдавало себе трезвый отчет в неспособности контролировать чересчур много. А потому, как это ни парадоксально выглядит с европейской колокольни, задача состояла не в том, чтобы увеличить количество святилищ, а в том, чтобы его уменьшить^[107]. Государство не поддерживало пришедшие в упадок святилища, делая финансовые вливания только в те, которые зарекомендовали (или имели шанс зарекомендовать) себя с лучшей стороны. Иными словами, происходило уничтожение локальных культур и народной религии, не обремененных политическими сверхидеями.

Этот год был весьма важным с точки зрения выработки принципов новой внешней политики. Если при сёгунате Токугава Япония всячески избегала конфликтов со своими соседями, то теперь она проявила желание стать местным дальневосточным гегемоном. Страна училась у Запада не только новому крою одежды. Главным объектом империалистических настроений стала Корея.

Ретроспектива. История отношений между Японией и Кореей уходит в глубину веков. Достаточно сказать, что протокорейцы являются ближайшими родственниками японцев – начало их достаточно массовой миграции на архипелаг датируется III веком до н. э. Именно они принесли на Японские острова рисосеяние и технику производства металлов. Местное население (это были предки айнов) стояло намного ниже по своему культурному развитию. Однако приблизительно с VI века, после формирования самостоятельного государства, Япония (тогда она называлась Ямато) стала считать Корею своим вассалом. Японские дружины неоднократно совершали набеги на Корейский полуостров и даже имели там подобия колоний. Однако сил для того, чтобы заставить Корею платить регулярную дань, у Японии не доставало – конкуренция в лице Китая, который желал того же самого, была слишком сильной. В VIII веке Япония дважды намеревалась послать войска для завоевания Корейского полуострова, но так и не собралась. Тем не менее с тех пор у японской политической элиты сформировалось стойкое убеждение, что Корея должна принадлежать Японии.

И вот теперь горячие головы посчитали, что долгожданный день наконец-то настал.

Горячие головы – это прежде всего Сайго Такамори и Итагаки Тайсукэ, которые решительно поддержали Мэйдзи при свержении сёгуната, но теперь явно тяготились возложенными на них административными обязанностями. Разговоры про сражения, борьбу сумо и охоту были им больше по душе, чем нудные обсуждения бюджета и готовившихся реформ^[108]. Если же Сайго выдвигал какие-нибудь инициативы, то большинство из них абсолютно не учитывали ни требований сегодняшнего дня, ни культурных реалий. Чего стоит,

например, его предложение наряду с христианством запретить еще и буддизм? Или же план обложить только-только нарождавшуюся промышленность специальным налогом, средства от которого должны пойти на выплату самураям пенсий? Элементарные расчеты показывают, что предпринимателей ждало неминуемое банкротство.

Сайго Такамори. Сайго был одним из немногих деятелей эпохи Мэйдзи, которого ни разу не запечатлела фотографическая камера

Помимо идеи о «справедливости» захвата Кореи, военной партией двигали и внутривнутриполитические соображения. Многочисленные самураи оказались ныне не у дел, они тяжело переживали реформы. Следовало дать выход их бурлящей энергии, чтобы она не обратилась в сторону правительства. Многие самураи считали себя обманутыми. Раньше они полагали, что правительство Мэйдзи наконец-то воплотит в жизнь лозунг «изгнания иностранцев», который не смог осуществить сёгунат. Вместо этого они наблюдали нарастающую вестернизацию, их пытались лишить права на самурайскую прическу и ношение двух мечей, деревенщина теперь служила в армии, их бывшие сюзерены занимались непонятно чем.

Еще одним сильным аргументом в пользу решительных действий по отношению к Корее стала необходимость «сплотить нацию». Нации как таковой еще не было, но было желание ее создать. А для достижения этой цели лучше войны не придумано ничего. Это была логика главаря шайки бандитов, который стремится во что бы то ни стало повязать своих подручных кровью.

Высказывались и менее «высокие» соображения: Корея может послужить для Японии источником рабочей силы, минеральных ресурсов и зерна.

Разгар дебатов по корейскому вопросу пришелся на время пребывания миссии Ивакура за границей. Несмотря на обещание, данное оставшимися в Японии членами правительства, не предпринимать никаких судьбоносных решений, нетерпение было слишком велико.

Политика изоляционизма, которую в течение столь длительного времени практиковала

Япония, не была японским изобретением. Такой же политики пытался временами придерживаться Китай, такую же линию проводила и Корея, которой в 1866 и в 1871 годах удалось прогнать от своих берегов французские и американские военные корабли. По всей Корее установили каменные стелы с высеченными на них иероглифами: «Сторонник мира – предатель». При сёгунате отношения между Японией и Кореей ограничивались редкими корейскими посольствами, приуроченными, как правило, к вступлению в должность нового сёгуна. Японским купцам запрещалось появляться в Сеуле, свобода их передвижения ограничивалась Пусаном.

Теперь Япония попыталась проделать с Кореей то же самое, что проделали с ней самой европейцы: открыть страну и установить с ней «нормальные» отношения. Нормальные с точки зрения Японии. Предложение об их установлении было составлено таким образом, чтобы не оставалось никаких сомнений: Япония намерена отныне считать Корею своим вассалом. Однако Корея, естественно, отказалась от этого, предпочитая сохранить привычные вассальные отношения с Китаем. При этом корейская политическая элита сурово критиковала Японию за ее вестернизацию и отказ от обычаев предков.

Лишенное правил «вежливости» поведение Кореи привело японских «ястребов» в ярость. Они стали требовать «наказать» Корею. В конце 1872 года без санкции корейских властей бывшее представительство княжества Цусима в Пусане, через которое раньше осуществлялись контакты между Японией и Кореей, было переименовано в «Миссию Великой Японии», а токийский торговый дом «Мицуи» прислал туда своих купцов, хотя Корея признавала торговцев только из Цусима.

На стенах миссии появились граффити, утверждавшие, что Япония нарушает правила торговли. И тогда в Токио стали вынашивать планы по вторжению в Корею под предлогом «защиты» находящихся там подданных Японии. Однако Сайго Такамори опасался, что этот аргумент, который был в ходу в западной дипломатии, те же самые западные державы не сочтут достаточно убедительным и тогда они сами получат прекрасный повод для того, чтобы ввести в Корею свои войска. Сайго предложил отправить в Сеул посланника для ведения переговоров. По его предположению, не желавшие вести переговоров корейцы этого посланника убьют (точно так же поступали японцы с послами монголов в конце XIII в.).

29 июля Сайго Такамори писал Итагаки: «Если будет принято решение послать официального посланника, я уверен, что его убьют. Я прошу Вас отправить меня. Я не могу быть таким же прекрасным посланником, как Созэдзима, но когда вопрос касается смерти, уверяю Вас, я готов к этому». Сайго Такамори был настоящим самураем: он не ценил ни своей жизни, ни чужой. Ему принадлежат такие стихи:

Сел в лодчонку
И вверил ее
Своей стране.
Нипочем мне ветер
И волны.

Центральная палата 16 августа утвердила Сайго в должности чрезвычайного посланника. В воздухе запахло войной. Ценой невероятных усилий возвратившимся 13 сентября из длительной зарубежной поездки Ивакура Томоми и его сторонникам (Окубо Тосимити, Окума Сигэнобу, Оки Такато, Кидо Такаёси) все-таки удалось убедить окружение императора, что Япония *пока что* не в состоянии вести победоносную войну.

Партия войны потерпела временное поражение. В ответ на это правительство покинули Сайго Такамори, Итагаки Тайсукэ, Гото Сёдзиро, Это Симпэй и Соэдзима Танэтоми. И это несмотря на то, что практически никто не говорил: воевать Корею не надо. Нет, речь шла только об отсрочке интервенции. В том, что Корею следует подчинить, не сомневался никто.

Об этом говорит, в частности, такой знаменательный факт. 20 августа Первый национальный банк Японии ввел в оборот новые купюры. Заказ на их производство разместили в Америке. Естественно, что дизайн банкнот как нельзя лучше отражал те ценности, которые казались важными правительству страны. На банкноте достоинством в 10 иен присутствует конное изображение древней правительницы Дзинго-когу. После смерти своего супруга Тюай бразды правления страной якобы перешли к ней на весьма долгий период. С 201 по 269 год она исполняла роль регентши. В японской официальной истории Дзинго-когу фигурировала в качестве предводительницы завоевательного похода против Кореи. Новый поход в этом, 1873 году пришлось отложить, но древняя правительница по-прежнему напоминала каждому японцу о его неисполненном историческом долге.

Изображения на других купюрах также чрезвычайно информативны с точки зрения формирования государственной идеологии. На самой крупной купюре в 20 иен изображен брат Аматэрасу – бог бури Сусаноо. Дизайнеры пошли на немислимое новшество: изобразили бога в человеческом облике, хотя в синто боги мифологического времени никогда не представляли в антропоморфном виде. На этой купюре присутствует и изображение восьмиглавого змея. Желая спасти девушку – очередную жертву змея, – Сусаноо опоил его вином и отрубил все восемь его голов.

На лицевой стороне пятииеновой банкноты изображены сценки посадки риса и сбора урожая, что символизировало сельскохозяйственный характер японского общества. Показательно, что рыбаков на деньгах не запечатлели, хотя диета японцев базировалась на двух главных составляющих – рисе и рыбе. Рыба являлась основным поставщиком животного белка в рацион японцев, но занятия рыболовством никогда не относились к числу престижных. На оборотной стороне нарисован мост Нидзюбаси и виднеющаяся вдалеке гора Фудзи – самая высокая гора Японии. Мост Нидзюбаси вел к замку, который раньше принадлежал сёгуну, а теперь – Мэйдзи. Именно от этого моста начинались все дороги страны, он был зримым воплощением Центра в сакральной топографии японского государства.

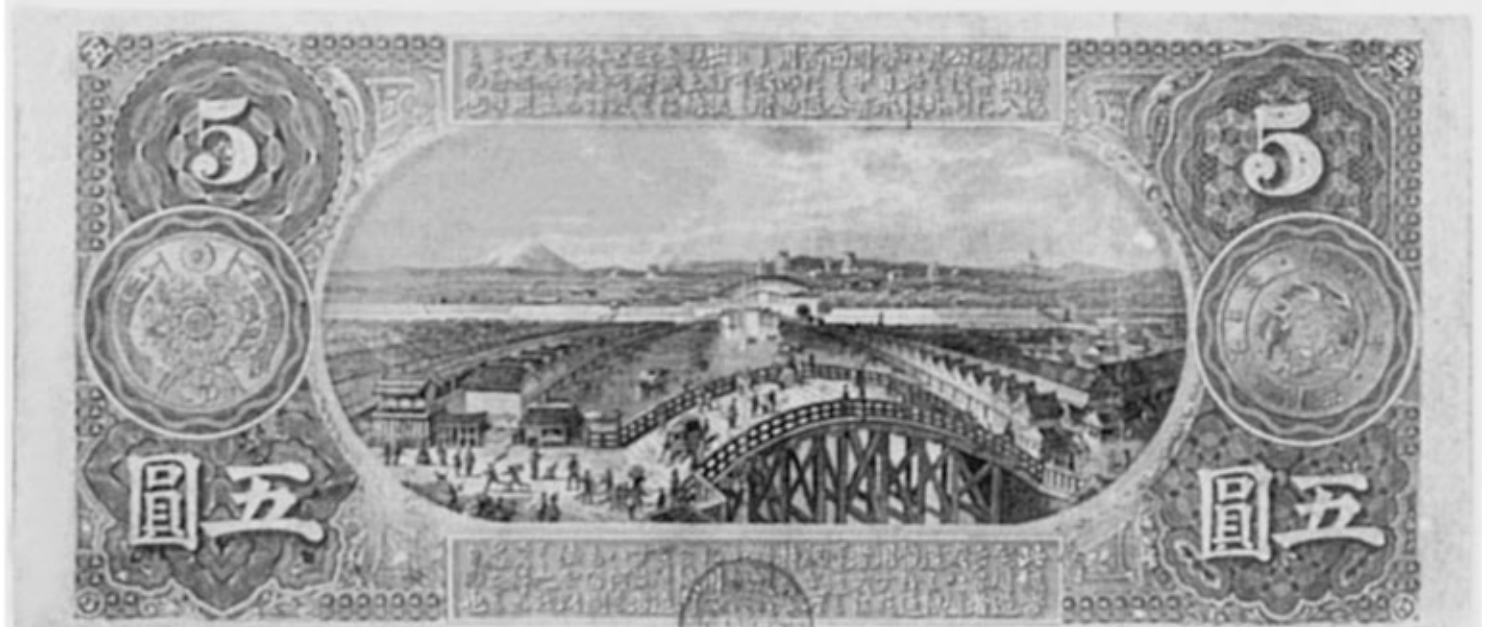

Банкнота достоинством в 10 иен.

На оборотной стороне купюры изображены исполнители древней придворной музыки гагаку

Банкнота достоинством в 20 иен

Банкнота достоинством в 5 иен

Банкнота достоинством в 2 иены

Сам же дворец Мэйдзи предстает на самой мелкой купюре в 2 иены. На обратной стороне изображены Нитта Ёсисада (1301–1338) и Кодзима Таканори – два храбрых воина, которые верно служили императору Годайго (правил 1318–1339) во время бурных событий, сопровождавших его правление.

Итак, на японских деньгах присутствовали мифологический персонаж, регентша Дзинго-когу, преданные императору воины, крестьяне, архитектурные и природные символы страны и государства. Большинство изображений не оставляет сомнений в том, что военная составляющая по-прежнему занимала значительное место в системе ценностей нового государства. Ни портрета самого Мэйдзи, ни изображений сколько-то близких по времени исторических персонажей на деньгах не было. Место Мэйдзи занимало изображение дракона. Согласно древнекитайским представлениям, государь имеет обличье дракона. И в этом смысле мало что изменилось...

Сибусава Эйити

Дизайн банкнот разрабатывался в только что созданном Первом национальном банке. Им руководил Сибусава Эйити (1840–1931) – выходец из крестьянской семьи. Лишь немногим крестьянам удалось сделать карьеру в новом правительстве, но такие люди все-таки были. Впоследствии Сибусава стал одним из самых богатых людей новой Японии и внес огромный вклад в организацию бизнеса на современный лад.

Здание Первого национального банка

Национальный банк въехал в здание, предназначавшееся вовсе не для него. Симидзу Кисукэ

П построил его для частного банка «Мицуи». Здание вышло замечательным по своей эклектике: вполне западное кирпичное строение венчала напоминающая княжеский замок крыша с башенкой. Раньше подобное строение было невозможно себе представить: княжескую крышу разрешалось иметь только князю. Здание настолько понравилось чиновникам, что они заставили «Мицуи» продать его государству.

Введению банкнот «имперского образца» предшествовало историческое решение об интенсификации денежного обращения. В конце июля было объявлено: отныне крестьяне будут платить налоги не рисом, а деньгами. Именно крестьянам предстояло финансировать реформы нового правительства. Ведь в стране не существовало сколько-нибудь развитой промышленности, повышать налоги на неокрепший торговый капитал власти не хотели. Не брать денег за границей было принципиальным курсом правительства. Хотя в этом году для финансирования аграрной реформы в Лондоне был взят заем, он оказался вторым и последним до конца XIX века. Первый предназначался для строительства железной дороги Токио–Иокогама. Иностранные инвестиции в экономику также не признавались.

Для проведения аграрной реформы произвели обмеры земельных участков и определили их урожайность. Делать это следовало быстро, а потому эти операции осуществлялись самой деревенской общиной. Земельные обмеры производились только в первую половину правления сёгуна Токугава, во вторую половину из-за противодействия крестьян их не было. Сейчас же за право называться собственниками земли крестьяне пошли на сотрудничество с властями. В деле определения размера своих участков они оказались весьма точны – никому не было выгодно занижать размеры личного участка, а покушаться на чужое община не позволяла. Выяснилось, что площадь обрабатываемой земли выросла по сравнению с прежними данными правительства почти на 50 процентов! Урожай оказался больше предполагавшегося на 37 процентов, но, разумеется, меньше реального (по некоторым данным, на 30 процентов), что тоже весьма понятно^[109].

Тем не менее остается фактом: крестьяне сотрудничали с государством весьма охотно. Государство же определило величину земельного налога. Платежи центральному правительству составили 3 процента от стоимости земли, местным властям – одну треть этой суммы. Все вместе это составляло около половины стоимости урожая. Средний размер участка составлял всего около одного гектара. Для прокорма семьи этого было недостаточно, крестьяне активно занимались ремеслами и отходничеством.

Крестьяне сотрудничали с государством охотно, но власти, как это и положено, не смогли обойтись без обмана. Дело в том, что при Токугава не были определены хозяева угодий – лесов и гор. Крестьяне всегда пользовались ими, но теперь община стала открещиваться от них, поскольку все боялись, что эти земли станут облагаться налогом. Чиновники не стали разубеждать их, а бесхозные земли государство забрало себе.

Налог на землю явился основным источником формирования государственного бюджета. Он составлял около 80 процентов всех налоговых поступлений. Денежный налог на землю по своему размеру вроде бы практически не отличался от натурального, но это было не совсем так. Раньше владельцу земли отходила фиксированная часть урожая, так что в неурожайный год бремя крестьянина становилось меньше. Теперь же налогом облагалась земля. По сравнению с прошлым, крестьянам легче жилось в хороший год и хуже – в плохой. В прошлом государство, точно так же как и само крестьянство, сильно зависело от погодных условий. Переходя к фиксированному налогу, правительство стремилось обеспечить предсказуемость своего финансового будущего, без чего невозможно никакое планирование.

Земельная реформа принесла огромные психологические перемены в жизнь деревни. Раньше крестьяне насильственно объединялись в пятидворки. Ее члены несли коллективную

ответственность за уплату податей и за правонарушения. Разумеется, прежние привычки давали знать себя еще очень долго, соседская помощь и традиция доносительства продолжали существовать, но теперь это время все-таки стало уходить в прошлое, каждый все больше отвечал только за себя. Это и стало выражением индивидуализма на крестьянской земле.

Интенсивное общение Мэйдзи с высокопоставленными иностранцами требовало постоянного подстраивания под их вкусы. Это общение следует назвать прежде всего «визуальным» – во время аудиенций произносились исключительно протокольные фразы. Поэтому такое огромное значение придавалось тому, как *выглядит* император в глазах иностранцев. Чтобы не вызывать насмешек и недоумений, политтехнологи Мэйдзи посоветовали ему резко изменить свой облик.

И вот с мая этого года Мэйдзи стал носить короткую прическу с пробором, перестал чернить зубы, отрастил усы, бородку и «настоящие» брови. Иностранцы находили, что облик Мэйдзи изменился к лучшему – растительность на лице скрывала чересчур выдававшийся вперед подбородок. Теперь император стал появляться на людях почти исключительно в придуманной специально для него военной форме европейского образца, часто – верхом.

Перспектива. За период с 1877 по 1888 год была отпечатана 51 гравюра с изображениями Мэйдзи. На 47 из них он одет в военную форму. По свидетельству современников, носил Мэйдзи и сюртук, но этот его образ не казался художникам таким импозантным. В домашнем обиходе и при отправлении синтоистских ритуалов Мэйдзи по-прежнему пользовался японской одеждой.

Вместе с изменением одежды произошли изменения и в императорском поведении. Раньше Мэйдзи принимал европейских посланников, сидя на троне. Тем же приходилось во время аудиенции стоять. Европейский придворный этикет предполагал, что монарх приветствует своих гостей стоя. Английский посланник Р. Ватсон потребовал изменения протокола, и ему было отказано в аудиенции. Российский посланник Е. К. Бюцов сказал, что японский придворный этикет его устраивает. Каково же было его удивление, когда Мэйдзи поприветствовал его стоя. С этих пор во время аудиенций Мэйдзи стал следовать европейскому формату приветствия иностранцев^[110].

Поскольку первый фотопортрет Мэйдзи вышел неудачен, 8 октября 1873 года была организована следующая фотосессия. Портрет, сделанный тем же самым Утида Куити, разительно отличается от прошлого изображения полуторагодичной давности. Военная форма невиданного западного образца, сабля и лежащая рядом треуголка призваны подчеркнуть его мужественный воинский образ. Растительность на лице лишней раз подчеркивала то, что ее обладатель – создание необычайное. Ведь в традиционной Японии усы и борода считались привилегией мудрых стариков. Окубо Тосимити, которому было уже 42 года (в это время средняя продолжительность жизни как раз соответствовала этой цифре), отрастил бороду только в прошлом году. Следует добавить, что Утида сделал более 70 фотографий императора, но судьба остальных неизвестна. Скорее всего, они были уничтожены – Японии полагался только один император, и у него должно быть только одно каноническое изображение. До создания «настоящей» империи было еще далеко, но нелюбовь к многообразию уже начинала ощущаться.

Император Мэйдзи

Императрица Харуко

Эта фотография может действительно считаться эпохальным событием в японской истории. Дело в том, что в традиционной дальневосточной политической философии противопоставление «военного» и «гражданского» выявлено чрезвычайно резко. При этом «гражданское» считается выше «военного», а положение гражданских чиновников – выше и почетнее положения военных. Отсюда происходил и слегка закамouflированный, но такой явственный комплекс неполноценности всех служителей сёгуната по отношению к мирным аристократам из Киото. Ведь считалось, что идеальный государь управляет, не прибегая к силе, а когда он обращается к оружию, это является доказательством его служебного несоответствия. Поэтому-то военный мундир Мэйдзи, его позиционирование в качестве военного лидера означало глубочайший переворот в сознании. Как это ни парадоксально, именно с крахом сёгуната его тайные чаяния наконец-то стали явью: отныне военные занятия стали не менее почетны, чем гражданские, а роль военных в реальном управлении будет увеличиваться все последующие десятилетия – вплоть до краха Японии во Второй мировой войне.

Супруга Мэйдзи, Харуко, не отставала от мужа: в марте 1873 года она тоже перестала чернить зубы и брить брови. Утида сделал и ее фотопортрет.

Однако не стоит думать, что фотография Мэйдзи стала украшать дом каждого японца. Да, ее дарили знатным иностранцам и членам монарших семей Европы, ее вручали японским высокопоставленным чиновникам, которые утверждались в должности императорским указом. Но вот на прошение жаловать фотографический портрет и мелким чиновникам было сказано

решительное «нет». Продажа фотографии также была запрещена – после того, как один предприимчивый бизнесмен попытался торговать ею. Дискуссия о разрешении или запрете продолжалась на правительственном уровне почти целый год.

Бизнесмен вдохновился европейским примером – там в это время наибольшим спросом пользовались фотографии монархов и актеров, что, безусловно, свидетельствует о схожести их профессий. В Японии фотографии европейских монархов и членов их семей также продавались в десятках тысяч экземпляров. Изображения актеров на гравюрах и фотографиях пользовались огромной популярностью, но фотография Мэйдзи была выведена из торгового оборота, а успевшим приобрести портрет предписали вернуть его. Торговца фотографиями оштрафовали. Тоталитарная идея: «чем больше изображений императора, тем лучше» – еще не овладела умами.

Обладание фотографией императора осознавалось как привилегия, с помощью этого портрета обозначалось социальное положение ее владельца и высчитывалась та дистанция, которая отделяла человека от монарха. А привилегия не продается. Суть привилегии состоит именно в том, что ею не могут воспользоваться все. Вот почему не получило одобрения и предложение поместить изображение монарха на денежные купюры – вполне обычная практика для тогдашней Европы. В результате на японских деньгах того времени можно было увидеть политических деятелей глубокой древности, но самих императоров – никогда. Дзинго-когу, красовавшаяся на одной из купюр, – не в счет, поскольку она не прошла ритуала интронизации, а значит, и считать ее «настоящей» императрицей нельзя. Точно так же обстояло дело с почтовыми марками – еще одним средством массовой визуальной информации, с помощью которого населению прививаются «правильные» мысли. На японских марках периода Мэйдзи, выпуск которых начался в 1871 году, можно увидеть цветущую сакуру, 16-лепестковую хризантему, ту же самую Дзинго-когу, принца Арисугава, принца Китасиракава. Но действующего императора Мэйдзи мы там не найдем. И в дальнейшем – вплоть до сегодняшнего дня – изображений императоров мы не найдем ни на деньгах, ни на марках.

Фотографию Мэйдзи начали жаловать управлениям вновь учрежденных префектур по их просьбе. Первым стал губернатор Нара, который заявил: фотография нужна ему затем, чтобы местные жители могли лицезреть императора во время праздников. В конце этого года фотографии Мэйдзи (размером 45 на 30 см) разослали уже во все префектуры.

Этот год еще раз подтвердил опасность для жизни «профессии» наложницы императора: две из них умерли родами. Оба ребенка тоже оказались мертворожденными. Окружение Мэйдзи было взволновано: не будет ли Мэйдзи иметь такие же проблемы с престолонаследником, как и его отец Комэй?

В мае на Мэйдзи обрушилось и другое несчастье: из-за оплошности служанки на дворцовом складе вспыхнул пожар. Дворец был полностью уничтожен, многие ценнейшие документы обратились в пепел. Однако императорские регалии спасти все-таки удалось. Мэйдзи пришлось переехать в токийский дворец Акасака – бывшую резиденцию князей из Кисю. Там же разместилось и правительство. Мэйдзи не пожелал скорейшего восстановления дворца – на счету была буквально каждая иена. Он не раз заявлял: он не хочет, чтобы возведение дворца легло бы дополнительным бременем на плечи трудового народа. Именно к такой формулировке частенько прибегали праведные правители китайской и японской древности. Ров вокруг замка зарастал белоснежными лотосами; сквозь грубо отесанные глыбы, которыми были облицованы откосы холма, где еще недавно красовался замок, пробивались травы и деревца.

Пожары в деревянных и густонаселенных японских городах были столь часты, что к ним относились как к неизбежному злу. Любая оплошность в обращении с огнем на кухне или же с углями в хибати (жаровня с углями, использовавшаяся для обогрева), любой опрокинутый светильник во время землетрясения приводили к опустошительным последствиям. Особенно

часто пожары случались зимой. Набатный колокол, тушение пожаров и преодоление их последствий превратились в рутину. Иностранцы свидетельствуют: само противопожарное дело было поставлено неудовлетворительно (в частности потому, что пожарные добирались к месту происшествия пешком), но дома восстанавливались очень быстро. Погорельцев немедленно расселяли в другие районы согласно составленной властями разнарядке, родственники и друзья помогали обзавестись новым скарбом. Предусмотрительные и хоть сколько-то состоятельные хозяева имели во дворах небольшие несыгораемые строения, где они хранили свои ценности. Эти строения с железной дверью делались из оштукатуренного кирпича и крылись черепицей. После опустошительных пожаров целыми оставались только они – подобно печам в русской деревне. Частота пожаров и отработанная система по преодолению их последствий сопровождалась удивительным спокойствием погорельцев. Никаких воплей и плачей, а спокойная и, как отмечают многие, даже веселая работа по восстановлению нормальной жизни.

Дворец для Мэйдзи строить пока что не стали, но зато в этом году в Токио был устроен первый публичный парк. Место получилось со скрытым смыслом – холм в Уэно, где располагалась усыпальница сёгунов и где императорские воины под водительством Омура Масудзиро уничтожили остатки сёгунских частей. В парке находился знаменитый пруд Синобадзу. Считалось, что он служил уменьшенной «копией» самого большого японского озера Бива. В пруду цвели лотосы, на острове располагался храм. За ним стояла престранная статуя, изображавшая бодхисаттву Дзидзо. Ее странность заключалась в том, что она была выполнена в форме фаллоса. Народный культ плодородия достиг и этого островка.

Утагава Хиросигэ. III Император Мэйдзи в парке Уэно (1881 г.)

Как и все хорошее, парк в сознании народа должен был ассоциироваться с Мэйдзи. На поздней гравюре Хиросигэ III он прогуливается по парку вместе со своей семьей. Цветет сакура. Императрица, как это и положено «примерной» японке, находится на изрядном расстоянии от своего супруга. Одна из семи придворных дам несет на руках престолонаследника, которому в то время было около двух лет (принц Ёсихито, будущий император Тайсё). Сам император изображен при сабле и в перчатках. Современники отмечали, что с переходом на европейскую одежду и обувь Мэйдзи ощущал неловкость и волочил ноги, как то принято в японской обуви. Художник изобразил императора без бороды, что не соответствовало действительности. Все мужчины, представленные на гравюре, – в европейской одежде, но женщины сохраняют

верность традиционным нарядам: верхние парчовые накидки (утикакэ), широкие штаны-юбка (хакама) из красного шелка, многослойные белые поддевки. А та, которая несет над императором зонтик, даже еще не успела отказаться от многовековой традиции выщипывать брови. Зонтики (обратим внимание, что это европейские зонтики) были нужны для того, чтобы прикрывать лицо – еще одна дань обычаю.

Мэйдзи с легкостью отказывался от наследия прошлого в угоду требованиям сегодняшнего дня, но там, где это возможно, он старался походить на своих древних предшественников. В конце апреля он использовал еще одну исключительно императорскую привилегию – давать названия географическим объектам. Найдя, что одно место в провинции Симоса весьма подходит для армейских эскерций, он нарек его Нараси-но Хара – Равнина Маневров.

Похоже, что нагрузка, выпавшая в этом году на юного императора (не забудем, что ему исполнился всего лишь 21 год) оказалась чрезмерной. Его увлечение спиртным обескураживало окружающих. 31 декабря немецкий доктор Теодор Хофман посоветовал Мэйдзи переключиться с рисового сакэ на виноградное вино и ограничиваться одной бутылкой за вечер.

Однако ни увлечение Мэйдзи спиртным, ни раздоры внутри правительства не мешали стране изменяться с невиданной до сего времени скоростью. В мае была открыта телеграфная линия между Иокогамой и Нагасаки. Поскольку подземный кабель соединил Нагасаки и Сингапур еще два года назад, скорость доставки сообщений в Европу возросла многократно. Еще в 1860 году письмо из Лондона путешествовало на пакетботах до Японии два месяца. Теперь телеграмма из Лондона в Иокогаму доходила всего за четыре дня. Япония входила в большой мир все прочнее. Ее зависимость от этого мира тоже становилась все больше. Практически весь машинный парк для нарождающейся промышленности приходилось ввозить из-за границы. За станки Япония расплачивалась шелковой нитью, углем и чаем. Но способы ферментации экспортного чая пришлось изменить – японцы привыкли к зеленому чаю, а европейцы – к черному, который они, бывало, употребляли с сахаром и молоком. Местный капитал был еще очень слаб, и потому львиная доля импортно-экспортных операций осуществлялась иностранными, прежде всего английскими, торговцами.

В крупных городах – Иокогаме, Осака, Кобэ – вырастали кирпичные здания. Но центром преобразований был, конечно, Токио. После пожара в апреле 1872 года, уничтожившего в районе Гиндза 4800 деревянных домишек, на их месте принялись строить первую в Японии улицу, все дома на которой были каменными – чтобы все там было, как в европейских столицах. Это был не только архитектурный, но и противопожарный эксперимент – пожары наносили деревянному городу огромный ущерб слишком часто. Реконструкцию квартала поручили английскому архитектору Томасу Уотерсу, который до этого уже успел построить здание Монетного двора в Осака и казармы в токийском районе Такэбаси. К концу 1873 года Гиндзу застроили двухэтажными кирпичными домами с колоннами и балконами. Это была первая в Японии улица с тротуарами. Между ними и проезжей частью посадили сосны и сакуры, по улице пустили омнибус. Ширина улицы составляла 27 метров! В представлении тогдашних японцев здания Гиндзы напоминали Лондон, а мостовые с тротуарами – Париж. Надо ли говорить, что в европейских столицах к тому времени из них побывали лишь единицы. Тем не менее Гиндза воспринималась как настоящий храм, посвященный европейской цивилизации. Тем более что газовые фонари на улице напоминали японцам каменные фонари, которые было принято устанавливать перед настоящими храмами.

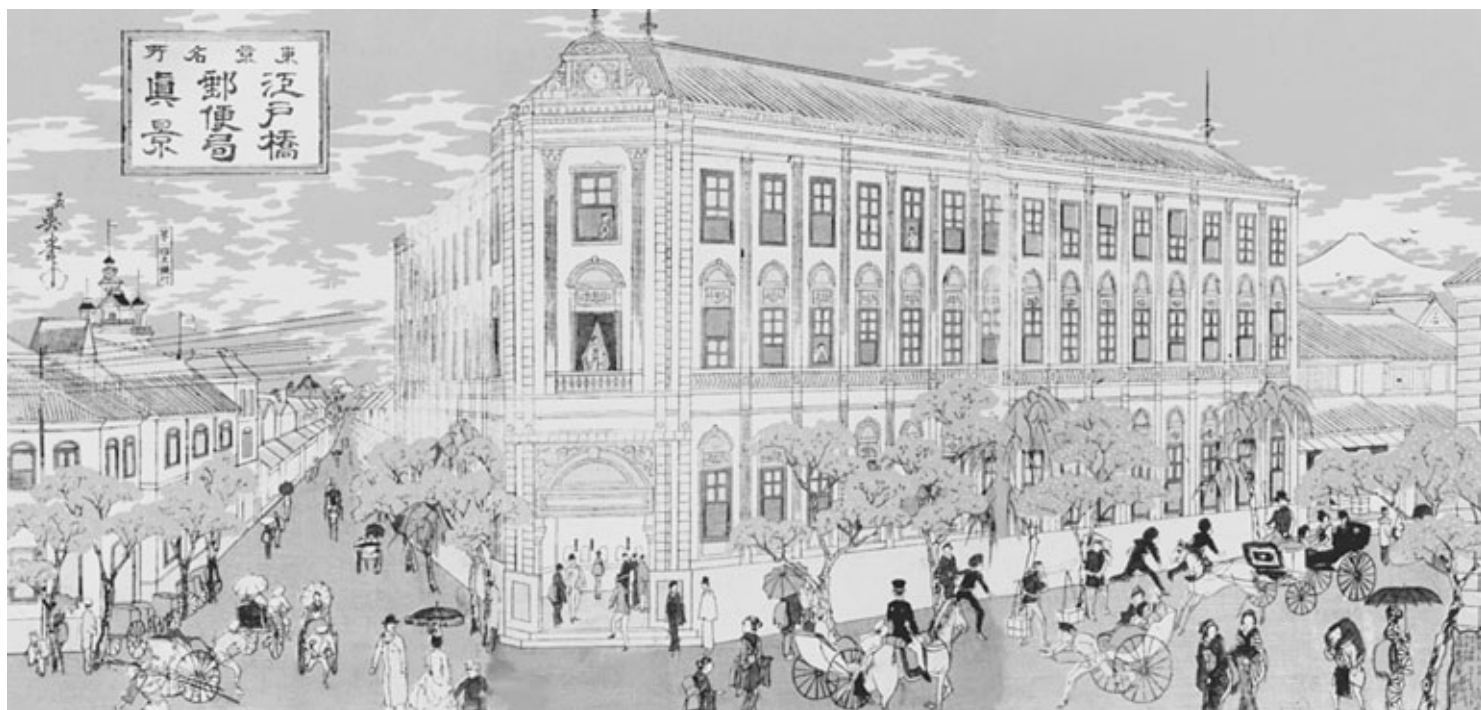
Гиндза

На Гиндзе располагались самые шикарные магазины, по Гиндзе фланировали японские денди, помимо рикши можно было поместиться в дешевые общественные дилижансы. Правда, по свидетельству В. Крестовского, «пользоваться ими могут разве очень досужие люди, потому что разбитые клячи, запряженные в эти неуклюжие желтые кареты, ползут с ними, точно смоченные дождем осенние мухи»^[111].

Утагава Хиросигэ III. Плоды цивилизации в Токио

Процветающие кирпичные магазины у моста Кёбаси, на построенной из камня улице Гиндза

Кобаяси Икухидэ. Достопримечательности Токио: здание почты в Эдобаси (1889 г.)

Перспектива. Дональд Кин заметил: император Август воцарился в Риме кирпичном, но оставил после себя город из мрамора; император Мэйдзи поселился в деревянном Токио, и оставил после себя город из кирпича^[112]. Хотя эта метафора, как и всякая другая, не вполне отражает действительное положение вещей (подавляющая часть жилого фонда оставалась деревянной), не подлежит сомнению, что и сами японцы одушевлялись сходными эмоциями. К сожалению, почти все каменные здания Токио были разрушены во время катастрофического землетрясения 1923 года и американских бомбардировок Второй мировой войны.

Однако над Гиндзой витали не только флюиды восторга. Европейцы говорили, что улицу убирают плохо, а стоит сделать хоть шаг в сторону, как снова попадаешь в типично «азиатский» город, где дома настолько похожи один на другой, что невозможно запомнить дорогу. Японские города были по преимуществу одноэтажными, и высоких каменных зданий, которые служили бы для европейцев ориентирами в пространстве, было действительно не так много. Буддийские храмы и синтоистские святилища тоже казались многим иностранцам неотличимыми друг от друга.

Однако уже в то время Япония представлялась европейцам не совсем Азией. Японцы казались европейцам людьми весьма бедными, но ни на Гиндзе, ни в других кварталах Токио невозможно было повстречаться с нищетой и попрошайками в лохмотьях. По сравнению с другими странами Востока, по сравнению с самим Западом бедность и богатство были распределены в Японии более равномерно.

Немало первых квартирантов Гиндзы съезжали, утверждая, что каменные строения плохо проветриваются и не годятся для влажного климата. Ползли слухи, что от сырости обитатели домов заболевают водянкой и умирают. Кто-то из них пытался соорудить деревянную пристроечку, но такое самоуправство решительно пресекалось властями. Магазины на Гиндзе были шикарными, но товары размещались внутри помещения. Владельцы магазинов жаловались, что покупатели, привыкшие к тому, что товары выложены на уличных прилавках, которые

являются продолжением внутреннего пространства дома, не слишком охотно открывают двери их заведений.

Утагава Ёсифудзи. «Комическое сражение между привезенными и японскими вещами и продуктами» (1873 г.)

В Японии того времени споры происходили не только между приверженцами тех или иных теорий и политических течений. Споры происходили и между вещами. О борьбе между традиционным и новым, между японским и европейским прекрасно свидетельствует остроумная гравюра Утагава Ёсифудзи (1828–1887). На ней изображено сражение японских и иностранных вещей и продуктов. Где-то побеждает японское, где-то – иностранное. Явную победу с японской стороны одерживает рис, принимающий облик борца сумо. Сакэ сопротивляется напору виски, а гэта (деревянные сандалии на подставках-скамеечках) – европейским туфлям. Зато кирпич одолевает черепицу, лампа – свечу, рикша (который в силу наличия у его коляски колес ассоциировался с европейским) – паланкин, мыло – рисовую пудру и шелуху, использовавшуюся в качестве моющего средства. Почтальон в униформе побеждает курьера (под руководством американского специалиста С. Брайана формирование общенациональной почтовой службы было завершено в 1873 г.). Любимая токийскими денди крылатка побеждает традиционную накидку каппа (делалась из материи, соломы или бумаги). Убедительность аргументов подчеркивается оружием сражающихся: матерчатый зонтик оказался намного практичнее японского, сделанного из промасленной бумаги. Фотография вроде бы теснит цветную гравюру, утверждая: «Я показываю только правду. Я не люблю неправды. Сколько бы лет ни прошло, на меня все равно интересно смотреть». Но аргументы гравюры тоже весомы: «Красавицы в книжках с картинками и на гравюрах выглядят еще лучше, чем они есть на самом деле. Ты не можешь победить меня».

Для жителей деревни Токио представлялся каким-то совсем другим миром – миром, где все было так незнакомо. Про одного крестьянского сына рассказывали, что, впервые увидев в столице почтовый ящик, он принял его за писсуар. Однако высота щели, естественно, не соответствовала его росту, а потому он нашел это новшество чрезвычайно неудобным для пользования.

1874 год

7-й год правления Мэйдзи

Реформаторы проявляли фантастическую активность. Но правительство отказалось вторгаться в Корею. Недовольство его действиями было велико.

13 января около десятка самураев напали на экипаж правого министра Ивакура Томоми, который возвращался из дворца Акасака после обеда с императором. Ему удалось выпрыгнуть из экипажа в ров с водой. Выбравшись на другой берег, он спрятался в кустах. Голоса приближавшихся к месту покушения прохожих распугали потенциальных убийц. Ивакура отделался шрамом на лице.

Преступников схватили через несколько дней. Это оказались самураи из префектуры Коти (бывшее княжество Тоса). Они были взбешены тем, что Ивакура помешал нападению на Корею. Верные подсказке Гарри Паркса, власти лишили нападавших звания самураев и казнили их.

17 января Итагаки Тайсукэ и примкнувшие к нему оппозиционеры (Это Симпэй, Гото Сёдзиро, Созэдзима Танэтоми и др.) внесли в правительство предложение о созыве Народного собрания. Они возмущались засильем в правительстве выходцев из Сацума и Тёсю, утверждали, что политика лишена последовательности. Эти недостатки могут быть ликвидированы только при существовании представительной власти в лице Народного собрания. Только при опоре на него правительство и страна станут сильными, только тогда можно будет достичь в народе «единомыслия». Конкретный пример неправильных действий правительства приводился только один: отмена военной экспедиции в Корею.

Так начиналось «Движение за свободу и права народа» («Дзию минкэн ундо»). Его противостояние официальному курсу правительства будет определять главную интригу политической истории страны на ближайшие полтора десятилетия. Название «Движения» звучало как гимн народовластию, но на самом деле отправной точкой для его лидеров стало обеспечение вовсе не многомыслия, а «единомыслия» в деле завоевания Кореи. Понятие «свобода» было применимо только по отношению к самим японцам. Тем не менее необходимо помнить: «Дзию минкэн ундо» стало первым массовым движением, которое основывалось не только на личной верности его руководителю, но и на определенных идеях.

Обращение было опубликовано в газете «Ниссин синдзиси» («Ежедневные новости»). Это было невероятным политтехнологическим новшеством: внутренние раздоры элиты сделались достоянием общественности. Печать решительно вовлеклась в политическую борьбу. Одни газеты ратовали за немедленный созыв Народного собрания, другие утверждали, что «глупый и необразованный народ» не созрел для того, чтобы предоставить ему право участвовать в управлении страной. А потому следует подождать, пока люди станут более «просвещенными».

Развернувшаяся дискуссия явилась для правительства неприятной новостью. Оно не расценивало газеты как источник информации. В действовавшем тогда законе о печати 1871 года говорилось, что предназначением газет является помощь в деле управления государством, а вовсе не печатание антиправительственных прокламаций. Правительство делало все возможное, чтобы газеты концентрировались на двух основных задачах: внедрение в массы идей «цивилизованности» (т. е. «западничества»), а также поощрение добродетели и наказание порока. Воспитательная тематика обеспечивалась с помощью того языка, который выработало конфуцианство.

Фудо-мёо за чтением газеты. Защитник буддийского вероучения Фудо-мёо обычно изображался со страшным лицом, отпугивающим врагов буддизма. Однако на данном изображении он настолько увлекся чтением газеты, что его сподвижник похитил у него меч и занимается разделкой новомодного мяса. Этому мясу предстоит вариться в котле, который стоит на очистительном пламени Фудо-мёо

Таким образом, с самого начала правительство считало основным предназначением газет не столько «отражение» действительности, сколько ее формирование. Не газета должна была отражать действительность, а действительность должна была отражать газетно-правительственные установки. Как писала в своем первом номере газета «Ёмиури», следует создать «такое общество, в котором ссоры супругов стали бы невозможны». Со страниц газеты журналисты просили читателей предоставлять похвальные примеры, и они с удовольствием откликались: «...Дочь Киносита Рёдзан, девица Охару шестнадцати лет, любит книги, каждый

день читает газеты „Тёя“ и „Ёмиури“, по отношению к родителям исполняет свой дочерний долг, весьма смирна»^[113]. Публиковались и малореалистичные истории «из жизни». Например, о способном девятилетнем мальчике, который стал сельским учителем. Или о неграмотном преступнике, который в тюрьме научился читать, раскаялся и исправился^[114].

Правительство считало, что Япония может стать вровень с Западом только в том случае, если население страны поголовно сделается грамотным. Печатный знак рассматривался как носитель «рационалистического» и «научного» сознания. Газеты клеймили гадателей, заклинателей, шаманов, призывали не верить сотворенным ими чудесам. Народные верования подвергались осмеянию, привидения и оборотни объявлялись несуществующими. Всемогущество науки становилось новым мифом перестраивавшегося общества и государства. И это при том, что еще совсем недавно сам принц Сатиномия не мог ступить и шагу без того, чтобы прорицатели не указали ему удачный день для совершения любого дела.

Одновременно газеты приводили множество душераздирающих примеров того, какие неудобства приносит людям их необразованность.

Некий человек отправился на заработки в Токио и послал своей неграмотной жене денежный чек. Та ничего не могла понять и отправила к монаху, который сказал, что муж прислал подношение божеству, и она действительно положила чек в домашнюю божницу. Письмо кончалось бранью по поводу жены-бестолочи. Автор предупреждал будущих женихов: «Пусть лицо у невесты и красиво, пусть она хорошо умеет играть на сямисэне и танцевать, но если она неграмотна, ничего хорошего не выйдет»^[115]. Здесь был урок для всех – и для женихов, и для невест. Будешь неграмотной – никто тебя замуж не возьмет. Газетные публикации доказывали: повышение социального статуса возможно только за счет повышения образованности. И это касается не только профессиональной карьеры, но и личной жизни.

Власти полностью поддерживали вовлечение читателей в формирующееся общенациональное информационное поле – письма читателей в газету государственная почта доставляла бесплатно. Раздел «Письма с мест» временами напоминал нынешний компьютерный чат, где читатели не только информировали друг друга о случившемся, но и обменивались мнениями, задавали вопросы и получали ответы (например, как бороться с жучком, портящим посевы конопли).

Правительство стало закупать тиражи шести «серьезных» газет и рассылать их по префектурам. Там их вывешивали на стендах, а чиновники, синтоистские жрецы и буддийские монахи собирали вокруг неграмотный народ и трактовали написанное. Газеты должны были играть роль объединяющего, а не разъединяющего начала. В законе о печати утверждалось, в частности, что газеты должны сделать «далекое – близким»^[116]. То есть события, случившиеся в другой части страны, подданный Мэйдзи должен был переживать как свой непосредственный опыт.

Основная часть крестьян «вросла» в рельеф, многие обитатели архипелага никогда не покидали пределов даже своей префектуры, понятие «родина» ассоциировалось у них только с местом рождения. Для того чтобы все эти люди стали «японцами», требовалось создать общенациональное семиотическое поле и сделать всех японцев современниками одних и тех же событий. За исключением каких-то выдающихся случаев, первоначально газеты не имели возможности посылать своих сотрудников в командировки для сбора материала, поэтому информацию о событиях, случившихся где-нибудь далеко, они черпали от путешественников, из других газет и просто из слухов. Все это делало газетную информацию весьма и весьма ненадежной. Газеты регулярно приносили извинения за свои ошибки, но они все равно случались постоянно.

Ошибки и искажения действительности были предопределены не только технической организацией дела, но и общей установкой на «воспитательность». «Поощрение добродетели и наказание порока» – именно так определялась главная задача и театрального искусства. Именно это выражение использовалось в принятом два года назад постановлении относительно театров. В этом смысле и газеты, и театры были элементами одной и той же воспитательной системы, которая стремилась к воплощению правды «художественной», а не документальной. В эту же систему входила и школа. Недаром в одной газетной статье театр уподоблялся школе, актеры – учителям, зрители – ученикам^[117]. Государство создавало информационное пространство с заданными границами, в пределах которых актеры и журналисты, зрители и читатели зачитывали написанный заранее текст. В этих рамках находилось место только законченным сюжетам. Скажем, газеты не сообщали о ходе судебного процесса. После его окончания они представляли полное повествование: преступление – его мотивы – приговор – мораль. Только такая законченность нравилась публике, вкусы которой сложились под воздействием художественно-морализаторской литературы прошлого.

Газеты получали все большее распространение. Даже рикши черпали информацию из газет

Хотя первые японские газеты писали обычно с применением чрезвычайно сложных и даже диковинных иероглифов, скоро появляются массовые газеты. Они употребляют гораздо меньше иероглифов, их журналисты пользуются более разговорным языком – чтобы быть понятными, как они утверждали, «женщинам и детям». Газеты взяли на себя, в частности, функцию озвучивания и трактовки многочисленных указов властей, которые продолжали писать весьма непонятным для большинства простолюдинов языком. Этот язык традиционно служил для власти знаком недостижимой образованности и избранности, газеты же исполняли функцию «переводчика». Разъясняя людям смысл действий властей, журналисты вовлекали их в решение

общенациональных задач.

Вместе с газетами информированием и воспитанием народа занялись и художники – авторы цветных гравюр нисики-э. Тираж гравюр, выпущенных в этом году, оценивается в два с половиной миллиона экземпляров^[118].

В конце января Мэйдзи посетил святилище Сёконся (впоследствии переименовано в Ясукуни) и сочинил:

Вот имена тех людей,
Кто голову сложил
За нашу страну.
Ограда святилища
На равнине Мусаси.

Мэйдзи имел в виду, что помнит о тех, кто своими жизнями обеспечил реформаторам приход к власти. Однако умиротворение и почитание мертвых никак не сказывалось на активности живых. Уже в феврале вспыхнуло самурайское восстание в префектуре Сага. Юго-запад, сыгравший решающую роль в реставрации императорской власти, теперь выступил против нее. Правительству никак не удавалось направить энергию юго-запада в созидательное русло. Как и все последующие самурайские восстания, это выступление было чисто политическим и не выдвигало никаких экономических требований. Поразительный факт: сословие, потерявшее в результате Реставрации источник своих прежних доходов, собственное материальное положение беспокоило меньше всего. Самураи протестовали не столько против бедности, сколько против потери статуса. Помимо этого, самураи из Сага выступали за немедленное «наказание» Кореи.

Восстание возглавил Это Симпэй, покинувший правительство из-за отказа от нападения на Корею. Он просил помощи у Сайго Такамори, но тот отказался выступить против правительственных войск, возглавляемых его младшим братом Цугумити. Попытки вовлечь в восстание недовольных самураев из Тоса также окончилась провалом. Феодално-княжеские традиции организации общества по-прежнему мешали консолидации антиправительственных сил.

Установленная к этому времени телеграфная связь между Токио и Нагасаки, достаточное количество пароходов позволили правительству действовать не только решительно, но и очень быстро. Восстание было разгромлено за две недели. Правительственная армия состояла из нескольких тысяч человек. Из соседних префектур было набрано еще пять тысяч добровольцев из числа сидзоку (самураев). В их понимании, восставшие не защищали их общие интересы. В первую очередь, это были люди из другого клана. Последующие самурайские восстания не имели никаких шансов на успех по той же самой причине.

Сайго Цугумити

Это Симпэй схватили, суд над ним продолжался всего два дня. В уголовном кодексе, который разрабатывал сам Это Симпэй, отсутствовала статья о наказании мятежников. Составителю кодекса, видимо, не приходило в голову, что кто-то может осмелиться на восстание. Судье пришлось обратиться к китайскому праву. Это Симпэй лишили звания самурая, обезглавили, а голову выставили на всеобщее обозрение, хотя такое действие было незаконным. Какой-то не в меру предприимчивый фотограф не нашел ничего лучшего, как запечатлеть отрубленную голову, и стал торговать фотографией. Однако власти распорядились этот бизнес прекратить, а всем успевшим приобрести памятный сувенир было предписано вернуть фотографию. Государство имело право не только на сами головы, но и на их изображения – только правительственным фотографам было доверено запечатлевать отрубленные части тела. Эти изображения выставлялись потом возле позорных столбов в крупных городах^[119].

В качестве палачей обычно выступали парии, однако для Это Симпэй было сделано исключение, и голову ему отрубил человек самурайского звания. Сам он тоже не отказался от самурайского обычая и оставил предсмертное стихотворение:

Слезы катятся
На рукава
Воина, но сердце его
Стучит только
При мыслях о господине.

Кого Это Симпэй считал своим господином? Видимо, он хотел сказать, что восстание было направлено вовсе не против Мэйдзи, а против его министров.

Недовольство действующим правительством нарастало. Поэтому следовало привлечь в него какую-нибудь популярную фигуру. В конце апреля левым министром назначили Симадзу Хисамицу (1817–1887) из Сацума, пользовавшегося среди самураев особой популярностью за «дело Ричардсона», неприятие европейских обычаев и ненависть к христианству. «Принимая должность *садайdzина* (левого министра. – А. М.), он не только упорно отказывался надеться в новый мундир, ставший обязательным для чиновников и сановников, но даже в зале государственного совета появлялся не иначе, чем несомый в классическом *норимоно* (род носилок. – А. М.) на плечах дюжины самураев с обнаженными коленями и с двумя саблями за поясом, и усаживался на циновках на полу, подле своего председательского кресла»^[120].

Стоит ли удивляться, что Симадзу так и не вошел в правительственную «обойму» новой элиты и просидел возле своего кресла всего полтора года? Его нравы и убеждения могли пользоваться сочувствием только у тех людей, время которых уже ушло. Нынешняя элита разъезжала в конных экипажах.

Казнь Это Симпэй и наказание 410 его единомышленников не остановили приверженцев жесткого внешнеполитического курса. Правительство было вынуждено применяться к их настроениям, чтобы заручиться поддержкой самурайского сословия. Реформы проходили болезненно, без поддержки самураев усмирить недовольных не представлялось возможным. Военная экспедиция в Корею не состоялась, в качестве утешения «ястребам» была предложена более легкая нажива – Формоза (Тайвань).

Еще в конце 1871 года несколько десятков рыбаков с крошечного острова Мияко (архипелаг Рюкю) возвращались домой из города Наха. Их корабль потерпел крушение, и они высадились на юге Тайваня. Аборигены ограбили их и убили 54 человека.

Положение крошечного королевства Рюкю было всегда очень шатким. С одной стороны, король (ван) Рюкю платил дань китайскому императору. С другой – начиная с XVII века он одновременно стал данником княжества Сацума (но не центрального правительства в Эдо!). Испытывая на себе сильное китайское и, отчасти, японское влияние, племена архипелага до определенной степени сохранили культурное своеобразие и свои разговорные языки (письменным языком являлся китайский). И для Китая, и для Японии жители архипелага представлялись «варварами», которые подлежат «цивилизующему» воздействию.

С упразднением в Японии княжеств архипелаг Рюкю сохранил свой совершенно особый и даже экзотический статус. Король, приобретающий право называться так после получения разрешения в Пекине, продолжал пребывать в своем дворце в Сюри, однако его «королевство» считалось чем-то вроде округа в составе префектуры Кагосима, образованной на месте прежнего княжества Сацума. Однако король есть король, и потому он имел формальное право на внешнеполитическую деятельность. Правительство в Токио склонялось к военному вмешательству на Тайване, следовало объявить жителей Рюкю полноценными подданными Мэйдзи. И потому в сентябре 1872 года Рюкю объявили «княжеством», выведя архипелаг из-под контроля Кагосима и лишив местного короля права сношения с границей. Таким образом, Рюкю оказалось единственным княжеством на территории Японии – все остальные были уже упразднены.

Статус Тайваня также отличался немалым своеобразием. С 1683 года он считался китайской территорией, но в реальности китайское присутствие было там минимальным. Маньчжурская династия Цин опасалась, что переселенцы из числа «настоящих» китайцев могут организовать там антиправительственное движение, а потому препятствовало миграции туда и не прикладывало усилий к освоению острова. Однако жизнь брала свое, поток переселенцев

полностью сдержать не удавалось, местные племена оттеснялись в горные районы, на которые власть империи не распространялась даже номинально. Когда японский министр иностранных дел Соэдзима потребовал в 1872 году наказать виновных в убийстве рюкюсцев, ему отвечали, что преступники проживают за пределами территории, на которую распространяется цивилизующая сила китайского императора. И в самом деле: на острове была проведена граница – за ее пределами китайские законы не действовали, местные племена полинезийского происхождения продолжали вести там вполне самостоятельный и «дикий» образ жизни. Тем не менее 12 оставшихся в живых обитателей Мияко китайские власти доставили в Наху, то есть в соответствии с нормами международного права Китай вернул их на родину.

Казалось, что неприятный вопрос закрыт, но в Токио решили по-иному. Министр внутренних дел Окубо и министр финансов Окума предложили план «возмездия». Японцы заявили, что на Тайване нет «хозяина» – ведь Китай не в состоянии обеспечить там надлежащий порядок. В качестве «хозяина» Япония предложила саму себя. Непосредственное руководство военной операцией было возложено на Сайго Цугумити.

Япония рассчитывала на помощь Англии и Америки, но обе страны отказались участвовать в операции. Особенно шокирующим казался нейтралитет Америки – ведь посланник Де Лонг, опасавшийся союза Японии с Китаем, ранее обещал помочь с транспортными судами, но он поссорился со своим начальством, и его освободили от должности. Одновременно американское правительство запретило своим судам перевозить японские войска, так что в Гонконге пришлось срочно закупить 13 пароходов, на которых компания «Мицубиси» и осуществила переброску войск. Мало того: далеко не все члены японского правительства поддержали посылку войск. Против выступил даже военный министр Ямагата Аритомо, а министр образования Кидо подал в отставку. Цугумити, который к этому времени уже собрал войска в Нагасаки, был послан приказ об отсрочке экспедиции, но тот не послушался, и 3600 воинов отплыли на Тайвань. В то время государственная дисциплина еще хромала на обе ноги, Цугумити напоминал нынешнего полевого командира.

Передовой отряд высадился на юге острова 7 мая. На Тайване и вправду не было «хозяина»: не встречая практически никакого сопротивления, японцы занимали опорные пункты. Китайские войска на Тайване отсутствовали, о планах по покорению Тайваня китайские чиновники узнали от английского посланника в Пекине, которого известил об этом по телеграфу Гарри Паркс. Китайское правительство поначалу никак не хотело поверить британцам – ведь между Китаем и Японией был совсем недавно подписан договор о дружбе.

Японские воины «наказали» только то племя, которое было виновно в убийстве жителей Рюкю, с остальными удалось установить дружественные отношения. Цугумити фотографировался вместе с вождями. Им дарили японские флаги в качестве вещественного свидетельства того, что теперь они подчиняются Японии. Сомнительно, правда, что вожди понимали истинный смысл такого подарка.

Цена «замирения» варваров оказалась достаточно высокой. И дело вовсе не в оказанном сопротивлении. Японские потери на поле боя составили всего 12 человек убитыми, один – утонул. Но вот от малярии скончалось 525 человек, то есть седьмая часть экспедиционного корпуса.

Переговоры с Китаем были организованы при британском и французском посредничестве в Шанхае и Пекине. Вначале Окубо потребовал передачи Японии той части Тайваня, где проживали «варварские» племена, но в результате дело закончилось выплатой контрибуции в размере 500 тысяч таэлей. Это было меньше 10 процентов военных затрат Японии. Однако она фактически добилась того, что архипелаг Рюкю был теперь признан японской территорией, ведь свои действия правительство оправдывало тем, что защищает подданных Великой Японской

Империи. Кроме того, война несколько успокоила воинственных самураев. Однако отношения с Китаем оказались сильно подпорчены. Впрочем, это, похоже, мало беспокоило тогдашний японский истеблишмент. Защищаться Китай еще как-то мог, но о наступательных действиях не могло быть и речи. Неприятным последствием, о котором тогда японское правительство, похоже, еще не задумывалось, было признание всего Тайваня китайской территорией. Легальная аннексия этого острова сделалась невозможной, японский экспедиционный корпус во главе с Сайго Цугумити покинул Тайвань в конце года.

В этом году правительству удалось справиться со всеми задачами и проблемами. В том числе и выплатить последний транш в счет контрибуции, наложенной еще в 1864 году за нападение на иностранные суда в проливе Симоносэки. Тогда Сацума и Тёсю были лидерами в борьбе за изгнание иностранцев со священной земли Японии, а теперь правительство, костяк которого составляли выходцы из этих же княжеств, превратилось в западников и расплачивалось за свои антизападные выступления десятилетней давности.

Джузеппе Уголини. Портреты императора Мэйдзи и императрицы Харуко (Сёкэн)

31 декабря Ивакура Томоми направил императору докладную записку, в которой подчеркивал, что благодаря неустанным заботам Мэйдзи за последние годы были достигнуты замечательные результаты и страна наконец-то пребывает в мире и спокойствии. И если Мэйдзи будет уделять еще больше усилий по пестованию своих министров, то у них появится еще более ясное осознание того, как возродить величие Японии.

Фотографии Мэйдзи и Харуко дарили знатым иностранцам и соотечественникам. Но теперь двор захотел иметь и портреты супружеской четы, написанные масляными красками. Портреты заказали в Милане у забытого ныне художника Джузеппе Уголини. Уголини рисовал, сообразуясь с фотографией.

1875 год

8-й год правления Мэйдзи

В январе правительство приказало компании «Мицубиси», в пользовании которой находились закупленные в прошлом году пароходы, открыть линию Иокогама – Шанхай. Это была первая международная линия, обслуживаемая японской компанией. До этого времени монополию здесь держали американцы. В сентябре компании «Мицубиси» были безвозмездно переданы 30 пароходов, правительство дало займы и деньги – под смешотворные два процента годовых. Компания снизила цены на билеты первого класса на линии Иокогама – Шанхай с 30 до 8 иен и какое-то время совершала перевозки людей себе в убыток, но результат вышел положительным: американцы в конце концов не выдержали и продали свои корабли и портовое оборудование «Мицубиси».

21 января у императора Мэйдзи от наложницы Янагихара Наруко родилась дочь. Все вздохнули с облегчением: смерть двух первых детей императора наполняла сердца беспокойством. Устроили пир, провозглашали здравия. Император назвал дочь Сигэко. Принцесса прожила полтора года.

Тоёхара Кунитика. Известные люди мирных времен (ок. 1878 г.)

На этой гравюре Мэйдзи и его супруга Харуко (в центре) предстают на фоне своего самого близкого окружения. Так, в частности, на гравюре изображены Сандзё Санэтоми (нижний ряд, крайний слева), Ивакура Томоми (справа от императора). Справа от него принц Арисугава Тарухито и Янагихара Наруко. В это время изображать наложниц еще не возбранялось. Впоследствии вместе с Мэйдзи можно будет изображать только Харуко.

Порядок посещения наложницами императора в значительной степени определялся их начальницей. Разумеется, одного слова императора было достаточно, чтобы та или иная из наложниц покинула дворец, но это случалось нечасто. Самой «продуктивной» наложницей стала Сонно Сатико, которая родила императору восемь последних его детей (за время с 1886 по 1897 г.).

1 марта Англия и Франция наконец-то вывели свои войска из Иокогамы. Их присутствие Ивакура Томоми считал «наиболее унижительным для нашей империи». Обстановка в стране несколько успокоилась, нападений на иностранцев стало заметно меньше, правительство Мэйдзи вело себя по отношению к западным державам уважительно, завоевывать Японию западным державам было незначительно, содержание воинского контингента требовало немалых средств.

Согласно промежуточным договоренностям 1867 года, остров Сахалин находился в совместном владении Японии и России. Это вызывало множество дипломатических неудобств, между русскими и японскими обитателями острова возникали конфликты. Японцев на острове было намного меньше, чем русских. К тому же для японской экономики в то время более приоритетным было освоение Хоккайдо, а для дипломатии – корейское направление. И здесь для японского правительства был важен нейтралитет России. Поэтому в Токио решили отдать Сахалин России в обмен на Курильские острова. 7 (25 апреля) мая в Петербурге договор был подписан.

В обеих странах нашлось немало людей, которые сочли договор противоречащим национальным интересам. Однако каждая из стран имела для его подписания серьезные резоны. Для России основным направлением внешней политики оставались Европа, Ближний и Средний Восток. В связи с этим политическая элита обеих стран хотела сосредоточиться на решении главных проблем и не иметь лишней головной боли – Сахалина и Курил. Если оценивать ситуацию в целом, то ни Япония, ни Россия еще не имели в этом регионе сколько-нибудь серьезных интересов – как экономических, так и геополитических. Получив Сахалин, Россия не нашла ничего лучшего, как превратить остров в место ссылки. Не то чтобы одной Сибири уже не хватало, но кто же из нормальных людей по своей доброй воле отправится на край света?

Японскую делегацию в Петербурге возглавлял Эномото Такэаки, оборонявший Хоккайдо от войск Мэйдзи в 1869 году. Сначала его посадили в тюрьму, но амнистировали через два года и семь месяцев. Так же как и множество других противников правительства Мэйдзи, он «перековался» и пошел на службу к императору.

Петербургский договор подвел итог территориальному размежеванию в Восточной Азии. Отныне перекройка границ станет привилегией не столько дипломатов, сколько военных.

Японское правительство сообщило своему народу о договоре далеко не сразу. Дадзёкан обнародовал его только в декабре. И только после этого газеты «получили отмашку» и приступили к его комментированию и разъяснению. Правительство и народ разделяла дистанция протяженностью в полгода.

В стране многие были недовольны засильем в правительстве кланов Сацума и Тёсю. «Движение за свободу и права народа» требовало представительного правления, ссылаясь при этом на достопамятную «Клятву в пяти статьях». 14 апреля был обнародован указ Мэйдзи о реформе системы управления. Исполнительный орган – Дадзёкан – продолжал свое существование, центральная палата также не претерпела изменений, но вместо упраздняемых левой и правой палат создавался сенат (Гэнроин, букв. «палата старейшин»), собрание губернаторов префектур и судебная палата. Члены судебной палаты и сената назначались императором. Функцией сената было давать правительству советы в части законодательства. Губернаторы также назначались, но предполагалось, что в скором будущем их станут избирать. В данный момент вряд ли речь могла идти о полноценной представительной власти. Тем не менее первый шаг в этом направлении был все-таки сделан – исполнительная, законодательная и судебная власти оказались разделены.

Верная своей миссии по разъяснению политики правительства, массовая газета «Ёмиури»

писала, что указ этот направлен в конечном счете на то, чтобы Япония стала сильной и над ней перестали смеяться иностранцы. Газета напоминала: Поднебесной владеют люди, а не один император. Газета утверждала: тебе самому будет хорошо, если стране будет хорошо. Нельзя радоваться тому, что ты сам жив-здоров, когда другой (имелось в виду «бедное» и «больное» государство) умер. Придерживаться такой точки зрения – все равно что смотреть на мир сквозь узенькую дырочку в заднем проходе^[121].

Из разъяснений газеты вряд ли можно было почерпнуть много конкретно-полезного относительно сути реформы. Оставалось принять на веру: указ Мэйдзи – дело хорошее, противиться ему не надо, следует его поддержать.

Тиражи газет росли, их влияние на умы тоже увеличивалось. В этом году только в одном Токио было напечатано около 7 миллионов экземпляров газет. Эта цифра не отражает истинное число читателей. Купленная газета часто читалась не только в одной семье – ее передавали и родственникам, и соседям. Газеты можно было просмотреть в банях, парикмахерских и ресторанах. Доброхоты устраивали собрания, где они читали газеты неграмотным. Появились читальни – как платные, так и бесплатные. Бесплатные читальни власть стала устраивать, видя в газетах инструмент просвещения населения на правительственный лад.

В это время художественная литература сильно потеряла в популярности, люди требовали «фактов», а не «рассказней». Однако «факт», в представлении правительства, должен был контролироваться бдительным оком редактора и цензора. Реальность должна была быть представлена отобранными и отредактированными фактами, что превращало реальность в новый миф.

В этом году цензура сделала решительный прорыв. Цензура существовала и при режиме Токугава, но в первые годы Мэйдзи до нее не доходили руки по-настоящему. Теперь усилия правительства стали более системными и последовательными, закон о печати пересмотрели, он был дополнен законом о клевете. Новые правила для печати были сработаны с оглядкой на немецкий закон, принятый там совсем недавно. В том, что касалось ограничения свобод, Германия всегда служила для Японии хорошим примером.

Теперь для издания газеты требовалось разрешение Министерства внутренних дел. Издатели несли уголовную ответственность (до трех лет тюремного заключения) за общественные последствия, которые могла вызвать та или иная публикация. Газеты имели право издавать только японцы – ведь иностранцы, не подлежа японскому суду, были вольны печатать, что им на ум придет. И пользовались этим. Так, Джон Блэк издавал «Ниссин синдзиси» – самую популярную газету на японском языке. Книги могли изыматься из продажи, если чиновники министерства найдут их вредными для общественного спокойствия и морали. Закон о клевете предусматривал штраф, если публикация наносила ущерб репутации упоминаемого там человека – даже если сообщаемые газетой факты соответствовали действительности.

Стыд для японца был одним из сильнейших стимулов «хорошего» поведения. Грех был страшен не только сам по себе, грех был ужасен тем, что о нем могут узнать другие люди. Всякий японец больше всего боялся «потери лица», насмешки и презрения со стороны окружающих. В тогдашней Японии непослушных детей пугали не только полицейским, но и газетчиком. «Комплекс Герострата» в этой стране был невозможен. Зато читатели охотно сообщали в газету о случаях правонарушений – с тем, чтобы полиция приняла соответствующие меры. Это говорит о том, что газета воспринималась не как самостоятельный институт, а как одно из подразделений власти. Читатель газеты твердо знал, что находится под пристальным оком других читателей. При сёгунате члены пятидворок были обязаны доглядывать друг за другом, теперь вся страна превращалась в такую пятидворку. Недоносительство каралось законом, доноительство становилось действием по убеждению. В лице газет власть получила

мощный инструмент по проведению своих планов в жизнь. Инструмент информационного террора.

Закон о клевете защищал от журналистов простых подданных. Но одновременно он защищал и министров и чиновников. Получалось, что власти в значительной степени выводились за пределы поля, где была возможна критика. Одним из следствий принятия закона стало резкое сокращение публикаций на криминальные темы, поскольку газеты опасались, что упоминание тех или иных конкретных имен могут счесть за «клевету». «Современные» газеты в полной мере ощущали на себе путы средневековья и были вынуждены прибегать к эзопову языку. Но при этом все же следует помнить, что предварительная цензура отсутствовала и возможности для критики правительства при Мэйдзи были значительно более широкими, чем при Токугава.

Темп жизни становился все быстрее. Простому человеку нужно было накормить семью, правительству – справиться с внешними и внутренними проблемами, всем вместе – догнать Запад. Основанный Мори Аринори, Фукудзава Юкити и другими поборниками прогресса просветительский журнал «Мэйроку дзасси» («Шестой год эры Мэйдзи») скорбел о времени, которое могло быть потрачено зря. Он утверждал, что Япония сумеет догнать Запад только через несколько десятилетий. Провидчески предположив, что это может случиться через 30 лет, журнал предупреждал: если проводить в праздности воскресенья, погоня может занять еще больше времени – за этот период набегит полторы тысячи таких никчемных дней^[122]. Японцы трудились упорно, двигались быстрее, нетерпение было велико. Мэйдзи служил им в этом примером. Для того чтобы придать его образу больше динамизма, его часто изображали на фоне транспортных средств. Это мог быть поезд, это могла быть лошадь или экипаж. Это мог быть и настоящий военный корабль, и детский парусник, и крошечная традиционная лодка.

Тоёхара Тиканобу. Император Мэйдзи любит сакуру на реке Сумида-гава (1887 г.)

В мае правительство отменило запрет на кремацию. Причин нашлось несколько. Во-первых, обряд трупосожжения имел слишком глубокие традиции, сломать которые оказалось не под силу. Во-вторых, с переходом на захоронение в земле территории кладбищ стали стремительно расширяться. В-третьих, именно по этой причине даже на «цивилизованном Западе» стало строиться больше крематориев, и это было хорошим предлогом, чтобы «сохранить лицо» при отмене своего прежнего распоряжения^[123]. Правительство, бывало, увлекалось, но

нужно отдать ему должное: ошибки исправлялись быстро.

Вместе с административной реформой было упразднено и подразделение в Министерстве религии, ведавшее деятельностью проповедников (сэккёси). Опыт их деятельности вышел неудачен, государственной религии на основе синтоизма создать не удалось. Опыта прозелитской работы не хватало, образованность проповедников оставляла желать лучшего, ритуалы не были унифицированы, представители разных религиозных школ не могли преодолеть догматических различий между своим пониманием «Неба», «Пути», верховной власти, идеалы западной модернизации были проповедникам чужды. Предполагалось, что «проповедники» будут действовать на основании прежде всего синтоистских ценностей. Однако из ста тысяч проповедников (большинство из них не получали жалования и напоминали волонтеров) синтоистские жрецы составляли всего 20 процентов. А потому многие из них рассказывали пастве о том, что ближе не государству, а им самим. Например, один из них вместо того, чтобы разъяснять курс правительства, рассказывал о том, какие блага несет верующему почитание будд. Он закончил свою проповедь такими словами: «Во время молитвы следует поминать имя будды Амида, и если вы даже совершили что-то плохое и нехорошее, то стоит разок произнести имя этого будды, как прегрешения немедленно исчезнут»^[124]. Нет, не этого ожидало правительство от своих служащих.

Проповедникам бывало зачастую трудно добраться до храмов и святилищ. Многие из них располагались в местах священных, т. е. высоко в горах. Верующие привыкли посещать их по большим праздникам, являться туда сколько-нибудь часто казалось им делом неблагодарным. Словом, идеологические возможности синто по обеспечению единения народа вокруг поставленных правительством целей оказались ограниченными. В то же самое время синто оставался главной опорой монархическо-национальной идеи.

Дело христианских миссионеров между тем находилось на некотором подъеме. В этом году выпускник Вест-Пойнта капитан Джейнс, нанятый преподавать в частной школе в Кумамото, крестил сразу 34 своих ученика. В обязанности капитана входило преподавание английского языка, естественнонаучных дисциплин и всеобщей истории. Уроки морали ему не доверили – они строились в соответствии с конфуцианским канонам. Однако Джейнс все-таки приступил к проповеди христианства. Среди его слушателей был и Токутоми Сохо (1863–1957), которому предстояло стать одним из властителей дум мэйдзийской Японии. Недовольство родителей юных последователей христианства было столь велико, что школу пришлось закрыть.

1876 год

9-й год правления Мэйдзи

В начале года в Иокогаму прибыл немецкий врач Эрвин Бёльц (1849–1913). Он учил японских студентов, лечил императорскую семью, оставил интересный и весьма откровенный дневник. Вместо положенных ему по контракту двух лет он прожил в Японии 26.

Бёльц застал японских интеллектуалов в момент полной потери ориентации. Одно из первых его впечатлений о японцах было таково: они хотят стать европейцами и не видят ничего хорошего ни в своей культуре, ни в истории. На заинтересованные расспросы Бёльца о прошлом Японии образованные люди отвечать не желали, утверждая, что это было «варварское прошлое». «У нас нет истории. Наша история только начинается», – убежденно говорили они^[125]. «Америка – наша мать, Франция – наш отец», – повторяли оголтелые западники. Во многих школах вместо истории Японии преподавали историю Запада. Сатирики утверждали, что нынешние японские женщины с громадным удовольствием перекрасили бы себе глаза в голубой цвет, если бы только знали, как это сделать. Совсем недавно в Японии было трудно сыскать человека, который не считал европейцев «варварами». Теперь многие японцы стали считать варварами самих себя.

В момент прибытия Бёльца на государственной службе находилось около 520 иностранцев – больше, чем когда бы то ни было. Однако с этого времени их число стало сокращаться. К 1880 году их стало вдвое меньше. Общее число иноземцев, имевших опыт работы в Японии по контракту с правительством, достигало 3000 человек. Англичан среди них насчитывалось больше всех. За ними следовали немцы, американцы и французы. Вначале большинство из них работали инженерами и преподавателями. Но если численность преподавателей оставалась стабильно высокой, то инженеров с течением времени становилось все меньше и меньше – дипломированные японцы занимали их места. После 1894 года их число уже не достигало сотни человек. Помимо действительно высококвалифицированных специалистов, внесших значительный вклад в развитие промышленности, сельского хозяйства и образования, находились и «искатели приключений». Так, профессорами Императорского университета, которые получали огромные зарплаты, работали простые торговцы, виноделы, моряки, крестьяне и даже... клоун.

Эрвин Бёльц

Иностранцы на службе японского правительства находились в привилегированном положении. Помимо заоблачных по тогдашним японским меркам зарплат, до 1881 года практически все они по истечении срока контракта удостоивались аудиенции у Мэйдзи. Однако «особость» их положения сказывалась и в другом: все они находились на должностях советников или же помощников, то есть не могли принимать никаких самостоятельных решений. Для путешествия по стране им по-прежнему требовалось специальное разрешение. Не разрешалось им заниматься и предпринимательской деятельностью.

Японское общество всегда с особой твердостью настаивало на соблюдении двух внутрисемейных обязанностей: детьми перед родителями и женами перед мужьями. Западники же в лице Фукудзава Юкити и его сторонников неустанно критиковали японские брачные порядки, говорили о том, что многоженство унижительно для женщины, что брак должен заключаться «по любви», а не по сговору родителей. Они настаивали на равенстве полов, и их идеи начали обретать сторонников. Будущий министр просвещения Мори Аринори подал пример: вступая в брак, он заключил со своей невестой контракт, в котором оговаривались равные права сторон, в том числе и в части распоряжения имуществом.

Однако по гендерной проблеме у традиционалистов находились сильные контраргументы. В январе случилось немыслимое: некая женщина убила своего мужа. «Почвенники», разумеется, в полной мере использовали это убийство в качестве «информационного повода». Вот до чего доводит ношение женщинами штанов, вот до чего доводит катание женщин верхом на лошади, вот до чего доводит стрижка волос, вот до чего доводит утверждение, что женщина должна вести себя сообразно своим желаниям! – громогласно заявляли они.

28 марта бывшим самураям пришлось распрощаться с последним видимым свидетельством своего благородного происхождения. В этот день был обнародован указ о запрете на ношение мечей. Это означало, что самурайское сословие исчезало окончательно. Отныне только полицейские и армейские чины имели право на ношение сабли. Недовольство среди самураев было огромным, в правительство поступали многочисленные петиции с протестами, а в Кумамото самураи даже решили, что станут расхаживать по улицам с деревянными мечами.

Пройдет еще совсем немного времени, и недовольство выплеснется в восстания, где оружием послужат только что отмененные правительством мечи.

Менялось все, менялся сам ритм жизни. И если раньше, несмотря на введение солнечного календаря, служащим полагалось отдыхать через каждые десять дней, то с апреля этого года временным модулем сделали христианскую неделю – теперь предписывалось отдыхать по воскресеньям.

Еще в начале правления было объявлено, что Мэйдзи будет совершать частые поездки по стране. Однако второе путешествие удалось совершить только через четыре года после первого. Конечным пунктом значился городок Хакодате на Хоккайдо. Маршрут проходил по тем регионам, где сопротивление восстановлению императорской власти было наиболее сильным. Кроме того, следует иметь в виду, что северо-восток страны был одним из самых отсталых регионов. Как экономически, так и культурно.

Обосновывая необходимость посещения Хоккайдо, главный министр Сандзё Санэтоми писал, что люди далеких регионов даже не знают о существовании императорского дома, а император не знает, как живут и что чувствуют эти люди. И потому следует сделать так, чтобы они увидели друг друга. Таким образом, чиновники, ответственные за создание имиджа императора, еще раз подчеркивали необходимость визуального контакта между «верхом» и «низом». Пребывание императора в глубинке должно было лишний раз подчеркнуть, что все подданные находятся под рукою Мэйдзи. Это было символическим актом «присвоения» территорий, которые еще предстояло освоить с помощью более практических методов.

Мэйдзи отправляется в путешествие

Поездке предшествовала тщательная подготовка, местным властям от имени министра внутренних дел Окубо Тосимити разослали инструкции, как следует организовать встречу Мэйдзи. В частности, предписывалось преподносить императору географические карты тех местностей, по которым он проезжает. Это, разумеется, было глубоко символическим действием

– преподнесение карты означало акт покорности, «передачу» управляемой территории под юрисдикцию сюзерена. Кроме того, были выработаны правила поведения населения. Предупреждалось, что нельзя приветствовать императора голыми и полураздетыми, при виде паланкина следовало снять головной убор, спешиться или выйти из экипажа, отойти к обочине, прижать руки к коленям и совершить низкий поклон. Все это сильно напоминало то, как японцы оказывали почтение князю или сёгуну.

Первая поездка Мэйдзи проходила в основном по морю. Сейчас предстояло сухопутное путешествие, которое Мэйдзи совершил главным образом в паланкине. Иногда он пересаживался в экипаж. Сто метров, которые император прошел своими ногами, удостоились специального упоминания в летописи.

Мэйдзи покинул Токио 2 июня. Его сопровождало 230 человек. Тщательная подготовка населения к встрече своего государя приносила свои плоды. Мэйдзи приказывал остановиться как раз там, где это было запланировано. Когда он решил посмотреть, как крестьяне сажают рисовую рассаду, перед его взором предстали копающиеся в грязи пейзажи в своих лучших одеждах. При этом они еще распевали песни.

В эти годы правительство призывало аграриев из Америки и Англии, чтобы они посоветовали, как японцам вести сельское хозяйство. Частью их рекомендации оказались бессмысленными, частью – невыполнимыми. Эксперты советовали создавать крупные фермы, разводить коров и лошадей, сажать картошку, капусту и популярные на Западе зерновые (в основном пшеницу). Однако они не учли совсем «малого»: рис дает намного более высокие урожаи, чем пшеница; картофель плохо растет в жарком и влажном климате; для выращивания скота требуются пастбища, а откуда их взять, если каждый клочок земли уже чем-то засажен? Словом, японские крестьяне предпочли работать дольше, улучшать посевной материал, ирригационные сооружения и вносить больше удобрений. И только на обширных долинах холодного Хоккайдо с его редким населением некоторые советы западных экспертов были воплощены в жизнь.

Перспектива. Традиционные в своей основе агротехнологии сумели обеспечить устойчивый рост сельскохозяйственной продукции. Несмотря на значительный рост населения (33,1 млн в 1872 г., 41 млн в 1892-м и 52,1 млн человек в 1912-м), Япония в это время не знала массовых случаев голода или же нехватки продовольствия, что в период перехода от аграрного общества к индустриальному случается весьма часто.

Словом, Мэйдзи во время своей поездки наблюдал традиционную агротехнику, сопровождаемую такими же традиционными песнями. Песни и танцы вообще были обязательным пунктом программы. Император не упускал случая поприсутствовать на представлении. Последним аккордом в этой череде концертов были айны в Хакодате. Надо сказать, что такие выступления перед императором имели давнее происхождение. Еще в VIII веке прибывшие издалека подданные демонстрировали во дворце Нара свой фольклор. Эти выступления имели точно такое же символическое значение, что и преподнесение подарков: показать, что люди признают Мэйдзи своим государем. Разница состояла в том, что тогда они являлись во дворец, а теперь император посещал их. Что поделать – страна все еще переживала трудные времена, волнения и мятежи случались каждый год, Мэйдзи проживал во временном дворце, ему еще предстояло доказать, что он – государь подлинный. Только после того, как политическая стабильность будет окончательно достигнута, он перестанет совершать поездки по стране и подданные станут являться на поклонение в Токио.

По пути следования Мэйдзи выстраивались толпы. Многие передавали его

сопровождающим свои приветственные стихи. Император просматривал их за ужином.

На всех встречах императора с подданными присутствовали Ивакура Томоми и Кидо Такаёси. Общение происходило через Ивакура. Напомним, что разговаривать напрямую с подданными считалось для полубожества делом «не царским». Император посещал государственные учреждения, промыслы, фабрики, школы. Лучшим ученикам он дарил словари и географические атласы. В Аомори 10 учеников демонстрировали Мэйдзи свое знание английского языка, которым сам император не владел. Темами их устных выступлений были следующие: речь Ганнибала перед своими воинами; речь Эндрю Джексона в американском сенате; выступление Цицерона против Каталины. В письменной же форме ученики должны были выразить восхищение визитом императора в Аомори, сочинить песни, восхваляющие просвещение, образование и прогресс. Император пожаловал каждому ученику по 5 иен, чтобы они могли купить себе по словарю Вебстера, но по возвращении в Токио высказал свое неудовольствие тем, что школы уделяют слишком мало внимания изучению самой Японии.

Императору показывали местную керамику, старинные предметы деревенской утвари, работы каллиграфов и художников. При посещении больницы в Хакодате Мэйдзи впервые удалось взглянуть в микроскоп. Его взору предстала располосованная врачами лягушка, на которой они изучали систему кровообращения. Все люди, с которыми встречался Мэйдзи, были одеты с иголочки.

Несмотря на то что нынешнее правительство столь часто списывало проблемы страны на сёгуна, посетил император и Никко, где находится святилище Токугава Иэясу. Мэйдзи был призван обеспечить не только территориальное единство страны нынешней, но и связь времен.

21 июля корабль доставил Мэйдзи и его свиту из Хакодате в Йокогаму.

Север страны казался императору тихим и замиренным. Однако это была обманчивая тишина – в стране, в особенности на юге, копилось недовольство. И для него действительно находилось немало оснований. Особенно негодовали бывшие самураи: им запретили носить самурайскую прическу, правительство закрывало глаза на деятельность христианских миссионеров, чиновники щеголяли в западной одежде. Не говоря уже о том, что они лишились своих давних сюзеренов. Ужасным потрясением стал запрет появляться в общественных местах с мечами, без чего жизнь попросту не имела смысла. Исчез последний знак того, что самураи являются «солью» японской земли. Нет, не такой представляли себе новую Японию те люди, которые с оружием в руках выступили в защиту императора. Точно так же как их сыновья, которые готовили себя к тому, чтобы стать элитой Японии. А тут еще подоспело распоряжение об отмене ежегодных пенсий для бывших самураев.

Нужно признать: пенсии себя не оправдали. Творцы закона рассчитывали, что они помогут самураям заняться каким-нибудь производительным трудом, основать свое дело, сесть на землю. Но этого не произошло; очень многие из них, подобно русским дворянам, свой капитал промотали. Самурай-рикша – один из устойчивых литературных персонажей того времени. Сохранились и драматические истории, как самурайским дочерям приходится добывать пропитание в борделях.

У самураев не было ни навыков, ни желания самостоятельно зарабатывать на свой рис – занятия физическим трудом они считали делом для «черни». Однако и эта «чернь» уже не желала признавать справедливость выплачиваемых самураям пенсий – ведь они уже никого не защищали. Газеты называли самураев «попрошайками», которые проедают и пропивают полученное от государства добро. На глазах самураи превращались чуть ли не в изгоев.

В августе было принято решение: ежегодные пенсии отменить, перевести их в государственные облигации со сроком погашения от 5 до 14 лет. За исключением горстки бывших князей, никто не мог прожить на проценты по выплатам на облигации, большинство их

держателей предпочло с ними расстаться. Бывшие самураи окончательно становились «обычными» подданными императора Мэйдзи. Военное сословие перестало существовать. В то же время практически все бывшие князья сумели превратить свои деньги в капитал. Они вложили свои средства в покупку земли, торговлю, банки, фабрики, превратившись в помещиков и предпринимателей. Таким образом, на высшем уровне была сохранена социальная преемственность по отношению к эпохе Токугава. Поэтому князья не проявили сословной солидарности со своими бывшими дружинниками и не стали участвовать в их борьбе против нового режима. Кодекс самурайской чести культивировал верность вассала по отношению к сюзерену, но он не предусматривал такой же безоглядной верности сюзерена по отношению к вассалам. Очутившись без признанных веками потомственных лидеров, простые воины уже не могли рассчитывать на то, что их движение станет восприниматься как полностью легитимное.

Недовольство самураев переходило в отчаяние или, что было хуже для правительства, в отчаянную решимость. Наиболее непримиримые из них принадлежали к группе, назвавшей себя «Синпурэн» – «Объединение Божественного Ветра» («Синпу» – альтернативное чтение иероглифов «камикадзе»). Ее штаб находился в Кумамото. Лидер движения Отагуро Томоо (1835–1876), служивший настоятелем синтоистского святилища, имел в виду, что его единомышленники должны принести нынешней Японии такое же очищение, какое принес ей божественный ураган, развеявший монгольский флот в конце XIII века. Эти люди настолько ненавидели всякое проявление западной жизни, что, проходя под телеграфными проводами, прикрывали голову белым веером в надежде защитить себя от иноземных флюидов. Или же начинали разбрасывать вокруг себя очистительную соль при виде особи, облаченной в европейскую одежду. А один человек, полагавший, что бумажные деньги пришли с Запада (на самом деле они были изобретены в Китае), брезговал трогать их руками и соглашался брать ассигнации только палочками для еды^[126].

Все свои действия Отагуро сверял с гаданиями. Несколько раз на его вопрос о восстании боги отвечали отказом, но день 24 октября они сочли подходящим. Один отряд «Синпурэн» напал на казарму в Кумамото и поджег ее. Другой атаковал здание ненавистного телеграфа. Третий ворвался в префектуральное управление. Нападавших насчитывалось около 200 человек. Большинству из них не было и 30 лет. Они не брали пленных, им удалось убить более 300 человек, включая губернатора Ясуока Рёсукэ. Но по чисто идеологическим мотивам восставшие были вооружены только холодным оружием, и когда правительственные войска опомнились и пустили в ход огнестрельное оружие, надеяться мятежникам было уже не на что. Отагуро и большинство его сподвижников сделали себе харакири.

Точно так же поступили самураи, восставшие 26 октября в Фукуока. Их было менее 200 человек, с самого начала они были обречены. Они назвали себя «армией смертников за страну». Восставшие отдавали себе отчет в том, что бороться против «цивилизации» – бесполезно. Но и жить во имя западной цивилизации они тоже не хотели.

Обстановка в Токио была нервной. Услышав однажды артиллерийские залпы, доктор Бёльц поначалу подумал, что мятежники напали на столицу. И только потом понял, что это салют в честь дня рождения Мэйдзи. К этому времени, в отличие от недавнего прошлого, иностранцы в Иокогаме стали чувствовать себе более спокойно, чем в Токио^[127]. Главной мишенью разгневанных самураев теперь стал уже не иностранный селтльмент, а японские власти. Новое правительство никак не могло обеспечить спокойствия внутри страны, и в этом отношении оно мало отличалось от сёгуната последних лет его существования. Япония снова стояла на пороге гражданской войны.

Все самурайские восстания были подавлены очень быстро, однако безжалостность (по отношению к самим себе и другим), с которой действовали мятежники, и отсутствие сколько-то

продуманной стратегии говорят о настоящем отчаянии. Многие крестьяне были тоже недовольны нововведениями, но пропасть, отделявшая их от самураев, оказалась настолько велика, что самураи поднимали самурайские восстания, а крестьяне, вооруженные бамбуковыми пиками, – крестьянские. Хотя новое правительство и поставило своей целью более тесное взаимодействие всех бывших сословий и консолидацию их в единую нацию, в данном случае это был большой плюс. Не пользовались самураи и поддержкой бывших даймё – правительство предусмотрительно откупило от них. Они жили в Токио, а недовольные – в провинции.

Восстания проходили на фоне продолжавшихся усилий правительства по превращению населения архипелага в «народ». Власти и газеты начали использовать патерналистскую метафору, которая в течение многих веков обеспечивала устойчивость японского общества. Конфуцианство учило детей повиноваться своим родителям, а родителей – заботиться о своих детях. Теперь этот принцип стал распространяться на государство и общество в целом. Читатель газеты «Токё симбун» («Токийская газета») писал, что следует тщательно изучать правительственные указы, ибо: «...люди, которые оказывают услуги правительству, – суть его дети. А потому следует крепко придерживаться того хорошего, чему учат нас родители»^[128]. Если правительство – это отец с матерью, то совершенно естественно, что средства семьи должны находиться в их распоряжении. Так обосновывалась необходимость уплаты налогов, которые затем шли на содержание чиновников, а также армии и полиции, которые «защищают» детей от разного рода злодеев^[129].

Патерналистская метафора широко использовалась при построении «народного государства» и на Западе, и в России. Однако ее наполнение довольно сильно отличалось от японско-конфуцианского понимания. Отношения между родителями и детьми в буржуазной Европе имели сильный сентименталистский налет, властям было мало простого повиновения, они требовали от подданных еще и пылкой любви. Европейская любовь предполагает взаимность и равноправие, что казалось японцам немыслимым. Такая любовь по своей сути капризна, она не «природна», ее надо заслужить, она предполагает, что стороны «нравятся» друг другу, для поддержания любви требуются усилия обеих сторон. Конфуцианство же очищено от этой ненадежной, эмоциональной и капризной составляющей, дети должны слушаться родителей вовсе не потому, что они их «любят», а только потому, что они *должны* их слушаться, потому, что они имеют статус вечных детей. В японской культуре не заложен конфликт между поколениями. Бунт детей против отцов широко представлен в мифах европейских народов, в мифе японском такой конфликт отсутствует. Божественные братья и сестры ссорятся друг с другом, но они никогда не восстают против родителей. А потому японское общество было стабильнее, оно не знало таких взрывов эмоций, которые сменяются охлаждением, разрывом и массовым бунтом. Японская власть вовлекала людей в ряды «народа», которого она считала своим младшим партнером в деле превращения страны из «феодальной» в «современную». Она даровала ему право служить себе. И «простые» японцы были склонны к восприятию этой метафоры и такого неравноправного партнерства – мало кому приятно оставаться сиротой.

Существовавшее в обществе недовольство действиями правительства не позволяло говорить о том, что концепция «семейного государства» уже окончательно овладела умами, но уже в скором времени эта метафора докажет свои «склеивающие» потенции в полной мере.

Родители лучше знают, что хорошо, а что плохо. Поэтому-то правительство не только имеет право, оно просто обязано воспитывать своих детей – издавать законы и следить за их исполнением. Эти законы строго регламентировали поведение «детей» в публичных местах. Они были направлены на то, чтобы японцы не показались европейцам смешными. Доходило до полного абсурда: владельцам бань предписали подавать не такую горячую воду, к которой привыкли японцы, а попрохладнее – только на том основании, что так принято в Европе.

Токийская полиция в этом году начала взимать штрафы за следующие нарушения общественного порядка и приличий: нахождение на улицах раздетым и полураздетым; чинение препятствий проезду конных экипажей; отсутствие на экипажах сигнальных огней; чересчур быстрая езда экипажей, сопровождающаяся наездом на прохожих; татуировка; продажа порнографических гравюр; совместное купание в бане мужчин и женщин; фейерверки в непосредственной близости от жилых домов; продажа порнографических цветных гравюр; ношение мужчинами женской одежды и наоборот (исключение составляли актеры – эта мера была направлена против чересчур «передовых» женщин, норовивших влезть в мужские штаны); отправление малой нужды в неположенных местах; отправление малой нужды детьми перед магазинами; драки и ссоры; перевозка нечистот в бочках без крышки; нанесение ущерба зеленым насаждениям; женская стрижка. «Родители» в лице полиции тщательно следили за поведением «детей»: в августе штрафу подверглись 1053 человека, в сентябре – 1602. Особое внимание уделялось тем улицам, где предположительно могли оказаться иностранцы. При этом следует заметить: несмотря на то что общество переживало период реформ, который обычно сопровождается резким подъемом преступности, в Японии этого не происходило. В том же самом сентябре в Токио было совершено всего одно убийство и пять поджогов^[130].

Вслед за Токио подобные ограничения стали вводить и другие местные власти. По всей стране шла борьба с «дурными» обыкновениями прошлого и «предрассудками». Крестьянам запрещали проводить прежние ритуалы (например, «распугивания насекомых», почитания бога дорог или поминовения предков), прыгать в чистую воду с мостков, поклоняться буддам на зимнем холоду в горах, спать днем. Профессии гадателей и уличных артистов тоже попадали под запрет. Запрещалось не допускать женщин в храмы, что было обычной практикой прошлого времени. Бурные танцы и долгие застолья запрещались потому, что это «вредит здоровью». Теперь было уже нельзя плевать и сморкаться в очаг, вносить ночной горшок в спальню^[131]. И еще очень многое теперь было нельзя. Словом, властями овладел настоящий «запретительный восторг». Надо ли говорить, что даже послушное японское население далеко не все эти запреты соблюдало в полной мере.

Арест гейш, которые посмели появиться на улице полуголыми

Самостоятельный бизнес бывшим самураям не слишком давался, поэтому большинство из них предпочло государственную службу. Основу офицерского корпуса полиции и армии составили именно бывшие самураи. Они были самой образованной частью японского общества. Европейские путешественники отмечали, что очень многие полицейские носят очки. Это и понятно – в своей прежней, самурайской жизни они уже успели натрудить глаза при изучении иероглифов, да и сама государственная служба в Японии была традиционно связана с огромным объемом отчетности.

В связи с тем что самураи оказались самым образованным сословием, значительное их число нашло себя в чисто «интеллигентных» профессиях – преподавателей, ученых, врачей. Подавляющее большинство должностей в аппарате управления также оказалось занято бывшими самураями. В отличие от аристократов, за самураями прочно закрепилась слава людей

неподкупных. Их личная порядочность и приверженность общему делу создали такое положение, которое в значительной степени сохраняется до сегодняшнего дня. И если коррупционные скандалы в высшем управленческом звене мало кого удивляют, то неподкупность среднего и низшего звена вызывает уважение до сих пор.

В октябре Александр II прислал Мэйдзи фотографии и чертежи Зимнего дворца, которые тот запросил в связи с подготовкой строительства своего нового дворца. После заключения договора о территориальном размежевании монархи решили «дружить дворцами».

1877 год

10-й год правления Мэйдзи

Государственные расходы существенно превышали доходы, инфляция набирала обороты, продукция земледельцев дорожала, но дорожало и многое из того, что было нужно крестьянам. Росла и производительность труда. Поэтому довольно скоро размер сельскохозяйственных налогов стал в реальности меньшим, чем платили крестьяне до падения сёгуната своему хозяину. Однако «сухие» проценты не могут дать однозначного представления о том, как жили люди. Переход от полунатурального хозяйствования к товарно-денежному проходил нелегко, развивалось отходничество, город начинал высасывать крестьян из деревни, в самой деревне большее место стало занимать выращивание шелковичного червя, чая, коров, дети ходили в платную школу, какая-то часть юношей стала служить в армии. Менялся сам стиль жизни, а это всегда воспринимается болезненно.

Еще в конце 1876 года в префектурах Миэ, Айти, Сайтама и Сакаи случилось несколько крупных крестьянских волнений. Крестьяне требовали понижения налогового бремени, 57 тысяч человек подверглись наказаниям. Однако уже 3 января напуганное правительство понизило земельный налог до двух с половиной процентов от стоимости земли (местные налоги – до одной пятой этой суммы). Это привело к снижению налогового бремени на четверть. В связи с этим государственные расходы и чиновничий аппарат подлежали сокращению. Денег не хватало ни крестьянам, ни правительству.

24 января Мэйдзи отправился на корабле в Кобэ. Там он открыл новую железнодорожную линию, по которой он доехал из Кобэ до Киото. Пять лет назад при открытии железной дороги между Токио и Иокогамой в императорском указе говорилось о том, что железная дорога будет способствовать процветанию народа. Сейчас такие высокие слова не употреблялись, Мэйдзи лишь призвал чиновников, строителей и народ совместно порадоваться.

На сей раз Мэйдзи путешествовал в персональном вагоне. Вагон сработали в Англии, но его устройство и убранство отражали японские реалии. Символы императорского достоинства – хризантемы и драконы – украшали его. Хотя в комнате в голове вагона император сидел на мягких диванах, туалет был устроен на японский лад – справлять нужду следовало на корточках. Паровоз вел англичанин, но до появления первых японских машинистов оставалось ждать всего два года. Количество иностранных железнодорожных служащих, совсем недавно превышающее сто человек, стало уже сокращаться. Квалификация местных кадров была высокой, а платили им намного меньше.

В Киото Мэйдзи не появлялся уже давно. Его целью было посещение захоронений основателя династии Дзимму и своего отца Комэй, со дня смерти которого минуло уже целое десятилетие.

Радуюсь мысли,
Что в этом году увижу
Первый снег
В столице цветов,
Где жил я так долго.

Цукиока Ёситоси. Мэйдзи и Харуко наблюдают за представлением (1877 г.)

Во дворце Госё Мэйдзи встречался с членами правящего дома, аристократами. Строения дворца заметно обветшали. Мэйдзи распорядился нанять 4 тысячи человек, чтобы они поддерживали дворцовое хозяйство в удовлетворительном состоянии. Кроме могил предков и синтоистских святилищ, Мэйдзи посещал школы, фабрики, ферму, представления театра Но, синтоистские мистерии кагура, железнодорожные станции, буддийские храмы в пригородах Киото и в Нара. Место предполагаемого захоронения Дзимму было приказано привести в порядок. Император совершил паломничество туда в День основания империи (Кигэнсэцу). Отправил Мэйдзи посланцев и к захоронению царедворца Фудзивара-но Фухито (659–720), отметив его заслуги в создании законодательной системы того далекого времени.

Храмы и святилища Мэйдзи посещал в традиционной одежде, школы и заводы – в европейской.

Посещение тех мест, которые были связаны со становлением японской государственности, придавали им новый статус в нынешней официальной идеологии. Мэйдзи старался показать, что не только «прогресс» волнует его – он дорожит и историческим наследием. В умах людей Токио должен был ассоциироваться с реформами и устремленностью в будущее. Нара и Киото предназначалась роль «фундамента», раствора, который должен скрепить собой детали возводимого здания под названием «Новая Япония». В это время устои искали не в том прошлом, которое ассоциируется с сёгунатами, а в прошлом более давнем, когда ни о каких военных правителях еще и не слышали.

Ёсю Тиканобу. Черда японских императоров (1879 г.)

Наверху изображен Дзимму, внизу – Мэйдзи с супругой. Между ними располагаются «портреты» нескольких императоров древности.

Действительность преподносила все новые доказательства того, что приверженность самурайскому прошлому служит деструктивной силой. Ко времени поездки Мэйдзи в Киото, в Кагосима, столице бывшего княжества Сацума, а ныне – центре префектуры Кагосима, все уже было готово к самому серьезному самурайскому восстанию, которое случилось в правление Мэйдзи. Историки обычно называют это восстание «юго-западной гражданской войной».

Сайго Такамори покинул Токио в 1874 году и обосновался в родном Сайго Такамори на охоте городе Кагосима. Вслед за ним последовали несколько сотен его земляков из императорской гвардии и полиции. Сайго получил возможность отдохнуть от дел, часто охотился. В то же время он основал несколько «частных школ» (они больше напоминали

военные училища) для воспитания «настоящих» самураев, которые готовили себя к самым решительным действиям. Сайго тратил на эти училища свои сбережения, губернатор из государственных средств платил жалованье преподавателям и даже закупал «учебные пособия» в виде оружия. Обстановка в префектуре была такая, что для подростков и молодых людей посещение училища стало практически обязательным.

Сайго Такамори на охоте

Княжество Сацума традиционно было одним из самых военизированных. Это объясняется тем, что там, в отличие от подавляющего большинства других княжеств, в состав «настоящих» самураев традиционно включались и «госи» – те самураи, которые занимались сельским хозяйством. В других частях страны госи утратили свой самурайский статус еще в начале правления Токугава и влились в состав крестьянства, заняв руководящие должности в местном административном аппарате. В Сацума самураи и их семьи составляли около 25 процентов населения (в «обычных» княжествах доля самураев составляла 5—10 процентов). Вместе с самураями городскими самураи сельские с готовностью посещали военные училища.

Слушатели училищ никогда не ставили перед собой цели свержения Мэйдзи. Они полагали, что их император окружен людьми несправедливыми, от которых и следует его избавить. Сам Сайго сравнивал нынешнюю Японию с проржавевшим колесом – для того чтобы оно снова закрутилось, следовало крепко ударить по нему молотком и сбить ржу.

Общее число «учеников» в школах Сайго составляло около 13 тысяч человек. В декабре прошлого года из Токио в Кагосима были направлены секретные агенты. В их задачу входила

проверка сообщений об антиправительственном духе занятий в местных училищах. Однако студенты схватили одного из них, Накахара Хисао, и обвинили его в подготовке покушения на их любимого Сайго. Под пытками Накахара признался в преступном замысле (потом он отказался от показаний). Это признание послужило непосредственной причиной волнений, которые переросли в восстание и войну. Самураи Сайго были недовольны очень многим, но они выступили с оружием в руках только тогда, когда посчитали, что жизни их сюзерена грозит опасность. Они руководствовались привычным кодексом чести и были верны не столько идеям, сколько своему господину.

Поскольку нанятый правительством пароход собирался забрать оружие из арсенала Кагосима, слушатели училищ при полном попустительстве местной полиции разграбили его. Сайго заявил, что отправляется в Токио в сопровождении правительственных войск, чтобы выяснить обстоятельства заговора против него. Под «правительственными войсками» разумелись его собственные формирования. Для большей убедительности он и его офицеры были одеты в сохраненную ими униформу императорских войск.

20 февраля войска Сайго Такамори численностью в 15 тысяч человек пересекли границу префектуры Хиго и вошли в город Кумамото. Непосредственной целью восставших был местный замок – главная цитадель правительства на юге Кюсю. Одно имя легендарного Сайго наводило ужас на защитников крепости, недавних крестьянских сыновей. Тем не менее войска Сайго не сумели войти в защищенный массивными стенами огромный замок с пятью десятками башен. Армия Сайго была вооружена пушками и винтовками, но две попытки штурма средневекового замка окончились неудачей, мятежники приступили к длительной осаде. 22 февраля нападавшим во время боя в открытом поле удалось захватить флаг 14-го полка под командованием Ноги Марэсукэ, будущего героя японско-русской войны.

Замок Кумамото

Ужас испытывали не только солдаты Мэйдзи. Уже в самом начале восстания губернатор Июкогамы уведомил иностранные представительства, что не может гарантировать их безопасность. Готовясь к эвакуации, с разных концов света в Июкогаму заспешили военные корабли.

Самураи, проживавшие в Кумамото, стали переходить на сторону восставших. Они говорили, что нынешняя европеизация лишила страну ее бывшего величия. Численность войск Сайго составляла теперь 20 тысяч человек. Сам он не был оголтелым антизападником – в число его кумиров входил Джордж Вашингтон. Перед военными действиями и даже после их начала он заявлял, что его целью является добраться до Токио и задать несколько нелюбимых вопросов правительству. Пусть только правительственные войска пропустят его армию, которая собирается мирным маршем дойти до столицы. Наверное, он лукавил. В любом случае логика военных действий и радикализм окружения Сайго привели к возникновению полномасштабной гражданской войны.

Сам Мэйдзи, скорее всего, сожалел о случившемся, поскольку Сайго сыграл в свое время выдающуюся роль во время реставрации императорской власти. Его симпатия по отношению к Сайго и надежда уладить дело миром объясняют, почему Сайго был лишен придворного ранга и официальных должностей только 9 марта. Надо сказать, что и некоторые люди из ближайшего

окружения Мэйдзи также не испытывали ненависти по отношению к Сайго. Так, Кидо Такаёси полагал, что Сайго просто плохо информирован и потому заблуждается.

Мэйдзи пребывал в подавленном состоянии. Он больше не выбирался за пределы Госё, забросил свои ежедневные занятия и даже верховую езду. Он часто затворялся в женской части дворца, куда практически никто из членов правительства не имел доступа. Мэйдзи сильно пил в это время, причем, как отмечает один из свидетелей, он пил сакэ не из обычных крошечных рюмочек, а из больших чаш, которые он наполнял до краев^[132]. Здесь же, в Киото, у Мэйдзи случился первый приступ бери-beri, что также вряд ли могло помочь императору преодолеть депрессию. Эта болезнь зачастую приводила к летальному исходу. Недуг вызывался недостатком витамина В; . Он содержался в оболочке зерен риса, но японцы предпочитали обрубленный, «белый» рис. Именно белый рис считался признаком «богатой» жизни. Бери-beri была распространена в Японии очень широко. Однако в то время причины болезни оставались невыясненными.

Стандартным советом докторов была «смена воздуха». Именно этот способ лечения посоветовали они принцессе Кадзуномия, сестре Комэй и вдове сёгуна Иэмоти. Она тоже заболела бери-beri в августе этого года. Кадзуномия отправилась в горы Хаконэ, но было слишком поздно. Она умерла 2 сентября в возрасте 33 лет. Несмотря на то что в свое время она изо всех сил сопротивлялась браку с сёгуном, она оказалась преданной своему мужу супругой. Кадзуномия завещала похоронить ее не на своей родине в Киото, а в фамильной усыпальнице Токугава, находившейся при храме Дзодзёдзи в Токио. В руки ей вложили стеклянную пластину с фотографией Иэмоти. Это было его единственное фотографическое изображение. Изображение, которое Кадзуномия унесла с собой.

Правительственные войска обороняют замок Кумамото

Мэйдзи назначил принца Арисугава Тарухито и Ямагата Аритомо командовать своей

армией. Десять лет назад Сайго и Арисугава сражались на стороне императора, теперь они стали врагами. И это при том, что оба они по-прежнему считали себя приверженцами Мэйдзи.

В Кумамото постоянно прибывали правительственные войска. Их доставляла компания «Мицубиси», в распоряжении которой находился к этому времени 61 корабль – более половины пароходного «парка» Японии. Политика возвращения отечественного предпринимателя начала приносить ощутимые плоды не только на линии Иокогама – Шанхай.

В то же самое время резервы пополнения армии повстанцев были почти исчерпаны, крестьяне не сочувствовали самурайскому делу, а сам Сайго, про которого в начале восстания пошла слухи, что он отменил земельный налог, видел в крестьянах только источник пополнения провианта и рабочей силы. Численность армии достигла 30 тысяч человек, но слишком многие были мобилизованы под страхом смертной казни и их боеспособность близилась к нулю. Сами самураи Сацума тоже мало представляли себе, за что они воюют. Они отчетливо осознавали, что им не нравится правительство, но что их ждет после его отставки, оставалось покрыто мраком. Зато они знали, кто ими командует, и были готовы умереть за Сайго. Основной объединяющей силой войска была личная преданность – наивысшая добродетель самурая. В этом заключалась сила самурая. Это же было и его главной слабостью: без «хозяина» он переставал ориентироваться в социальном пространстве.

Решение об осаде крепости стало крупнейшей стратегической ошибкой кампании Сайго. Он не имел возможностей для ведения затяжной войны. В стране было множество недовольных правительством самураев, но для них Сайго Такамори оставался человеком из ненавистного княжества Сацума, представители которого играли ведущую роль в Токио. Они не сумели преодолеть клановое недоверие и не присоединились к армии Сайго.

Войска Сайго не сумели взять крепость Кумамото, осада была снята через 54 дня. В результате ожесточенных боев потери с обеих сторон достигли 7500 человек. Сам город Кумамото сгорел дотла. Война продолжалась еще пять месяцев, но никакой речи о победе Сайго уже не шло. Это была агония. Правительственная армия наступала, войска Сайго отступали, пытаясь избежать окружения и полного разгрома. Сайго страдал ожирением и почти всегда передвигался в носилках. В это время он весил около центнера.

После продолжительной болезни, не дождавшись окончательного триумфа правительственной армии, 26 мая скончался один из ближайших советников императора – Кидо Такаёси. 28 июля Мэйдзи смог вернуться в Токио, уже не опасаясь, что его отъезд из Киото может быть воспринят как бегство.

24 сентября Сайго, армия которого уменьшилась теперь до 40 человек, отказался сдаться и, поклонившись в сторону императорского дворца, сделал себе харакири. Его друг Бэппу Синсуке отрубил ему голову и похоронил ее. Через несколько минут его сразила правительственная пуля. После того как солдаты императора обнаружили закопанную в землю голову Сайго, ее тщательно вымыли и поднесли Ямагата Аритомо. Тем не менее люди все равно сомневались в правительственном сообщении о смерти Сайго – ореол, окружавший его личность, был слишком ярким, чтобы они поверили в вульгарную смерть. Той осенью Марс подошел к Земле необычно близко, это было истолковано как знамение. Стали говорить, что Сайго превратился в звезду. Звезду надежды на лучшую жизнь. Каждый вкладывал в это понятие свои представления о справедливом переустройстве мира.

Сайго Такамори, превратившийся в звезду

Мэйдзи поручил императрице Харуко написать стихотворение на смерть Сайго. Она сложила:

У берегов Сацума
Волны утихли.
Были они высоки —
Рябь вначале,
Буря потом.

Победа далась императорским войскам дорогой ценой. В войне приняло участие 65 тысяч человек, 6 тысяч из них погибли. Число раненых составило 10 тысяч. Прямые правительственные расходы достигли 42 миллиона иен – 80 процентов годового бюджета страны. Правительство напечатало столько бумажных денег, что в скором времени за 1 иену серебром давали почти полторы иены ассигнациями.

Повстанцы потеряли убитыми 18 тысяч человек. Восстание Сайго Такамори оказалось самым масштабным и самым последним в череде массовых выступлений самураев против правительства. Теперь недовольные правительством окажутся способны только на «точечный» террор. Отец Николай, описав, в каком образцовом порядке содержится кладбище в Кагосима, где похоронен прах повстанцев, проницательно отмечал в 1882 году: «Знать, за ним (Сайго Такамори. – А. М.) есть польза, и эта польза несомненно есть, это – кровопускание, чрез которое избыток беспокойных сил Японии испарился; Сайго – ланцет, которым была пущена кровь

Японии; жаль только, что с застарелою – дрянной кровью самурайщины вытекло много свежей и питательной»^[133].

Война правительства и Сайго получила широкое освещение в прессе. Фукути Гэнъитиро стал первым военным корреспондентом в истории Японии. Получить разрешение помог ему Ито Хиробуми, с которым Фукути познакомился в 1871 году во время пребывания в Америке, где они изучали банковское дело. Позднее к Фукути присоединился корреспондент из газеты «Хоти симбун» («Известия»). Репортажи Фукути в возглавляемой им газете «Нити-нити симбун» («День за днем») произвели сенсацию, тираж газеты превысил 10 тысяч экземпляров – немыслимая цифра по тем временам. Статьи Фукути были, естественно, полностью проправительственными, в апреле Мэйдзи дал ему аудиенцию, подарил 50 иен и два шелковых отреза. Власти понимали, что в новом обществе прессе принадлежит колоссальная роль.

За день до смерти Сайго наложница императора Янагихара Наруко родила сына. Он был зачат еще в то время, когда гражданская война только начиналась. Как и первый сын Мэйдзи, он прожил недолго. Сам же Мэйдзи возобновил свои занятия верховой ездой и китайской классической философией. Вскоре он станет слушать лекции по «Кодзики». В конце года, адресуясь к президенту Франции Мак-Магону, Мэйдзи подписал свое послание так: «Муцухито, император Японии волею Неба, потомок непрерывной линии императоров в десять тысяч поколений». Китайский император пошел на немыслимую уступку и стал обращаться к Мэйдзи как к «Великому Императору Великой Японии», признав его равным себе.

Кобаяси Киётика. Фукути Гэнъитиро на фронте

Хотя Мэйдзи предстояли еще долгие годы правления, уже в это время он озаботился историей своего царствования и отдал Историографической палате (Сюсикан) распоряжение о создании истории только что закончившейся гражданской войны.

Несмотря на войну, страна продолжала жить и работать. Поражает та скорость, с которой Япония импортировала последние достижения западной техники. В этом году в Японию приплыл Александр Белл, сделавший в прошлом году величайшее изобретение – телефон. Работу своего оборудования он проверял на линии Токио – Иокогама. Провода соединили также Министерство промышленности и Министерство двора. В это же время начинается и импорт велосипедов. Большинству японцев они оказались не по карману. В основном их не покупали, а брали напрокат.

В правительстве хорошо понимали важность информационной инфраструктуры для

современного общества и экономики. Поэтому созданию телеграфа и современной почты уделялось первостепенное внимание. В этом году было отправлено 770 тысяч телеграмм и более 38 миллионов писем! Восстание Сайго также убедило руководство страны в необходимости незамедлительного расширения сети железных дорог.

Пока на юго-западе страны шла война, а сам Мэйдзи пребывал в Киото, в столице был основан Токийский университет. В его состав вошли четыре факультета: юридический, филологический, естественных наук и медицинский. Целью университета стала подготовка специалистов, овладевших западной наукой и традиционными ценностями японской культуры. В пояснительной записке Като Хироюки, который стал деканом первых трех названных выше факультетов, специально подчеркивалась важность изучения японской и китайской литературы. В эпоху господства в ученой среде ультразападнических настроений такая декларация была делом отнюдь не таким тривиальным, как это может показаться сегодня. Перечень изучаемых дисциплин включал в себя английский, французский и немецкий языки, западную, китайскую и японскую литературу, философию, историю. Между Востоком и Западом был соблюден разумный баланс, в штате преподавателей находились как японцы, так и иностранцы.

Что до более «практических» областей знания, то после ряда реорганизаций в естественнонаучный комплекс вошли следующие факультеты: естественнонаучный, инженерный, медицинский и сельскохозяйственный. Точно так же обстоит дело и в нынешней Японии. На Западе инженерное и сельскохозяйственное дело изучались в институтах и колледжах, в Японии университетское образование приобрело более прикладной характер.

Большинство студентов происходило из бывших самурайских семей. Сословие самураев было упразднено, но их дети оказались более других подготовленными к новым условиям жизни.

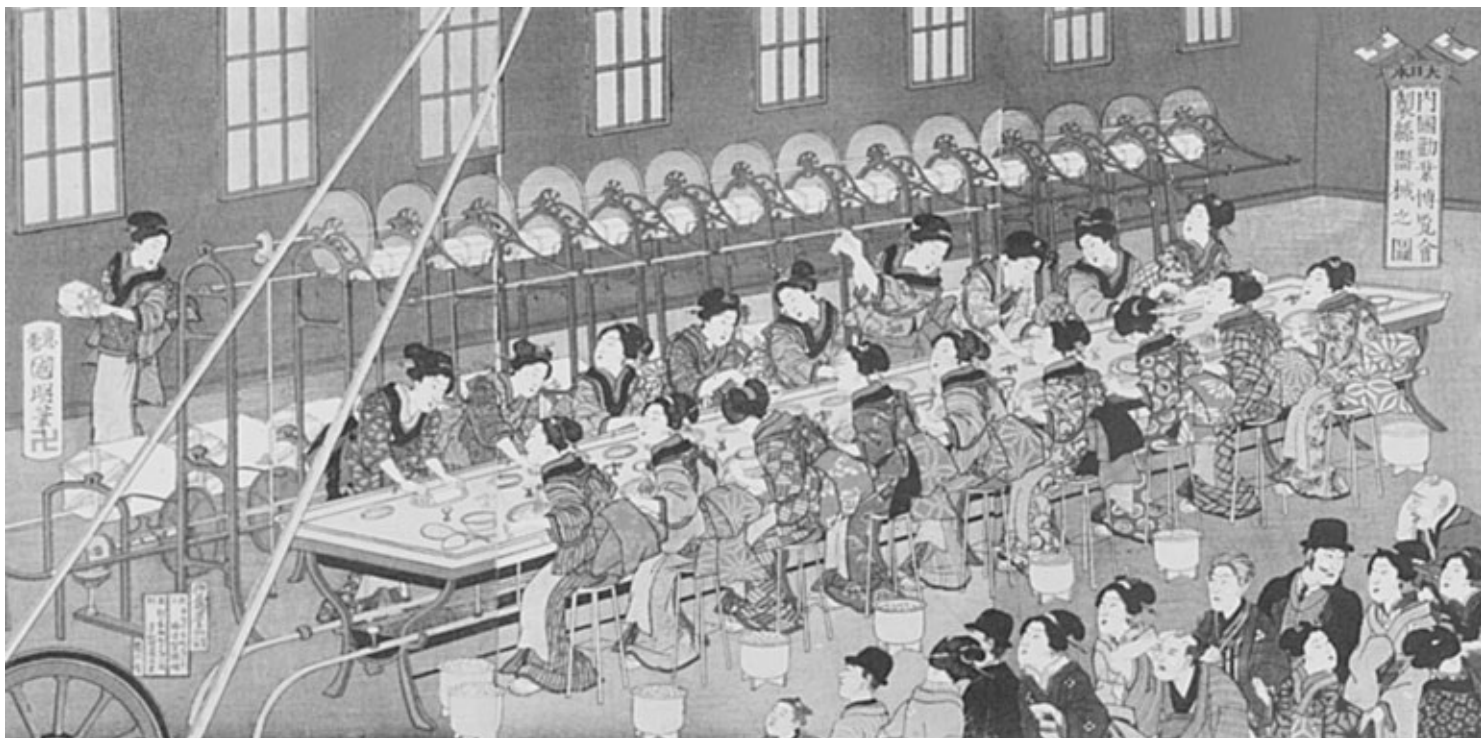
В октябре в Токио было создано и другое учебное заведение – закрытая школа Гакусюин. Там учились дети принцев и аристократов. Несколько позже школа перешла в прямое подчинение Министерства двора. Страна гордилась своей открытостью, но элита полагала, что ее детям общаться с простолюдинами следует все-таки поменьше.

Одним из замечательных событий этого года стало открытие Первой промышленной выставки. На ее проведение была выделена солидная сумма, сопоставимая с годовым бюджетом одной из самых развитых префектур – Канагава. Выставка открылась в токийском парке Уэно 21 августа и продолжалась 102 дня. Она готовилась в самый разгар войны. Правительство решило продемонстрировать уверенность в своих силах и не стало отменять выставку, которая была запланирована еще год назад. На церемонии открытия присутствовал сам Мэйдзи, его приветствовал военный оркестр. Поскольку Мэйдзи не пристало выступать на публике, речь сказал Окубо Тосимити – выставка проводилась под патронажем возглавляемого им Министерства внутренних дел. Он сказал, что выставка будет способствовать распространению передовых технологических знаний и, таким образом, послужит процветанию страны. В адресе Мэйдзи знание уподоблялось солнцу, а мастерство – луне. Уподобление знания солнечному свету встречалось и на Западе, но луна занимала в традиционной картине мира японцев такое большое место, что обойтись без нее сочли неразумным.

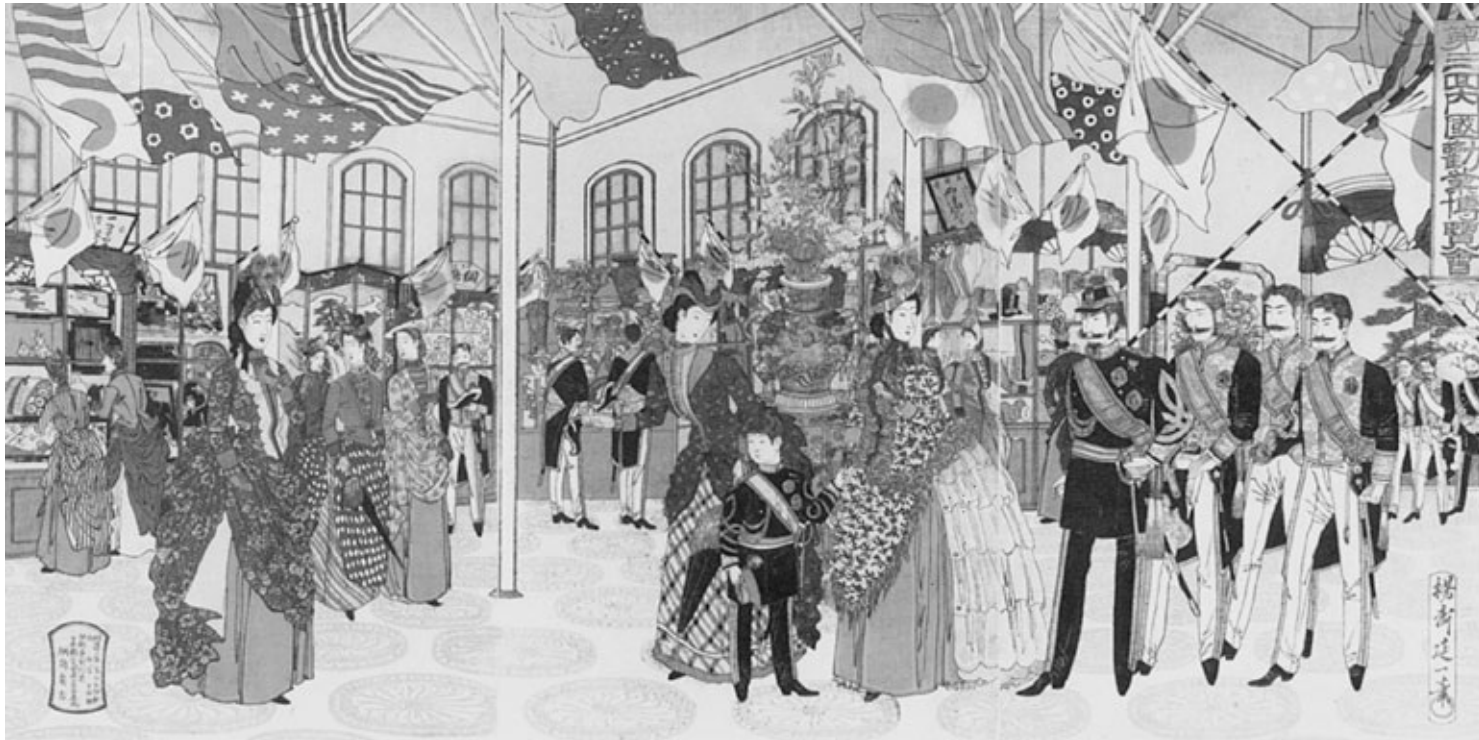
Выставка оказалась, безусловно, успешной – ее посетили более 450 тысяч человек. К этому времени Япония уже имела опыт участия во всемирных выставках (Вена – 1872 г., Филадельфия – 1876 г.). Японцам пришла по вкусу идея о том, что выставка может послужить местом обмена передовым опытом, технологиями, знаниями. Кроме того, выставка предоставляла прекрасную возможность для того, чтобы зримо продемонстрировать те воплощенные в изделиях плоды, которые принесла Японии вестернизация. Если на мировых выставках «коньком» Японии были изделия традиционных ремесленников и художников, то в Уэно главный упор делался на достижениях современной промышленности и сельского

Японский павильон на Всемирной выставке в Филадельфии

Утагава Куниаки П. Шелкомотальная машина на Первой промышленной выставке

Ватанабэ Нобукадзу. Третья промышленная выставка (1890 г.) В центре изображения – император Мэйдзи, его супруга и сын

В правительственном обращении в связи с открытием выставки с присущей японцам обстоятельностью пояснялось, что она предназначена не для обозрения диковинок и пустопорожнего развлечения – ее целью является постижение законов производства и торговли^[134]. Никаких аттракционов предусмотрено не было. Даже устроенный перед одним из павильонов фонтан рассматривался организаторами прежде всего как чудо инженерной мысли. Перед входом зрителей встречала девятиметровая ветряная мельница, которая стала одним из основных символов выставки и служила прекрасным ориентиром для приезжих из глубинки. В то время девяти метров было вполне достаточно для того, чтобы сооружение можно было заметить издалека.

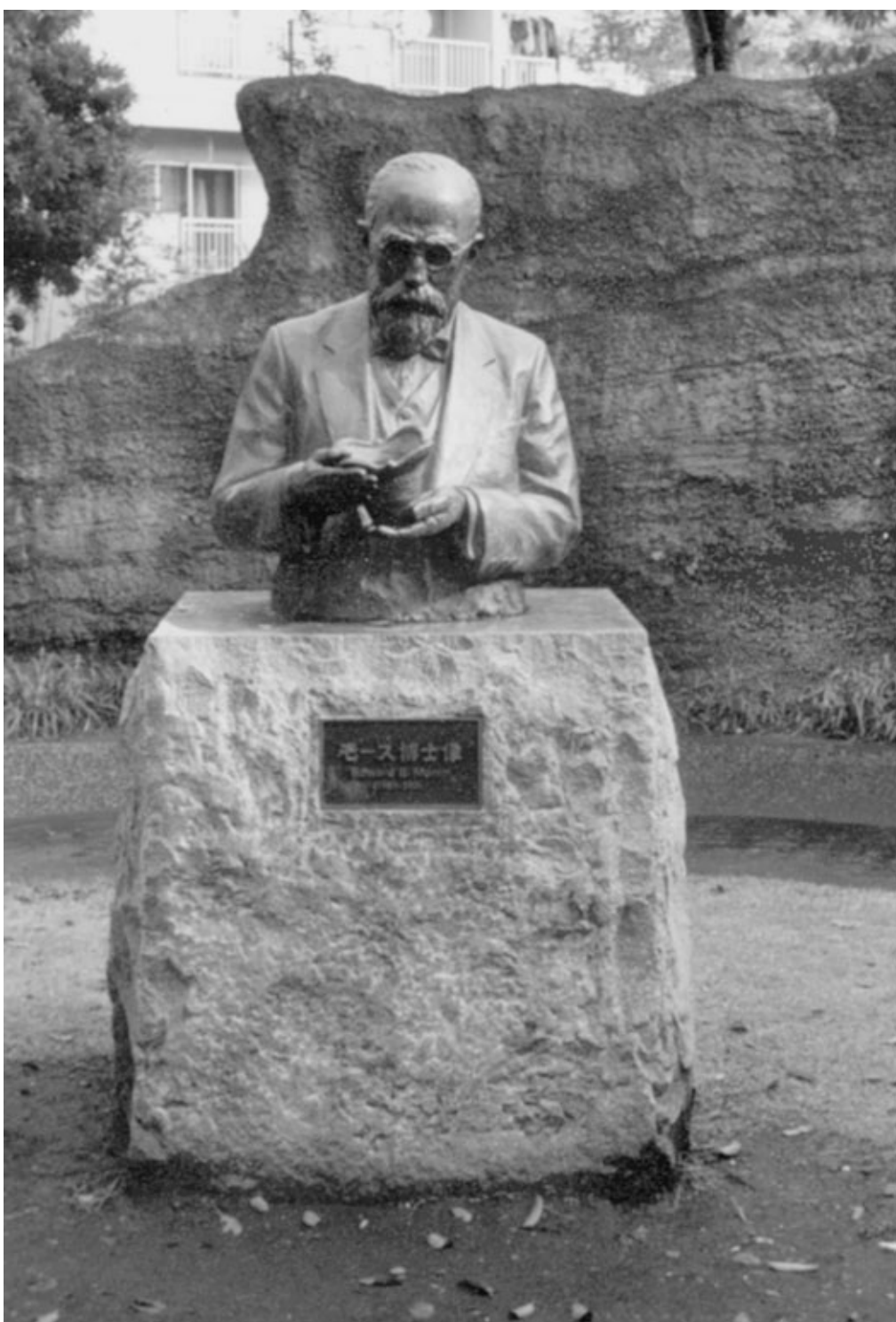
Точно так же как и для зрителей, правительство выпускало руководства к действию и для производителей. От них требовалось, чтобы они выставляли не диковинных рыб и насекомых, не камни необычайной формы и традиционную живопись, а товары, которые служили бы олицетворением прогресса. Значительная часть экспозиции была посвящена современным высокотехнологичным изделиям: часам, механизмам, промышленному оборудованию, приборам. При этом главное внимание уделялось не собственно изделиям, а тому, как их делают. В это время правительство волновало производство, а не потребление.

Лучшие изделия награждались правительственными дипломами. На дипломах I степени был изображен дракон – символ императора. Дипломы выставки получили около 11 процентов участников. Труд и мастерство получали признание правительства, промышленность служила идеологемой новой Японии, одной из составных частей того склеивающего раствора, который был призван обеспечить идентичность японцев как нации. Участники и зрители вовлекались в строительство на общем пространстве под названием Япония.

Перспектива. На 2-й выставке 1881 года свои изделия представили уже 28 тысяч человек, а на выставке 1903 года – 105 тысяч! С одной стороны, это говорит о крошечном размере японских предприятий того времени, с другой – об энтузиазме населения и мобилизационных возможностях властей. Выставку 1903 года посетило 4

миллиона 351 тысяча человек. То есть это были мероприятия, в которые вовлекалось огромное количество зрителей и производителей. В правление Мэйдзи не было другого мероприятия, которое посетило бы такое огромное количество людей. Точно так же как и школы, выставки создавали общую культурную и национальную память.

Летом произошло еще одно событие, на которое мало кто тогда обратил внимание. 19 июня американский зоолог Эдвард Морс отправился на поезде из Иокогамы в Токио. Проезжая мимо местечка Омори, из окна вагона он заметил небольшой холм, который показался ему несколько странным. Ученый приступил к раскопкам и обнаружил, что наткнулся на помойку древнего человека. Поскольку основным ее содержимым оказались использовавшиеся в пищу раковины, месту присвоили название «раковинная куча» (кайдзука). Впоследствии памятники этого типа обнаружались по всей стране. Помимо остатков пищи (кости рыб, птиц и животных), там нашли и керамические черепки. Они были покрыты узорами, которые Морс назвал «веревочными» (cord mark). Японцы перевели этот термин как «дзёмон», точно так же называли и весь период, который соответствует неолиту в мировой археологической классификации. Так стараниями американского ученого в Японии был открыт новый период ее археологической истории.

Памятник Э. Морсу (Токио)

Протояпонцы поглощали моллюсков в каменном веке, они были излюбленным лакомством и сегодня. Несмотря на высокую плотность населения, с точки зрения тогдашних мировых мегаполисов Токио представлялся очень большой деревней. Воздух был еще настолько чист, что в ясную погоду из Токио была видна гора Фудзи (сейчас об этом можно только мечтать). В самом городе встречались засеянные рисом поля, в Токийском заливе во время отлива множество людей бродило по обнажившемуся дну. Они собирали съедобные ракушки. Правда, теперь моллюсков не только ели – раковины мельчили, а крошку пускали на облицовку домов.

Последствия надвигающейся индустриализации еще не были явлены в полной мере, Токио еще не успел превратиться в «каменные джунгли». Тот же самый Эдвард Морс, вкусивший «прелести» стремительной индустриализации в Америке, писал о Токио: «Было весьма отрадно наблюдать – через весь огромный город – корабли в заливе Эдо; ни одной трубы, ни малейшего

дымка – впечатляющий контраст по отношению к нашим задымленным городам»^[135]. Ему вторил и В. Крестовский: «Тут, справа, – какая-то фабрика, состоящая из нескольких кирпичных зданий. На нее невольно обращаешь внимание, потому что ни около Иокогамы, ни в окрестностях Токио не видать высоких фабричных труб, к которым так привык наш глаз в Европе, что без них мы даже не можем представить себе предместий большого города...»^[136]

1878 год

11-й год правления Мэйдзи

Восстание Сайго было подавлено, но популярность его оставалась огромной. В Токио шел посвященный ему спектакль. Он продолжался четырнадцать часов. Сайго был мертв, но это не положило конец политическому террору. На сей раз мишенью стал наиболее влиятельный на тот момент член правительства – министр внутренних дел Окубо Тосимити. Он был школьным товарищем Сайго, они вместе боролись против сёгуната, но после Реставрации их пути резко разошлись: Окубо стал ловким и лощеным бюрократом, а Сайго так и остался грубоватым и прямодушным воякой – «последним самураем» уходящей эпохи. Окубо наводил ужас на своих подчиненных, добиться его сочувствия было невозможно – его сравнивали с айсбергом. Подчиненные Сайго обожали его – ужас он наводил только на врагов. Окубо был ключевым игроком на стороне правительства, против которого восстал Сайго. Окубо одержал безоговорочную победу, но ему удалось пережить своего врага всего на полгода.

Симада Итиро, тридцатилетний самурай из города Канадзава, был главной фигурой заговора. Претензии Симада и его сторонников к правительству оказались вполне типичными для того времени: игнорирование кучкой политиков мнения самураев, низкопоклонство перед Западом, отказ от нападения на Корею. Они полагали, что «неправильные» законы принимаются без совета с народом и что император не является их инициатором.

Шестеро самураев прибыли в Токио в марте. Они тщательно изучили график, согласно которому Окубо посещал императора, и наметили покушение на 14 мая. За несколько дней до этого Симада отправил министру письмо, предупреждавшее его об опасности. Симада хотел, чтобы министр и его помощники знали о тех причинах, которые побудили его к действию. Подобных писем Окубо получал множество и вряд ли обратил особое внимание на это послание. А иначе чем объяснить тот факт, что в этот день у Окубо даже не оказалось пистолета, который обычно находился в его экипаже? Перед поездкой во дворец Окубо беседовал с губернатором префектуры Фукусима. Он, в частности, говорил, что для создания новой Японии потребуются три десятилетия. Первое десятилетие военных конфликтов уже минуло, наступило второе, созидательное, во время которого он, Окубо, будет играть ключевую роль. А в третье десятилетие страной станут управлять политики уже другого поколения.

Окубо Тосимити

Когда экипаж Окубо направлялся к дворцу, двое заговорщиков бросились к паре лошадей в упряжке и своими мечами покалечили им передние ноги. Четверо других убили кучера, вытащили Окубо из кареты и зарубили его. После этого они аккуратно сложили свое оружие возле трупа и отправились сдаваться. Они вручили полицейским свое политическое заявление. На вопрос о сообщниках гордо ответили, что все тридцать миллионов японцев являются ими. Непосредственно перед убийством преступники направили письмо в газету «Тёя симбун» («Двор и народ»). В нем перечислялись «прегрешения» Окубо. Газета опубликовала письмо, ее выпуск был приостановлен. Преступников, разумеется, казнили. Если бы преступление было совершено в прошлом, головы убийц непременно выставили бы на всеобщее обозрение. Однако теперь этот обычай окончательно ушел в прошлое. Прежним осталось поведение политических террористов: они не пытались скрыться. У полиции возникали проблемы с предупреждением террора, проблем с поимкой преступников не возникало.

Мэйдзи посмертно присвоил Окубо чин правого министра (начиная с VII в. посмертное повышение по службе стало обычной придворной практикой) и выделил 5000 иен на похоронные расходы. Это были первые в Японии государственные похороны: приспущенные флаги, артиллерийский салют боевых кораблей. Заупокойные службы проводились на синтоистский лад. Гонения на буддизм уже прекратились, но и допускать его в государственную жизнь никто не собирался. Новым министром внутренних дел был назначен Ито Хиробуми.

21 мая Мэйдзи распорядился, чтобы чиновники больше не строили себе каменных хором в европейском стиле, поскольку это вызывает в людях раздражение. Когда же будет окончено возведение его собственного нового дворца, тогда и строительство шикарных особняков не станет больше никого удивлять. Именно так: после того как сам император подаст пример, можно будет последовать ему без опасения за свою репутацию. Кроме того, император высказал неудовольствие тем, что со времени Реставрации важнейшие посты занимают только представители Сацума, Тёсю и Тоса. Разве в других частях нашей великой страны нет способных людей? – вопрошал император^[137]. Но его вопрос остался без ответа. С засильем юго-западных княжеств в правительстве будет покончено только в следующем веке.

В июне Мэйдзи открыл военно-морскую школу. Флот становился одним из символов могущества, к которому стремилась страна. Однако день для проведения торжественной церемонии определили гаданием^[138]. Солнечный календарь еще лучше высвечивал: старой Японии находится место и в Японии новой.

В июне этого года заканчивается создание системы общенациональных праздников, начало которой было положено в 1873 году. К уже имеющимся восьми праздникам добавили еще два: весенний Праздник поминовения душ-предков императоров и осенний Праздник поминовения душ-предков императоров. Они справлялись в дни весеннего и осеннего равноденствия. Теперь заимствованная из Европы идея национальных праздников приобрела законченный вид. При этом «праздничная сетка» оказалась заполнена только теми датами, которые были связаны с императорским родом и имели исключительно японскую специфику. В течение полувека, с 1878 по 1927 год, вся Япония отдыхала и праздновала по этим дням.

Прошлогодняя программа по визуализации императора из-за гражданской войны оказалась невыполненной. 23 мая этого года Мэйдзи объявил, что в августе отправляется в поездку по районам Хокурику и Токай. Только что был убит Окубо, в предполагаемом маршруте значился город Канадзава, откуда происходил Симада Итиро, и потому многие пытались отсоветовать Мэйдзи покидать Токио. Однако в результате все-таки решили, что не следует идти на поводу у террористов. Впрочем, нет никаких свидетельств того, что в это время кто-то вынашивал преступные планы относительно особы императора. Преступники метили в министров, о покушении на императора было невозможно даже подумать. В свиту Мэйдзи входило 300 человек. Их охраняли 400 воинов.

Начавшееся 30 августа путешествие, значительная часть которого проходила по настоящей глубинке, принесло Мэйдзи немало открытий. Так, всего в нескольких десятках километров от Токио, в крошечной по японским понятиям деревне (всего 129 жителей) не оказалось ни одного грамотного человека. Там не было даже храма; если кто-то заболел, ни один врач не соглашался отправиться туда. Полная нищета и отсутствие всяких следов «прогресса» представляли собой резкий контраст по отношению к тем переменам, которые происходили в Токио.

Путешествие запомнилось тяготами пути. От непрерывных дождей дороги превратились в месиво, императору приходилось вылезать из своего паланкина, ибо носильщики не могли преодолеть это болото. И это несмотря на то, что дороги перед приездом Мэйдзи отремонтировали. Причем за счет местных жителей. На многочисленных горных перевалах Мэйдзи тоже приходилось передвигаться пешком. Император демонстрировал хорошую физическую форму, а это было не так просто – ведь до своего воцарения он не покидал пределы своего дворца, а физические упражнения не входили в программу подготовки будущего монарха.

В самые удаленные уголки страны Мэйдзи «экспортировал» государственную эмблематику. Города и деревни украшались государственными флагами, фонариками с изображением солнца, повсюду можно было увидеть 16-лепестковую хризантему.

Поскольку значительная часть маршрута проходила по тем местам, где десять лет назад шла война между войсками императора и силами, которые поддерживали сёгунат, Мэйдзи часто отправлял посыльных, чтобы они совершили приношения могилам погибших в сражениях. Несмотря на заявленное желание избежать излишней помпезности (так, ученикам школ предписывалось появляться перед императором в своей повседневной одежде), многие владельцы тех домов, где останавливался на ночлег император, провели дорогостоящие ремонты. Домовладелец из Ниигата потратил целое состояние – 2000 иен. Люди желали заполучить в гости Мэйдзи не только потому, что это считалось почетным. Они считали его за бога; почитая его, они рассчитывали на его помощь в будущем.

Составители официального отчета постарались представить поведение Мэйдзи в качестве идеального для правителя конфуцианского типа, который разделяет со своим народом как радости, так и горести жизни. Так, в доме, где ночевал Мэйдзи в Идзумодзаки, летали тучи комаров. Императору предложили провести ночь под покровом сетки от комаров, но тот якобы ответил: «Главная цель путешествия – понять тяготы людей. И если я сам не почувствую, в чем они заключены, как смогу понять их жизнь?»^[139]

Проехав по побережью Японского моря, Мэйдзи добрался до Киото. Оттуда он собирался отправиться на поклонение в Исэ, но тайфун спутал планы. Это было первое путешествие Мэйдзи по стране, когда весь маршрут проходил по суше. Преодолев 440 ри (ок. 1700 километров) за 72 дня, 9 ноября он вернулся в столицу. Токио встретил его национальными флагами, горожане высыпали на улицы – день был объявлен выходным. Из многочисленных посещений школ Мэйдзи вынес впечатление, что ученикам не хватает традиционных моральных ценностей. Неприятным сюрпризом стали жалобы учителей на то, что многие ученики не испытывают почтения перед старшими по возрасту и перед властями.

Вряд ли это можно было считать случайностью. Наиболее «прогрессивно» настроенные мыслители того времени считали буддизм и конфуцианство абсолютно устаревшими. Примером может послужить Фукудзава Юкити, считавшийся кумиром образованной публики. Как он относился к традиционной морали? В прежней Японии пользовалась большим авторитетом история о китайском мальчике У Мэне. Поскольку комары нещадно жалили его нищих родителей (у них в доме не было даже занавесок), он на ночь набрасывал свою одежку на них, а сам подставлял свое голое тело кровососам, отвлекая их внимание от отца с матерью^[140]. Цитируя эту историю, Фукудзава «цинично» заявлял, что лучше бы сын заработал денег на москитную сетку. Так чего же было ожидать от детей?

Постоянные занятия конфуцианской классикой убеждали Мэйдзи в том, что преданность монарху и сыновняя почтительность являются основой сильного государства. И этому все время находились подтверждения в реальной жизни.

23 августа, всего за неделю до того, как Мэйдзи покинул Токио, в столице случился мятеж. В нем участвовало около 200 человек из артиллерийского батальона императорской гвардии. Подавляющее большинство солдат были сыновьями простолюдинов. Они убили двух офицеров и, прихватив с собой две пушки, двинулись к императорскому дворцу Акасака, собираясь высказать недовольство малым денежным содержанием и дрянной амуницией. И это несмотря на то, что в прошлом году они участвовали в победоносной войне против Сайго Такамори! Мятежников арестовали, они не оказали никакого сопротивления. Но наказание было жестоким: 55 человек были расстреляны, 114 – оказались в тюрьме.

На самом деле армия жила по тогдашним японским стандартам не так плохо. За исключением часов военной подготовки, солдаты имели право покидать расположение части, по воскресеньям у них был выходной. Но, как потом выяснилось, вместо духа преданности в части царил духок свободомыслия. На политзанятиях солдатам, в частности, рассказывали о французской революции, о том, что ее благородной целью является исправление дурных действий правительства^[141]. И вот солдаты возомнили себя борцами за правое дело, однако правительство посчитало их мятежниками. Их жара хватило всего на пару часов, но сам факт того, что они посмели выступить против правительства, наводил на самые печальные размышления.

Несмотря на все недостатки и трудности, усилия по обучению страны приносили свои плоды. Учились взрослые – в этом году на железных дорогах английских машинистов сменили японские. Учились и дети – все европейские путешественники единогласно отмечали: школьное дело в Японии поставлено превосходно. На Парижской всемирной выставке этого года Японии

присудили первую премию за организацию школьного дела. В стране насчитывалось уже 20 тысяч школ, в которых обучалось больше 40 процентов детей. Их родители рассчитывали не только на карьерный успех своих чад. Они рассчитывали и на то, что дети станут красивее их. В это время широкое распространение получает убеждение: постоянное сидение на полу «пригибает» к земле и вызывает искривление позвоночника. Японцы того времени желали походить на европейцев не только манерами. Они хотели «дорости» до них в буквальном смысле этого слова. В школе учили сидеть на стуле, на торжественных мероприятиях ученики не сидели, а стояли, занятия физкультурой расправляли грудь.

Продолжали «завоевание Европы» и японские художники. В этом году вышел в свет последний, пятнадцатый выпуск рисунков Хокусая из серии под названием «Манга». Первый выпуск появился в продаже еще в 1814 году, на Западе тогда никто не знал имени художника. Теперь же, в 1878 году, издатель в предисловии с удовлетворением отмечал: «Теперь часто наши магазины посещают иностранцы, которые интересуются гравюрами или коллекционируют работы мастера. Недавно я увидел книгу, изданную в Европе, и в ней было большое количество рисунков из „Манга“. Тогда я понял, насколько широко распространилась слава о силе кисти Хокусая»^[142].

Продолжал свой победоносный путь на Запад и японский шелк. В 1872 году шелкомотальных (кокономотальных) фабрик насчитывалось только девять, но теперь, всего через шесть лет, их число возросло до 282. Они были меньше, чем в Томиока, стены лепили из глины, станки зачастую делали не из металла, а из дерева. Однако ввиду низких издержек, сверхэксплуатации деревенских девушек и низких зарплат продукция этих фабрик была конкурентоспособной. По объему производства шелка-сырца Япония стала постепенно приближаться к Китаю – крупнейшему производителю шелка в мире.

Повышению качества шелка и других товаров служили ярмарки под крышей (канкоба), проводившиеся при прямом участии властей. Первая общенациональная ярмарка открылась в этом году в Токио. По словам В. Крестовского, это был «целый лабиринт деревянных зданий, зал, крытых галерей и переходов, где сосредоточены по отделам всевозможные произведения местной кустарной и мануфактурной промышленности, перечислить которые нет никакой возможности, кроме как в длинном каталоге. Тут чего хочешь, то и просишь. Тут все есть, решительно все, что требуется в обиходе японской жизни, за исключением лишь съестных продуктов, если они не в консервах. Вы находите здесь и предметы роскоши, и предметы первой необходимости, пищу для ума и образования, пищу для развлечения и комфорта, инструменты и пособия для всевозможных работ, искусств и ремесел. Тут и мебель, и утварь, ткани и одежда, книги, табак, цветы, духи и прочее и прочее. Но замечательно вот что: допускаются в Кванкубу изделия не иначе как премированные, получившие медали и почетные отзывы на разных конкурсах и местных провинциальных выставках, так что превосходные качества всех этих произведений вполне гарантированы – покупайте смело, вы не рискуете ошибиться и быть обманутым»^[143].

Иными словами, Центральная ярмарка в Токио была лишь заключительным звеном в череде подобных мероприятий, проводившихся по всей стране.

Ярмарки стали прообразом будущих универмагов и «современного» способа потребления. Японцы привыкли покупать нужные им вещи в специализированных лавках. Там тобой одним занимался приказчик, который носил со склада требуемые вещи. Витрин не было, выставлять весь товар напоказ считалось неприличным. Самый лучший товар следовало держать подальше и приберегать напоследок. На ярмарках все обстояло иначе, там клиенты сами подбирали и покупали себе нужную вещь из числа тех, что были выставлены на всеобщее обозрение. Или не покупали. В отличие от лавок, куда ходили непременно с целью совершить покупку, по ярмарке

можно было бродить просто для удовольствия. Тамошний продавец уже не знал клиента в лицо, теперь понятия «продавец» и «знакомый» переставали быть синонимами^{[\[144\]](#)}.

1879 год

12-й год правления Мэйдзи

В январе главный инспектор полицейского управления Кавадзи Тосиёси (1834–1879), считающийся «отцом-основателем» японской полиции, подал докладную записку, в которой он ратовал за возрождение искусства фехтования мечом (кэндзюцу). Во время войны с Сайго Такамори «отряд обнаженных мечей», составленный из мастеров кэндзюцу, проявил себя наилучшим образом. И дело было не столько в их выучке, сколько в несгибаемом духе. Роль холодного оружия в современной войне с каждым днем становилась все меньше, но это отнюдь не отменяло необходимости воспитания смелых и мужественных воинов. Держа в руках меч (даже если это был учебный деревянный меч), человек ощущал связь со знаменитыми воинами древности и средневековья. Предложения Кавадзи приняли, все полицейские стали заниматься фехтованием на мечах. Запрещение самураям носить мечи было преодолено – в сознании служивого человека он продолжал сохранять огромное значение. И не только служивого – «Движение за свободу и права народа» также практиковало воинские искусства для воспитания своих активистов. Самураев в стране официально не существовало, но их воинский дух овладевал все новыми и новыми людьми.

В начале этого года статус Рюкю был определен окончательно. Японское правительство все время требовало, чтобы король Рюкю Сётай (1843–1901) прекратил даннические отношения с Китаем. На практике это означало: не посылать посольства при восхождении нового китайского императора на престол. Однако король ослушался и такое посольство все-таки отправил (в январе 1875 г. императором Китая стал четырехлетний Дэ-цзун). Кроме того, несмотря на приказ вести такое же летоисчисление, как в Японии (т. е. сообразуясь с девизом правления Мэйдзи), Сётай продолжал использовать китайский календарь. Он также неоднократно просил сохранить двойное подчинение, называя Японию – отцом, а Китай – матерью. Японцы отвечали тоже с применением метафоры родства: это все равно как если бы у жены было два мужа.

Политическая элита Рюкю была вполне довольна прежними порядками, когда налоги составляли две трети крестьянского урожая. Но по этой же причине она была лишена поддержки снизу. Видя свою опору в Китае, король и его окружение пытались сохранить свое положение за счет консервации даннических отношений с Китаем.

Однако японское правительство, в котором после убийства Окубо главную партию исполнял Ито Хиробуми, заняло жесткую позицию по отношению к «непослушанию» короля. Правительство, где тон задает министр внутренних дел, вряд ли может действовать по-другому.

Ситуация с Рюкю развивалась быстро. Отказавшись ранее от нанесения удара по Корее, что вызвало настоящий раскол в стране, на сей раз японское правительство действовало с редким единодушием. 25 января первый секретарь Министерства внутренних дел Мацуда Митиюки (1839–1882) прибыл в город Наху и уже на следующий день перед политической элитой в столице Сюри зачитал послание (правильнее было бы назвать его ультиматумом), подписанное главным министром Сандзё Санэтоми. Его смысл сводился к тому, чтобы король Рюкю немедленно признал Японию своим единственным сюзереном. На размышления была отпущена неделя. Сётай отвечал в том духе, что если он откажется от посылки регулярных миссий в Китай, то его страна будет жестоко «наказана».

Мацуда уехал в Токио. Потом снова вернулся – на сей раз с 560 военными и полицейскими. Привез он и указ Мэйдзи об учреждении на месте бывшего княжества-королевства Рюкю префектуры Окинава. Мэйдзи приказал Сётай и его наследникам прибыть в Токио. Ни сам

Сётай, ни его приближенные ехать никуда не желали. Поскольку король сказывался больным, из Токио прислали врачей, которые сказали, что здоровью короля ничто не угрожает. Длительные переговоры, сопровождавшиеся «выкручиванием рук», закончились тем, что в июне Сётай приплыл в Иокогаму. Мэйдзи дал ему и его старшему сыну аудиенцию. Сётай пожаловали 3-й младший ранг, его сыну 5-й младший – они стали японскими аристократами. Подданные Сётай из числа крестьян и рыбаков отнеслись к отъезду своего короля вполне спокойно, никаких бунтов не случилось, протесты Китая закончились ничем.

Перспектива. В 1884 году бывшему королю Сётай разрешили посетить родину. Ему дали на это целых 100 дней. В 1893 году Окинаву посетил принц Китасиракава. На устроенный им прием не пришел ни один местный аристократ. В отличие от крестьян, потеря короля они переживали тяжело.

Японские врачи оказались правы относительно здоровья короля: после переезда в Токио Сётай прожил еще двадцать лет и благополучно скончался в полном забвении. Операция по присоединению к Японии архипелага, который не хотел присоединяться, была проведена успешно, однако до сих пор многие местные жители считают себя не совсем японцами.

С присоединением Рюкю Япония внесла свой вклад в разрушение китайской империи Цин и организованного ею дальневосточного международного порядка. Пока что, по сравнению с европейскими державами, этот вклад был небольшим, но все-таки Япония сделала шаг по дороге в клуб «цивилизованных» стран. Цивилизованных в том смысле, который подразумевался тогдашним международным правом – правом нападения на того, кто слабее тебя.

Китай не признал присоединения Рюкю к Японии. Острова не имели для него никакого экономического значения, но потеря вассального королевства изменяла привычную картину мира, в которой Китай был окружен варварскими странами, приносящими регулярную дань. Важность Рюкю для Японии тоже определялась идеологией. Объявляя архипелаг своим, Япония встраивалась в европейскую картину мира: цивилизованная страна должна нести цивилизацию туда, где ее пока что нет. Китайцы стремились удержать рюкюсцев в орбите своего влияния в качестве иностранцев и варваров, для японцев была актуальна другая метафора – «воссоединение с последующим окультуриванием».

21 июня в Нагасаки на военном корабле «Ричмонд» прибыл герой войны между Севером и Югом, бывший президент Америки генерал Грант, который несколько лет назад принимал в Белом доме миссию Ивакура. Грант совершал длительное кругосветное путешествие, чтобы избиратели имели время забыть про громкие коррупционные скандалы в его правительстве. Во время путешествия он временами вел себя так, как и положено американскому генералу того времени – швырял окурки сигар в сад, напивался и приставал к женщинам.

Утагава Кунисада III. Гейши, приветствующие генерала Гранта

Генерала и его супругу встречали в Японии с исключительной помпой. 72 гейши танцевали для него на сцене театра Кабуки, обернутые в подобие американского звездно-полосатого флага. Расчувствовавшийся генерал отдал театр занавесом.

Грант удостоился аудиенции у императора, они даже обменялись рукопожатиями. Церемониймейстеры с содроганием ожидали, что Грант своими манерами ненароком «оскорбит» августейшую чету. Например, вознамерится поцеловать Харуко руку. Обошлось. Мэйдзи даже отправился вместе с четой Грантов в парк Уэно, где их приветствовали толпы народа. Генерал с супругой посадили в парке два дерева на память о своем пребывании. Верный императорскому обыкновению делать руками возможно меньше, Мэйдзи своего дерева не посадил. Все это действие было приурочено не только к визиту генерала: в этом году исполнялось 12 лет со времени переезда Мэйдзи в Токио. 12 лет – это своеобразная круглая дата, Мэйдзи находился здесь уже в течение полных двенадцати зодиакальных лет, и токийцы попросили императора доставить им радость увидеть его. В прошении говорилось, что деяния его подобны благодатному дождю и восходу солнца. Грант, возможно, полагал, что энтузиазм публики вызван его персоной, но был прав только отчасти.

Мэйдзи и Грант провели и неофициальную беседу. Гранту было 57 лет, Мэйдзи – 27. Грант был американцем, Мэйдзи – японцем. Грант советовал, Мэйдзи, похоже, помалкивал. Тон беседы был назидательным. Грант дал японскому истеблишменту ряд советов: не делать внешних долгов, не занимать слишком жесткую позицию по отношению к Китаю, не торопиться с учреждением парламента, не увольнять иностранных преподавателей из учебных заведений^[145].

Никто ему не возражал, но будущие события показали, что отношение к советам оказалось крайне избирательным. И если японское правительство и вправду старалось не брать займы за границей, а также совсем не торопилось с созывом парламента, то количество иностранных преподавателей неуклонно снижалось, а на Китай Япония напала пятнадцать лет спустя.

31 августа наложница Янагихара Наруко принесла Мэйдзи третьего сына, принца Ёсихито. Появившись на свет, младенец не закричал. Он перенес пренатальный менингит, много болел, но выжил и стал следующим императором – Тайсё. Сама роженица, напротив, так кричала и впадала

в такую истерику, что больше ее не допускали в императорскую спальню.

Мэйдзи впервые увидел сына только 4 декабря. В императорской семье непосредственному контакту между отцом и детьми традиционно не придавалось большого значения.

В этом году на груди Мэйдзи появился первый иностранный орден. Германский принц Генрих наградил его от имени своего правительства. До сих пор германское правительство не удостоивало ни одного азиатского монарха такой чести. Несколько позже высший военный орден Италии вручил Мэйдзи принц Генуэзский. Миланский художник Джузеппе Уголини прислал императору его бюст. Все свидетельствовало о том, что в Европе Мэйдзи окончательно признали «за своего».

Читающая публика увлекалась романами из современной жизни, научной и научно-популярной литературой. Особенно хорошо продавались переводы с западных языков. Для любителей отечественного антиквариата это было благословенное время. Западный наблюдатель зафиксировал: ксилографическое издание буддийской сутры конца XIII века стоило значительно дешевле модных книжных новинок^[146]. Доктор Бёльц, оказавшийся в ноябре в Киото, наблюдал там процессию из традиционных повозок-платформ. На таких платформах было принято возить переносные синтоистские святилища. Бёльц с удивлением отметил, что некоторые повозки были украшены вышивками, изображавшими прощание Гектора и Андромахи, бегство Энея из Трои, Ревекку у источника^[147]. И это в Киото – цитадели японских традиций!

В этом году Министерство обороны приняло постановление о компенсациях, выплачиваемых в случае смерти военнослужащих, находившихся при исполнении своих обязанностей. Конфуцианская Япония пришла в возмущение: пенсия выплачивалась вдове и детям! Согласно же установлениям традиционной морали, пенсия должна была причитаться родителям. Нарушение этого принципа свидетельствовало о том, что власти оторвались от «народа» на немыслимую дистанцию.

Контакты с заграницей приносили свои плоды. В том числе и в виде болезней, которых Япония раньше не знала. Открытые порты были рассадниками сифилиса. В этом году разразилась ужасная эпидемия холеры, унесшая около 100 тысяч жизней. Большая открытость миру означала и большую беззащитность перед его болезнями. Это была плата за вестернизацию. Случаев массового голода во время правления Мэйдзи не случалось, но смерть не соглашалась отступать и нападала с другой стороны. Состояние тогдашней медицины не позволяло справиться с болезнью, крестьяне обращались к привычным обрядам, призывая заразу уйти в соседние деревни, что, естественно, вызывало недовольство тамошних жителей и даже столкновения. Газеты советовали омыwać свое тело слабым раствором карболовой кислоты. О случаях заболеваний следовало немедленно извещать полицию, дома больных огораживали веревками, трупы сжигали.

1880 год

13-й год правления Мэйдзи

30 марта было объявлено, что в июне император собирается посетить префектуры Яманаси и Миэ, а также город Киото. Пожалуй, это была первая поездка Мэйдзи, которая вызвала дискуссию в прессе. В Японии этого времени фактически отсутствовала антимонархическая оппозиция, однако действия правительства, предпринимаемые им в отношении императора, не всегда вызывали единодушное одобрение.

Писали, что жители не в состоянии платить «налог», которым их облагали местные власти, взимая деньги на ремонт дорог и подготовку встречи Мэйдзи. Уже во время поездки репортер обнаружил, что один аристократ из императорской свиты прихватил с собой гейшу из Токио. Неизвестно, последовали ли санкции по отношению к аристократу. Зато известно, что полиция обязала репортера все свои будущие статьи представлять на просмотр. Газета «Токё Ёкохама майнити симбун» («Ежедневная газета Токио и Иокогамы») подвергла сомнению саму целесообразность поездки. Признавая необходимость путешествий императора по стране в начале правления (поскольку еще не все жители знали, чьими подданными они являются), передовица утверждала, что ныне каждый знает, кому поклоняться, а потому императору следует спокойно пребывать в своем дворце и не подвергать себя испытанию свирепствовавшей в этом году жарой. Что до стандартной мотивации правительства (император желает поближе познакомиться с жизнью своих подданных), то об этом можно с успехом узнать из газет^[148].

Газетное дело развивалось стремительно, крупнейшие города страны были связаны телеграфом, с помощью которого новости достигали читателя все быстрее и быстрее. В этом году японцы отправили 2 223 216 телеграмм.

Мэйдзи покинул Токио 16 июня в сопровождении 360 человек. В процессии участвовали принц Садахару, главный министр Сандзё Санэтоми, министры, генералитет. Впервые в свите находился и фотограф. Но его целью было вовсе не увековечивание образа самого императора. Он запечатлевал исключительно пейзажи.

Из-за жары Мэйдзи вставал еще до рассвета. Он посещал школы и больницы, молился в Исэ и наблюдал за учениями своего воинства. Из Оцу до Киото Мэйдзи добрался на поезде. Только что уложенная железнодорожная ветка пролегла через горы, поезд проходил по первому в Японии железнодорожному туннелю. Помимо всего прочего, Мэйдзи показывал подданным: им нечего бояться. Ведь пронесся слух, что в туннеле обитает привидение.

В Киото Мэйдзи посетил множество буддийских храмов, дал аудиенцию буддийским иерархам. К этому времени стало окончательно ясно, что проводившаяся в первые годы правления политика гонений на буддизм была ошибкой. Да, культы синто должны составлять ритуальную основу функционирования «сильного» государства, но даже это государство не было в состоянии отменить традиции и историю, существенная роль в которой принадлежала буддизму. Посмотрел Мэйдзи и на тот колодец, который вырыл в своем саду его дед Накаяма Тадаясу в такую же ужасную жару далекого 1853 года. Тот колодец, который носил детское имя Мэйдзи – Сати.

Этот год значил очень много для будущего страны, потому что в декабре Гэнроин (сенат) пересмотрел закон об образовании. Этому событию предшествовала длительная дискуссия, в которую вовлекся и сам Мэйдзи. Поездки по стране и знакомство со школьным делом убеждали, что нынешняя школа не обеспечивает послушных подданных. Участие в еще совсем недавних восстаниях множества молодых людей говорило о недостаточном почтении юного поколения к

властям. «Движение за свободу и права народа» набирало силу. Рост социалистического и рабочего движения в Европе, разгул политического терроризма в России также свидетельствовали, что западная система формирования личности не обеспечивает подготовку законопослушных подданных. Цели, провозглашенные в преамбуле указа об образовании 1872 года, подчеркивали важность образования для достижения личного успеха в жизни, что казалось теперь неверным. От «западных» прав следовало переходить к «японским» обязанностям.

В. Крестовского также смущала чересчур прозападная атмосфера школьного дела. Вот как он описывает посещение гимназии в Нагоя: «Директор – еще молодой человек в европейском костюме и, по-видимому, большой франт – пригласил нас в конференц-залу, где, по обыкновению, тотчас же были предложены нам миниатюрные чашечки с чаем и японские папиросы. Стены этой комнаты были увешаны географическими картами и иными пособиями для наглядного обучения исключительно на английском языке, а книжные шкафы наполнены исключительно английскими изданиями. Мы не встретили на полках не только французской или немецкой, но даже ни одной японской книжки»^[149].

Разумеется, далеко не все японские школы были такими. Однако проблема существовала – молодежь явно относилась к властям и родителям с меньшим почтением, она полагала, что целью жизни является личное «счастье», с легкостью вовлекалась в политическую деятельность, по каждому вопросу молодые люди имели собственную точку зрения, они ничего не принимали на веру и задавали провокационные вопросы. Чиновник Министерства образования Эги Кадзуюки (1853–1932) с ужасом передавал сцену, свидетелем которой он был. Учитель рассказывал историю о китайском мальчике Ван Сяне. Его злой мачехе в лютую зиму захотелось отведать свеженькой рыбки. Подойдя к реке, он разделся, растопил жаром своего тела лед – из полыньи выпрыгнули две рыбины, которыми он и накормил мачеху. Ученики недоумевали – ведь мальчик должен был замерзнуть и умереть! Учитель стал толковать им про волю Неба, но они отвечали: мы не понимаем, что это такое^[150].

Было от чего прийти в ужас: для юного поколения язык науки оказывался понятнее древнего языка морали и долга. Нравы самого Запада казались традиционалистам чудовищными. Чего стоят их законы, согласно которым жена может подать в суд на мужа, а дети – на родителей? Мораль и долг в сознании ревнителей старого стояли выше науки и закона.

Мэйдзи поручил своему наставнику Мотода Накадзанэ изложить его августейшие взгляды на проблему. Конфуцианец Мотода правильно понял поставленную задачу. В соответствии с его докладами было решено усилить моральную составляющую школьных программ. Под «моралью» же понималась прежде всего преданность императору и почитание родителей. Недаром во время своих путешествий местные власти подавали Мэйдзи списки людей, которые исправно исполняют свои семейные обязанности. Награждать таких людей было древней традицией. Еще в VIII веке перед их домами ставили таблички с перечислением их заслуг, освобождали от налогов.

Однако Мотода был конфуцианцем японским, а потому он никогда и нигде не упоминал, что следует применять мудрость Китая в полном объеме. А центральной политической доктриной Китая является неизбежность смены правящей династии. Когда династия растрачивает свой запас энергии-добродетельности (кит. дэ, яп. *току*), тогда основатель новой династии получает от Неба мандат (приказ) на правление. Нет, японские конфуцианцы вслед за приверженцами официального синто твердо стояли на том, что японская императорская династия – вечна. Книги Фукудзава Юкити, в которых делался упор на правах человека, были исключены из школьных программ, теперь в школах использовались только те книги и учебники, которые были завизированы Министерством образования.

3 ноября во дворце справляли день рождения Мэйдзи. Он ознаменовался повторным

появлением национального гимна. Дело в том, что сочиненную прежде англичанином Фентоном музыку сочли в результате «недостаточно величественной», и с 1876 года гимн исполнять перестали. Но сама идея гимна не умерла, и в этом году придворный музыкант Хаяси Хиромори предложил новую музыку, учитывавшую традиции – древнее стихотворение следовало тянуть возможно дольше. На самом деле музыку написал не Хаяси, а его подчиненный, но композитором считается именно Хаяси. Немец Ф. Эккерт, служивший музыкальным инструктором на японском флоте, аранжировал ее применительно к духовым инструментам.

Теперь у страны снова появился славящий императора гимн, но «народ», похоже, до сих пор все-таки еще не проникся идеей о том, что он должен любить своего императора без всякой подсказки со стороны властей. Немец Бёльц с досадой отмечал в своем дневнике: «День рождения императора. Так жаль, что народ этой страны не испытывает большого интереса по отношению к своему монарху. Следует сделать так, чтобы полиция заставляла вывешивать государственные флаги в каждом доме. По своей воле это делают совсем немногие»^[151].

Власти как бы услышали призыв врача, и теперь гимн зазвучал часто, может быть даже чересчур часто. В том числе на парадах и на военных смотрах. Мэйдзи не упускал случая поприсутствовать на каждом из них, демонстрируя единство армии и императора, победу симметрии над аморфностью, порядка – над хаосом. Один из таких смотров довольно подробно описал В. Крестовский. Смотр был приурочен к визиту принца Генуэзского и состоялся 27 декабря.

Описав ожидавших приезда Мэйдзи членов дипломатического корпуса и японский генералитет, Крестовский отмечает, что для микадо была приготовлена «маленькая, смиренная буланая лошадка под зеленою шелковою попоной с вышитыми на ней большими золотыми астрами (хризантемами. – А. М.)... Ровно в десять часов на плацу показались две парадные кареты цугом, в английских шорах и обитые внутри драгоценной парчой. В первой сидел микадо, во второй принц Генуэзский. Оба экипажа были окружены густым конвоем скачущих улан, один взвод которых следовал в авангарде, а другой в замке, имея по сторонам боковые патрули с опущенными и обращенными назад пиками. Назначение патрульных состояло в том, чтобы отгонять чересчур любопытных подданных его величества и ребятишек, неразумно в ослепленном своем любопытстве кидавшихся чуть ли не под копыта конвоя. Вся военная свита, ожидавшая у палаток с принцем Арисугавой и прочими принцами, прибывшими ранее, а также с военным министром и начальником генерального штаба во главе, мигом сели на коней и выстроились по правую сторону от палаток. Принц Арисугава, как главнокомандующий японской армией, поскакал со своим штабом к войскам и принял командование над парадом. По его команде полки взяли „на караул“ и знамена преклонились, а оркестр заиграл японский гимн, очень своеобразное произведение какого-то капельмейстера из немцев.

Выйдя из экипажей, микадо, одетый в общегенеральский военный мундир, с принцем Генуэзским, присутствовавшим в итальянской военной форме, вошли в первую палатку и сели с двух сторон у стола, в креслах. Здесь его величеству были представлены министром двора Беккер-паша и я. Тотчас после этого микадо сел на подведенного ему коня и начал объезд войск с правого фланга.

Объезд делался шагом. Впереди всех, предшествуя шагах в тридцати самому микадо, ехал его знаменосец-улан с императорским штандартом. Рядом с его величеством следовал принц Генуэзский, а несколько позади принц Арисугава и далее – смешанная и пестрая толпа свиты. Оркестр все время играл японский гимн, а горнисты каждого батальона и трубачи артиллерии и конницы при приближении к их частям императора начинали играть ему „встречу“. Объезд совершался в полном молчании. Микадо, проезжая мимо частей, не здоровался с ними, и войска не провожали его никакими кликами вроде нашего перекатного „Ура!“, и не скрою, мне было

как-то странно не слышать могучих радостных кликов войска в такую минуту, при таком военном торжестве, при виде своего царственного повелителя, когда, казалось бы, крик, как выражение внутреннего чувства, невольно, неудержимо просится из груди солдата.

Объехав войска, микадо рысью вернулся к палаткам, и тогда, по знаку командующего парадом, части с правого фланга левого фаса двинулись церемониальным маршем.

Не знаю, на этот ли только раз или всегда оно так бывает, но церемониальный марш показался мне как-то вял. Шаг пехоты был замедленный, узкий, безо всякого намека на ту энергию и лихость, какие русский военный глаз привык встречать в нашем строевом шаге.

Равнение пехоты большею частью было недурно, некоторые роты выдерживали его даже блистательно. К сожалению, нельзя того же сказать о кавалерии, где почти нет никакого равнения...

Микадо, сидевший все время несколько согнувшись корпусом на переднюю луку, ни одной из парадировавших частей не выразил словами своего одобрения; вероятно, здесь это не принято, и, быть может, именно вследствие этого японские парады проходят безо всякого оживления, вяло, монотонно.

Весь парад с момента прибытия микадо и до минуты его отъезда продолжался около часа»^[152].

Парады и смотры войск в Европе напоминали о прошлых победах и выражали грозную готовность к победам новым. Японская армия еще не успела поучаствовать в сколько-нибудь серьезных сражениях с внешним противником, но настойчивость и частота, с которой проводились эти устрашающие мероприятия, свидетельствовали: такая подготовка ведется. С этого года официальный фотопортрет Мэйдзи стали рассылать по армейским частям. Это должно было лишний раз напомнить о том, кто в стране главнокомандующий.

Соседи Японии пристально следили за ее развитием. Корейская элита была удивлена тем фактом, что Япония не стала колонией. Подобно тому, как несколько лет назад на Запад отправилась миссия Ивакура, в этом году для приобретения ценного опыта король Кореи отправил миссию в Японию. Было принято решение пригласить в следующем году группу японских офицеров, чтобы они помогли модернизировать корейскую армию.

1881 год

14-й год правления Мэйдзи

Для Мэйдзи этот год выдался хлопотным. Ему пришлось присутствовать на 66 заседаниях кабинета министров. Заседания начинались в 10 утра, Мэйдзи обычно уходил в 12, когда наступало время обеда. Если в прошлом году он занимался верховой ездой 144 раза, то в этом году – всего 54.

1 января, как обычно, было отдано ритуалам и церемониям. Сначала Мэйдзи привычно исполнил ритуал почитания четырех направлений. Потом его поздравляли принцы крови и высокопоставленные чиновники. Впервые они прибыли во дворец вместе со своими женами. Мужья были одеты в европейское платье, а жены – в японское. Однако большинство женщин воздержались от визита. Реставрация нарушила прежнюю строгость семейных нравов, и многие чиновники брали в жены (или сожительницы) женщин «низкого» происхождения, включая гейш, актрис и проституток, которые испытывали естественный трепет перед императором.

5 января состоялся новогодний банкет, на который были приглашены дипломаты с женами и знатные иностранцы, волею судеб занесенные в Токио в это время.

По свидетельству В. Крестовского, который присутствовал на этом банкете, Мэйдзи сидел за отдельным столом, обернувшись лицом к гостям. Столы для гостей были расставлены рядами – подобно рядам кресел в театре. Сходство увеличивалось тем, что приглашенные сидели только по одну сторону столов – так, чтобы видеть главное «действующее лицо» – самого Мэйдзи. И чтобы ни в коем случае не предстать перед Мэйдзи со стороны спины. Запрет поворачиваться к императору спиной был очень давним установлением. Именно поэтому во время аудиенций, устраиваемых в древности, после окончания церемонии присутствующие не покидали залу «обычным» способом – они пятились.

Из этого запрета для гостей вытекало одно существенное неудобство. Во время банкета было устроено представление. Но, сколь это ни удивительно, сцена находилась за спинами гостей. А поскольку присутствующие не желали нарушить придворный этикет и не смели хоть на секунду отвернуться от Мэйдзи, то только сам император имел возможность насладиться представлением^[153]. В определенном смысле это был театр не только одного актера – Мэйдзи, но и одного зрителя.

Раньше нельзя было смотреть на императора. Теперь нельзя было отвернуться от него. Если учесть, что разговоры в присутствии императора тоже не поощрялись и званый обед проходил в полном молчании, то легко себе представить, что, несмотря на изысканные кушанья, гости вряд ли могли получить от еды и общения адекватное удовольствие. В качестве компенсации после окончания приема в дома присутствовавших на нем было принято посылать судки с полным набором пиршественных блюд, чтобы и их семьи, и они сами могли бы спокойно насладиться яствами, не будучи скованными никакими ограничениями.

В. Крестовский посетил и Дом приемов Энрёкан, где губернатор Токио развлекал своих высоких гостей. Там присутствовало полторы тысячи человек. Крестовский был настроен по отношению к японцам чрезвычайно благожелательно, но ему хотелось, чтобы японцы сохраняли свой национальный колорит. А потому прием в Энрёкан ему не слишком понравился: «Ах эти ужасные, убийственные фраки! И зачем только понадобились они японцам, имеющим свой, веками выработанный костюм, в котором есть что-то солидное, сановитое. Представьте себе какого-нибудь даймио, каких мы теперь знаем – увы! – только по картинкам, – ведь он был просто величествен в своем одеянии, которое сидело на нем так красиво и так гармонировало с

этой типичной прической, с этими двумя саблями за поясом. Точно таков же был и самурай в шелковом кимоне (кимоно. – А. М.) с гербами и накрахмаленными воскрыльями. Представьте же себе теперь того же самурая в куцем фраке с жалостными фалдочками, в белом галстуке из японского крепа, с туго накрахмаленным пластроном, который с непривычки к нему упрямо топорщится и лезет вон из жилета, с шапокляком под мышкой, с английским пробором на затылке, о, этот бедный самурай кажется мне еще жалостней своих фалдочек!»^[154]

Правда, европейцы на этом балу произвели на Крестовского еще более отвратительное впечатление: «Мы были самоличными свидетелями, как многие из этих безукоризненно одетых джентльменов, не успев раздобыть себе ни ножа с вилкой, ни хлеба, рвали мясо куропаток и фазанов и целые куски кровавого ростбифа просто зубами и руками, освободив их от перчаток. Словом сказать, что воистину было генеральное кормление зверей, и я полагаю, что японцы, у которых выработаны для еды особые, весьма деликатные приемы, не могли не чувствовать внутреннего омерзения при виде столь бесстыдно проявляемой алчности и жадности своих „цивилизаторов“, благодаря коим не более как через полчаса пришлось уже закрыть буфет, потому что он весь был истреблен и расхищен. Лишь очень немногие из японцев успели воспользоваться каким-нибудь сладким пирожком...»^[155]

4 марта в Иокогаму прибыл король Гавайев Калакуа, совершавший кругосветное путешествие. В Японии его принимали по первому разряду – это был первый действующий монарх, с которым повстречался Мэйдзи.

Мэйдзи принимал вместе с Калакуа парад, обменялся с королем рукопожатиями, наградил орденом, шел не впереди него, а вровень. Словом, вел себя как с ровней, хотя Гавайи были крошечным государством с армией численностью всего в 75 человек. На неофициальной встрече Калакуа высказал грандиозные предложения: для противовеса империалистическому Западу учредить лигу восточных стран во главе с Мэйдзи, проложить подводный кабель между двумя странами, учинить династический брак между принцем Садамаро и своей племянницей Каиулани, которой предстояло стать королевой Гавайев (Калакуа был бездетен). В. Крестовский утверждает даже, что король убеждал Мэйдзи принять христианство, раз уж Япония встала на путь европейской цивилизации^[156]. Кроме того, Калакуа высказал живую заинтересованность в японских сельскохозяйственных рабочих, которые могли бы обрабатывать гавайские плантации, – местное население стремительно вымирало, работорговля была уже, к сожалению, запрещена.

Ёсю Тиканобу. Мэйдзи в окружении иноземных монархов (1879 г.)

Нетерпение художников было так велико, что они временами изображали японского монарха в окружении руководителей других государств – даже если он с ними никогда не встречался. На гравюре (верхний ряд, крайний справа) – «император России». Американский президент (слева от Мэйдзи) назван «королем Соединенных Штатов Америки». Слово «президент» не было, похоже, знакомо художнику.

Все предложения Калакуа японцы отвергли. Даже если бы Япония и осмелилась на антизападный союз, она все равно не обладала достаточным авторитетом и мощью для его организации. Прокладку кабеля до малозначительного государства сочли нецелесообразной, а отправку рабочей силы – преждевременной. Династические браки не были в японской традиции, и ранее двор настоял на расторжении брака принца Ёсихиса и немецкой аристократки, который был заключен во время пребывания принца в Европе. Тем не менее предложения, полученные Мэйдзи, казались весьма лестными. Еще несколько лет назад никто не мог бы предположить, что кто-то может посчитать Японию серьезным игроком на мировой арене.

Калакуа тоже остался очень доволен оказанными ему знаками внимания. Жаль только, что грандиозный бал, на который он был приглашен, не состоялся. 13 марта был убит Александр II, и японский двор погрузился в траур.

Несмотря на высказывавшиеся в прошлом году сомнения относительно целесообразности путешествий императора, 30 июля Мэйдзи отправился в очередную поездку по стране. Это было его самое длительное путешествие. Оно продолжалось 74 дня. На сей раз маршрут проходил по северо-востоку страны и Хоккайдо. Теперь школьники рассказывали императору не про Цицерона, а про японскую историю и китайскую философию. Исправно поработали и связисты: телеграфные провода окутывали Японию все гуще, и теперь новости со всего света доходили до Мэйдзи быстро. И теперь уже никому не приходило в голову использовать телеграфные столбы и провода не по назначению. Наоборот – им находилось все новое и новое применение.

Честь изобретения одного из них принадлежит, возможно, отцу Николаю. В Касивадзаки (район Тохоку) не было священника, а потому местные прихожане просили у отца Николая позволение, чтобы катихизатор, в случае похорон, мог надевать стихарь – «в простом платье

хоронить не представительно в глазах язычников». Николай не позволил и велел в каждом случае извещать его телеграммой, а он тогда будет – тоже по телеграфу – давать благословение^[157].

К этому времени стала окончательно ясна судьба бывшего сословия самураев. Они не смогли найти себя на пути самостоятельного предпринимательства. Начав свое дело, большинство из них не выдерживало конкуренции, превращаясь в наемную рабочую силу. Зато государственная служба смогла обеспечить им достойное существование. Тем более что при приеме на нее самураям оказывалось предпочтение. По данным за этот год, две трети центрального и префектурального чиновничьего аппарата составляли выходцы из самурайских семей. Среди учителей их было 40 процентов. Основу полиции и армии также составили самураи. В государственный аппарат эти люди вошли вместе со своими ценностями. К их числу следует отнести честность, порядочность, верность, дисциплину, самопожертвование, гордость, нетерпимость, обидчивость, склонность к решению конфликтов силовым путем. Государство Мэйдзи сумело в конце концов интегрировать самураев в новую жизнь, но оно стало государством, в котором основные ценности были выработаны военным сословием. Можно сказать и так: самураи интегрировали государство в свои ценности. Этот факт многое объясняет в последующей истории Японии.

К этому времени либеральное движение уже понесло первые потери. Като Хироюки, защищавший ранее идеи о свободе каждого индивидуума и участвовавший в работе журнала «Мэйроку дзасси», обратился в Министерство внутренних дел с просьбой изъять из продажи свои прежние сочинения. Крупный правовед Иноуэ Коваси (1843–1895) не постеснялся заявить, что миссия народа – «стелиться, словно трава под ветром». Охранительные настроения набирали силу. Голоса защитников традиционных ценностей становились все слышнее. Один известный врач повесил перед своим домом табличку, извещавшую о том, что он отказывает в приеме лицам в европейской одежде^[158].

В августе потомки рода Фудзивара – Сандзё Санэтоми и Кудзё Мититака – организовали фонд своего родового буддийского храма Кофукудзи, находящегося в Нара. Храм успел прийти в запустение, следовало привести его в порядок. Буддизм вновь начал признаваться одним из компонентов национальной традиции. Его реабилитация происходила без лишнего шума, но она происходила. Опыт по полному исключению буддизма из культурного пейзажа страны не удался.

После того как под более жесткий государственный контроль были поставлены школы, настала очередь и для высших учебных заведений. Раньше Токийский университет был рассадником западничества и либерализма, теперь его преподаватели из ученых превращались в государственных чиновников. Они были обязаны давать присягу на верность правительству.

В цитадели японского «либерализма» – префектуре Коти (бывшее княжество Тоса) – слово «свобода» («дзию») продолжало пользоваться популярностью. Дзию – так там называли мальчиков, девочек и даже кошек. Однако в центре административном – в Токио – говорили о «свободе» все меньше, чиновники всей страны стали реагировать на это слово, как на красную тряпку. Некий парикмахер не уловил веяний времени и повесил на своем заведении вывеску «Свобода». Он думал привлечь новых клиентов, но только распугал прежних. В то время главными посетителями парикмахерских были чиновники^[159].

Это газетное сообщение, появившееся в мае, больше всего похоже на «утку». Однако оно верно характеризует и общую атмосферу в стране, и расклад политических сил, и накал страстей. По Японии прокатилась волна протестов против «олигархического правления» выходцев из Сацума и Тёсю. Выход виделся в принятии конституции и созыве парламента, куда бы избирались представители со всей страны. Поскольку на политические собрания и митинги были наложены строгие ограничения, движение приняло форму публичных лекций. В токийском театре «Синтоми», где выступал Фукути Гэнъитиро, было продано пять тысяч

билетов. «Движение за свободу и права народа» организовывало такие лекции по всей стране. В момент своего создания основную силу «Движения» составляли бывшие самураи, теперь оно захватило горожан и богатых крестьян. На этих собраниях принимались многочисленные резолюции с требованиями о введении конституции. Правительственные репрессии не помогали, и тогда правительство сочло за благо сменить гнев на милость.

12 октября был обнародован указ, согласно которому Мэйдзи обещал стране конституцию. Но не сейчас, а через девять лет. Как это столь часто бывало в Японии, власть стремилась к компромиссу. Сторонники конституционного правления получали конституцию, противники – отсрочку для того, чтобы лучше подготовиться к переменам. Все узнали, чего им ожидать в будущем.

На решение о введении конституции повлияло и обстоятельство, которое не имело к ней непосредственного отношения. Дело в том, что несколькими месяцами раньше в прессу попали сведения относительно коррупции на Хоккайдо. Государство занималось там освоением целинных земель, а многие высокопоставленные чиновники готовили почву для того, чтобы за бесценок приобрести там обширные участки. Эти чиновники были яркими противниками народовластия, ибо бесконтрольность была им только на руку. Особенно досталось от журналистов Курода Киётака, главе ведомства по освоению Хоккайдо. Утечку данных о готовившейся сделке приписали Окума Сигэнобу. Среди правительственных чиновников он был наиболее ярким сторонником немедленного введения конституции. Организовав утечку информации в прессу, он попытался шантажировать своих противников. Шантаж удался, сделки с землей отменили, самого Окума вывели из правительства, но его конституционное дело одержало стратегическую победу.

Перспектива. Скандал не помешал ни Курода, ни Окума в самом ближайшем будущем продолжить их блестящие политические карьеры. К моменту провозглашения в 1890 году конституции Курода оказался премьер-министром. В высшем эшелоне власти отношения могли быть самые неприязненные, но открывать дверь для новых людей никто не собирался.

Оппозиция не дремала, и в конце прошлого года Итагаки Тайсукэ вместе с Гото Сёдзиро организовали Либеральную партию (Дзюто), выступавшую за «суверенные права народа». И это при том, что народа как такового в стране еще не было. В агитационной деятельности участвовали самые разные люди. В том числе и не слишком уравновешенные. Уроженец Коти, Уэки Эмори (1857–1892) являлся одним из самых активных членов «Движения за свободу и права народа», он колесил по стране со страстными «лекциями» за созыв парламента, писал в газеты, защищал права женщин. Правда, злые языки говорили, что свой знаменитый памфлет, ратовавший за запрет проституции, он написал в публичном доме^[160]. Но для того, чтобы идти против течения и правительства, нужно было обладать крепкими нервами. К концу своей короткой жизни Уэки уже воображал себя императором, ему снилось, что он возлежит с императрицей.

Предшественником Либеральной партии было «Общество самопомощи», названное так вслед за книгой Смайlsa «Самопомощь». Итагаки создал его в Коти в 1874 году, когда идеи о формировании сильной и самостоятельной личности пользовались поддержкой на самом верху. Теперь же государство сопротивлялось «гнилому» индивидуализму из всех сил. В этом году были введены наградные знаки на лентах разных цветов. Зеленая лента говорила о том, что награжденный отличался преданностью императору и заботился о своих родителях, медаль с красной лентой давалась за спасение жизней, с голубой – «за общественный вклад». Среди

обладателей зеленой ленты было особенно много бедных, но высокоморальных крестьян.

1882 год

15-й год правления Мэйдзи

Мятеж в гвардейской части, случившийся в августе 1878 года, не остался без последствий – стало понятно, что дисциплину надо подтягивать. Воспоминания о юго-западной войне были тоже свежи. В этой войне по первому слову Сайго Такамори его вассалы подняли свои мечи против правительственной армии, которую возглавлял принц и которая сражалась под императорским знаменем.

Этот год начался с обнародования 4 января императорского указа, адресованного военным. Вплоть до окончания Второй мировой войны он был основным документом в деле воспитания верных воинов императора. Текст указа непременно фигурировал в записных книжках, которыми каждый год снабжались все военнослужащие.

Указ можно считать уникальным документом. Во-первых, он был необычайно длинным, подробным и конкретным. Во-вторых, указы обычно адресовались политическому истеблишменту и становились известны населению в форме распоряжений правительства. Но на сей раз это было прямое обращение Мэйдзи к своим подданным.

В тексте указа утверждалось, что в древней (мы бы назвали ее мифической) Японии императоры сами стояли во главе армии, в которой участвовали все подданные. Однако затем ввиду наступившего мира двор утратил свой прежний мужественный дух, перешедший к профессиональным воинам – самураям. И тогда крестьяне лишились права на ношение оружия. В течение семи веков военные правили страной, хотя это и шло вразрез с желаниями императорского дома. И только император Мэйдзи при помощи своих сторонников сумел вернуться к управлению, основанному на древних принципах, – теперь именно он и стоит во главе армии.

От военнослужащих Мэйдзи требовал безоговорочной верности себе и стране, скромности и честности. Долг перед своей страной – тяжел, как гора, но смерть за нее – легче птичьего перышка. В рамках столь любимой на Дальнем Востоке телесной метафоры Мэйдзи уподоблял себя голове, а армию и флот – рукам и ногам. Таким образом еще раз подчеркивалась неразрывная связь между монархом и его подданными, но одновременно давалось понять, кто кого должен слушаться. Рукам и ногам, то есть армии, категорически запрещалось участие в политической деятельности без особого указания «головы». Указ окончательно разрушал феодальную иерархию, согласно которой самурай подчинялся только своему непосредственному начальнику. Принципу «сюзерен моего сюзерена – не мой сюзерен» был положен конец.

Как и «Высочайшая клятва в пяти статьях», нынешний указ состоял из пяти пунктов. Они соотносились с пятью первоэлементами (дерево, огонь, земля, металл и вода), из которых составлен этот мир. Мир меняется в зависимости от сочетаний пяти элементов, но сами они остаются неизменными.

Одним из авторов указа был Фукути Гэнъитиро. Указ обличал сёгунат. Ирония заключалась в том, что до Реставрации Фукути был прямым вассалом Токугава и даже успел посидеть в тюрьме за его поддержку. Но власть ценила яркий стиль журналиста. Совсем недавно он яростно обличал правительственных коррупционеров, теперь он усиливал императорскую армию. Никакого противоречия здесь не существовало. Свою задачу Фукути видел в том, чтобы его государство было сильным. Тем более что оно поддерживало его газету «Нити-нити симбун». Стоило Ито Хиробуми шепнуть нужным и состоятельным людям, как они купили львиную долю акций газеты, и она окончательно стала рупором антилиберализма. Слово «кокутай» становится

на страницах газеты едва ли не самым частотным. «Кокутай» – это «государственное тело», уникальная сущность японской государственности, основывающаяся на центральной роли всеблаготворного императора-тэнно, к которому беспредельно лояльны его подданные.

Этот термин был введен в оборот еще при сёгунате учеными из школы Мито, пользовались им и деятели Реставрации во время свержения Токугава Ёсинобу. Потом про него подзабыли, теперь для него настала новая жизнь. Она оказалась долгой – вплоть до окончания Второй мировой войны пропагандисты повторяли и повторяли его, наполняя все более и более шовинистическим содержанием.

Главная характеристика кокутай – его неизменность. Время реформ проживалось под лозунгами «движение», «развитие» и «прогресс». Поэтому акцент на «неподвижности» был вызовом эпохе. Жизнь разделялась на две части. Внешняя часть могла стремительно менять свой облик, но внутренняя, невидимая часть была призвана оставаться неизменной. Европейское политическое движение напоминало мельтешение, оно вело к социальным потрясениям, которых Япония может и должна избежать. Раньше Фукути проповедовал постепенные перемены, теперь он сделал главный акцент на апологии неизменности.

Покушение на Итагаки Тайсукэ

Итагаки Тайсукэ колесил по стране, разъяснял цели своей Либеральной партии, вербовал новых членов. 6 апреля после выступления в городе Гифу на него набросился с кинжалом молодой учитель. Итагаки воскликнул: «Итагаки умирает, но свобода не умрет никогда!» Опасаясь мести властей, местные доктора отказались пользоваться Итагаки, но раны оказались легкими, а слова Итагаки облетели страну. Мэйдзи послал раненому 300 иен.

Это было хорошо продуманное и логичное решение. Ни сам Итагаки, ни его ближайшие соратники не выступали за демонтаж монархии. Они страшились кровавых антимонархических революций Европы, они выступали вовсе не за конституционную республику, а за конституционную монархию. Парламент был им нужен для того, чтобы «верхи» и «низы» стали ближе друг другу, а не для того, чтобы они поменялись местами. В правительстве же должны быть представлены посланцы всей страны, а не только землячества Сацума и Тёсю. Именно в этом они видели залог укрепления государства, которое представало как непрерываемая ценность. И в этом вопросе вся страна была солидарна с ними.

Лекционное собрание сторонников «Движения за народные права»

Полиция прерывает собрание

Да, движение за народные права было неоднородным, на собраниях иногда допускались даже антимонархические высказывания, но их сторонники находились в абсолютном меньшинстве. В этом году, похоже, они разыгрывали «китайскую карту». На нескольких

собраниях ораторы утверждали, что первоимператор Дзимму – это пришелец из Китая, который завоевал Японию. Полиция таких ораторов обрывала на полуслове, штрафовала, арестовывала, слушателям приказывали разойтись^[161]. И они расходились по домам. Мало кто сочувствовал «китайской теории» происхождения японской императорской власти. А вот насчет «китайской порчи», наведенной на Японию, стоило серьезно подумать.

В апреле Окума Сигэнобу создал свою политическую организацию – Партию конституционных реформ (Риккэн кайсинто). Он тоже выступал за введение конституции. По большому счету, Партию конституционных реформ, точно так же как и Либеральную партию Итагаки, нельзя назвать «настоящей» политической партией. Ведь ни та, ни другая не ставили своей целью приход к власти. Больше всего Окума опасался «экстремистов», которые заставят Мэйдзи возглавить правительство, так что император будет реально ответствен за все возможные промахи^[162]. А это может поставить под угрозу сам институт императорской власти. Политики – как в самом правительстве, так и оппозиционеры – подыскивали себе место рядом с Мэйдзи. Сам монархический институт не подвергал сомнению никто.

Хотя Мэйдзи и стоял во главе императорской армии, она еще явно не соответствовала имперским задачам. Несмотря на то что со дня введения воинской повинности прошло уже девять лет, задачи по призыву оставались невыполненными. В армии едва насчитывалось 40 тысяч человек. В докладе начальника генерального штаба Ямагата Аритомо отмечалось, что в условиях «нестабильных» отношений с Китаем и Кореей в этом году следует непременно заполнить армейские вакансии. Добавим от себя, что это была «нестабильность» особого рода, ибо ни одна из этих стран и не помышляла о нападении на Японию.

Впрочем, о какой «империи» могла идти речь, если Япония до сих пор не смогла упросить Запад пересмотреть неравноправные договоры? Приобретение Рюкю служило недостаточным утешением. С января по июль в Токио проходили переговоры с представителями западных держав. 1 июня Япония устами министра иностранных дел Иноуэ Каору заявила: мы разрушили феодализм и дали всем японцам равные права; мы разделили административную и судебную власть; мы создали новую образовательную систему; мы сняли запрет на христианство; мы создали современную почту и протянули телеграфные провода; мы построили железные дороги и маяки. И мы сделаем еще больше – только давайте пересмотрим договоры, отменим экстерриториальность и разрешим Японии самой определять таможенные тарифы! В обмен на это мы немедленно позволим иностранцам путешествовать по стране, а через пять лет разрешим им жить и торговать не только в открытых договорами портах, но на всей территории Японии. Мы разрешим им приобретать недвижимость и строить заводы – если только они будут выполнять японские законы.

Подавляющее большинство представителей западных стран, включая Россию, согласились поначалу на отмену договоров. Разрешение свободно путешествовать по стране казалось немалым завоеванием. Ведь в данный момент для этого нужно было получать специальное разрешение. При этом путешественнику не позволялось разводить в лесу костры, наблюдать пожары, сидя на коне, ходить по засеянным полям, перелезать через заборы, оставлять граффити на стенах храмов и святилищ, стрелять и заключать торговые договоры с местным населением. Все это казалось вопиющим нарушением прав западного человека.

И только Британия, великая и гордая Британия, твердо отказалась признать аргументы Иноуэ. Гарри Паркс заявил, что пять лет повиноваться японским законам и не иметь при этом никаких привилегий – несправедливо. Кроме того, в Японии до сих пор отсутствуют административный и торговый кодексы. Голос Паркса оказался решающим, вопрос в который раз отложили до лучших времен.

Разумеется, дело было не только в «принципиальности» Англии. Из всех западных стран

Великобритания имела в Японии наиболее серьезные экономические интересы, а потому установленные договорами низкие тарифы были больше всего выгодны именно ей.

Япония все еще не смела требовать у Запада, она только просила. В ее распоряжении находилось только четыре современных военных корабля. Но и их оказалось достаточно, чтобы продемонстрировать Дальнему Востоку свои претензии на роль местного гегемона. При этом Япония действовала в полном соответствии с западными геополитическими технологиями.

23 июля в Сеуле вспыхнуло восстание. Оно началось в войсках, недовольных тем, что вместо нормального рисового пайка им выдали малосъедобную смесь из проса и отрубей. Япония была, разумеется, ни при чем, но мятежники, захватив арсенал и правительственные учреждения, освободили из тюрьмы заключенных и обратили свой гнев на японскую миссию. Ее военный атташе лейтенант Хоримото Рэйдзо занимался обучением сотни аристократических сыновей военному делу. Восставшие убили лейтенанта в его квартире, здание миссии и находящиеся там секретные документы японцы сожгли сами. Под покровом клубов дыма сотрудникам удалось сбежать. Они добрались до побережья, где корейские солдаты напали на них. Шестеро сотрудников миссии были убиты, пятеро – серьезно ранены. Но уцелевшим японцам все-таки удалось погрузиться на какое-то суденышко и скрыться. Через три дня их подобрал английский корабль «Flying Fish» («Летучая рыба»), который доставил их в Японию. В Симоносэки Иноуэ Каору вручил главе миссии Ханабуса Ёсимото (1842–1917) письменную инструкцию и велел ему возвратиться в Сеул. А Китай тем временем послал в Корею войска и усмирил мятежников. Корея считалась его вассалом, усмирять бунтовщиков было прямой обязанностью сюзерена.

После серии переговоров, проведенных под дулами японских корабельных орудий, 30 августа в Чемульпо был заключен договор. Корейский король признавал свою вину за то, что не сумел обеспечить безопасность подданных императора Мэйдзи, обещал изловить преступников и заплатить компенсацию: 50 тысяч иен семьям погибших и раненых и 500 тысяч – японскому правительству. Поскольку эта сумма составляла около одной шестой части бюджета страны, ее разрешалось вносить равными долями в течение пяти лет. Кроме того, здание миссии должны были отныне охранять японские солдаты.

Ханабуса вернулся в Токио национальным героем и получил аудиенцию у Мэйдзи. Капитану корабля «Летучая рыба» Мэйдзи подарил пару бронзовых статуй и несколько книжек на японском языке, одна из которых была посвящена древним походам японцев на Корею. Имя лейтенанта Хоримото и других убитых внесли в поминальные списки святилища Ясукуни. 23 декабря Мэйдзи обнародовал указ, в котором говорилось о намерении Японии добиваться признания Кореи в качестве самостоятельного государства. Поскольку до сих пор корейский король находился в вассальных отношениях с китайским императором, это означало, что рано или поздно между Японией и Китаем должна разразиться война.

В этом году принц Арисугава посетил Санкт-Петербург. Это был первый официальный визит в Россию члена японского императорского дома. Александр III дал ему аудиенцию. Узнав, что в Петербургском университете изучается японский язык, принц прислал в следующем году более 3000 книг. За этот щедрый дар ему присудили звание Почетного члена ученого совета. В основном это были книги по истории и литературе (прежде всего поэзии)^[163]. К этому времени Япония уже неплохо знала Запад. Теперь она хотела, чтобы Запад лучше узнал ее. Книжные коллекции дарили и в другие европейские и американские университеты. Подобные дары были составной частью кампании по улучшению имиджа Японии за рубежом. Принятый в этом году семейный кодекс служил, в частности, и этой цели. Полигамные нравы японцев служили предметом постоянных упреков со стороны европейцев. Теперь многоженство было официально упразднено. Если раньше вторая жена признавалась в качестве родственницы «второй степени»,

то теперь правом называться родственницей обладала только одна женщина. Все остальные попадали в разряд бесправных любовниц.

1883 год

16-й год правления Мэйдзи

Этот год выдался для монарха тяжелым. 20 июля скончался правый министр Ивакура Томоми. Вместе с его смертью киотосская аристократия потеряла своего последнего влиятельного представителя в политической элите. Правый министр Сандзё Санэтоми всегда оставался фигурой церемониальной, его использовали как символ единения аристократии и самураев.

Мэйдзи знал Ивакура почти с момента рождения – он служил камергером с 1854 года и являлся одним из немногих членов правительства, кто имел неограниченный доступ к императору. В отличие от подавляющего большинства «худородных» политиков того времени Ивакура был настоящим киотосским аристократом. Упадок аристократии привел к упадку и самого города, что постоянно беспокоило Ивакура. Недаром его последним проектом государственной важности было возрождение древней столицы. Многие говорили: нужно сделать так, чтобы Киото не превратился во «вторую Нара». Имелось в виду, что после переноса в конце VIII века императорского двора из Нара в Хэйан (Киото) оттуда ушли почти все жители и только в нескольких буддийских храмах продолжала теплиться жизнь. А после гонений на буддизм, предпринятых в начале правления Мэйдзи, город пришел в еще большее запустение.

В мае Ивакура отправился в Киото и представил свои соображения о том, как можно сделать увядающий город вновь процветающим. Предполагалось, что в Киото будет открыт филиал Министерства двора. Этот филиал станет отвечать за связи со святилищами и храмами. Во дворце Госё в память об основателе города императоре Камму (781–806) будет построено святилище. Часть церемонии интронизации будущего государя (ритуалы сокуи и дайдзёсай), а также церемония посвящения супруги государя в сан императрицы должны проводиться в Киото. Ивакура предложил также построить в городе специальный храм (ёхайсё), в котором можно было бы поклоняться святилищу Исэ и гробнице первоимператора Дзимму «издалека» (в традиционном синто обряда поклонения «издалека» не существовало – совершение обряда допускалось только там, где расположена святыня). Многие другие важные ритуалы и церемонии также следовало, согласно предложению Ивакура, проводить в Киото. Причем правый министр ратовал за то, чтобы на эти ритуалы допускался и народ. Старые храмы предполагалось отремонтировать, а возле реки Камо построить гостиницу для иностранцев, чтобы они тоже могли наблюдать церемонии государственной важности. Ивакура напоминал старую конфуцианскую истину: без соблюдения ритуала государство приходит в упадок.

Именно там, в Киото, Ивакура и почувствовал себя плохо. Его перевезли в Токио, доктор Бёльц определил, что у него запущенный рак пищевода. Ивакура попросил врача сделать все возможное, чтобы хоть чуть-чуть отсрочить развязку. Он хотел непременно увидеть еще раз Ито Хиробуми, который в тот момент находился в Европе, куда был командирован для изучения тамошних конституций. Но Бёльц уже ничего не мог поделать. Понимая, что смерть совсем близко, он сказал об этом правому министру. И тогда Ивакура вызвал советника Иноуэ Каору и на ухо сообщил ему свое политическое завещание. Бёльц находился рядом, но слов Ивакура он не слышал. Иноуэ никому не рассказывал о том, что сообщил ему Ивакура. Вероятно, и мы тоже никогда не узнаем о последней воле Ивакура Томоми.

В своем панегирике Мэйдзи уподобил Ивакура своему отцу, назвал его учителем и «столпом страны». Посмертно он присвоил ему титул «главного министра». Ивакура было 57 лет.

В этот год Мэйдзи потерял не только своего преданного министра, который сыграл

выдающуюся роль в проведении реформ.

26 января у Мэйдзи родилась дочь. Ее матерью была Тигуса Котоко. Тремя годами раньше она уже осчастливила императора принцессой Акико. Обе девочки умерли от менингита в сентябре этого года с разрывом в два дня. Придворный педиатр подал в отставку. На три дня двор погрузился в траур, флаги в армейских частях были приспущены.

Ивакура Томоми

Смерть детей совпала с приступом менингита у самого Мэйдзи. Врачи в очередной раз посоветовали императору проводить побольше времени вне Токио на природе, но он продолжал вести привычный образ жизни. Однако для будущих детей в красивейших местах Японии – Хаконэ и Никко – загородные усадьбы были все-таки построены.

В этом году Мэйдзи пришлось попрощаться и с Гарри Парксом. Его перевели на службу в Китай. Хотя он был человеком грубым и высокомерным, Мэйдзи, вероятно, помнил ту поддержку, которую оказал ему сэр Гарри в его противостоянии с сёгуном Ёсинобу. В конце концов, он был едва ли не первым европейцем, увидевшим лицо юного и тогда еще безусого императора. И потому, несмотря на то что Паркс яростно защищал унижительные для Японии договоры, Мэйдзи наградил его Большим Орденом Восходящего Солнца. Но британское правительство не разрешило своему сотруднику получить иностранный орден. Оно было не менее гордым, чем сам Паркс. Однако Мэйдзи все-таки отметил расставание особым образом: подарил Парксу цветочную вазу и курительницу для благовоний, которыми до того пользовался сам.

Теперь, когда император объездил практически всю страну, настало время для того, чтобы обосноваться в собственном дворце. Раньше Мэйдзи совершал длительные путешествия – ритуал, направленный на то, чтобы «присвоить» страну и стать ее легитимным обладателем. За время поездок ему поднесли тысячи снопов риса (японский аналог хлеба-соли) – свидетельство того, что люди признали его за своего повелителя. О том же говорили и подаренные ему географические карты. Мэйдзи ночевал в сотнях домов, которые теперь почитались в качестве

священных мест. Теперь вся страна была отмечена его присутствием, Мэйдзи внес существенный вклад в «сакральную разметку» пространства империи.

Нужно сказать, что люди воспринимали Мэйдзи в качестве божества весьма охотно. Этому способствовали фольклорные представления о синтоистских божествах – покровителях земледелия. Синтоистские святилища расположены, как правило, в горах. Считалось, что божество должно находиться там зимой, когда урожай уже собран и помощи божества больше не требуется. С началом сельскохозяйственных работ символ божества помещали в паланкин (переносная модель храма) и несли на поле. Именно там и должно было находиться божество. Процессии, в центре которых находился паланкин Мэйдзи, должны были производить впечатление явления божества, покровительствующего сельскохозяйственным работам и получению богатого урожая. Деревенские жители выходили встретить императора с праздничным сакэ и рисовыми лепешками-моти. Точно таким же образом они встречали и паланкин с божеством^[164]. Именно поэтому поездки Мэйдзи по стране совершались в разгар полевых работ – чтобы усилить ощущение встречи с «настоящим» божеством через привычное для крестьянина время ритуала. Императору приходилось нелегко – поездки совершались в самое жаркое и душное время года, но этого требовали высшие, поистине божественные интересы, которые совпадали с интересами государственными. В воспоминаниях очевидцев встреча императорского экипажа неизменно предстает как настоящий синтоистский праздник – с употреблением сакэ и ритуальной пищи.

Торговая улица, украшенная флагами и праздничными фонариками

Все, чего касался император, шло в ход. Люди собирали гальку, по которой пронесли его паланкин; они собирали землю, на которой стоял его трон; они собирали осыпавшиеся иголки с ветвей криптомерий, которые использовались для украшений. Эти амулеты должны были

обеспечить урожай и здоровье. Женщины терлись о внутренние столбы в доме, где останавливался Мэйдзи, чтобы обеспечить себе легкие роды. Газеты сообщали даже о некоем человеке, вылечить которого отказывались врачи. И тогда ему принесли обеды с подноса, с которого обедал Мэйдзи, и он, разумеется, выздоровел^[165].

Всюду, куда бы ни направился Мэйдзи, его встречали национальные флаги и белые бумажные фонарики с изображением красного солнца. Символы государства становились атрибутами религиозного действия. Повсюду можно было увидеть и императорский герб – изображение 16-лепестковой хризантемы.

Однако теперь время «кочующего императора» уходило в прошлое – более «нормальной» ситуацией для японской «оседлой» модели управления следует признать постоянное нахождение монарха в сакральном центре – дворце, куда являются его подданные и гости со всего света. Движение должно было приобрести другой вектор – из центробежного превратиться в центростремительное.

Дворец Акасака официально именовался «временным», он был слишком скромнен для правителя страны, которая провозглашала себя «великой Японией». Мэйдзи прожил в нем уже 10 лет.

Официально называемой причиной отсрочки строительства нового дворца было традиционное для идеального конфуцианского правителя нежелание возлагать на плечи трудового люда дополнительное бремя. Однако дело не только в этом. В первые полтора десятилетия реформ политтехнологи делали ставку на создание имиджа подвижного, мобильного и вездесущего правителя европейского типа. Теперь стала ощущаться недостаточность такой трактовки. Облику Мэйдзи следовало придать несколько больше статуарности, неподвижности, тяжести, веса. Этой-то задаче и должен был отвечать новый дворец.

12 февраля заместитель отдела строительства императорского дворца Сисидо Тамаки подал докладную записку, в которой, в частности, говорилось: «Назначение императорского дворца отнюдь не ограничивается тем, что он является вместилищем священного тела императора. Дворец – это место, предназначенное для великих дел по управлению страной, люди – как здесь, так и за границей – должны взирать на него с чувством почтения и восхищения. Это место, где отправляются ритуалы для [процветания] Поднебесной. В последние годы к нам приезжает все больше королевских особ и благородных людей из Европы и Америки, с каждым днем отношения становятся все более тесными. Дела в этом мире зависят от ритуала. Если говорить об управлении страной, то уже прошло то время, когда император мог править Поднебесной из крытой соломой хижины, в которую ведут земляные ступени»^[166].

Фукудзава Юкити поддержал идею возведения впечатляющего сооружения. Он полагал, что славившиеся своей скромностью мифические правители Китая Яо и Шунь, а также японский император Нинтоку жили в нецивилизованные времена. Теперь же, во времена прогресса и цивилизации, Японии требуется такой дворец, за который не было бы стыдно перед иностранцами.

Среди политической элиты господствовали похожие настроения – с ростом имперского самосознания стране требовалась и соответствующая ему столица, в сердце которой находился бы великолепный дворец. При этом все обращали внимание, что во всех «настоящих» державах (будь то монархии или республики) такие архитектурные символы уже имелись. Было решено, что дворец будет построен ко времени провозглашения конституции.

Пока обсуждались планы по возведению нового дворца, полным ходом шло строительство Дома приемов, задуманного как витрина новой Японии.

Министр иностранных дел Иноуэ Каору в своей докладной записке писал: «Как мы можем воздействовать на умы нашего 38-миллионного народа, чтобы он проникся духом смелости,

научился независимости и самоуправлению? По моему мнению, единственным средством для достижения этих целей может быть только общение с европейцами, чтобы люди на собственном опыте убедились в своей неуклюжести, осознали свои недостатки, впитали в себя западную одержимость... Полагаю, что для этого необходимо обеспечить свободное общение между японцами и иностранцами. Только так может наша империя встать вровень с западными странами. Только так сможет наша империя стать независимой, процветающей и сильной».

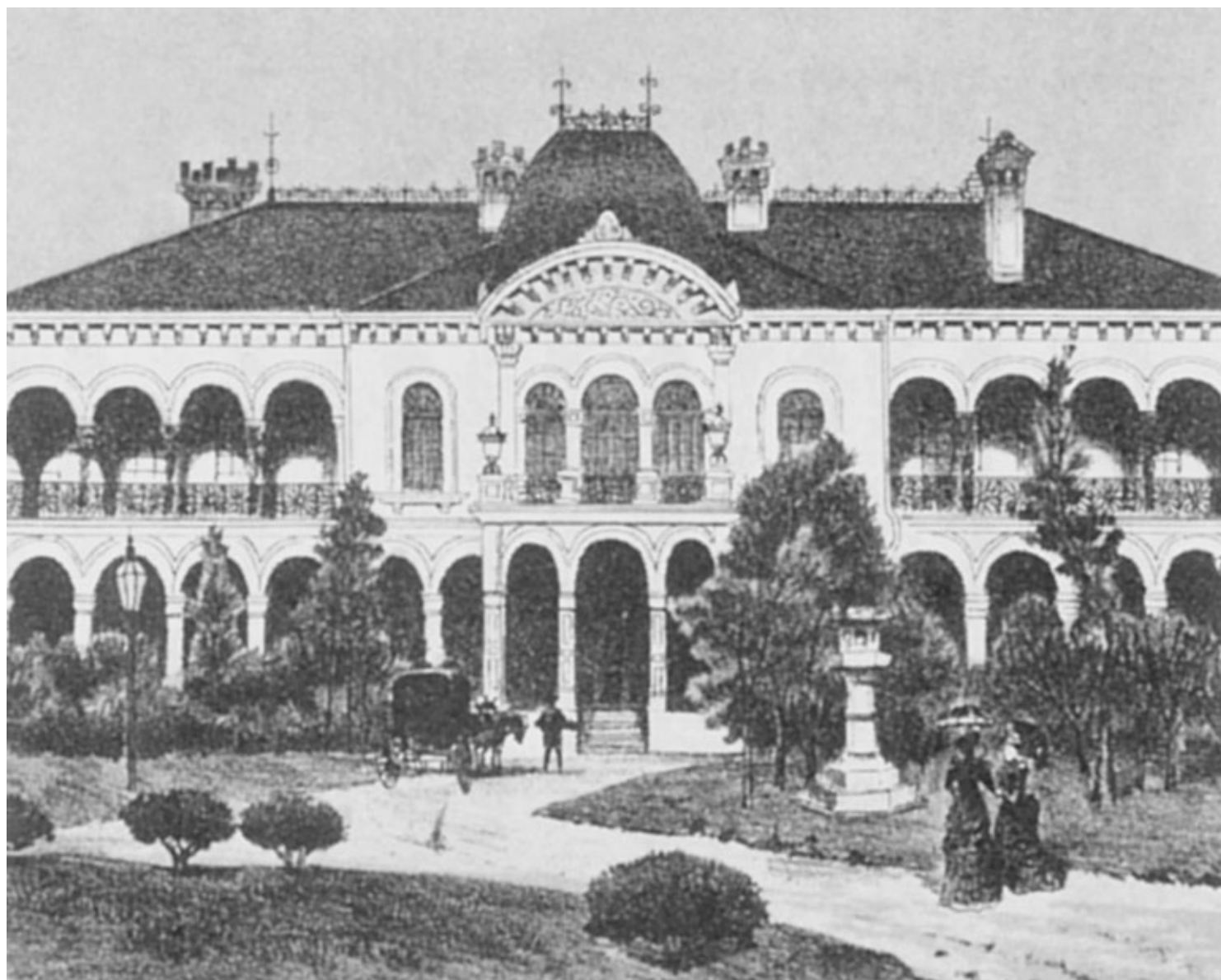
Идея Иноуэ Каору о свободном общении между японцами и иностранцами приняла форму конкретного архитектурного проекта. В этом году английский архитектор Д. Кондер (1852–1920) завершил строительство двухэтажного каменного здания Рокумэйкан – Павильон Кричащего Оленя. Название Дома приемов было призвано вызвать ассоциации со стихотворением из «Книги песен» – классики китайской поэзии. В нем рассказывается, как вином, изысканными кушаньями и музыкой привечают гостей из дальних стран, а гости повествуют в ответ о своих землях. Здание Рокумэйкан располагалось в районе Хибия (неподалеку от императорского дворца), на месте склада оружия, принадлежавшего когда-то княжеству Сацума. С помощью этого оружия сацумцы когда-то рассчитывали изгнать иностранцев. Теперь здание Рокумэйкан стало одним из главных символов открытости Японии.

Иноуэ Каору

Д. Кондер

Рокумэйкан

Открытие Рокумэйкан состоялось 28 ноября. До этого времени спонсируемые правительством светские мероприятия устраивались в помещениях Энрёкан. Здание отнюдь нельзя было назвать соответствующим нынешним имперским потребностям. Оно было построено еще сёгуном в качестве военно-морской школы.

За исключением сада с прудом и традиционными каменными фонарями, ничто в архитектуре эклектичного (космополитичного?) здания Рокумэйкан не напоминало о том, что вы находитесь в Японии. Моряк и писатель Пьер Лоти (1850–1923), создатель французского «колониального романа» и автор нашумевшего произведения из японской жизни «Госпожа Хризантема», жестоко сравнивал это здание с второразрядным французским казино. Однако для японской элиты и главного вдохновителя проекта Иноуэ Каору здание Рокумэйкан служило подтверждением того, что Япония стоит на одной ступени с Западом. В строительство были вложены огромные по тогдашним понятиям деньги – 180 тысяч иен (здание МИДа обошлось в 40 тысяч).

Всего пару десятилетий назад лозунгом Японии было изгнание иностранных варваров. Теперь же сотни иностранных гостей регулярно являлись в Рокумэйкан, и японская правящая элита не боялась, что они оскверняют священную землю страны богов. В двухэтажном кирпичном здании размещались бальный зал, библиотека, ресторан с поваром-французом, там музицировали, играли в бильярд. Светская жизнь кипела, в Рокумэйкан устраивали концерты, благотворительные базары и балы, на которых танцевали вальс, мазурку, польку, кадрили. Французские и немецкие музыканты наигрывали мелодии из последних европейских оперетт.

Всего пару десятилетий назад, в 1860 году, когда японская миссия посетила Америку, танцы произвели на делегацию чудовищное впечатление. Но сейчас все высшее общество посещало балы и танцклассы, можно было увидеть, как военный министр кружится в паре вместе с губернатором Токио (на балах, устраиваемых в Рокумэйкан, количество мужчин обычно превышало количество женщин). Правда, в отличие от европейских балов высшей знати, сам император Мэйдзи никогда не танцевал. Танцевать могли только перед ним – потому что танец в присутствии императора традиционно считался изъявлением покорности.

Мэйдзи неизменно появлялся на людях в военной форме западного образца. Политическая элита щеголяла в сюртуках и цилиндрах. В этот исторический момент власть желала выглядеть в глазах народа немного иностранной. Именно «иностранность» отделяла власть от простых людей и придавала ей дополнительную внушительность и авторитетность. Рокумэйкан являлся свидетельством страстного желания элиты быть принятой на Западе в качестве равного партнера.

Женщин в Рокумэйкан не хватало, но они все-таки были. Женщины, способные к светскому общению. Раньше японские жены развлечением гостей никогда не занимались, их делом было воспитание детей и кухня. Другое дело – гейша, профессией которой было общение. Гейша умела вести непринужденную беседу, играть на музыкальных инструментах, петь и танцевать. А потому никто в Японии не был способен к общению лучше гейш. Видимо, в этом заключена причина того, что столько японских ведущих политиков избрали себе в качестве жен именно гейш. Профессия политика – бесконечная коммуникация, его жена была должна помогать ему в этом. Политики хотели выглядеть достойно в глазах европейцев во всех отношениях.

И это несмотря на то, что до этого времени социальный статус гейши был чрезвычайно низок. Балы в Рокумэйкан показывали женщинам всей страны пример того, что и женщина может (должна!) выйти «на свет». Эта задача была весьма актуальна: доля женщин даже в такой «женской» профессии, как учитель, составляла всего около 4 процентов.

Несмотря на то что политическая элита с охотой кружилась в вальсе, консервативные

газеты находили танцы занятием разнузданным: «Прекрасная женщина склоняет голову на плечо мужчины и поворачивает свое чудесное лицо к его уху. Ее обнаженная рука обвивает мужскую шею, а ее выпуклая грудь, вздымаясь и опускаясь, касается груди мужчины. Ее ноги обвивают ноги мужчины, словно лиана – сосну. Сильная правая рука мужчины плотно охватывает спину женщины; с каждым движением он прижимает ее все ближе к своему телу. Сияние, льющееся из прекрасных глаз женщины, изливается на мужчину, но сама она настолько ослеплена, что не видит ничего вокруг. Музыка подстегивает ее, но она не слышит ее звуков. Вместо этого ей чудится шум далекого водопада, она движется, словно во сне, она прижимается к мужчине. Когда женщина находится в таком состоянии, как можно говорить о врожденной скромности добродетельной девицы?»^[167]

И это говорилось в стране, где публичные дома были неотъемлемой частью жизни, а сам император содержал настоящий гарем! Обратим, однако, внимание, за что критикует автор статьи танцевальную пару. Во-первых, он предъявляет претензии только женщине. Во-вторых, его возмущает ее страсть. Относясь достаточно спокойно ко всем проявлениям телесного, включая секс, традиционная японская конфуцианская мораль находила любовь слепой силой, разрушающей понятие о верности и долге. Главное – это не предполагающая равные отношения любовь, а семья во главе с мужчиной, семья, предполагающая прежде всего продолжение рода. Христианская же моногамия, по мнению традиционно образованных японцев, может оставить семью бездетной.

Однако следует отдать традиционалистам должное. Они выступали не только против европейских танцев, но и против японских. Они полагали, что любые танцы возбуждают похоть. Выступали они и против «развратности» классической японской литературы. В сентябре Нисимура Сигэки издал «Вновь избранное собрание ста стихов ста поэтов». Антологию танка «Сто стихов ста поэтов» («Хякунин иссю») составил Фудзивара Тэйка (1162–1241). Однако Нисимура решил подправить прославленного стихотворца – ведь в ней, как и в других поэтических собраниях того времени, множество стихов было посвящено любви. Антология пользовалась огромной известностью, ее заучивали наизусть, стихи антологии использовались в популярнейшей игре в поэтические карты. Однако это не помешало Нисимура Сигэки выбросить из антологии два десятка «неприличных» стихов и заменить их другими, которые не имели отношения к любви. Примеру Нисимура последовали и другие ревнители морали, они не стеснялись заменять даже стихи императоров^[168]. Наступление на «разврат» происходило по всем фронтам.

Жорж Биго. Понедельники в Рокумэйкан: между двумя кадрилями (1887 г.)

Жорж Биго. Выход в свет (1887 г.)

На европейцев собрания в Рокумэйкан зачастую производили странное впечатление. Тот же Лоти окрестил их «обезьяним шоу», а французский карикатурист Жорж Биго не упускал случая, чтобы поиздеваться над гостями Рокумэйкан. Он публиковался в малотиражных изданиях в Иокогаме, там не действовала цензура.

Иноуэ Каору полагал: свободное общение в Рокумэйкан может убедить европейцев, что японцы «дозрели» до «настоящей» цивилизации, и это якобы может сыграть свою роль в деле пересмотра договоров. Однако в глазах европейцев мало что изменилось с переездом Дома приемов из Энрёкан в Рокумэйкан. Как показали последующие события, гораздо более эффективным средством признания «цивилизованности» Японии послужили не балы, а пушки.

Перспектива. Европейцы напрасно обвиняли японцев в желании «понравиться», которое они находили «наивным». Вспоминая много лет спустя о веселых и пышных балах, проводившихся в Рокумэйкан, Окура Кихатиро (1837–1928), сделавший свой капитал на поставках армии вооружений, отмечал те истинные цели, которые ставили перед собой очень многие представители правящей элиты. Он вспоминал знаменитого персонажа японской истории Оиси Кураносукэ. Он был одним из 47 самураев, которые решили отомстить обидчику за смерть своего господина. Чтобы ввести в заблуждение своих врагов, ему пришлось надолго поселиться в «веселом квартале» Киото. И только

когда они поверили в его окончательное падение, он приступил к решительным действиям. Для политиков времени Мэйдзи балы в Рокумэйкан были вовсе не развлечением, они преследовали «высшие» политические цели.

В этом году началось исполнение восьмилетнего военного плана. Он включал в себя строительство 32 военных кораблей и модернизацию береговой обороны в районе Токийского залива.

Перспектива. Возведение береговой линии обороны в Токийском заливе было закончено только в 1929 году. Это говорит о том, что Япония готовилась к войне на чужой территории.

Флот был призван покорять морские просторы. В традиционной официальной культуре море не играло никакой роли – японское государство придерживалось идеологии земледельцев, оно думало о крестьянах и пренебрегало рыбаками, считая их людьми второго сорта. И это несмотря на огромную роль морского промысла в пищевой диете страны. Для японской геополитики море представляло ценность только в том отношении, что оно отделяло страну от континента, от которого можно было ожидать только неприятностей.

Однако новые геополитические отношения совершили в душах идеологов настоящий переворот. И теперь государство на самом высоком уровне стало думать о море. И не только о военно-морском флоте, но и об увеличении его пищевой продуктивности. В мае была открыта Первая выставка морских промыслов, обращение к участникам которой послал сам Мэйдзи! Общение императора с рыбаками с точки зрения традиционных ценностей было делом абсолютно немыслимым. В своем адресе Мэйдзи отметил: «Полагаем, что морские ресурсы нашей страны отличаются богатством, но мастерство, которое могло бы обеспечить процветание рыболовства, еще далеко от совершенства. Это и является причиной проведения данной выставки. Рассчитываем на дальнейшее улучшение этого мастерства и его развитие, желаем его процветания»^[169]. Население страны росло, производство мяса тоже росло, но слишком медленно, японцам был по-прежнему нужен животный белок. Кроме как из моря, взять его было неоткуда.

В сентябре на территории императорского дворца открылся зал для соревнований по фехтованию на мечах. Искусство самураев допустили во дворец, самурайский дух становился всепроникающим. Зал назывался «Совершенное спокойствие». В этом названии отражена суть боевых искусств Японии: они предназначены для самосовершенствования и победы над самим собой. Только после того, как такая победа достигнута, можно выходить на «настоящее» поле боя.

В деле внедрения воинских искусств в придворный обиход огромная роль принадлежала Ямаока Тэссю (1836–1888). Он был одним из тех, кто в 1868 году помог договориться о мирной сдаче Эдо императорским войскам, за что его назначили камергером Мэйдзи. Теперь Ямаока предстал как один из влиятельнейших сторонников повсеместного внедрения искусства фехтования, которому, наравне с другими воинскими искусствами, он отводил выдающееся место в воспитании нестигаемого японского духа.

В июне, после почти годичного пребывания за границей, Итагаки Тайсукэ вернулся домой. За время его отсутствия Либеральная партия и Партия конституционных реформ переругались насмерть. Товарищи Итагаки по партии рассчитывали, что теперь-то их лидер, обогащенный передовыми идеями, вдохнет новую жизнь в их движение, но Итагаки вернулся совсем другим человеком. Он заявил, что в деле политического устройства Япония весьма хороша, а работать

нужно над повышением уровня жизни населения и укреплении военно-морского флота. От его либерализма не осталось и следа.

Итагаки Тайсукэ

Властям удался хитроумный план по нейтрализации своего главного соперника. Не умея утишить страстные речи Итагаки Тайсукэ дома, в прошлом году Ито Хиробуми решил отправить Итагаки и его ближайшего соратника Гото Сёдзиро в Европу. Ито рекомендовал им поучиться демократии и парламентаризму в преддверии принятия конституции в Японии. Оба лидера Либеральной партии одушевлялись европейскими республиканскими идеями, но никогда не пересекали государственной границы.

Ито и Иноуэ Каору уговорили банк «Мицуи» выделить на поездку доморожденных либералов 20 тысяч фунтов стерлингов. Взамен они пролоббировали продление контракта банка с армией. Итагаки и Гото с готовностью обманулись и дали уговорить себя – тем более что сам Ито тоже отправился в Европу с теми же самыми познавательными целями. В отличие от самого Ито, либералы иностранных языков не знали, они во всем зависели от шпионившего за ними правительственного переводчика. Итагаки с удовольствием повстречался с Клемансо, Виктором Гюго и Спенсером, осмотрел множество достопримечательностей. Но Европа все-таки разочаровала его. Как и многие другие побывавшие за границей японцы, он обнаружил, что японские реалии, критике которых он отдал столько сил, все равно ему ближе. Ито Хиробуми вернулся в Токио в августе. Время в Европе не прошло для него даром – он уже знал, какой быть японской конституции. Она должна напоминать прусскую.

В июле вышел первый номер «Правительственного вестника» («Кампо»). Раньше власть полагалась на верных ей издателей, которые публиковали официальные сообщения и свои комментарии к ним. Комментарии, согласованные с правительством. В обмен прикормленные газетчики получали привилегии и деньги. Однако управление «свободной» прессой было все-таки делом хлопотным, и правительство решилось на издание собственной газеты. Для Фукути

Гэнъитиро, который раньше занимался озвучиванием точки зрения правительства (или, что точнее, его крыла во главе с Ито Хиробуми), это решение означало катастрофу. Все знали, что раньше он получал информацию из первых рук, чиновники и учреждения охотно подписывались на его «Нити-нити симбун». Теперь они стали подписываться на «Кампо», тираж «Нити-нити» быстро сократился с восьми с половиной тысяч до 4300 экземпляров^[170]. Газет в тогдашней Японии издавалось множество, но тираж каждой из них был настолько незначителен, что малейшая неожиданность могла поставить любую в крайне тяжелое положение. Снижение накала политических страстей, связанных с решением о подготовке конституции, привело к сокращению тиражей и других газет, но оно не было таким значительным.

Как бы ни высмеивали европейцы манеры озападнившихся японцев, никто не мог отрицать, что жизнь в Японии все больше становится похожей на европейскую. В этом году на улицах столицы появились первые электрические фонари, а газеты стали публиковать прогнозы погоды. Тем не менее многие иностранцы, щеголяя знанием японской истории и испытывая тоску по той, старой и нетронутой иноземными влияниями Японии, упорно предпочитали употреблять прежнее название Токио – Эдо. Эти люди принадлежали к нарождавшейся «партии японофилов», которым новая Япония казалась всего лишь сильно ухудшенной копией Запада.

1884 год

17-й год правления Мэйдзи

В этом году у Мэйдзи снова случилась депрессия, похожая на ту, что поразила его в год восстания Сайго Такамори – он отказывался от участия в совещаниях и не принимал министра внутренних дел Ито Хиробуми. Но тогда, в 1877 году, небрежение императора своими обязанностями можно было оправдать: выступление верного соратника Сайго и вправду явилось событием крайне огорчительным. На сей раз никаких причин для хандры вроде бы не существовало, но тем не менее Мэйдзи не желал встречаться со своими министрами. Он сказывался больным, а правила двора запрещали кому бы то ни было входить в покои занемогшего монарха.

Ито Хиробуми через своего доверенного подговорил дворецкого Фудзинами Кототада (1852–1926) сообщить Мэйдзи его просьбу об аудиенции. Для дворецкого это было большим испытанием, поскольку он преступал границы дозволенного. Но Ито сказал ему: прошу вас рискнуть своей жизнью. Фудзинами счел за благо предупредить о своем поступке императрицу Харуко и наложниц. Улучив удобный момент, он обратился к императору с настоящим поучением, заканчивавшимся такими словами: «Я читал, что священные правители древности одевались должным образом и с уважением выслушивали доклады своих министров... Я прошу ваше величество дать аудиенцию Ито Хиробуми». Император пришел в ярость от такого урока, но потом сменил гнев на милость, принял Ито, а дворецкого наградил золотыми часами и шелковым отрезом [\[171\]](#).

Несмотря на то что Мэйдзи временами отлынивал от дел, жизнь в стране кипела. Все решения принимались от его имени; считалось, что он в курсе всех событий, которые творятся в Японии и за рубежом. О депрессии императора знали только самые близкие люди.

Окакура Тэнсин

В этом году в префектуру Нара направилась комиссия во главе с Окакура Тэнсин (Какудзо, 1862–1913), Кано Тэссай и американским профессором Эрнестом Феноллой (1853–1908). Ее задача заключалась в обследовании буддийских храмов и синтоистских святилищ с целью каталогизации находившихся там предметов культа, которые можно было бы квалифицировать как шедевры искусства. Фенолла приехал в Японию преподавать в Токийском университете в 1878 году. Он по достоинству оценил японское искусство, заставив многих японцев поверить, что и в Японии есть что-то хорошее.

В храме Хорюдзи комиссия «открыла» деревянную статую Гудзэ Каннон. Эта статуя была вырезана в VII веке корейскими мастерами. Вот как описывает Фенолла посещение храма.

«Центральное правительство снабдило меня бумагами, которые предоставляли право открывать хранилища и храмы. Центральное место в восьмиугольном павильоне Юмэдоно занимало большое закрытое святилище, устремлявшееся вверх подобно колонне. Священники Хорюдзи сказали, что, согласно традиции, в этом святилище находится произведение корейских мастеров времени правления Суйко (592–628. – А. М.), но само святилище не открывалось больше двухсот лет. Воодушевленные перспективой обнаружения такой уникальной ценности, мы всячески убеждали священников продемонстрировать нам ее. В течение долгого времени они отказывались, утверждая, что в наказание за святотатство землетрясение уничтожит храм. В конце концов нам удалось убедить их; я никогда не забуду, что мы почувствовали, когда ключ после столь многих лет со скрипом повернулся в заржавленном замке. В святилище мы увидели нечто высокое, тщательно забинтованное кусками хлопчатобумажной материи, в которую въелась пыль веков. Развернуть статую было непростой задачей, поскольку длина материи составила около 500 ярдов; наши глаза и ноздри были буквально забиты едкой пылью»^[172].

Фенолла стал в Японии одним из самых знаменитых иностранцев. Он не только открывал

японцам глаза на японское. Пользуясь недооцененностью японского искусства, он собрал богатейшую коллекцию из 20 тысяч предметов. Большинство из них хранится ныне в Бостонском музее изящных искусств.

Помимо Феноллы, огромная роль в процессе «открытия» японского искусства принадлежала Оакура Тэнсин. Он утверждал, что сама земля Японии и ее климат благоприятствуют развитию в людях эстетического начала: океан и горы, разнообразие климатических зон создают идеальные условия для процветания искусств. «Если искусство не процветает в этой островной стране, то тогда вообще не может быть другого места [в мире], которое рождало бы искусство»^[173].

Идеологи «национальной школы» («кокугаку») утверждали и раньше, что уникальность Японии состоит в том, что на ее территории «проживают» синтоистские божества. Теперь этот «божественный код» был переведен в плоскость искусства, но при этом связь с территорией архипелага сохранилась. Японцы – люди особенные, с особым чувством прекрасного, потому что они живут на особенной земле, – утверждал Оакура. О несомненном успехе этого тезиса свидетельствует следующий факт. До сих пор встречается немало японцев, которые убеждены: развитость поэтической традиции в Японии объясняется тем, что в этой стране необыкновенно четко выявлены четыре времени года.

Оакура оказался одним из главных творцов и другого мифа. Он утверждал, что уникальной особенностью японцев («людей Ямато») является их способность адаптировать иностранное, гармонизируя его с местным. Он определял Японию как «музей Азиатской цивилизации». В своем развитии, которое в значительной степени есть история заимствований и их адаптации, Япония только приобретает и не теряет ничего. Утверждение особенно значимое для национального самолюбия. Оно было сделано в период, когда страна столько заимствовала с Запада.

В этом году было налажено производство специальной «шпионской» бумаги для школ. Ученик обмакивал кисть в обычную воду и выводил иероглифы – они мгновенно «проявлялись» на бумаге. Через несколько минут, когда вода высыхала, иероглифы исчезали, а бумагу можно было использовать снова. Японцы того времени жили бедно, бережливость почиталась ими едва ли не за основную добродетель. Графитовые карандаши появились тоже в 80-х годах, но еще долго оставались предметом роскоши^[174].

Однако учеников ждали и более серьезные новшества. В момент введения школьного образования, в соответствии с призывами Фукудзава приоритет отдавался позитивистскому знанию, однако теперь все больше внимания стало уделяться моральному совершенствованию и военно-физической подготовке. Школа учила любить императора и родину, на школьных дворах ученики упражнялись с гантелями и деревянными мечами. Школа постепенно становилась инструментом «культурного террора», когда все служит одной задаче: воспитанию максимально послушного правительству народа, а не свободного человека.

В ноябре в начальных школах появился составленный Министерством образования учебник по этике. Он открывался восхвалением сыновней почтительности и пестрел конфуцианскими максимами. «С самого детства почтительность к родителям является первейшим долгом». «Тот, кто исповедует почтительность по отношению к родителям, естественным образом ведет себя правильно и в другом». В этих высказываниях не было ничего необычного. В течение многих веков маленьких японцев учили сыновней и дочерней почтительности. В своих первых указах Мэйдзи неоднократно называл своих подданных «младенцами», т. е. подчеркивал свою ответственность за них. Но от младенцев невозможно ожидать заботы о родителе...

Теперь же младенцы «подросли», от них можно было и требовать. Теперь метафора долга по отношению к отцу была распространена и на императора: «Мы должны почитать императора

так же, как почитаем своих родителей». «Почтительность на службе у правителя – это верноподданничество; верноподданническое сердце – ворота к почтительности». «Правитель подобен отцу. Никогда не забывай о своем долге перед ним». Иными словами: семейные ценности становились ценностями государственной значимости, а император представал в качестве строгого и справедливого отца всех семей в Японии. Семей, которые образовывали нацию.

В первоначальном варианте учебника, составленном подборником строгих конфуцианских норм поведения Нисимура Сигэки (1828–1902), присутствовали образцы высокоморального поведения европейцев. В окончательном варианте остались примеры только из японской и китайской истории. В качестве одной из тем занятий предлагался Токугава Ёсимунэ, занимавший должность сёгуна в 1716–1745 годах. Он удостоился похвалы за то, что исправно посещал гробницу основателя сёгунской династии Иэясу^[175].

Положительные примеры из истории дома Токугава знаменовали собой определенный идеологический откат, который одновременно можно назвать и прорывом. Составители учебника как бы говорили первоклашкам: военные правители были не так плохи, как то доказывало правительство вашим родителям. Бывшие самураи, ставшие основными поставщиками кадров для государственного аппарата, внедряли в сознание школьников свои ценности и мысли. Ползучее оправдание режима Токугава было в какой-то мере неизбежным, ибо именно история самураев предоставляла наиболее яркие примеры верности своему сюзеру. Сюзеру, место которого занял теперь Мэйдзи.

Именно императоры представляли как главные объекты изучения на уроках по истории. Авторы учебников описывали деяния и достоинства благодетельных императоров, их дворы и битвы. Хотя предмет изучения назывался «историей Японии», жизнь простых людей, общество, экономика авторов интересовали мало. В этом смысле школьные учебники больше напоминали древние официальные хроники, которые, хотя и назывались «национальными», отражали почти исключительно реалии дворцовой жизни. Именно поэтому Фукудзава Юкити в свое время заметил: «В Японии есть правительство, но нет народа».

В самом начале правления Мэйдзи особой популярностью пользовался лозунг «Один правитель – десять тысяч простых людей». Под этим лозунгом понималось внесловное равенство обитателей страны, у которых есть один-единственный повелитель. И перед этим повелителем все равны. Однако японское общество привыкло быть статусным. Уже в 1869 году в особую группу были выделены аристократы (кадзоку). Это были киотосские аристократы и князя-даймё. Звание кадзоку не предполагало внутреннего деления. Однако излишняя однородность претила сознанию элиты, в преддверии создания парламента нужно было подстраховаться и обеспечить себе такие привилегии, которые не зависели бы от превратностей выборного процесса. Кроме того, нынешние «худородные» политики в состав знати формально не входили. А им хотелось не только власти, но и потомственных почестей. И потому 7 июля аристократию разделили на пять групп. В переводе на европейские языки аристократы именовали себя князьями, маркизами, графами, виконтами и баронами. Но на самом деле названия аристократических групп были взяты из древнего Китая. В категорию «князей» первоначально попали только пять аристократических семей из Киото, нынешний глава дома Токугава – Иэсато, Сандзё Санэтоми, Ивакура Томоми (посмертно), семьи Симадзу и Мори (бывшие даймё Сацума и Тёсю). Все они имели право на привилегированное положение и в прошлом. Однако теперь, помимо прежней знати (киотосской аристократии и князей), к привилегированным группам было разрешено приписывать и тех людей, которые оказали выдающиеся услуги отечеству (императору) в политической и военной сферах. Подавляющее большинство «новых аристократов» были выходцами из Сацума и Тёсю (28 и 23 человека

соответственно).

В стране теперь насчитывалось 576 титулованных особ. Признание возможности того, что заслуги перед отечеством могут принадлежать не только выходцам из благородных семейств, было большим новшеством. Правда, в категорию аристократов могли попасть только политики и военные. Ни ученым, ни артистам, ни промышленникам такая честь оказана не была.

Последняя статья указа министра двора Ито Хиробуми относительно введения титулов вменяла в обязанность давать аристократическим отпрыскам хорошее образование. К чести элиты, она прекрасно понимала, что прочное положение в обществе обеспечивается не только наследственными привилегиями.

В этом году возле пруда Синобадзу в Уэно построили ипподром. Правительство уделяло большое внимание развитию коневодства, имея в виду роль кавалерии в войнах того времени. Сам Мэйдзи подавал пример своим подданным и занимался верховой ездой. Правда, европейцы находили его посадку не слишком ловкой.

Поскольку японские лошади были низкорослыми, лошадей стали завозить из Европы. Чтобы местные особи не испортили импортную породу, ничего лучше не придумали, как кастрировать их. В плане пропаганды конного дела и было принято решение о строительстве ипподромов. Непосредственное руководство строительством было возложено на принца Комацу Акихито (1846–1903). На открытии ипподрома «Объединенного клуба скачек» присутствовал и сам Мэйдзи, наблюдавший за заездами из ложи. Вся атмосфера должна была создавать приподнятое настроение. Национальные флаги, императорские хризантемы, бумажные фонарики. В воздухе кружили выполненные из легчайшей промасленной бумаги фигурки людей, животных, птиц и рыб, вылетающие прямо в небеса из вертикально поставленных карнавальных пневматических пушечек, сделанных из ствола бамбука. Предварительно сложенные фигурки раскрывались на высоте и, наполняемые воздухом, медленно опускались на праздничную землю. Часто они бывали привязаны к подобию раскрывавшегося вместе с ними парашюта. Иностранцы называли это «дневным японским салютом». Ничего подобного они в Европе не видели.

В Токио Мэйдзи открывал ипподром, а в этот же самый день в Титибу (нынешняя префектура Сайтама к северо-западу от Токио) вспыхнуло настоящее восстание. Элиту и крестьян волновали разные проблемы. Подавляющее большинство жителей Титибу занималось разведением шелкопряда. Однако три года назад цены на шелк резко пошли вниз, жить крестьянам стало труднее, многие из них влезли в долги. Поскольку Титибу – горный район, пахотной земли там почти не было, альтернативных источников дохода у жителей деревень не существовало. Крестьяне подавали властям прошения: предоставить им рассрочку, уменьшить налоги, умерить процентные аппетиты ростовщиков, предоставить материальную помощь. И даже закрыть на три года школы, чтобы уменьшить семейные расходы и привлечь в хозяйство дополнительные руки. Но ничего сделано не было, наступила осень – время расплаты с кредиторами. Крестьяне, число которых достигло 10 тысяч человек, принялись громить дома ростовщиков и уничтожать долговые расписки. Они врывались в суды и полицейские участки и жгли документы. Восставшие были неплохо организованы, но перед лицом присланных из Токио солдат они мгновенно рассеялись. Традиции вооруженной борьбы с властью у японских крестьян не было. Они никого не убили, но четырех зачинщиков восстания приговорили к смертной казни.

Тоёхара Тиканобу. Открытие ипподрома «Объединенного клуба скачек» в Уэно

Открытие ипподрома состоялось 1 ноября. Казалось бы, самое время любоваться кленами. Но поскольку за Уэно к этому времени прочно закрепилась слава места, знаменитого своими бесподобными сакурами, художник счел возможным изобразить эти сакуры цветущими (на заднем плане), хотя им полагается цвести в конце марта – начале апреля. Это была логика, присущая японской поэзии, когда за каждой местностью закреплялся постоянный эпитет (макура-котоба). При упоминании в стихотворении той или иной местности этот эпитет был «обязан» встать во фразеологическую пару рядом с топонимом. Так получилось, что на гравюрах, где изображался парк Уэно, сакуры цвели круглый год. Киото традиционно называли «столицей цветов» (хана-но мякко), где под «цветами» подразумевалась сакура. Токио не должен был уступать Киото и в этом отношении. И в этом виден определенный комплекс «токийской неполноценности».

Некоторые лидеры восставших входили в Либеральную партию. Скорее всего, они не знали, что ее руководство 29 октября уже приняло решение о самороспуске. Восстание в Титибу оказалось самым серьезным и самым последним крестьянским выступлением. Во многих таких «беспорядках» активную роль сыграли рядовые члены партии. Итагаки Тайсукэ и его ближайшие соратники не были приверженцами силового решения проблем. Но обуздать своих возбужденных партийцев они оказались не в состоянии, поэтому и решили похоронить свою партию.

Самороспуск Либеральной партии и поражение восстания в Титибу поставили точку в истории «Движения за свободу и права народа». Партия конституционных реформ о своем роспуске не объявляла, но с уходом Окума Сигэнобу с поста председателя фактически тоже прекратила свое существование. Окума тоже испугался вспышек насилия. Либералы пришли к выводу, что их партийная деятельность ведет к хаосу. А они хотели порядка.

1885 год

18-й год правления Мэйдзи

В первую половину этого года Мэйдзи, похоже, снова одолевала тоска. Хотя в последующем за ним закрепилась слава человека трудолюбивого и ответственного, в этом году он часто находился в своем рабочем кабинете всего пару утренних часов – с 10 до 12. Он проводил время в разговорах со своими немногими приближенными, а Ито Хиробуми снова не мог получить аудиенции. В раздраженном письме, адресованном Сандзё Санэтоми, он обвинял императора в пренебрежении своими прямыми обязанностями, что является недостойным его предков и потомков. Ито Хиробуми, сделавший так много для возвеличивания императора в глазах простых японцев для придания ему статуса живого божества, в глубине души относился к Мэйдзи как к обычному смертному человеку со всеми его достоинствами и недостатками.

Принц Ёсихито

Тем временем жизнь семьи императора тоже требовала решений. Мэйдзи распорядился, чтобы его единственный сын Ёсихито воспитывался не во дворце, а по-новому. В сентябре следующего года его надлежало отдать в привилегированный лицей Гакусюин, где он должен был обучаться вместе с сыновьями принцев и аристократов. Однако принц, как и все его предшественники, виделся с родителями только в особых случаях и только на людях.

26 июля Мэйдзи отправился в свою последнюю поездку по стране. Император посетил префектуры Ямагути, Хиросима и Окаяма. Это было шестое по счету путешествие Мэйдзи. Оно оказалось самым коротким – всего 18 дней. Видимо, становилось ясно, что агитационные возможности таких путешествий в значительной мере исчерпаны. По всей вероятности, сыграли свою роль и проблемы со здоровьем императора. Однако более важным представляется другое. Видимый во всех сферах жизни дрейф в сторону традиции сказывался и на позиционировании

императора. Образ мобильного монарха европейского типа прибавлял в статусности.

В этом году японское правительство позволило отправиться на Гавайи первым сельскохозяйственным рабочим. Со времени, когда гавайский король Калакуа посетил Японию, прошло 4 года. Японские власти думали медленно, но зато выезд рабочих был организован хорошо. Иноуэ Каору настоял на том, чтобы на гавайские плантации выезжали в основном крестьяне из юго-западных префектур. Тамошние жители казались ему наиболее дисциплинированными и трудолюбивыми. Разумеется, в тогдашних условиях это можно считать за привилегию – зарплаты за океаном были в 8—10 раз выше японских, так что японские рабочие могли помогать своим семьям. Видимо, руководство страны, большинство членов которого сами были выходцами с юго-запада, отдавало себе отчет в том, что «земля богов» все еще не является идеальным местом для обеспеченной жизни простых крестьян.

Перспектива. В конце XIX – начале XX века ежегодная эмиграция из Японии составляла около 10 тысяч человек. Вместе с присоединением Гавайев к США многие японцы стали оседать в Калифорнии. Их трудолюбие и готовность работать за сравнительно низкую зарплату сделали японцев серьезными конкурентами для местного населения. Антияпонские выступления привели к заключению джентльменского соглашения между США и Японией: Япония добровольно обещала ограничить число эмигрантов. С введением в США нового эмиграционного закона 1924 года выезд японцев в США практически прекратился. Во время Второй мировой войны более 100 тысяч японцев, проживавших в США, очутились в концентрационных лагерях. Значительная часть отправившихся на заработки японских рабочих осела на Гавайях, западном побережье США и в Южной Америке, где до сих пор проживает немало потомков переселенцев того времени. Некоторые из них в той или иной степени сохранили японский язык и связи с исторической родиной. В то же самое время следует помнить: несмотря на все трудности переходного периода, крупномасштабной эмиграции Японии удалось избежать. А для нынешних обитателей Японского архипелага Гавайи остаются излюбленным местом пляжного отдыха. В то же самое время некоторые потомки японских переселенцев конца XIX – начала XX века стремятся вернуться на историческую родину (особенно это касается проживающих в странах Латинской Америки). Теперь уже в Японии жизнь стала богаче и лучше^[176].

Японцы были упоены реформами, модернизацией и экономическими успехами. В марте Фукудзава Юкити в основанной им газете «Дзидзи симпо» опубликовал свою знаменитую статью «Бегство из Азии» («Дацуа рон»), в которой он говорил о том, что «цивилизованной» Японии не имеет смысла дожидаться, когда ее примеру последуют соседи, – она оторвалась настолько далеко, что ей по дороге не с азиатскими, а с европейскими странами. Фукудзава додумал эту мысль до конца – он предлагал обращаться с Китаем и Кореей, которых он назвал «дурными друзьями», точно так же, как поступает в таких случаях Запад. Он призывал подчинить эти «отсталые» страны, в которых «ничего не меняется в течение столетий».

Спящий Китай.

Несмотря на нападение французских войск, Китай продолжает предаваться своим опиумным грезам. Считается, что идея рисунка принадлежит Фукудзава Юкити

«Двигаться – хорошо, стоять на месте – плохо» – такова была логика Запада последних столетий. Неподвижность стала означать для Запада не стабильность, а смерть. Фукудзава оказался хорошим учеником, метафора движения превратилась у него в руководство к действию. В начале своей писательской карьеры Фукудзава призывал учиться у Запада, теперь он призывал преподавать урок Востоку. Стоило потерять японского либерала, как за понятием «свобода» отчетливо обнаружилось: он желает свободы действий только для себя, «цивилизованного». С человеком же «нецивилизованным» следует поступать по законам военного времени. Теперь многие владельцы дум японского будущего станут попадать в ряды «цивилизованных националистов», минуя либеральную стадию.

Фукудзава искренне желал Корее и Китаю лучшей доли. Он полагал, что без модернизации по японскому образцу они не сумеют сохранить независимость. Политика европейских держав не оставляла в этом никакого сомнения. А потому Корее и Китаю следовало «помочь». В отличие от Сайго Такаори и ему подобных Фукудзава не говорил о том, что кого-то следует наказать за «непочтительность». Зато он заложил теоретические основы японской экспансии с «цивилизованной» точки зрения. Люди самых разных убеждений сходились в одном: соседей надо «уплотнить».

Общий настрой японского общества постепенно менялся: журналисты стали все чаще писать о корейцах и китайцах с чувством брезгливости и презрения. В японской культуре всегда было сильно противопоставление «своего» и «чужого». Свой дом, своя деревня, свой цех, свое

княжество... Теперь это противопоставление стало пролегать по государственной границе.

Как известно, очень часто комплекс превосходства – это обратная сторона комплекса неполноценности. Действительно, в это время японцы все еще мучились от комплекса неполноценности, многим казалось, что японская культура уступает западной во всех отношениях. Газета «Хоти симбун» писала: «Если попробовать сравнить японца с англичанином или американцем, легко понять, кто из них является более трудолюбивым, лучше образованным, более мужественным и понятливым. Какая разница между Японией и Англией или же Соединенными Штатами в мощи, богатстве и цивилизованности!»

Горячие головы даже предлагали программу по скрещиванию японцев с европейцами для «улучшения породы». Или же ратовали за введение английского языка в качестве государственного. Как бы подзабыв про былые обиды, японцы назвали один из заливов возле Иокогамы в честь флагманского корабля коммодора Перри – «Миссисипи».

Однако контрнаступление «японского» уже началось. В этом году японские школьники отбросили чернильные ручки, которыми они пользовались последнее десятилетие. Теперь их снова стали учить писать с помощью кисти и туши. Иероглифы выходили из тени и приобретали прежнюю объемность.

Кобаяси Киётика. Комический катехезис (1886 г.)

Цивилизация манила японцев, но они находили силы и для того, чтобы посмеяться и указать на относительность тех благ, которые приносит европейская цивилизация. На этой гравюре художник сопоставляет достоинства и недостатки японского и западного. Европейец выше, но зато ему требуется больше материи для пошива костюма. Кирпичный дом больше, но деревянный вентилируется лучше. Иностранец гордится своими часами. «Я никогда не опаздываю!» – восклицает он. На что японец спокойно отвечает, что никогда не опаздывает с приемом пищи, не имея никаких часов. В отличие от кровати, с татами невозможно свалиться.

22 декабря был упразднен прежний верховный орган управления – Дадзёкан. Теперь его функции перешли к кабинету министров. Такая реорганизация была совершенно необходима, потому что в Дадзёкан самые высокие должности (главного, левого и правого министров) могли занимать только киотосские аристократы. Однако со смертью Ивакура Томоми среди них (во

всяком случае из тех, кто был на виду) не осталось ни одной фигуры, которая могла бы быть настоящим «мотором» реформ.

Первым премьером стал Ито Хиробуми. В состав кабинета входили министр иностранных дел Иноуэ Каору (выходец из Тёсю), министр внутренних дел Ямагата Аритомо (Тёсю), министр финансов Мацуката Масаёси (Сацума), министр сухопутных войск Ояма Ивао (Сацума), министр военно-морского флота Сайго Цугумити (Сацума), министр юстиции Ямада Акиёси (Тёсю), министр просвещения Мори Аринори (Сацума), министр сельского хозяйства и торговли Тани Кандзё (Тоса), министр освоения Хоккайдо Эномото Такэаки (бывший вассал сёгуна). Министерство двора было выведено из структуры кабинета министров. Это ставило его в совершенно особое положение. Император же еще больше дистанцировался от практических дел управления, а значит, и от возможной критики.

Правительство стало называться по-другому, но оно по-прежнему находилось под полным контролем землячеств Тёсю и Сацума. Ито Хиробуми совмещал премьерство с должностью министра императорского двора. Эта должность давала ему теоретическую возможность чаще видеть императора.

Премьер-министры будут меняться часто – до смерти Мэйдзи в 1912 году кабинетов будет сформировано пятнадцать. То есть «продолжительность жизни» одного кабинета составляет менее двух лет. Кабинеты приходили и уходили, но доминирование землячеств Сацума и Тёсю по-прежнему сохранялось. Премьера и его министров критиковали – зачастую ожесточенно – газеты и политики, они становились мишенью для террористов, отставки были часты, но все это не могло радикально изменить кадровый состав правительства. Несмотря на нюансы проводимой разными кабинетами политики, стратегические цели также не изменялись. Создать сильную страну и армию, сформировать единую нацию, изжить комплекс национальной неполноценности и стать вровень с Западом – с этими задачами не спорил никто.

Критика правительства и кадровые перемены абсолютно не затрагивали авторитета Мэйдзи. Он был выведен за пределы поля, где кипели политические страсти, никто не имел ни права, ни смелости подвергать сомнению его священное происхождение и статус. И в этом смысле мало что изменилось по сравнению с древностью.

1886 год

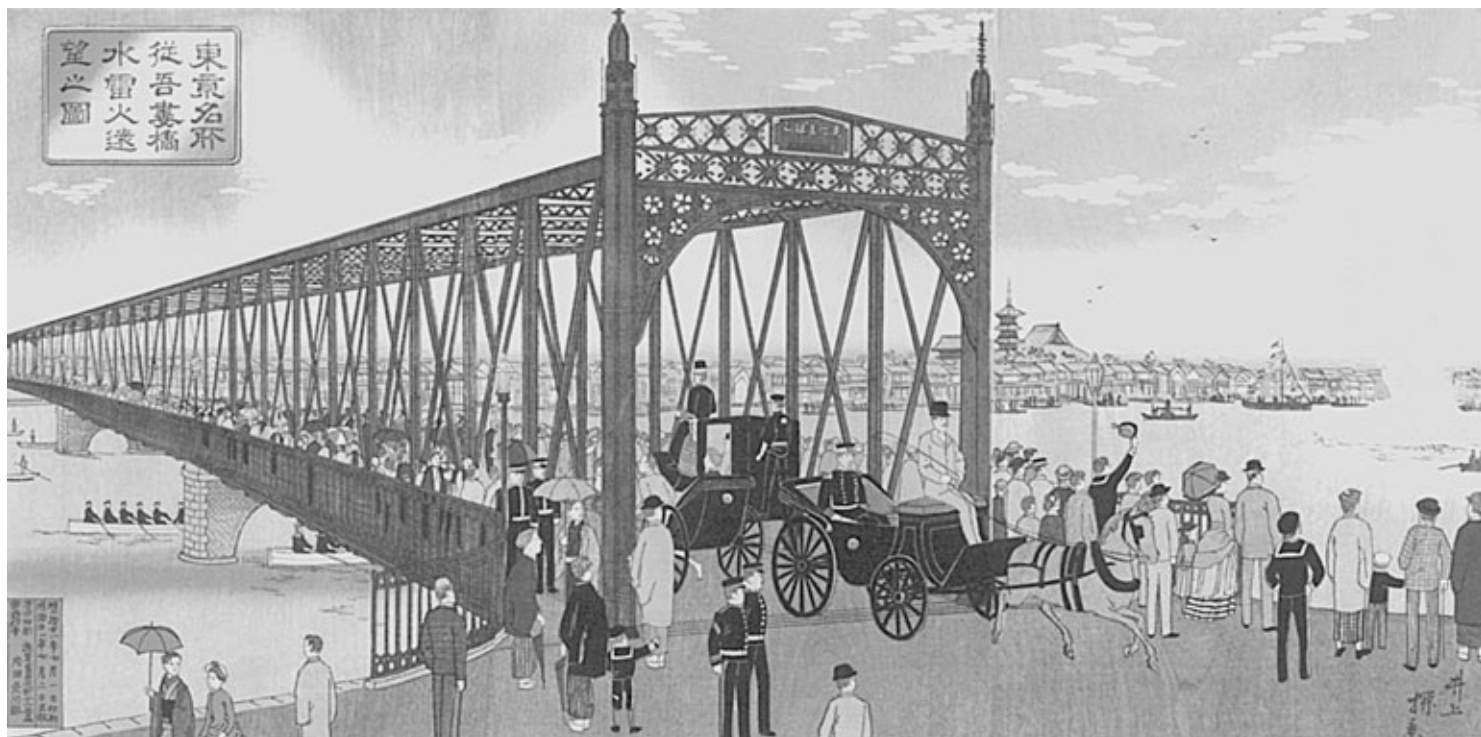
19-й год правления Мэйдзи

В феврале Вильгельму I исполнилось 90 лет. Сайондзи Кинмоти, японский посланник в Австрии, направил Ито Хиробуми письмо, в котором утверждал, что настал подходящий момент для путешествия Мэйдзи за границу. Ни один японский император даже не помышлял о такой возможности. Несмотря на то что Мэйдзи отказался от многих обычаев прошлого, вопрос о его путешествии за границу всерьез даже не рассматривался.

Однако этот год все равно был отмечен серьезными уступками веяниям нового времени. Супруга Мэйдзи, Харуко, стала появляться на людях все чаще и чаще. Временами она даже замещала императора, когда тот не мог присутствовать на каком-либо мероприятии. Так, 30 марта Харуко отправилась на борту военного корабля в Ёкоцука, где спускали на воду броненосец «Мусаси».

Заинтересованность Мэйдзи армейскими делами передалась супруге. Глядя на ее портрет, который, казалось бы, служит олицетворением мира и покоя, трудно представить, что в ноябре этого года Харуко сложила танка под названием «Пуск торпеды»:

Если час такой наступит,
Для блага страны
Потопим любой корабль,
Что приблизится к нам
По бурным волнам.

Иноуэ Танкэй. Достопримечательности Токио. Мост Адзума на фоне взрыва торпеды (1888 г.)

Вообще-то поэтика классической танка рекомендовала, чтобы авторы воспевали прежде

всего природу и любовь. Однако, как мы видим, поэзия была делом живым – она приспособлялась к изменившимся обстоятельствам.

Судя по этому стихотворению, в памяти Харуко болью отзывалось полное бессилие Японии перед пушками «черных кораблей». Однако справедливости ради отметим, что Япония в это время уделяла намного больше внимания развитию наступательных, а не оборонительных вооружений. Их основой стал флот.

В апреле был готов к эксплуатации плац в токийском районе Аояма. На этом плацу станут отныне проводиться все главные смотры второй половины правления Мэйдзи. Император делал смотры в Аояма 32 раза.

В марте Токийский университет переименовали в Императорский. Его выпускникам была предоставлена немыслимая привилегия – они принимались на государственную службу без экзаменов. Это стало одной из причин того, что поступить в университет было невероятно сложно. Хотя, похоже, обучение там не стало лучше, а дух свободомыслия постепенно улетучивался.

В марте же весь холм Уэно стал собственностью императорской семьи. Теперь она владела парком площадью в 700 тысяч квадратных метров. Четыре года назад там открылся Государственный музей со ста тысячами естественнонаучных, исторических и художественных экспонатов. Двухэтажное кирпичное здание музея построил Кондер – архитектор Рокумэйкан. Предполагалось, что через какое-то время японский музей станет соперником Британского. С самого начала в правительстве договорились, что музей отойдет к правящей фамилии. А пока что он числился за Министерством двора и в его названии отсутствовало определение «императорский».

Симадзу Такако

30 июля Харуко впервые показалась на публике в европейском платье. Она присутствовала на выпускных экзаменах в школе для дочерей аристократов – Кадзоку Дзёгакко. Императрица подала знак всей стране: теперь в европейской одежде следует ходить не только мужчинам, но и женщинам. Вслед за самим императором императрица начинает выходить из «тени» на «свет». Вслед за своим супругом, который показал на себе, что будущее Японии будет скроено по военной форме европейского образца, императрица выступала в качестве модели в витрине престижного магазина.

Поданный императрицей сигнал был истолкован правильно, и уже осенью этого года дамы из высшего политического света перешли на европейские наряды. Переход был совершен с поразительным единодушием – на балу, посвященном дню рождения Мэйдзи, присутствовало около 900 гостей, и только две дамы щеголяли в кимоно!

Для того чтобы сравняться с европейцами по силе и стати, наиболее передовые подданные Мэйдзи наращивали потребление мяса. Будучи привычны к коллективным формам поведения, они объединялись в общества едоков мяса. Газеты сообщили о такой же женской ассоциации, члены которой взяли за правило есть блюда европейской кухни три раза в месяц^[177]. Женщины становились вровень с мужчинами и начинали приобретать европейский лоск и вес.

В области семейных отношений наблюдался дрейф в сторону христианской моногамии. На

гравюрах этого времени Мэйдзи и его супруга стали часто появляться вместе. В это время они начинают позиционироваться как образцовая супружеская моногамная и чадолубивая пара. Еще совсем недавно Мэйдзи спокойно рисовали в окружении наложниц, но теперь это обыкновение сочли «нецивилизованным». Правительство имело достаточно возможностей для того, чтобы художники отказались от изображения императорского гарема.

Теперь император очень часто предстает на гравюрах в окружении своей семьи – императрицы и престолонаследника, принца Ёсихито. При этом почти каждое из этих изображений было призвано подчеркнуть: императорская семья выступает за обновление страны при сохранении старого. В качестве «традиционного» неизменно выступает природный фон. Так, за спинами императорской семьи, которую без особых усилий воображения можно принять за европейскую, появляются «три друга зимы» – сосна, бамбук и слива. Мальчики забавляются европейскими парусниками в пруду, берега которого поросли сакурой и сосной. А со дна водоема поднимаются такие же традиционные карпы. Вряд ли художник имел в виду именно это, но все же предложу интерпретацию этой сценки, какой она видится из сегодняшнего дня: европейский парусник бороздит поверхность, но в глубинах вод заключено еще нечто, на что западные технические инновации повлиять не в силах.

Хотя художники часто изображали принца Ёсихито на своих гравюрах и выглядел он на них вполне дееспособным мальчиком, на самом деле его здоровье вызывало самые серьезные опасения. Поскольку все боялись припадков, сопровождавшихся конвульсиями, воспитание Ёсихито было делом нелегким. Мальчику позволялось вести себя самым неподобающим образом, он прерывал занятия, когда ему только заблагорассудится. Один из его учителей вспоминал, что, когда он сделал принцу замечание, тот запустил в него кистью, которую предусмотрительно окунул в красную тушь.

Тоёхара Тиканобу. Зерцало японской знати (1887 г.)

Тоёхара Тиканобу. Мальчики, пускающие в пруду кораблики (1887 г.)

Ёсихито, однако, оставался на тот день единственным выжившим ребенком императора. Поэтому решили подстраховаться и прибегнуть к обычной практике: усыновлению. 1 мая этого года Мэйдзи усыновил отпрыска принца Акихито – Ёрихито. Он был военно-морским офицером.

Отца Николая волновали совсем другие заботы. В ноябре он записал в дневнике: «Колоссами высятся везде Католичество и Протестантство! Какие массы людей! Какие неоглядные, неистощимые фаланги деятелей! А здесь – хоть бы кто на помощь... Как ни закручиниться, как ни прибедраться? Разве чудо сотворит Господь, наставив Японию на Православие! Но какое же основание ожидать чуда? Достояна ли Россия того, и достойна ли Япония? Первая спит на своем бесценном Православии, а вторая – самое небо готова обратить в деньги или выкроить из него иностранный пиджак»^[178].

В этом году, однако, над головами сторонников безоглядной вестернизации стали сгущаться тучи. 24 октября возле берегов префектуры Вакаяма напоролся на рифы и затонул английский корабль «Нормантон». Английские моряки спаслись, но они не сделали ничего, чтобы спасти 12 матросов-индийцев и 25 японских пассажиров. Разразился грандиозный скандал, англичан обвиняли в расизме. Возмущение оказалось столь велико, что японское правительство обратилось с призывом подвергнуть суду капитана Джона Дрейка. Однако ввиду принципа экстерриториальности сами японцы судить его не имели права. Суд, состоявшийся 8 декабря в британском консульстве в Иокогаме, признал Дрейка виновным в преступной халатности и приговорил его к трехмесячному заключению. Приговор казался настолько мягок, что общество сочло его еще одним доказательством того, что европейцы «не уважают» японцев, несмотря на все усилия последних «понравиться».

11 декабря Нисимура Сигэки прочел первую из трех своих публичных лекций, посвященных японской морали. Совпав по времени с пиком возмущения по поводу шокирующего приговора, они произвели на публику сильное впечатление. Нисимура восстал против «бездумного» копирования западных образцов и утрате японцами национальных моральных основ, под которыми он подразумевал конфуцианство и «путь воина» (бусидо). Утрата почтительности и уважения к старшим по возрасту и положению, отсутствие чувства справедливости и смелости,

бесстыдство и развращающая роскошь казались ему чертами наступающего века, того чудовищного омута, в который затягивает страну Запад. Государство становилось богаче и сильнее, но кривая преступности ползла вверх. Дух индивидуализма и соревновательности подтачивал общественные основы, обязанности уступали место правам. Рим пал из-за потери им моральных принципов. Польша подверглась разделу из-за отсутствия внутреннего единства. Задача Японии – объединить японцев с помощью вечных моральных принципов.

Министр просвещения Мори Аринори хотел ввести текст лекций в школьную программу, но Ито Хиробуми посчитал книгу вредной и обскурантистской. Тем не менее успех лекций свидетельствовал, что у «прозападного» правительства существует множество оппонентов.

Традиционалисты критиковали власти за вестернизацию, а Фукути Гэнъитиро – за верность средневековым принципам управления. С началом выхода «Правительственного вестника» он лишился государственной поддержки, и его реакция не заставила себя ждать. Теперь он обрушился на правительство, из рук которого он раньше подкармливался. В пяти номерах своей газеты «Нити-нити» он опубликовал статью «О Сацума и Тёсю». В ней он клеймил правительство за то, что оно представляло собой землячество двух феодальных кланов, которые по-средневековому не доверяли уроженцам других частей Великой Японии. Эта публикация была повторением прожитого: двадцать лет назад Фукути начал свою журналистскую карьеру с того, что осудил узурпацию власти выходцами из Сацума и Тёсю. Тогда его посадили в тюрьму, теперь он оставался на свободе. В обоих случаях его публикации нервировали элиту, но никаких реорганизаций правительства не последовало.

В этом году в стране вновь разразилась ужасная эпидемия холеры. Заболело 160 тысяч человек, из них умерло 110 тысяч. Возле домов, где были выявлены больные, стояли предупредительные таблички. Заболевших свозили в холерные бараки, трупы сжигали. За взрослого брали 80 сэн, за ребенка – почти вдвое меньше. Хождение босиком запретили. Рикши и рабочие были раздосадованы. В то время уже было известно, что источником холеры является грязная вода. Сточная вода струилась по улицам японских городов по открытым канавам.

Еще отец Мэйдзи, Комэй, использовал в подобных случаях понятие императорской добродетельности-дэ, которая ввиду своего истощения и проявилась в форме эпидемии, – правитель брал на себя ответственность за все случившееся в стране. Так, например, при принятии девиза правления Ансэй в 1854 году Комэй признал себя виновным за разгул природных стихий, за пожар во дворце и за «черные корабли». Сетования на недостаток добродетельности встречаются и в указах юного Мэйдзи. Однако теперь он стал представителем уже совсем другой философии правления. В этой парадигме император в случае стихийных бедствий оказывает помощь своим подданным, но он отнюдь не берет на себя ответственности за случившееся. Ведь если сказать, что у тебя не хватает главного для правителя качества, то это можно воспринять как знак слабости и близкой отставки. И если в самом начале правления в указе, приуроченном к интронизации (сокуи) и принятию девиза своего правления, Мэйдзи сетовал на свою малую добродетельность^[179], то теперь он полностью отказался от этой фигуры речи и сознания. Японские политтехнологи хотели от императора совсем другого. И в этом отношении японская монархия несколько приблизилась к европейским образцам.

Борьба с холерой, аллегорически представленной диковинным и страшным зверем

1887 год

20-й год правления Мэйдзи

17 января императрица Харуко через газету «Тёя симбун» обратилась к японским женщинам с призывом последовать ее примеру в деле ношения европейской одежды. При этом ее аргументация оказалась чисто японской: она утверждала, что в глубокой древности, еще до изобретения кимоно, японское платье походило на европейское больше, чем нынешнее. Это была логика модернизации по-японски: хочешь нового – скажи, что подражаешь древним образцам.

Несмотря на энтузиазм Харуко в отношении европейских нарядов, говорили, что на самом деле смена платья далась ей с трудом. Свободно сидящее кимоно шьется из стандартных кусков материи и не требует примерки. Здесь же требовалась примерка, но прикасаться к императрице было запрещено. Выход все-таки нашли: портные работали с супругой премьер-министра Ито Хиробуми, которая обладала схожей комплекцией. Платья, сшитые по ее мерке, и надевала на балы императрица Харуко. Потом стали использовать манекен императрицы. С той же самой проблемой столкнулись и портные императора: им удалось снять с него мерку только один раз – когда они впервые шили для него европейский наряд. После этого Мэйдзи решительно отказывал им, несмотря на то что с возрастом он располнел. А потому, как отмечали иностранные наблюдатели, мундиры сидели на нем несколько мешковато.

Но платьями дело не кончилось. К вечерним нарядам полагались и украшения – бусы, колье, кольца, браслеты. Японские женщины к этому привычны не были. Из украшений они использовали только гребни для волос.

Конечно, европейское платье было более теплым – поскольку японцы никогда не выращивали овец, шерстяных тканей они не производили, так что в зимнее время им приходилось заворачиваться, словно куколке в кокон, в несколько слоев халатов-накидок – шелковых, хлопчатобумажных, конопляных. Но европейская одежда плотно облегает тело. По поводу неудобства сковывающей движения одежды и драгоценных аксессуаров Харуко сложила:

В этих новых одеждах —
Не встать мне, не сесть.
Ах, если бы
Камни моего ожерелья
По полу рассыпались...

Хасимото Тиканобу. Придворные дамы за шитьем европейской одежды (1887 г.)

В центре триптиха – императрица и престолонаследник. В картушах объясняется, как правильно снимать мерку, кроить, шить и гладить.

Высший женский свет подавал пример остальным. Поскольку покупное европейское платье могли позволить себе очень немногие, власти озаботились пропагандой рукоделия. Продажа швейных машинок стремительно возрастала, открывались все новые и новые кружки кройки и шитья. Как и во многих других случаях, именно императорский двор выступал в качестве коллективного «культурного героя», приносящего из тридесятого царства новые и «передовые» обыкновения, которые подлежат затем самому широкому тиражированию в массах. Роль императорского двора в деле обучения населения была огромной.

До этого времени только консервативное Министерство двора отказывалось от найма иностранцев. И вот теперь, наконец, 29 апреля 1887 года в Японию прибыл Оттмар фон Мольте. Ранее он служил при дворе Вильгельма I. Целью его двухлетнего контракта было научить японских придворных изящным порядкам, принятым в Европе. Каждое утро он проводил в компании церемониймейстера Нагасаки Митинори и переводил ему с немецкого на английский различные придворные и дипломатические установления. Нагасаки не знал немецкого языка. Его задачей был перевод с английского на японский, чтобы Мэйдзи мог ознакомиться с ними. Мольте учил, как следует приветствовать друг друга, сколько ножей и вилок требуется для охотничьего завтрака, как устраивать смотр войскам, как одеваться. Он настойчиво советовал, чтобы император во время приема знатных гостей перемещался рука об руку со своей супругой.

Церемониймейстеры старались как могли и настойчиво убеждали императора, чтобы во время приема по поводу цветения хризантем он прошелся по саду вместе с Харуко. Но Мэйдзи не мог переселить своих представлений о том, как все должно происходить на самом деле. Он подсказал к воротам на коне, спешил перед садом и зашагал впереди Харуко. Не захотел он и чтобы трон его супруги был бы такой же высоты, как и его собственный. Утверждают, что под его троном даже был подложен кусок толстой материи.^[180] Не послушал фон Моля и Ито Хиробуми, когда тот высказал мнение, что на приемах было бы вполне допустимо носить японские одежды. Премьер-министр ответил отказом, прибавив, что в Японии одежда – вопрос большой политики и советники не имеют здесь права голоса.

Надо сказать, что японцы совершенно не стремились к системным заимствованиям из одной страны. Они повели себя как в супермаркете, полагая что у каждой страны («фирмы-производителя») есть свой «конек». Свою промышленность и военно-морской флот Япония стала строить в соответствии с британскими образцами; Франция подала пример в устройстве полиции и образования; американский опыт пригодился при освоении Хоккайдо; студентов-медиков и придворных обучали немцы. На практике это означало, что японцы строили свою собственную цивилизацию и культуру, не считая себя обязанными никому.

Такой подход, когда заимствования производятся сразу из многих стран, был, безусловно, для Японии новым, ибо раньше единственным источником для заимствований всегда являлась для нее только одна страна – Китай. Но в то же самое время такой подход был и традиционным. В том смысле, что японцы заимствовали из Китая достаточно избирательно – только то, что считали полезным и нужным. В результате эти заимствования зачастую приобретали малоузнаваемый вид. «Слушать всех и не слушаться никого» – так можно сформулировать ту стратегию, которую проводили японцы в отношении заимствований.

Родительлюбивая дочь получает подаяние от дантиста.

Из книги Нисимура Сигэки «Женщин примерное зеркало» («Фудзё кагами»)

Время было сложное, ход мысли элиты не демонстрировал единообразия. Западу приписывали даже те ценности, которыми тот обладал явно в меньшей степени, чем сами японцы. В этом году императрица Харуко поручила директору школы для детей аристократов Нисимура Сигэки составить книгу «Женщин примерное зеркало» – книгу биографий замечательных женщин Запада, с которых следовало брать пример. Морализаторские истории того же толка были весьма распространены и в родной японской словесности. Однако для придания большей авторитетности традиционным моральным нормам в состав верных почитательниц наследия Конфуция были записаны Жанна д'Арк, матери Джорджа Вашингтона и

Гёте. Чрезвычайно трогательна история о безымянной девушке из Нью-Йорка. Ее родители были старыми, бедными и больными. В холодную зиму у них не хватало денег, чтобы купить дров и согреться. Их юная дочь не могла прокормить их. И вот она увидела объявление дантиста: тем, кто согласится продать свои здоровые передние зубы, он обещал по 15 иен за штуку – при условии, что он сам будет рвать их. Бедная девушка отправилась к врачу, но после того, как она поведала ему свою печальную историю, он настолько поразился ее дочерней преданности, что отказался рвать у нее зубы и, обливаясь слезами, дал ей 15 иен просто так.

Совсем недавно Нисимура Сигэки в своих лекциях обрушился на упаднический Запад, теперь он получил другой заказ. Культурная ситуация была под стать политической, однозначные решения были невозможны.

Несмотря на критические отзывы со стороны европейцев и местных «почвенников», японская знать упорно продолжала устраивать приемы на западный манер. Пример санкционированного правительством Рокумэйкан оказался заразителен. На балу, который устроили принц и принцесса Комацу, присутствовали и император с супругой. Мэйдзи там очень понравилось: вернувшись во дворец, он заметил, что там было так же хорошо, как в цирке, до которого он был большой охотник.

Самый знаменитый бал в истории Японии состоялся 20 апреля этого года. Его устроил премьер Ито Хиробуми в своей резиденции. На нем присутствовал практически весь кабинет министров. Были приглашены и профессора Токийского университета, ратовавшие за замену иероглифики на латиницу. Это был первый в истории Японии бал-маскарад. Сам Хиробуми представлялся венецианским дожем, его супруга – знатной испанкой, дочь – итальянской пейзажной. На балу присутствовало около 400 гостей, выряженных Мефистофелями, Макбетами, Оскарами Уайльдами, Нептунами. Многие щеголяли и в японских костюмах, представляясь монахами-отшельниками (ямабуси) и бабочками. Был там и герой сказок Урасима Таро, и поэт двенадцатого века Сайгё. Гости танцевали до четырех часов утра. Один из них позже сказал, что делал это «ради своей страны». Именно так элита расценивала свое участие в маскараде.

Через несколько дней газеты написали, что на этом балу премьер-министр якобы совратил жену графа Тода. Никто вроде бы не отнесся к этому обвинению серьезно, но в любом случае «почвенники» оскорбились тем, что первые лица государства были одеты, словно какие-то актеришки, и даже – подумать только! – танцевали с иностранками. Эти люди давно сделали Ито мишенью для своих инвектив. В его доме жила Цуда Умэ, учившаяся в Америке и ставшая там квакершей. Говорили, что премьер хочет обратить в христианство самого Мэйдзи. Голос защитников национальных устоев высился. В следующем году на приеме по случаю дня рождения Мэйдзи женщины были снова одеты в кимоно, а не в бальные платья. Для сторонников безоглядной вестернизации наступали плохие времена. Но далеко не все они чувствовали это. Прежние правительства ввиду их почтения перед китайской мудростью можно охарактеризовать как главных китайцев в Японии, к правительству нынешнему больше подходило название «главного европейца». Такой стремительный переход не мог остаться без последствий.

Тоёхара Тиканобу. Император Мэйдзи на цирковом представлении (1886 г.)

Бал-маскарад. Газета «Ямато симбун» (23 апреля 1887 г.)

Токутоми Сохо

Быстрая модернизация меняла строй жизни и ее формы. Она привела к разрыву между поколениями. В этом году оппозиционный журналист и политик Одзаки Юкио (1858–1954) в своем трактате «О молодежи» написал, что старые люди не представляют для нового общества никакой ценности, поскольку они уже не способны понять западную цивилизацию. Эти революционные идеи разделяли многие.

Чуть раньше Токутоми Сохо, который к этому времени успел креститься во время обучения в протестантском колледже Досися в Киото, опубликовал брошюру такого же скандального содержания. В ней он говорил, что злейшими врагами молодого человека могут оказаться пожилые люди, которых он всегда любил и уважал. Заодно со стариками Сохо объявлял анахронизмом и всю японскую культуру. В нынешней Японии его не устраивало ничего. Ничего, за исключением географии и климата. Он говорил о благоприятном климате и богатстве почв. Больше всего его радовало островное положение страны. Видя в этом сходство с Англией, он предрекал Японии выдающееся место в качестве торгового перекрестка на Дальнем Востоке^[181].

В этом году Токутоми Сохо основал общество «Минъюся» («Друзья народа») и приступил к изданию журнала «Кокумин-то томо» («Друг народа»), который выходил с английским подзаголовком «The Nation's Friend». Токутоми Сохо выступал против роста военных расходов и за интернационализм, за равенство полов и повышение уровня жизни. Идеи о неспособности стариков обеспечить тотальную вестернизацию также получили на страницах журнала самое радикальное выражение. Он издавался огромным по тем временам тиражом в 10 тысяч экземпляров. Из ежемесячника он быстро превратился в еженедельник.

В токугавской Японии никто и никогда не посмел бы сделать такие заявления – старики считались носителями мудрости и знаний, которые молодежи только еще предстоит усвоить. Однако теперь школы и родители учили разным ценностям, многие юноши и девушки теряли ориентацию, количество психических расстройств и самоубийств резко увеличилось. Преобразования первых годов Мэйдзи создали опасность, которую несет в себе любая революция – раскол общества. К этому времени правительству удалось справиться с классово-сословным разладом. Теперь в повестку дня встал раскол между поколениями. Теперь следовало

заняться преодолением разрыва времен. Политическая пропасть между сёгуном и новым режимом все еще казалась непреодолимой, поиски следовало вести в другом, более «культурном» направлении.

Токутоми Сохо полагал, что культура Японии не содержит ничего такого, что могло бы пригодиться в настоящем. Однако ведущие политики уже начали искать в традиционной культуре то, на что могло бы опереться японское общество и государство в эпоху перемен. Из Рокумэйкан подавали знаки: мы должны стать похожими на европейцев. В то же самое время те же самые люди давали понять: похожими на европейцев, но отнюдь не их копиями. С 26 по 29 апреля, то есть всего через несколько дней после злополучного бала в Рокумэйкан, в резиденции министра иностранных дел Иноуэ Каору выступали знаменитые артисты театра Кабуки – Дандзюро, Кикугоро, Садандзи. На представлениях присутствовали и Мэйдзи, и Харуко.

Кабуки – театр национальный, но он всегда считался театром для простонародья, аристократы никогда его представления не посещали. Выступление артистов перед первыми лицами страны свидетельствовало о важных сдвигах в сознании элиты. Наблюдая за демократическим театром, она сигнализировала о своей близости к «народу». Театр Кабуки и его артисты получали повышение в статусе и становились частью общенациональной традиции. Традиционный театр обеспечивал связь времен. В скором времени в культурную программу, предлагаемую знатным иностранцам, одним из главных пунктов войдет именно театр Кабуки.

Мэйдзи и Харуко на спектакле артистов Кабуки

Национальный театр – вещь весьма выигрышная, конкуренты здесь отсутствуют, японский театр Кабуки – лучший в своем жанре, поскольку нигде в мире ничего подобного не существует. Власть призывала японцев гордиться национальной культурой. Повышение статуса Кабуки означало повышение статуса всей японской культуры. Членами основанного в прошлом году «Общества по улучшению Кабуки» были Иноуэ Каору, Ито Хиробуми, известные профессора, общественные деятели. Возрастающая театрализация жизни элиты приводила к тому, что «зрелищное искусство» становилось все более престижным. Через два года в Токио было построено новое каменное здание театра Кабуки. Все большую популярность приобретали и сказители (нанивабуси). Их баллады исполнялись под аккомпанемент сямисэна (трехструнный щипковый инструмент). Они были основаны на средневековом эпосе, несли в себе ценности и

мораль самураев^[182]. «Самураизация» японского общества набирала обороты.

Несмотря на все усилия японцев встать в один ряд с европейцами, в Европе они все равно считались «азиатами» и людьми «второго сорта», чему находились все новые и новые подтверждения. В июне этого года принц Акихито присутствовал на празднествах, посвященных пятидесятилетию правления королевы Виктории. Ему предоставили худшую гостиницу, чем европейским гостям. Устроители забыли внести его имя в число приглашенных. Ему не предоставили транспорта, и он был вынужден нанимать кэб для поездки в Вестминстерское аббатство. Его посадили рядом с представителями королевских фамилий из Сиам и Гавайев, а не среди европейской знати.

Здание театра Кабуки.

Здание было европейским, спектакли – японскими

В переписке с европейскими монархами Мэйдзи теперь называл их своими братьями. Даже не будучи связанным с ними кровными узами, он считал необходимым соблюдать траур в случае смерти кого бы то ни было из членов семей европейских монархов. Ввиду огромного числа «братьев» и «сестер» траур при дворе Мэйдзи объявлялся часто. Но европейские монархи если и считали Мэйдзи братом, то только младшим.

16 сентября с поста министра иностранных дел был уволен Иноуэ Каору. Многие считали его чересчур прозападным человеком. Своей основной целью Иноуэ считал пересмотр неравноправных договоров. Чтобы добиться этого, он шел на немыслимые уступки. Во время очередного заседания комиссии по пересмотру договоров он «договорился» до того, что следует открыть всю страну для свободного передвижения иностранцев и принять законодательство, которое полностью соответствовало бы нормам западного. При этом японские законы будут переведены на английский язык и эти переводы будут считаться оригиналом текста, а судить иностранцев в японских судах станут иностранные судьи. Это было уже чересчур: министру иностранных дел указали на дверь, поскольку реализация его предложений была бы

сильнейшим ударом по национальному престижу. Вопрос о пересмотре договоров снова отложили на неопределенное время.

Иноуэ Каору был вскоре назначен министром сельского хозяйства и торговли. Ведущие японские политики того времени с готовностью брались за любой порученный им участок работы.

В этом году перед святилищем Ясукуни, в котором почитались герои, погибшие за императора, воздвигли гигантские (около 20 метров в высоту) ворота – тории. Такие П-образные ворота считались необходимой принадлежностью синтоистских святилищ. Они символизируют насест, с которого кукарекает петух, возвещающий наступление восхода и нового дня. А поскольку богиней солнца является Аматаэрасу, тории имеют отношение и к ней. Форма ворот была самой обычной. Необычным был материал. Тории всегда делались из дерева, однако на сей раз их отлили из бронзы, ибо символом армии и геройства является, разумеется, не дерево, а металл.

Вещи, которые производила японская цивилизация, всегда поражали европейцев своей миниатюрностью и компактностью. В древности, при становлении централизованного государства, японцами на какое-то время овладел «комплекс гигантомании». Его примером может послужить буддийский храм VIII века Тодайдзи в Нара – самое большое деревянное здание в мире. Там же помещена и бронзовая статуя будды Вайрочаны – тоже самая большая в мире. Однако с упадком централизованного государства и распадом Японии на множество княжеств этот комплекс проходит, и японцы направляют свою энергию, искусство и изобретательность на производство малого. Но с ростом имперских амбиций и имея перед глазами европейские архитектурные примеры, официальная Япония второй половины правления Мэйдзи все больше одушевляется крупными формами.

Святилище Ясукуни

В этом году в Японию прибыл великий князь Александр Михайлович (1866–1933). Он был мичманом на крейсере «Рында». Как и все остальные российские военные суда, крейсер находился на арендуемой Россией базе в Нагасаки. В то время там стояли на рейде шесть российских кораблей. Как и многие другие русские офицеры, великий князь завел себе в Нагасаки подружку. Его выбор пал на одну из шестидесяти девушек, явившихся на «смотрины». От нее великий князь немного научился японскому языку. Он был первым и последним членом царской фамилии, кто понимал по-японски. Александр II телеграммой велел ему посетить императора Мэйдзи. На торжественном банкете во дворце великий князь решил пустить свои языковые знания в ход. Присутствующие были немало удивлены и даже шокированы простонародностью и диалектизмами его речи. Когда он обратился к императрице Харуко, она «издала странный горловой звук. Она перестала есть и закусила нижнюю губу. Ее плечи затряслись, и она начала истерически смеяться. Японский принц, сидевший слева от нее и слышавший наш разговор, опустил в смущении голову. Крупные слезы катились по его щекам. В следующий момент весь стол кричал и смеялся. Я очень удивился этой веселости, так как в том, что я сказал, не было и тени юмористики. Немецкий камергер [Оттмар фон Моль] был явно скандализован, так как это был, по всей вероятности, самый веселый придворный банкет в истории Страны восходящего солнца»^[183].

Это было все равно, как если бы японский принц заговорил в Зимнем дворце на блатном жаргоне. Занимаемое великим князем положение предполагало некоторое стеснение правилами этикета, но он, похоже, был выше этого. Главный вывод, который сделал великий князь за время

своего двухлетнего пребывания в стране: «Япония – это нация великолепных солдат»^[184]. Вывод следует признать верным.

Великий князь почти все свое время проводил в Нагасаки. В этом году в жизни города произошли большие изменения: правительство продало свои тамошние верфи компании «Мицубиси» по значительно заниженным ценам. Политика поддержки отечественного предпринимателя продолжалась и приносила свои плоды: среди 60 богатейших людей страны 26 мест занимали именно предприниматели. Причем практически все они были выходцами из низших слоев общества. Зато почти половина управляющих на их предприятиях происходила из самурайской среды. В списке богачей еще 26 мест принадлежало бывшим князьям, которые получили свой стартовый капитал напрямую от правительства. Правда, князья редко становились организаторами производства сами – они предпочитали вкладывать деньги в чужие предприятия и банки. Что касается помещиков, то их в этом списке всего пять человек. Бывших аристократов же – только двое^[185]. Оценивая состав делового сообщества в целом, следует признать: оно было сформировано под прямым патронажем государства и сохраняло разумные пропорции между прежней элитой и «новыми японцами».

Однако малое количество помещиков в списке богачей требует пояснений. Ведь в сельскохозяйственных обществах именно помещики обычно находятся в числе самых богатых людей.

Японским крестьянам жить было совсем непросто, но жить было можно, население исправно росло. Психологическая привязанность японского крестьянина к земле оказалась так велика, что он ни при каких обстоятельствах не продавал своего крошечного участка. А если продавал – то всего несколько квадратных метров. Земля была для него важнее денег, отмена запрета на куплю-продажу земли кардинально не изменила его психологии. Поэтому предложение на рынке земли оказалось весьма небольшим, сформировать большой и сплошной участок оказывалось почти невозможно. А это затрудняло использование на сельскохозяйственных работах скота. Кроме того, налог на землю был очень велик – около 50 процентов урожая. Поэтому и арендная плата (в отличие от налогов она вносилась рисом) взималась огромная, она составляла до 60 процентов урожая. Так что свободные капиталы направлялись в первую очередь в промышленность и торговлю с более льготными условиями налогообложения. В этих условиях помещику было очень трудно увеличить свои владения. Японский «помещик» – это мелкий землевладелец с запашкой всего в несколько гектаров. По этому показателю японских помещиков превосходили многие русские крестьяне. Уровнем жизни японский помещик не слишком отличался от своих односельчан, вся его семья была занята на работах в поле и в доме, и он не имел возможности и даже желания расширить свои владения за счет соседей. Они попросту «не поняли» бы его. Деревенская солидарность оставалась крепкой, ее нормы оказывались подчас сильнее писанного на бумаге закона. Именно традиция диктовала, что делать можно, а чего нельзя. В результате в Японии так и не сложился класс крупных землевладельцев.

В сентябре в Токио появился шестнадцатилетний юноша по имени Котоку Сюсуй. Он бросил школу в своей родной префектуре Коти (бывшее княжество Тоса) и отправился в столицу искать лучшей доли. В Токио он изучал английский язык, общался с членами «партии свободы Тоса» и протестовал вместе с ее членами против нерешительности правительства в деле пересмотра договоров с западными странами. Всего через три месяца его выслали из столицы сроком на три года.

1888 год

21-й год правления Мэйдзи

В начале года группа молодых людей образовала общество «Сэйкёся» («Общество политического обучения»), которое приступило к изданию журнала «Нихондзин» («Японцы»). Его тут же признали идеологическим соперником «Друга народа». Журнал выходил раз в две недели, расходился тиражом всего в несколько сот экземпляров. Однако его направление оказалось в результате более перспективным, ибо оголтелому западничеству Токутоми Сохо он противопоставил поиски национальной идентичности.

Основателями общества и журнала выступили недавние выпускники Токийского университета и агротехнической школы в Саппоро. Эта школа считалась рассадником христианства и западничества, но у некоторых студентов это вызывало только чувство отторжения. Точно так же многие студенты, прошедшие курс обучения в европейских странах, возвращались на родину убежденными патриотами. Основными идеологами журнала выступили Миякэ Сэцурэй (1860–1945), Сига Сигэтака (1863–1927) и Куга Кацунан (1857–1907).

Миякэ Сэцурэй

Сига Сигэтака

Куга Кацунан

Токутоми Сохо уподоблял молодежь сиротам, лишенным руководства со стороны родителей, «Японцы» объявили родителей в розыск. Токутоми носил костюм, члены «Сэйкёся» одевались по-японски. Не отвергая необходимости заимствований с Запада, они отрицали тезис, что японцы должны ограничиваться копированием иноземных образцов, поскольку это путь в

никуда. Имитация означает смерть национального духа – Рим погиб из-за подражания Греции, Корея утратила самостоятельность из-за китаизации. «Японцы» отвергали мнение, что в Японии нет и не может быть ничего хорошего. Отправным пунктом их построений сделалась физическая география и природные условия Японского архипелага.

Это был умный ход. Природные условия всякой страны хороши тем, что они уникальны. Сига Сигэтака твердил о том, что земля Японии отличается «неповторимой красотой». Миякэ Сэцурэй учился у Фенолосы и проникся его восторгом по поводу японского изобразительного искусства. Поскольку одним из основных объектов изображения японского искусства является природа, то природа и искусство составили замечательную идеологическую пару, которая цементировала то строение, к возведению которого приступили «Японцы».

Они полагали, что уникальные природные условия порождают такие же неповторимые способы приспособления к ним. Так появляются уникальные обычаи и обыкновения, эстетика и религия, которые разворачиваются в уникальную историю и в уникальный национальный характер (кокусуй). Востребованность японского искусства на Западе приводила к особому ударению, сделанному на художественном и эстетическом наследии, выработанному «японским духом». В то время Япония была не в состоянии соревноваться с Западом в материальных аспектах «цивилизации». Однако в построениях «Японцев» эта сила Запада превращалась в его слабость. Сига Сигэтака писал, что западная цивилизация построена на математике и расчете, что наносит непоправимый ущерб морали и этике. «Японская цивилизация строится на совершенно противоположных принципах. Его основы заключены в гармонии, которая является источником искусства. Искусство вбирает в себя и гармонизирует разъятые элементы. У нас есть сочинения Мурасаки Сикибу, картины школы Кано, произведения керамики и изделия из лака, сасими, кутитори (разновидность печенья к чаю. – А. М.). И все перечисленное продиктовано художественным вкусом»^[186].

Сига взывал к японской традиционной культуре. Парадокс заключался в том, что статус художника в токугавской Японии был чрезвычайно низок. Все литературные произведения знаменитой ныне хэйанской литературы, включая «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, считались «аморальными», поскольку главным предметом изображения там была любовь. Само писательское дело считалось занятием малодостойным. О Цубоути Сёю (1859–1935), основателе современной японской художественной прозы, даже европеизированный Фукудзава Юкити отзывался с неприкрытым презрением: «Такое вульгарное занятие, как писание романов, для обладателя диплома бакалавра является занятием совершенно недостойным». Однако Сига и его друзья думали уже по-другому.

В этом им помогал Запад. Запад, которому требовалась очередная утопия. В феврале великий Ван Гог отправился в Арль. В его представлении там было так же хорошо, как в Японии. Не имея на то никаких оснований, Ван Гог полагал, что в среде японских художников царит атмосфера бескорыстной дружбы. Он копировал произведения японских художников, использовал в своих картинах японские мотивы и даже нарисовал свой автопортрет, представив себя на нем буддийским монахом. В Арле он читал только что вышедшие первые номера журнала «Le Japon Artistique». В Японии французский ставленник Токугава Ёсинобу потерпел поражение в борьбе за власть. Однако именно Франция первой оценила японское искусство. Из парижских салонов мода на Японию стала расползаться по Европе.

Винсент Ван Гог. Автопортрет в виде японского буддийского монаха

Европейцы находили Японию страной любопытной и экзотической, а ее искусство – «прелестным». Многих японцев это приводило в ярость, они утверждали, что европейцы видят в Японии музей дикувинок, страну гейш и Хокусая, но не замечают ее достижений – фабрик, сооружений, железных дорог. Другие, подобно Токутоми Сохо, считали: вся японская культура пронизана идеей феодального неравенства и потому не имеет права на существование, ибо такая культура не способна создать страну, которая могла бы конкурировать с Западом, где жители и правители каждой страны представляют собой единство, до которого японцам еще очень и очень далеко.

Однако авторы «Нихондзин» не были настроены столь пессимистически. Они стали одними из первых, кто начал гордиться японской художественной культурой, которая ни в чем не уступает Западу или даже превосходит ее. «Японцы» не думали, что в их стране не было ничего подобного Шекспиру, Гёте или Толстому. Они получили западное образование и признавались, что читать западную классику им проще, чем японскую. Но из этого они сделали вывод о необходимости стать японцами. «Познай себя!» – патетически восклицали они. Потому что только познав себя, можно понять, чем же японцы отличаются от европейцев, очертить границы японской культуры и уже на этом основании выстроить японскую нацию.

Токутоми Сохо и публицисты «Нихондзин» были представителями нового поколения журналистов и мыслителей. Они думали не только о текущей политике и составе правительства, но и о вещах более системных – о природе Японии, о японской культуре, о нации. Старое же поколение журналистов уходило в тень. В июле Фукути Гэнъитиро оставил пост главного редактора газеты «Нити-нити». На него давили со всех сторон: власти не могли забыть его антиправительственных выпадов, его подчиненные – снижения тиража. Фукути был верным подданным Мэйдзи, но этого стало недостаточно, ибо теперь верными подданными императора стали почти все обитатели архипелага.

30 апреля был создан новый государственный институт – Тайный совет (Сумицуин). В состав этого совещательного органа входило около пятнадцати человек – старшие по возрасту

принцы и основные министры. В его непосредственную задачу входила, в частности, подготовка текста конституции и положения об императорском доме. О колоссальном значении Тайного совета свидетельствует то, что Ито Хиробуми оставил премьерство и стал председателем Тайного совета. Тайный совет, чьи полномочия были весьма неопределенны, просуществовал до 1947 года.

Работа Тайного совета находилась в тени, зато прилагательное «императорский» употреблялось все чаще и чаще. Появлялись «императорские» школы, журналы и страховые компании. Острословы заявляли, что вскоре настанет время для «императорских рикш» и «императорских золотарей». В преддверии принятия обещанной конституции все больше говорили о «японском народе». Единство всех со всеми занимало умы. Один журнал писал, что единство синто, конфуцианства и буддизма – это тот «великий Путь», по которому, «как по широкой улице Токио, добровольно шествуют принцы, министры, самураи, крестьяне, ремесленники и купцы, нищие и парии, лошади и коровы, собаки и кошки»^[187].

Совершенно не случайно, что второй официальный портрет Мэйдзи появился на свет именно в этом году. Год, предшествовавший провозглашению конституции, был употреблен в расчете на создание общенациональных символов, главнейшим из которых являлся сам Мэйдзи.

Заседание Тайного совета

Хосуга Куниаки. Император Мэйдзи наблюдает за соревнованиями по сумо в святилище Яёи. Киоссоне не смог получить разрешения на портретирование. А вот Хосуга Куниаки и не думал его получать. Он просто вообразил себе, как император наблюдает за состязаниями. Весьма показательно, что Мэйдзи обычно изображался в окружении многих людей. При этом не подданные смотрят на него (что более свойственно европейской традиции), а он смотрит на них. В данном случае – на борцов. По всей вероятности, в такой фокусировке взгляда сказался древний запрет смотреть на императора. Именно поэтому цветные гравюры нисики-э столь часто изображают посещение императором массовых зрелищ (театр, цирк, скачки, выставки и т. п.). В этих изображениях проявлена идея о том, что император видит, оставаясь при этом невидимым, как то и положено настоящему мудрецу.

За последние 15 лет император не позировал ни разу. В подарочном фонде Министерства двора находилась только фотография 1873 года. Министр двора Хидзиката Хисамото испытывал большие неудобства, вручая ее знатым особам, – ведь облик нынешнего Мэйдзи разительно отличался от изображенного на фотографии молодого человека. И вот состоявший на службе японского Монетного двора итальянец Эдуардо Киоссоне (1832–1898) получил указание сделать черновые наброски императора. Что и было сделано 14 января. Художник спрятался за перегородкой, исподтишка наблюдая за тем, как обедает император в перерыве соревнований по сумо, которые проводились в святилище Яёи. Высочайшего разрешения на то, чтобы нарисовать его, художник не получил.

Эдуардо Киоссоне. Портрет Сайго Такамори (1888 г.)

Киоссоне был известным мастером. К этому времени он успел нарисовать портреты многих японских государственных деятелей. К тому же он обладал замечательным воображением. Портрет покойного Сайго Такамори он написал на основе рассказов его родственников. Одновременно художник внимательно вглядывался в лица его братьев. Так что на самом деле это был не столько портрет Сайго, сколько его «фоторобот».

Основываясь на своих эскизах, Киоссоне нарисовал затем «настоящий» портрет сидящего Мэйдзи. Потом Маруки Тосихару сфотографировал картину, которая и стала официальным изображением императора. Причем все японцы были уверены, что перед ними фотография «настоящего» Мэйдзи, а не фотография его портрета. Одновременно с портретом Мэйдзи Киоссоне нарисовал и портрет его супруги.

Создатели «комбинированного» портрета Мэйдзи постарались придать императору возможно больше мужественности. Теперь он сидел не полуразвалившись, а прямо, теперь он занимал все пространство картины, а не ее часть, руки нынешнего Мэйдзи выражают готовность к решительным действиям, а не покойно соединены вместе, как то было в 1873 году. Ну и, разумеется, ордена украшали его грудь. Мэйдзи, чей образ был призван сплотить японскую нацию, довольно мало похож на «настоящего» японца – европеоидные черты говорят о тайном желании походить на европейского монарха.

Парадные портреты Мэйдзи и Харуко

Мэйдзи остался портретом доволен и даже пригласил Киоссоне отобедать. А сама нация испытывала глубочайшее почтение, взирая на портрет своего повелителя вплоть до его кончины. Император старел, но его облик для обитателей страны оставался прежним, поскольку новых портретов создано больше не было. Его образ был уже запечатлен, а портретное сходство не интересовало императора. Время меняет только людей, над богами же время не властно.

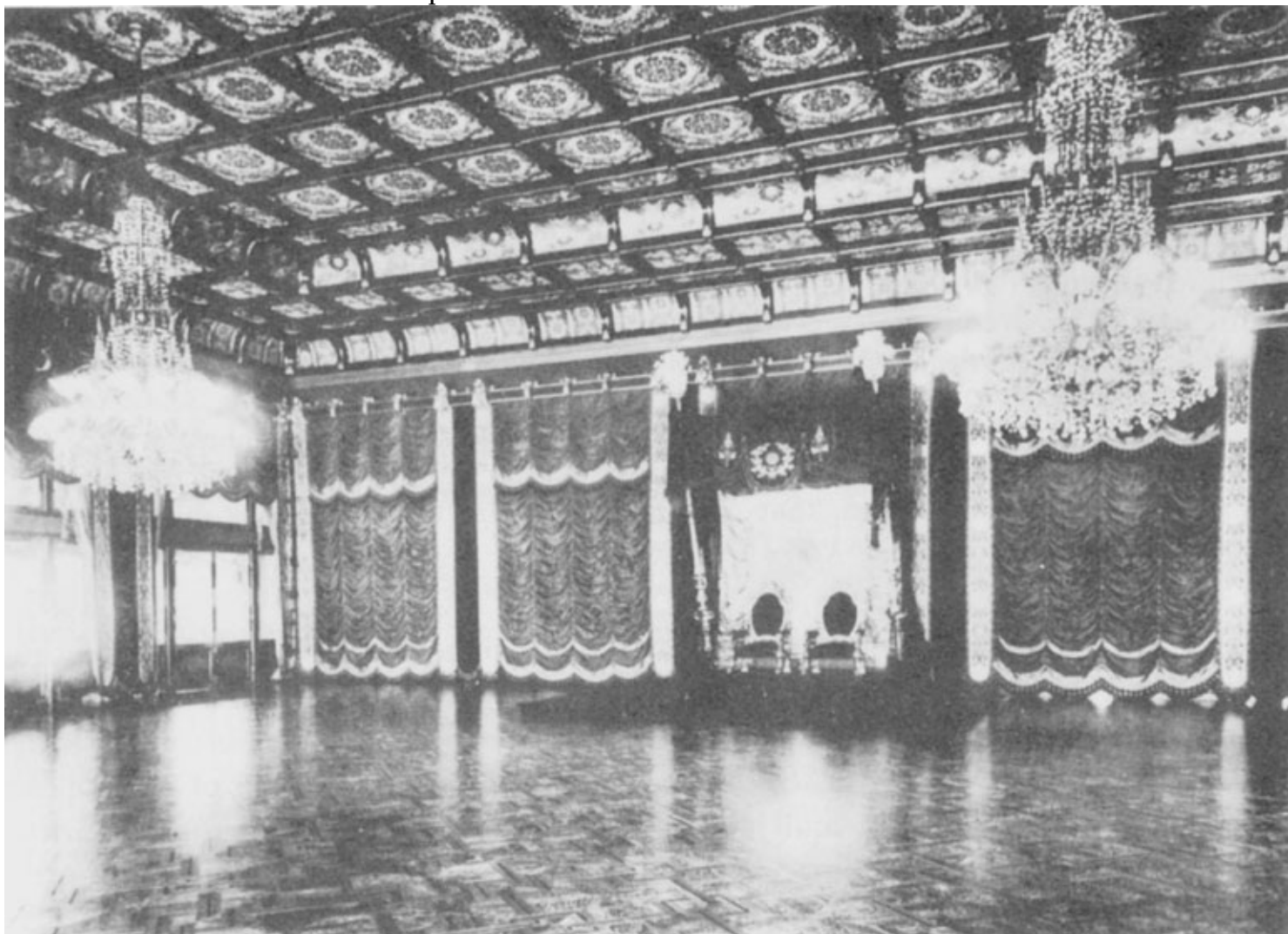
В октябре, менее чем за четыре месяца до принятия конституции, строительство императорского дворца было завершено. Комплекс состоял из 36 деревянных зданий, соединенных между собой крытыми галереями. В этом отношении дворец напоминал традиционную усадьбу средневекового аристократа. Новшеством стали интерьеры. Помещения, находившиеся в западном крыле и предназначенные лично для Мэйдзи, выполнили в чисто японском стиле. Там не было ни стульев, ни кроватей. В этой же части дворца находились и синтоистские святилища, где император осуществлял свои ритуальные функции. В апартаментах императора не было даже электрического освещения – Мэйдзи предпочитал свечи, опасаясь короткого замыкания и пожара. Копоть садилась на потолки, что придавало комнатам довольно угрюмый вид.

Однако интерьеры строений в восточном крыле, где проводились публичные церемонии, устроили на европейский лад. Там не снимали обувь, ковры покрывали полы, мебель закупили в Германии. Каменный мост, переброшенный через ров с водой, был построен в традициях немецкого ренессанса. Быстрый рост военной мощи Германии, несомненные успехи в конструировании немецкой нации убеждали японское правительство в том, что ему стоит следовать по пути, проложенному Германией.

Дворец был символом новой Японии, а этот мост, получивший название «Нидзюбаси» («Двухпролетный»), стал символом дворца, поскольку, как и раньше, дворцовый комплекс

представлял собой «запретный город», вход в который простолюдинам был заказан. Подданные, желавшие засвидетельствовать императору свое почтение, дальше моста пройти не могли. Отправляясь в город, Мэйдзи проезжал по этому мосту.

Дворец производил на гостей Мэйдзи самое благоприятное впечатление. В особенности это касается тронного зала. Эрвин Бёльц отмечал, что ему не доводилось видеть в Европе более прекрасной залы. Корреспондент газеты «Japan Daily Mail» так описывал его: «Тронный зал в императорском дворце представляет собой комнату, дышащую благородством; она выполнена в соответствии с японскими представлениями, но с элементами, заимствованными с Запада. Потолок – композиция из картин, воплощающих в условной манере хризантему, павлонию и пион; цвета – насыщенные, но приглушенные, каждая картина заключена в глубокую лакированную раму, углы которой отделаны тщательно гравированными листами позолоченной меди. Спускаясь по изогнутому карнизу, который украшен сходным образом пионами на красном фоне. потолок переходит на второй уровень, где те же самые мотивы повторяются в несколько более приглушенных тонах. Верхняя часть стен украшена тонкой кожей с неброской скромной отделкой. Трон, выполненный в красных и золотых тонах, расположен на невысоком помосте, а над ним, поддерживаемый двумя склоненными копьями, находится шелковый балдахин с прекрасно вытканными фиолетовыми изображениями императорского оружия, хризантем и павлоний на желто-соломенном фоне»^[188].

Тронный зал

В сущности, разделение на «японскую» и «инострannую» часть дворца не может считаться принципиальным нововведением. Такое же разделение практиковалось уже в VIII веке. С той, правда, разницей, что под «заграничным» понималось тогда китайское. Крыши тех зданий, в

которых древние императоры осуществляли свои публичные функции, были на китайский манер черепичными, а строения внутреннего дворца по-прежнему крылись тростником. Разделение дворца на «публичную» и «приватную» половины символизировало двуединую сущность культурной ситуации. Мэйдзи как бы говорил своим подданным: я стал похожим на европейца только внешне, моя внутренняя сущность остается японской. Эта двуединость видна во всех идеологических построениях той эпохи. Ведь ее лозунгом стал призыв «вакон ёсай» – «японское сердце и западные знания».

Архитекторы дворцового комплекса позаботились и о предместьях дворца. Квартал, примыкавший к мосту Нидзюбаси, снесли. Теперь перед дворцом раскинулась огромная площадь. В традиционном японском городе площадей не существовало. Публичные действия по необходимости принимали форму растянутых в пространстве процессий. Теперь государство получило площадку, приспособленную для публичных церемоний европейского типа. Заполнившие ее люди были японским народом. Император мог теперь видеть его, не совершая утомительных путешествий в тряском паланкине по дальним уголкам своей страны. Мобильный император, представлявший собой «движущийся Центр», приобрел постоянные пространственные характеристики. Японский народ по большим праздникам мог здесь увидеть своего императора. Вместе с армейским плацем в Аояма дворцовая площадь стала главным местом, где осуществлялась символическая смычка между людьми со всех концов страны, которые становились народом Японии. На этих площадках, с этим народом общалась власть на вновь изобретенном национальном языке, который с течением времени все больше отдавал тоталитаризмом.

Окума Сигэнобу, сменившему Иноуэ Каору на посту министра иностранных дел, удалось пробить брешь в череде неравноправных договоров. В ноябре был подписан договор с Мексикой, согласно которому мексиканцы получили право жить в любой точке Японии и владеть недвижимостью. В то же самое время об экстерриториальности речь не шла. Англия и Франция стали яростно настаивать на том, чтобы и их гражданам было позволено владеть недвижимостью, поскольку в договорах с ними был внесен пункт о режиме наибольшего благоприятствования. Однако их требования остались неудовлетворенными. Не сумели в полной мере воспользоваться благоприятными условиями договора и сами мексиканцы: на момент подписания договора в Японии находился только один гражданин Мексики.

Страна жила по европейскому времени, все больше людей обзаводились часами. В 1868 году было импортировано 1185 настенных и напольных часов и 300 карманных. К этому году закупки составили уже около 700 тысяч часов. Лучше всего покупалась продукция швейцарских и американских фирм.

Часы были достаточно дороги, но все-таки доступны многим. В этом году ситуация стала еще благоприятнее: началось местное производство напольных часов, которые ввиду своей дешевизны достаточно быстро вытеснили иностранные.

Изгнанный из Токио Котоку Сюсуй обосновался в Осака. Там он встретил своего земляка Накаэ Тёмин (1847–1901). Накаэ был одним из главных идеологов «Движения за свободу и права народа». Он был не только земляком Котоку – его тоже выслали из столицы в преддверии принятия конституции. Котоку поселился в доме этого человека, которого до конца жизни считал своим единственным учителем.

1889 год

22-й год правления Мэйдзи

9 января Мэйдзи распорядился о переносе синтоистских святилищ из своего временного дворца в новый. Официальный переезд состоялся 11 января. Помимо Мэйдзи с супругой, в процессии находились принцы крови, члены правительства и другие высокопоставленные лица. Вдоль дороги построили школьников, которые распевали национальный гимн под аккомпанемент военных оркестров. На площади перед дворцом огромная толпа встретила императора криками «Банзай!». Существует мнение, что обычай приветствовать императора таким шумным образом берет начало с этих пор. Японская толпа была всегда молчаливой, но теперь от нее требовалось участие и более активное выражение восторга. «Тэнно банзай!» – это здравица, она означает «Пусть живет император десять тысяч лет!»

С переездом в новый дворец количество императорских выездов значительно сократилось. В первое десятилетие правления Мэйдзи выезжал за пределы дворца 90,2 раза в год, в период с 1881 по 1890 год – 69,2 раза. В последние два десятилетия эта цифра упала до 17,4 и 14,6 раз^[189]. Это было вызвано не только естественными причинами – император старел, и ему становилось труднее выбираться «из дома». Не менее (а может быть, и более) важным являлся новый образ монарха: теперь он все больше позиционируется как величественно-неподвижный, что находилось в полном соответствии с традиционными представлениями о том, каким надлежит быть правителю.

Этот год вошел в историю Японии как год провозглашения конституции. Элита хорошо подготовилась к этому событию. В частности, были решительно расширены земельные владения императорской семьи. В 1868 году они составляли всего 6000 тё (1 тё равняется 0,99 га), в 1886-м – 31 000. Теперь же император стал крупнейшим землевладельцем в стране. Он владел 1 129 000 тё земли. При этом обрабатываемая земля составляла всего 31 000 тё. Император ничего не производил на своей земле, она требовалась ему для строительства загородных дворцов и резиденций. Министерство двора приобрело и множество акций. Императорский дом не хотел зависеть от бюджетных ассигнований, которые станет утверждать будущий парламент.

Текст конституции готовился в условиях строжайшей секретности, о публичном обсуждении не могло быть и речи. После ознакомления с проектом конституции кабинета министров ее текст был одобрен только 16 членами Тайного совета. Почти все они были выходцами из княжеств Сацума и Тёсю. Основным архитектором конституции стал глава Тайного совета Ито Хиробуми, его главным помощником был юрист Иноуэ Коваси. Ито пристально изучал конституции европейских стран и пришел к выводу, что зачатки конституционного правления появились в Европе еще в древности, а потому эта форма была для Запада, в отличие от Японии, совершенно естественна. Еще одной доминантой политической жизни Европы Ито признавал христианство, которое способно объединять людей для достижения важнейших государственных целей. Что до Японии, то синто и буддизм не обладали объединительными потенциями христианства. Синтоистских божеств насчитывалось слишком много, буддизм был расчленен на множество школ, которые враждовали друг с другом. При этом доминирующей школы так и не сформировалось, и объявить какую-то из них «основной», а все остальные – еретическими сектами не представлялось, к сожалению, возможным.

По справедливому мнению Ито, в Японии объединяющими все население потенциями обладала только императорская фамилия и ее зримое воплощение – действующий император. Когда Ито находился в Европе, наибольшее впечатление на него произвели идеи немецких

правоведов, которые утверждали: монарх и государство – это синонимы, монарх является источником законодательной и административной власти.

Японцы того времени могли быть верны не столько абстрактной идее, сколько конкретному лицу. Без этого «лица» вся государственная конструкция повисала в воздухе. Японское государство было персонализированным. А потому конституция писалась «под императора», он был ее главным действующим лицом. Первая статья состоявшей из 76 параграфов конституции гласила: «Великая Японская империя управляется императором, который является представителем извечной династической линии». Мэйдзи был священным потомком Аматаэрасу, а потому обладал абсолютной неприкосновенностью и неподотчетностью. Согласно конституции, император обладал правом назначать всех главных сановников, издавать законы в форме указов, созывать парламент и распускать его, объявлять войну и мир, заключать международные договоры, награждать и миловать. Теперь Мэйдзи официально получил должность главнокомандующего. Теперь он носил свой военный мундир на конституционных основаниях.

В «Положении об императорском доме», принятом вместе с конституцией, впервые вводился строгий порядок престолонаследования. Трон передавался только прямым потомкам императора по мужской линии. У Мэйдзи был только один сын, и потому решение было рискованным. В отличие от Европы, где признавались и императрицы, в Японии женщина занимать трон не могла. Общество времени Мэйдзи было маскулинизированным еще в большей степени, чем на Западе. И более маскулинизированным, чем в Древней Японии, где VII–VIII века принесли стране восемь императриц. Но склонная ссылаться на древние прецеденты власть помнила только то, что считала нужным. В частности то, что церемония интронизации должна проводиться в Киото, что и было зафиксировано в «Положении». Ивакура Томоми умер шесть лет назад, но о его предложении сделать Киото «церемониальной столицей» не забыли.

Одновременное принятие конституции и «Положения об императорском доме» еще раз подчеркивало: страна и ее император живут по разным законам.

Японская конституция признавала свободу слова и свободу вероисповедания. Несмотря на лукавые оговорки («если это не наносит вред спокойствию и порядку», «если это не противоречит исполнению подданными их обязанностей»), это было огромным шагом вперед. Признавала конституция и политические партии, а также предусматривала и создание двухпалатного парламента. Нижняя палата избиралась, верхняя – назначалась императором из среды аристократов. Права парламента были весьма ограниченными. Они сводились по преимуществу к дебатам и утверждению решений, исходивших «сверху» за подписью Мэйдзи. Парламент мог вносить законопроекты, но они вступали в жизнь только после утверждения их императором. Парламент обсуждал и утверждал бюджет, но если правительство с ним не соглашалось, принимался к исполнению бюджет прошлого года. Сам кабинет министров парламентам подотчетен не был. Он нес ответственность только перед императором. Несмотря на ограниченность полномочий парламента, следует помнить: Япония стала первой страной с конституцией во всей огромной Азии (Турция приняла конституцию в 1876 г., но просуществовала она менее года). Россия в это время тоже не имела конституции, хотя познакомилась с этим словом намного раньше Японии.

Согласно конституции, Япония формально представала как конституционная монархия с очень сильными элементами абсолютизма. Однако на самом деле это было совсем не так. Во-первых, существовали многовековые традиции коллективного управления страной, благодаря которым в ее истории мы не встретим диктаторов, подобных Ивану Грозному и Людо вику XIV, Кромвелю или Робеспьеру. Во-вторых, законы, конкретизирующие положения конституции, были прописаны таким образом, что на всякое свое решение император должен был получить

санкцию того или иного государственного органа. Например, император мог назначить или уволить министра, только получив визу премьера. Его «личные» указы также утверждались на деле правительством и Тайным советом. Таким образом, Мэйдзи был абсолютным монархом только в глазах сорока миллиона своих подданных. И в этом заключалась его историческая роль – роль объединяющего нацию символа. Однако использование этого символа находилось в реальности в руках горстки политиков. В основном это были выходцы из Сацума и Тёсю.

Провозглашение конституции состоялось в новом дворце 11 февраля – знаменательный день, когда первоимператор Дзимму якобы вззошел на трон. По логике вещей местом проведения церемонии следовало бы избрать здание парламента, но фон Мольтке посоветовал именно дворец. Именно так открывал рейхстаг Вильгельм, именно по такому сценарию действовал впоследствии Николай II, устроивший прием по случаю открытия Думы не в Таврическом дворце, а в тронном зале Зимнего дворца.

Мэйдзи следовало еще раз подчеркнуть, что конституция – вовсе не результат общественного движения, а что она как бы упала с Небес, полномочным представителем которых и является император. В отличие от многих других стран, где конституция была добыта ценою крови, в Японии это произошло согласно заранее составленному сценарию и совершенно мирно. Учитывая масштабы события, высылку из столицы накануне принятия конституции 570 оппозиционеров вряд ли можно считать сколько-то серьезной репрессивной мерой.

Действа, связанные с провозглашением конституции, состояли из двух этапов – скрытого и явленного, священного и мирского.

Рано утром Мэйдзи в традиционном церемониальном облачении совершил в трех дворцовых святилищах приношения божествам и душам предков, прося их хранить древнее императорское правление и одновременно оказать поддержку новым законам и конституции, которая соответствует «требованиям цивилизации». Разумеется, на месте действия присутствовали только непосредственные участники ритуала и высшие сановники – принцы, премьер Курода Кийотака, министры, председатель Тайного совета Ито Хиробуми. Публика узнала о священнодействии из публикаций газет, которые честно перечислили все ритуальные манипуляции, зафиксированные в программе ритуала. Для того чтобы сообщить богам о провозглашении конституции, посланцы императора и губернаторов отправились в святилища Исэ, Ясукуни и все остальные признанные государством синтоистские святилища. Кроме того, посланцы «известили» захоронения императоров Дзимму и Комэй, покойных деятелей реставрации (Ивакура Томоми, Окубо Тосимити, Кидо Такаёси). Таким образом, на введение конституции в действие сначала была получена священная санкция богов, душ предков и покойных политических деятелей.

Второй этап был задуман как более публичный. После окончания невидимого для подданных «сеанса связи» с богами и императорскими предками настало время и для коммуникации с людьми. В тронный зал допустили не только представителей политической элиты, но и корреспондентов 18 газет (в том числе трех англоязычных). Трон был сработан в Германии, но установили его, в полном соответствии с местными традициями, в северной части залы.

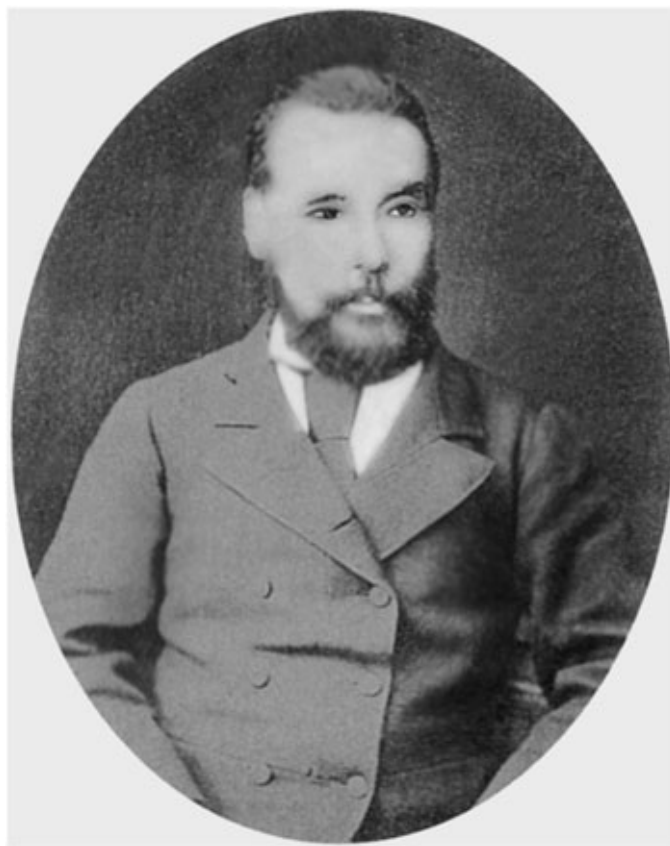
Вот как Эрвин Бёльц описывает церемонию провозглашения конституции в Тронном зале.

«Перед императором, чуть левее от него, выстроились министры и высшие сановники. За ними стояли главные представители знати, среди которых я заметил Камэносукэ [Иэсато] Токугава, который, если бы не реставрация [императорской власти], был бы сейчас сёгуном; там был еще князь Симадзу из Сацума – единственный, у кого (несмотря на западное одеяние) была прическа в японском стиле. Странное зрелище! Сразу слева от императора находился дипломатический корпус. Галерея вокруг залы была открыта для других высших чиновников и

ряда иностранцев. За императрицей выстроились принцессы и придворные дамы. На императрице было европейское платье, розовое, со шлейфом».

Бывший главный министр Сандзё Санэтоми передал императору текст указа о провозглашении конституции. Мэйдзи зачел его. Потом председатель Тайного совета Ито Хиробуми вручил Мэйдзи свиток с текстом конституции, а Мэйдзи передал его премьеру Курода Киётака, который, стоя на первой ступеньке покрытого красным ковром помоста, с глубоким поклоном принял ее. Затем император кивнул присутствующим и покинул зал, за ним последовала императрица со свитой. Бёльц продолжает: «Вся процедура заняла около десяти минут. На ее протяжении были слышны звуки салюта, всюду звонили колокола. Церемония была исполнена благородства и блеска. Единственное неудобство состояло в том, что стены тронного зала, представляющего собой превосходное помещение, были окрашены в красный цвет, а потому там было темновато»^[190].

Кроме непосредственных разработчиков, никто в этот момент не знал, что написано в конституции. Акт передачи конституции из рук ее автора в руки ее исполнителя при посредничестве монарха можно считать «программным» – все последующие важнейшие документы будут проходить через руки Мэйдзи, но он никогда не будет исправлять в них ни знака^[191].

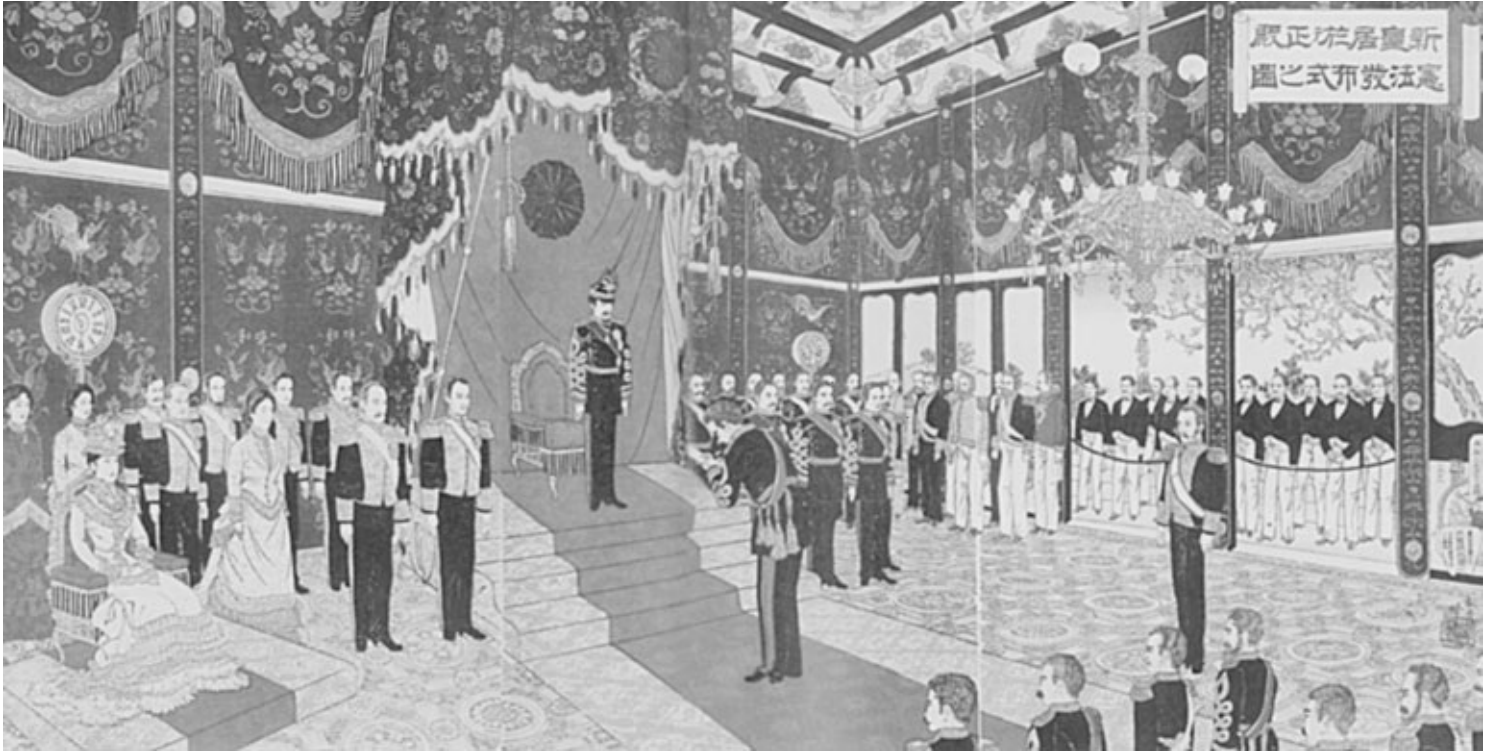

Курода Киётака

В конце церемонии ее участникам раздали текст конституции. Для иностранцев был заготовлен ее английский перевод. Япония вошла в ряд «цивилизованных» держав, обладающих собственной конституцией, а сам Мэйдзи стал настоящим конституционным монархом.

После окончания церемонии в Тронном зале Мэйдзи следовало явить себя еще более широкому кругу подданных – ведь представители «простого народа» на церемонию приглашены не были. В 13 часов 15 минут императорский кортеж выехал из нового дворца и направился на плац в Аояма, где Мэйдзи устроил смотр войскам. Впервые императрица ехала с ним в одной карете, запряженной шестеркой лошадей, – новое свидетельство ее повышающейся церемониальной роли. Выстроившиеся вдоль раскисшей от ночного снегопада дороги

школьники и студенты кричали «Банзай!», распевали гимн и песню, посвященную основанию империи. Когда императорская чета проезжала мимо российского представительства, хор православной миссии тоже пропел японский гимн и «Спаси, Господи, люди твоя». «Император и весь поезд засмотрелись на певчих, – и неудивительно. – Четырехголосное пение все слышали впервой»^[192]. Путь до плаца занял около двух часов. Тысячи и тысячи людей приветствовали императора Мэйдзи и дарованную им конституцию. В этом году население Токио достигло дореволюционного уровня и перевалило через миллион, в связи с наплывом приезжих цены в гостиницах удвоились, продажа фонариков возросла в пять раз, а национальных флагов в магазинах не осталось вовсе.

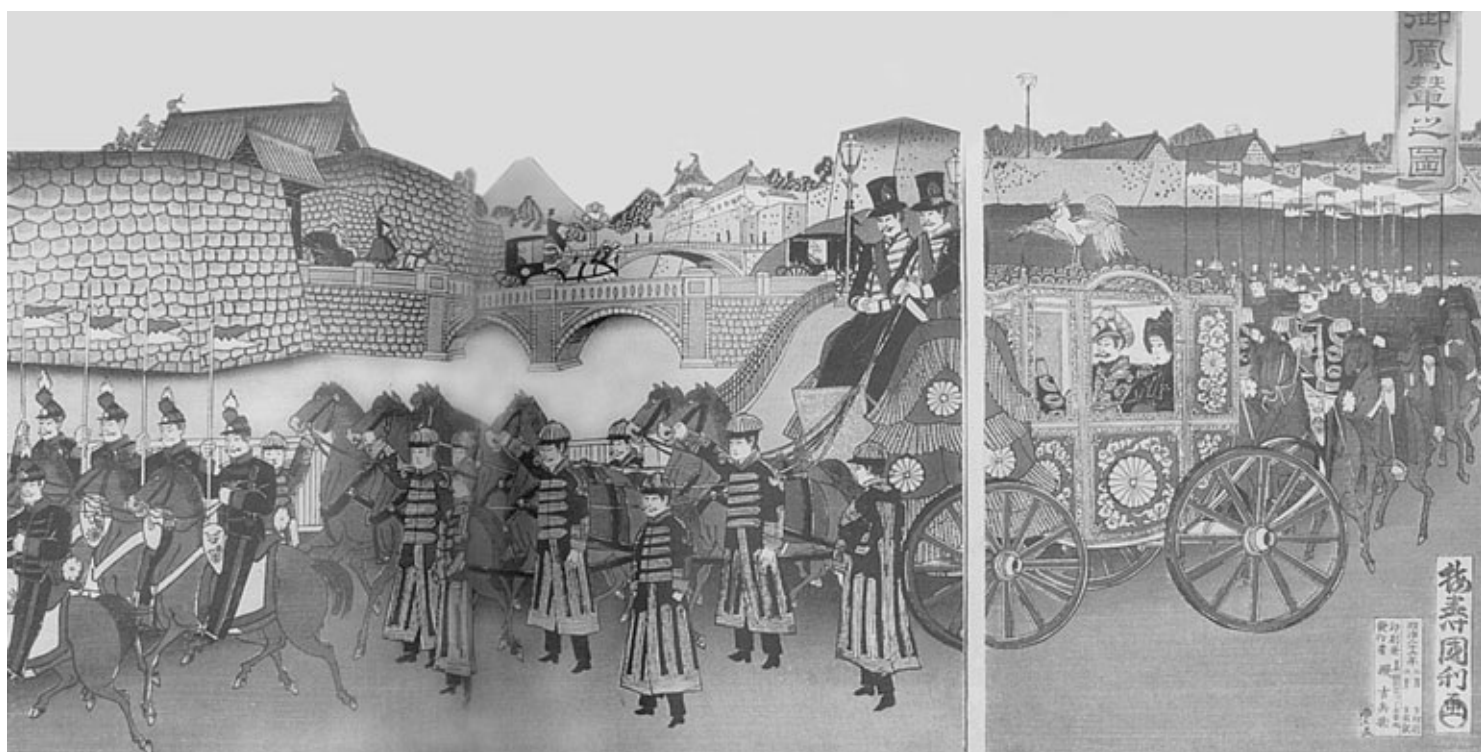

Адати Гинко. Церемония провозглашения конституции, имевшая место в тронном зале нового дворца (1889 г.)

На императоре была военная форма, на императрице Харуко – диадема и бриллиантовое ожерелье. Однако художник предпочел изобразить императрицу в шляпе, сочтя ее, видимо, более авантажной. Император, как всегда, стоял на помосте – подданным запрещалось находиться с ним на одном уровне. Из всего интерьера о Японии напоминают только изображения хризантем на потолке. Стрелки часов застыли на половине одиннадцатого. При этом Адати, явно мало знакомый с римскими цифрами, неправильно изобразил цифру X.

Молодая американская учительница Алиса Бэкон так описывала процессию: «Первыми ехали верхами солдаты с золотыми галунами, которые обыкновенно выступают перед императорским экипажем; в руках они держали красно-белые флажки. За ними следовали четыре или пять экипажей, в которых находились принцы и министры. Затем – новый отряд всадников, затем – самый шикарный экипаж, который я когда-либо видела. Его везли шесть лошадей, всех их вели под уздцы грумы, разодетые в великолепные ливреи, представлявшие собой сочетание черного, белого и золотого. В эту минуту все мы поклонились, так что я смогла увидеть только верх шляпы императрицы...»^[193]

Алиса Бэкон несколько ошибается в порядке следования экипажей. На самом деле перед императорским экипажем находились принцы и принцессы крови, а позади него – министры. Такой порядок следования символизировал разделение между двором и правительством, разделение – закрепленное новыми законами^[194].

Утагава Кунитоси. Императорский экипаж (1889 г.)

На гравюре, запечатлевшей исторический момент супружеской поездки, не изображены газовые фонари по углам кареты, но зато сама карета разукрашена намного ярче, чем то было на самом деле (карета в настоящее время экспонируется в музее при святилище Мэйдзи). Карету украшает изображение хризантемы и феникса, который раньше служил навершием паланкина.

Супружеская пара отправилась на плац Аояма. В смотре приняло участие 11 тысяч солдат и матросов. Мэйдзи объехал войска верхом, Харуко следовала за ним в экипаже. Затем войска промаршировали перед трибунами, заполненными многочисленными гостями и официальными лицами.

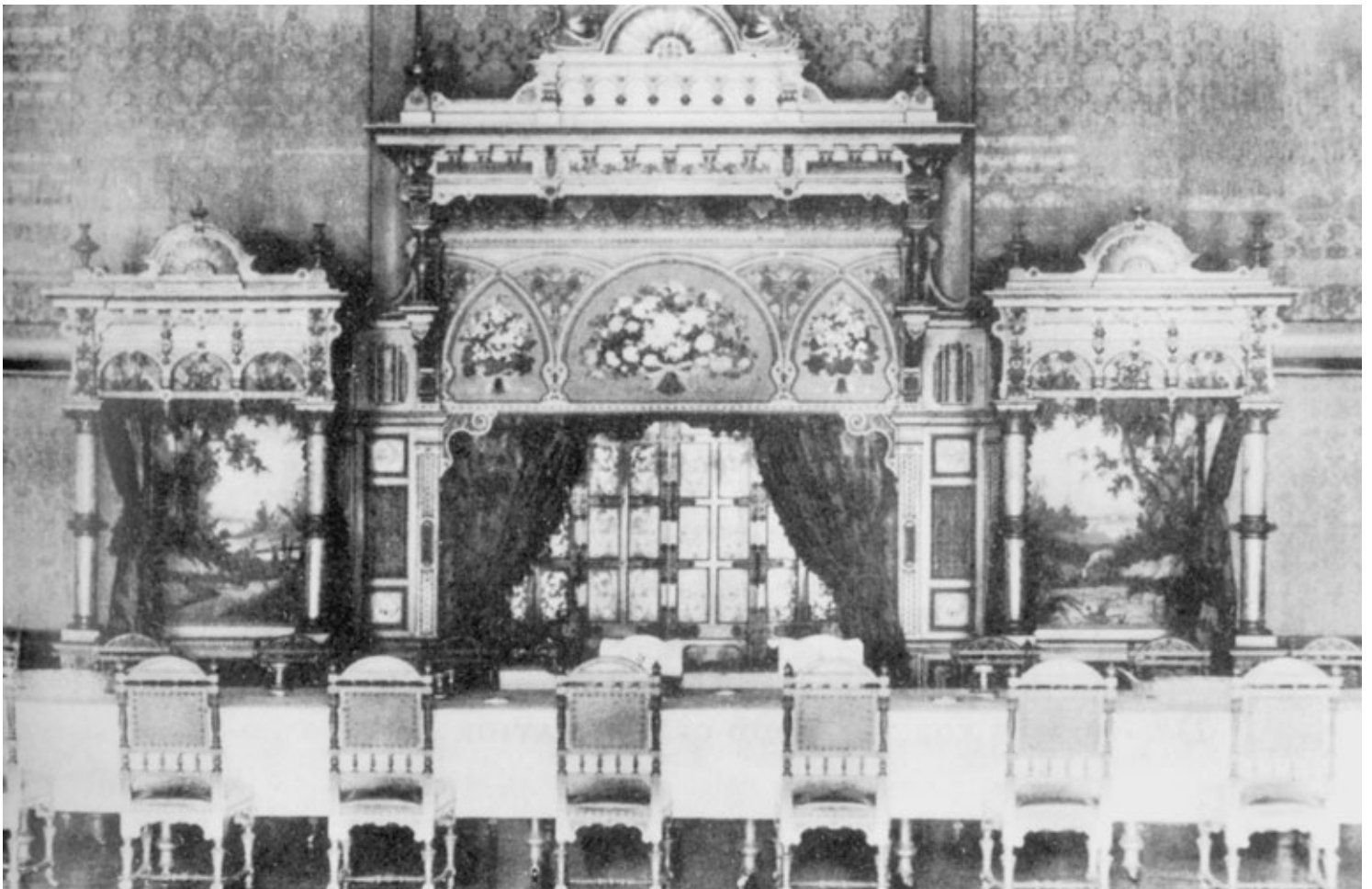
После смотра состоялся банкет на 400 человек, а в завершение – концерт бугаку (традиционные песни и танцы).

Для того чтобы этот день лучше запомнился подданным, Министерство двора организовало однократные денежные выплаты престарелым. В стране нашлось 277 597 человек в возрасте свыше 80 лет, 14 013 человек – за 90, и 167 – вековых стариков. Во время своих поездок по стране Мэйдзи тоже раздавал деньги старикам, но на подарок тогда могли рассчитывать только обитатели тех населенных пунктов, по которым проходил маршрут. Теперь же была создана общенациональная благотворительная сеть. Точно так же, как и информационная. Переданный по телеграфу текст конституции был опубликован осакской газетой уже вечером 11 февраля. Такая оперативность вызвала удивление – ведь текст конституции состоял из 17 030 знаков. Стали подозревать, что произошла утечка информации. Однако доподлинно известно, что телеграфисты в Осака использовали в этот день для приема 300 листов бумаги. На престижный курорт Атами текст передали по телефону. Линия между Токио и Атами была введена в действие в январе. Это была первая в Японии междугородняя телефонная линия.

Хасимото Тиканобу. Банкет в новом императорском дворце (1888 г.)

Изображений банкета по случаю принятия конституции не сохранилось, но в нашем распоряжении имеется гравюра, датируемая октябрём 1888 г. На ней изображено пиршество в новом дворце (на самом деле император переехал туда в январе 1889 г.). Известно, что императорские банкеты обслуживали мужчины-официанты. Однако Хасимото Тиканобу предпочитает более традиционную и милую его сердцу картину: мужчины расселись вокруг стола, а женщины стоя занимаются их обслуживанием.

Торжественные мероприятия проводились не только в столице. В школах, префектуральных офисах, в святилищах и храмах проходили собрания, устраивались торжественные линейки, гуляния, салюты, представления. В парке Наканосима в Осака огромная толпа людей собралась перед временным алтарем, их взгляды были направлены в сторону востока, то есть в сторону столицы и императорского дворца. Когда оркестр заиграл национальный гимн, люди поклонились в сторону дворца^[195]. Праздновали конституцию и в Коти, где зародилось «Движение за свободу и права народа». Итагаки Тайсукэ тоже участвовал в торжествах.

Многие люди воспринимали новые государственные праздники в рамках привычных представлений о религиозных празднествах – мацури. Одетые в традиционные праздничные одежды, они собирались в синтоистских святилищах, совершали богам приношения, поглощали сакэ и ритуальную пищу, наблюдали за схватками борцов сумо и священными танцами. Они украшали свои дома бумажными фонариками, побегами бамбука и ветками сосны. Перед лавками и магазинами торговцы выставляли переносной синтоистский алтарь. Однако теперь на него стали часто помещать не написанное на полоске бумаги имя божества, а портрет императора Мэйдзи и его супруги.

Торжества по случаю провозглашения конституции были грандиозными. Желая подчеркнуть эпохальность события, одна газета написала: гром салюта был слышен даже за границей^[196]. Эрвин Бёльц отмечал, что никогда не видел в Токио столько хорошеньких девушек сразу, по улицам города двигались разукрашенные платформы с изображениями исторических персонажей, играли военные оркестры, «несмотря на холод, люди пребывали в праздничном настроении, но не имели никакого понятия, что написано в этой самой конституции, тем более что текст ее газеты обнародовали уже после ее провозглашения»^[197]. Многие полагали, что Кэмпо (конституция) – это имя какого-то неведомого божества^[198].

Народные гуляния в Токио по случаю принятия конституции

Однако незнание содержания конституции отнюдь не отменяет громадной значимости ее провозглашения в плане введения в широчайший оборот новой символики – портретов Мэйдзи и Харуко, национального флага, фонариков с изображением солнца, гимна. Будучи использована в

атмосфере традиционного синтоистского праздника, эта символика через какое-то время тоже стала восприниматься как традиционная^[199]. В любом случае день провозглашения конституции настолько врезался в память, что впоследствии многие японцы делили время на «до» и «после» принятия конституции. «Моя мать умерла через год после обнародования конституции», – говорит один из героев Нацумэ Сосэки^[200].

Сценарий празднеств, одевания Мэйдзи, архитектура дворца свидетельствовали о двойной природе верховной власти. С одной стороны, Мэйдзи был звеном в «непрерывной» череде императоров, его власть освящалась синтоистскими божествами и душами предков. Это была невидимая для подданных сакральная составляющая власти, ставящая ее над «народом». С другой стороны, западная составляющая действа актуализировала принадлежность Мэйдзи к современным европейским образцам, она подчеркивала идею всеобщего единения. Всем своим поведением он демонстрировал, каким должен быть подданный: под европейским военным мундиром у него бьется японское сердце.

Общая конструкция праздника была заимствована с Запада. Поведение Мэйдзи было призвано последовательно продемонстрировать единение монарха с божественными силами, политической элитой, народом, армией. Но ни одна культура не способна к полному копированию чужих образцов. Она использует эти образцы в качестве подсобного материала для своих собственных построений. Моление европейского монарха в христианском соборе было заменено в Японии молением синтоистским божествам. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы интернациональное христианское действо превратилось в действо национальное. Недаром именно в этот день Куга Кацунан выпустил первый номер газеты «Япония» («Нихон»). Деньги на издание ему дали пожилые консерваторы, которые полагали, что правительство ведет себя чересчур прозападно. Редакция газеты состояла из молодых людей. И старые, и молодые все более ощущали, что есть ценности, которые больше, чем отдельно взятое поколение. В одном из первых номеров Куга писал: «Мне часто задают странный вопрос: „Каких принципов придерживается газета „Нихон“, к какой партии вы принадлежите?“ Я отвечаю: „Нихон“ стоит на принципах японизма, я сам не принадлежу ни к какой партии. Я – японец». Газета нападала на правительство с таким жаром, что в ближайшие семь лет ее выпуск будут приостанавливать 33 раза. В это время правительство и апологеты «японского народа» расходились во мнениях довольно сильно.

Что же обнаружил «японского» Куга Кацунан в Японии? Прежде всего, не прерывавшуюся в течение 2600 лет императорскую династию. Он обнаружил нынешнего императора, который в отличие от западных монархов даровал конституцию совершенно добровольно, поскольку в Японии отношения между двором и народом характеризуются отсутствием антагонизма. Куга обнаружил и уникальную японскую культуру, источником которой является не народ, как то было на Западе, а императорский дом, ибо именно двор выступал покровителем «церемоний, религии, семейных отношений, политики, сельского хозяйства, торговли и ремесел»^[201].

В этом году начал выходить – «Фудзоку гахо» («Иллюстрированный журнал обычаев»). Это был первый в Японии иллюстрированный журнал. К этому времени японцы обучились литографии, и журнал публиковал множество картинок. В основном они были посвящены трем темам: старые традиции Эдо, новые обыкновения Токио, обычаи японской глубинки. Это был первый в Японии журнал, который можно назвать этнографическим. Причем это была этнография не научная, эта этнография предназначалась «для народа». Журнал склеивал воедино разные времена и разные местности. Все вместе это называлось Японией. Знакомясь с ее обитателями, читатели становились японцами. Совершенно не случайно, что первый номер журнала поступил в продажу тоже в феврале. Старое и новое присутствовали в одном и том же месте, в одной и той же стране.

Провозглашение конституции замыслилось как День национального единения и примирения. Недаром 11 февраля были прощены сотни политических преступников, включая покойных Сайго Такамори и Ёсида Сёин. Последние были не только прощены, но и повышены в ранге, их заслуги в борьбе с сёгунатом и их экспансионистские замыслы наконец-то оценили по достоинству. Однако примирение вышло неполным.

Четырнадцать человек задавила толпа. А когда министр просвещения Мори Аринори собирался отправиться во дворец, чтобы принять участие в торжествах, некий человек передал ему через секретаря, что желает немедленно встретиться с министром, чтобы передать важную информацию относительно тех акций, которые собираются предпринять против него студенты вечером. Поскольку у министра просвещения отношения со студентами сложились неважные, он распорядился впустить «доброжелателя». Тот же набросился на Мори с кухонным ножом. Охранник своим мечом снес террористу голову, но было уже поздно. По неведомой причине врач прибыл к министру только через три часа, он скончался на следующий день. Убийца, Нисино Бунтаро, захватил с собой послание, в котором объяснялись мотивы его поступка. Ему «стало известно», что год назад Мори при посещении святилища Исэ не снял перед входом обувь. Мало того: своей тростью он якобы приподнял покрывало, скрывающее священное зеркало, и осквернил его своим взглядом. Нисино отправился в Исэ и «убедился» в том, что люди говорили правду.

Мори Аринори

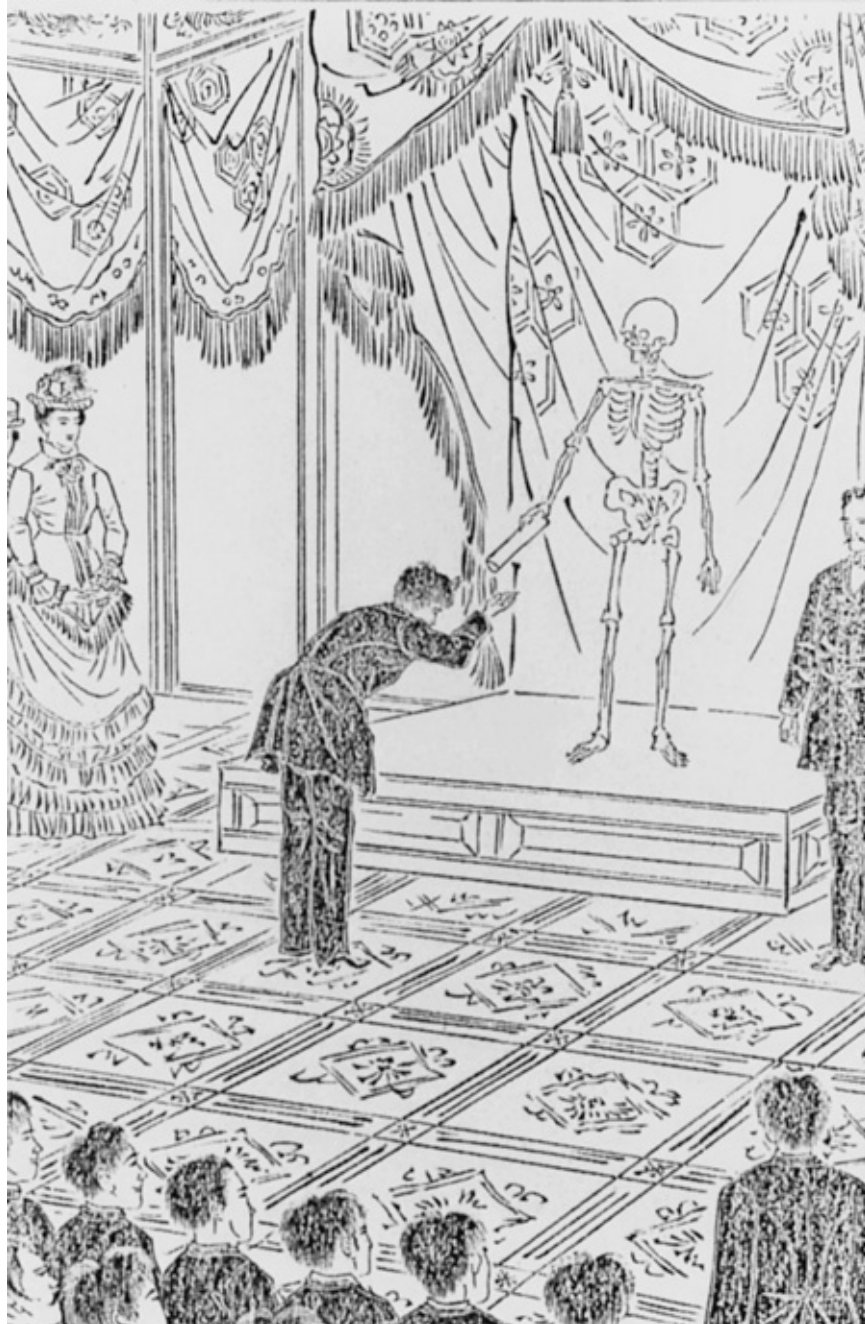
Одним из тех журналистов, кто нагнетал страсти вокруг Мори Аринори, был Куга. Куга не отрицал многих достижений Запада, но полагал, что достижения японского духа важнее. Он не призывал убить Мори и осудил убийство, но оказалось, что его прежние «разоблачения» министра были истолкованы самым «убийственным» образом.

Вряд ли стоит говорить, что «осквернение святыни» министром оказалось плодом большого воображения, что и доказало правительственное расследование. Однако Мори слыл «западником», раньше он увлекался христианством. Но теперь это переставало быть «модным». Для понимания царившей тогда атмосферы показательны, что самые невероятные слухи находили благодарных слушателей, для которых могила Нисино превратилась в место

паломничества. Некоторые газеты восхищались его мужеством. Несмотря на обещанную конституцией «свободу печати», их издание приостановили. Иностранцы удивлялись: они не могли поверить, что «безобидный» синтоизм может порождать религиозных фанатиков^[202]. Они не знали, сколько их появится в будущем.

По иронии судьбы, «осквернителя святынь» Мори похоронили согласно синтоистским ритуалам. Так власть давала понять, что не нашла в его жизни ничего такого, что противоречило бы заветам религии предков.

Терроризм процветал и на Западе, но в отличие от европейских стран, где в подготовке терактов обычно принимали участие целые группы и организации, японский терроризм того времени все больше становился делом одиночек, что крайне затрудняло заблаговременное выявление потенциальных преступников. Полицейских агентов было попросту некуда засылать.

Адати Гинко. Скелет, принимающий текст конституции

Зато с пересмешниками справиться было проще. Юморист Миятакэ Гайкоцу 28 февраля напечатал в своем журнале «Тонти кёкай дзасси» памфлет с издевательским текстом, пародировавшим некоторые статьи конституции, а Адати Гинко сопровождал текст рисунком, который изобразил императора в виде скелета. Их привлекли к суду за «оскорбление трона».

Миятакэ получил три года и восемь месяцев тюрьмы, а Адати – год. Японская конституция совершенно не предполагала разнообразия мнений. Накаэ Тёмин назвал людей, которые праздновали принятие конституции «одураченными безумцами», но их были миллионы, а число вменяемых исчислялось единицами. Даже его верный ученик Котоку Сюсуй пришел в восторг при известии об убийстве министра образования.

Практически одновременно с выходом журнала газета «Токё симбун» напечатала статью, в которой говорилось: для получения диплома православной школы от ее выпускников требуется попать ногами портрет японского императора. Нужно ли говорить, что это было ложью – отец Николай свято уважал местные политические установления и регулярно молился за здоровье Мэйдзи. Редакция принесла извинения, в тюрьму никого не посадили^[203].

Перспектива. В 1901 году, когда произошло совпадение дня рождения Мэйдзи и дня восшествия на престол Николая II (Россия продолжала пользоваться старым и неточным юлианским календарем, и в этом году разница между григорианским и юлианским календарями увеличилась еще на день), отец Николай предпочел не посещать русскую посольскую церковь – только для того, чтобы успеть отслужить молебен за японского императора. Посол А. И. Извольский одобрил его поступок^[204].

Конституция именовалась «императорской». Музей в Уэно, находившийся в ведении Министерства двора, в мае тоже стал называться императорским. Одновременно было принято решение основать императорские музеи в Нара и Киото. Все они принадлежали императорской семье. Основу экспозиции этих музеев составляли выдающиеся произведения японского искусства. Открыто прокламируемой целью императорских музеев было приближение к нынешним японцам накопленного предками эстетического богатства, внушение иностранцам уважения к японской культуре. Иными словами, задачей музеев была не столько консервация прошлого, сколько создание новых ценностей.

К этому времени правительство окончательно решило, что «искусство» Японии, которым так восхищались многие иностранцы, способно внести немалый вклад в формирование общенационального фонда памяти. В связи с этим многие принадлежности религиозного культа перевели в ранг «предметов искусства». Их выставляли в музеях, они преодолели рамки конфессий и школ, став общенациональным достоянием. Из местных святынь они становились предметами культа целой нации. При этом многие предметы вообще были впервые предложены для обозрения. Как явствует из описания Феноллы, обнаруженная им статуя Каннон из храма Хорюдзи, в полном соответствии с синтоистской установкой на сокрытие священного от взгляда, веками была скрыта от верующих. Теперь же многие буддийские святыни перевезли из храмов в музеи. Теперь они были открыты для обозрения круглый год. Потому что общенациональная идеология должна функционировать каждый день. И здесь уже первоначальные импульсы творцов этого «искусства» не имели никакого значения.

Поскольку синто с его упором на «невидимое» и «бесформенное» не мог предложить в этом отношении почти ничего визуально значимого, упор сделали на предметах буддийского «искусства». Так была решена задача по вписыванию буддизма в идеологию «японского». Организованные государством музеи стали значимыми центрами на карте японской нации.

18 октября очередной «патриот» по имени Курусима Цунэки совершил покушение на Окума Сигэнобу, занимавшего тогда пост министра иностранных дел. После того как Курусима на «российский» манер бросил бомбу в экипаж, он повернулся в сторону императорского дворца, уселся на землю и перерезал себе горло. И это было уже по-японски. Окума пришлось ампутировать часть правой ноги. Поначалу он распорядился заспиртовать ногу и отправить ее к

себе домой. Потом он подарил ее японскому Красному Кресту. Вероятно, он считал, что его нога представляет особую ценность для родины. Хотя бы и в научном отношении.

«Вина» Окума заключалась в том, что тот, в соответствии с линией Иноуэ Каору, чересчур рьяно продолжил его дело по пересмотру договоров, пытаясь ликвидировать консульские суды за счет введения в японский судейский корпус иностранных граждан. Прежние договоры считались «неравноправными», но теперь оказалось, что на самом деле они неравноправны для обеих сторон, и многие японцы стали рассматривать их сохранение как гарантию против «порабощения» страны иностранцами. Защищая право иноземцев владеть недвижимостью в Японии, Окума указывал, что японцы уже имеют право свободно перемещаться внутри европейских стран и покупать недвижимость за границей. Однако его рационалистические доводы разбивались о лозунг «патриотов»: не отдадим иностранцам ни пяди священной земли богов. Приводились и более практические аргументы. Так, Нисимура Сигэки утверждал, что полное открытие страны приведет к неконтролируемой скупке национального достояния; земли, которыми испокон веков владела императорская фамилия, перейдут к иностранцам, а сами японцы превратятся в их рабов.

Люди, подобные Окума, желали вхождения Японии в международное сообщество в качестве равноправного члена, однако они столкнулись с неприятными для них изменениями в настроениях общества: Япония – страна особая, а потому сама идея о равноправии ей должна быть чужда. Поборников равенства стали расценивать как предателей. Всего четыре года назад большинство японцев поддерживало идею свободного проживания иностранцев по всей Японии, теперь такие люди оказались в меньшинстве^[205].

Такое быстрое изменение общественных настроений возможно только в условиях развитых средств массовой информации. Журналисты и газетчики приобретали все большее влияние. Люди все меньше полагались на свой житейский опыт, они переставали жить своим умом. Почти никто из них ни одного иностранца своими глазами не видел. В правительственных кругах зашептались о том, что, может быть, имеет смысл издать императорский указ, который бы несколько охладил ксенофобский пыл общества. В то же самое время от внешних признаков европеизации избавиться было уже нельзя. «Патриот» Курусима вышел на свое террористическое дело в сюртуке. На его жертве тоже был европейский костюм.

Курусима был одним из руководителей ультранационалистической организации «Гэнъёся». Его поведение вызывало сочувствие: человек, совершивший самоубийство из «высоких» побуждений, пользовался уважением. Все больше людей признавали нормы самурайской морали за общепонскую ценность.

1890 год

23-й год правления Мэйдзи

В прошлом году было наконец-то закончено строительство железной дороги между восточной и западной столицами, и теперь путь от Токио до Киото занимал всего 20 часов. 28 марта Мэйдзи прибыл из Токио в Нагоя по этой ветке. С развитием железнодорожного транспорта надобность в паланкине отпала.

На сей раз целью императора было наблюдение за столь любимыми им военными маневрами. В них принимали участие два соединения – армия Запада и армия Востока. Армия Запада – это захватчики, Восток защищал родную землю. То есть символика была вполне прозрачной. Маневры продлились пять дней.

Тоёхара Тиканобу. Маневры армии и флота (1890 г.)

1 июля состоялись первые выборы в нижнюю палату японского парламента. Явка была исключительно высокой – 93,9 процента избирателей посчитали, что от их воли зависит будущее страны. Беда в том, что правом голоса обладало только 1,14 процента сорокамиллионного населения Японии. В празднованиях по случаю объявления конституции приняло участие намного больше людей. Впрочем, в Европе того времени правом голоса тоже обладали считанные проценты.

Женщины не голосовали. Право голоса имели мужчины старше 25 лет, проживавшие в данном округе не менее одного года и платившие прямые налоги (земельный и подоходный), размер которых составлял внушительную сумму – не меньше 15 иен в год. Жителей Хоккайдо и Окинавы до выборов не допустили (бюллетени для них изготовили только в 1902 и 1920 гг. соответственно). Этим условий оказалось достаточно, чтобы в списках избирателей оказалось всего 450 365 человек. Поскольку подоходный налог в таком размере платили очень немногие, большинство избирателей оказались помещиками, т. е. мелкими землевладельцами. В огромном Токио насчитывалось всего 7364 избирателя, а в крошечной Хиросиме – более 1300.

Японское общество было сельскохозяйственным. Из всех профессиональных занятий конфуцианская мысль всегда отдавала недвусмысленное предпочтение земледельцам с их

«простыми» и «неиспорченными» нравами. На социальной шкале токугавской Японии крестьяне следовали сразу за самураями, опережая ремесленников и купцов. «Новая Япония» во многом унаследовала такое понимание общества. Именно поэтому избирательный закон отдал предпочтение земледельцам. Они были беднее промышленников и банкиров, но они были «солью земли». Страна сделала ставку на индустриализацию, но постаралась уравновесить ее ценностями аграрного общества. Это создавало своеобразную и противоречивую культурную ситуацию.

Биго. Выборы (1890 г.)

Конкуренция на 300 мест нижней палаты была умеренно жесткой: на каждое место претендовало от трех до шести человек. Те выборы запомнились своей малобюджетностью и почти полным отсутствием случаев подкупа. В нижней палате большинство составили люди, настроенные оппозиционно по отношению к правительству. Они объединились в Конституционно-либеральную партию – наследницу Либеральной партии и Партии конституционных реформ. Две трети депутатов были простоллюдинами, одна треть – бывшими самураями. 45 процентов депутатов были моложе 40 лет, и только 17 – старше 50. Япония стремительно менялась, возраст политика уменьшался. Многие молодые парламентарии успели поучиться в школах новой Японии и уже только поэтому были лучше подготовлены к публичной деятельности западного типа. Непримируемый и горячий критик правительства Накаэ Тёмин прошел в нижнюю палату от избирательного округа Осака. Правда, уже в этом году он сложил с себя депутатские полномочия, обозвав парламент «сборищем лишенных крови насекомых». В числе избранных был и Одзаки Юкио, который три года назад с таким жаром говорил о том, что Япония принадлежит молодым. Ему было 32 года. Нижняя палата состояла из людей, которые были моложе министров. Моложе и радикальнее.

Перспектива. Одзаки Юкио стал абсолютным рекордсменом – он избирался в парламент 25 раз подряд и провел в его стенах 63 года. В момент окончания его карьеры в политическом мире Японии уже доминировали люди пожилые.

В верхней палате пэров оказалось 252 человека: члены императорской фамилии, обладатели наследственных титулов, крупные помещики (т. е. владельцы участков площадью больше 50 га), советники двора и высшие бюрократы, предприниматели и профессора Токийского университета. Члены палаты пэров ни в какие политические партии не входили. Несмотря на разницу во мнениях по некоторым вопросам, все они принадлежали к правительственной партии и являлись прочной опорой режима.

Многие публицисты расценили конституцию и парламент в качестве нового доказательства того, что Япония значительно приблизилась к европейским стандартам «цивилизованной страны». Однако Запад не желал этого признавать. Дом приемов Рокумэйкан построили в качестве орудия психологического давления на Запад, под впечатлением которого он был обязан пойти на пересмотр неравноправных договоров. Не вышло... И теперь Рокумэйкан стал не нужен. В этом году его продали по дешевке государственному банку.

Страна и армия становились сильнее, население росло, промышленность развивалась. Журнал Токутоми Сохо «Друг народа» находил, что теперь Япония уже опередила Испанию, но все еще находится позади Италии^[206]. Запад уже не представал в качестве нерасчлененного и несколько абстрактного единства. Стать сразу во главе всего каравана было невозможно, но перегонять одну страну за другой уже представлялось задачей посильной.

Дух соревновательности овладел японцами. Вслед за Гербертом Спенсером они стали считать, что «прогресс» обеспечивается сначала соревнованием между отдельными людьми, потом – между группами людей, а в настоящее время – между нациями. В этих условиях спортивные соревнования приобретали статус общественно значимых событий. Школьники соревновались в перетягивании каната и беге, студенты – в бейсболе, лаун-теннисе, пинг-понге и гребле. Тотализаторы принимали ставки на ипподромах. Японские виды единоборств в понятие «спорт» не входили. Философия японских единоборств заключается прежде всего в победе над собой. Задача же Японии состояла в том, чтобы составить конкуренцию Западу. Занятия европейской физкультурой и европейскими видами спорта были призваны сформировать у японцев тело, похожее на европейское. Тело, которое поможет Японии одержать победу в гонке за мировыми лидерами. Гонке на выживание.

В этом году наступил новый этап превращения Мэйдзи в общенациональный символ. Если раньше лицезрение портрета императора было уделом немногих избранных, то теперь их круг решительно расширился. Особенно следует отметить школы, где с октября этого года стали появляться портреты Мэйдзи и его супруги Харуко. Акт отправки портрета называли «гохацурэн» – «отправка государева поезда», а приемка его – «тякугё» («прибытие императора»). То есть портрет служил полноценной заменой самому Мэйдзи. Видя портрет императора, его подданные кричали «Банзай!», желая монарху долгого и благополучного правления. Встреча портрета сопровождалась исполнением государственного гимна. Портрету поклонялись, словно иконе. Еще в 1881 году отец Николай жаловался, что в доме одного православного японца «на иконе св. Апостола Иакова наклеен у него и портрет императора и императрицы»^[207]. Теперь портрету Мэйдзи совершали приношения – точно такие же, как синтоистским божествам и буддам в «настоящих» святилищах и храмах. Теперь по большим государственным праздникам (Новый год, 11 февраля – День интронизации Дзимму, День рождения Мэйдзи) ученики и преподаватели могли увидеть монарха, но и монарх «видел» их насквозь, не позволяя появления грешных антигосударственных поступков и мыслей.

Учитель разъясняет суть указа об образовании

С этого времени наличие портрета в государственных учреждениях стало восприниматься как поощрение, а отсутствие – как наказание. Распределение портрета по школам началось с самых лучших, «образцовых» учебных заведений. Тогда не столь благополучные школы стали закупать цветные гравюры с изображением Мэйдзи. Хотя эти гравюры и прошли цензуру, они несколько отличались от «канонических». Поэтому таким школам все-таки разрешили иметь официальный портрет императора, но копирование осуществлялось за счет самой школы.

Осенний месяц октябрь выдался для школ месяцем жарким. Помимо директивы почитать портреты супружеской четы Мэйдзи, они получили теперь «Манифест об образовании», обнародованный 30 октября. В нем предписывалось соблюдать «вечные» моральные ценности, завещанные предками и присущие только Японии, ценности, источником которых является правящий дом. Ученики должны были твердо усвоить моральные нормы конфуцианства: любить и почитать родителей, братьев и сестер, быть верными друзьями; супругам предлагалось жить в гармонии. Император приказывал хорошо учиться, быть скромным, уважать конституцию и соблюдать законы, а в случае необходимости отдать свою жизнь за Государство и тем самым способствовать процветанию императорского дома, вечного, как Небо и Земля. Получается, что конечный смысл процесса обучения сводился не столько к овладению знаниями, сколько к призыву (приказанию!) выполнить свою «почетную обязанность», то есть умереть за императорское дело. И потому на самом деле это был не манифест об «образовании», а указ о воспитании, манифест о верноподданничестве. Главными обязанностями каждого подданного

была преданность родителям и императору. В понятии «родина» именно им принадлежала главная роль.

Общая атмосфера была такова, что «мораль» воспринималась как чисто японская альтернатива первенству закона на Западе. Это первенство делало закон до определенной степени «аморальным»: ведь закон, утверждал Куга Кацунан, карает и устрашает, но не вознаграждает и не направляет. Мораль в его понимании не поддается «научной логике», она постигается «японцами с помощью эмоций»^[208].

Чувства и эмоции объявлялись высшей ценностью, которой обладают только японцы. Японская мораль, японская поэзия и проза, японское искусство и эстетика начинают вносить весомый вклад в формирование образа «истинного японца». На свет появляется сотканная из мистического тумана японская загадочная душа, понять которую европейец не в состоянии. Такое понимание было царством аксиом, прагматичным европейцам с их страстью к теоремам там места не находилось.

Такое противопоставление Японии и Запада, эмоционального и логического делало «Манифест об образовании» руководством для почвенников, патриотов и националистов, хотя предлагавшиеся принципы общественного поведения были сформулированы еще в Древнем Китае. Точно так же, как и положение о приоритете морали над законом: благодетельный император управляет вовсе не с помощью закона, а с помощью морального императива. Однако упоминание о Китае было бы «непатриотичным», имя Конфуция в тексте указа не упоминалось. К тому же к этому времени Фукудзава Юкити и его сторонники провели такую мощную кампанию по дискредитации конфуцианства как врага развития и прогресса, что идеологи рескрипта сочли за благо «позабыть» про Конфуция. И оказались правы: даже ярый противник конфуцианства Токутоми Сохо заявил, что «Путь», о котором твердил манифест, содержит нормы, которым якобы следовали японцы до прихода конфуцианства и буддизма, что было высказыванием, как минимум, некорректным. Потому что до прихода этих учений обитатели архипелага жили по преимуществу в полуземлянках, не знали грамоты и ни о какой «японской морали» еще не задумывались.

К этому времени определяется одна из основных линий, вдоль которой японцы станут держать оборону против «тлетворного» Запада. Соблюдение законов важно, но с глубокой древности японские власти делали главную ставку на контроль за человеком со стороны коллектива. Раньше это была семья, деревня, цех ремесленников. Теперь в качестве такого «коллектива» выступали все жители страны. Их поголовная приверженность одним и тем же ценностям делала их японцами. Помимо наставника императора Мотода Накадзанэ, в подготовке текста указа принял активное участие и Иноуэ Коваси, один из творцов конституции. Но и он разделял принцип примата морали над законом. Он даже вычеркнул из проекта «Манифеста» положение о необходимости соблюдать конституцию и законы, которое, правда, все-таки вошло в окончательный текст^[209].

Скрепленному печатью Мэйдзи коротенькому тексту указа (225 знаков на одной странице) полагалось поклоняться, как привыкли поклоняться японцы своим предкам. В добрых традициях императорских указов этот рескрипт был написан чрезвычайно трудным для понимания языком, что, однако, не избавляло от необходимости заучивания его наизусть. Но поклоняться указу было легко. На практике это выглядело так: ученики слушают текст, низко склонив голову. Или же каждый преподаватель и ученик подходят к тексту указа и почтительно кланяются ему – точно так же, как кланялись японцы перед синтоистскими и буддийскими святынями.

Так же почтительно поклонились Мэйдзи и члены парламента, когда 29 ноября он открыл первую сессию. Гости, расположившиеся на галерее, стали первыми людьми, которым было

позволено наблюдать за императором сверху. Мэйдзи зачел короткий указ, общий смысл которого сводился к тому, что достигнутый страной за последние годы прогресс обусловлен помощью предков императора. Не забыл он подчеркнуть и необходимость создания сильной армии и флота – «для поддержания мира внутри страны и за ее пределами». Обе палаты вручили Мэйдзи по заявлению, в которых пообещали свою верноподданническую помощь. Заседание проходило в только что построенном «временном» здании парламента. Члены верхней палаты подъезжали к парламенту в конных экипажах, большинство членов нижней палаты добиралось на рикшах. Но все они были подданными своего императора.

Нынешняя церемония открытия парламента, точно так же как и прошлогодняя церемония провозглашения конституции, была торжественной, но короткой. Все молчали, император зачел свой указ. В его присутствии говорить не полагалось. Самому монарху много говорить также не пристало, каждое его слово было на вес золота. Говоруны и краснобаи никогда не обладали в Японии высоким статусом. Говоруны – это актеры, едва ли не последние из последних на общественной лестнице. С образованием парламента к ним добавились публичные политики. Они говорили много, но их ораторские способности квалифицировались как «низкое искусство», они и правительство служили предметом яростных нападок со стороны газет и публики. Члены парламента нападали на правительство, главные посты в котором по-прежнему занимали выходцы из Сацума и Тёсю. Правительство огрызалось – оно воспринимало парламент как досадную помеху в своей работе государственной важности. Слова провоцировали новые слова, но для японцев символом верховной власти служило немногословие. Мэйдзи не произносил зажигательных речей перед толпами народа на площади и не вовлекался в партийные дразги в парламенте. Несмотря на то что он стал по сравнению с прошлыми временами фигурой более публичной, степень этой публичности оставалась строго дозированной. Он стоял над схваткой, традиционно пребывая большую часть времени «над облаками», и только изредка «спускался с небес».

Каких бы взглядов ни придерживались публичные политики и публицисты, все они сходились в одном: для того чтобы страну стали «уважать» на Западе, необходимо расширить территорию Японии. Глаза горели, территориальная экзальтация принимала почти что анекдотические формы. В журнале «Нихондзин» Сига писал: в годовщины восшествия Дзимму на трон (11 февраля) и его кончины (3 апреля) «мы должны церемониальным образом хотя бы ненадолго увеличивать территорию Японской империи. В каждый из этих дней наши военно-морские суда должны добираться до какого-нибудь ничейного острова, занимать его и ставить там японский национальный флаг. Если не обнаружится такого острова, можно ограничиться скалами и камнями. Кто-то скажет, что это детская игра. Это не так. Этот план будет не только полезен нашему флоту с практической точки зрения, ибо позволит ему приобрести опыт, этот план возбудит в деморализованном японском народе дух открытий».

История сложилась так, что японцы и правда имели совсем немного «пионерского» опыта. Члены «Сэйкёся» пытались на собственном примере приумножить его. Школьный друг Куга, Фукумото Нитинан (1857–1921), побывал в этом году на Филиппинах, строя планы по колонизации архипелага. В следующем году Миякэ Сэцурэй отправился в шестимесячное путешествие на юг. Он побывал на Гуаме, в Новой Британии, Австралии, Новой Каледонии, Новой Гвинее, на Филиппинах. Он искал хотя бы самый крошечный островок, у которого не было владельца – чтобы объявить его японским^[210]. Напрасно. Мир был поделен, открывать было больше нечего. Что оставалось?

Журнал «Японцы» только будоражил публику; практическими вопросами, связанными с экспансией, занималось то самое правительство, которое авторы журнала осуждали за слабость и нерешительность. За эти наскоки выпуск журнала несколько раз приостанавливали. Но по

большому счету критики правительства были неправы. На самом деле правительство упорно работало над той же самой задачей расширения территории Японии. И на самом деле оно было настроено намного более жестко, чем интеллигенты из «Сэйкёся». Правительство твердо знало, что Япония опоздала к разделу мира, неоткрытых земель уже не осталось. Поэтому в повестке дня стоял практический его передел. Интеллигенты одушевлялись далекими южными морями, правительство думало о близком материке.

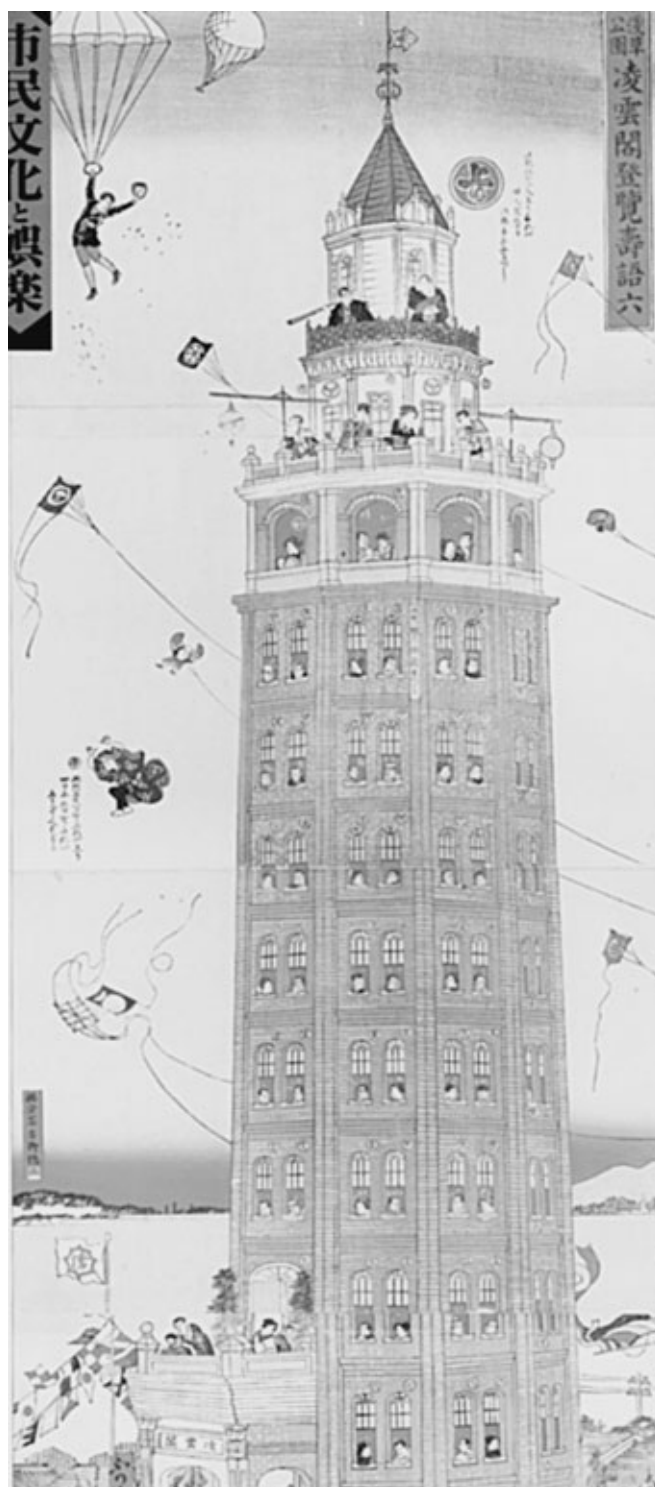
6 декабря премьер Ямагата Аритомо в своей программной речи в парламенте заявил, что для обеспечения независимости Япония должна заботиться об охране «линии суверенитета» (государственной границы) и о защите «линии национального интереса». Где проходит вторая линия, упомянуто не было, но все поняли, что речь идет о Корее. В связи с этим премьер просил понимания депутатов в деле формирования военного бюджета. В особенности настаивал он на усилении флота. Никто не возражал против такого подхода «в принципе», но конкретные цифры вызвали некоторые возражения.

Обсуждение бюджета оказалось едва ли не главным правом, дарованным нижней палате. Оппозиционеры из Конституционно-либеральной партии хлопотали о сокращении расходной части бюджета и о снижении земельного налога. Это вполне естественно, так как их избирателями были землевладельцы. Обсуждение бюджета в нижней палате заняло около четырех месяцев и закончилось компромиссом – правительство не хотело, чтобы первая же сессия императорского парламента закончилась императорским указом о его роспуске. Верхней палате для окончательного утверждения бюджета хватило и пяти дней. Бюджетные разногласия между правительством и нижней палатой будут продолжаться вплоть до японско-китайской войны. Правительство выступало под лозунгом «богатая страна и сильная армия», оппозиционеры настаивали на необходимости «наращивания народной силы».

Как и журнал «Нихондзин», правительство было озабочено созданием экспансионистской символики. В этом году был учрежден орден в честь завоевательного похода Дзимму против варваров. Им награждали только военных чинов. Орден культуры появится только в 1937 году. А пока Феноллоса получил свою третью награду – орден Священного Зеркала – и отбыл в Бостонский музей изящных искусств. Должности в императорском музее ему не нашлось. Он сыграл выдающуюся роль в «открытии» классического японского искусства, приспособив его к потребностям нынешнего дня станут уже сами японцы. Заслуги Феноллосы были тем более велики, что под его влиянием в сознании японцев произошел настоящий переворот. Если раньше образованные люди относились с почтением только к текстам, то теперь в их поле зрения попали и рукотворные объекты. С основанием императорских музеев искусствознание превращается в престижное, уважаемое и хорошо оплачиваемое занятие^[211].

К этому времени стало понятно, что для иностранцев возможности карьерного роста в Японии исчерпаны. Им больше не доверяли сколько-нибудь важных должностей. Бюрократическая Япония была фактически объявлена доступной только для японцев. К этому времени большинство иностранных преподавателей Токийского университета были уже уволены, а студенты владели иностранными языками все хуже и хуже.

Несмотря на «прогресс», иностранцы до сих пор не могли быть спокойны за свою жизнь. В мае этого года полиция предупредила отца Николая, что он может стать мишенью для террористов. Мотивом готовящегося преступления было то, что возводимый на холме на пожертвования из России Воскресенский собор находился выше дворца императора Мэйдзи. Его колокольня и вправду стала одним из самых высоких зданий во всей столице, а забравшийся на нее мог видеть императорский дворец с высоты птичьего полета. Однако большинство японцев воспринимало огромный храм по-другому: он служил для них неоспоримым доказательством того, что страна идет верным путем прогресса и вестернизации.

Утагава Кунисада. Башня Рёункаку

Башня Рёункаку

Воскресенский собор

Однако православный храм не стал самым высоким зданием Токио. В этом году в предназначенном для простонародья токийском парке культуры и отдыха Асакуса была возведена башня Рёункаку высотой в 60 метров. В ней насчитывалось двенадцать этажей – десять кирпичных и два деревянных. До восьмого этажа ходил первый в Японии лифт. На последнем этаже были установлены подзорные трубы. Каждый, кто заплатил немалую сумму в 8 сэн, мог забраться на самый верх и полюбоваться панорамой города.

Перспектива. И православный собор, и башня Рёункаку были разрушены во время ужасного землетрясения 1923 года. Собор восстановили, башня осталась в памяти благодаря рисункам, гравюрам и фотографиям. В настоящее время Воскресенский собор со всех сторон обступили огромные здания, принадлежащие коммерческим структурам. На их фоне собор выглядит инородным вкраплением. Этот пейзаж наглядно свидетельствует о победе «посюсторонности» японского характера, о которой с такой горечью неоднократно говорил отец Николай в своем дневнике.

Успехи японской промышленности были видны всякому, внутреннее производство вытесняло импорт. В этом году в продаже появились велосипеды, изготовленные в самой Японии. Они были дешевле импортных, но все еще оставались предметом роскоши. На вопрос, кого бы они хотели видеть своим будущим мужем, девушки отвечали: обладателя велосипеда и телефона.

1891 год

24-й год правления Мэйдзи

В начале года разразилась жестокая эпидемия гриппа. Сам Мэйдзи находился на постельном режиме 40 дней. Эпидемия унесла жизни людей из ближайшего окружения императора. 22 января скончался Мотода Накадзанэ, который за время двадцатилетней службы своими конфуцианскими убеждениями оказал на императора немалое влияние. 18 февраля умер другой сподвижник Мэйдзи – Сандзё Санэтоми. Он и Ивакура Томоми были, по существу, единственными киотосскими аристократами, внесшими серьезный вклад в строительство новой Японии – Японии Мэйдзи. Перед самой кончиной Сандзё император успел пожаловать ему верхнюю степень первого ранга.

В январе произошло немыслимое: на церемонии поклонения портрету Мэйдзи школьный учитель Утимура Кандзо (1863–1930) не склонил голову, бдительные ученики донесли на него. Никто не пытался его оправдать, никто не проявлял сочувствия. Тем более что он был христианином. В его понимании, поклона мог быть удостоен только правитель Небесный, но не земной. Но когда руководству школы удалось убедить Утимура, что поклон портрету – это не акт религиозного почитания, а просто «уважения», он сделал так, как ему велели. Утимура дал уговорить себя – обстановка была такова, что искушать судьбу лишний раз не хотел никто.

Казалось, что террористы «подзабыли» про существование иностранцев, оказывая предпочтение японским политикам. Однако события этого года показали: ксенофобия пустила слишком глубокие корни.

27 апреля в Нагасаки на фрегате «Память Азова» прибыл двадцатитрехлетний цесаревич Николай, который совершал длительное морское путешествие по восточным странам. Перед Японией он успел побывать в Греции, Египте, Индии, на Цейлоне, в Сингапуре, на Яве, в Сайгоне, Бангкоке и Китае.

Этому визиту придавалось в Японии совершенно особое значение. Несмотря на партнерские, казалось бы, отношения с Англией, японских августейших особ принимали там с некоторой прохладцей. Хотя Япония считала Россию своим главным соперником на Дальнем Востоке, японским принцам оказывали в России самый радушный прием. Теперь настало время отдать долг вежливости русскому цесаревичу.

Николай был старшим сыном Александра III, и ему предстояло стать русским царем. Визит цесаревича безусловно льстил самолюбию японцев – ведь члены царствующих европейских домов такого калибра никогда еще не посещали Японию. Обычно это были внуки, вторые или третьи сыновья действующих монархов. В то же самое время многие японцы явно боялись России. Николай отказался от прежней традиции царского дома – путешествия по родной стране, и напрямик отправился за границу. Причем не на Запад, а на Восток! Не было ли это знаком того, что экспансионистские амбиции России в Азии возрастут еще больше?

Предполагалось, что в Токио Николай остановится в европейском особняке принца Арисугава Тарухито, семь тысяч школьников должны были приветствовать его на столичных улицах. Он предполагал пробыть в Японии целый месяц. Серьезная японская печать, восприимчивая к сигналам, подаваемым правительством, стала готовиться к визиту цесаревича заранее. Предупреждая вопли русофобов, газеты говорили о дружбе с Россией и о том, что Россия на Дальнем Востоке так слаба, что при всем своем желании не в состоянии проводить экспансионистскую политику. Газета «Нити-нити симбун» утверждала: «В Европе Россию можно сравнить с рыкающим львом или разгневанным слоном, тогда как на Востоке она

подобна ручной овечке или спящей кошке. Те, которые думают, что Россия способна кусаться в Азии, как ядовитая змея, похожи на человека, боящегося тигровой шкуры потому только, что тигр – очень свирепое животное»^[212]. Газета выражалась витиевато, но за этим стоял детальнейший анализ плачевного состояния российской армии за Уральским хребтом. Эти сведения явно попали к автору публикации из самых компетентных источников.

В Нагасаки Николай повстречался с молодыми русскими морскими офицерами, корабли которых стояли в Инаса. Каждый из них успел обзавестись японской «женой». Под воздействием рассказов офицеров и только что прочитанного романа Пьера Лоти «Мадам Хризантема» Николай якобы также захотел обзавестись «временной женой», но наступившая Страстная неделя помешала исполнению желания молодого человека. Во время Страстной недели Николай выезжал в город инкогнито, никаких официальных встреч японцами не проводилось из уважения к православным обычаям. Но секретные агенты повсюду сопровождали цесаревича, и нам поминутно известны все его перемещения.

Цесаревич Николай в коляске рикши

Спустившись на берег, Николай катался на рикше, покупал сувениры и даже провел какое-то время у мастера татуировок. Японские мастера считались лучшими в мире – только они владели техникой цветной татуировки. Николай не был первым членом монарших семей Европы, кто захотел воспользоваться их услугами. В 1881 году английские принцы Альберт и Джордж уже сделали себе татуировки в Иокогаме. У японцев такая «неразборчивость» вызвала откровенное удивление – ведь в Японии с помощью татуировок раньше клеймили преступников, татуировались только представители низших классов.

Но прихоть августейших особ пришлось удовлетворить. На «Память Азова» явились два мастера. Один из них «работал» с Николаем, другой – с его двоюродным братом Георгом

Греческим, который сопровождал Николая во время путешествия. Правую руку Николая украсило изображение дракона – с черным телом, желтыми рожками, красным брюхом и зелеными лапами. Несмотря на секретность визита мастеров, сведения о том, что на руке наследника русского престола теперь красуется дракон, просочились в печать.

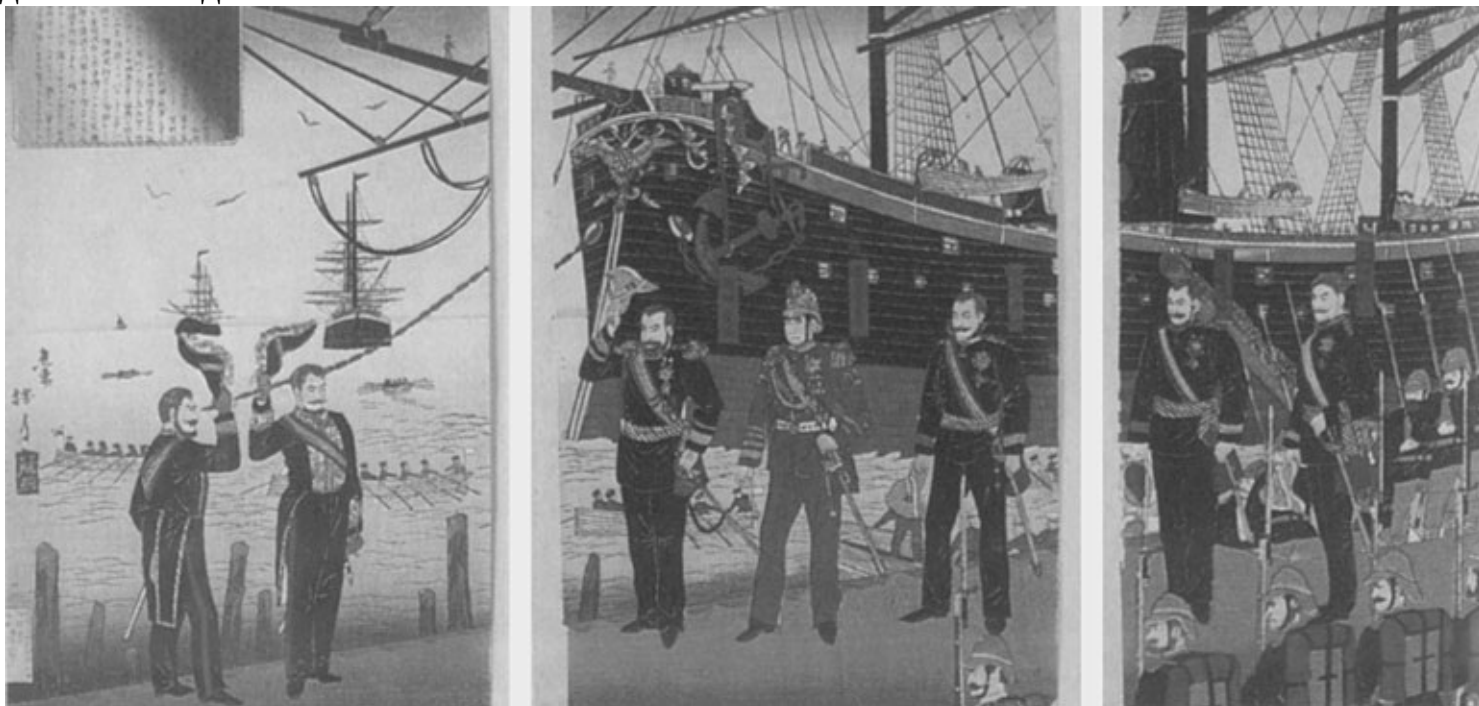
Татуировка

Посетил Николай и русское кладбище в Инаса, которое к его приезду привели в порядок. Причем он никак не мог дождаться, пока принесут ключи от ворот, а потому попросту перемахнул через забор, выполненный в виде цепей. После осмотра могил он преподнес свой портрет с подписью буддийскому монаху – хранителю кладбища^[213].

После празднования Пасхи, 4 мая цесаревич отправился в Нагасаки уже в качестве представителя русского царя. Николай осмотрел выставку керамики, посетил синтоистское святилище Сува, участвовал в застольях. Ночью официальная программа пребывания сменилась неофициальной. Вместе с Георгом они посетили ресторан «Волга», где его хозяйка предложила им развлечься с двумя девушками. Имена их известны, но историки до сих пор спорят, кому из августейших братьев принадлежала каждая из них. Братья вернулись на борт корабля в четыре часа утра.

Далее Николай отправился в Кагосима, бывшую столицу княжества Сацума. Несмотря на то что множество нынешних токийских реформаторов вышли именно оттуда, Кагосима до сих пор воспринималась как оплот консерваторов и никогда не значилась в программе пребывания иностранных гостей. Поэтому многие японцы сочли включение Кагосима в программу пребывания цесаревича несколько странным. Поползли слухи, что русские привезли с собой Сайго Такамори, который якобы чудесным образом спасся от преследования правительственных войск и нашел убежище на необъятных российских просторах. Два года назад власти

реабилитировали Сайго. Они полагали, что исключение Сайго из числа диссидентов поможет лишить его ауры страдальца и борца за справедливость. Однако и сейчас кто-то думал, что теперь-то Сайго наведет порядок в стране и защитит бедных, возглавит нападение на Корею и заставит западные державы пересмотреть неравноправные договоры. Кто-то надеялся на то, что банкноты, которые выпускал Сайго во время восстания, будут обменены на настоящие деньги. Однако большинство думало по-другому: ненавидя Японию, цесаревич доставил Сайго, чтобы тот развернул подрывную деятельность. Эти люди говорили: флотилия цесаревича огромна – она состоит из семи кораблей. Причем водоизмещение «Памяти Азова» составляет 6000 тонн, «Адмирала Нахимова» – 8524, «Владимира Мономаха» – 5593, а сопровождает их «крошечный» японский корабль «Яэяма» всего в 1609 тонн. Как бы чего не вышло, – беспокоились бдительные подданные Мэйдзи.

Цесаревич Николай (среднее изображение, в центре) и Сайго Такамори (справа от него) в Кагосима

Николая принимал Симадзу Тадаёси, бывший князь Сацума. Он был единственным из присутствовавших на церемонии провозглашения конституции, кто отказался в угоду веяниям времени постричься по-европейски. Тадаёси предложил цесаревичу развлечения в чисто самурайском духе. Николая приветствовали 170 пожилых самураев в полном боевом облачении. Они исполняли традиционные танцы, сам Тадаёси продемонстрировал искусство стрельбы из лука. К седлу всадника был привязан волочившийся по земле набитый соломой мешок. Мчавшийся вслед за ним Симадзу на полном скаку должен был поразить мешок стрелой. Это действие называлось «погоня за собакой».

Николаю очень понравился прием, оказанный в Кагосима. Будучи по натуре человеком весьма консервативным, он оценил «чистоту» японской культуры, которой якобы еще не успела коснуться европеизация.

Затем Николай прибыл морем в крупнейший торговый порт Кобэ, на долю которого приходилось в это время 30 процентов японского экспорта и 39 процентов импорта. В Кобэ цесаревич пересел на поезд и добрался до Киото. Город был увешан флагами России, Греции и Японии, на специально воздвигнутой к приезду Николая триумфальной арке красовалась надпись на русском языке «Добро пожаловать!». В Киото цесаревичу предложили развлечения «в японском вкусе»: он посетил дворец Госё, буддийские храмы Хигаси-Хонгандзи и Ниси-

Хонгандзи, наблюдал древнюю игру кэмари (разновидность футбола), стрельбу из лука. Николай купил произведения искусства на сумму, превышающую 10 000 иен, и пожертвовал в Ниси-Хонгандзи 200 иен для помощи бедным. Жалование охранявших Николая полицейских составляло 8—10 иен в месяц.

11 мая Николай, Георг и принц Арисугава уселись в только что присланные из Токио новехонькие коляски усовершенствованной конструкции. Обычную коляску рикши вез возница, которому помогал один толкач. На сей раз из уважения к статусу пассажиров вознице помогали два толкача. Но даже высочайший статус ездовых не мог обеспечить им конного экипажа: узенькие улочки не способствовали развитию гужевого транспорта.

В сопровождении свиты принцы трех стран отправились в город Оцу на берегу озера Бива, самого большого в Японии. Еще в VII веке в Оцу непродолжительное время находилась резиденция государя Тэнти, город представлял собой крупнейший торговый центр – там находилась рисовая биржа. Окрестности славились своими непревзойденными видами.

В Оцу, так же как и в Киото, организованные японцы приветствовали цесаревича и махали флажками. Насладившись видами живописного озера, Николай отправился в обратный путь. Длинная процессия рикш растянулась на пару сотен метров, Николай находился в пятой коляске, Георгий – в шестой, Арисугава – в седьмой. Узкую дорогу охраняло множество полицейских. Охрана августейших особ была в Японии делом особенно трудным – ведь этикет запрещал поворачиваться к ним спиной, так что полицейские не имели возможности наблюдать за толпой. К тому же они должны были следить за тем, чтобы никто не наблюдал за процессией со второго этажа, чтобы при появлении кортежа все сняли головные уборы и закрыли зонты. Подданным Мэйдзи в присутствии российского престолонаследника также запрещалось обвязывать голову и шею полотенцем, надевать короткие одежды, не закрывающие обнаженных ног. Все это считалось неприличным. Ширина запруженной людьми улицы составляла четыре с половиной метра. Полицейские стояли друг от друга на расстоянии 18 метров.

И тут один из полицейских бросился к Николаю и нанес удар саблей. Клинок скользнул по полям серого котелка и задел лоб. Шляпа упала с головы, один из толкачей выскочил из-за коляски и успел пихнуть нападавшего, но тот все равно сумел нанести второй удар саблей, который, однако, тоже получился скользящим. Николай записал в своем дневнике, что он выпрыгнул из коляски и побежал, но никто не пытался задержать преступника, который бросился следом. И только через какое-то время Георгу удалось бамбуковой тростью сбить с ног нападавшего.

Николай был, естественно, чрезвычайно взволнован, чем и вызваны неточности в его описании. На самом деле из показаний многочисленных свидетелей выясняется, что, хотя Георг действительно оказался первым, кто попытался задержать преступника, и ударил того по затылку купленной в этот день тростью, ему не удалось повалить нападавшего. Однако преступник все-таки замешкался, и этого было достаточно, чтобы рикша Николая успел броситься на полицейского. Сабля выпала у того из рук, и тогда рикша Георга подхватил саблю и ударил ею по спине неудавшегося убийцы.

Перспектива. Кусок материи со следами крови цесаревича использовался в постсоветское время при генетической идентификации останков членов царской семьи, расстрелянных большевиками в 1918 году в Екатеринбурге.

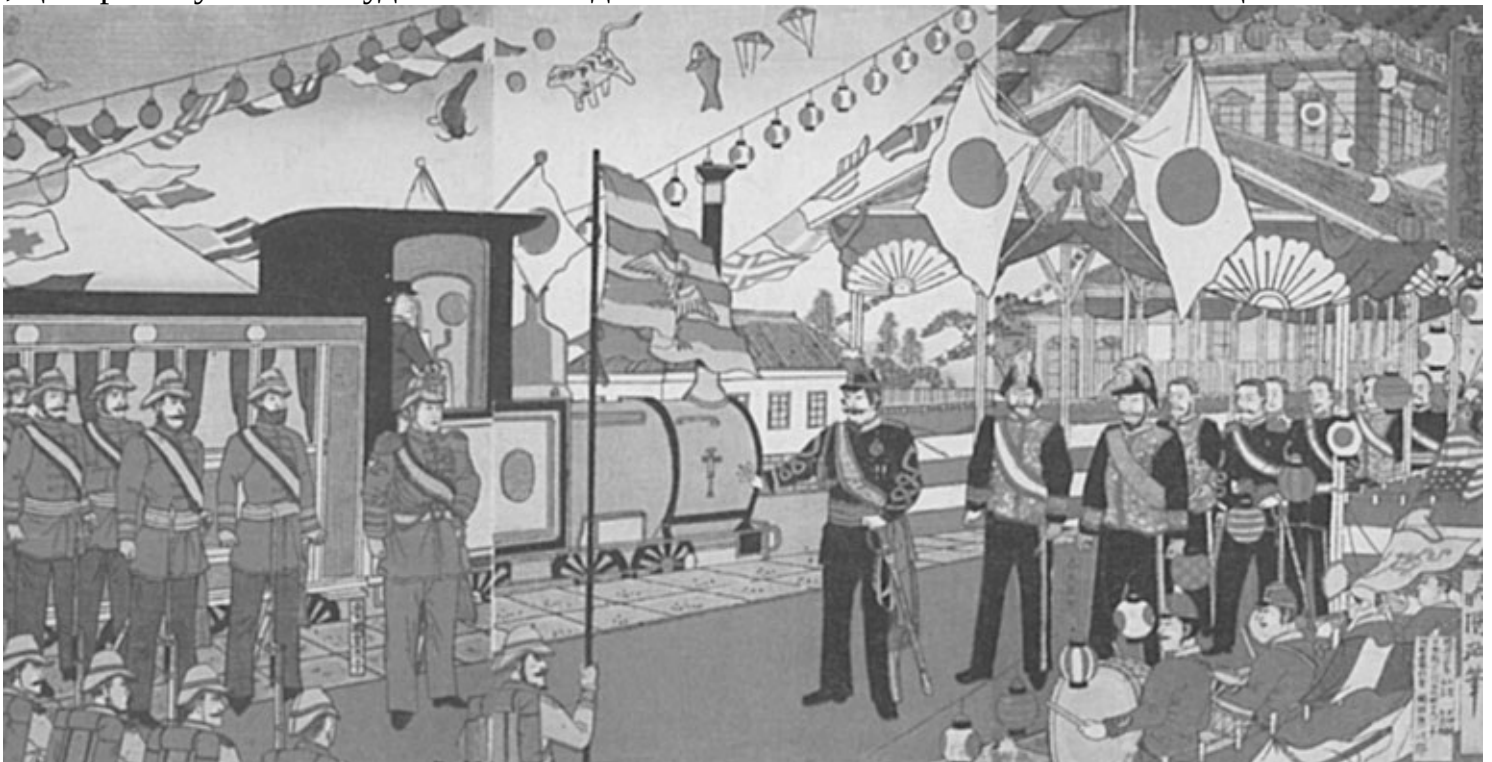
В японском правительстве поднялась страшная паника. Тем более что в первой телеграмме, посланной через 20 минут после покушения принцем Арисугава, говорилось, что раны, нанесенные цесаревичу, ужасны. Многие члены правительства опасались: покушение приведет к

войне. Наученные печальным опытом более ранних инцидентов, когда Франция или, в особенности, Англия в случае нападения на своих подданных, немедленно пересчитывали нанесенный здоровью вред в звонкую монету, японцы опасались, что разгневанная Россия потребует огромных выплат и даже территориальных уступок. Мэйдзи отправил в Киото врачей и сам выехал туда на следующий день. Это было единственное в жизни путешествие Мэйдзи, которое не было запланировано заранее.

Железные дороги того времени были однокольными, спецпоезд Мэйдзи спутал все расписание. Выехав в семь утра, Мэйдзи прибыл в Киото в девять вечера. Его поезд покрыл расстояние в 500 километров быстрее обычного поезда на три часа. На следующий день Мэйдзи навестил цесаревича в гостинице. На Николае был белый фланелевый халат.

Большинство членов правительства тоже примчалось в Киото. По концентрации высшего чиновничества на несколько дней город снова стал напоминать «настоящую» столицу. Мэйдзи попросил направиться в Киото для улаживания конфликта и отца Николая, пользовавшегося большим уважением среди японцев. Именно его стараниями в Токио к этому времени уже был воздвигнут гигантский Воскресенский собор, освященный в начале марта. Посещение собора значилось в программе пребывания цесаревича в Токио. В соборе хранился образ Спасителя, которым митрополит московский Филарет благословил адмирала Путятина, когда в 1853 году тот отправлялся заключать торговый договор с сёгунской Японией^[214].

Отец Николай отправился к цесаревичу Николаю в Киото и был вознагражден – цесаревич пожертвовал миссии огромную сумму в 10 тысяч рублей и богачейшее архиерейское облачение лично ему^[215]. К этому времени в продаже уже появились цветные гравюры, «запечатлевшие» исторический момент встречи на Токийском вокзале императора Мэйдзи и цесаревича Николая. Увы, цесаревичу так и не удалось никогда в жизни побывать в японской столице.

Кунимаса V. Прибытие цесаревича Николая в Токио

Врачей, состоявших на службе у Мэйдзи, к Николаю не допустили. В гостинице все ходили на цыпочках, ради покоя цесаревича экипажи и рикши к подъезду не допускались. Постояльцы и гости высаживались еще на подступах к гостинице, экипажи и коляски доставляли на гостиничную стоянку на руках. В публичных домах в течение пяти дней запретили играть на музыкальных инструментах и принимать клиентов.

Раны Николая оказались не слишком серьезными. Однако программа визита была скомкана; несмотря на настойчивые уговоры Мэйдзи, цесаревич по приказу родителей отказался от дальнейшего пребывания в стране. В российском МИДе считали, что Николаю следует все-таки посетить императорский дворец в Токио^[216], но цесаревич предпочел больше не ступить на японскую землю и провел несколько дней на своем фрегате. Уже после того, как он погрузился на борт корабля, он попросил разрешения забрать с собой на память циновки, устилавшие его гостиничный номер. Номер был большим, циновок там насчитывалось 37 штук. Стандартный размер циновки – чуть более трех квадратных метров. После того как циновки доставили на «Память Азова», след их теряется.

Мэйдзи посетил Николая и на корабле. Некоторые члены японского правительства опасались, что русские выкрадут их императора, но Мэйдзи настоял на своем, сказав: русские – не варвары, и на такой поступок они не способны. Во время обеда Мэйдзи много смеялся, император и цесаревич угостили друг друга папиросами. В отличие от заядлого курильщика Николая, Мэйдзи не курил, но то была особая папироса, «папироса мира». Утешая Мэйдзи, Николай сказал, что раны – пустячные, а сумасшедшие есть везде. Никаких требований о денежной компенсации выдвинуто не было.

Поразительно: в России узнали о ранении цесаревича не из донесения российского посланника Шевича, а из перехваченных на петербургском телеграфе телеграмм нидерландского посланника Биландта, который одновременно представлял еще и шведский и датский дворы. Замечательно, что после прочтения телеграмм российский МИД приказал начальнику телеграфа задержать их в Петербурге^[217]. Впрочем, перехват телеграмм был вполне «нормальной» практикой того времени. Так, японцы контролировали телеграфную связь с Кореей^[218].

Полицейского, покушавшегося на цесаревича, звали Цуда Сандзо. Он родился в 1855 году в самурайской семье, его предки служили князьям Ига в качестве врачей. В 1872 году его призвали в армию, он участвовал в подавлении мятежа Сайго Такамори. С 1882 года Цуда служил в полиции. Во время стремительно проведенного следствия Цуда Сандзо показал следующее.

Он стоял на своем посту на холме Миюкияма возле выполненного в виде орудийной установки памятника воинам, погибшим во время восстания 1877 года. И тут он подумал, что тогда он был героем, а теперь он – самый обыкновенный полицейский. Кроме того, он опасался, что Николай действительно привез с собой Сайго Такамори, который, несомненно, лишит Цуда его боевых наград. Он также считал, что цесаревичу приличествовало бы начать свой визит с посещения императора в Токио. Ему показалось, что знатные путешественники не оказывают никакого почтения памятнику жертвам гражданской войны, а внимательно изучают окрестности. Поэтому он посчитал их за несомненных шпионов – многие газеты опасались, что задачей цесаревича является обнаружение уязвимых мест в обороне Великой Японской империи. Цуда хотелось убить цесаревича прямо сейчас, но он не знал, кто из двоих Николай. Потом его поставили охранять улицу, по которой высокие гости должны были возвращаться в Киото. Сандзо понял, что рискует потерять свой последний шанс, и бросился на цесаревича.

У Цуда Сандзо, как это видно из его показаний, были серьезные проблемы с психикой. От болезней в любой стране не застрахован никто. Однако формы помешательства Цуда следует признать культурно и политически обусловленными. Бывший самурай решал свои внутренние проблемы, канализируя свой комплекс в сторону иностранцев – то есть поступил в соответствии с тем, чему его учили в детстве, когда лозунг «изгнания иностранцев» пользовался особенно большой популярностью. А теперь милитаристско-националистические настроения набирали силу, почвенники торжествовали одну победу за другой.

Следует, однако, сказать, что, в отличие от первых случаев нападения на иностранцев в Японии, на сей раз людей, сочувствующих Цуда Сандзо, почти не обнаружилось. На родине

полицейского, в деревне Канаяма префектуры Ямагата, сход запретил называть детей именем преступника, родственники Цуда превратились в изгоев. Раздавались призывы переименовать город Оцу, ибо теперь прежнее название было «опозорено». Специально учрежденная комиссия, в задачу которой входило получение соболезнований, насчитала около 24 тысяч писем и телеграмм. Николай получил множество подарков. Не выдержав «национального позора» и горюя о том, что Николай отказался от посещения Токио, 27-летняя Хатакэяма Юко заколола себя кинжалом перед зданием мэрии Киото. Чтобы ее посмертная поза не выглядела неприличной, она не забыла перевязать лодыжки полотенцем.

Ксенофобские настроения были в то время распространены в Японии еще достаточно широко. Но российский цесаревич прибыл в Японию по личному приглашению Мэйдзи, а это меняло дело.

18 мая цесаревичу исполнилось 23 года, на «Память Азова» прибыли с поздравлениями министр иностранных дел Аоки и принц Китасиракава. От имени Мэйдзи они преподнесли Николаю роскошный ковер в 150 квадратных метров. А уже 25 мая Цуда Сандзо на закрытом судебном процессе приговорили к пожизненному заключению, которое он был должен отбывать на Хоккайдо, который тогда нередко именовали «японской Сибирью». Он скончался подозрительно быстро – 30 сентября этого же года. По официальной версии – от воспаления легких; согласно другой – он уморил себя голодом. Следует попутно заметить, что кормили его намного лучше, чем других заключенных. Так, в его меню входил такой деликатес, как куриные яйца. На питание обычного заключенного выделялась сумма в 1 сэн (одна сотая иены) в день, а яйцо стоило целых три! Таким же малодоступным было и молоко, стакан которого тоже стоил три сэна.

Губернатора префектуры Сига (город Оцу относился в этой префектуре), только что назначенного на эту должность, уволили как не справившегося с обязанностями по приему высокого иностранного гостя. Подали в отставку министры иностранных и внутренних дел. На пост министра иностранных дел пришлось назначить Эномото Такэаки, известного своей «мягкостью» по отношению к России.

Перспектива. Двум рикшам, спасшим жизнь престолонаследника, Россия назначила огромную пожизненную пенсию размером в тысячу иен, что равнялось годовой зарплате члена парламента. Оба получили по два ордена – ордену Павлонии от Японии и Святой Анны – от России. Один из рикш спился и закончил жизнь старьевщиком в 1928 году. Другой разбогател, но во время русско-японской войны односельчане стали считать его предателем национальных интересов. Он умер намного раньше своего товарища – в 1914 году. Трость, с помощью которой Георгий Греческий остановил преступника, была через год затребована в Петербург, где ее украсили камнями и отправили обратно в Афины. Воскресенский собор продолжал успешно функционировать, даже лишившись мощной «информационной поддержки» в лице цесаревича. А. Майков и А. Апухтин написали по не самому лучшему своему стихотворению. В стихотворении Апухтина говорилось:

Ночь опустилась. Все тихо: ни криков, ни шума.
Дремлет Царевич, гнетет Его горькая дума:
«Боже, за что посылаешь мне эти страданья?
В путь я пустился с горячею жаждою знания:
Новые страны увидеть и нравы чужие.
О, неужели в поля не вернусь я родные?
Ты мои помыслы видишь, о праведный Боже!
Зла никому я не сделал. За что же, за что же?

Цесаревич Николай быстро оправился от ран, но император Николай II всю жизнь страдал от головных болей. Точно так же всю свою оставшуюся жизнь 11 мая (29 апреля по старому стилю) он заказывал молебны «во здравие». Покушение, безусловно, произвело на Николая сильное впечатление – ведь он воспитывался в атмосфере бесконечных разговоров о многочисленных покушениях на жизнь своего деда – Александра II. Теперь же выяснилось, что члены царской семьи не могут себя спокойно чувствовать не только на родине, но и в далекой Японии. Тем не менее цесаревич прошел через арку, сооруженную в честь его прибытия во Владивосток, начало строительства Транссибирской магистрали было успешно освящено, в честь путешествия Николая по Востоку фирме Фаберже заказали очередное пасхальное яйцо, в которое была помещена модель фрегата «Память Азова».

Покушение Цуда Сандзо не могло не сказаться на общем отношении Николая к японцам, хотя во время нахождения в Японии он неоднократно уверял, что этого не произойдет. Сразу после покушения Николай в своем дневнике записал: «Все японское мне так же нравится теперь, как и раньше 29 апреля, и я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика их»^[219]. Тем не менее, по свидетельству Витте, Николай неоднократно называл японцев «макаками»...

Россия не стала нападать на Японию из желания отомстить. Однако через 13 лет

Япония напала на Россию. Человеческая трагедия, развернувшаяся в Оцу, так и не смогла смягчить нравы ни правителей, ни их окружения.

В этом году между правительством, которое возглавил Мацуката Масаёси, и парламентской оппозицией вновь вспыхнула бюджетная полемика. Военно-морской министр Ямасукэ Нори произнес жаркую речь, в которой он утверждал, что оппозиционеры пытаются лишить его всех средств, необходимых на строительство боевых кораблей. Оппозиция нападала на правительство, но на самого императора критика не распространялась. Тем не менее Мэйдзи распустил нижнюю палату.

1892 год

25-й год правления Мэйдзи

В феврале состоялись новые выборы в нижнюю палату. Правительство было раздражено неговорчивостью парламента и на сей раз постаралось сделать все, чтобы его сторонники победили. В ходе предвыборной кампании в столкновениях с полицией погибли 83 человека, были ранены 388. Несмотря на многочисленные случаи насилия и прямого вмешательства правительства, несмотря на подкупы, оппозиция праздновала победу. Разрыв в голосах с проправительственной фракцией сохранился, утвердить бюджет так и не удалось. Поэтому в силу вступил бюджет прошлого года. Военные ассигнования вышли куцыми, зато было утверждено финансирование множества железных дорог. Правительство имело в виду их важность с военной точки зрения, оппозиция – удобство передвижения для своих избирателей. Точки соприкосновения были нащупаны.

В июне вышел новый двухтомный школьный учебник по истории. Он назывался «Тэйкоку сёси» – «Краткая история империи». Он начинался такими словами: «В мире есть много стран, но Япония – самая лучшая. Климат здесь не слишком жаркий и не слишком холодный, почвы – плодородные и рожают много чая, риса и тутового дерева. С древних времен наш народ высоко ценил почтительность, отличался глубоким верноподданничеством и никогда не был унижен другими странами. С самого начала истории и до дня нынешнего наша императорская династия не прерывалась и постоянно процветала. Нигде больше нет такой прекрасной страны, как наша. Нам повезло, что мы родились в этой стране. Будучи осчастливлен тем, что родился здесь, ты должен хорошенько выучить события, произошедшие в этой стране».

За исключением утверждения, что в Японии выращивается много чая, риса и шелковицы, ни одно из утверждений учебника либо не соответствует действительности, либо требует существенных оговорок. Однако к произведениям такого рода вряд ли применимо требование истинности. Речь шла о воспитании веры. А веру невозможно обосновать с помощью рационалистических доводов, она апеллирует к чувству, а не к факту. Изучение истории становилось частью курса по моральному воспитанию. Воспитанию подданных, готовых в любую минуту пожертвовать жизнью за своего императора и его предков. Имена всех императоров Японии – от первого до последнего – полагалось, словно таблицу умножения, отвечать без запинки.

Многие из высказанных в учебнике положений были «проговорены» ранее авторами журнала «Нихондзин». Журнал пользовался определенной репутацией среди определенных кругов, но журнал есть журнал, его статьи не обязательно принимать на веру. Перекочивая на страницы учебника, идеи и предположения авторов журнала приобрели характер истины в конечной инстанции. Ученикам, усвоившим эти истины, предстояло воевать с Россией. И это будет уже та история, которую формировали нынешние учебники.

Подавляющее большинство японцев того времени никогда, естественно, не выезжало за пределы своей страны. А потому им не оставалось ничего другого, как принять на веру утверждение о том, что климат и почвы Японии – лучшие в мире. Именно в это время в обществе распространяется абсурдное убеждение, что поэзия получила в Японии такое развитие, поскольку в ней, в отличие от других стран, превосходно выявлены четыре времени года. В структуре японского национализма «экологическая» составляющая занимала выдающееся место. Первопричиной этого было то, что природа находилась «в ведении» синтоистских божеств.

Неудивительно, что при таком подходе огромная роль в школьном обучении принадлежала географии. Вслед за немецкой географической школой (Ф. Рацель, А. Хеттнер) в Японии широчайшее распространение получила идея, что географические условия определяют исторический процесс. Этот постулат пришелся «ко двору». Ведь тогда получалось, что если «хороша» география страны (умеренный климат и плодородная земля, красивейшие горы и реки), то и ее история просто обязана быть превосходной. Какой бы предмет ни изучали школьники, конечные выводы оказывались одними и теми же. Курс по любому предмету кончался выводом, что Япония – лучшая страна в мире. Священный долг ученика – стать достойным этой земли, императора и населявших ее выдающихся личностей – воинов, художников, писателей и мыслителей. При изучении разных стран и народов неустанно подчеркивалось не то, что объединяет их с Японией, а то, что различает.

Естественно, что такую замечательную страну следует надежно охранять. На телесном уровне эта идея реализовывалась на уроках физкультуры и военной подготовки. В педагогических училищах военной подготовке уделялось шесть часов в неделю, студенты одевались в военную униформу. Будущие учителя рассматривались в качестве будущих офицеров – командиров детворы.

Разномыслие преследовалось, отклонение от генеральной линии грозило гонениями. В конце прошлого года Кумэ Кунитакэ, который прославился своим подробнейшим описанием миссии Ивакура на Запад, опубликовал серьезную научную статью, в которой он сравнивал синто с другими «примитивными» религиями Востока. Он прослеживал истоки придворных ритуалов и происхождение императорских регалий. В этом году его обвинили в «неуважении к императору» и уволили из Токийского императорского университета. «Люди, подобные Кумэ, заботятся о своей репутации как ученых, но они зачастую забывают о своих обязанностях подданных», – писал Куга Кацунан. Критик совершенно не собирался разбирать труд Кумэ с точки зрения соответствия его выкладок действительности, он открыто признавал, что «родину» интересует вовсе не истина, а более высокие соображения. Прежде всего, единство нации и незыблемое положение императора как ее главного символа. Подозрительность по отношению к христианам вновь усилилась, поскольку Христос проповедовал любовь всеобщую, а не почтение к своим родителям. Широкий поток антихристианских сочинений захлестнул Японию. Христианство делали ответственным за республиканские настроения и индивидуализм, за социализм и колониализм. Синтоисты и конфуцианцы, государственники и буддисты позабыли про внутренние раздоры и слились в согласном антихристианском хоре. Дело было, конечно, не только в самом христианстве. Христианство стало именем нарицательным для всего неприятно-иностранный, что вредило японской нации^[220].

1893 год

26-й год правления Мэйдзи

28 января в городе Саката префектуры Ямагата местное высшее общество решило потешить свою душу. На втором этаже ресторана «Сомая» собрались богатеи, члены префектурального и городского собраний. Они вообразили, что находятся во дворце императора, и переоделись соответствующим образом. Помимо самого «Мэйдзи», там были и императрица, и министры, и придворные дамы. Женские роли исполняли гейши. И это при том, что выводить действующего императора в театральных постановках строго запрещалось.

Свое шутовство участники «дворцового пира» договорились держать в секрете, но местные газетчики все-таки прознали про него и подняли шум. Полиция тоже проявила бдительность и немедленно арестовала великовозрастных шутников. В соответствии с принятым в прошлом году уголовным кодексом их пытались обвинить по статье «оскорбление августейших особ», но дело до суда доведено все-таки не было. Тем не менее всем стало понятно: с этой властью шутить лучше не стоит. Даже если ты не принимаешь ее всерьез. А такие люди еще находились. Но император в стране был только один. Его несанкционированное клонирование строжайше запрещалось.

29 июня в Токио вернулся Фукусима Ясуока, который более года совершал одиночный конный пробег по маршруту Берлин – Москва – Семипалатинск – Улясутай – Урга – Иркутск – Владивосток – Пекин – Шанхай. Фукусима был офицером разведки, до своего путешествия он служил в японской миссии в Берлине. Жители Токио встретили его как выдающегося путешественника – за время странствий ему действительно пришлось много претерпеть, он стал первым японцем, который отважился на столь длительное и опасное путешествие. Его начальники тоже остались довольны его докладами. Главный вывод был таков: Россия за Уральским хребтом – это вовсе не та Россия, которую невозможно одолеть.

В самом конце года министр иностранных дел Муцу Мунэмицу произнес энергичную речь перед членами нижней палаты парламента. В ней, в частности, говорилось: «Господа! Давайте сравним Японскую империю начального года Мэйдзи и Японскую империю сегодняшнего дня. Даже трудно себе представить, какой был совершен огромный шаг вперед, какие богатейшие плоды принесла цивилизация. Начнем с экономики. В первый год Мэйдзи объем внутренней и внешней торговли не достигал даже 30 миллионов иен, а в 25 году Мэйдзи он достиг уровня почти в 160 миллионов иен. Проложено около 3000 ри (12 тысяч км. – А. М.) железных дорог и около 10 000 ри телеграфных линий. Моря внутренние и внешние бороздят несколько сотен торговых кораблей европейского типа. Теперь о вооружениях. У нас имеется кадровая армия в составе 150 тысяч человек, подготовка офицеров, солдат и оснащенность вооружениями которой почти не отличается от сильнейших западных держав. Построено почти 40 военных судов, и мы намереваемся увеличить их число в соответствии с возможностями страны. Хочу спросить вас: имеется ли в Азии такая страна, которая достигла такого прогресса, основываясь на конституционных основаниях, дающих возможность мне, министру, обсуждать с вами важнейшие проблемы, стоящие перед страной? Все западные народы и правительства восхищаются достигнутым нами за двадцать с небольшим лет прогрессом, заставляя говорить о том, что он не знает примеров в мире»^[221].

Речь министра иностранных дел была исполнена вполне законной гордости за свершения в деле создания «богатой страны и сильной армии». Однако сделанный им акцент на беспрецедентности японского опыта свидетельствует о том, что у японской политической элиты

потихоньку начинала кружиться голова. Это головокружение оказалось заразным. Если раньше японцы испытывали комплекс неполноценности по поводу того, что они ростом ниже европейцев, то теперь оппозиционному правительству член нижней палаты парламента Одзаки Юкио на полном серьезе утверждал: зато голова у японцев больше. Доказательства? Европейские шляпы якобы не нелезут на головы японцев^[222]. Мысль правительства и оппозиционеров двигалась в одном и том же направлении. До войны с Китаем оставалось меньше года.

Этикетки от упаковок шелка-сырца

Министр иностранных дел, как это и положено представителю исполнительной власти, говорил об успехах. Отрицать их невозможно. Министр был уверен в том, что – ввиду невиданного прогресса Японии – неравноправные договоры в скором времени будут непременно пересмотрены. Но нижняя палата настаивала на том, что пускай лучше все останется так, как

есть. Компромисса не получалось. Мэйдзи, как всегда, в дискуссиях не участвовал, но все равно ему пришлось вновь распустить нижнюю палату. Ропуск парламента и перманентные выборы начинали превращаться в традицию.

В этом году казенную шелкомотальную фабрику в Томиока продали фирме «Мицуи». Фабрика уже выполнила свое историческое предназначение – быть образцом для подражания. Теперь таких современных фабрик было построено уже немало. 70 процентов их продукции шло на экспорт. Главным образом в Америку, Францию и Англию. Валюту приносил и зеленый чай, но его доля в экспорте становилась меньше. В Америке, которая была его главным покупателем, пили все больше кофе и какао. Черный же чай японцы делали неважно. К этому времени Япония становится одним из ведущих производителей меди. По экспорту этого металла она стояла на четвертом месте в мире – вслед за Америкой, Чили и Германией.

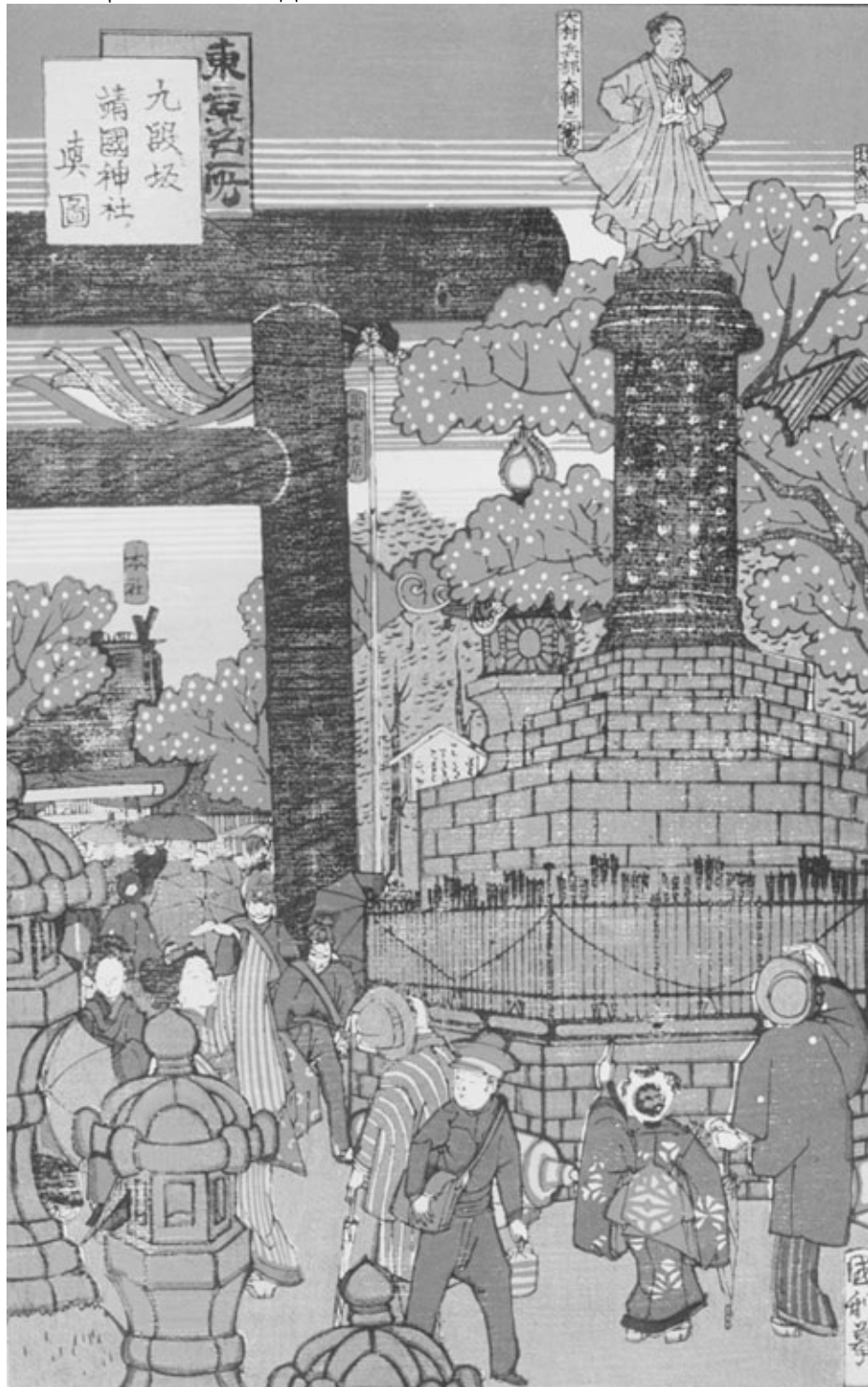
Экономические и армейские успехи Японии могли быть достигнуты только при одном условии: серьезнейшем ограничении жизненного уровня населения. Ограничения коснулись практически всех: в этом году было решено в течение 6 лет вычитать из жалования всех государственных служащих (за исключением полицейских и почтальонов) по 10 процентов, которые передавались на развитие флота. Император тоже сократил свое довольствие на одну десятую. В 1869 году он также распорядился о сокращении расходов на свое содержание, но тогда деньги пошли на помощь крестьянам, пострадавшим от наводнений. Шло время, менялись и приоритеты.

Режим экономии не помешал Мэйдзи выделить немалые средства на гигантскую бронзовую статую Омура Масудзиро – убитого в 1869 году героя Реставрации. До этого времени в Японии можно было увидеть только статуи мирных будд. Статую воздвигли на обширной территории святилища Ясукуни. Омура стоит на высоком пьедестале в традиционных одеждах. Но в левой руке он сжимает европейский бинокль. Такое сочетание следует признать одним из символов правления Мэйдзи. Одежды символизировали японский дух, бинокль – европейскую науку и технику. Именно через бинокль Омура рассматривал позиции оборонявшихся сторонников сёгуна Ёсинобу и корректировал артиллерийский огонь по холму Уэно. Холму, которым теперь владела императорская семья.

Стиль жизни японцев менялся. Во внешних своих проявлениях они все больше походили на европейцев. В апреле отец Николай посетил провинциальный город Нагано. Среди прихожан оказался местный богач – владелец целых шести коров Павел Куросава. Он зарабатывал на жизнь продажей молока. «Несколько лет назад, – говорил, – смотрели на его занятие, как на нечистое, и презирали его – теперь все до того полюбили молоко, что уважают его в той мере, как прежде презирали; и бонзы лакомятся молоком»^[223].

Отец Николай жил в Японии уже больше трех десятков лет. На его глазах происходили огромные изменения, в стране становилось все меньше таких мест, которые бы напоминали ему Японию его юности. В отличие от Муцу Мунэмицу отцу Николаю эти перемены не нравились. Наблюдая в этом году за тем, как достойно ведут себя верующие на многолюдном буддийском празднике в провинциальном Фукуи, он отмечал в своем дневнике: «Нужно сказать правду, японский народ тремя своими религиозными пестунами – буддизмом, конфуцианством и синтуизмом, и еще своим строгим правительством воспитаны для сей жизни замечательно хорошо; и это доброе воспитание вполне сохраняется еще в местностях, закрытых для иностранного влияния. но оно значительно расстроилось там, где с охотой принимают иностранное, как в Токио, Мориока, Кагосима и прочих; каких грубостей приходится видеть и слышать! Там без сомнения в такой праздник и в таком многолюдстве, как сегодня, немало было бы сцен и видов, совсем не японских, а пришедших – откуда? С добрым, возвышенно добрым вносится из Европы много и грязи; не Европа в том виновата, конечно, а сами японцы; какой-

нибудь верхогляд, вернувшийся с американского воспитания и сделавшийся здесь педагогом, в состоянии заразить грубостью и неприличиями целое поколение молодежи. И есть резон в жалобе даже той со стороны японцев, что от европейских учений дети перестают уважать родителей, хотя опять здесь не европейское учение виновато, а воспринимающие их головы и характеры, обезьянничающие невпопад»^[224].

Байдо Кунимаса. Статуя Омуре Масудзиро

Статуя Омура Масудзиро

В этом году немногочисленная колония русских в Японии пополнилась – сюда приехал уроженец Нижнего Новгорода Р. А. Кебер (1848–1923). Слушавший его лекции по эстетике знаменитый писатель Нацумэ Сосэки писал: «Пойдите на литературное отделение и спросите, кто из профессоров здесь самая яркая личность. Девяносто студентов из ста назовут вам фон Кебера и лишь потом, может быть, вспомнят преподавателей-японцев»^[225]. Из всех российских подданных на японской службе именно он, пожалуй, внес наибольший вклад в знакомство японцев с Западом. Именно с Западом, а не Россией, поскольку его лекции в Токийском императорском университете, которые он читал очень долго – до 1914 года, были посвящены греческой и западноевропейской философии и эстетике. И читал он свои лекции по-английски. Поскольку для японских студентов понимать его несколько замедленную речь было проще, чем скороговорку самих носителей языка, это тоже прибавляло ему популярности. Кебер был и

блестящим пианистом. Кроме философии, велики его заслуги и в деле распространения в Японии западной музыкальной школы.

1894 год

27-й год правления Мэйдзи

Иностранцам, между тем, жить в Японии становилось все неприятнее. Националистические настроения распространялись все шире, газеты, общественность, обе палаты парламента требовали от правительства «независимой внешней политики». И это в то время, когда в Лондоне начинались переговоры по пересмотру несправедливых договоров! 27 марта министр иностранных дел Муцу Мунэмицу в депеше, адресованной посланнику в Лондоне, отметил: обстановка в стране накалена настолько, что правительство должно предпринять нечто такое, отчего «у людей зажгутся глаза». До начала японско-китайской войны оставалось четыре месяца.

На 9 марта были намечены торжества по поводу серебряной свадьбы между Мэйдзи и Харуко. Разумеется, в традиционной Японии подобных празднеств никогда не существовало. В условиях полигамного брака японских правителей такая идея вряд ли могла прийти кому-нибудь в голову. Она была подсказана европейскими придворными обыкновениями.

Японские представители за границей регулярно посылали отчеты о тех придворных церемониях, которые им довелось наблюдать. Еще в 1882 году Янагихара Сакимицу, представитель Японии в России, прислал отчет о серебряной свадьбе шведского короля. В 1893 году Министерство иностранных дел дало указание провести систематическое обследование серебряных и золотых свадеб европейских монархов. Японские представительства послушно слали реляции.

Политическая элита расценивала серебряную свадьбу как дополнительную возможность напомнить подданным Мэйдзи про его существование. Еще одним важным доводом в пользу праздника было желание японского двора походить на европейские монархии. Но, наверное, не эти соображения следует считать главными. Дело в том, что в это время все большую силу набирала свойственная тоталитарным режимам идея о том, что государство – это большая семья. А семья, естественно, должна быть крепкой, все ее члены обязаны быть верны друг другу до гроба. Именно этому учили на школьных уроках. Учителя повторяли слова учебника: все семьи Японии – это ответвления семьи императора, для всех подданных император является отцом, а императрица – матерью. Это утверждение было хорошо понятно японцам, они привыкли проявлять солидарность и взаимовыручку прежде всего по отношению к родственникам. За помощью к незнакомым не обращались, жить нищенством в этой стране было невозможно. Только буддийские монахи имели право на подаяние. Те эпизоды из европейского средневекового эпоса, когда рыцарь бросает своего родича для того, чтобы прийти на выручку какой-то прекрасной, но незнакомой даме, казались японским школьникам верхом аморальности и еще одним свидетельством безнравственности Запада^[226].

Семья должна быть крепкой, но брачные нравы времени Мэйдзи не отличались строгостью. Из трех браков один заканчивался разводом. А в Токио дела обстояли еще хуже. В это время в Японии еще не существовало обязательной регистрации браков и разводов (ее ввели только в 1898 г.), так что приведенная цифра весьма приблизительна. Но совершенно понятно: японская семья была весьма далека от идеала моногамии, люди сходились и расходились, наличие любовницы или же содержанки из дома терпимости общество не считало чем-то предосудительным.

Христианские проповедники пользовались беспокойством японских родителей, которые желали своим детям (в особенности это касается дочерей) «крепкой семьи». Так, отец Николай

записал в своем дневнике об одном из православных прихожан: «Хочет Моисей выдать сию Юлию (свою дочь. – А. М.) за служащего Церкви, ибо за язычника-де опасно; брак языческий ненадежный. Я сказал, что может поместить ее в нашей женской школе, где научится отлично вере, пению церковному и узнает церковные обычаи; вероятно, не засидится, – из себя красивая и, видимо, умная, – выдадим замуж за катехизатора»^[227].

В части создания крепкой моногамной семьи интересы христианских проповедников и японского государства полностью совпадали. Государство – это единая семья, утверждали официальные идеологи. И в отношениях к государству подданные должны исходить из идеала вечной верности. Государство обязано быть моногамным. А потому главная супружеская пара Японии должна была продемонстрировать пример нерушимости брачных уз. Архитекторы японской нации использовали любую возможность для того, чтобы еще и еще раз применить метафору единения. На сей раз единения семейного. Именно семья, миллионы японских семей исправно поставляли государству работников и солдат. Трудолюбивые подданные Мэйдзи производили ценностей больше, чем раньше, но, в отличие от нынешнего времени, свой доход они использовали не только для наращивания собственного потребления – они тратили его и на прокорм детей, которых рождалось все больше.

Подготовка к серебряной свадьбе августейшей четы велась масштабная. Этот день объявили нерабочим, людям настоятельно рекомендовали вывешивать перед своими домами национальные флаги. К юбилею было напечатано 15 миллионов почтовых марок, которые оказались первыми юбилейными марками в японской истории. На марках изображены 16-лепестковая хризантема и пара журавлей, обозначающих долгую и счастливую жизнь супругов. Эти же символы присутствовали и на памятной медали. Портретов самих супругов представлено, разумеется, не было. На своих официальных портретах Мэйдзи и Харуко изображались поодиночке, «не соединились» они на изображении даже во время празднования свадебного юбилея. Европейских монархов того времени часто изображали прикасающимися друг к другу и к детям, но в Японии дистанция между главой семьи и ее членами оставалась слишком большой, чтобы отважиться на «тактильный контакт» между ними.

Праздник проводился по той же самой схеме, что и провозглашение конституции: скрытое от людских глаз моление божествам – утром, поздравления сановников и иностранных дипломатов – в полдень, затем объезд войск и парад на плацу в Аояма, торжественный банкет – вечером. По улицам выстроились подданные Мэйдзи – жители Токио и других городов и сел, на дворцовой площади – освобожденные от занятий студенты Императорского университета и представители других организаций и институтов, прибывших в столицу со всех концов страны. К этому времени общая протяженность линий железной дороги составляла уже около двенадцати с половиной тысяч километров. Наплыв иногородних был настолько велик, что железнодорожная компания Japan Railway Company перевозила пассажиров в товарных вагонах. Зрители размахивали национальными флажками и кричали «Банзай!».

Еще в период Токугава путешествия и паломничества получили широкое распространение. Особенной популярностью пользовались паломничества в Кумано и Исэ, маршруты по 33 станциям региона Сайкай и 88 станциям на острове Сикоку. Каждый год святилище Исэ посещало несколько миллионов паломников! Отец Николай брал себе на заметку, что этой особенностью не следует пренебрегать при организации проповеднической деятельности: «Но замечательна вообще эта повсеместная потребность народа в богомольных хождениях. Ее нельзя не иметь в виду при водворении христианства между народом»^[228].

Однако у отца Николая был серьезный конкурент. Задача властей также состояла в том, чтобы использовать эту полезную привычку и перенаправить «туристические» потоки в сторону Токио. Надо признать, что с этой задачей они справились превосходно. Но, к великому

сожалению отца Николая, направлялись эти «паломники» вовсе не в его Воскресенский православный собор, а к дворцу «языческого» императора.

На вечернем банкете Мэйдзи появился, как всегда, в военной форме, Харуко – в короне и белом платье с длинным шлейфом, с вышитыми на нем серебряной нитью цветами и птицами. Парного портрета супружеской четы к юбилею выпущено не было, но в банкетный зал они вошли под руку, что воспринималось как огромное новшество. Несколько лет назад Мэйдзи отказывался от этой «странной» манеры, но уговоры церемониймейстеров сделали свое дело. Художники не отваживались на совместное изображение супругов, но жизнь все равно шла вперед. Материалом, из которого были сделаны полученные четой подарки, послужило по преимуществу серебро.

Не только железная дорога вносила свой вклад в формирование нации и фонда общенациональной памяти. К этому времени совокупный годовой тираж газет составлял уже около 100 миллионов экземпляров! Это означает, что каждый день поступало в продажу 300 тысяч экземпляров газет. Для того времени – весьма внушительная цифра. Это привело к решительному удешевлению газет, которые стали элементом повседневной жизни. В начале периода Мэйдзи некоторые люди отказывались покупать свежий номер, утверждая, что у них уже имеется газета с точно таким же названием^[229]. Теперь представить себе такое было попросту невозможно. В то же самое время необходимо помнить: среди этого моря печатной продукции было и огромное количество местных газет. Их тираж был весьма ограничен. Местные газеты, естественно, уделяли значительное внимание новостям провинциальной жизни. Японская нация лепилась из провинциальных кусков, густо обмазанных клеящим веществом, сваренным в Токио.

Тот, кто не имел возможности поприветствовать августейшую пару лично, мог прочесть детальный отчет о том, как происходили грандиозные празднества. Газеты создавали эффект соприсутствия, они формировали представление о единой для всех японцев современной истории. Огромными тиражами расходились и гравюры, запечатлевшие в цвете это событие. Выпускались памятные сувениры, производились посадки сосновых рощ – символа долголетия и стойкости. В школах проводилась церемония поклонения портретам Мэйдзи и Харуко.

Школы оставались центром церемониальных действий и для взрослых, поскольку при школах обязательно устраивалась спортивная площадка, что позволяло собираться там многим людям (напомним, что в традиционной Японии площадей не существовало). Вместе с буддийскими храмами и синтоистскими святилищами школы образовывали общенациональную «паутину», с помощью которой государство имело возможность мобилизовывать население в соответствии со своими целями.

Для проведения празднеств были созданы различные общественные организации. Главную роль в них обычно играли местные богачи и землевладельцы – те люди, которые пользовались влиянием еще при Токугава. Таким образом, государство периода Мэйдзи смогло поставить себе на службу как новые, так и старые институты и структуры.

Создавая новые праздники и новые образцы праздничного поведения, государство далеко не всегда умело отменить устоявшиеся формы такого поведения. Поскольку в сознании крестьян основным предназначением брака является производство потомства, то в традиционной брачной обрядности значительное место занимала соответствующая символика. И жители одного города в префектуре Сага приготовили колесницу, на которой они установили гигантскую редьку – фаллический символ. Дело в том, что серебряную свадьбу зачастую именовали «дайкон» – «великая свадьба», что было омонимично «редьке»^[230].

В мирный, казалось бы, день своей серебряной свадьбы Мэйдзи устроил смотр войскам не напрасно. В этом году армия получила долгожданную возможность показать, что она не зря

обласкана императором и бюджетом. Япония почувствовала себя достаточно сильной, чтобы свести счеты с Китаем. Со времени проваленных в конце XVI века экспедиций Тоётоми Хидэёси на Корейский полуостров японские войска ни разу не отправлялись на континент. Националистическая экзальтация внутри страны подталкивала правительство к решительным действиям.

Корея стала основным внешнеторговым партнером Японии. В то же самое время Корея официально считалась данником Китая и корейский король (ван) Коджон, находясь на положении вассала, не имел возможности проводить самостоятельную политику. Переводя дальневосточные реалии на язык европейского колониализма, можно сказать, что Корея находилась под китайским протекторатом. Не только политическим, но и культурным – понятие «интеллигентный кореец» означало корейца, образованного на китайский лад.

В Корее в это время бушевало крестьянское восстание тонхаков – «восточное учение». Это было уравнилельное религиозное течение, направленное против «западного учения» («сахакү»), т. е. прежде всего христианства. К приверженцам «западного учения» тонхаки относили и японцев с их «низкопоклонничеством» перед Западом, и даже китайцев. Фразеология восставших и их ритуалы представляли собой причудливую смесь из даосизма, конфуцианства и буддизма. Ответственность за свою бедность тонхаки возлагали на «продавшихся иностранцам» чиновников. Стены иностранных миссий в Сеуле были испещрены ксенофобскими лозунгами, над жизнями иностранцев нависла угроза. Правительство не имело сил обуздать восставших и призвало на помощь китайские войска. Телеграмма, извещающая о посылке полутора тысяч китайских солдат, была доставлена в китайскую миссию в Сеуле во время официального обеда. На нем присутствовали и японские дипломаты, которые не могли скрыть своей радости – теперь Япония получила превосходный предлог, чтобы направить в Корею свои войска^[231]. Прикрываясь лозунгами о «восстановлении мира», в начале июля в Корею вошли японские войска. В отличие от китайских, их никто не звал. Теперь в Корее находилось 2100 китайских и 8000 японских солдат.

Перед лицом иностранного вторжения крестьянская армия и корейское правительство заключили мир. Однако ни Китай, ни Япония своих войск не выводили. Япония предложила Китаю совместно провести «прогрессивные» реформы в Корее, но получила отказ с одновременным предложением вывести войска обеих стран. Тогда отказались уже японцы – они потребовали, чтобы ван Коджон объявил о прекращении вассальных отношений с Китаем.

Набиравшая силу японская партия войны полагала, что вывод японских войск нанесет ущерб имиджу Японии: Корея, мол, страна независимая, а китайские войска все еще там. Действия Японии получили молчаливое одобрение Англии. Россия в то время сближалась с Францией и Германией, Англии требовался союзник. 16 июля в Лондоне был подписан японско-английский договор о торговле. Согласно этому договору, консульский суд в Японии упразднился через пять лет, статус наибольшего благоприятствования предоставлялся обеим странам. Япония не сумела вернуть себе таможенный суверенитет, но зато Англия не возражала против присутствия японских войск в Корее.

23 июля японский батальон ворвался в королевский дворец в Сеуле. Дело тут же пошло на лад: не отрекаясь от престола, ван Коджон передал властные полномочия своему отцу Ли Хаын, носившему титул тэвонгун (регент), а тот уже через два дня объявил об аннулировании договора с Китаем и пообещал во всем советоваться с японским посланником Отори Кэйсукэ (1832–1911).

Китай отказался признать нового правителя и, естественно, не стал выводить свои части. 25 июля три японских крейсера напали на два китайских корабля у острова Пхундо. Нанеся им повреждения и обратив в бегство, японские корабли вскоре потопили английский транспорт «Гаошэн», который перевозил 1200 китайских солдат. Английскую команду спасли, китайцев

оставили умирать. Погибло около тысячи человек. 29 июля состоялось первое сражение на суше. И только 1 августа, когда боевые действия были уже в полном разгаре, последовал высочайший указ Мэйдзи об объявлении войны. В нем говорилось, что целью Японии является обретение Кореей независимости и «реформирование дурного управления». Великая Японская Империя начала свою первую войну. Она велась на чужой территории.

Тоёхара Тиканобу. Великая победа императорского флота (1894 г.)

Указ был заверен императорской печатью. Далее стояли подписи всех членов кабинета, начиная с премьера Ито Хиробуми. Без этих подписей Мэйдзи объявить войну не мог.

11 августа императорские предки были проинформированы о том, что началась долгожданная война. Европейские державы хранили нейтралитет, эксперты почти единодушно высказывались в том духе, что Японии ни за что не одолеть гигантский Китай. Но в самой Японии господствовали совсем другие настроения. Боевой дух новоиспеченной нации был как никогда высок, почти никто не сомневался в справедливости затеянного дела. Всеобщее обязательное образование и всеобщая воинская повинность приносили свои плоды. Пресса тоже хорошо понимала поставленные перед ней задачи.

Перед отправкой на фронт молчаливых воинов благословляли настоятели храмов и святилищ. Бритые головы солдат напоминали головы буддийских монахов, которые принесли обет отказаться от мирской жизни. От мирной жизни ради военных побед во славу родины. Милитаристский энтузиазм захлестнул страну, газеты писали о юношах, которые совершили самоубийство только потому, что их по какой-то причине не взяли в армию.

Одиноким кормильцам фронт не грозил. Но чтобы поучаствовать в сражениях, один лейтенант убил свою малолетнюю дочь – потому что с ней некого было оставить. Он помнил о древних заветах самурая, который должен забыть о своем доме, родных и собственном теле ^[232]. Один из уроков по дисциплине «моральное воспитание» так и назывался: «Позабудем про свое тело во имя родины!» В начале правления Мэйдзи Фукудзава Юкити сетовал, что у страны было правительство, но не было нации. Теперь Япония обладала и тем и другим.

Для того чтобы у страны и армии сложилось впечатление об активном участии Мэйдзи в руководстве военными действиями, ему пришлось сесть в поезд и сойти на конечной станции Хиросима, откуда корабли с японскими войсками отправлялись в Корею. Путешествие заняло

два дня, император оказался на вокзале в Хиросиме 15 сентября. Он остановился на втором этаже двухэтажного здания. В скромной комнате, за занавеской на двух столиках покоились его регалии: меч с яшмой и печать.

Мэйдзи хотел, чтобы его быт походил на прифронтовой и солдаты чувствовали, что он разделяет тяготы их быта. Точно так же он поступал, когда в пору своей молодости отправлялся в паланкине в путешествие по стране в самое жаркое время года. Газеты сообщали о невзыскательности императора, о том, что он встает в шесть утра, ложится в полночь, весь день без отдыха работает для достижения победы. Поначалу он даже обходился без женщин – ему прислуживали мужчины-дворецкие, к чему они совсем не привыкли. Сообщают, что императору даже пришлось самому стричь себе ногти ^[233].

Японские войска одерживали победу за победой. В ответ на них Мэйдзи слал на фронт сакэ и сигареты. Император сочинил также слова боевой песни, которая так понравилась ему, что ее исполняли ему почти каждый вечер после ужина. Сочинил он и патриотическую пьесу для театра Но. 18 октября он созвал в Хиросиме внеочередную сессию парламента, которая единогласно одобрила запрошенный правительством военный бюджет. Муцу Мунэмицу оказался прав: правительству удалось сделать так, что глаза всех без исключения подданных Мэйдзи заблестели от восторга.

Холм Мимидзука

Литератор Ёсано Хироси (Ёсано Тэкан, 1873–1935) написал:

Чем ответим
Мы древним?
Время строить
Холм из ушей
Все ближе и ближе.

Поэт имел в виду, что Тоётоми Хидэёси вернулся из своей корейской экспедиции с богатыми «трофеями» – отрезанными ушами и носами убитых корейцев. В Киото, по преданию, над этими «трофеями» насыпали холм, который получил название Мимидзука – Холм Ушей.

Война, естественно, была подкреплена мощной информационной поддержкой. Газета «Ёмиури» объявила конкурс на лучшую песню, которая «возбудит чувство ненависти по отношению к нашему национальному врагу». За не слишком длительную войну было выпущено более трех тысяч цветных гравюр (нисики-э), которые прославляли японское оружие. Наиболее популярные из них расходились тиражом более чем в сто тысяч копий^[234].

Китай, который в течение стольких веков выступал как недостижимый культурный идеал, стал теперь считаться олицетворением застоя и врагом «прогресса». Бедный корейский народ стонал под китайским игом и якобы просил японцев добыть для него независимость. И теперь японская элита посчитала, что историческая миссия Японии состоит в том, чтобы пробудить от векового феодального сна Китай, Корею, а потом и всю остальную Азию. Фукудзава Юкити объявил сбор жертвований на войну, а нападение Японии квалифицировал как «войну между цивилизацией и варварством». Утимура Кандзо, который всего несколько лет назад отказался совершить поклон перед портретом императора, писал в августе, что победа Японии принесет Китаю «свободное правительство, свободную религию, свободное обучение и свободную торговлю». Он опубликовал свою статью как по-японски, так и по-английски. Таким образом, он, как и очень многие японцы того времени, искренне полагал, что в Японии все эти условия обеспечены в полной мере. Он сравнил «прогрессивную» Японию с хирургическим скальпелем, вскрывающим болезненный нарыв на теле Китая.

Наиболее последовательную позицию занял Токутоми Сохо. Он не стал искать никаких экономических, политических или же культурных резонов для оправдания войны. Он просто заявил, что «победоносная маленькая война» нужна только для одного – чтобы японцы ощутили себя японцами и вспомнили, как их далекие предки переправились с континента на архипелаг. Тогда они обладали благородным духом экспансионизма, а потом сёгуны Токугава подавили его и заперли японцев в своей же стране. А потому европейцы не уважают Японию, не знают и даже не желают знать ее. В прошлом году его журнал «Друг народа» заявил, что в глазах европейцев Япония находится чуть выше Фиджи и Гавайев. С помощью военных побед следовало доказать, что это не так. С помощью военных побед следовало доказать, что нынешние японцы достойны своих великих предшественников. К их числу Сохо относил монаха Кукай, государственного деятеля VII века Фудзивара Каматари, Ии Наосукэ, реформатора Мидзуно Тадакуни (1794–1851), Окума Сигэнобу. Остальные знаменитости прославились на поле боя – Минамото Ёритомо, Минамото Ёсицунэ, Асикага Такаудзи, Ода Нобунага, Токугава Иэясу, Сайго Такамори^[235]. За исключением Кукай, в списке Токутоми Сохо полностью отсутствовали деятели культуры. Простолудинов там тоже не имелось.

Подвиг горниста

Однако логика самой войны оказалась другой. В отличие от мирных времен она вербовала своих героев как среди генералов, так и среди солдат. Первым из героев Японской империи стал горнист Сирака Гэндзио. Пуля попала в него во время атаки, он упал замертво, но не отнял инструмента от своих холодеющих губ. Подвиг был растиражирован газетами, его воспевали в стихах и песнях. Через год выяснилось, что Сирака в сражении не участвовал, его спутали с совсем другим человеком – Кигути Кохэй. Ошибку исправили, имя Кигути появилось в школьных учебниках для самых маленьких.

15 сентября в битве за Пхеньян отличился Харада Дзюкити – он якобы первым ворвался в город. Харада дали орден, его изображали на гравюрах. Однако потом выяснилось, что первым в город вошло совсем другое подразделение. 11 человек погибли, выжил только Мурамацу Акитаро. Однако власти распорядились, чтобы доблести Мурамацу не дали хода. После войны он так и продолжал торговать гравюрами в семейном магазине. Но и судьба псевдогероя сложилась неудачно. Он пропил даже свой боевой орден.

22 ноября пал Люйшунькоу (Порт-Артур). Иностранная пресса подняла шумиху: японцы, такие вежливые и предупредительные дома, устроили там дикую резню. Первым сообщил о ней корреспондент лондонской «Таймс» Томас Коэн. Японцы ответили симметрично: за приличную плату агентство «Рейтерс», «Вашингтон пост» и некоторые другие иностранные газеты стали опровергать неопровержимое. Японские газеты также утверждали, что китайцы во всем виноваты сами: китайские солдаты переоделись в гражданское платье, смешались с гражданским населением и, естественно, представляли собой такую же опасность, как «бешеные собаки». Совершенно понятно, что у доблестной японской армии не оставалось никакой другой возможности, кроме как убить собак, прежде чем они начнут кусаться. Пленных не брали, считая

их слишком большой обузой. В качестве особой милости некоторым китайцам раздавали таблички с надписью: «Этот человек послушен. Не убивать»^[236]. В Порт-Артуре было уничтожено 60 тысяч китайцев.

Кобаяси Киётика. Да здравствует Япония! Песня победы над Пхеньяном (1894 г.)

На взятие Порт-Артура Мэйдзи сочинил:

Звуки ружейной стрельбы —
Смело штурмуют
Наши войска
Бесконечные укрепления,
Воздвигнутые врагом.

Через неделю после взятия Порт-Артура Мэйдзи прислали из Китая пару верблюдов. Он подарил их одному аристократу. Тот не знал, что с ними делать, и передал их зоопарку в токийском парке Уэно. У каждого остался свой собственный неповторимый образ войны.

Перспектива. Несмотря на некоторый резонанс, произведенный газетными публикациями о зверствах японской армии в Порт-Артуре, в самом скором времени, в феврале 1895 года, американский сенат одобрил новый американо-японский договор о торговле и навигации.

Война вызвала небывалый всплеск патриотических эмоций. Эту войну освещали более ста японских военных корреспондентов. Газетное вранье было бессовестным, тиражи газет росли, читатели ждали побед и экстренных выпусков, глаза читателей горели от восторга. Выпущенные в этом году папиросы «Герой» продавались прекрасно. К этому времени папиросы сильно потеснили прежние трубки. Да и сами трубки стали заметно короче. Европейская одежда требовала, чтобы трубка помещалась в карман пиджака.

Приобретший к этому времени широчайшую известность Токутоми Сохо буквально захлебывался от восторга. В декабре 1894 года он писал, что теперь «нам не стыдно предстать

перед миром в качестве японцев. Слово „японец“, означает ныне честь, славу, мужество, триумф и победу. Раньше мы не знали сами себя, а мир не знал нас. Но теперь мы испытали свою силу, мы познали себя, и мир знает нас. Более того, мы убедились в том, что мир знает нас». И он был прав: если раньше на площадях Европы немногочисленных японцев принимали за китайцев, то теперь китайцев стали принимать за японцев.

Ассоциация «Минъюся» отправила на фронт 30 корреспондентов, тираж газеты «Кокумин симбун» возрос в три раза и составил 20 тысяч экземпляров. Токутоми Сохо приобрел первоначальную популярность как западник, защитник интересов простых людей и противник правительства, а теперь он брал интервью у генералов. Совсем недавно он осмеливался критиковать «Манифест об образовании», а теперь государственные деятели относились к нему почти что с нежностью. Стоило заиграть победным военным фанфарам, как под европейским сюртуком Токутоми Сохо обнаружилась национальная боевая раскраска. Впрочем, удивляться здесь особенно нечему, поскольку образец для подражания – официально-правительственный Запад – беззастенчиво превозносил агрессию и силовые способы разрешения конфликтов. Токутоми ратовал за новую Японию, которая не имела бы ничего общего с Японией эпохи Токугава. И действительно: напав на Китай, Япония эпохи Мэйдзи окончательно разделалась с политикой сёгуната, идеалом которого был мир – как внутри страны, так и вне ее.

Перспектива. Токутоми Сохо стал одним из главных и талантливейших певцов японского империализма. После окончания Второй мировой войны его имя попало в первоначальный список военных преступников «категории А».

Другой известный литератор, Таяма Катай (1871–1930), вспоминал, что при виде японского флага, взвизгивающего над китайскими городами, «я ощущал, что в моих жилах течет горячая кровь японца. По своим философским убеждениям я – свободный мыслитель, но в своей душе – я один из приверженцев великой Японии»^[237].

Подобные высказывания можно множить и множить. Архитекторы создания японской нации могли быть довольны: в стране оказалось очень мало людей, кому «великая Япония» оказалась не по душе. До этого времени существовало множество партий и групп, они проповедовали разные ценности. Но на поверку вышло, что все они находятся в одном и том же лабиринте, выход из которого был обозначен как национализм.

Беспредельно уважая власть, отец Николай не мог не видеть, как в стране набирает обороты национализм. В записи от 19 сентября (1 октября) он отмечал в своем дневнике: «Трудно японцу воспарить вверх, пробив толстую кору самомнения. Послушав иностранных учителей и инструкторов по разным частям, атеистов, что-де вера отжила, а коли держать что по этой части, так свое, они возобновили синтуизм, хранимый теперь Двором во всей его точности; послушав некоторых недоверков-иностранцев, что буддизм выше христианства, и посмотрев, хоть и с насмешкою, как сии иностранцы кланяются порогам буддизма, они вообразили, что христианство им совсем не нужно, неприлично. И ныне плавают в волнах самодовольствия, особенно многоводным благодаря победам над китайцами (три победы одержали), и нет границ их самохвальству! Интересную коллекцию можно составить из текущих статей ныне, доказывающих, как дважды два, что японцы – первейший народ в мире по нравственности (ибо-де из бескорыстной любви к Корее воюет с Китаем и прочее)»^[238].

Но что мог отец Николай? Он писал свой дневник, который прочтут через столетие. Он был один, а японцев было много. У многих прежних критиков правительства открылись глаза: оказалось, что вся Япония плывет в одной и той же лодке. Просто кормчий и гребцы выполняют разную работу.

В этом году страна зачитывалась новой книгой Сига Сигэтака «Японский ландшафт» («Нихон фукэй рон»). В ней автор обратился к своей любимой теме, доказывая, что японцам следует гордиться своей уникальной средой обитания. По мнению Сига, на японской земле представлены самые разные климатические зоны, что создает благоприятнейшие условия самых разнообразных видов растений и животных. Обильные осадки приводят к плодородию почв. Вулканы создают неповторимые очертания гор. В какой еще стране сакура и слива цветут так красиво? В каком другом месте земного шара клены так ярки? Где вы найдете гору, сравнимую с Фудзи? Сига призывал японцев оценить природу своей страны по достоинству. В особенности он настаивал на развитии горного туризма. Горы традиционно считались обиталищем синтоистских божеств, и японцы взбирались на них исключительно с религиозными целями. Сига превращал их в предмет туризма и эстетического наслаждения. Божественное и эстетическое становились синонимами. В то время многие японцы были недовольны олигархическим правительством, болтливым парламентом, своей бедной жизнью. Но никто не возражал против того, что природа в их стране – красива. Война и эстетическое чувство спланивали нацию.

Жизнь продолжалась, продолжалась и война. Состоятельные люди соревновались друг с другом в создании фондов для сбора средств в помощь армии. 9 декабря частный капитал организовал первый праздник в честь ведущейся войны. Демонстрация трудящихся прошествовала по Токио. В парке Уэно они осмотрели трофеи, добытые доблестной армией. Там же синтоистские жрецы помолились о даровании победы японскому оружию, а буддийские монахи отпели погибших на фронте. И синто, и буддизм научились обслуживать национальные потребности одинаково ловко.

Святыни Ясукуни стремительно пополнялись новыми и новыми поминальными табличками. До войны табличек насчитывалось всего 14 520, в результате победных боевых действий их количество возросло почти вдвое. Число посетителей военного музея при Ясукуни в 1894 году увеличилось в семь раз и достигло 7 миллионов человек.

Ударную силу японского флота составляли три броненосца водоизмещением по 14 278 тонн. Два из них Япония купила у Франции, один сошел со стапелей верфи в Ёкоцука. Названия кораблей повторяли названия тех мест, которые были известны своими непревзойденными видами: Ицукусима, Мацусима и Хасидатэ. Японские поэты и живописцы уже много столетий воспевали их. Вряд ли они предполагали, что плодами их творческих усилий воспользуются военные моряки.

Япония прилагала колоссальные усилия для создания военной промышленности и достигла в этом отношении определенных успехов. Однако мощностей все равно не хватало, значительная часть флота была куплена за рубежом. Более 90 процентов потребностей в чугуне и стали обеспечивалось за счет импорта. Валюту же Япония получала в основном за счет экспорта шелка. Шелководство было признано стратегической отраслью экономики. Тыловой лозунг того времени: «Мужчина – солдат, женщина – работница. Шелковая нить нужна твоей стране». Военные победы Японии имели под собой шелковую основу. Женщины Японии гордились тем, что их продукция оказалась востребованной на ратных полях Кореи и Китая.

Япония наращивала экспорт шелка-сырца, но одновременно нарастал и ввоз хлопковой пряжи. Это привело к тому, что около 3 миллионов работниц потеряли работу. Почти все они являлись лишь частично занятыми, основной для них была работа в поле. Однако это все равно не могло не сказаться на благосостоянии японской деревни, тем более что зарплата тех, кто продолжал трудиться на текстильных предприятиях, тоже сократилась. В противном случае их продукция оказывалась неконкурентоспособной.

Основным поставщиком пряжи была Англия, доминировавшая на рынках Азии. Пряжа

машинной выделки была дешевле, прочнее и тоньше. Правда, последнее ее свойство далеко не всегда отвечало вкусам японцев, привыкших к более толстым и шероховатым на ощупь тканям. Поэтому часто в качестве основы использовалась английская пряжа, а в уток шла отечественная. После первоначального увлечения европейскими тканями «от производителя» их ввоз стал сокращаться, а импорт пряжи – возрастать. Тем более что Япония не могла позволить себе существенно увеличить площади под возделывание хлопка. Отдать рисовые поля под хлопок было невозможно, а на холодном северо-востоке хлопок не рос.

Постепенное переоснащение текстильной отрасли (преимущественно морально устаревшим западным оборудованием), разница в потребительских вкусах, интенсификация труда при нищенской зарплате привели к тому, что доля иностранных хлопчатобумажных тканей в общем объеме продаж становилась все меньше.

Условия труда на текстильных фабриках были ужасными. Рабочий день длился 14–16 часов, зарплаты – нищенские. Работницы обитали в бараках, их жизнь напоминала тюремную. Половина из них сбегала с фабрики в течение первых шести месяцев. Женщин рекрутировали из депрессивных сельскохозяйственных районов. Особенно много работниц давала префектура Ниигата на северо-востоке Хонсю. Наряду с малоквалифицированным трудом на фабриках услуги «девиц из Ниигаты» были востребованы многочисленными публичными домами по всей стране. Девушки в особенности ценились за их белую кожу – солнечных дней в Ниигата меньше, чем в других префектурах. «Условия труда» в публичных домах были несколько лучше, чем на фабриках, текучесть кадров – меньше. В любом случае «освобождение» женщины от привычных условий сельской жизни сопровождалось громадными издержками.

Согласно неравноправным торговым договорам с западными странами, импортная пошлина на текстиль составляла всего 5 процентов. Таким образом, Япония не могла воспользоваться протекционистскими мерами. Тем не менее страна сумела создать процветающую отрасль. При этом она работала на самых современных структурных основаниях: потребляла привозное сырье и производила готовую продукцию. Профессиональное и территориальное разделение между производством пряжи и готовых тканей существовало и раньше, но теперь Япония включилась в международное разделение труда. При этом ограниченность ресурсов, среди которых на то время самым главным являлась земля, почти исключала для Японии роль «сырьевого придатка» для развитых стран. Производство шелка-сырца могло процветать в Японии только потому, что оно не требует больших производственных площадей, но зато требует аккуратности и трудозатрат. В стратегическом плане именно на такие технологии Япония и станет полагаться в будущем.

Рост японской текстильной промышленности мог произойти только при увеличении количества покупателей и объема продаж. И это действительно произошло.

Монетизация экономики привела к тому, что домашнее ткачество из хлопка и конопли, практиковавшееся раньше в отсталых районах (Кюсю, северо-восток Хонсю), прекратило свое существование. Домотканая одежда (в особенности из конопли) стала рассматриваться как признак бедности. А в Японии бедность никогда не считалась достоинством. Несмотря на все трудности переходного периода, стандарты деревенской жизни менялись к лучшему. Тем более что цены на текстиль, по сравнению со стоимостью риса, значительно снизились. Раньше прибыльным бизнесом была скупка старой одежды в крупных городах и перепродажа ее в деревне. Но в начале 80-х годов старьевщики стали жаловаться, что крестьяне теперь желают щеголять только в новой одежде. Горожане же, в свою очередь, стали носить свою одежду не так долго – понятие моды стало постепенно проникать в японское общество. Кроме того, следует иметь в виду: государственные служащие и многие работники частных предприятий стали появляться в присутственном месте исключительно в европейской одежде, но в домашнем

обиходе они держались прежних привычек и сохраняли свой японский гардероб. Точно так же, как и те, кому было предписано носить униформу – школьники старших классов, студенты, военные, полицейские. Иными словами: европейская одежда не уничтожила японскую, она лишь потеснила ее из некоторых сфер, сделав жизнь более разнообразной. Дома обычных японцев оставались пока что прежними, стульев там не ставили, а сидеть на полу в брюках было страшно неудобно. Передвигаться на коленях – тем более. Даже в европейских кирпичных домах на полы обычно стелились татами. Произошло «удвоение гардероба» и, следовательно, увеличение потребления тканей.

Не то же ли самое произошло и с японским языком? Усвоив много веков назад китайский литературный язык и, естественно, всю его богатейшую лексику, японцы вовсе не отказались от лексики собственно японской. Так сложилась ситуация, когда практически каждое понятие можно выразить по меньшей мере двумя способами, что и обеспечило японскому языку невероятное синонимическое богатство.

1895 год

28-й год правления Мэйдзи

19 марта в Хиросиму наконец-то приехала императрица. Мэйдзи не видел ее с тех пор, как в сентябре прошлого года покинул Токио. Харуко привезла с собой целую свиту придворных дам, включая любимых наложниц императора – Тигуса Котоко и Сонно Сатико. С этого момента Мэйдзи наверняка меньше ощущал тяготы военного времени. Разумеется, о прибытии гарема знали только самые приближенные. В памяти простых японцев должны были остаться лишь торжества по поводу серебряной свадьбы Мэйдзи и Харуко.

Императрица пробыла в Хиросиме около месяца. Ее время было заполнено посещением госпиталей, куда прибывали раненые солдаты императорской армии. Харуко показывала всем японским женщинам: война – занятие не только мужское.

20 марта в Симоносэки начались переговоры о прекращении войны. Японская армия одерживала победу за победой, она уже овладела Порт-Артуром (Люйшунью), Далянем (Дальний) и портом Вэйхавэй, большая часть китайского флота была уничтожена.

Ли Хунчжан, главный министр китайского правительства, приплыл просить мира в сопровождении 125 человек. Но уже 24 марта на него было совершено покушение. Очередной «патриот» по имени Кояма Тоётаро подбежал к «корзине» (каго), в которой несли министра, и выстрелил в него. Пуля задела по касательной щеку, рана оказалась легкой. Схваченный полицией Кояма показал: он хотел сорвать переговоры и добиться продолжения войны с Китаем. Сообщников у Кояма не оказалось.

Кобаяси Киётика. Мирные переговоры в Симоносэки. Переговоры проходили в ресторане «Сюнпанро». Ито Хиробуми сидит, Муцу Мунэмицу (справа от него) и Ли Хунчжан стоят

В качестве знака сострадания Харуко послала в Симоносэки бинты. Мэйдзи был тоже возмущен и повелел своим подданным сделать все возможное, чтобы не позорить Японию. Увидев его реакцию, подданные, точно так же как это было четыре года назад после покушения на цесаревича Николая, завалили главного министра Китая подарками и письмами сочувствия. Ли начинал переговоры с просьбы о перемирии, но японские переговорщики (премьер Ито

Хиробуми и министр иностранных дел Муцу Мунэмицу) выставили такие жесткие условия, что он решил сразу перейти к заключению мирного договора. Теперь же, чувствуя свою вину за случившееся, Мэйдзи подписал распоряжение о предоставлении перемирия сроком на три недели. Правительству пришлось учесть, что после покушения мировое общественное мнение стало склоняться в пользу Китая. Перемирие, правда, не распространялось на Тайвань и Пескадорские острова (Пэнхуледао).

Перемирие и международное общественное мнение не избавили Китай от огромных потерь, зафиксированных в мирном договоре, заключенном в Симоносэки 17 апреля: Корея отказывалась от вассальных отношений с Китаем и становилась независимой, к Японии отходили Тайвань, Пескадорские острова и южная часть Ляодунского полуострова, Китай выплачивал контрибуцию в сумме 200 млн таэлей (около 300 млн иен). Она превышала годовой доход китайского правительства в три раза! Кроме того, для японцев открывались четыре китайских порта, им разрешалось заниматься предпринимательством на территории Китая, Япония получала статус наибольшего благоприятствования. Несмотря на сверхвыгодные условия договора, многие японцы восприняли его с негодованием, ибо рассчитывали, что японская армия должна дойти до Пекина^[239]. В Японии существовали «ястребы» с оперением различных оттенков, «голубям» среди них места не находилось.

После заключения Симоносэкского договора корейский ван Коджон отправил Мэйдзи телеграмму, в которой сердечно поблагодарил того за помощь в обретении независимости. Американская газета «Нью-Йорк сан» в своей декабрьской передовице превозносила заслуги Мэйдзи в деле превращения Японии в современную державу и сравнивала его с римским Августом, английским королем Альфредом, Наполеоном, Вильгельмом I и приходила к выводу, что такого монарха на свете еще никогда не было^[240]. Трудно отделаться от ощущения, что журналисты неплохо заработали на этой публикации.

Хотя Китай и согласился на все требования Японии и Ли Хунчжан подписал мирный договор, уже 23 апреля Россия, Франция и Германия потребовали, чтобы Япония вывела свои войска с Ляодунского полуострова. Япония была вынуждена принять это условие, осознав еще раз, что в этом мире правит только сила. В это время основным дальневосточным портом, который использовал русский флот, был Нагасаки. Именно в Нагасаки хранился месячный неприкосновенный запас для Тихоокеанской эскадры. Казалось бы, что Япония может этим воспользоваться к своей выгоде, но это только казалось.

Уступая тройственному нажиму, Япония предприняла меры для «спасения лица». Ито Хиробуми боялся, что объяви Япония об отказе от Ляодуна прямо сейчас, Китай вообще откажется от ратификации договора. Поэтому японское правительство объявило о «добровольном» отказе от Ляодунского полуострова только 10 мая, через день после обмена ратификационными грамотами с Китаем.

Но обмануть никого не удалось, и реакция «простых» японцев не заставила себя ждать: они негодовали. Желая напомнить ученикам об «особом» статусе Ляодуна, многие учителя стали закрашивать полуостров в особый цвет^[241], Токутоми Сохо завернул в носовой платок горстку Ляодунской земли – в память о том, что полуостров был несколько дней японским. Многие годы он хранил ее возле своего письменного стола. Отец Николай стал получать письма с угрозами, в семинарии били окна, правительство выделило миссии охрану. А ведь отец Николай исправно молился за здоровье Мэйдзи и служил панихиды по японским православным воинам, которые погибли на полях сражений! Причем он молился одновременно с императором. Только тот совершил приношения душам погибших в святилище Ясукуни, а Николай молился в своем Воскресенском соборе. Впервые в истории император почитал души своих подданных. Следуя за

своим мужем, Харуко появилась в святилище на следующий день ^[242].

Хотя в официальной переписке Мэйдзи и называл бывшего цесаревича Николая и нынешнего российского императора Николая II своим «братом», этого оказалось явно недостаточно для бесконфликтного разрешения территориального вопроса. Тем не менее европейские державы и Америка исполнились уважения по отношению к силе Японии и позволили ей начать расширять свои владения. Это, однако, не слишком повлияло на отношение к иностранцам внутри самой Японии. Торговцы и владельцы гостиниц продолжали придерживаться «двойных стандартов» – цены для японцев и иностранцев были разными. Но дело было не только в том, чтобы получить с богатого клиента «по справедливости». Японцы не шли работать в иностранные компании, а если и шли, то только для того, чтобы набраться опыта и перейти в японскую фирму с худшими условиями оплаты и труда. Взаимные предрассудки и недоверие делали совместное существование не слишком удобным, лозунг «Япония для японцев» носился в воздухе ^[243].

30 мая Мэйдзи возвратился из Хиросимы в Токио. Со станции Синбаси он проехал триумфатором через весь город, улицы которого были запружены ликующим народом и школьниками. Женские школы мобилизованы в этот день не были. В давке кое-кто пострадал. Повсюду виднелись национальные флаги и праздничные бумажные фонарики. Завидев экипаж, люди кричали: «Да здравствует император! Да здравствует империя!» Мэйдзи проехал под огромной триумфальной аркой, сооруженной к его прибытию. Для ее строительства тысяче рабочих пришлось расширить улицу Сайвайтё. Высота арки составила более 30 метров. Харуко вернулась из Хиросимы отдельно от супруга на следующий день. Во-первых, для того, чтобы зрелище было более продолжительным. Во-вторых, для того, чтобы соблюсти внутрисемейную иерархию. Появляться под руку позволялось только в день серебряной свадьбы.

Утагава Кокунимаса. Триумфальное возвращение главнокомандующего в Токио (1895 г.)

Согласно версии художника, на вокзале Мэйдзи встречала его одетая по парижской моде супруга. На самом деле они вернулись из Хиросимы по отдельности.

В день прибытия Харуко на токийских улицах выстроились школьницы. Мэйдзи был отцом японским мальчикам, Харуко – матерью девочкам. Оба они были родителями сорокамиллионного народа, который одержал победу в схватке с 400 миллионами китайцев.

30 мая Носаки Сокэдзуро, житель далекой префектуры Фукусима, угодил в полицейский участок. Собираясь поприветствовать своего императора, он с раннего утра занял место на дворцовой площади. Когда Мэйдзи проезжал мимо него, Носаки прокричал «Банзай!», достал из кармана несколько обернутых в белую бумагу монет и бросил их в сторону экипажа. Затем он похлопал в ладоши и поклонился. Бдительные полицейские немедленно схватили его, полагая, что он решил таким образом оскорбить монарха. Однако вскоре Носаки пришлось отпустить: выяснилось, что он действовал из самых лучших побуждений. Как и предписывала официальная пропаганда, он считал императора неким подобием божества. Согласно же японским обычновениям, божеству при посещении святилища или храма следует оставить денежное пожертвование. Что он и сделал^[244].

Ретроспектива. В неурожайный 1787 год десятки тысяч людей ежедневно приходили к императорскому дворцу Госё. Они оставляли у дворца написанные на бумаге молитвы, в которые были завернуты деньги. За день собиралась весьма значительная сумма в 40 кан^[245]. Эти люди надеялись, что император помолится о спасении от голода. И ни у кого тогда такое поведение не вызывало удивления – за заказанную «работу» следовало заплатить.

За прошедшее столетие официальные представления об императоре изменились. Теперь только он мог рассматриваться как источник денег, только он мог жаловать их своим подданным. Им же делать это запрещалось. Разумеется, от этой конструкции веет лукавством – ведь подданные платили налоги, и именно благодаря им Мэйдзи мог заниматься благотворительностью. Впрочем, такая мысль, похоже, никому не приходила в голову. Идея о том, что народ содержит своих правителей, а не наоборот, является достоянием демократического общества. Несмотря на наличие конституции, Япония того времени представляла собой страну, которая считала, что ею правит то ли полубог, то ли получеловек.

Мэйдзи несколько поспешил с триумфом. Хотя 29 мая японские войска высадились на Тайване, который, согласно Симоносэкскому договору, принадлежал теперь Японии, их встретили там как непрощенных гостей. На острове была провозглашена республика, местные племена организовали партизанское движение. Его удалось подавить только к концу года. Число жертв среди республиканской армии, партизан и мирного населения составило 17 тысяч человек. Японская армия потеряла 527 человек убитыми, около четырех тысяч человек скончались от болезней.

Кобаяси Киётика. Сражение на Тайване

В этой войне приняли непосредственное участие 178 тысяч японских солдат и офицеров, в боях армия потеряла всего полторы тысячи человек. Однако бери-бери, дизентерия, холера, малярия и другие тропические болезни унесли еще 12 тысяч жизней. В числе жертв малярии оказался и главнокомандующий армией на Тайване – принц Китасиракава Ёсихиса, который, разумеется, исполнял чисто церемониальную роль в руководстве войсками. В соответствии с придворными обычаями и исходя из нежелания подрывать боевой дух армии, о его смерти объявили лишь через неделю после кончины – 4 ноября 1895 года. Уже будучи мертвым, Ёсихиса получил боевую награду и был повышен в чине. Власти сделали вид, что принц скончался после возвращения в Токио. В стране наступил трехдневный траур. В следующем году в память о принце выпустили марку с его портретом. Победа должна была ассоциироваться с правящим домом – на второй марке в честь победы Японии был изображен начальник генерального штаба принц Арисугава Тарухито. Обе марки выпустили тиражом по 3 миллиона 100 тысяч экземпляров.

С окончанием войны Япония наконец-то ощутила, что она стала по-настоящему «цивилизованной»: вегетарианец превратился в хищника, огромный Китай был повержен. Китай, который начиная с VII столетия в течение стольких веков служил для японцев образцом для подражания и источником мудрости. Теперь в Японии стали раздаваться голоса, что именно она является истинным наследником великого китайского прошлого, которое в самом Китае безвозвратно утрачено. В подтверждение этого из китайских трофейных орудий сделали 300 тысяч медалей, которыми наградили участников войны. Впервые в истории не Япония училась у Китая – теперь в Японию потянулись китайцы, желавшие усвоить опыт модернизации островной страны, которую Китай всегда считал «варварской». Раньше Япония была окраиной Китая, теперь Китай стал окраиной стремительно развивавшейся Японии. Это стало возможным только потому, что Япония отказалась от китайской неподвижной модели мира, где центр и периферия никогда не могут поменяться местами.

Кобаяси Киётика. Знаменитые боги счастья. Веселая компания, собравшаяся во время японско-китайской войны (1895 г.)

На гравюре изображены божества, которые имеют китайское происхождение. Однако теперь все они выступили на стороне японского оружия. Дайкоку, бог богатства, который обычно изображается с мешком риса, превращается в матроса с вещевым мешком под мышкой. Богиня музыки Бэнтэн предстает в образе медсестры. Добродушный и толстый Хотэй опирается на ствол пушки...

Япония стала первой страной в Азии, которая заставила западный мир считаться с собой. И это произошло потому, что все жители страны согласно исполняли повеления правительства. Японцы действительно стали воспринимать себя как единую нацию и винили сёгунат в том, что он в течение веков «подавлял национальное сознание»^[246]. При Токугава войн не случалось, но теперь мирная жизнь уже не выступала в качестве показателя благополучия народа и государства. Главным считалось «единство». А то, что оно покупалось кровью – как чужой, так и своей, – никого не заботило. Окакура Какудзо с явным удовольствием передает такой исторический анекдот. Будто бы Рай Санъё (1780–1832), великого знатока истории, приверженца буддизма и конфуцианства, спросили, что бы он сделал, если в Японию вторгнется армия под водительством Будды и Конфуция. И тот без тени сомнения якобы отвечал: «Шакьямуни отрублю голову, а Конфуция – засолю!»^[247]

Япония и раньше официально именовалась империей, но теперь она стала империей «настоящей». Мэйдзи и раньше именовался императором, но теперь его титул начал внушать трепет не только внутри страны. Под воздействием японской победы стал оформляться японско-

британский союз. Русское популярное издание сгоречью констатировало: «Так вот какие дела совершаются в Японии; перенимает она, с одной стороны, у европейцев хорошее, что у них есть: лучшее государственное устройство, науку, разное полезное производство, ремесла и изобретения; а с другой стороны, Япония переняла у европейцев и худое – страсть к завоеваниям, усиленную военщину»^[248].

В Европе Японию признали в качестве почти что равноправного партнера и одновременно заговорили о «желтой опасности». Германский император Вильгельм II нарисовал эскиз картины и передал его художнику Герману Кнакфубу. Вышедшая из-под его кисти картина так и называлась – «Желтая опасность». На картине был изображен желтый Будда, призванный символизировать 400 миллионов китайцев, ведомых на Европу 40 миллионами японцев. Крылатый покровитель христианского воинства архангел Михаил указывал свободной от меча рукой на смертельную опасность, исходящую с Востока.

Г. Кнакфуб. Желтая опасность

По правде говоря, эта картина была лишена каких бы то ни было художественных достоинств, но говорили и писали о ней очень много. Вильгельм отослал ее своему двоюродному брату Николаю II, как бы предупреждая его о том, что Россия в силу своего географического положения может пасть первой жертвой «желтой опасности». Как показали последующие события, Николай и его окружение отнеслись к этому предупреждению без должного внимания.

В самой Японии картина вызвала небывалый подъем антигерманских настроений, с легкой руки Окакура Какудзо там заговорили о «белом нашествии». И поспорить с этим было нелегко: за исключением самой Японии, практически все азиатские страны были колониями или

полуколониями европейских держав.

Правда состоит в том, что конфликт национальных (имперских) интересов действительно стал приобретать расовую и религиозную основу. В то же самое время довольно трудно себе представить, чтобы «агрессоры» выступали под знаменами буддизма – безусловно, наиболее мирной из «мировых религий». Японские буддисты из всех сил пытались вписаться в общегосударственные идеалы и достигли в том немалых успехов, но повести за собой всю нацию в завоевательный поход буддизм все-таки не мог.

Перспектива. Япония впоследствии попыталась взять на себя роль объединителя Азии, но делала это под флагом синто. Исторический и культурный парадокс состоит в том, что идеи паназиатизма, Азии под японским водительством, Япония стала осуществлять в союзе с фашисткой Германией. Правда, у кормила власти тогда находились совсем другие люди – император Хирохито (Сёва) и Гитлер.

Победа в войне с Китаем была достигнута прежде всего потому, что Япония в отличие от Китая провела модернизацию – создала армию, промышленность и нацию европейского типа, что позволило ей вести себя точно так же, как и европейские державы: определять судьбу других стран, не спрашивая при этом их мнения. Что до Китая, то некоторые китайские подразделения были по-прежнему вооружены луками и стрелами. Среди захваченных и доставленных в Японию трофеев находились и огромные оловянные сабли, и крашенные черной краской ядра из известки^[249]. Единой нации под названием «китайцы» также не существовало.

Раньше самурайские дружины исповедовали тактику индивидуального боя – самым главным для воина была личная слава. За годы, прошедшие со времени создания регулярной народной армии, японские офицеры и солдаты научились слаженным коллективным действиям. Вместе с высочайшим боевым духом, о котором с восторгом говорили все непредвзятые наблюдатели, это привело к легкой победе. Присутствовавший на театре военных действий при атаке на Вейхайвей русский военный агент полковник К. И. Вогак почтительно отмечал: «Я не мог не почувствовать, что это шли солдаты, на которых можно положиться. Безусловная тишина в строю, прерываемая лишь редкими командами, уверенный и широкий шаг, полное отсутствие суеты, спокойствие на лицах солдат – все это невольно будило сказанное чувство. Стройно, толково применяясь к местности, развертывались эти колонны в боевой порядок. Японцы не стреляли до тех пор, пока не подходили на хороший ружейный выстрел, а были роты, которые достигали позиции противника, не истратив ни одного патрона. Останавливались японцы при наступлении мало; неудержимо шли они вперед, невзирая на порою сильный огонь китайцев, невзирая на огонь береговых орудий, огромные снаряды которых производят особенно сильное впечатление». Из своих наблюдений Вогак делал вывод, что через несколько лет у японцев будет первоклассная армия, готовая помериться силами с Россией или Англией^[250].

В то же самое время необходимо помнить: Япония развивала не только свою военную промышленность, японцы старались овладеть знаниями и умениями во всех отраслях. В это время состоятельные русские с Дальнего Востока, не имея возможности получить квалифицированную медицинскую помощь на родине, уже приезжали в Японию, чтобы поправить свое здоровье или же отдохнуть. Из России стали приезжать и первые учащиеся^[251].

Еще совсем недавно Япония была «закрытой» – она не желала видеть иностранцев у себя и не хотела расширять свою территорию. Теперь она провозгласила себя страной «открытой». Япония была открыта для притока идей и технологий. Но одновременно она стала рассматривать мир в качестве пространства, открытого для своей экспансии. Перед страной открывался весь мир, представавший в качестве объекта прямого воздействия. Япония имела уже достаточно сил,

чтобы победить Китай. Но враждебный мир оказался намного больше Китая. Уже в июле была принята новая программа по усилению военно-морского флота. Огромная контрибуция, наложенная на Китай, стала перетекать в карманы английских промышленников, получивших заказы на строительство новейших броненосцев и крейсеров. Япония выиграла войну у Китая для того, чтобы начать немедленно готовиться к новой.

Япония еще не могла сама полностью оснастить свой флот, но стоявшее на вооружении стрелковое оружие делалось уже в самой Японии. Японская артиллерия использовала в основном французские и английские орудия, но часть их была все же японского производства. По качеству они пока что уступали крупновским, уже находившимся на вооружении в китайской армии, но правительство делало все возможное для переоснащения своих военных заводов. Япония сумела сохранить свою политическую независимость, теперь она стремилась к независимости в вооружениях. Независимость не могла быть полной. В то время Япония не обладала научным и инженерным потенциалом для собственных разработок, но этот потенциал оказался уже достаточным для того, чтобы суметь воспользоваться чужими изобретениями и технологиями. Если бы Запад не предоставил их Японии, не была бы возможна ни война с Китаем, ни будущая война с Россией.

Мидзуно Тосиката. Морские офицеры обсуждают стратегию в войне с Китаем (1894 г.)

Не вызвав существенных потерь, война с Китаем вызвала небывалый прилив патриотических чувств. Контуры «нации» стали приобретать отчетливые очертания. Тем не менее желание походить на европейцев еще не прошло окончательно. На пользовавшихся огромной популярностью гравюрах с изображением военных событий японцев зачастую можно идентифицировать только по форме – все монголоидные признаки полностью утеряны.

Война имела самые серьезные последствия для проповедников христианства в Японии. Все они, независимо от конфессиональной принадлежности, единогласно отмечали, что теперь им удастся обратить в «истинную веру» все меньшее число людей. Их и раньше насчитывалось не так много, но сейчас японцы стали еще больше ощущать свою духовную самодостаточность. Отец Николай безжалостно отмечал: «Увеличиваются ли шансы на распространение христианства в Японии? Напротив, уменьшаются. Прежде стоявшие во главе государства, вроде Соесима (Создзима Танэтоми. – А. М.), Ивакура (Тономи. – А. М.), были люди умные, но без европейского образования; не веровали, но оставались под сомнением „быть может-де, и со

стороны науки вера предписывается“. Ныне же универсально образованные начинают пробиваться на вершины. эти уже неверы решительные, отрицающие веру во имя „всесветной-де науки“. Японцы же такой стадный народ, лишь бы кто с закрученными рогами, да из своих, пошел вперед: толпой повалят за ним»^[252].

Иными словами, в умах японцев происходило решительное размежевание: если раньше христианство и позитивистское знание Запада образовывали единый комплекс, то теперь христианская вера отделялась от науки и техники. Японцы окончательно поняли, что овладение машинами и военные победы не требуют молитв единому Творцу. Конечно, японцы по своему воспитанию и характеру были людьми последовательными, и потому случаев отпадения от веры насчитывалось не так много, но к этому времени стало ясно: вновь обращающиеся к христианству люди разительно отличаются от тех, кого крестили раньше: «...не идут теперь порядочные люди в наши школы (да и не в наши только, а во все христианские), хороший народ весь без остатка размещается по разным светским, утилитарным и научным заведениям; к нам идут разве оборыши, никуда не годные. Было время, что наши проповедники считались передовыми людьми, теперь они в числе самых отсталых (по способностям к научному образованию)»^[253].

Японцы склонялись не к религиозному, а к материалистическому объяснению мира и видели в человеке не столько божественный образ, сколько потомка обезьяны. В системе ценностей «среднего» японца верность конкретному сюзеру (т. е. императору) стояла намного выше, чем абстрактному иностранному учению. Отец Николай учил свою паству быть лояльной по отношению к власти и шел на компромиссы, отдавая дань местным установлениям и обычаям. Однако он был непреклонен в одном: не мог согласиться с тем, что японский император – выше Бога. В этом состоял неразрешимый конфликт, ибо в японских школах учили обратному^[254]. Еще труднее приходилось католикам с их учением о непогрешимости папы.

Война с Китаем закончилась, но «корейский вопрос» остался так же далек от своего разрешения, как и раньше. 19 июля место посланника в Корею получил член верхней палаты парламента Миура Горо (1846–1926). Сам он считал себя отнюдь не дипломатом, а солдатом. Согласно его воспоминаниям, он не имел четких инструкций по поводу того, какой линии ему держаться. Что, зная строгие правила японского МИДа, следует, скорее всего, считать по меньшей мере лукавством. Прибыв в Сеул, он приступил к «самостоятельным» действиям. В это время делами при корейском дворе заправлял не столько король Коджон, сколько его супруга – умнейшая и хитрейшая королева Мин, которая занимала пророссийскую, а значит, антияпонскую позицию. И Миура не нашел ничего лучшего, как физически устранить ее.

Ранним утром 8 октября группа японцев (среди них были полицейские, военные и дипломаты) в сопровождении корейских мятежников ворвалась в королевский дворец Кёнбоккун. В поисках королевы, которую никто из них никогда не видел (согласно требованиям этикета, она никогда не появлялась перед мужчинами), японцы убили нескольких придворных дам и министра двора, который пытался преградить им путь в покои королевы. Обнаружив королеву, нападавшие зарубили ее мечами. При этом с нее сорвали драгоценности. Потом тело отволокли в сад, облили керосином и сожгли. Кто конкретно убил королеву, остается неизвестным. В своих воспоминаниях многие из нападавших с удовольствием взяли это «патриотическое» дело на себя^[255].

Сам Миура довольно неуклюже попытался представить события так, что убийство было делом рук самих корейцев. 17 октября Миура отозвали домой. Король Коджон в это время находился во дворце под домашним арестом. 19 октября он послал Мэйдзи и Харуко подарки и благодарственное письмо, в котором сообщал о своей радости по поводу майского договора

между Японией и Китаем, принесшего Корее долгожданную «независимость». Через несколько дней он подписал заявление, в котором говорилось о том, что его покойница-жена повергла правительство в состояние хаоса, что она торговала должностями и титулами.

Международное возмущение убийством королевы было велико. Миура и его нескольких сообщников отдали в Японии под суд (в Корее судить японцев не имели права). Однако несмотря на множество свидетельств причастности Миура и его сотоварищей к заговору, суд не нашел в их действиях состава преступления и возложил всю ответственность на корейских врагов королевы. Это говорит о том, что версия о самостоятельных действиях Миура не имеет под собой серьезных оснований. За ним, безусловно, стояли высокие токийские покровители. По всей стране его встречали как триумфатора, впоследствии его назначили директором аристократической школы Гакусюин, где учился и сын Мэйдзи, принц Ёсихито (будущий император Тайсё).

Миура Горо

В результате убийства королевы Мин к власти в Корее пришла прояпонская партия во главе с отцом Коджона, Тэвонгуном (Ли Хаын). Любить невестку он не имел никаких оснований – ведь Коджон в свое время отстранил от власти своего отца под ее прямым влиянием. Самого Коджона посадили под домашний арест, он подписывал все документы, которые ему приносили японцы. Боясь отравления, он принимал только пищу, приготовленную в иностранных представительствах в Сеуле.

Заговор завершился вроде бы успехом, но он спровоцировал волну антияпонских

настроений. Как в самой Корее, так и в мире. С октября этого года по апрель следующего в Корее было убито 43 японских подданных. Зато японские националисты, тяжело переживавшие утрату Ляодунского полуострова, несколько приободрились.

Токио к этому времени окончательно превратился в символ новой Японии – интернационализованной, современной, с сильной армией, агрессивной. Япония стала страной с разветвленной железнодорожной сетью, прекрасной почтой и телеграфной связью. Каменные правительственные строения Токио служили образцом для всей страны: здания префектуральных управлений и судов по всей стране тоже возводились из кирпича. Строительство шло настолько интенсивно, что в столице было непросто найти строительных рабочих. Активное освоение Тайваня и Кореи усугубляло нехватку рабочей силы дома^[256].

Однако новое в Японии всегда стремились уравновесить старым, традиционным. В качестве якоря, удерживавшего Токио на плаву, был выбран Киото. Кирпич вступил в союз с деревом.

В 794 году император Камму переехал в только что построенный дворец в Хэйане. В 1895 году состоялись грандиозные мероприятия, приуроченные к 1100-летней годовщине основания древней столицы. В Киото было завершено строительство святилища Хэйан-дзингу, в котором стали поклоняться Камму. С 1940 года здесь стали поклоняться и императору Комэй – последнему императору, который «правил» из Киото. Новое святилище представляло собой реконструкцию здания из древнего дворцового комплекса.

В качестве одного из мероприятий, приуроченных к юбилею города, был впервые проведен знаменитый ныне «праздник истории» («дзидай мацури»). 22 октября, т. е. в тот день, когда Камму переехал в Хэйан, устроили грандиозное костюмированное действо. По улицам города прошли тысячи людей, которые в своих традиционных одеяниях олицетворяли разные периоды японской истории.

Основы японского централизованного государства были заложены в Нара. Исходя из любви японцев ко «временам начала», Праздник истории можно было бы устроить именно там. Однако за Нара прочно утвердилась слава «столицы буддизма», в VIII столетии монахи оказывали существенное влияние на поведение власти. И хотя к концу XIX века гонения на буддизм, предпринятые в первые годы правления Мэйдзи, уже прекратились, во всех государственных начинаниях предпочтение все равно отдавалось синто. В глазах государственных деятелей буддизму принадлежала роль не столько религии (идеологии), сколько «искусства». В этом смысле он принадлежал музеям и прошлому.

Праздничное шествие по улицам Киото

Дела в империи шли неплохо. В том числе и на потребительском рынке. В октябре в магазине «Даймару» устроили распродажу зимних вещей. Клиенту, который сделал покупку на сумму свыше 20 иен, полагался бесплатный обед. Приказчики едва справлялись с потоком посетителей. В первый день обедом угостились 900 человек, во второй – 600, в третий – 2000^[257]. В тогдашних магазинах снимали обувь, обслуживанием занимались только мальчики и мужчины. Они обслуживали женщин. Профессия продавца еще не превратилась в женское занятие. Многие домохозяйки по-прежнему продолжали чернить зубы, но начинали привыкать и к распродажам.

1896 год

29-й год правления Мэйдзи

Плоды убийства корейской королевы японское правительство пожинало не слишком долго. Уже 11 февраля королю Коджону и наследному принцу удалось бежать из дворца. Это было особенно обидно, поскольку Япония праздновала очередную годовщину основания империи.

Каждый день во дворец Коджона являлись профессиональные плакальщицы, которые оплакивали покойную королеву на ее могиле. Король и принц сговорились с ними и, переодевшись в женское платье, сели в их тесные закрытые носилки. Плакальщицам пришлось усесться прямо на августейших особ^[258]. Носильщики отправились прямым ходом в российское посольство, откуда, под защитой русских матросов, король стал руководить страной.

Исполняющим обязанности российского посланника в Корее в то время был временно назначен А. Н. Шпеер, служивший в российском посольстве в Токио. Он, естественно, состоял с королем в секретной переписке. Через какое-то время после бегства короля он вернулся на место своей постоянной работы в Японию. Нужно ли говорить, что такая малодипломатичная демонстративность вряд ли могла внести свою лепту в улучшение отношений между двумя странами.

Действия Японии в Корее не вызывают симпатии. Что до России, то достойно удивления, насколько ее политическая элита оставалась верна своим пространственным поэтическим принципам: чем больше простора, тем лучше. И это при том, что Россия к тому времени не сумела сколько-нибудь достойно обустроить уже имевшиеся на Дальнем Востоке территории. Однако отдавали себе в этом отчет немногие. К их числу принадлежал отец Николай. Комментируя визит в Японию редактора «Нового времени» С. Сыромятникова, он писал: «Жаль, что предубежден он против японского народа, ненавидит японцев, как заклятых врагов. Приезжал он в Китай с князем Ухтомским, привозившим подарки от Государя Императора к китайскому Богдыхану и его матери. Князь Ухтомский был в Японии вместе с Государем-Цесаревичем, когда он в Ооцу так варварски оскорблен был японцем. Но этот дикий поступок составляет истинную скорбь почти всей Японии. Зачем же набрасывать из-за него черный покров на всю Японию? Убежден он, что Россия должна взять Корею, чтобы не взяла ее Япония; убеждение это, вероятно, князя Ухтомского, а может, и выше кого. Избави Бог от этого! Вот тогда бы Россия точно навсегда бы поссорилась с Японией, да и с Кореей тоже, ибо четырнадцатимиллионный народ нельзя проглотить без того, чтобы не стало пучить брюхо, как бы просторно оно ни было»^[259].

Будучи убежденным государственным деятелем, отец Николай понимал в геополитике и жизни намного лучше, чем те люди, которые руководили страной и твердили об «интересах России».

14 мая японская делегация во главе с принцем Фусими преподнесла Николаю II коронационный дар от имени Мэйдзи. Это был огромный орел из слоновой кости. Работа мастера была изумительной, но в связи с противостоянием в Корее прием гостям был оказан прохладный. Особенно это бросалось в глаза на фоне пышной встречи Ли Хунчжана. Тем не менее на Ямагата Аритомо, который входил в состав делегации, грандиозность коронационных церемоний произвела большое впечатление. Все-таки у России тоже было чему поучиться. Ямагата подписал с российским министром иностранных дел Лобановым-Ростовским договор относительно ситуации в Корее. Корея фактически превращалась в совместный протекторат.

Художественная мода на Японию наконец-то докатилась и до России: в Санкт-Петербурге открылась первая выставка японского искусства из коллекции морского офицера С. Н. Китаева.

Она произвела большое впечатление на публику, критики характеризовали японских художников как «гениальных детей». Они имели в виду непосредственность и живость восприятия. Казалось немыслимым, что эта нация «гениальных детей», страна чудной природы может представлять угрозу России. Пройдет всего несколько лет, и Россия убедится в обратном.

В июле на побережье северо-восточной Японии обрушились огромные волны – цунами. Они смывали дома, уносили людей в море. Гниющие трупы, обломки строений и выброшенные на берег рыболовецкие суда производили на очевидцев страшное впечатление. Погибло более 27 тысяч человек. Несмотря на успехи в модернизации, несмотря на победу в войне с Китаем, зависимость японцев от капризов природы оставалась по-прежнему огромной.

В октябре Токутоми Сохо заехал в Ясную Поляну, чтобы познакомиться с Л. Н. Толстым. Произведения Толстого были хорошо известны в Японии. На сетования Толстого по поводу милитаризации Японии Токутоми Сохо ответил: «Я – японец, и, будучи японцем, через Японию я хочу служить миру. Я верю в то, что патриотизм и гуманность могут быть поставлены в один ряд. Я не хочу, чтобы Япония завоевывала мир, однако я хочу, чтобы Япония, как одна из стран мира, заняла соответствующее положение. Может быть, старец (Л. Н. Толстой. – А. М.) не знает, но место, которое хочет занять японский народ, не место главенствующего среди других народов мира, но он хочет, чтобы Япония занимала положение, равное с другими странами мира»^[260].

Токутоми Сохо восхищался Толстым-писателем, но чего стоили его романы по сравнению с геополитикой?

Летом в Японию прибыли тринадцать китайских студентов. Это были первые за многовековую историю китайцы, которые приехали учиться у Японии. Япония всегда училась у Китая, но теперь настало время и для китайцев учиться у Японии. Правда, не все они выдержали ксенофобскую атмосферу тогдашней Японии. Простые японцы обидно называли их «свинными хвостами». Четверо студентов в скором времени предпочли вернуться домой.

Европейские новшества достигали теперь берегов Японии все быстрее и быстрее. Первая железная дорога на паровом ходу была построена в Англии в 1825 году и «докатилась» до Японии только через 47 лет, в 1872-м. В конце прошлого года в Берлине и Париже состоялись первые демонстрации кинофильмов. В конце года этого состоялись показы и в Кобэ. Сначала для аристократов во главе с принцем Комацу, а затем и для публики. Путь от Европы до Японии кино проделало всего за год.

Япония делала колоссальные успехи в промышленном развитии, послевоенная экономическая конъюнктура была превосходной. В этом году в Осака началось строительство завода по производству паровозов, в Кавасаки – заложены современные судостроительные верфи. Земля дорожала, люди говорили, что горстка земли стоила столько же, сколько мера риса. Те немногие крестьяне из пригородов, которые отваживались продать свои крошечные поля, сразу становились богачами.

Жизнь потребителя делалась приятнее. Обслуживание улучшалось, туалеты – становились чище. Газеты сообщали об одной диковинке. Когда пользователь усаживался в уборной на корточки, его вес приводил в действие музыкальный механизм – раздавалось пение птиц^[261]. Однако социальные основы менялись медленнее. На весь огромный Токио насчитывалось всего шесть женщин-врачей.

Титаническая работа по освоению исторического наследия продолжалась – в этом году началась публикация «Кодзи руйэн» – классифицированных по 30 рубрикам сообщений древних и средневековых источников. Институциональная история и ритуалы, животные и растения – все и вся были представлены в этой энциклопедии. Издание в 51 томе (в каждом из них не менее тысячи страниц) было закончено в 1915 году.

1897 год

30-й год правления Мэйдзи

11 января на шестьдесят четвертом году жизни скончалась вдовствующая императрица. Ей присвоили посмертное имя Эйсё. Она пережила своего супруга Комэй ровно на тридцать лет. По поводу смерти «официальной» матери Мэйдзи был объявлен годовой траур, исполнение песен и танцев отменили повсюду, включая театры и публичные дома. Даже в школах не проводились уроки пения. Празднование следующего Нового года также проводилось по усеченной программе – нигде не было видно новогодних украшений, и даже мальчишки, все-таки осмелившиеся запускать воздушных змеев, не давали им подняться слишком высоко^[262].

Капитал Эйсё – 400 тысяч иен – раздали бедным, была объявлена амнистия, 10 тысяч узников выпустили из тюрем. Сами похороны, стоившие 700 тысяч иен, состоялись в Киото 7 февраля, повозку с гробом везли четыре вола. Такие повозки после окончания церемонии всегда сжигали, мастера делали их «по памяти». Самим же волам теперь была обеспечена сытая и спокойная жизнь – их поставили на пожизненное довольствие на императорском пастбище^[263]. В процессии приняли участие синтоистские жрецы, буддийских монахов на государственные похороны допускать перестали. Мэйдзи и Харуко на похоронах не присутствовали. Официальная причина – болезнь, но скорее здесь сказался традиционный для императора запрет: любое соприкосновение со смертью оскверняло монарха, а вместе с ним и всю его страну.

Первый императорский музей появился в Токио. Но и Киото не мог остаться в стороне от создания общенационального прошлого. 1 мая в Киото тоже открылся Императорский музей. Это было только естественно: именно этот регион являлся сердцем японской государственности, именно здесь были сосредоточены главные японские древности. Помимо прочего, в музей свезли множество скульптур будд и бодхисаттв из окрестных храмов. Теперь они стали достоянием не столько религиозным, сколько культурным. Процесс «музеизации» буддизма продолжался.

До войны с Китаем Токутоми Сохо резко критиковал правительство, теперь он стал совсем другим и поступил в июле на государственную службу. Его главной обязанностью было обеспечение связей с прессой. Не все члены общества «Друзей народа» согласились с ним, кое-кто покинул ее. В следующем году журнал «Кокумин-но томо» прекратил свое существование. Из оголтелого западника Токутоми превратился в государственника и националиста. Он не сменил костюм на кимоно, его личный национализм питался не рисом, а международной человечинной, пушечным мясом. Для многих людей из его поколения это был вполне обычный путь. Взрослея, они отказывались от шатких идеалов юности и приставали к надежному, как им казалось, берегу. Сига Сигэтака тоже бросил свой журнал и отдался государственной службе. В своем журнале «Нихондзин» он ратовал за культурный и «экологический» национализм. Теперь эту потребность осознали на самом высоком уровне. Необходимость в литературной деятельности отпала, обосновывать было больше нечего. Миякэ Сэцурэй и Куга Кацунан продолжили свою публицистическую жизнь. Официоз воспользовался некоторыми их наработками, придал им форму безличной истины, но сами они оказались на обочине, поскольку овладевший обществом и государством экспансионистский запал оказался им чужд.

В этом году уже все японские школы были укомплектованы портретом Мэйдзи. На торжественных собраниях в школах директора зачитывали перед ним рескрипт об образовании. Учителя и ученики с почтением взирали на портрет, от которого исходили полные китаизмов и оттого малопонятные на слух слова указа. Как это было когда-то при «настоящих» аудиенциях,

Мэйдзи предпочитал молчать, а директор выступал в качестве придворного оракула, передающего слова божества.

После официальной церемонии устраивались спортивные соревнования, выставки рукоделия, ученикам раздавали сладости. В ученическом обиходе день почитания портрета императора так и называли – «днем сладостей». Мало кто находил эти сладости приторными.

В отличие от Европы, изображения императора и императрицы, точно так же как и храмовую синтоистскую святыню (синтай – «тело божества»), нельзя было видеть каждый день. Она хранилась запертой на ключ в особой комнате. Школы того времени были обычно двухэтажными, комната с портретами размещалась на втором этаже – чтобы никто не мог взирать на монарха «свысока». Это доставляло множество неудобств. Инструкция предписывала в случае пожара непременно спасти изображения из огня, и зафиксировано немало случаев, когда директор погибал в пламени. Поэтому возле здания школы стали строить специальное небольшое помещение, выполненное из огнеупорных материалов. При этом никто не подвергал сомнению правильность поступка директора, никто не говорил о том, что жизнь человека дороже изображения императора.

Хранилище императорского портрета выполняло роль синтоистского святилища. Изображения предъявлялись персоналу школы и ученикам только во время государственных праздников – точно так же, как синтай предъявлялся верующим лишь во время ритуалов. И хранились портреты в особом ящичке, напоминавшем футляр для синтай. Пройти мимо «реликвария» и не поклониться невидимому изображению считалось недопустимым. Учителя зорко следили за тем, чтобы сорванцы не смели игнорировать это установление. Изображения императора и императрицы обладали такой сверхъестественной идеологической значимостью, что шантажисты пользовались этим и, случалось, угрожали уничтожить портреты, если не получат от директора отступного ^[264].

Нечего и говорить, что изображения супругов запрещалось наносить на «несерьезные» вещи – карты, игрушки, веера и многое, многое другое. И, разумеется, газеты с портретом запрещалось использовать в туалете и в качестве оберточной бумаги. Те изображения, которые попадались в газетах и журналах, рекомендовалось вырезать и хранить в надежном месте. Когда же портрет придет в ветхость, следовало его сжечь.

Перспектива. Как только Япония приняла условия Потсдамской конференции, военное руководство приказало сжечь изображения императора, тексты его указов, армейские знамена – чтобы священные символы государственной власти не попали в руки ненавистного врага. Когда после окончания Второй мировой войны американские оккупационные власти поинтересовались у известного япониста Д. Холтома, что следует делать с синто, который выполнял роль государственной религии, тот в качестве одной из мер предложил перенести портрет императора (тогда это был уже Сёва) из изолированного помещения куда-нибудь в другое место (например, в кабинет директора), где его можно было бы видеть каждый день, и лишить таким образом ореола таинственности и святости ^[265].

На портрет Мэйдзи ученики взирали не каждый день. Но зато каждый день учителя поминали императора. Токутоми Сохо удалось посетить урок морали в третьем классе. «Дети, почему мы должны быть верными императору?» – вопрошал учитель. Правильный ответ: потому что благодаря ему мы можем спокойно и безопасно ходить в школу и возвращаться домой. Мнение о том, что это возможно благодаря полицейскому было признано правильным лишь частично ^[266]. На глазах Мэйдзи превращался в подобие всемогущего бога.

В октябре корейский король Коджон провозгласил себя императором. Это было равносильно провозглашению независимости от Китая. В декабре Россия признала его суверенным правителем. Тогда же российские корабли подошли к китайскому Порт-Артуру и блокировали узкую двухкилометровую горловину, ведущую на внутренний рейд. В ответ японцы поставили минные заграждения на своей базе в Сасэбо. В этот момент еще никто не собирался начинать военные действия всерьез, но взаимное недоверие уже запустило тот маховик, который через семь лет привел к войне.

1898 год

31-й год правления Мэйдзи

В марте Россия взяла «в аренду» Квантунский полуостров. Китайские сановники сопротивлялись недолго: С. Ю. Витте подкупил их. Ли Хунчжану за его сговорчивость было заплачено 500 тысяч рублей, хотя сам Витте считал, что «захват Квантунской области, представляет собой акт небывалого коварства»^[267]. А еще через три месяца был заключен контракт на строительство Южно-Маньжурской железной дороги, соединяющей КВЖД с Порт-Артуром и Дальним.

Это еще более усилило антироссийские настроения в японском обществе, которое рассматривало Корею как сферу своих «национальных интересов». Японцы считали, что они победили Китай и добились «независимости» Кореи, что они уже заняли подобающее место на Дальнем Востоке, но на деле оказалось, что они расчистили место для вторжения туда России. Однако ни Россия, ни Япония еще не были готовы к решительным действиям. В апреле между Японией и Россией было подписано очередное соглашение. Они признавали «независимость» Кореи, соглашались в том, что Япония имеет преобладающие интересы на полуострове. Япония же молчаливо признавала оккупацию Россией Порт-Артура и Дальнего. Но это было неустойчивое равновесие.

Японские радикалы кляли не только Россию, но и свое правительство – за то, что оно не смогло воспользоваться плодами победы. В марте газета «Токё нити-нити симбун» опубликовала текст песни. Текст вышел малохудожественным, но зато боевым.

Только распогодилось, как пошли дожди —
Это слезы горести всей страны.
Плачут, кровью харкают кукушата —
Это в крик кричат доблести солдаты.
А министры наши ничего не могут,
На уме лишь власть и всё тут.
Знать, не ведают они,
Государю и стране в чем подмога.
И в финансах-то у них – разор,
За дела заграничные – им позор.
И победы славной все следы простыли,
Конституцию им дали – в облаках сокрылась.
Прогоним, прогоним министров!
Сокрушим, сокрушим Кабинет!
Завели страну не туда,
Для народа нашего – хуже врага!
Рассердитесь и встаньте, друзья,
Приходите-собирайтесь сюда!
Взвейся, знамя свободы,
Бейте в барабаны свободы!
Пусть Небо ужаснется и вздрогнет Земля!

Суд признал газету виновной в оскорблении кабинета министров в полном составе. Редактор получил год исправительных работ и пять иен штрафа.

Россия предпринимала определенные усилия, чтобы утвердиться на Корейском полуострове экономически, и в мае на казенные средства была куплена лесная концессия на реке Ялу, которой раньше владел владивостокский предприниматель Ю. И. Бриннер. Однако интересы России и Японии были несопоставимы: 72 процента корейской внешней торговли приходилось на Японию^[268]. И если в военном отношении еще наблюдался какой-то паритет, то торговые и культурные связи указывали на то, что вряд ли России удастся достичь в Корее и Маньчжурии сколько-то серьезных успехов. Достаточно сказать, что даже в Порт-Артуре не хватало продовольствия и питьевой воды, которые закупались в Японии.

В этом году в токийском парке Уэно был открыт памятник Сайго Такамори. Деньги от 25 тысяч человек собрали по подписке. Сайго был канонизирован в качестве героя Реставрации, решительного сторонника завоевания Кореи и идеального самурая, сведшего счеты с жизнью в соответствии с рыцарским кодексом чести. Даже ранние японские социалисты восхищались им. Котоку Сюзуй, который к этому времени уже успел начитать европейских идеологов социализма, говорил, что Сайго подобен свече – он сжег себя, чтобы зажечь других^[269]. А что уж говорить про националистов с их призывами к возрождению духа бусидо!

Рядом с Сайго стоит собака. По первоначальному замыслу художника она вовсе не должна была привнести в его образ дополнительную теплоту. Собака у ног Сайго – это потомок основателя «династии» сёгунских псов. Его звали Тора – Тигр. Всемогущему Сайго удалось скомандовать и сёгуну Ёсинобу, и его собаке: «К ноге!» Сайго Такамори мечтал о завоевании Кореи. Эта мечта пока что не осуществилась, но газеты с чувством глубокого удовлетворения писали, что поздравления по случаю открытия памятника слали со всей империи – от Хоккайдо на севере до Тайваня – на юге. До Тайваня, который был завоеван всего три года назад. Ценность Тайваня для Японской империи определялась именно такими проявлениями ликования. На его освоение, создание современной инфраструктуры уходили немалые средства, об экономической отдаче не могло быть и речи. Японская администрация не стала запрещать курение опиума, но ввела монополию на его производство и продажу. Но даже эти немалые деньги не могли спасти ситуацию. Стали поговаривать, что неплохо бы продать остров Франции^[270].

Взгляд великого Сайго был устремлен в сторону императорского дворца – бывшего сёгунского замка, в который в 1868 году он вступил в качестве предводителя войск Мэйдзи. О мятеже 1877 года если и вспоминали, то расценивали его не как антиимператорский, а как антиправительственный. В сознании японцев эти понятия имели совсем разный смысл. Политики врали, хитрили и изворачивались, правительства приходили и уходили. Император Мэйдзи возвышался над их мышью возней, интригами и схватками, а его небесное сияние проникало в самые далекие уголки страны и служило незыблемой гарантией стабильности. Однако теперь культ Сайго был поддержан и правительством, которое он покинул два с лишним десятилетия назад по собственной воле. Тогда его идеи о немедленном покорении Кореи не пригодились. Но теперь настали совсем другие времена.

Мэйдзи примирился не только с Сайго. В марте он принял последнего сёгуна – Токугава Ёсинобу. В прошлом году ему разрешили переехать из префектуры Сидзуока в Токио. Теперь он удостоился аудиенции у человека, именем которого его свергли. Человека, который к этому времени стал «живым богом». Непримиримые когда-то враги впервые увидели друг друга.

В этом году был принят семейный кодекс. С современной точки зрения его следует признать абсолютно неполиткорректным. Без официального согласия главы семьи не разрешалось ни выйти замуж, ни жениться, ни взять на воспитание ребенка, ни поменять место жительства. Государство моделировалось по точно такому же образцу. В его главе стоял Мэйдзи,

все его подданные открыто признавались за «младенцев». Именно так называл их Мэйдзи в своих ранних указах.

Однако реальные японцы были вовсе не похожи на «младенцев». Скорее они напоминали способных учеников. Европейские посетители всемирных выставок недаром говорили, что японцы любопытнее и восприимчивее своих дальневосточных соседей. Первый кинематографический сеанс состоялся всего два года назад, а в этом году были выпущены в прокат две первых японских короткометражки. В Китае первый фильм был снят только в 1905 году, а в Корее – в 1923-м.

Один короткометражный фильм был посвящен оборотню. В другом, под названием «Воскрешение покойника», у гроба, который несли два носильщика, неожиданно отваливается дно, «покойник» падает на землю и от удара воскресает^[271]. Вскоре зрители могли увидеть на экране танцы гейш и актеров театра Кабуки. Аристократический театр Но в это время никакого отношения к кино не имел. Кино пока что считалось искусством чересчур «низким».

Наряду с японскими лентами зрители смогли посмотреть в этом году и видовой фильм про Японию. Его сняла компания братьев Люмьер.

1899 год

32-й год правления Мэйдзи

В феврале врачи порекомендовали императору на какое-то время отправиться в Киото. Они обратили его внимание на то, что он становится чересчур грузным, и посоветовали ему больше двигаться и заниматься физическими упражнениями. К этому времени Мэйдзи бросил занятия верховой ездой, редко покидал пределы дворца, и даже войсковые учения не вызывали в нем прежнего энтузиазма. Отлынивал он и от участия в одном из главных ритуалов, исполнение которого входило в его прямую обязанность, – новогоднем поклонении четырем сторонам света.

Император продолжал злоупотреблять спиртным, теперь в номенклатуру подарков, которые он жаловал своим подданным, входила и дюжина бутылок шампанского. Мэйдзи обычно игнорировал советы врачей. Поэтому министру двора Танака Мицуаки (1843–1939) пришлось набраться мужества и обратиться к императору с высокопарной речью, в которой он напоминал: его священное тело принадлежит не только ему, но и всему государству; в родном Киото он наверняка будет чувствовать себя лучше. Но Мэйдзи не внял советам. Он начал было делать зарядку, но его хватило ненадолго. Одна газета осмелилась написать, что император набирает в весе. Мэйдзи настолько разгневался, что пообещал вообще больше не брать газет в руки^[272].

Элита пила шампанское, люди попроще все больше увлекались пивом. В этом году в Токио открылся первый пивной бар. Он приобрел огромную популярность; хозяин, приехавший в столицу из Осака, подсчитывал барыши.

Пивная реклама

Японские мужчины привыкли получать спиртное из рук женщин. Новомодное пиво не оказалось исключением.

Мужчины пили пиво, женщины и дети пробовали шоколад и другие европейские сладости, которые начала производить фирма Морианага Таитиро. Он был уроженцем Сага, дела шли неплохо. Кроме выходцев из Сацума и Тёсю, мало кто в остальной Японии мог рассчитывать на карьеру в государственном аппарате. Приходилось искать применения своим способностям в других областях.

Корея не давала покоя ни Японии, ни России, в воздухе уже пахло войной, но оснащению Порт-Артура было еще далеко до завершения, и русские военные корабли продолжали швартоваться в Японии. Морякам требовался отдых и провизия, судам – ремонт и уголь.

Прибывший в Иокогаму на крейсере «Россия» герой русско-турецкой войны адмирал Ф. В. Дубасов (1845–1912) хорошо понимал, что политика России ведет к неминуемой войне. «Нам Корея нужна; мы ее должны взять и присоединить к своим владениям. А Япония имеет слишком много интересов в Корее, чтобы нам не объявить войну из-за этого». На резонный вопрос отца Николая о том, как можно лишать самостоятельного существования древнюю страну, адмирал по-военному четко отвечал: «Корея в политическом отношении ничего не значит; это – замерзшее племя»^[273]. Точно такой же логики придерживалось и японское воинство. В этой

системе геополитических и античеловеческих координат равновеликих и равноправных величин не существовало.

Нитобэ Инадзо

1 июля в Японии вступило в действие положение об отмене экстерриториальности для иностранцев. Договоренность об этом была достигнута еще накануне японско-китайской войны. Теперь европейцы, совершившие преступления в Японии, подлежали местному суду, но зато они могли проживать там, где им заблагорассудится. Накануне этого исторического события публицисты предупреждали о потенциальных опасностях: совместное проживание «сильных» европейцев и «слабых» японцев может разрушить национальные обычаи, развратные европейцы все как один переженятся на целомудренных японках, скупят всю землю, распространят свои жуткие обыкновения – рукопожатия, объятия и поцелуи...

Газетная кампания закончилась 1 июля – иностранцев в Японии оказалось так мало, что они при всем желании не могли нанести никакой существенной порчи. «Иностранец» был не столько реально существующим лицом, сколько метафорическим обозначением опасности. Опасности перестать быть японцем. «Иностранец» был нужен обитателю архипелага лишь для того, чтобы он сумел почувствовать себя «японцем»^[274].

В этом году совокупный годовой тираж только токийских газет перевалил за 200 миллионов экземпляров. Дело народного просвещения находилось на подъеме. Нация читала, нация писала. Выпускник сельскохозяйственного колледжа в Саппоро и ревностный христианин Нитобэ Инадзо (1862–1933), который был женат на американской квакерше, выпустил книгу «Бусидо. Душа Японии». Нитобэ утверждал, что Япония обязана самураям всем: «Снимите с японца налет самых передовых идей, и под ним окажется самурай». Книгу перевели на множество языков, слово «бусидо» начало свое победоносное шествие по миру. В отличие от многих интеллектуалов его времени, Нитобэ не отказывался от своего христианства. Еще в юности он говорил о том, что желает стать «мостом между Востоком и Западом». И он им стал. Беда в том, что теперь все в Японии заговорили о бусидо. И большинство понимало его как идеологию национализма и милитаризма. Нитобэ же имел в виду прежде всего благородство самурая.

1900 год

33-й год правления Мэйдзи

Престолонаследник, принц Ёсихито, не отличался завидным здоровьем, учился неважно, слуги и учителя жаловались на его капризы. Сам Мэйдзи волновался из-за того, что сын слишком худ. Был он недоволен еще и тем, что наследник чересчур увлекался Западом, любил щегольнуть французским словцом. Доктор Бёльц, наблюдавший за здоровьем Ёсихито, сетовал, что он слишком много курит. Однако выбора все равно не было – Ёсихито оставался единственным выжившим сыном действующего императора; в соответствии с законом 1889 года об императорском доме трон мог принадлежать только ему. Это было уступкой европейской норме о престолонаследовании, которое, как *правило*, осуществляется по прямой мужской линии. Норме, которая хороша только тогда, когда у монарха нет проблем с сыновьями. Именно поэтому в европейской традиции положения о наследовании по мужской линии придерживались не слишком строго. Однако в Японии решили, что вопрос заслуживает только однозначного решения. Императорский дом впал из одной крайности в другую – раньше для занятия престола было достаточно одной принадлежности к императорскому дому.

9 августа прошлого года было решено, что супругой Ёсихито станет Садако, дочь обладателя древней аристократической фамилии Кудзё Мититака. Самому Ёсихито сообщили об этом только в этом году, помолвка состоялась 11 февраля – в день основания японского государства первоимператором Дзимму. С тех давних пор якобы прошло уже 2560 лет.

Ёсихито было уже 20 лет. Его отец вступил в брак, когда ему было шестнадцать. Ёсихито следовал вслед за обществом – брачный возраст повышался по всей стране. Юноши отправлялись служить в армию, учились в колледжах и университетах. Чересчур ранние браки уходили в прошлое. Это имело благоприятное влияние на здоровье потомства.

Памятуя о бесплодии нынешней императрицы, при выборе невесты особое внимание обратили на ее здоровье. Права на ошибку не было – в отличие от всех его августейших предшественников у Ёсихито отсутствовал гарем. До свадьбы ему запретили и вступать в интимные отношения. Поскольку в глазах христиан-европейцев полигамия представляла как обычай постыдный, японцам пришлось пойти на уступки «прогрессу». Газета «Тюо симбун» писала, что предстоящая свадьба наследного принца «представляет собой образец для нации – образец отношений между мужчиной и женщиной. Говоря откровенно, она упраздняет старый и вредоносный обычай полигамии. Императорская фамилия просвещает общество – она первая принимает моногамию в качестве главного принципа»^[275].

Вряд ли, конечно, можно считать еще несостоявшийся брак образцом для подражания. Также вызывает сомнение, что брак Ёсихито был первым во всей стране моногамным браком. Однако престолонаследник наследовал не только трон своего отца, но и обязанности Мэйдзи – служить для всех подданных образцом для подражания. И не только в части супружеской верности. Он был должен неукоснительно соблюдать все требования дворцового этикета – хочет он того или нет. Эрвину Бёльцу на совещании, которое состоялось во дворце накануне свадьбы, удалось подслушать, как Ито Хиробуми сказал принцу Арисугава: «Родиться принцем крови – большое несчастье. Как только он появляется на свет, он связан по рукам и ногам правилами этикета, и даже когда он повзрослеет, ему приходится плясать под дудку своих воспитателей и советников». При этих словах Хиробуми сделал пальцами движение, напоминающее то, каким образом управляет кукловод своими куклами. Соглашаясь с ним в глубине души и желая членам императорской фамилии большей самостоятельности в их действиях, Бёльц признавал и то, как

трудно исправить ситуацию. Он процитировал в своем дневнике высказывание некоего японца: «В этой стране привыкли к управлению нематериальному, в котором нет ничего от человека; и изменить это было бы опасно»^[276].

Нобукадзу Ёсай. Церемония бракосочетания принца Ёсихито (1900 г.)

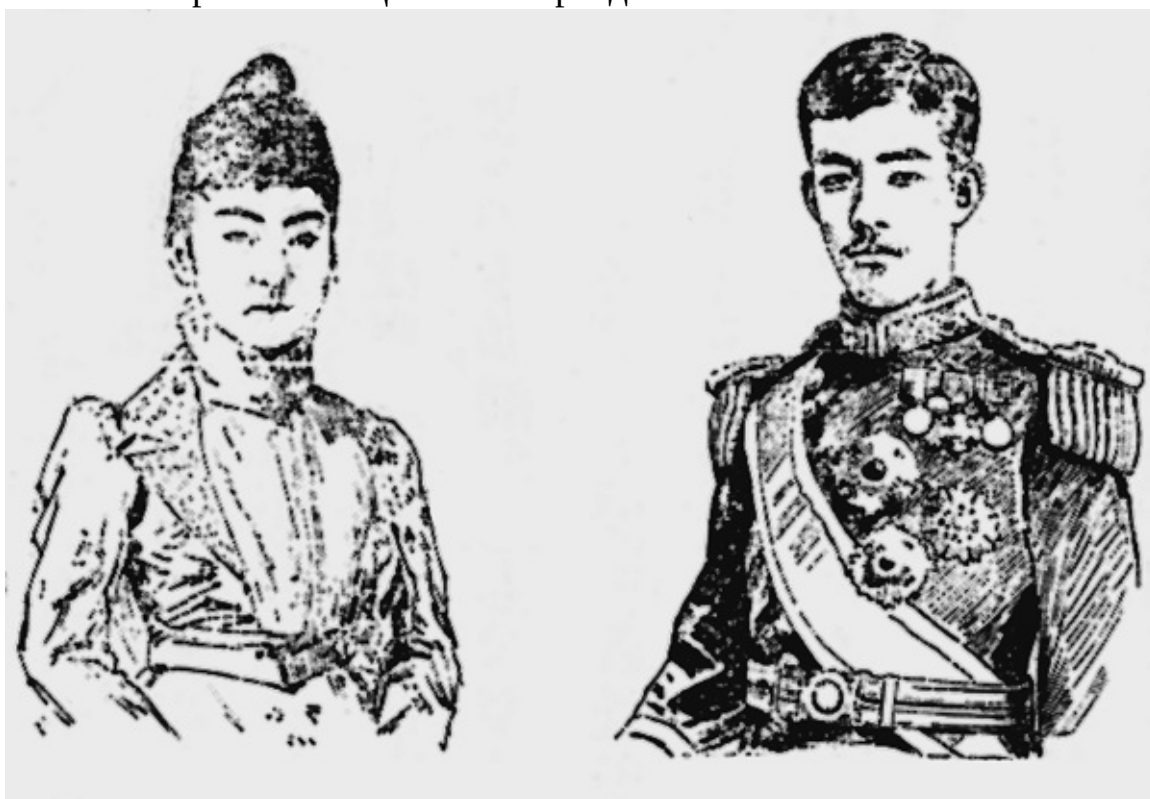
Лунный календарь был давным-давно отменен, но день для свадьбы выбирали все-таки с помощью традиционного способа – гаданием. Утром 10 мая, перед началом публичных церемоний, Ёсихито и Садако, облаченные в традиционные одежды, молились в императорском дворце синтоистским божествам, показав нации еще один пример: заключение брака должно освящаться синтоистскими церемониями. И не беда, что в Японии церемония заключения брака никогда не была делом религиозным. Идея церковного брака была подсказана христианством, но в Японии призывали подданных обращаться к синтоистским жрецам-каннуси возможно чаще. Именно с этих пор бракосочетание в синтоистском святилище стало получать распространение. Божества были древними, сам обычай – новым.

Получив санкцию божеств, молодожены переоделись в европейское платье и покинули императорский дворец. На площади их встречала огромная толпа. В течение 20 минут экипаж не мог начать движение к дворцу наследного принца, где ему должны были принести поздравления сановники. Уже вдогонку Мэйдзи послал сыну Орден Хризантемы. Собственно говоря, это был не орден в строгом значении этого термина – Ёсихито еще не успел ничего совершить. Это был памятный знак – он свидетельствовал, что Ёсихито прошел очередной этап жизненного цикла будущего монарха. В четыре часа пополудни состоялся праздничный банкет. Для участия в нем молодоженам снова пришлось вернуться во дворец Мэйдзи. Туда прибыло свыше двух тысяч человек. В честь знаменательного события во всех префектурах сажали сакуры. Сакура прочно соотносилась с праздником, императорской фамилией и нацией. Нация сажала сакуру, чтобы запомнить день свадьбы Ёсихито. Недолговечное цветение сакуры намертво соединяло их.

Конечно, молодоженов завалили подарками. Среди них был и первый в Японии автомобиль, который прислали из Америки. При испытаниях из-за оплошности водителя он свалился в канаву, Министерство двора сочло это транспортное средство опасным, и автомобиль упрятали на склад. Но не автомобиль стал главным подарком. Главный подарок имел символический характер. Главным подарком стали императорские музеи в Токио, Нара и Киото. К свадьбе

престолонаследника их переименовали в «музеи императорской семьи». Они и раньше находились в ведении Министерства двора, но далеко не все знали об этом, ибо определение «императорский» было синонимично понятию «государственный». Теперь же все подданные знали, чьи сокровища и шедевры они видят, покупая билет в музей. Это придавало августейшей семье дополнительный вес и блеск.

После церемоний бракосочетания молодожены отправились в свадебное путешествие. Его маршрут определяли не они сами. Они посетили святилище Исэ, могилы императоров Дзимму и Комэй. Кроме того, в программу входили больница Киотосского университета и школы. Инспекция школ особенно удивительна – ведь сам Ёсихито не отличался успехами в науках, он еще не успел даже закончить полный курс японской истории, а в следующем году его преподаватель поставит ему «неудовлетворительно» по теме, связанной с гражданской войной 1868 года^[277]. Женившись, наследный принц стал фигурой публичной и принял на себя часть церемониальных обязанностей отца, который появлялся перед своими подданными все реже. В связи со свадьбой в газетах появился и рисованный портрет молодоженов – принца «объявили» стране, она наконец-то увидела своего будущего монарха. Ёсихито предстал в военной форме и с лицом, которое невозможно отличить от европейского. Телесно-расовый комплекс неполноценности в это время все еще не был преодолен.

Ёсихито и Садако

Не было преодолено и убеждение, что публичная жизнь – удел мужчины. До своего восшествия на трон Ёсихито совершил множество поездок по стране, но Садако почти никогда не сопровождала его. Люди знали, что Ёсихито состоит в браке, но убедиться в этом собственными глазами оказывалось непросто.

Ёсихито еще не был императором, на его поведение и на репортажи газет еще не налагалось тех строжайших ограничений, которые введут в действие, когда он взойдет на трон. Престолонаследник мог напрямую разговаривать со своими будущими подданными, а репортеры не обинуясь передавали его живую речь. В случае с действующим монархом этого не допускалось. Действующий император являлся носителем речи письменной, но живого голоса он был лишен. С точки зрения внушения подданным священного трепета это было правильное

решение: любое ненароком оброненное слово может быть оспорено и даже осмеяно.

При посещении виноградников, урожай с которых шел на столь любимое принцем вино, Ёсихито спросил: «Интересно, а есть ли виноградное вино в Африке?»^[278] Можно себе представить, что в Японии все-таки сыскалось несколько человек, которые оценили глубину познаний их будущего императора. Но Ёсихито продолжал поездки по стране, ибо страна нуждалась в визуальном восторге от лицеизрения второго по значимости представителя императорского дома. Сам Мэйдзи выезжал теперь только на большие маневры. Раньше он всегда старался останавливаться на втором этаже, теперь лестница стала ему тяжела, и он ночевал на первых этажах.

Этот год ознаменовался первым в истории участием японской армии в международной коалиции. В подавлении боксерского восстания (восстание ихэтуаней) в Китае участвовало 45 тысяч солдат из восьми стран (в том числе Америки, Англии, Германии, России, Франции). Около половины контингента составили японские войска.

Официальные японские документы того времени называли повстанцев не иначе как «бандитами». Их целью было изгнание из страны иностранцев и христиан – как своих, так и иностранных. Восстание носило характер настоящей войны: ихэтуани убили две с половиной сотни миссионеров и около 23 тысяч местных христиан. После того как погиб член японской миссии, Япония решила присоединиться к западным державам. 15 июня было принято решение об отправке японских войск в Китай. Япония стала окончательно «цивилизованной» – вместе с другими «просвещенными» странами она защищала «цивилизацию» от «варваров» за пределами своих границ, за что и получила почетное прозвище «жандарма Дальнего Востока».

В госпитале города Нагасаки находились на излечении русские воины, раненные во время подавления восстания ихэтуаней. Мэйдзи отправил туда своего представителя провести их. Узнав об этом, российский посланник немедленно явился с благодарностью в Министерство двора^[279].

Однако союз Японии и России оказался непрочен. Японские солдаты ограбили в Пекине отца Иннокентия. Японские газеты смаковали подробности того, как русские солдаты и казаки в Благовещенске утопили в Амуре несколько тысяч мирных китайцев, не пощадив ни женщин, ни детей. Отец Николай восклицал вместе с ними: «Боже, что же это? Отпустится ли когда-нибудь этот грех русским? Забудется ли он историей?»^[280] Как всегда, в выигрыше оказались только японские школьники – 6 ноября их освободили от занятий, чтобы они могли почтить память японских солдат, погибших при подавлении восстания.

И японцы, и русские больше думали о войне, чем о мире. Однако на стороне японцев находился трезвый расчет. Будущий герой русско-японской войны Д. И. Гурко посетил Японию и пришел к выводу о высокой боеспособности тамошней армии. Он и двое его коллег решили донести это мнение до российской общественности. Один из них лишился из-за своего выступления должности, публикацию серии статей второго остановил военный министр Куропаткин, рукопись статьи самого Гурко редакция «Русского инвалида» возвратила с пометкой того же Куропаткина: «Изобразил пугало, а не японскую армию»^[281]. Японский переводчик, работавший в немецком посольстве, с удовлетворением подводил промежуточные итоги совместной военной операции: «В Китае мы поняли, что можем противостоять России. Нет и нужды страшиться Тройственного союза»^[282]. Довольно неожиданное заявление для представителя страны-союзника.

В мае Министерство двора пожаловало Фукудзава Юкити огромную сумму в 50 тысяч иен за заслуги в деле образования. Его предварительно запросили, согласится ли он принять эту сумму, и мэтр ответил утвердительно. Однако кое-кто помнил, что когда-то он писал: Небо

создает всех людей равными. Поэтому многие находили странным, что он согласился принять дар от супераристократического учреждения. Фукудзава перевел деньги на счет основанного им института Кэйю, но это не меняло дела. Ведь раньше Фукудзава категорически отказывался от сотрудничества с правительственными организациями. То, что теперь он принял дар, могло означать только одно: нынешняя политика государства его вполне устраивала.

Министерство двора награждало, Министерство внутренних дел запрещало. Принятый в марте новый закон об общественном порядке запрещал профсоюзы и забастовки сельскохозяйственных рабочих, он запрещал участие в политической деятельности военным, полицейским, синтоистским и буддийским священникам, учителям и их ученикам, женщинам. Запретительному восторгу не было предела, и в мае министерство запретило совместные купания в бане лицам мужского и женского пола старше 12 лет. Обычай, вызывавший раздраженные упреки в «варварстве», которые адресовали японцам европейцы, окончательно уходил в прошлое.

В этом году четырехлетнее обязательное обучение наконец-то стало бесплатным. Но за свои деньги государство хотело учить тому, что оно само считало нужным. В учебниках морали для младшей школы произошли очередные изменения – там появилась серия биографий тех деятелей прошлого, которые более всего соответствовали потребностям дня. Императоров там было два – Дзимму и Нинтоку. Древних придворных – тоже два: Вакэ-но Киёмаро (733–799) и Сугавара-но Митидзанэ (845–903). Вакэ-но Киёмаро изобличил монаха Докё, который пытался свергнуть правящую династию, а Сугавара-но Митидзанэ почитался по всей Японии в качестве покровителя образования. Он был известен прежде всего как знаток китайской классики, но и в нынешних японских школах пришелся ко двору. Юных учеников ожидало немалое новшество, поскольку в учебнике теперь присутствовали и женщины: Мурасаки Сикибу, автор знаменитого средневекового романа «Повесть о Гэндзи», и Сэйсё Ацуко – жена самурая Яманаути Кадзутё (1546–1605), в трудную минуту спасшая мужа от неминуемой гибели. Но больше всего в этом списке официальных героев насчитывалось мыслителей периода Токугава. Это и Кайбара Экикэн (1630–1714) – популяризатор конфуцианства, делавший упор на категориях долга и верности. Это и комментатор классических конфуцианских текстов и моралист Ито Дзинсай (1627–1705). Это и Хосои Хэйсю (1728–1801), который особенно подчеркивал важность отношений между супругами, а не между отцом и сыном, как то было принято в ортодоксальном конфуцианстве. Его проповедь скромности, экономии и самоограничения была для правителей времени Мэйдзи особенно привлекательной, поскольку они полагали, что все ресурсы должны идти не на личное, а на государственное потребление. К конфуцианским мыслителям времени Токугава принадлежали также Накаэ Тодзю (1608–1684), Ватанабэ Кадзан (1793–1841) и Кумадзава Бандзан (1619–1691). Последние два были известны своими нападка на иностранцев. Ватанабэ славился также как художник.

Статуя Киндзиро перед входом в книжный магазин «Яэсу»

Воинские доблести персонифицировались тремя фигурами. Кусуноки Масасигэ являл собой пример верноподданничества. Жизнь Тоётоми Хидэёси представляла как пример низкородного крестьянина, который благодаря своему трудолюбию и силе воли поднялся на самые вершины власти. Особенно ценно было то, что он ходил с завоевательными походами в Корею. Като Киёмаса (1562–1611) был вассалом Токугава и военачальником. К числу его геройских деяний относится и экспедиция на Корейский полуостров, и участие в битве Сэкигахара на стороне Иэясу.

В учебнике был представлен и Ниномия Сонтоку (1787–1855), более известный школьникам по своему детскому имени Киндзиро. Он много сделал для усовершенствования методов ведения сельского хозяйства. Его бронзовую статую поставили едва ли не в каждой школе: маленький мальчик со связкой хвороста на спине и раскрытой книжкой в правой руке.

Считалось, что, отправляясь в горы за хворостом, он читал книжки прямо на ходу. Киндзиро был самым популярным героем учебников «для маленьких». Ниномия занимался крестьянским трудом, большинство учеников эпохи Мэйдзи были крестьянскими детьми. Мальчик Киндзиро вносил свой вклад в создание истинно «народного» государства.

Ученики занимались изучением биографий и 13 западных деятелей. Среди них было трое американцев (Абрахам Линкольн, Бенджамин Франклин, Джордж Вашингтон), семеро англичан. Это и адмирал Нельсон, и Исаак Ньютон, и придумавший противооспенную прививку врач Эдвард Дженнер (1749–1823), и отличившаяся во время Крымской войны медсестра Флоренс Найтингейл (1820–1910). Кроме того, в программу входили Сократ и Христофор Колумб. Жизнь Франклина трактовалась как пример служения обществу, образованию и науке. Линкольн представлял в качестве образца прилежания, честности и доброты.

Примечательно, что Запад был представлен по преимуществу англичанами и американцами. Англия была в то время самым надежным союзником Японии. Усилия английской миссии во время бурных событий, приведших к реставрации императорской власти, оказались вознаграждены. И хотя японская конституция взяла за образец прусскую, хотя немцы внесли большой вклад в высшее образование и медицину, в школьную программу они не попали. Это и понятно – ведь именно Вильгельм II первым заговорил о «желтой опасности». Натянутые отношения с Россией также не давали шансов для русских попасть в японские учебники.

Перспектива. В учебниках 1910 года было представлено пять иностранцев, в 1933 – шесть, в 1941 – один (Э. Дженнер).

Текст учебников дополнялся визуальным рядом. В этом году на дворцовой площади был воздвигнут гигантский памятник Кусуноки Масасигэ. В качестве скульптуров выступали преподаватели Токийской художественной школы. Они работали под руководством Окакура Какудзо. В Киото на могиле Хидэёси тоже воздвигли монумент.

В этом году в Токио установили первый телефон-автомат. Диска для набора номера у него не было. Клиент снимал тяжеленную трубку и диктовал телефонистке номер. Потом бросал в щелочку монетку того или иного достоинства. Телефонистка по звуку падения определяла, сколько минут следует предоставить клиенту. После этого она соединяла его с нужным номером.

В Киото же состоялся один из первых в Японии «конкурсов красоты». За умеренную плату в пять сэн зрители получали возможность насладиться 100 фотографиями гейш в полном облачении. После осмотра выставки посетитель сообщал дежурному, какая из красавиц понравилась ему больше всего. Победительницу ждал денежный приз размером в 600 иен^[283].

1901 год

34-й год правления Мэйдзи

3 февраля скончался Фукудзава Юкити. Его заслуги в деле становления новой Японии были огромны. Эпитафия на его могиле гласила: «Здесь покоится человек самостоятельный, с чувством собственного достоинства и со взглядами, которым был доступен весь мир».

Перспектива. Страна и ныне чтит заслуги Фукудзава. Достаточно сказать, что его портрет украшает самую крупную банкноту – достоинством в 10 тысяч иен. А основанный им частный университет Кэйо до сих является одним из лучших в стране.

29 апреля у принца Ёсихито родился первенец. Один за другим в его дворец приезжали сановники, чтобы принести свои поздравления. Сам Ёсихито в это время находился в загородной резиденции в приморском городке Хаяма, где он по настоянию врачей обычно проводил зиму. В первый раз он увидел своего сына 3 мая. Через два дня Мэйдзи дал ему имя Хирохито. Это был будущий император Сёва.

Перспектива. Хотя сам Ёсихито не отличался здоровьем, его сын оказался на удивление крепким и прожил 87 лет – намного больше своего отца и деда. Сёва прожил дольше всех других японских императоров.

Несмотря на то что брак наследного принца позиционировался как новое слово в истории японской семьи, с его сыном поступили согласно старым обычаям – в соответствии с пожеланиями Мэйдзи его отдали на воспитание «дядьке» – адмиралу Кавамура Сумиёси. В императорской семье мало думали об установлении «теплых» внутрисемейных отношений. Действующий император заботился прежде всего о том, чтобы его внук смог в дальнейшем исполнять свои обязанности. А это намного важнее, чем «естественные» человеческие привязанности. Именно так поступал Мэйдзи по отношению к Ёсихито. Он регулярно в письменной форме осведомлялся о его здоровье, но посещение занемогшего сына совершенно не входило в правила придворного этикета.

Мэйдзи старался привить членам своей семьи строгость нравов и готовность к испытаниям. На этом основании он отказывался отпускать своих дочерей из Токио, чтобы они могли избежать промозглой столичной зимы. Душным летом он тоже выступал против их пребывания в горах. И только своему единственному сыну он позволял проводить время за пределами столицы. Но это случилось исключительно благодаря напору врачей. В то же самое время Мэйдзи отказывался предоставить Ёсихито больше самостоятельности в других делах. Действиями Ёсихито, бывшего уже отцом семейства, в значительной степени руководил его наставник – принц из дома Арисугава.

Принц Хирохито

Однако новая жизнь брала свое, и возмущенному прежними «бесчеловечными» обычаями двора доктору Бёльцу все-таки удалось уговорить Министерство двора, и дети Ёсихито проживали в соседнем с родителями дворце. Однако это никак не сказывалось на их общении с дедом. Они виделись с Мэйдзи три раза в год – в его день рождения, а также в дни весеннего и осеннего равноденствия. При этом, как вспоминал один из сыновей Ёсихито, принц Титибу, дед никогда не достаивал своих внуков разговорами^[284].

В марте Окумура Йоко (1845–1907) создала «Лигу патриотов» («Айкоку фудзин кай»). В апреле в столице открылся Японский женский институт. Он был переведен из Осака, где четыре года назад состоялось его торжественное открытие, на котором присутствовали многие высшие сановники. Все это свидетельствовало о том, что элита желала вовлечь в общественную и государственную жизнь и лучшую половину Японского архипелага. До полного равноправия японским женщинам было еще очень далеко, но почин был уже сделан.

Японский истеблишмент старался брать с Запада только удобное себе. И по большей части преуспевал в этом. А если уж на архипелаг заносило какой-нибудь сорняк, власть реагировала быстро и решительно. В мае Котоку Сюсуй и Катаяма Сэн (1859–1933), один из будущих учредителей коммунистической партии, основали социал-демократическую партию. Она была запрещена немедленно. Власть особенно возмутили три пункта программы: разоружение, проведение референдумов по важнейшим социально-политическим проблемам, упразднение верхней палаты парламента.

В голове у Котоку, похоже, царила полная неразбериха. Основывая партию, он одновременно писал статью «Японская демократия». В ней он утверждал, что Мэйдзи является

сторонником демократии. В качестве доказательства он процитировал два его стихотворения. В одном из них говорилось:

Когда облачаюсь
В узорчатую парчу,
Вспоминаю о тех,
У кого нет одежды —
Рукавом от холода заслониться.

Это стихотворение Котоку и истолковал в качестве доказательства демократических убеждений императора. А потому, утверждал он, тот, кто противится демократии, идет вразрез с указаниями самого Мэйдзи. Поскольку никто в стране не знал политических убеждений Мэйдзи, разные люди приписывали ему самые разные намерения.

В этом году в Японии начали свою проповедь мормоны. Однако местные женские общества возмутились и подали прошение о запрете их деятельности. Первой причиной запрета выставлялось то, что мормоны пропагандируют многоженство^[285]. Мэйдзи всю свою жизнь тоже оставался многоженцем, но он этого не пропагандировал. Отпразднованную с таким размахом семь лет назад серебряную годовщину его свадьбы помнили все.

В Явата на Кюсю было закончено строительство гигантского сталелитейного комбината. Уголь добывался здесь же, а руду доставляли из Китая. Теперь Япония уже не столь сильно зависела от импорта чугуна и стали. Но с развитием промышленности она все больше зависела от источников сырья за рубежом. Несмотря на высокие темпы роста промышленности, основная часть населения страны по-прежнему жила на лоне природы. Только 14 процентов из числа работающих трудилось в промышленности. Зато в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве было занято 67 процентов.

В Явата ковалась Япония промышленная, а в Токио, в императорском музее продолжалось «созидание» японского искусства. В этом году вышла в свет первая книга по истории японского искусства. Поразительно, но ее французская версия опередила японскую на целый год. Набиравшие силу националистические настроения отнюдь не отменяли прежнего желания понравиться Европе. Каменные – с греческими колоннами и портиками – здания императорских музеев в Токио, Нара и Киото не имели ничего общего с японской архитектурой. Находившиеся там экспонаты не имели ничего общего с внешним обликом зданий.

1902 год

35-й год правления Мэйдзи

5 января Мэйдзи обычно устраивал грандиозный прием по случаю начала нового года. Однако сейчас этот день пришелся на воскресенье, в воскресенье следовало отдыхать, и прием перенесли на 6 января. Принятый три десятилетия назад григорианский календарь вносил свои коррективы в японский стиль жизни^[286]. В деревне, однако, продолжал сохраняться другой, более привычный ритм. Отец Николай неоднократно жаловался, как трудно ему убедить свою провинциальную паству соблюдать воскресенье – крестьяне предпочитали в этот день трудиться, а если уж отдыхать – то в конце декады, как было принято при традиционном китайско-японском календаре.

Англия в это время стала главным военно-политическим партнером Японии. 17 января с Англией был подписан договор, предусматривавший независимость Кореи и Китая. Высокие договаривающиеся стороны обещали соблюдать нейтралитет в том случае, если одна из стран вовлечется в войну. Но только до тех пор, пока враждебной стране не придет на помощь другая. В этом положении содержалась скрытая угроза Франции, связанной с Россией союзом. Япония извлекла уроки из прошлой войны с Китаем, когда она оказалась без союзников и не смогла ничего противопоставить западной коалиции, лишившей ее плодов победы.

Из всех японских сановников только Ито Хиробуми и Иноуэ Каору выступали против союза с Англией. Они полагали, что союз с Россией был бы выгоднее. Их идея состояла в том, чтобы Россия признала право Японии на оккупацию Кореи взамен на оккупацию Россией Маньчжурии. И тогда никакая война будет не нужна. Но «старой гвардии» пришлось подчиниться напору молодого и агрессивного большинства. Людям вроде премьера Кацура Таро и министра иностранных дел Комура Дзютаро хотелось повоевать еще раз. Они прекрасно понимали, что гордая Англия, которая никогда и ни с кем не заключает союзов, пошла на договор из сугубо земных соображений. Англия опасалась, что Россия продолжит свое «сползание» к югу, и тогда британские интересы в Китае и Индии могут оказаться под угрозой. На пути России выставлялся японский щит. Значительная часть японской политической элиты соглашалась стать таким щитом. Покрытые дымкой корейские горы туманили взор.

России скрепя сердце пришлось признать японско-английский договор и обещать вывести свои войска из Маньчжурии.

До сих пор Япония несла весьма незначительные потери во время ведения боевых действий. Учения этого года принесли ужасную для мирного времени трагедию. В конце января в северной префектуре Аомори две с небольшим сотни солдат совершали марш-бросок. Их готовили к боевым действиям в условиях суровой континентальной зимы. Эксперимент вышел неудачным. В начавшейся пурге солдаты сбились с дороги, 199 человек замерзли насмерть, спасти удалось только 11 человек.

Летом Японию один за другим посетили сразу два великих князя – Борис Владимирович и Кирилл Владимирович. Визиты августейших особ уже не производили в Японии прежнего впечатления, но все-таки это были члены русского императорского дома. Кому-то казалось, что отношения между двумя странами вот-вот пойдут на лад, но это было обманчивое впечатление. Пока великие князья с приятностью проводили время в Японии, по Владивостоку гулял поклонник русской литературы Фтабатэй Симэй (1864–1909), особенно прославившийся своими переводами из Тургенева. Однако на сей раз цели его визита диктовались не только литературными интересами. Он намеревался открыть во Владивостоке еще один публичный

дом, от служительниц которого можно было бы черпать информацию военного свойства^[287].

Фтабатэй Симэй

Японские предприниматели контролировали во Владивостоке этот вид бизнеса достаточно прочно. В самой Японии это не афишировалось. Зато газеты с гордостью сообщали о победоносном шествии японского изобретения – повозок рикш. Рикши исправно перевозили пассажиров почти по всей Азии. В этом году они появились в Египте^[288]. Однако Европа по-прежнему предпочитала путешествовать в конных экипажах.

В ноябре Мэйдзи отправился на маневры, проводившиеся в далекой префектуре Кумамото. Летом там разразилась эпидемия холеры, но к осени она улеглась. Проезжая на поезде мимо Табарудзака, где в 1877 году произошло сражение его армии с войсками Сайго Такамори, император сложил:

В Табарудзака,
Где когда-то
Воины бились,
Сосенки стали
Деревьями толстыми.

Генерал Ноги Марэсукэ, который участвовал в той битве, сложил в ответ:

В горах и долинах,
Где друзья
В бою полегли,

На кленах осенних
Кровь проступила.

После окончания учений предполагался прием. Гости уже собрались, но император не спешил появляться. Генерал Ямагата отправился к Мэйдзи поторопить его, но тот ответил, что не желает присутствовать на банкете. Он заявил, что перед маневрами чиновники отговаривали его от поездки ввиду опасности заразиться. Теперь он выполнил свой долг и не хочет больше подвергать свою жизнь опасности. А потому он и не желает отправляться на прием. Однако военные все-таки настояли на личном присутствии императора, поскольку это совершенно-де необходимо для поднятия боевого духа войск.

Генералу удалось уговорить императора. Он опоздал на банкет почти на час. Появившись в зале, Мэйдзи занял свое место, кивнул, а затем немедленно ушел, не притронувшись к пище^[289].

Выражения, в которых обращался Мэйдзи к генералу, заставляют предположить, что выдержка изменила ему и с ним случилась настоящая истерика. Она могла быть обусловлена как усталостью, так и тяжелым алкоголизмом, сопровождающимся, как известно, раздражительностью и неконтролируемыми вспышками ярости. Но во всей стране об этом инциденте знали всего несколько человек. Остальные японцы были по-прежнему уверены в том, что их император является воплощением всех мыслимых достоинств.

1903 год

36-й год правления Мэйдзи

Политика по заселению Хоккайдо приносила свои плоды. Тридцать лет назад на острове проживало всего 110 тысяч человек. В этом году население перевалило за миллион. Подавляющее большинство жителей Хоккайдо было японцами, айнов насчитывалось только 17 тысяч. Они ходили в японские школы и стремительно утрачивали самобытные черты, превращаясь в объект исследования со стороны этнографов.

Осенью прошлого года Россия начала было выводить свои войска из Маньчжурии. Но за зиму Николай II попал под влияние малокомпетентных и нечистых на руку советников, группировавшихся вокруг отставного ротмистра, а ныне статс-секретаря А. М. Безобразова. Эти люди возбуждали в государе воинственно-поэтические настроения, которые полностью игнорировали реальность. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин отмечал в своем дневнике, что Николай желает «взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»^[290]. Двоюродный брат Безобразова, контр-адмирал А. А. Абаза, писал: «Русская железная дорога в Маньчжурии являлась как бы торжественно развернутым национальным флагом победоносного шествия России по захватываемой чужой территории»^[291]. Флаг было решено не сворачивать, а соглашение о выводе войск – не выполнять. Русские военные корабли отправились в Чемульпо.

Это немедленно вызвало новый всплеск антироссийских настроений в Японии. Японских православных стали обвинять в том, что в обряд крещения необходимым элементом входит поправление портрета Мэйдзи, а против самого отца Николая развернулась газетная кампания, пытавшаяся доказать, что он является шпионом^[292]. Что, разумеется, полностью противоречило действительности. Опасаясь провокаций, полицейские стали охранять православную миссию в Токио еще усерднее.

В конце апреля Мэйдзи посетил 5-ю промышленную выставку, состоявшуюся в Осака. Раньше Осака славилась как «кухня Японии», теперь ввиду множества построенных там заводов она получила название «столицы дыма». В Осака Мэйдзи впервые довелось услышать фонограф. Его владельцем был некий Мацумото Такэтиро. Мэйдзи купил у него аппарат за 75 иен. Несколько позднее Мацумото преподнес своему императору пять валиков: национальный гимн, запись военного сказа «Кусуноки Масасигэ и битва при Сакураи» и три валика с военными песнями. Вполне достойный подарок для человека, который был главнокомандующим японской армией. Отныне фонограф сделался любимым развлечением императора.

Заехал Мэйдзи и в Киото. Как-то во время ужина он сказал Харуко, что хотел бы покоиться на красивейшей горе Момояма, расположенной к югу от города. Когда-то на этой горе располагался Фусими – замок Тоётоми Хидэёси.

В апреле Министерство образования объявило, что отныне в начальной школе запрещается использование учебников, которые не были подготовлены в его недрах. Кроме самого Министерства образования, учебники теперь визировали представители армии и военно-морского флота.

Электричество начинало свое победное шествие по Японии. В ноябре по улицам Токио пустили первый трамвай. На маршрут вышли сто вагонов. Каждый из них был рассчитан на 44 пассажира. Трамваи курсировали с периодичностью в одну минуту. Услугами нового вида транспорта в первый же день воспользовалось около 90 тысяч человек. Бизнесу рикш был

нанесен смертельный удар.

В этом году в Токио открылся первый кинотеатр. Фильмы в Японии показывали с 1896 года, но постоянных кинотеатров не существовало. Каменное здание получило название «Дэнкикан» – «Электрический дворец».

В Японии издавна огромной популярностью пользовался театр. Однако до правления Мэйдзи статус актера был невысок, а само театральное действо считалось искусством низким. На сцене актеры, игравшие в исторических пьесах, могли быть одеты в шелка и изображать самураев и даже князей, но в «высшем обществе» их не принимали, актеры образовывали нечто вроде касты неприкасаемых, их положение было почти таким же, как у нищих и попрошаек. Однако вместе с театрализацией государственной жизни, вместе с вовлечением все большего количества людей в массовые действия власти поднимался и статус актера.

В сентябре этого года в возрасте 66 лет скончался Итикава Дандзюро IX, великий актер традиционного театра Кабуки. В его похоронах участвовал даже Ито Хиробуми. В прощальном слове он отметил, что актер являлся одним из наиболее выдающихся людей своего времени. В пору юности Дандзюро такие слова произнесены быть не могли. Теперь же он стал рассматриваться как часть национального достояния. Его театр был традиционным, но Япония стремительно входила в западный мир, где в это время актер постепенно становится творцом картины мира, где все большее место занимает лицедейская составляющая. До сегодняшнего дня, когда актер является еще и властителем дум и универсальным образцом для подражания, оставалось еще далеко, но процесс превращения ремесла лицедейства в «высокое» искусство перевоплощения уже начался.

Итикава Дандзюро IX

Газеты и публика требовали войны все настойчивее. Воздух был настолько отравлен военными испарениями, что даже хризантемы, представленные на традиционном императорском осеннем приеме, показались доктору Бёльцу похожими на шеренги солдат^[293]. Люди повторяли слова, будто бы сказанные премьером Кацура Таро: каждый год правления Мэйдзи, который кончается на цифру «семь», приносит международный конфликт: в 7-м (1874) году – это был Тайвань, в 17-м (1884) году у нас были проблемы с Кореей, в 27-м (1894) случилась война с Китаем. Так что же нас ожидает на 37-м (1904) году?^[294]

Ответ напрашивался сам собой. Поскольку зачинщиком всех предыдущих конфликтов была Япония, следовало ожидать, что теперь она нападет на Россию. Японские политики заручились поддержкой Англии, японские публицисты твердили об азиатской солидарности. В этом году Окакура Какудзо опубликовал на английском языке книгу «Идеалы Востока». Она начиналась со слов: «Азия едина». Оценивая войну с Китаем, он утверждал: «Китайская война, которая обнаружила наше превосходство в восточных водах и которая привела наши отношения к еще большей взаимной дружбе, представляла собой естественный выход национальной энергетики...»^[295]

Окакура Какудзо был замечателен своей почти что детской откровенностью. Искусство для него – это война, а война – искусство. «Техника [мастера] – не что иное, как оружие, используемое в войне, которую ведет искусство; научное знание анатомии и перспективы – интендантство, которое поддерживает силы армии. Эти вещи японское искусство может спокойно заимствовать с Запада, не боясь утратить свою природу. Идеалы же – это такие пространства, в которых движется художественная мысль, они – стратегия, которой придерживается естество страны во время войны»^[296].

Сейчас это кажется удивительным, но тогда мало кто из японцев усматривал в этих утверждениях противоречие. Отец Окакура мирно торговал шелком в Иокогаме, сам он распространял метафору войны на искусство. Делая так, он призывал войну настоящую.

Между Японией и Россией еще продолжались переговоры относительно будущего Маньчжурии и Кореи, но общественность была настроена решительно в пользу войны.

После того как Мэйдзи открыл зимнюю сессию парламента 1903 года, его и правительство ждал неприятный сюрприз. Привычная практика заключалась в том, что после открытия сессии каждая из палат преподносила императору адрес, в котором парламентарии благодарили его за то, что он почтил их своим присутствием. Однако на сей раз в адресе нижней палаты выражалось недовольство «пассивностью» правительства во внешней политике. Парламентарии хотели сказать, что Россия заслуживает более решительных действий, то есть войны. Адрес, одобренный единогласно, отвезли во дворец, но Мэйдзи отказался принять его и немедленно распустил палату. Прямое обращение к императору считалось непозволительной вольностью, а само правительство полагало, что действует вполне активно. Просто переговоры с Россией относительно судьбы Кореи и Маньчжурии проходили в условиях строжайшей секретности, никто не считал нужным предоставлять депутатам информацию, что японская армия и флот полностью готовы к войне. Зато все в стране знали, что главой верхней палаты парламента назначен Токугава Иэсато. Наличие в высшем руководстве сёгунской крови теперь воспринималось не как пережиток прошлого, а как гарантия грядущих побед.

Токугава Иэсато

В сущности, вся страна была готова к войне. Любое дело рассматривалось в военном контексте. Метафора борьбы использовалась все чаще. В традиционных японских противоборствах главной целью является не победа над противником, но победа над собой. Похвалы заслуживал не только победитель, но и побежденный – если только он сделал все, что в его силах. Однако получавшие все большее распространение европейские виды спорта культивировали необходимость победы над противником. Начавшееся осенью этого года соперничество между бейсбольными командами университетов Васэда и Кэйё газеты описывали так, как будто бы это была настоящая битва. Битва двух армий, в которой обязательно должен быть выявлен победитель.

1904 год

37-й год правления Мэйдзи

В начале года в Сент-Луисе открылась очередная Всемирная выставка. Мировые державы (в первую очередь Англия, Франция и Америка) любили продемонстрировать на таких выставках богатство своих колониальных владений. До такой степени, что они завозили на выставки «аборигенов», которые, словно звери в зоопарке, вели «привычный» им образ жизни в построенных для них деревнях-резервациях. Зрители наслаждались их голыми телами, песнями, плясками и ремесленными изделиями. Это делалось для того, чтобы «цивилизованная» публика смогла бы по достоинству оценить глубину пропасти, отделяющую ее от «примитивных» народов, и убедиться еще раз в том, какое это счастье – принадлежать к миру белого человека.

На сей раз и Япония решила убедить мировое сообщество в том, что у нее тоже имеются колониальные окраины. На территории японской экспозиции была, в частности, представлена айнская деревня. Япония демонстрировала миру способность подчинять. Для самих японцев «примитивные» айны служили доказательством собственной цивилизованности по крайней мере с VII века. Теперь их предъявляли в качестве средства самоутверждения на международной арене. Айны были не более чем символом могущества Японской империи.

Перспектива. На Всеяпонской выставке 1914 года имелись павильоны Тайваня, Кореи, Маньчжурии, Сахалина, а на выставке 1922 года к ним добавился павильон Сибири. Кураторы выставок шли по пятам за японской армией.

Япония хотела совершить «взаимовыгодный обмен» с Россией: Россия признает Корею сферой интересов Японии, но зато получит свободу действий в Маньчжурии. Однако Россия не хотела отказываться от своих корейских амбиций. Как говорил адмирал Дубасов, «по естественному праву она (Корея. – А. М.) должна быть наша... когда человек протягивает ноги, то сковывает то, что у ног; мы растем и протягиваем ноги, Корея у наших ног, мы не можем не протянуться до моря и не сделать Корею нашею»^[297].

Японцы решили прервать переговоры. 4 февраля в присутствии Мэйдзи состоялось совещание, на котором было решено начать войну. Всего месяц назад, когда многие уже говорили о близкой и даже неизбежной войне, Николай II не верил в это. Основной аргумент: «Они не посмеют»^[298]. Однако Япония посмела. Еще 5 января газетам запретили публиковать любую информацию, касающуюся военной сферы. Они ее действительно не публиковали, заменяя откровенным антироссизмом. Никто не сомневался, что война начнется вот-вот. При этом никто не думал, что Россия нападет на Японию. Однозначно предполагалось: инициатива будет принадлежать японской армии, которая станет воевать на чужой территории. Другая возможность просто не обсуждалась. Люди постарше советовали юношам отращивать усы, которые должны были спасти их от континентального холода. Бёльц сомневался в эффективности этой меры, к тому же, едко заметил он, у большинства японцев усы растут плохо^[299].

За последние два месяца курс акций упал на 25 процентов. 3 февраля атмосферное давление побило все рекорды – на побережье оно поднялось до 784 миллиметров ртутного столба. Наиболее «метеочувствительные» люди сочли это за грозный знак близкого начала войны. Назревала буря.

5 февраля военно-морской атташе Ёсида перерезал телеграфную линию севернее Сеула.

6 февраля японский посланник в Петербурге Курино заявил о разрыве дипломатических отношений, но из-за испорченной телеграфной линии русские дипломаты и военные в Корее и Маньчжурии не узнали об этом вовремя. Даже получив это известие, наместник на Дальнем Востоке генерал Алексеев не посчитал нужным известить Порт-Артур и запретил публиковать сообщение в газетах из-за нежелания «волновать общество».

8 февраля японская эскадра блокировала в корейском порту Чемульпо (Инчхон) крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец». Они, точно так же как и военные суда других стран (включая Японию), постоянно находились там для охраны своих миссий. Сведений о фактическом начале военных операций российское командование не получило. В ночь с 8 на 9 февраля японский флот напал на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Японский флот атаковал корабли, большинство из которых за неимением незамерзающего порта на российском Дальнем Востоке в течение многих лет имели своим основным «портом приписки» Нагасаки и были потому хорошо известны японским морякам. Русские суда не были даже покрашены в защитный цвет, они стояли на внешнем рейде совершенно открыто, с зажженными судовыми огнями. Противоминные сети поставлены не были. Несмотря на множество свидетельств приближающейся войны, атака застала русский флот врасплох.

Русские моряки в Чемульпо отказались сдаться и приняли неравный бой 9 февраля. «Кореец» был взорван, «Варяг» получил тяжелые повреждения и был затоплен собственным экипажем. Японские войска высадились на берег.

За некоторое время до этого корейский двор просил Россию прислать 2000 солдат. По иронии истории вместо русских солдат прибыли японские войска. Японский биржевой рынок отреагировал повышением акций. Первое поражение русского флота оказалось настолько обескураживающим, что по миру пронесся слух, что в момент атаки на Порт-Артур весь офицерский состав находился на рауте у жены командира эскадры адмирала Старка. И будто бы японцы, хорошо зная распорядок жизни русских офицеров, именно эту ночь выбрали для нападения. Это было неправдой, но сама возможность появления слуха хорошо свидетельствует о царившей растерянности.

Еще одна усмешка истории заключалась в том, что группу японских студентов, прибывших в Петербург в 1866 году, в начале их долгого морского путешествия сопровождал военный корабль с тем же самым названием – «Варяг». Так получилось, что это нормандское имя оказалось навсегда вписанным в историю японско-российских отношений.

Перспектива. Японцы подняли «Варяг», он плавал в составе японского флота 11 лет. После этого его продали России, он ушел ремонтироваться в Англию. Тут случилась революция, корабль востребован не был. Его разрезали на металлолом в 1926 году.

Война была официально объявлена только на следующий день после нападения, газеты сообщили об этом уже 11 февраля. 11 февраля – государственный праздник, день восхождения Дзимму на трон. Японская империя готовилась преподнести подарок своим подданным именно к этому дню, а именины жены Старка были здесь ни при чем.

В указе Мэйдзи об объявлении войны говорилось: Россия собирается аннексировать Маньчжурию, хотя она и обещала вывести свои войска оттуда; она представляет собой угрозу для Кореи и для всего Дальнего Востока. В этом заявлении было много справедливого, но это не отменяет того факта, что именно Япония напала на Россию. Стремясь обелить себя в глазах мирового сообщества, японское правительство стало считать, что война началась в день объявления о разрыве дипломатических отношений. И тогда получалось, что атаку на Порт-

Артур нельзя считать «вероломной». Но она могла считаться вероломной только с точки зрения европейских принципов проведения дуэлей с их джентльменскими правилами. Самурайский же кодекс чести не осуждал нападения из-за угла. При воспитании юных самураев в Сацума использовался такой тест. Враг убил твоего отца, после долгих поисков ты наконец настиг его в открытом море. Но твоя лодка начинает тонуть, убийца протягивает тебе руку. Что делать? Правильный ответ: принять помощь, поблагодарить, а потом нанести ему смертельный удар^[300]. Многочисленные нападения «благородных» самураев на безоружных иностранцев («длинноносых и рыжеволосых варваров») говорят о том же. Бусидо – это правила поведения «для своих», на противника-варвара они не распространяются. Официальный Токио, прекрасно усвоивший западную фразеологию, так и утверждал: Япония ведет войну «за цивилизацию, свободу и мировую торговлю».

Справедливости ради надо отметить, что формальные правила начала войны (ее заблаговременное объявление и уведомление нейтральных стран) были приняты только в 1907 году, на Второй мирной конференции в Гааге. Они не соблюдались никогда.

Уже 12 февраля российский посланник барон Розен покинул Японию. Императрица Харуко отправила его супруге богатые подарки и передала свои искренние сожаления по поводу ее отъезда. В этот же день Мэйдзи запретил своим подданным носить российские ордена и попросил иностранных дипломатов воздержаться от их ношения во время нахождения при его дворе^[301].

Уже во второй раз за десятилетие Япония напала первой. Хотя Япония разорвала дипломатические отношения с Россией еще три дня назад, мало кто предполагал, что Япония «дерзнет» напасть на европейскую сверхдержаву. Несмотря на предупреждения специалистов о возрастающей мощи Японии, слишком многие из окружения Николая II жили совершенно фантастическими представлениями о том, как устроен современный мир. Мнения трезвомыслящих политиков и военных экспертов, полагавших, что, ввиду слабости России на Дальнем Востоке, следует пойти Японии на решительные уступки, были проигнорированы. Донесения военных агентов о том, что Япония стремительно и качественно готовится к войне, не были услышаны. И это при том, что даже популярные российские издания открыто говорили: Япония за кратчайший срок сумела добиться невероятных успехов: «И вот они в тридцать лет совершили в своей стране переворот, в сравнении с которым наши шумные европейские революции представляются топтанием на одном месте»^[302].

Имперскость и некомпетентность одержали политическую победу внутри российской правящей элиты. Однако эта победа не могла принести победу военную, хотя, отправляясь на фронт, солдаты пели:

Мы японца переколем,
Царю славу воздадим.
Мы не будем тем довольны,
А и турка победим.

А. Игнатьев передает разговор двух русских генералов: «Узнав в Яхт-клубе от престарелого генерал-адъютанта князя Белосельско-Белозерского об объявлении войны, Николаев спросил: „Да где же находится Япония?“ Когда же Белосельский объяснил, что она расположена на островах, то Николаев, улыбнувшись в свои густые седые усы, ответил: „Что ты, что ты, батюшка! Разве может быть империя на островах!“»^[303]

Российские генералы и адмиралы были много старше своих японских коллег. В пору их

юности Японию если и изучали, то только на уроках географии. Правда, как это видно из вышеприведенного диалога, не все будущие генералы были отличниками.

В приведенном анекдотическом диалоге – суть отношения значительной части тогдашнего российского истеблишмента к Японии. Большинство русских относились к японским воинам как к неполноценным созданиям даже после первых морских поражений. Общее настроение хорошо показывает письмо полкового священника Г. И. Шавельского из Инкоу. Оно датировано 21 марта 1904 года: «Вчера из Инкоу в Ляоянь отослали изловленных двух японских шпионов... Ну что это за люди! Карлики какие-то. Генерал Мрозовский... справедливо заметил, посмотревши на них, что нам стыдно с ними воевать... Какие это вояки? Они подохнут от изнеможения, и искусство их не поможет. То ли дело наши молодцы! Сегодня я любовался 3-м батальоном нашего полка. Он только что (сегодня) пришел с Кавказа: 46 дней ехали, а смотрят такими молодцами. Рослые, красивые, бодрые»^[304].

Однако эта война наглядно показала, что теперь рост, красота и сила солдат уже не являются главными достоинствами армии. Качество вооружений, умение ими пользоваться, современные средства связи, мобильность и управляемость войск, квалификация офицеров и генералов – вот что решало исход. Конница, на которую так рассчитывало российское командование, показала свою малую эффективность в условиях увеличившейся огневой мощи. Появление пулеметов и скорострельная артиллерия редко позволяли довести дело до удара шашкой. То же самое относится и к штыковым атакам, считавшимся «коньком» русской армии. Иными словами: российская армия вступила в войну совершенно неподготовленной. Ни численно, ни технически, ни тактически. Даже окружная железная дорога через Байкал оказалась недостроенной. Русские артиллеристы не знали, как вести огонь с закрытых позиций, горная артиллерия отсутствовала. В начале войны у русской армии оказалось всего восемь пулеметов. А что уж говорить о флоте! По своей силе он уступал японскому в полтора раза. У русского стрелка было патронов в два раза меньше, чем у японского. Царивший в армии протекционизм привел к тому, что многие генералы оказались некомпетентными. Несмотря на личное мужество многих русских офицеров и солдат, российская армия терпела поражение за поражением.

В начале войны каждая из сторон не сомневалась в победе. Императрице Харуко явился во сне Сакамото Рёма, который сыграл столь большую роль во время реставрации императорской власти. Он якобы сказал: победа будет за нами. Придворные были одушевлены чудесным сновидением^[305].

Первые поражения российского флота произвели тяжелое впечатление как на Россию, так и на значительную часть христианского мира. Уже в конце февраля немецкий журнал «Югенд» напечатал стихи поэта и драматурга Рудольфа Грейтса «Памяти „Варяга“». Пересказанные на русский язык Е. Студенской и положенные на музыку неизвестным нам композитором, они превратились в русскую народную песню. Тем более что впоследствии авторство слов также прочно «забыли».

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

.....
Из пристани верной мы в битву идем
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,

Замечательно, что в тексте «Варяга» столь откровенно разыгрывается «желтая карта», введенная в геополитическую колоду Вильгельмом. Официальная Россия с охотой согласилась с ним. Японское же правительство неоднократно заявляло, что эта война не имеет ничего общего со столкновением рас или же религий – она направлена «всего лишь» на обеспечение справедливых интересов страны и защиту Кореи.

Очень многие американские газеты восторгались победами японской армии. Даже не столько победами японской, сколько поражениями русской. Временами казалось, что союзником Японии является не только Англия, но и Америка. Такой тон значительной части американской прессы приписывали действиям еврейской общины – ввиду того, что российские власти попустительствовали внутри страны антисемитизму. Японский же истеблишмент, казалось, позабыл про обиду, которую нанес ей commodore Перри, было проведено торжественное заседание по случаю пятидесятилетия со дня подписания «Договора о дружбе». На нем, в частности, предложили учредить фонд Перри для помощи малоимущим японским семьям и тут же, на заседании, было собрано более 63 тысяч иен. Во всех выступлениях японской стороны отмечалась неизменная дружественность Америки^[307].

Из крупных стран с Россией оставалась только Франция, обеспокоенная судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии.

В течение трех десятилетий борьба против неравноправных договоров была стержнем внешней и внутренней политики Японии, но теперь времена изменились. Впрочем, если бы не эскадры Перри и других «дружественных» государств, с сёгунатом ничего бы не случилось и подавляющее большинство нынешних сильных мира сего не имели бы никаких шансов на возвышение.

Для того чтобы поддержать впечатление о своей религиозной терпимости, японские власти старательно оберегали русскую православную миссию в Токио, а также православных японцев от посягательств ультранационалистов. Количество полицейских, охранявших миссию, производило на зевак такое впечатление, что они стали считать: раньше эта земля принадлежала русской миссии, а теперь она перешла к японскому правительству^[308]. Тем не менее «простые люди» почти повсюду воспринимали православных японцев как русских секретных агентов, шептались и кричали о том, что на оборотной стороне икон имеется изображение Николая II, которому и поклоняются в действительности верующие^[309]. Оскорбления и избиения православных были довольно часты. Случалось даже осквернение могил. Колокольный звон, столь полюбившийся многим обитателям токийского района Суругадай, где располагался Воскресенский собор, пришлось отменить. В Японии православие воспринимали не столько как «мировую» или же «греческую» религию, сколько как официальную идеологию Российской империи.

И это несмотря на то, что повсюду стало широко известно обращение отца Николая, поощрявшее свою паству молиться за победу японского оружия. При этом сам Николай молился за русское оружие. Но только в душе, а не на японских людях. Такое было время: считалось, что заключающийся в человекоубийстве патриотизм – наивысшая человеческая ценность.

Несмотря на националистический прессинг, православные японцы держались крепко, выходов из православия было мало. Они действовали в соответствии с национальными установками: раз начатое оставлять нельзя. Но новых крещений стало, конечно, меньше.

Когда пронесся слух о возможном появлении в районе Токио русской эскадры, в столице немедленно взлетели цены на рыбу – рыбаки стали бояться выходить в море. Раньше, до войны,

торговцы с нетерпением ждали, когда русские моряки сойдут на берег, но теперь все обстояло иначе.

Шпиономания захлестнула Японию. Некая женщина обратилась в полицию с требованием арестовать ее мужа на том основании, что он является российским агентом. При допросе выяснилось: он сбежал из дому, захватив с собой какие-то пожитки. Она же решила, что если полиция поверит в ее шпионскую версию, то мужем займутся серьезно и схватят быстро. Газета «Ямато симбун» опубликовала список иностранных шпионов, в который попал даже доктор Бёльц, пользовавшийся наследного принца Ёсихито и награжденный японским орденом. Бёльц пожаловался в Министерство двора, ему предложили охрану, а редактора отчитали, и он без промедления опубликовал опровержение. В другой газете появилась статья, превозносящая заслуги немецкого доктора^[310]. Журналисты, бывало, бежали впереди паровоза, но стоило сделать им намек, как их мысль – пока что! – начинала работать в правильном направлении.

Желание воевать с Россией объяснялось не только экономическими и геополитическими соображениями. Ввязавшись в войну, японцы выживали из себя комплекс неполноценности. Они прилагали титанические усилия, чтобы вообразить себя «настоящими» европейцами. Стали звучать заявления, что у японцев белое сердце под желтой кожей, а вот у русских – желтое сердце под белой кожей^[311]. То есть это война цивилизации с дикарством, война конституционной монархии с монархией абсолютной. Десять лет назад Фукудзава Юкити тоже говорил о том, что японско-китайская война есть сражение культуры с варварством. Фукудзава умер, но наработки его пригодились.

Но покров «цивилизации» оказался тонок. Как это всегда бывает, война обнажила первобытные пласты сознания. Уходящим на фронт солдатам женщины дарили куски одежды в качестве оберега. Той одежды, которую они носили сами. Логика здесь была такая: поскольку женщина – существо от природы нечистое, то «чистый» металл (пуля) не пожелает попадать в носителя нечистого начала^[312]. Русских же солдат обороняли от беды серебряные образки.

Ватанабэ Нобукадзу. Сражение с казаками у реки Ялу (1904 г.)

На этой гравюре японцы и русские отличаются друг от друга не лицом, а формой. В глубине души многие японцы того времени все еще желали, чтобы их лица приобрели европеоидные черты.

Война требовала денег, подданных обложили целевым военным налогом. С началом войны в Японии ввели государственную табачную монополию. Качество табака немедленно упало. Зато, как и во время прошлой японско-китайской войны, в магазинах появились новые сорта патриотических сигарет – «Сикисима» (одно из древних названий архипелага), «Ямато» (древнее название Японии), «Асахи» («Утреннее солнце» – символ «Страны восходящего солнца»), «Ямадзакура» («Горная сакура»). На ум курильщику немедленно приходили стихи идеолога всего «чисто» японского Мотоори Норинага (1730–1801):

Если спросят тебя
О сердце Ямато-страны
На островах Сикисима,
Ответь: запах сакуры
Под утренним солнцем.

Страна дымила трубами военных заводов и раскуривала папиросы. Курили все – и мужчины, и женщины. «Некурящая женщина и постящийся монах – большая редкость», – повторяли остряки.

Каждый курильщик был когда-то школьником. Каждый школьник был обязан помнить, что между сакурой, патриотизмом и верноподданничеством существует прямая связь, на которую указывал учебник: «Прекрасные и изящные цветы нашей сакуры не имеют себе в мире равных. В своем желании следовать путем верноподданничества наши предки были смелыми, сострадательными, честными, верными и настойчивыми; другие страны не знают ничего подобного».

Сакура к этому времени стала настоящим символом Японии. Журнал «Нихондзин» считался когда-то оппозиционным, но Сига Сигэтакэ с его идеями относительно «неповторимой» природы Японии пришелся теперь ко двору. Школьные учебники противопоставляли сакуру «королю китайских цветов» – пиону (символ процветания и знатности) и «королеве цветочной Европы» – пышной и пахучей розе. Сакура ассоциировалась с чистотой – чистотой помыслов и дел^[313]. Японцы вспоминали слова Нитобэ Инадзо из его книги «Бусидо», где он пропел настоящий гимн цветку сакуры: «Утонченность и изящество его красоты вызывает именно к *нашему* эстетическому вкусу сильнее, чем какой-нибудь иной цветок. Мы не способны разделить с европейцами их любовь к розам, которым недостает простоты нашего цветка. Кроме того, шипы, скрытые за сладостным ароматом розы; та стойкость, с которой она цепляется за жизнь, как если бы она не желала или боялась умирать, предпочитая увядать на корню вместо того, чтобы заблаговременно опасть со стебля; ее эффектные цвета и насыщенный запах – все эти черты столь отличны от нашего цветка, который не несет в своей красоте ни острия, ни яда; он готов в любую минуту расстаться с жизнью по призыву природы; его окраска никогда не бывает пышной, а легкий аромат не отягощает обоняния»^[314].

Лишенный любви к сакуре не мог носить звание настоящего японца. Цветом японца был объявлен белый. Крестьяне полагали, что бурное цветение сакуры – предвестник богатого урожая. Хэйанские аристократы считали, что ее цветы символизируют буддийское положение о непрочности и иллюзорности жизни. Теперь быстротечность цветения сакуры ассоциировалась с готовностью к самопожертвованию во имя императора и его Японии. Нашей Японии. Газеты времен японско-русской войны помещали на первых страницах своих экстренных выпусков рисованные портреты героев в обрамлении из цветов сакуры^[315]. На вышитых золотой нитью погонах адмиралов красовалось три цветка сакуры (в сухопутных войсках знаком различия

служили пятиконечные звезды). В отличие от Запада, где державность обычно рядилась в перья и шкуры хищников (орел, лев, тигр), в Японии господствовал растительный код национализма.

Перспектива. Во время Второй мировой войны предназначенные для воинов-камикадзе летательные аппараты одноразового использования назывались «цветок сакуры». Когда война уже подходила к концу, перед своим последним полетом пилот-смертник младший лейтенант Окабэ Хэйити сочинил:

Нам бы только упасть,
Словно весенняя сакура —
Лепестки так чисты и сияющи!

Это была первая война, когда каждую часть сопровождали фотоаппараты. И пусть фотоаппараты того времени не были в состоянии фиксировать быстрое движение, почин был сделан. С этих пор военные фотоаппараты начинают все больше вытеснять работы военных художников.

Закрепленное в культуре стремление к документированию истории (в том числе персональной) обусловило тот факт, что фотография к этому времени получила в Японии широчайшее распространение. Так что фотоаппараты хорошо зарабатывали и в тылу — каждый солдат считал своим долгом перед отправкой на фронт оставить свое изображение родным. Порой не просто на память. Фотографии погибших стало принято ставить на домашний алтарь и там совершать изображению приношения, «кормить» фотографию. Когда в Японии появились первые фотоаппараты, их фирменной приманкой была фраза: «Ценнейшее искусство: сохраним для потомков папу с мамой на сто лет вперед». Теперь фотоаппараты сохраняли для родителей образ погибшего сына.

Японцы предусмотрительны и склонны к планированию своей жизни, подготовка к собственной смерти тоже входила в планы юных солдат. Это не мешало им предвкушать будущие триумфы — в лавках их вниманию предлагались бесчисленные дешевенькие литографии с изображениями гипотетических будущих побед в тех битвах, которые еще не состоялись. В воздухе пахло триумфами, о поражении не думал никто. Уходившие на фронт ласковые солдаты дарили детям глиняные головки русских воинов, обещая вернуться домой с настоящими головами бородатых казаков. Разница в отношении к «своим» и «чужим» выявлена в японской культуре еще отчетливее, чем в других.

Исикава Такубоку с женой

Люди дарили друг другу полотенца с изображениями батальных сцен, одежды девочек покрывали орнаменты из военных кораблей и пушек. Продолжая верить в перерождение, японцы отдавали все свои будущие жизни императору Мэйдзи. Лозунгом дня стало выражение «Ситисё хококу» – «Все семь жизней – своей стране». Раньше, при сёгунате, эта страна требовала от «простых» людей только налогов и мускульных усилий. Теперь она завладела и душами.

Юный поэт Исикава Такубоку (1886–1912) в начале войны буквально сгорал от патриотической лихорадки. Он записал в своем дневнике, что должен сочинить песню для патриотов – для тех, кто хочет петь, но не имеет для этого слов. Но он был настоящим поэтом. Стоило газетам сообщить о гибели подорвавшегося на mine «Петропавловска» с адмиралом Макаровым на борту, как Такубоку написал поэму «Памяти адмирала Макарова», в которой он призывал забыть про распрю.

Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов,
Замрите со склоненной головой
При звуках имени его: Макаров!
Его я славлю в час вражды слепой
Сквозь грозный рев потопа и пожаров.
В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит.

(Перевод В. Н. Марковой)

Ёсано Акико

Котоку Сюсуй

Для того чтобы в разгар войны написать такое стихотворение, требовалось большое мужество. Но кто тогда знал Такубоку? Такубоку был один, а «настоящих» патриотов – много.

В Японии того времени не было несогласной с правительством личности, которая по своей авторитетности хоть сколько-нибудь приближалась к Л. Н. Толстому. Антивоенная и антиправительственная публицистика Толстого переводилась и издавалась в Японии, в России же перепечатывать было почти нечего. Против войны с пацифистских позиций выступил

Утимура Кандзо. Под влиянием статьи Толстого «Одумайтесь!» поэтесса Ёсано Акико (1878–1942) написала стихотворный призыв «Не умирай!». Он был адресован ее младшему брату, который штурмовал Порт-Артур. Толстой осуждал империалистическую политику России, Ёсано Акико всего лишь хотела, чтобы ее брат остался в живых. Но и такого естественного желания оказалось достаточно, чтобы ее все равно подвергли остракизму.

И только группка социалистов из общества «Хэйминся» («Общество простолюдинов») выступала против войны. В ее еженедельной газете «Хэймин симбун» Котоку Сюсуй в марте опубликовал обращение к «братьям и сестрам» – российским социалистам. В этом обращении он обличал милитаристские устремления обеих стран. Меншевистская «Искра» напечатала его перевод. Этот перевод прочло, вероятно, намного больше людей, чем сам оригинал.

В связи с этим не могут не вызвать удивления оценки внутреннего положения в Японии некоторыми людьми, от которых напрямую зависела будущность русско-японских отношений. Так, в 1899 году герой русско-турецкой войны адмирал Ф. В. Дубасов искренне полагал, что если Япония объявит России войну, то «это будет к ее беде. Поднимутся здесь внутренние бунты, потому что народ ненавидит Правительство, не сочувствует всем мерам его и ждет только случая, чтобы общим восстанием заявить это»^[316]. Именно стараниями Дубасова был в 1900 году сменен посланник в Японии барон Р. Р. Розен, занимавший, по его мнению, «японофильскую» позицию (в ноябре 1902 г. был назначен вновь)^[317]. По иронии судьбы, назначенный на должность московского градоначальника Дубасов руководил подавлением Декабрьского восстания, одной из причин которого стала русско-японская война.

Следует, разумеется, помнить, что припадок патриотизма случился не только у японских писателей. Многие русские писатели не отставали от них. В. Брюсов писал П. П. Перцову 24 марта: «Ах, война! Наше бедствие выводит меня из себя. Давно пора бомбардировать Токио... Я люблю японское искусство. Я с детства мечтаю увидеть эти причудливые японские храмы, музеи. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого, – я за варваров, я за гуннов, я за русских! Россия должна владычествовать на Дальнем Востоке, Великий Океан – наше озеро...»^[318] Оказалось, что даже искусство не в состоянии подняться выше схватки между двумя императорами, империями, нациями, хищниками.

Газеты обвиняли Японию в «вероломстве», журналисты соревновались в том, кто из них выскажется о японцах наиболее обидным и оскорбительным образом. А. Суворин писал в своем «Новом времени»: «И вдруг дьявол поднялся на Дальнем Востоке, куда мы спешили с головокружительною быстротою, точно нас толкала туда какая-то неведомая сила. Дьявол притворился смирным, поджал хвост, опустил рога и, высунув набок лживый язык, моргал кривыми глазами, в которых светился зеленый огонь. Цивилизованный дьявол, приятный, скромный дьявол, – думали мы. А он подкрался и выпустил горячее пламя, и оно обдало нас и обожгло...»^[319]

Нацумэ Сосэки

Того Хэйхати

Но все-таки среди подданных Российской империи находилось намного больше противников войны, чем их было в Японии. Российская общественность не успела проникнуться чувством, что Дальний Восток – это часть отечества. Поднимающаяся ненависть к самодержавию затмевала патриотические эмоции. Гимназисты в Витебске кричали «Да

здравствует Япония!», а петербургские студенты-путейцы планировали послать Мэйдзи сочувственный адрес^[320].

Что до японцев, то лишь очень немногие из них осмеливались на критику. К их числу принадлежал Нацумэ Сосэки. В своей замечательной повести «Ваш покорный слуга кот» он не оставляет камня на камне от официального патриотизма. Главный герой повести заявляет: «Я кот японский, а поэтому, конечно, японофил. Если бы мне представилась возможность, то я даже хотел бы сформировать кошачью бригаду и отправиться на фронт царапать русских солдат. Став на середину кухни, я огляделся по сторонам, стараясь угадать, откуда появятся мыши. У меня было такое ощущение, словно я не кот, а адмирал Того»^[321].

Но люди, подобные Нацумэ, были в абсолютном меньшинстве. Подавляющее большинство японцев считало, что в этой войне Япония защищает не только свой суверенитет, но и «свободу» Кореи и Китая. Но случались, конечно, и проколы. Например, в детских книжках-картинках, которые должны были объяснить детям смысл войны. В одной из них изображался кореец с китайцем, которые почтительно приносят японцу богатые дары^[322]. Детям было трудно объяснить, что это такое – свобода и зачем за нее надо бороться...

С улиц японских городов исчезла конка – лошади тоже отправились воевать. Все для фронта, все для победы. По случаю этих побед в токийском парке Хибия устраивались военные митинги – представители власти произносили речи, исполнялся гимн, по призыву руководства все митингующие кричали здравицы Мэйдзи и угощались. Парк Хибия устроили на месте бывшего плаца. По японским понятиям его территория казалась огромной – 54 000 цубо, то есть 189 тысяч квадратных метров. Его пространство было приспособлено для массовых действий, участники которых дышали тем же порохом угаром, что и прежние пользователи плаца. Расцвеченные бесчисленными флагами бесчисленные колонны при взгляде сверху напоминали гигантский ковер. Наблюдатели отмечают, что на таких митингах царил идеальный порядок. Тем не менее во время давки, возникшей на митинге, который происходил 8 мая, погибло 20 человек^[323]. 20 человек из 100 тысяч участников. Все они принадлежали к народу Великой Японской Империи. На таких митингах верхи соединялись с низами, потенциальные герои и потенциальные покойники – с героями уже погибшими. Совместная трапеза закрепляла достигнутое единение. В Японии 1904 года еще никому не приходило в голову рассматривать отобилизованное воодушевление масс как разновидность массового психоза.

Следует помнить: для приведения народа в послушное и гомогенное состояние усилий одного нынешнего правительства было бы недостаточно. Оно только закрепляло и развивало коллективизм и патернализм, который пустил глубокие корни в японской культуре. Строительство общенародного тела воспринималось как естественная потребность. Отсутствие Центра приводило к потере ориентации. Невписанность в систему означала для человека потерю статуса и превращение в ронина – самурая, которому некому служить. Экономическая основа феодализма была разрушена. Но тоска по «хозяину» приводила к его обретению в лице императора Мэйдзи. Желание повиноваться и участвовать в общем деле одушевляло японцев. У них не было душевной защиты против тоталитаризма.

Урожай этого года выдался отменным. Люди видели в этом добрый знак.

10 октября впервые в японской истории Мэйдзи выпустил указ, в котором он благодарил свой народ за воинский дух, обнаруженный им в ходе войны. Экстренные выпуски газет донесли текст указа до всех его подданных. Подданные исполнились ликования: император видел и ценил их старания.

Подданные Мэйдзи ждали новых и новых побед. Императору они становились известны из докладов, подданным – из экстренных выпусков газет. Продавцы газет звенели укрепленными на

поясе колокольчиками и выкрикивали новости. День, когда не раздавался этот веселый звон, казался прожитым зря. Эта война, точно так же как и война с Китаем, подстегнула газетный бум. В стране издавалось около двух сотен газет. Журналисты стали писать проще и доходчивей, язык письменный стал походить на разговорный еще больше. Газеты читали не только дома – владельцы баров, кафе и ресторанов предоставляли клиентам возможность следить за событиями, не отрываясь от пищи. Газеты сделали войну общедоступной, они сделали ее товаром ежедневного поглощения.

Принц Ёсихито между тем увлекся книгами по археологии. Семейная жизнь пошла ему на пользу: он избавился от вспыльчивости и приступов депрессии. У самого же Мэйдзи в конце этого года врачи обнаружили сахарный диабет. Он стремительно дряхлел и начинал походить уже не столько на «отца нации», сколько на ее дедушку. Но это не помешало ему 27 декабря пригласить дипломатический корпус в свои угодья в префектуре Тиба – поохотиться на уток. Такая забава была принята при государевом дворе. При этом охотились не с ружьями, а с сетями. Когда на звук манка утки выплывали из пруда в узкую канаву, охотники набрасывали на них сетку. Утки пугливы, поэтому, как поучали дипломатов, самое главное в этом действе – вести себя тихо.

Зримым подтверждением этого поучения служила и детская комната младенца – сына Ёсихито, Такамацу. Она была украшена флажками всех стран мира. Не были представлены там только Россия, Франция и Германия^[324]. Франция была союзницей России, Германия вела себя не слишком последовательно, пытаясь не поссориться ни с Японией, ни с Россией.

1905 год

38-й год правления Мэйдзи

В России разворачивалась революция, государственная машина обнаруживала признаки некомпетентности и распада. Подданные Мэйдзи демонстрировали своими шествиями лояльность, подданные Николая II – рост антиправительственных настроений. В самом начале года, 9 января, на Дворцовой площади Петербурга была расстреляна мирная демонстрация.

Мэйдзи же отпраздновал Новый год как обычно. Правда, на банкете, за исключением представителей дипломатического корпуса, других иностранцев не пригласили. Все подданные императора были облачены в парадные мундиры с золотым шитьем, которые сильно смахивали на военные. Из всех людей, находившихся на службе японского двора, только доктор Бёльц был во фраке^[325]. Эстетические идеалы менялись. Стремление быть незаметным сменилось лозунгом «Все напоказ!». Мишурное золото и развевающиеся знамена определяли лицо эпохи.

Но не только золото и знамена. В этом году отмечался тысячелетний юбилей поэтической антологии «Кокин вакасю» («Кокинсю») – «Собрание старых и новых японских песен». Она была составлена поэтом и придворным Ки-но Цураюки по императорскому указу. Считалось, что в эпоху, когда китайский письменный язык был при дворе намного более престижным, чем японский, создание этой антологии знаменовало собой начало возрождения собственной культуры. В «Кокинсю» собрано множество стихов, воспевающих весеннюю сакуру. Китайские же поэты отдавали предпочтение сливе. В антологии тоже есть стихи о сливе, но во время войны особую актуальность приобретала именно сакура. По случаю юбилея Ки-но Цураюки присвоили очередной придворный ранг.

В январе после длительной и кровавой осады пал Порт-Артур. Английские газеты наперебой поздравляли своего союзника. На страницах «Лондон стандарт» генерал Ноги ответил короткой благодарностью, в которой, в частности, сказал, что эта победа не заслуживает похвалы, ибо слишком много людей полегло на поле боя. Однако японские газеты взяли другой тон. Стали говорить, что японцы соединяют в себе воинские доблести спартанцев и мудрость афинян. Свои победы японцы в то время желали видеть в международном преломлении.

Ноги Марэсукэ

После падения Порт-Артура многим взятым в плен русским офицерам разрешили вернуться домой под расписку о том, что они больше не будут участвовать в военных действиях. Вильгельм II наградил Ноги орденом императора Фридриха. Точно так же, как и командовавшего обороной Порт-Артура Стесселя. Это было время, когда еще ценили не только храбрость победителей, но и мужество побежденных.

Подготовка к празднованиям по случаю взятия Порт-Артура началась чуть ли не в самом начале войны. Потом планировалось взять крепость и ко дню рождения Мэйдзи (3 ноября), и к открытию зимней сессии парламента, но удалось это сделать только сейчас. Патриотический угар охватил всю Японию. Праздничные бумажные фонарики и национальные флаги сметались с прилавков. Для подавляющего большинства японцев взятие Порт-Артура являлось прежде всего долгожданным актом возмездия за то, что Россия отобрала его у Японии. У домохозяек вошла в моду прическа «высота 203», якобы напоминавшая по форме ту самую высоту, с которой генерал Ноги обстреливал из тяжелых орудий Порт-Артур. Школьники маршировали по улицам, демонстрируя недетскую лояльность. В стройных колоннах находились и мальчики, и девочки.

Старшее поколение японских женщин о таком равенстве не могло и мечтать. Японские девочки теряли в женственности, но зато прибавляли в мужественности.

Россию стали называть «бумажным медведем», раздавались все более громкие голоса, что теперь-то японская армия запросто домарширует до Байкала. В Японию стали прибывать суда с 30 тысячами плененных защитников Порт-Артура. На станциях, где останавливались составы с узниками, собирались молчаливые толпы. Люди хотели посмотреть на своих противников. Они были православными, многих из них размещали в буддийских храмах. Контроль над содержанием заключенных осуществляла французская миссия.

Военные успехи Японии были достигнуты не только благодаря победам на фронте. В России японцы имели разветвленную агентурную сеть, в которой были задействованы сотни подданных императора Мэйдзи, работавших парикмахерами, поварами, продавцами, проститутками. Японское командование имело детальнейшие сведения о дорогах, коммуникациях и дислокации российской армии. Японская разведка активно закачивала в российских социалистов, известных своими «пораженческими» настроениями, деньги и оружие^[326].

Особенно известную роль сыграл в этом отношении полковник Акаси Мотодзиро (1864–1919). Через него финансировалось революционное движение в России. До войны он служил военным атташе в Петербурге, а после разрыва дипломатических отношений вместе со всем персоналом посольства переправился в Стокгольм. Там проживало немало финнов, высланных из России по политическим соображениям. С их помощью Акаси организовал закупку в Швейцарии 25 тысяч винтовок и свыше 4 миллионов патронов. Часть оружия переправили в Лондон. После этого купили 315-тонный пароход «Джон Графтон», который доставил оружие в Финляндию^[327]. Однако после того, как 4 и 6 сентября две партии оружия были выгружены, «Джон Графтон» налетел на мель и его пришлось взорвать. Подавляющая часть оружия попала в руки полиции. «Джон Графтон» сел на мель без помощи российской контрразведки, которая не смогла помешать осуществлению операции.

Свой доклад о деятельности в Европе Акаси назвал совсем не по-шпионски – «Ракка рюсуй» («Опавшие цветы и поток воды»). Это выражение – метафора сострадания и любви: влюбленный цветок-мужчина падает вниз, а вода принимает его в свои объятия. Он, разведчик Акаси, словно цветок «упал» в волны Мирового океана, по водам которого он слал российским революционерам оружие. Акаси был не только шпионом. Он был еще поэтом и художником. Поэтом и художником Великой Японской Империи.

Японские шпионы, конечно, помогали революционерам в России, но не стоит думать, что эта помощь могла оказать хоть сколько-нибудь существенное влияние на ход боевых действий. В мае случилась Цусима – балтийский флот потерпел жуткий разгром. Перед началом сражения на флагмане «Микаса» взвилось боевое напутствие: «Жизнь и смерть империи зависят от этого сражения, пусть каждый сделает все, что в его силах». В этом поражении русского флота трудно винить Акаси. Теперь Россия могла вести войну только на суше.

Однако, несмотря на все победы, ближайшее будущее представлялось японскому командованию весьма туманным. Оно понимало: военный, людской и ресурсный потенциалы России, если оценивать их с точки зрения долгосрочной перспективы, были несомненно выше. Япония начала войну первой, первой она стала и добиваться мира. Наиболее здравомыслящие государственники еще до начала войны отдавали себе отчет в том, что Япония может выдержать только один год боевых действий. К затяжной войне страна была не готова. Ни материально, ни психологически – японцы не имели исторического опыта ведения длительных войн.

По просьбе министра иностранных дел Комура Дзютаро, в качестве инициатора переговоров о мире выступил американский президент Теодор Рузвельт. Сообщение о его

предложении было встречено общественным мнением в штыки. Однако правительство 10 июня согласилось на переговоры.

Хотя российские «патриоты» требовали войны до победного конца, война не пользовалась популярностью в стране, было немало случаев массовой сдачи в плен, Россия не выиграла ни одного крупного сражения, революционное движение подтачивало силы империи. Поэтому голоса сторонников скорейшего заключения мира становились все слышнее и в российской элите. 12 июня Россия ответила на предложение американского президента положительно, однако она медлила в части практического осуществления переговорной идеи. Последним аргументом в пользу скорейшего мира стала оккупация японцами Сахалина. Считается, что к высадке на Сахалин Японию подтолкнул Рузвельт, чтобы Россия стала сговорчивее.

Передовые части 13-й дивизии высадились на Сахалине 7 июля. Регулярных войск на Сахалине находилось совсем немного, пришлось вооружать каторжан. Несмотря на обещание за каждый месяц участия в обороне списывать по году заключения, дружинники сдавались сотнями. Единого руководства не существовало, с самого начала ставка была сделана на партизанскую войну. Среди защитников острова погибло 800 человек, в плену оказалось более четырех с половиной тысяч. Потери японской армии составили 39 человек^[328]. По свидетельству очевидца, японские солдаты «массы мирных жителей избивали без всяких причин, женщин насиловали, других женщин и детей рубили и расстреливали так же, как мужчин; русских каторжников множество и массами расстреляли под предлогом, что „этот народ, мол, ни к чему не годный“; даже умалишенных больных повытаскивали из госпиталя и расстреляли; а другие массы каторжников, как скотов, перевезли в Де-кастри и бросили без пищи...»^[329]. Отец Николай объяснял эти жестокости тем, что на Сахалине не оказалось иностранных корреспондентов.

Мирные переговоры должны были состояться в крошечном американском городке Портсмут. Огромная толпа провожала японскую делегацию во главе с Комура в порту Йокогамы. Рядовые японцы были уверены, что ему удастся добиться от России огромных уступок. Но сам Комура знал, что это не так. Уже предвидя реакцию «народа» на исход предстоящих переговоров, Комура тихо произнес: «Когда я вернусь, эти люди превратятся в бунтующую толпу и встретят меня кошками грязи или стрельбой. Так что лучше сейчас насладиться их криками „банзай!“»^[330].

Портсмутская конференция началась 9 августа, а закончилась уже 29 августа. Переговоры проходили в лихорадочном темпе. Никто не хотел воевать, обе стороны показали склонность к компромиссу. Уровень российской делегации был выше – ее возглавлял председатель Совета министров С. Ю. Витте. Хотя формально перемирие объявлено не было, боевых действий в это время не велось.

Комура Дзютаро

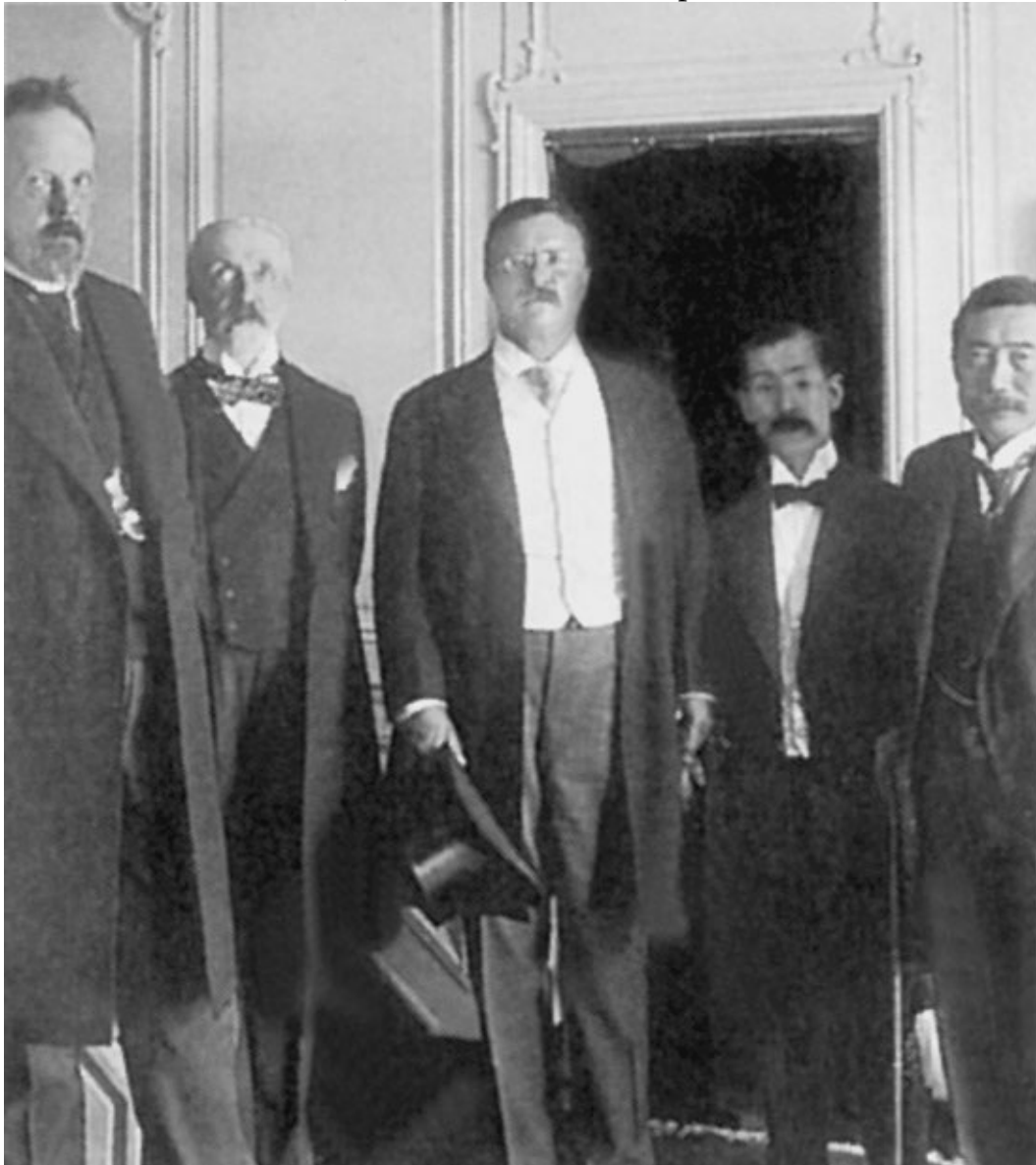
Из публики мало кто ожидал, что Витте, а вместе с ним и всей России, удастся добиться «почетного» мира. И только специалисты отдавали себе отчет: да, Япония победила, но она истощена не меньше России. Поскольку Япония вела по преимуществу наступательную войну, ее людские потери оказались значительно более тяжелыми (50 тысяч убитых у России и 86 тысяч у Японии). Госпитали были забиты ранеными и больными. Ряды солдат по-прежнему косила бери-бери. Четверть японских потерь под Порт-Артуром была вызвана этой болезнью^[331]. В армию начали призывать резервистов и юнцов уже следующего года призыва. Пошли разговоры о том, что вскоре минимальный рост солдат снизят со 150 до 147 сантиметров. Всего же за время войны был мобилизован 1 миллион 185 тысяч человек – около 2 процентов населения^[332]. Солдаты устали, боевой дух падал, в метрополии росли цены и налоги, внешние долги были огромными.

Рузвельт считал выгодным для Америки, чтобы в результате подписания мирного договора ни одна из сторон не получила решающего преимущества. И тогда после окончания войны две страны продолжат противостояние, а американским интересам в Азии не будет угрожать опасность – ни «желтая», ни «славянская». Победа Японии уже нанесла первый удар по американским интересам. Поверив, что Западу можно противостоять, китайцы «осмелели» и стали бойкотировать американские товары.

Симпатии американской общественности склонялись в пользу России. Даже не столько самой России, сколько Витте. Комура был низок ростом, болезнен и малосимпатичен. В Японии его прозвали «мышкой». Хмурый и закрытый для общения, Комура производил весьма неблагоприятное впечатление и на американцев. Это впечатление накладывалось на антияпонские настроения, которые были достаточно сильны среди «простых» американцев. В Америке к этому времени проживало уже около 100 тысяч японских эмигрантов. Многие считали, что, соглашаясь на грошовую зарплату, японцы лишают их рабочих мест. Профсоюзы требовали изгнать японцев. Американцы видели, что японцы живут компактными колониями, не желают смешиваться с местным населением, принимать христианство и становиться «настоящими» американцами. Они утверждали, что многие японки зарабатывают свой кусок хлеба проституцией.

В этом смысле выбор Америки в качестве места для переговоров оказался, возможно, не самым приятным для японской делегации. Однако антияпонские эмоции не оказали никакого влияния на реальный ход переговоров. Простые американцы еще не знали, что Америка уже успела заключить с Японией тайный договор: Рузвельт признал японский протекторат над Кореей, а Япония согласилась на управление Филиппин Америкой.

Витте пытался подстроиться под улыбчивых американцев. Он жал руки обслуживающему персоналу, любезничал с журналистами, заигрывал с настроенной (ввиду государственного антисемитизма) против России еврейской общиной и старался не показать виду, что России нужен мир. Он утверждал, что в этой войне нет победителя, а если нет победителя, то нет и побежденного. В результате он «сохранил лицо» и отклонил некоторые требования Комура. Так, Россия отказалась выплачивать контрибуцию. Витте отвел и требование передать Японии интернированные в нейтральных водах российские военные суда, что противоречило международному праву. Не согласился он и на сокращение российского военного флота в Тихом океане. Для российского державного сознания это являлось немыслимым и заведомо невыполнимым условием. Однако японские переговорщики прекрасно понимали, что Россия никогда не пойдет на эти требования. Они выдвигали их только затем, чтобы, отказавшись от них, показать «гибкость» своей позиции. Их главный интерес заключался совсем в другом.

Главные переговорщики в Портсмуте. Слева направо: Витте, посланник России в Японии Розен, Рузвельт, Комура, японский посланник в США Такахира Когоро

Россия признала Корею сферой японских интересов и отдала Японии построенную Россией Южно-Маньчжурскую железную дорогу, соединявшую Порт-Артур и Мукден. Уступила Россия и права на аренду Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Российские войска покидали Маньчжурию. Удалось Комура добиться и территориальной уступки – Япония получила южную часть уже оккупированного Сахалина. Конечно, Сахалин в то время не имел большого значения – ни геополитического, ни экономического, но в качестве еще одного символа расширяющегося пространства он был для Японской империи совсем не лишним.

В сущности, правители Японии получили все то, чего они хотели. По большому счету, они хотели признания своих «особых» интересов в Корее и, отчасти, в Китае. Все остальное можно рассматривать как необязательный довесок. В инструкции, полученной Комура до начала переговоров, говорилось о «факультативности» контрибуции и аннексии Сахалина. Комура блефовал, когда в начале переговоров потребовал передачи всего острова. Получив его половину, он достиг безусловного успеха. Япония переиграла Россию не только на полях сражений, но и на поле дипломатическом. Впоследствии Витте представлял Портсмутский договор как свой триумф и получил титул графа. Но на самом деле никакого успеха не было. Безусловный успех заключался только в одном: он, лично Витте, произвел весьма благоприятное впечатление на американское общественное мнение. Японская сторона также оценивала Витте очень высоко. Ямагата Аритомо утверждал, что язык Витте стоит ста тысяч солдат. Тем не менее Комура удалось переговорить и его. Но никакого титула он не получил.

Перспектива. В результате сокрушительного поражения Японии во Второй мировой войне Сахалин и Курильские острова оказались под юрисдикцией Советского Союза. В настоящее время Япония требует возврата четырех самых южных островов (Хабомай, Шикотан, Итуруп и Кунашир). Договоры 1855 и 1875 годов относили их к территории Японии.

Оценивая результаты конференции в целом, следует признать их и для Японии, и для России вполне реалистичными – они соответствовали результатам войны. Войны, которую обе армии вели на чужой территории, присвоив себе право распоряжаться не только жизнями своих, но и чужих подданных.

Первая статья Портсмутского договора начиналась со слов: «Мир и дружба пребудут отныне между их величествами императором всероссийским и императором Японии...» Когда цесаревич Николай посетил Японию 14 лет назад, с императором Мэйдзи они тоже беседовали о мире и дружбе. Десять лет назад, после победоносной войны с Китаем, коалиция европейских держав не признала претензии Японии на роль дальневосточного гегемона. Теперь все обстояло по-другому – они приняли Японию в свой закрытый клуб, который определял судьбы стран и народов. Стремясь к паритету с Западом и буквально завоевав это равенство, Япония сделала еще один решительный шаг в сторону от заветов своих предков, которые предпочитали жить интересами своего архипелага. Как показали последующие события жесточайшего XX века, этот отход от традиционного образа мыслей привел страну к катастрофе.

Рузвельт за свое посредничество в деле японско-российских отношений получил впоследствии Нобелевскую премию мира, но в самой Японии мирный договор вызвал шквал протестов. Газеты называли правительство и переговорщиков предателями. Передовицы, посвященные мирным соглашениям, выходили в траурных рамках. Всю войну правительство кормило верноподданных рассказами о том, что японская армия непобедима, а российская – немогуща. Реального положения на фронте подданные не знали, и потому условия мира казались им унижительными. В Японии отсутствовало антивоенное движение, в этой стране имело шансы

на успех движение только провоенное. Правительство стало заложником собственной пропаганды. Из-за жесткой цензуры японцы знали о реальном ходе войны намного меньше, чем жители России и Европы, никто не мог предположить, что Япония потеряла значительно больше жизней, чем Россия. Перед войной и во время самих сражений правительство умело нагнетать страсти, их усмирение превратилось в проблему. В самом начале войны Окума Сигэнобу писал о том, что японская армия готова завоевать Сибирь и домаршировать до Санкт-Петербурга. Окума писал, люди ему верили. И что же теперь?

5 сентября уполномоченными Японии и России был подписан Портсмутский мирный договор. В этот же день в токийском парке Хибия ультраправая «Лига борьбы с мирным договором» наметила провести митинг против заключения договора. Люди, привыкшие митинговать в этом парке в ознаменование военных побед, требовали новых триумфов. А правительство лишало их этого удовольствия. До этого времени антиправительственные собрания устраивались главным образом в закрытых помещениях – в Японии было слишком мало открытых площадок для массовых действий. Крупные собрания проходили по преимуществу в театрах, полиции это было очень удобно. Правительство создало открытые площадки для демонстраций в свою поддержку, но теперь оказалось, что их можно использовать и в антиправительственных целях. Оппозиционеры получили возможность выплеснуться на улицы.

350 полицейских блокировали ворота парка Хибия, но 30-тысячная толпа смяла их и ворвалась в парк. На одном из агитационных воздушных шаров было начертано: «Как посмеём встретиться с духами наших предков?» На агитацию «Лиги» откликнулись в основном представители городских низов. Именно эти люди больше всего натерпелись от военных налогов. Именно они рассчитывали, что выплата Россией репараций поможет им восстановить достаток.

Приняв за 30 минут несколько резолюций, требовавших расторгнуть мирный договор и продолжить военные действия, часть митингующих направилась к императорскому дворцу. Дойдя до дворцовой площади, оркестр заиграл национальный гимн, но полиция стала вырывать из рук оркестрантов инструменты и отбирать траурные флаги. Тогда демонстранты направились к театру «Синтоми», где было намечено продолжить митинг. Там тоже вспыхнули драки. Демонстранты забросали камнями здание проправительственной «Народной газеты» («Кокумин симбун»), которую издавал Токутоми Сохо. Это была едва ли не единственная газета, которая поддержала мирный договор. Толпа атаковала и резиденцию министра внутренних дел, посмеявшегося запретить митинг. Здание подожгли. Толпа рассеялась только с прибытием регулярных подразделений доблестной армии. Но и распавшись на группы, демонстранты всю ночь громили полицейские участки. Никто уже не помнил о первоначальных целях митинга.

На следующий день приступили к погромам христианских церквей. У русской православной миссии была заблаговременно выставлена охрана из 40 гвардейцев. И не напрасно. Отец Николай свидетельствует: «Рев народа делался все ближе и ближе. Наконец, толпа с ревом и визгом остановилась у ворот и стала ломиться в них; гвардейцы, снаружи и внутри охранявшие ворота, защищали их и уговаривали толпу. Чугунные ворота не уступили напору, только замок сломался, но железное кольцо удержалось. После долгого крика и визга, похожего на кошачий – тысячи котов вместе, толпа, не переставая визжать, повалила мимо». После этого недовольные сожгли ближайший полицейский участок, а для защиты миссии власти прислали дополнительный отряд, так что в охране находилось уже более 100 человек^[333].

Православные церкви и молельные дома не пострадали, но было сожжено 13 протестантских и католических церквей. Возле иностранных посольств выставили внушительную охрану. Американское посольство охраняло 400 человек – поскольку многие находили президента Рузвельта виновным в «позорном» мире. Во время войны американцы

были лучшими друзьями – теперь, с наступлением мира, они стали злейшими врагами. Иностранцы пребывали в ужасе, но их было слишком мало, чтобы правительство не сумело защитить их. В то время в Токио проживало всего 800 европейцев.

Этой же ночью толпа сожгла 15 трамваев. Нападавшим не понравилось, что власти собирались украсить трамваи цветами в честь заключения мира. Трамваи вызвали особое озлобление у их конкурентов – рикш. 53 частных дома обратились в пепел. Правительство ввело в столице чрезвычайное положение, было устроено 70 блокпостов, войскам приказали не допускать сборищ и стрелять на поражение, выпуск оппозиционных газет был приостановлен. С введением чрезвычайного положения беспорядки почти мгновенно прекратились. Газеты заполнили письма разгневанных читателей, утверждавших, что министры «продали» свой народ, против заключения мирного договора в провинции проводились митинги трудящихся (на них было принято более 230 резолюций в защиту войны ^[334]), но масштабные волнения больше не повторялись. Только в Кобэ толпа успела стащить с пьедестала бронзовую статую Ито Хиробуми. Несмотря на недовольство правительством, уважение и трепет перед государственными институтами в японском народе были велики. Бунт «черни» против властей не имел глубоких корней в японской истории и культуре.

Потери полиции составили около 500 человек ранеными. Количество пострадавших среди бунтовщиков оценивается в одну-две тысячи, 17 человек погибли. У большинства из них были обнаружены сабельные раны на спине. Полиция арестовала 2000 человек. Из них 40 получили тюремный срок. Наиболее активными погромщиками оказались рикши и извозчики, рабочие и ремесленники, не имевшие отношения к «Лиге». В действиях лидеров «Лиги» суд не нашел состава преступления. Они быстро начали сотрудничать с властями. Трое из них занимали впоследствии министерские должности. Зато министр внутренних дел и начальник токийской полиции были уволены.

Проверка личности в Токио

Поставленные под жесткий контроль газеты и журналы тут же смягчили тон и сосредоточились на торжественных встречах возвращавшихся с поля боя героев. В октябрьском указе, посвященном заключению мира, Мэйдзи, поблагодарив свой народ за героизм, бережливость, мудрость, патриотизм, верность и самоотверженность, не преминул напомнить и про помощь духов предков. В последних строках указа содержалось недвусмысленное предупреждение: «Мы строжайше предупреждаем наших подданных воздержаться от манифестаций, вызываемых лишь тщеславной гордостью. Предлагаем им предоставить это их законным защитникам и со своей стороны сделать все, что в их силах, для усиления Империи»^[335].

Шумных антиправительственных манифестаций и вправду больше не проводилось. Однако министра иностранных дел подвергли остракизму. Проводы Комура в Америку были восторженными, но его возвращение в октябре, как он и предполагал, оказалось совсем не таким радостным. Весь путь Комура от вокзала до императорского дворца охраняли войска и полиция. Активных демонстраций протеста не наблюдалось; толпа, собравшаяся возле вокзала, хранила траурное молчание, показывая тем самым, что вина за «унизительные» условия мира лежит именно на министре иностранных дел^[336].

Сам Комура вернулся в Токио без оригинала Портсмутского договора. Уже в Иокогаме, куда прибыл корабль с членами переговорной команды, его переправили на миноносец, потом в открытом море договор перегрузили на борт небольшого пароходика, а уже потом сушей довели до Министерства иностранных дел.

В отличие от японско-китайской войны десятилетней давности, Мэйдзи на сей раз никуда не выезжал из Токио. Тогда он вернулся в столицу из Хиросимы триумфатором. Теперь роль триумфатора была отдана адмиралу Того. Он прибыл в Токио 22 октября. К этому времени его стали называть «отцом моря». Патерналистская метафора, в центре которой находился сам Мэйдзи, распространялась и на его наиболее заметных подданных. Европейские же журналисты предпочитали превозносить Того как «современного Нельсона».

На следующий день после прибытия Того император Мэйдзи произвел смотр, в котором участвовало около 200 боевых кораблей – почти весь японский военно-морской флот. В Иокогаме он поднялся на борт броненосца «Асама». В течение четырех часов император осматривал стоявшие на рейде Токийского залива корабли. Их названия совпадали с названиями сортов папирос и говорят сами за себя – «Фудзи», «Асахи», «Сикисима». На рейде стояли и трофейные броненосцы – «Николай» и «Полтава». Пять новых подводных лодок произвели показательное погружение. В смотре не смог принять участие флагманский корабль «Микаса». 11 сентября он спокойно стоял на рейде в Сасэбо, но ночью на его борту раздался ужасный взрыв. Погибло 339 матросов. Считается, что некоторые из них втайне от офицеров устроили попойку, потеряли бдительность и неосторожно обращались с огнем. Возможно, что матросы решили отметить окончание войны. Русский флот не смог пустить ко дну японский флагман, его вывело из строя родное японское сакэ.

По оценкам прессы, на берегу Токийского залива собрался миллион зрителей^[337]. Никто из них, разумеется, не мог видеть Мэйдзи. Но каждый из них знал, что он где-то рядом. Его бытие стало перекрывать физическую возможность индивидуального взгляда. Мэйдзи не было нигде. Он был всюду.

Не обошел Мэйдзи своим вниманием и иностранцев. По случаю победы он устроил дипломатический прием. Особая торжественность обеспечивалась тем, что их пригласили сидеть за одним столом с императором. Такое случалось нечасто. Только во время празднования серебряной свадьбы Мэйдзи (1894) и по случаю вступления в силу новых, равноправных

договоров с иностранными державами (1899) они удостоивались такой чести^[338]. Обычно Мэйдзи сидел за отдельным столом.

Для подданных императора и рядовых потребителей, подавляющее большинство которых жили от получки до получки, война, помимо патриотических восторгов и похоронок, означала очередное повышение цен. Как им было не повиситься, если страна потратила на войну семь довоенных бюджетов – около двух миллиардов иен? Эта сумма превышала расходы на войну с Китаем в восемь с половиной раз. Из 10 миллионов трудоспособных мужчин не менее 2 миллионов так или иначе работали на военно-промышленный комплекс. Все они говорили о том, что война им по сердцу, но где-то в самой глубине души они думали по-другому. В годы войны у чадолюбивых японцев резко упала рождаемость. И дело не только в том, что солдаты были оторваны от радостей жизни. Реальная зарплата простых японцев сокращалась из-за инфляции, им было все труднее сводить концы с концами – они платили все новые и новые налоги, они платили и за правительственные займы, сделанные во время войны в Нью-Йорке и Лондоне. Япония сумела провести индустриализацию, практически не прибегая к заимствованиям за границей, вести без них победоносную войну она не сумела. Это был налог на превратно понятый патриотизм. В свое время генерал Грант советовал Мэйдзи не делать иностранных займов. Державы с удовольствием дают займы, но только затем, чтобы поставить заемщика в зависимое положение, – говорил многоопытный генерал. Тогда правительство вняло его совету, теперь оно утратило прежнее благоразумие. Писатель Арисима Такэо с горечью записал в своем дневнике, что день войны стоит 500 тысяч долларов. За два таких дня можно построить превосходный университет. А университетов в Японии было всего два – в Токио и в Киото.

С 1894 года налоги возросли в 4,3 раза. Два десятилетия назад вопрос о земельном налоге – платить три процента или же два с половиной – служил предметом серьезных дискуссий. В 1905 году он составил уже пять с половиной процентов, и ни у кого особых вопросов это не вызывало. «Надо потерпеть», – говорили люди и платили, платили, платили. За два прошедших десятилетия управляемость народом стала намного лучше, он стал явно послушнее. Внимательный наблюдатель улавливал глухое недовольство, но оно не принимало угрожающего характера. Люди, прошедшие обязательный курс обучения в школе и в армии, воспринимали свои бытовые проблемы с пониманием к нуждам страны. За прошедшие годы их кругозор существенно расширился. Теперь им было стыдно думать о себе – блеск империи слепил их.

Японско-русская война послужила прологом к ужасающим войнам XX века. Многие и многие японские семьи потеряли своих сыновей или получили их обратно калеками. Все эти жертвы были принесены во имя императора Мэйдзи – продолжателя династии первоимператора Дзимму. Раньше японцы гордились беспрецедентной непрерывностью династии. Теперь к этой «хронологической» гордости добавилась «гордость территориальная»: Япония обзавелась заморскими владениями, площадь подведомственной Мэйдзи территории увеличилась почти на 40 тысяч квадратных километров. Это была гордость «европейского» типа. Кругозор деревенских парней расширился радикально – они увидели, как выглядит мир за пределами Японии.

Вместе с заключением мира русские военнопленные стали возвращаться из Японии на родину. Их было около 80 тысяч. Все очевидцы свидетельствуют о том, что в лагерях обращались с ними хорошо: хорошо кормили и не издевались. Заключенным разрешали выходить в город, гулять, посещать театры, спортивные состязания, горячие источники и даже публичные дома. Власти не противились тому, чтобы офицерам и солдатам по-прежнему выплачивалось денежное довольствие. Самого отца Николая до концлагерей не допускали, русских войсковых священников из страны выслали, но японские православные священники служили молебны,

ободряли пленных, окормляли их. На Пасху для каждого из них заготовили по яйцу, что было не так просто, как теперь может показаться. Все эти заботы лежали на плечах небольшого «Общества духовного утешения военнопленных», все сотрудники которого были выпестованы отцом Николаем. Мэйдзи наградил «Общество» тремя серебряными чашами с изображением хризантемы. Помогая русским военнопленным, члены «Общества» продолжали при этом возносить православные молитвы за победу японского оружия.

Впрочем, плен есть плен – заключенные хворали, умирали, сходили с ума. «Сегодня получил фотографическую группу 9-ти пленных с крейсера „Варяг“, отпускаемых в Россию, по излечении их; выглядели они очень хорошо, так что прямо можно сказать, что их заботливо лечили и содержали; по крайнему сожалению только – четверо калеки на всю жизнь: у каждого отрезано по одной ноге»^[339]. В японском плену скончалось 354 человека^[340].

Помимо огромных габаритов пленников, на японцев большое впечатление произвела степень неграмотности русских солдат, в чем они увидели еще одно доказательство своего превосходства. На сей раз культурного. Самый большой лагерь размещался в Мацуяма (остров Сикоку). В прошлую войну там находились китайские военнопленные, так что место было «обжитым». Начальник лагеря отмечал, что больше половины русских пленных не умеют даже подписаться. И тогда он разрешил организовать в лагере школу. Азбуки, евангелия (каждому военнопленному подарили по напечатанному в Японии экземпляру) и другие книги доставлялись туда из токийской православной миссии. Начальник лагеря надеялся на то, что, вернувшись на родину, эти люди расскажут о благородстве японцев и о «цивилизованности» Японии. Каждую неделю на обучение выделялось 12 часов. Охранникам и заключенным разрешили учить друг друга своему родному языку. Когда русские стали возвращаться домой, каждому из них вручили по 200 сигарет и набору открыток с местными видами^[341].

Ко времени возвращения в Россию многие солдаты и даже офицеры оказались заражены социалистическими и антиправительственными настроениями. Находившиеся в Японии русские социалисты распространяли в лагерях антицаристскую литературу. Японские власти не препятствовали этому. Когда пароход «Воронеж» с адмиралом Рожественским на борту взял курс на Владивосток, на его борту едва не вспыхнул мятеж. Пришлось зайти в Нагасаки и обратиться за помощью в местную полицию.

Пленных на родине ждали тяжелейшие испытания. Добраться до дому было огромной проблемой: забастовки и беспорядки парализовали железные дороги, страна полыхала в пламени революционных бунтов. Значительную часть пленных пришлось вывозить через полсвета морем непосредственно в европейскую часть России. Несмотря на наступившие холода, теплой одежды у многих не было. Пожертвований, которые поступали в распоряжение миссии в Токио, не хватило на то, чтобы обеспечить всех теплым бельем. Через руки отца Николая прошло 97 322 иены, пожертвованных из России. Из них 1000 рублей (1 рубль равнялся примерно 1иене) прислала государыня Александра Федоровна. Она же пожертвовала целых 5000 рублей на сооружение православного храма в Осака – в память русских военнопленных, умерших там в концлагере^[342]. Любить мертвых, а не живых и в то время было одним из родовых свойств российских правителей.

В память о погибших в плену была построена церковь и в Мацуяма.

Перспектива. После того как в 1923 году землетрясение и пожар разрушили Воскресенский собор в Токио, землю в Мацуяма продали, а саму церковь перенесли в столицу. Вырученные от продажи земли средства пошли на восстановление Воскресенского собора.

В 1899 году около 30 стран, включая Японию, подписали в Гааге конвенцию о гуманном отношении к военнопленным. Япония и Россия стали первыми странами, которые применили положения этой конвенции на практике. Россия ратифицировала конвенцию только в 1909 году, но с японскими военнопленными тоже обращались гуманно. Этих пленных оказалось немного – всего около двух тысяч человек. И возвращались они не в страну, объятую забастовками и бунтами, а в страну-победительницу, дела в которой шли явно в гору.

Бунтовщики в Хибия волновались зря, правительство неусыпно думало о национальном интересе. Уже в ноябре был подписан японско-корейский договор об установлении протектората над Кореей. Дворец, где проходили переговоры, на всякий случай окружили японские солдаты. Текст договора принадлежал Ито Хиробуми. Он считался противником этой войны, но это не помешало ему оказаться в числе тех, кто воспользовался ее плодами с наибольшим успехом. Теперь без согласия японского МИДа Корея не имела права заключать международные договоры. Назначенный на должность генерального резидента (генерал-губернатора), Ито получал право на вмешательство во внутренние дела Кореи. Мечты Тоётоми Хидэёси и Сайго Такамори наконец-то осуществились, Корея была наконец-то наказана за то, что она столько столетий не признавала себя вассалом Японии.

24 ноября в черноморском Потти бросил якорь пароход «Сириус». На его борту находилось оружие, закупленное все тем же Акаси. На сей раз почти все оно попало в руки революционеров. Мирный договор между Японией и Россией был заключен, Япония не была больше заинтересована в ослаблении России. Однако операция планировалась еще до Портсмута, «Сириус» помогал революционерам по инерции. Сам Акаси в это время уже находился в Токио. Он закончил жизнь, имея чин полного генерала и баронский титул.

А главнокомандующий, император Мэйдзи, отправился между тем в Исэ, чтобы сообщить богам о победе. В поездку он взял престолонаследника Ёсихито, только что произведенного им в генерал-майоры. Мэйдзи теперь покидал пределы своего дворца редко. Тем важнее было обеспечить ему подобающую встречу. По дороге от дворца к вокзалу выстроили толпы учеников и горожан. Они пели гимн и кричали «Банзай!».

Отец с сыном путешествовали по железной дороге. Станции превращались в места ликования – на платформах императора и престолонаследника приветствовали снятые с занятий ученики. Министерство образования выпустило для них инструкцию, согласно которой при приближении императорского поезда ученикам с учебными винтовками следовало взять «на ружье», а ученики без винтовок должны были по учительской команде снять форменные фуражки, встать по стойке «смирно» и проводить взглядом императорский вагон. Ученицам винтовки и головные уборы не полагались, им оставалось только стать навытяжку, есть августейший вагон взглядом и распевать гимн, исполнение которого «не возбранялось»^[343].

Мэйдзи и Ёсихито проинформировали божеств о победе, теперь война была действительно закончена. Мирная жизнь возрождалась, но школьные занятия по военной подготовке никто отменять не собирался.

1906 год

39-й год правления Мэйдзи

В конце января в Японию приехала делегация, составленная из членов китайского императорского дома. Разумеется, Мэйдзи дал ей аудиенцию. Глава делегации сказал, что они приехали в Японию поучиться – политике, системе образования, промышленным технологиям, поскольку Китай желает сделать японскую цивилизацию моделью для своего развития.

Этот визит только зафиксировал сложившуюся ситуацию – в Японии уже проходили курс обучения восемь тысяч китайских студентов. Тем не менее заявление принца следует признать эпохальным. Ведь он представлял Китай, который многие столетия сам служил примером для всех окружающих стран. Это был Китай, который никогда ни у кого не желал учиться. Это был учитель, который признал себя учеником. В дальневосточной истории такого еще не случалось. Япония стала лидером, на которого смотрят все. Не только на Дальнем Востоке. Не только в Азии. Со смешанным чувством восторга и ужаса теперь на Японию смотрели во всем мире. «Желтая опасность», которая раньше представлялась в Европе чем-то огромным и бесформенным, приобрела теперь конкретную географическую составляющую.

Фронтовые победы следовало достойно отмечать. Возможности Мэйдзи в этом отношении стали меньше. Два года назад он заболел диабетом, теперь у него обнаружили хронический холецистит. Его ограничивали в спиртном и в сладком, инсулина изобретено еще не было. А помимо спиртного император любил бисквиты, японскую пастилу и бананы, которые выращивались для него в его собственной оранжерее.

Однако ни один врач не мог запретить ему получать награды. В феврале в Японию приплыл британский принц Артур и наградил Мэйдзи высшим орденом Британской империи – орденом Гартера. Маршалам Ямагата и Ояма, а также адмиралу Того достался «Орден за заслуги» (Order of Merit). Японские военачальники стали первыми людьми на этой планете, которые, не будучи подданными английской короны, получили эту награду. Три ветерана немедленно отправились к телеграфному аппарату, чтобы выразить королю Эдуарду благодарность. Памятуя про свои союзнические обязательства, не остался в долгу и Мэйдзи. Артуру достался орден Хризантемы, причем Мэйдзи сам надел на принца ленту и приколот орден – честь, которой не удостаивался еще никто. Также впервые в своей монаршей истории Мэйдзи провозгласил здравицу – в честь короля Эдуарда. Бывший переводчик английской миссии Митфорд, ставший к этому времени лордом Редесдалем, получил орден Восходящего Солнца. Все-таки Митфорд был одним из первых европейцев, кому почти 40 лет назад посчастливилось увидеть безусое и накрашенное лицо юного императора. Нечего и говорить, что с тех пор оба они сильно постарели. В общем, визит союзника, в доках которого строилась японская победа, был обставлен по высшему разряду, все выглядело очень трогательно и любезно.

Английскую делегацию отвезли в Ёкоцука, где находились четыре трофейных русских корабля – «Николай I», «Варяг», «Пересвет» и «Апраксин». В Сасэбо высокие гости видели и другое трофейное судно – «Ретвизан». Теперь все они стали частью доблестного японского военно-морского флота. В Кагосима принца Артура встречал 19-летний наследник князей Симадзу. Он тоже пошел по военной линии и учился на моряка. Городские власти Кагосима устроили для английского принца приблизительно такое же представление, какое наблюдал цесаревич Николай 15 лет назад: процессия самураев, воинские танцы, фехтование. Трогательная деталь мирного времени – на церемонию прощания Артура с Кагосима хозяева попросили его одеться в военную форму, сказав, что для крепких воинским духом местным

жителям это будет приятно^[344].

До времени, когда Япония и Англия вступят во Вторую мировую войну во враждующих коалициях, оставалось еще более тридцати лет.

Экипаж императора Мэйдзи направляется на плац в Аояма

Ко дню грандиозного парада победы, который состоялся 30 апреля, Дворцовая площадь подверглась решительной реконструкции: были сооружены дополнительные ворота, проложены два проспекта победы, ведущие к императорскому дворцу. Кроме того, возвели две гигантских триумфальных арки. Под дворцовыми стенами расположилась грандиозная экспозиция трофеев: 70 тысяч винтовок, 450 орудий, сабли, пики, амуниция. Выехав из дворца на площадь, император направился в экипаже на плац в Аояма, где его ожидало более 30 тысяч солдат и офицеров из 17 дивизий, выстроившихся в три шеренги общей длиной почти в 16 километров. Их объезд на экипаже продолжался более часа. Императора сопровождали принцы и принцессы, высшие офицеры, британский военный атташе, корейский принц.

После объезда войск император стал наблюдать их марш, который занял еще один час. Более 50 тысяч зрителей наблюдали вместе с Мэйдзи за парадом. После того как император покинул плац, ровно в час дня войска двинулись в направлении Дворцовой площади. Последний солдат достиг ее только в семь часов вечера. Токийские улицы были по-прежнему узки. В святилище Ясукуни освятили 30 тысяч новых поминальных табличек^[345].

Перспектива. Святилище Ясукуни было уничтожено бомбардировками

американской авиации в конце Второй мировой войны, но было восстановлено. В настоящее время оно представляет собой оплот «правых» политических сил, вызывающих к возрождению «традиционной» Японии. Парадокс состоит в том, что в Японии трудно найти место, которое бы столь зримо напоминало о влиянии Запада: территория святилища и его окрестностей буквально нашпигована статуями военных героев, примером для которых являются худшие европейские образцы.

Ко дню триумфа тиражом в 3 миллиона 999 тысяч экземпляров была отпечатана почтовая марка с изображением захваченных трофеев. Как и на всех других почтовых марках императорской Японии, Мэйдзи присутствовал на марке опосредованно – в виде 16-лепестковой хризантемы. В пару к ней в первый и в последний раз была представлена пятиконечная звезда – символ доблестной «народной» армии. На марках в честь японско-китайской войны изображались принцы Арисугава и Китасиракава. На сей раз члены императорской фамилии представлены не были, победа представала как всенародная. Наибольших почестей в эту войну удостоился уроженец Сацума адмирал Того. В отличие от прошлой войны, высшие почести доставались уже не принцам, а выходцам «из народа». Победу разделили на всех.

Министерство связи выпустило также 100 тысяч наборов памятных открыток в связи с празднованием победы над Россией. На них были представлены: военно-морские торжества 23 октября 1905 года, императорский объезд войск в Аояма 30 апреля 1906 года, святилища Исэ и Ясукуни. С этого времени открытки становятся мощным средством внедрения официальных ценностей в сознание простых японцев, которые, как известно, были большими любителями писать письма. Благодаря почте портреты военных героев и священные для империи места (мост Нидзюбаси, Дворцовая площадь, главные святилища и т. д.) также становились обозримыми для всех тех, кто не мог увидеть их лично.

Ликование по поводу победы было почти всеобщим. Журналисты захлебывались от малоудобоваримой смеси патриотизма и восторга. Мало того, что японская империя победила российскую. Это была вообще первая победа азиатской страны над европейской! Победа «языческой» Японии над христианством. Пожалуй, это время стало рубежным в отношении Японии к христианству. Если боги синто сумели одолеть христианского Творца, то какой смысл возносить ему молитвы? Проповедники христианства в Японии приуныли.

Официальные идеологи убеждали: войну помогли выиграть синтоистские боги. Однако именно в этом году были предприняты гонения на синто. Но на синто не государственный, а на синто народный. Государство в очередной раз посчитало, что святилищ чересчур много, они плохо поддаются руководству из Центра, в них трудно унифицировать обряды и мысли. Чиновники входили в раж, разнообразие раздражало. Поэтому решили количество святилищ и кумирен решительно сократить – ведь их насчитывалось около 190 тысяч! Власти держали курс на то, чтобы в каждой деревне или городском районе осталось не больше одного святилища. Правительство мыслило административными единицами, под которые они подгоняли жизнь. Разрушение культурного многообразия было принципиальным курсом правительства, его административной мечтой. Святилища стали снова укрупнять. Действия в этом направлении были предприняты еще до войны, но потом стало не до этого.

О масштабах сокращения числа святилищ свидетельствуют такие цифры. Если раньше в префектуре Миэ, где находится святилище Аматаэрасу, насчитывалось 10 411 святилищ и кумирен, то теперь их осталось только 989. В префектуре Вакаяма их было 3772, осталось 879. Паланкины со святынями покидали пределы своих деревень, крестьяне провожали их до околицы и заливались слезами^[346]. Теперь к своим местным божествам обратиться за помощью стало труднее. Теперь жители находились под защитой общенациональных святынь. Душам

погибших за страну воинов предписывалось поклоняться не столько дома, сколько в Токио, в святилище Ясукуни. Новое счастье заключалось в том, чтобы почувствовать себя клеточкой общенационального тела.

В России не работали заводы и учебные заведения. Люди были недовольны своими правителями и бастовали. В это же самое время в Японии школьники и студенты тоже не учились – по приказу властей они в очередной раз выстраивались на улицах по поводу очередного празднования в честь победы над Россией.

Но все-таки находились люди, которые отдавали себе отчет в том, что не все идет так, как надо. Как это ни странно на первый взгляд, среди них был и победоносец – генерал Ноги. В день своего триумфального возвращения в Токио он совершенно неожиданно доложил императору, что хотел бы вспороть себе живот – слишком много людей он положил при осаде Порт-Артура. Там же погибли и два его сына. В своем стихотворении на китайском языке Ноги совсем не по-военному горевал о потерянных жизнях:

Государево миллионное войско повергло наглого врага.
Осада крепости и битва в чистом поле воздвигли гору трупов.
Сгораю со стыда: как взгляну в глаза старым родителям?
В день песен победных сколько людей вернется домой?

Генерал горевал не зря. Если победы японского флота можно признать безоговорочными, то относительно успешных действий сухопутных войск все серьезные эксперты испытывали сомнения. Ноги просил у императора разрешения умереть. Однако в обществе, которое полностью отождествляет себя с государем и государством, никто не волен распоряжаться своей жизнью самостоятельно. В ответ на нижайшую просьбу верноподданного Ноги император сказал, что сейчас для самоубийства – неподходящее время, но если тот действительно исполнен такой решимости, то пускай он сделает это уже после смерти самого императора.

Мэйдзи, разумеется, тоже отдавал себе отчет в огромных потерях, понесенных в победоносной войне.

В этой битве,
Что не знает
Примеров,
Так много людей
С жизнью расстались...

И адмирал Ноги, и император Мэйдзи скорбели о потерянных жизнях. Но о жизнях японцев. Русские в список потерь не входили. Справедливости ради следует заметить, что Николай II и российский генералитет тоже не слишком горевали об убитых японских солдатах. А о жизнях своих парней они беспокоились намного меньше, чем их японские коллеги.

По сути, война не решила никаких проблем. Россия проиграла войну, но не была повержена. Она по-прежнему оставалась соперником Японии на Дальнем Востоке. Конечно, победа льстила державному самолюбию японцев, но комплекс неполноценности по отношению к Западу побежден не был. Японцы продолжали твердить, что блистательный писатель Ихара Сайкаку (1642–1693) – это японский Боккаччо; замечательный драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653–1724) – это японский Шекспир; известный экономист Тагути Укити (1855–1905) – это японский

Адам Смит; горный хребет в Центральной Японии – это японские Альпы; 209-километровая речушка Кисо – это японский Рейн (1320 км).

Один из героев повести Нацумэ Сосэки «Сансиро» говорит молодому человеку, своему попутчику: «Бедняги мы с вами. Ни лицом не вышли, ни ростом не удались, и ничто нам уже не поможет: ни победа в войне с Россией, ни даже превращение Японии в перворазрядную державу. Впрочем, под стать нам и дома, и сады. Вы вот не бывали еще в Токио и не видели Фудзисан (Фудзияму. – А. М.). Она скоро покажется. Это единственная достопримечательность Японии. Больше похвалиться нечем. Но ведь Фудзисан существует сама по себе. Не мы ее создали»^[347]. Относительно светского раута, устроенного уже после войны, в другой своей повести – «Затем» – автор мимоходом замечает: «Среди множества гостей самыми почетными были англичане: очень высокий мужчина, не то член парламента, не то коммерсант, и его жена в пенсне, настоящая красавица. Просто грешно было с ее внешностью появляться среди японцев»^[348]. В другом месте Нацумэ сравнивал Японию с лягушкой, которая пытается надуться до размера коровы^[349].

Японцы продолжали считать свое тело «некрасивым». Желание походить на европейцев хорошо заметно на гравюрах времени японско-русской войны, где японские воины предстают в виде европейцев, переодетых в японскую форму. Модели в модных журналах тоже не выглядели японками. Античные статуи развивали в японцах комплекс неполноценности, хотя по крепости духа они и сравнивали себя со спартанцами. Японцы были ниже и «слабее» европейцев в физическом отношении, воспринимали свое тело как «непропорциональное». Но страна Япония одержала военную победу над Россией. Она была достигнута за счет мобилизации «национального духа», превосходства в тактике и вооружениях, то есть технике, имевшей целиком европейское происхождение. Японцы того времени не могли соревноваться с европейцами в физических кондициях или спорте, но техника предоставляла им возможность для компенсации. Для этого нужно было этой техникой овладеть. Японцы поверили в науку, инженерное дело, промышленность. Для развития этого комплекса не требовались ни рост, ни вес. Сначала это была техника по преимуществу военная, после окончания Второй мировой войны с таким же рвением Япония стала развивать технику гражданского назначения и достигла в этом отношении впечатляющих успехов. Во времена Мэйдзи японцы еще не обладали сколько-нибудь конкурентоспособной наукой, в стране было всего два университета с шестью тысячами студентов, главное внимание направлялось на совершенствование школьного образования, усилия в области научных исследований только-только начались. Имя Мэйдзи прочно связывалось с системой школьного образования, его внук император Сёва (Хирохито) позиционировался как крупный ученый, занимающийся морской биологией.

Война закончилась, но генералы набирали все большую силу. К этому времени протяженность частных железных дорог уже превысила протяженность государственных. Частные фирмы работали эффективно и приносили хорошую прибыль. Однако военные настояли на том, чтобы из высших стратегических соображений в этом году были национализированы 17 крупнейших частных железных дорог. В мгновение ока в распоряжении государства оказалось 1118 паровозов и 24 тысячи вагонов, а 48 тысяч человек стали государственными служащими, которых одели в униформу, сильно напоминающую военную.

Железнодорожный транспорт уже стал привычным средством передвижения, мобильность населения резко возросла. В поезда садились, чтобы добраться до места работы, посетить родственников, поискать лучшей доли. Государство и частные компании перевозили в год около 150 миллионов человек! Страна была опутана сетью железных дорог, а сеть – это пересадки с линии на линию. Поезда теперь опаздывали редко, людям приходилось следовать их примеру – они становились пунктуальнее.

Железные дороги стали эффективнейшим средством, с помощью которого разрозненные прежде регионы превращались в единое целое. По протяженности путей Япония уступала в Азии только Индии. Если же учесть разницу в территории, то по «рельсовому» показателю Япония, безусловно, занимала первое место. Железная дорога была не только зримым свидетельством «прогресса» и удобства передвижения, она стала метафорой жизни, где мораль – это рельсы, а знания – паровоз^[350].

Российские социалисты внесли свой вклад в поражение России. Японские социалисты не внесли вклада ни в победу Японии, ни в ее поражение. Японцы все-таки слишком привыкли повиноваться властям, и социализм оставался движением периферийным. Большинство фабричных работников составляли женщины. Японские женщины привыкли повиноваться мужчинам, то есть правительству, и это тоже не могло не ослаблять боевой дух рабочего движения.

Несмотря на приток людей в мегаполисы, большинство населения проживало в деревне. В это время в городах с населением более 50 тысяч человек проживало только около 10 процентов населения. Однако само общество переживало даже эту «ограниченную» миграцию как настоящую драму, изменения казались современникам колоссальными. Видя, как разрушаются родственные связи, «почвенники» били тревогу. Писатель, поэт и один из основателей японской этнографической школы Янагита Кунио (1875–1962), служивший в Министерстве сельского хозяйства и торговли, выступил в этом году на съезде крестьян с речью, в которой предупреждал: урбанизация ведет к утрате культа предков и верноподданнических чувств, именно традиционная деревенская семья является звеном, соединяющим человека и государство, а потому создавшаяся ситуация может привести к подрыву основы основ – авторитету императорского дома. «Если будет утрачена большая семья, то объяснить, почему мы являемся японцами, будет трудно. Если восторжествует индивидуализм, чем тогда наша история будет отличаться от истории иностранных государств?»^[351] – риторически вопрошал Янагита Кунио.

Янагита Кунио

Янагита Кунио верно увидел социальные опасности индустриализации. Однако он недооценил иллюзионистские способности пропаганды. Позиционирование императора как главы огромной семьи японского народа показало свою эффективность. Дальнейшие события продемонстрировали, что урбанизация и индустриализация сами по себе оказались не в состоянии подорвать императорский культ. Школы, газеты и армейская служба лепили своеобразный тип личности. Это был преданный своему господину до гроба средневековый самурай, овладевший научно-техническими достижениями западной цивилизации. Это был самурай на паровозе.

Перспектива. В 1919 году Янагита Кунио оставил государственную службу и перешел в газету «Асахи» в качестве обозревателя. С 1932 года он полностью переключился на этнографические штудии и сделал очень много для фиксации исчезающих обрядов, обычаев, обыкновений. В 1951 году был награжден орденом Культуры. Его собрание сочинений состоит из 36 томов.

1907 год

40-й год правления Мэйдзи

Год был юбилейный – Мэйдзи взошел на трон 40 лет назад. Многие полагали, что 40 лет исполнилось и новой Японии. В стране никогда не праздновали свержение сёгуната, однако разрыв между Японией «старой» и «новой» все-таки ощущался. «Новая Япония» и Мэйдзи были синонимами. Один публицист уподобил возраст новой Японии сорокалетию Конфуция. Именно в сорок лет Конфуций перестал сомневаться в себе. Публицист обрисовал и перспективу – в пятьдесят лет Конфуций познал волю Неба, Японии же предстояло познать свою миссию в качестве великой державы^[352].

Власть все больше понимала под «величием» размеры военного бюджета. Едва успев закончить одну войну, военные стали готовиться к следующей. В начале февраля генералитет представил свои соображения по военной политике. Они не отличались оригинальностью – генералы просили денег. В меморандуме говорилось, что, за исключением периода Токугава, Япония всегда была готова к нападению на того, кто покушается на ее права. Готовность к агрессии рисовалась как национальная черта японского характера. Надо ли говорить, что генералы сознательно заблуждались. Япония (Ямато) ушла с Корейского полуострова в середине VII века и вплоть до провальных походов Тоётоми Хидэёси в конце XVI века жила своим домом, не особенно беспокоясь за свои международные права.

Генералитет просил денег для действий на чужой территории. Опасностью номер один представлялась Россия, которая перевооружала свой Дальний Восток. Второй опасностью посчитали на сей раз Америку. Хотя отношения с ней вроде бы находились во вполне удовлетворительном состоянии, геополитики опасались, что это не продлится вечно. Совсем недавно президент Рузвельт помогал Японии в Портсмуте, но теперь Америка ревниво следила за продвижением японцев в Маньчжурию. Третьей целью была Индия – согласно японско-английскому договору безопасности, Япония обязывалась прийти на помощь Англии, если Россия нападет на ее колонию.

Япония серьезно вовлеклась в международные отношения и стала завязать в них. Армии и флоту все время требовались деньги для обслуживания этих отношений, конфигурация которых менялась весьма быстро. Словом, к следующему году планировалось построить 17 новых кораблей общим водоизмещением в 322 тысячи тонн.

После окончания войны прошло уже полтора года, но только сейчас, в мае, Мэйдзи отметил военные заслуги японских буддистов. Своим именным указом он поблагодарил главу школы Синсю и настоятеля киотосского храма Ниси-Хонгандзи – Отани Кодзуй (1876–1948) за то, что школа делегировала в действующие войска своих священников и ободряла их. Для всех японских буддистов это была долгожданная награда, свидетельствующая о том, что они являются полноценными подданными.

Однако после войны накал внешнеполитических страстей все-таки пошел на убыль, внимание людей обратилось на домашние проблемы. Чувство патриотического единения, подстегнутого войной и образом врага, явно ослабело. Стало понятно, что патриотизм лишь временно закамуфлировал многие социальные проблемы.

В феврале на частной медной шахте в Асио в префектуре Тотиги восстали горняки. Они требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда. Медные рудники отравили всю воду в округе. Чуть ли не в первый раз в истории японцам пришлось задуматься о том, что промышленность может уродовать ту землю, которую они столько веков воспевали в своих

песнях и стихах.

На подавление мятежных рабочих был брошен 15-й полк. Войска прекрасно справились с поставленной задачей, 82 горняка оказались в тюрьме. Армия наглядно продемонстрировала, что она может пригодиться не только за границей.

В июне было подавлено еще одно выступление горняков – на сей раз на медной шахте в префектуре Эхимэ.

Каждый год на угольных шахтах в Фукуока на острове Кюсю гибло около 500 человек. В этом июле взрыв метана на одной из шахт в Фукуока унес жизни 420 рабочих. Император Мэйдзи пожертвовал семьям погибших 1200 иен, то есть почти по три иены на человека. Когда в прошлом году случилось землетрясение на Тайване, в результате которого погибло около 1100 человек, император отправил туда 10 тысяч иен, а жертвам апрельского землетрясения в Сан-Франциско причиталось 200 тысяч иен.

Объемы промышленного производства росли быстро, так же быстро росла и численность рабочих. В 1886 году их насчитывалось 139 тысяч, теперь – около 1 миллиона 400 тысяч человек. И это при том, что статистика умалчивает о количестве строителей и о частично занятых. Условия труда рабочих и работниц зачастую были просто чудовищными, временами их содержали почти как в тюрьме, подвергали побоям и пыткам. Особенно отличались в этом отношении частные предприятия, где рабочий день составлял не меньше 12 часов. Зафиксированы случаи, когда работницы не отходили от станков по 18 часов кряду. Увеличение производства достигалось за счет сверхэксплуатации и здоровья. Как это столь часто бывает на начальном этапе индустриализации, для самих рабочих она сопровождалась падением качества жизни. Однако город требовал все новых и новых рабочих рук, каждый год в Токио переезжало от 40 до 60 тысяч человек, в Осака – от 20 до 40 тысяч. Население столицы составляло теперь два миллиона.

Хотя производительность труда в деревне росла, земельные участки оставались крошечными и дефицит семейного бюджета оставался делом самым обычным. Покрыть его можно было только за счет отправки молодежи на заработки в город. Самые отчаянные отправлялись на Хоккайдо. Там было холодно, но и земли там было много.

Несмотря на тяжелые условия труда и жизни, агентства по найму умели затронуть чувствительные струнки девичьих душ. Они преподносили фабричный труд как подготовку к замужеству, утверждая: тяжкие испытания и строгая дисциплина послужат девушкам прекрасной тренировкой перед замужеством. Кроме того, посылая деньги домой в деревню, они выполняют свой дочерний долг перед родителями и семьей^[353].

В японском обществе того времени конкуренция стала нормой жизни. Однако она рассматривалась не столько как средство личного обогащения, сколько как путь к достижению успеха группы. В данном случае – семьи. Основная часть японского общества того времени продолжала исповедовать «средневековые» ценности с их упором не на правах, а на обязанностях. Привлекательность вступающей в брак девушки заключалась не в ее красоте (эффектная внешность считалась атрибутом куртизанок), а в ее способности следовать строгим правилам поведения и послушания. Девичество рассматривалось при этом лишь как пролог к «настоящей жизни», содержание которой описывает популярный лозунг того времени: «Хорошая жена, мудрая мать». Недолгая фабричная жизнь была для девушек тем же, что и воинская повинность для юношей – обрядом инициации, подготовительными курсами к будущей жизни.

В прошлом году Янагита Кунио дал старт «почвеннической кампании». Ее участники твердили о неиспорченности сельских жителей, противопоставляя их ленивым, жадным, развратным и «холодным» горожанам. В начале эпохи Мэйдзи ее идеологи с их западническими идеями видели в крестьянстве досадную помеху на пути превращения Японии в

«цивилизованную» страну. Реформаторы считали их глупыми и консервативными, ленивыми и упрямыми, обычаи и обыкновения крестьянства подвергались жестокой критике, рассматривались как объект культурного воздействия со стороны «просвещенного» городского Центра. Но жизнь индустриального города таила в себе множество противоречий, которые в тогдашней Японии было принято называть «болезнями». И теперь критике подвергались «болезни» горожан, а не крестьян.

Страной стала овладевать тоска по той Японии, которая существовала только как опрокинутый в прошлое проект. В Европе его назвали бы «пасторальным», но поскольку в традиционной Японии отсутствовало скотоводство и пастухи с пастушками, он приобрел форму «рисоводческого мифа»: заливное рисосеяние объявлялось эквивалентом сельского хозяйства, рис становился символом Японии вообще. Рис действительно был основным поставщиком калорий в диету японца, но помимо риса в рационе присутствовали и гречиха, и просо, и пшеница, и корнеплоды, и самые разнообразные овощи, и многое другое. Не говоря уже об основном источнике животного белка – рыбе. Однако в идеологических построениях этнографов и идеологов рис приобрел признаки монокультуры. Из возделывания риса стали выводить все особенности «национального характера», верований и социальной организации деревни. Этнографы утверждали, что трудолюбие японского крестьянина, его аграрные ритуалы и общинные формы организации жизни являются прямым следствием заливного рисосеяния. В этих исследованиях было подмечено немало верного, но картина вышла сильно упрощенной.

Идеологи и этнографы находились в плену метафоры гомогенности и единения, где многообразие представляется нежелательным отклонением от идеала и нормы. Они поступали в соответствии со своими установками, главной из которых было упрощение реального многообразия и сведение его к одному-единственному варианту. При таком подходе любое построение превращалось в миф. Его подсознательной основой было убеждение, что употребление одного и того же продукта приводит к появлению одного и того же человеческого типа. В данном случае – «настоящего» японца. Потребление риса приравнивалось к ритуальному совместному вкушению пищи, после которого все участники действия возвращаются к повседневности с горящими глазами единомышленников. При этом европейская культура стала характеризоваться как «культура хлеба». На глазах создавался «пищевой миф», который отделял японцев от других народов. Если в начале правления Мэйдзи основной акцент был сделан на лозунге «Даешь европейскую цивилизацию!», то теперь, после победы в недавней войне, Япония посчитала себя уже вполне цивилизованной. Теперь основная задача состояла в том, чтобы ощутить себя в рамках западной цивилизации уникальной единицей.

В рамках этого проекта по построению «рисоводческого мифа» создавался образ идеального крестьянина – трудолюбивого, скромного, честного, бережливого, мудрого своим природным умом, постоянного в привязанностях, верного своим семейным, соседским и государственным обязательствам. У этого проекта было множество сторонников, армия тоже поддержала его. Армейские чины утверждали, что деревенские юноши крепче телом, не рассуждают о «глупостях» и лучше слушаются командиров. В целомудренном крестьянстве искали и противоядие против рабочего движения и социализма. Многие интеллигенты, увлекшись идеями Толстого, тоже благожелательно отнеслись к проекту. Некоторые из них даже переселились на время в деревню. Почвенники заговорили о том, что единицей измерения японского государства является деревня. Эта деревня была символической и во многом придуманной.

Подавляющее большинство японцев не были потомственными горожанами, почти все они родились в деревне. Теперь слово «фурусато» – «малая родина» – было у всех на устах. Японские писатели раньше почти никогда не писали о деревне, теперь она все чаще становится предметом

художественного изображения. Названия произведений Таяма Катай говорят сами за себя: «Фурусато», «Полевые цветы», «Сельский учитель»...

Конфуцианство считало земледелие основой государства, но оно превозносило скорее отрасль хозяйства, обращая мало внимания на самого крестьянина. Теперь японцы приступили к поиску положительного человеческого типа. Теперь они искали его не только среди героев прошедшей войны, но и среди представителей мирных занятий. Прежде всего, крестьян. Однако речь вовсе не шла о том, что один герой должен сменить другого, крестьянин – воина. Они сосуществовали. Теперь стали говорить не только о «Пути воина» («бусидо»), но и о «Пути крестьянина» («ногёдо»). Крестьянина, который выступал как хранитель традиций и ассоциировался с понятиями «земля предков», «занятия предков», «обычаи предков». Так крестьянин становился одной из составляющих «японского мифа». Олицетворением образцового крестьянина выступал Нинomia Сонтаку. До ремесленников, купцов и промышленников дело пока что не дошло. Социальный миф эпохи Мэйдзи осваивал шкалу социального деления эпохи Токугава в направлении сверху вниз.

Однако трудовая миграция подрывала саму основу прежнего деревенского быта – большую семью (иэ). Тоска по большой и дружной семье, по иерархии и «сильной руке» отца удовлетворялась за счет «сверхсемьи» – нации и государства во главе с императором Мэйдзи и его супругой Харуко. Акцент на мужском лидерстве в семье был вполне привычен, активная роль в социальном мифе матери являлась делом новым. Распространение наемного труда создало ситуацию, при которой отец участвовал в воспитании детей все меньше и меньше. Однако это не должно было подрывать его авторитета. Поэтому местные власти призывали матерей, чтобы они говорили своим детям: доброта отца – выше высокой горы. Отцам же предлагалось отзываться о материнском милосердии, которое глубже глубокого моря. Порядок и послушание в малой семье рассматривались как гарантия порядка и послушания в большой семье – государстве.

Создание и поддержание в работоспособном состоянии общенародных мифов представлялось актуальной задачей еще и потому, что, лишённые на время «высоких» милитаристских целей, простые японцы стали обращать больше внимания на свои собственные проблемы. Группки анархистов и социалистов будоражили «простой народ». В апреле газета «Хэймин симбун» опубликовала статью, в которой содержался призыв «ударить по отцам и матерям». Власти отреагировали адекватно – газету закрыли. Ведь бунт против родителей означал бунт против всей системы.

Японское правительство хорошо усвоило принцип: хочешь мира – готовься к войне. Япония по-прежнему опасалась России и наращивала вооружения, но воевать она не хотела. Готовясь к войне, 30 июля (17 июля по юлианскому календарю) этого года Япония подписала с Россией договор. В его открытой части говорилось о нерушимости границ Японии, России и Китая. Однако в закрытой части проводилось разделение сфер влияния. За Японией оставалась Корея и Южная Маньчжурия, за Россией – Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия. Россия фактически согласилась с присоединением Кореи к Японии: за несколько дней до подписания договора король Коджон отрекся от трона, теперь на троне находился японский ставленник Сунджон.

Его восхождению на престол сопутствовали не слишком приятные для официальной Японии обстоятельства. В июне в Гааге открылась Вторая международная мирная конференция. Коджон тайно прислал на нее своих представителей, которые заявили о том, что договор 1905 года об установлении протектората над Кореей был навязан ей силой. Конференция решила запросить Коджона, так ли это. Но телеграмма, направленная королю, попала прямо на стол к Ито Хиробуми. После неловкого разговора Коджон пробормотал, что никакой делегации

в Гаагу не отправлял. Ито информировал об этом Гаагу, проблема была решена. Точно так же, как и судьба Коджона, которого заставили «добровольно» отречься от трона.

Азиатские лидеры национально-освободительного движения вначале восприняли победу Японии над Россией в качестве осуществления своих чаяний, как начало освобождения. Теперь многие из них стали понимать: в клуб европейских колониальных держав принята азиатская страна, политика которой ничем не отличается от других хищников. С тех пор как в 1903 году Окакура Какудзо патетически воскликнул: «Азия едина!», прошло совсем немного времени.

В октябре принц Ёсихито отправился в Корею – следовало загладить неприятное впечатление, которое осталось после инцидента в Гааге. Это был первый случай в истории Японии, когда наследник престола побывал за границей. Впрочем, теперь это была не совсем заграница. Сунджон слушался японцев, наследного принца Ли Юна (1897–1970) должны были вывезти в Японию в декабре. Официальной версией его приезда считалось «обучение», однако образованные люди прекрасно знали, что нахождение некоторых корейских принцев в Японии имело место еще в VI–VII веках и было разновидностью заложничества.

Чтобы никто в Корее не посчитал наследного принца заложником, Ёсихито и отправился в Корею. Его сопровождали принц Арисугава, адмирал Того Хэйхатиро и бывший премьер Кацура Таро. Ёсихито пробыл в Корее всего пять дней. Выходившая в Корее японская газета впервые опубликовала фотографию Ёсихито. Под ним были помещены портреты Того и Кацура. Все как один – в военной форме и с многочисленными орденами. Ёсихито любил «Песню странствий по миру», которая начиналась словами: «Собираясь посмотреть диковинные страны огромного мира...». Однако Корея оказалась его первым и последним заграничным путешествием. Идеологом корейского путешествия был Ито Хиробуми, другой такой возможности Ёсихито – увы – не представилось.

Перспектива. Первым японским действующим императором, который покинул пределы родины, был Сёва. Он совершил поездку по Европе в 1971 году.

Три принца: Ёсихито, Ли Юн и Арисугава

Накаяма Ёсико

Принц Ёсихито сфотографировался на память вместе с Ли Юном. Ёсихито через несколько лет станет императором, Ли Юну стать монархом Кореи возможности не представится.

5 октября от воспаления легких, в возрасте 73 лет скончалась Накаяма Ёсико, биологическая мать Мэйдзи. За несколько дней до ее смерти император послал ей со своего стола три бутылки молока. Но он так и не проведаль ее – ведь Ёсико не считалась его «полноценной» матерью, она была одной из 40 миллионов его подданных. Ее низкий ранг не позволил сыну навестить свою мать даже перед смертью. Она изредка приходила к своему сыну, получив на это его предварительное согласие, но сам он посещать ее не мог никогда. Но присланное ей молоко Ёсико выпила до капли^[354].

На похоронные расходы Мэйдзи выделил 45 тысяч иен. Однако проводить свою мать в последний путь он также не имел права. Вместо себя Мэйдзи послал на похороны пехотный батальон. Армия еще раз доказала свою пригодность на все случаи жизни. Похоронный ритуал был смешанным: в буддийскую основу добавили синтоистские элементы. Несмотря на то что синто обрел статус официальной государственной религии, многовековые традиции брали свое.

Изобретенный обряд синтоистских похорон не пользовался популярностью. Сами синтоистские жрецы старались не отправлять его, поскольку, в их представлении, смерть и похороны приносят ритуальное загрязнение, от которого лучше держаться подальше.

В ноябре Мэйдзи направился поездом на маневры в префектуру Тотиги – ту самую, где армия недавно разогнала «бунтовщиков» с рудника Асио. Следовало утишить страсти и продемонстрировать добрую сторону власти. На остановках местные чиновники получали аудиенцию – они стояли на платформе, а император сидел в своем купе с открытым окном. После успешного окончания маневров был устроен грандиозный пир на 4800 персон. Мэйдзи послал со своего стола чарки с сакэ 60 гостям^[355].

В этом году четырехлетнее обязательное обучение продлили до шести лет. В школы ходило 6 миллионов 840 тысяч детей. Только три процента недорослей бойкотировали учебный процесс. Таких показателей не имела ни одна страна в мире. Власти прекрасно понимали, что мощь страны и ее управляемость зависят прежде всего от постановки учебного дела. Но, памятуя о том, с каким сопротивлением они встретились в 70-х годах прошлого века при введении четырехлетнего образования, они готовились к тому, что их снова ожидают трудные времена. Тем более что за пятый и шестой годы обучения родителям приходилось платить. Однако на сей раз опасения оказались напрасны. За прошедшие годы всем стало понятно: только образование дает шанс преуспеть. Забота об образовании детей прочно вошла в список достоинств чадолюбивых родителей. Местные органы власти, в ведении которых находились школы, буквально соревновались друг с другом в деле улучшения условий обучения.

С «необязательным» образованием дело обстояло не так впечатляюще. В средней школе продолжали обучение только 118 тысяч мальчиков и 52 тысячи девочек. Если добавить к ним 60 тысяч человек, которые обучались в профессионально-технических училищах, то получается, что только чуть более 3 процентов детей желали или же имели возможность продолжить образование. Студентами высших учебных заведений становилось ежегодно только 10 тысяч юношей и девушек. Сила тогдашней Японии обеспечивалась прежде всего «снизу», главным козырем была массовость начального образования.

В то время ни одна из крупных стран мира не имела, пожалуй, такого послушного правительству населения, как Япония. И системе начального образования принадлежала в этом особая роль. Вместе с «практическими» знаниями школа поставляла государству «готовых японцев». Оппозиционные движения – рабочее, профсоюзное, социалистическое – по-прежнему находились в зачаточном состоянии.

1908 год

41-й год правления Мэйдзи

В январе этого года в Японию снова приехал доктор Бёльц. Он видел Японию в последний раз. Ито Хиробуми попросил его сопровождать престолонаследника Ёсихито в его поездке по Америке и Европе. Однако здоровье престолонаследника по-прежнему внушало опасения, поездка не состоялась, а Бёльц с горечью ощутил, что принадлежит прошлому. В минувшем году на территории кампуса Токийского университета ему поставили бронзовый памятник. Бёльц вернулся в Германию по Транссибирской магистрали. Он умер через пять лет.

Наряду с европейскими державами Япония продолжала терзать Китай. В феврале китайские власти захватили груженный оружием пароход «Тацу-мару», который направлялся в португальскую колонию Макао. Японцев обвинили в том, что оружие предназначено китайским революционерам. Операции полковника Акаси по вооружению российских социалистов забыты не были. Возник грандиозный скандал. Однако поскольку корабль был захвачен в португальских водах, Япония добилась извинений и возмещения убытков. В Китае же начался бойкот японских товаров. В результате японский экспорт сократился на треть. Ущерб был значительным, но зато Япония получила еще одно доказательство своей «державности». Раньше китайцы прибегали к бойкоту продукции только западных стран.

В апреле в аристократическую школу Гакусюин поступил внук Мэйдзи – принц Хирохито. Одновременно директором школы был назначен генерал Ноги. Император надеялся, что под руководством боевого генерала его внук, в отличие от своего отца Ёсихито, вырастет здоровым, сильным и волевым^[356].

Японско-русская война закончилась уже три года назад, но ее последствия ощущались до сих пор. В токийских букинистических магазинах торговали русскими трофейными книгами, захваченными на Сахалине. В то же самое время имевшие раньше широчайшее хождение скабрзные японские книжки приобрести становилось все труднее. Япония не приняла христианства, но христианская мораль пускала здесь корни все глубже. Это касается и моногамных браков, это касается и запретов на изображение полового акта. Обнаженный торс мужчины увидеть на улице тоже становилось все труднее. Раньше японцы вели себя как «варвары» или как дети – они раздевались во время работы или когда им становилось жарко. Теперь такой «экспозиционизм» становился неприличен. Однако на эту связь между повседневным поведением и христианством не обращали внимания – изменения в психологии людей относили не за счет христианства, а за счет «западной культуры» вообще. Или же за счет «возрождения» традиционной конфуцианской морали.

Осуждению подвергалось не только обнаженное тело, но и чувства. Январский номер журнала «Мир женщины» («Дзёгаку сэкай») писал: «Любовь и отчаяние с легкостью сопутствуют друг другу, а отчаяние происходит от ослабления психики. Люди чувствительные – безвольны, из-за этого они подвержены эмоциям, они без всяких на то оснований утверждают, что любовь – свята, с жаром говорят про звезды и фиалки. Я же полагаю, что взаимная привязанность супругов не может именоваться „любовью“, „любовь“ – это то, что происходит между мужчиной и женщиной вне брака, она не имеет никакого отношения к „святости“, а есть разновидность психического расстройства. А потому если у нашей читательницы случится приступ любви, то следует пользоваться себя холодными обливаниями и массажем, больше бывать на воздухе и заниматься физическими упражнениями. И тогда ваши чувства естественным образом успокоятся»^[357].

Страна воплощала в жизнь мысленный конструкт. Она строила нацию, народное государство, державу. Грандиозное строительство забирало все силы. У строителей не было (не должно было быть!) времени на индивидуальные вздохи и переживания.

Иностранцы считали японцев людьми рациональными. Христиане даже обвиняли их в отсутствии духовных идеалов. Сами же японцы гордились тем, что за последние десятилетия им удалось избавиться от многих «дурных» обычаев прошлого. Эпидемиологическая ситуация тоже улучшалась – «любовная лихорадка» шла на убыль. Однако на самом деле пленка рационализма была очень тонка. Когда в этом году в префектуре Кагава в земле вдруг образовался провал, «в народе появился говорок, что это что-то чудесное, и стал народ молиться этой дыре и повалил к ней, да так, что тысячи стали собираться; по копейкам набросали приношений этому богу ныне уже более 10 тысяч ен; полиция собирает эти приношения и не знает, куда девать их...»^[358].

В стране находилось немало последователей «новых религий», возникающих прямо на глазах. Их основателями являлись крестьяне, пережившие мистический опыт общения с божеством. Они впадали в транс, лечили, предсказывали судьбу. Как правило, они оставались равнодушными к политике, но именно это и раздражало власть. Их моленные дома разрушали, а сами последователи новых религий подвергались гонениям, поскольку им не было никакого дела до того, что творится в стране. «Народному государству» требовался весь народ, а не его часть.

В июне японцы открыли в Порт-Артуре два мемориала, посвященных памяти погибших японских и русских воинов. Открывал мемориалы герой взятия крепости генерал Ноги. Нужно отдать японцам должное – они сражались яростно, но мужество побежденных они тоже умели ценить.

Раньше интересы России в Японии представлял посланник. Теперь ранг представителя был повышен до посла. Так же поступили и другие западные державы. Это стало прямым следствием победы Японии в последней войне. Первым русским послом в Японии стал Н. А. Малевский-Малевич.

В прошлом году была принята программа перевооружений. Она была нацелена, в частности, на Америку. Однако пока об этом никто из посторонних не знал. Война с Америкой была лишь стратегической возможностью, а пока в октябре в Иокогаму с дружественным визитом прибыла американская эскадра. Город разукрасился флагами...

В этом году дали знать о себе анархисты – сторонники Котоку Сюсуй. В июне, когда сам Котоку находился на лечении, они устроили в Токио демонстрацию. На красных флагах красовались надписи «Анархизм» и «Анархо-коммунизм». В демонстрации приняла участие лишь горстка революционеров, всех лидеров арестовали, они понесли суровое наказание. И было за что – полиция прекрасно знала, что эти люди придерживались антимонархических убеждений. Таких людей насчитывалось мало, но они переступили опасную черту – они выступали не с критикой отдельных недостатков, а замахивались на систему. В июле «мягкотелого» премьера Сайондзи сменил Кацура, который возглавлял правительство во время японско-русской войны.

Чтобы показать заботу императора о народе, было решено отправить принца Ёсихито в очередную поездку по стране. В сентябре – начале октября он совершил путешествие по северо-востоку Японии (район Тохоку). Одной из основных целей путешествия явилось награждение предварительно выявленных «образцовых деревень» и передовиков сельскохозяйственного производства, внесших особенно значительный вклад в улучшение деревенской жизни. Таких передовиков насчитали 106 человек. Кроме того, визиты Ёсихито приурочивались к открытию телефонных линий, началу подачи в дома электричества, что должно было создать устойчивую связь между императорским домом и улучшением быта.

Большое новшество заключалось и в том, как стал трактоваться образ Ёсихито. Газеты публиковали его фотографию вместе с членами его семьи, где он предстал не только вместе с супругой, но и вместе с тремя малолетними детьми.

Можно подумать, что это означало реализацию европейского «сценария семейной любви», однако японский вариант оказался другим. Европейские монархи появлялись на одной и той же фотографии в окружении жены и детей, они держали детей на руках, участники композиции демонстрировали телесный контакт и близость. В японских газетах каждый из членов семьи Ёсихито помещался в отдельном картуше, изображения детей были мельче и находились ниже портретов родителей. Таким образом, степень близости и «слияния» членов образцовой японской семьи оказалась существенно меньше, чем на Западе. В японских внутрисемейных отношениях главное внимание уделялось не безоглядной любви, а выстраиванию иерархии. Семья Ёсихито служила образцом того, как должны быть построены отношения в государстве.

Несмотря на вестернизацию, телесному контакту в японском обществе места не находилось. Отец Николай свидетельствовал: «Много хлопот доставил обычай взаимного поцелуя: долго пришлось толковать новобрачным, как нужно сложить губы, что с ними сделать; и священник, и катехизатор, сложив губы, пресерьезно держали молодых за затылки и старались свести их лица для поцелуя, а молодые, не понимая, чего от них хотят, наивно пятились один от другого. У японцев ведь нет поцелуев, даже родители не целуют своих детей»^[359].

Как и поездки Мэйдзи, путешествия Ёсихито замыслились в качестве средства унификации. Район Тохоку печально известен своими диалектами, малопонятными для обитателей других частей страны. В беседе с губернатором префектуры Мияги наследный принц обратил внимание на то, что местный диалект препятствует коммуникации и усвоению приказов властей. Губернатор отвечал, что приложит все силы к исправлению ситуации, в чем ему призваны помочь школы^[360]. В рамках национального государства диалекты стали восприниматься не как часть многообразной культуры, а как подлежащее безжалостному уничтожению бескультурье.

13 октября был обнародован очередной указ Мэйдзи относительно необходимости укрепления морали. В нем говорилось о том, что после победы в войне с Россией японцы впали в эйфорию, стали думать только про наращивание собственного благополучия, увлеклись удовольствиями и шикарной жизнью. И это в то время, когда следует озаботиться совсем другим. Прежде всего верностью императорскому дому, трудолюбию, бережливостью и производственными делами.

В подтексте указа читалось не только конфуцианское стремление к скромности и экономии, но и необходимость предотвратить распространение анархистских и социалистических идей.

В этом году в Токийском императорском университете открылась кафедра колонизации. Правительство пришло к выводу, что освоением уже приобретенных колоний, а также тех колоний, которые еще будут завоеваны, должны заниматься профессионалы. Колонизационный проект был многолетним.

Жизнь неумолимо шла вперед, и на улицах Токио появились первые почтовые автомобили. Каждый из них вмещал полторы тонны писем и посылок.

1909 год

42-й год правления Мэйдзи

В этом году произошла забастовка студентов Высшего коммерческого училища в Токио. Подумать только: они требовали смены директора! Директора, то есть главного их учителя, сэнсэя! Вещь совершенно немыслимая еще несколько лет назад. И это произошло несмотря на школьные уроки морали, на которых будущие студенты ВУЗа наверняка получали положительные оценки...

Власти по-прежнему пытались обрести поддержку в деревне, рассматривая ее в качестве противовеса «городу», который все больше выходил из-под контроля. В этом году началась инициированная Министерством внутренних дел кампания по «улучшению местного самоуправления». Ее главная идея заключалась в том, чтобы мобилизовать крестьянство на выполнение общенациональных задач. Несколько сотен деревень назначили «образцовыми». В этих деревнях создавались самые различные ассоциации и общества: общество трудолюбия и бережливости; общество агротехники; молодежная ассоциация по исправлению нравов; ассоциация глав семейств; женское общество; ассоциация резервистов; военная ассоциация; общество женщин-патриоток; общество Красного Креста; образовательная ассоциация; общество юных буддистов и др. Многие подобные общества (например, образовательные) были организованы еще в 70-х годах прошлого века, патриотические ассоциации появились после японско-китайской войны, религиозные объединения существовали еще в период Токугава. Трудовая кооперация была традицией японской деревни, крестьяне чувствовали себя в коллективе привычно и уютно. Государство решило воспользоваться этой чертой крестьянства и направить коллективную энергию в нужное и послушное русло.

Создаваемые в деревнях ассоциации объединялись в координируемые из Центра общенациональные сети. Общественные организации превращались в полугосударственные. Токио буквально «прошил» деревню своими патриотическими нитями. В отличие от «классических» европейских тоталитарных режимов XX века – Италии, Германии и Советского Союза – в Японии основная ставка была сделана не на горожан, а на крестьянство. Участие населения в добровольных проправительственных объединениях было более активным в деревне, чем в городе^[361]. «Народность» японского государства достигалась прежде всего за счет его крестьянской составляющей – отрицания индивидуалистических ценностей, моделирования общества по семейному патерналистскому образцу. Этот образец был распространен на любое общественное объединение и нацию в целом.

Перспектива. Одним из основных достижений японского менеджмента считается начавшееся в 30-х годах XX века позиционирование трудового коллектива как единой семьи. К числу основных черт такого типа управления относятся: жесткая исполнительская иерархия при одновременном коллективном обсуждении и принятии решений, пожизненный наем работника, верность трудовому коллективу, преподнесение индивидуальных достижений как коллективных^[362].

26 октября председатель Тайного совета Ито Хиробуми прибыл в Харбин по российской железной дороге. Прилегающая к ней полоса считалась территорией Российской империи. Хотя Ито раньше заявлял, что просто хочет немного развеяться, на самом деле его целью была встреча с российским министром финансов В. Н. Коковцевым. Предстояло обсудить планы Японии по

предстоящему присоединению Кореи. В прошлом году сопротивление 70 тысяч корейских повстанцев оказалось особенно упорным. В боях с японской армией погибло около 15 тысяч человек. Но силы были неравными, японцы потеряли всего 245 жизней.

Коковцев зашел в вагон, поздоровался. На перроне выстроился почетный караул. Коковцев предложил Ито обойти его. Они вышли на платформу, Ито совершил обход караула. Затем Ито направился к группе японских жителей Харбина, которые намеревались поприветствовать его. В этот момент некий молодой человек отделился от толпы и сделал шесть выстрелов из пистолета. Три первых пули попали в Ито и смертельно ранили его.

Российские охранники немедленно схватили преступника. Им оказался кореец по имени Ан Чун Гын. В момент задержания он успел трижды прокричать: «Да здравствует Корея!» Ито умер через полчаса. Перед смертью он прошептал: «Какой идиот!»

Еще в детстве Ан обнаружил способности к учению, был начитан в конфуцианстве, но затем принял католичество. Он тяжело переживал японское засилье в Корее, но свято верил в то, что Мэйдзи искренне желает ее независимости. А вот злой Ито Хиробуми, полагал Ан, обманывает доброго императора и проводит такую политику, которая ведет к порабощению его родины. Вот потому Ан и решил застрелить Ито. Для того чтобы сойти в глазах русских солдат за процветающего японца, он приобрел шикарный наряд, пошитый в Париже. Ан мыслил так же, как и миллионы японцев. Они могли быть недовольны правительством, но сам Мэйдзи находился вне критики.

Через два дня после удавшегося покушения Ана передали японцам. Он не просил о помиловании. Он просил только о том, чтобы его заветные мысли относительно преступной политики Ито стали известны Мэйдзи. Ан не сомневался, что император примет надлежащие меры, и тогда между Кореей и Японией навечно установятся добрососедские отношения. Ан обвинял Ито во всех смертных грехах. В частности, он инкриминировал ему убийство отца Мэйдзи, императора Комэй. Если бы он навел справки, то обнаружил бы, что в момент смерти прежнего императора Ито Хиробуми был болен и находился вовсе не в Киото, а в своем родном княжестве Тёсю.

Вряд ли подлежит сомнению, что убийца страдал какой-то разновидностью политическо-психического расстройства. Тем не менее его приговорили к смерти через повешение. Ан был разочарован: он считал себя борцом за правое дело, узником совести, а его признали виновным в вульгарном убийстве. За весьма недолгое пребывание в тюрьме он успел написать свою автобиографию. Ан не молил о помиловании, но он попросил отсрочить исполнение приговора на две недели, которые требовались ему для завершения труда «О мире в Восточной Азии». Ему отказали.

Ан Чун Гын перед казнью

Почтовая марка с портретом Ан Чун Гын

Еще совсем недавно японцы нападали на иностранцев, приписывая им все мыслимые и немыслимые прегрешения. Однако после того, как Япония успешно переняла у Запада методы его империалистической политики, японцы сделались, в свою очередь, желанным объектом для иностранных террористов. Они метили в конкретных чиновников, наивно полагая, что конкретное убийство способно привести к системным изменениям. Ан вдобавок ко всему полагал, что Мэйдзи обладает бóльшими распорядительными полномочиями, чем Ито. Он, как и многие его террористические коллеги, явно переоценивал роль императорской личности в японской истории.

На похоронах Ито Хиробуми в Токио присутствовало 400 тысяч человек. Его сравнивали с Тоётоми Хидэёси – тот тоже происходил из народных низов, но сумел подняться очень высоко – редчайший случай в японской истории до правления Мэйдзи. Как и корейцы – Ана, японцы тоже считали Ито настоящим патриотом. Как и Ану, этот патриотизм стоил Ито жизни. У каждого из них обнаружилось множество последователей, которые не щадили ни себя, ни других.

Перспектива. Ана казнили в назначенный день – 26 марта 1910 года. На родине его признали за национального героя и истинного патриота. Его считают одним из пионеров корейского национализма. Для таких людей Харбин до сих пор является местом паломничества.

Старинный соратник Мэйдзи был мертв. Или же Мэйдзи следует считать соратником Ито Хиробуми? Ито Хиробуми всегда был первым: он был первым председателем Совета министров, первым председателем Тайного совета, первым спикером палаты пэров, первым генерал-губернатором Кореи. И в замыслах этих проектов, и в их исполнении именно ему принадлежала ведущая роль.

В этом году имя Ито Хиробуми мелькало на страницах газет особенно часто. Незадолго до его смерти был арестован знаменитый карманник Ситатэ Ягиндзи. Полиция до поры не трогала его, поскольку вор являлся ценным информатором. Однако сейчас ее терпение лопнуло, поскольку он украл серебряные часы у губернатора префектуры Ниигата. Часы, которые подарил ему сам Ито Хиробуми.

Ито Хиробуми был мертв, император Мэйдзи продолжал исполнять свои обязанности. В ноябре он посетил военные учения в префектуре Тотиги. Его украдкой фотографировали, но эти немногочисленные «неофициальные» изображения были обнародованы газетами только после его смерти.

В этом году впервые в истории Япония обогнала Китай по производству шелка-сырца. Главная заслуга в этом принадлежала крестьянам, занимавшимся разведением гусениц шелкопряда. Их выращивание не подлежит механизации, главным «инструментом» оставались руки. Эти руки были избыточными в растениеводстве – детская смертность падала, а увеличения земельных наделов так и не произошло. Если в 1874 году средний размер надела составлял 0,95 гектара, то теперь он увеличился всего на 10 квадратных метров (эти данные не учитывают Хоккайдо, где фермерские хозяйства все-таки появились). В Японии фактически не сформировался класс крупных земельных собственников.

Император Мэйдзи на учениях в Тотиги

Крестьяне не стремились осесть в городе. Город был для них временным источником экстренного пополнения бюджета, но после расчета крестьянин или крестьянка предпочитали вернуться в родную деревню. Именно там, в семье, среди соседей, зелени и гор, они чувствовали себя по-настоящему комфортно. Крестьянский труд тогда еще не тяготил их, огни большого города манили далеко не всех.

И это при том, что «настоящие» горожане придерживались совершенно другого мнения. Токио вызывал у них восторг. Исикава Тэнгай, автор вышедшего в этом году путеводителя по Токио, буквально захлебывался от восторга при виде ярко освещенных улиц столицы: «После наступления сумерек уличные фонари – электрические и газовые – вспыхивают подобно цветам, чтобы представить взору бессонные кварталы во всем их великолепии. Этот город действительно заслуживает звания столицы в цвету»^[363].

Место киотосской сакуры заняли токийские уличные фонари в Токио. Это было время безудержного восторга перед техническим прогрессом. Слишком многим казалось, что с его помощью можно решить все проблемы, которые стоят перед страной и даже человечеством. Даже великий писатель Нацумэ Сосэки не удержался от замечания, что вечернее искусственное освещение – это суть эпохи Мэйдзи. Недаром этот девиз правления расшифровывается именно как «светлое правление».

Кано Дзигоро

Япония продолжала вхождение в международное сообщество. В этом году Кано Дзигоро (1860–1938) был избран членом Международного олимпийского комитета. Кано стал первым представителем Азии в этой организации. До этого он успел окончить филологический факультет Токийского университета и изобрести борьбу дзюдо, которой предстояло стать «визитной карточкой» Японии на международной арене. Кано настаивал на том, что дзюдо является не столько разновидностью спортивных единоборств, сколько средством для воспитания «высокоморального» человека и «настоящего» воина, сильного своим самурайским духом. Поскольку за свою педагогическую карьеру Кано успел побыть учителем «школы пэров» Гакусюин и директором привилегированной Первой гимназии Токио, в числе его учеников оказались очень многие представители политической элиты. Всех их Кано Дзигоро научил тому, что это такое – быть настоящим японцем. Кано Дзигоро вел свои дневники на английском языке, но это не помешало тому, что он был признан «образцовым» представителем японской нации.

Перспектива. Кано Дзигоро сделал все возможное, чтобы Олимпиада была бы впервые проведена в Азии. Спортсмены со всего мира должны были съехаться в Токио в 1940 году, но война не позволила сделать это. Тем не менее Япония все равно стала первой азиатской страной, где состоялась Олимпиада. Но произошло это только в 1964 году.

Япония не могла похвастаться спортивными достижениями на международной арене. Японские спортсмены еще ни разу не приняли участия в Олимпийских играх. Но японцы гордились своими национальными видами спорта, где у них не было соперников. В феврале в Токио было завершено строительство гигантского по тем временам закрытого спортивного зала «Кокугикан». Он предназначался для турниров по борьбе сумо. За схватками борцов могли

наблюдать 12 тысяч человек!

Дзюдо и сумо еще только предстояло стать признанными во всем мире символами Японии. Сакура таким символом уже стала. Мэрия Токио подарила Вашингтону две тысячи саженцев сакуры. Их посадили в только что законченном парке на берегу Потوماка.

1910 год

43-й год правления Мэйдзи

Японская элита твердо усвоила, что могущество обеспечивается сверхсовременными вооружениями. В этом году на армию было ассигновано 34 процента бюджета (в России – 14).

Подводные лодки не успели сыграть сколько-нибудь значительной роли во время японско-русской войны, но ведь никто не думал, что это была последняя война в японской истории. Перманентная модернизация флота продолжалась. В апреле во время маневров возле Хиросимы случилась трагедия: затонула подводная лодка с 15 членами экипажа. После того как лодка была поднята, обнаружили предсмертное письмо ее командира лейтенанта Сакума. Его адресатом значился Мэйдзи.

«Выражаю свои извинения Вашему Величеству за утрату подводной лодки № 6. Мои подчиненные погибают по моей вине. В то же время с гордостью сообщаю, что вся команда без исключения выполняла свой долг до самой последней минуты с величайшим хладнокровием, как то и положено морякам.

Мы отдаем свои жизни за нашу страну, но я опасаясь, что данная катастрофа может повлиять на дальнейшее развитие подводного флота. В связи с этим выражаю надежду, что ничто не сможет остановить решимость продолжить разработку подводных лодок, пока они не превратятся в совершенные и абсолютно надежные машины». Далее лейтенант описал борьбу экипажа за спасение лодки и просил императора позаботиться о семьях погибших моряков^[364].

Однако этот год принес Мэйдзи не только это похвальное во всех отношениях послание командира подлодки.

За границей покушения на монархов и глав государств в последнее время стали случаться часто. В последние годы были убиты российский император Александр II, итальянский король Умберто I, португальский король Карлос I, сербский король Александр. Не отставали и страны «торжествующей демократии»: террористы совершили успешные покушения на президента Франции Сади Карно, президентов США Джеймса Гартфилда и Уильяма Маккинли. А уж количество преступных замыслов вообще не поддается исчислению.

Но то был растленный, аморальный Запад... В истории Японии еще не случалось, чтобы простолюдин составил заговор с целью убийства императора. Кто бы мог подумать, что теперь и в Японии возможно такое.

Однако, став членом международного сообщества, страна получила не только несомненные преимущества. Вместе с ними она получила и весь тот «пакет» проблем, который мучил Запад. Главная из них – отсутствие должного почтения по отношению к старшим по положению, званию, возрасту. И пусть иностранцы все равно находили уровень нравственности японцев чрезвычайно высоким, неизбежный при западной модели развития рост индивидуализма разъедал каркас традиционного общества. Деревенские парни и девушки отправлялись в город в поисках работы и для продолжения образования. Вырванные из привычной среды, они лишались корней и с легкостью воспринимали самые «нелепые» идеи.

25 мая полиция арестовала анархиста Миясита Таикити. Вместе со своими поделельниками он замыслил бросить бомбу в экипаж Мэйдзи. Теракт запланировали на 3 ноября, когда император по своему обыкновению будет возвращаться со смотра в Аояма. Смотра, приуроченного к дню его рождения. Самодельное устройство террористов уже прошло успешное испытание.

Полиция арестовала и Котоку Сюсуй. Он и вправду был среди анархистов фигурой

влиятельной, но сам он участвовать в заговоре отказался. Тем не менее его прегрешения говорили сами за себя: он был учеником Накаэ Тёмин, в преддверии обнародования конституции его выслали из столицы, во время японско-русской войны он перевел «Коммунистический манифест» и сидел в тюрьме за свой антимилитаризм, потом отправился в Америку и свел знакомство с русскими анархистами, его кумирами стали уже не Маркс с Энгельсом, а Бакунин с Кропоткиным. Легальный социализм в лице разрешенных теперь Народной и Социалистической партий его больше не интересовал. И теперь Мэйдзи уже перестал быть его кумиром. От любви до ненависти действительно оказался всего один шаг: теперь Мэйдзи казался олицетворением общеяпонского зла. Из «сына богов» он превратился в сына потомственных бандитов с личиной бога.

Ито Хиробуми был мертв, но его корейские планы осуществлялись полным ходом. 4 июля был подписан второй послевоенный договор между Японией и Россией. В его секретной части фактически говорилось о создании оборонительного союза. Он был направлен прежде всего против Америки, выступившей с инициативой предоставить Китаю средства для выкупа принадлежавшей России Китайско-Восточной железной дороги. Международные нравы отличались суровостью, каждый подозревал каждого, коалиции создавались и распадались. Как и всякое нехорошее дело, результаты переговоров держались в строжайшем секрете. Японии удалось уговорить Россию, что та не станет возражать против полного и окончательного присоединения Кореи к Японии. После этого получить согласие Англии не составило особого труда.

Уже 22 августа был подписан японско-корейский договор, согласно которому состоялась долгожданная аннексия Кореи. В первой статье договора указывалось, что корейский монарх Сунджон просит японского императора взять Корею под свою руку, а во второй Мэйдзи соглашался удовлетворить эту просьбу. Ратуя за «независимость» Кореи, Япония начала и выиграла две войны. Однако теперь, после убийства Ито Хиробуми, корейцы доказали, что они не в состоянии оценить те «блага», которые несет им сотрудничество с Японией. Корейцы нуждались в экстренной помощи, которая выведет на торную дорогу прогресса и цивилизации. Ямагата Аритомо, настроенный наиболее жестко по отношению к той стране, которая в древности служила для Японии резервуаром культуры, с замечательной прямоотой заявлял: «Корея не обладает ни фундаментальными знаниями, ни достаточными возможностями для того, чтобы усвоить новую цивилизацию. Корейцы, как высокие, так и низкие, нерешительны и довольно ленивы». Обнародованный 29 августа указ Мэйдзи о присоединении Кореи был составлен в более вежливых и обтекаемых выражениях, но по сути своей мало чем отличался от суждений Ямагата.

«Учитывая необходимость поддержания постоянного мира на Востоке и заботясь о будущей безопасности Нашей империи, а также учитывая тот факт, что Корея всегда являлась рассадником беспорядка, Мы ранее уже попросили Наше правительство, дабы оно достигло соглашения с корейским правительством относительно того, чтобы Корея оказалась бы под защитой Нашей империи, – в надежде на то, что источники беспорядков будут вырваны с корнем и воцарится мир.

С тех пор прошло уже более четырех лет, в течение которых Наше правительство всеми силами пыталось улучшить ситуацию, и его достижения в этом отношении следует признать значительными, но вместе с тем результаты оказались недостаточными для того, чтобы в условиях существующей в Корее системы полностью обеспечить порядок. Чувство страха переполняет страну, люди не могут вести мирную жизнь. Теперь стало ясно, что для поддержания мира и повышения благосостояния народа необходимо реформировать существующую систему». Далее указывалось, что Мэйдзи назначит полномочного генерал-

губернатора, под мудрым руководством которого корейские люди смогут наслаждаться мирной жизнью и продуктами развития промышленности и торговли^[365].

1 сентября в ознаменование присоединения Кореи было проведено несколько ритуалов. Во дворце состоялись благодарственные моления. В святилище Исэ направили императорского посланника для доклада богам о приобретении 220 792 квадратных километров. Через два дня об этом сообщили гробнице Дзимму, а на следующий день – могиле Комэй. Почти сорок лет назад Сайго Такамори оставил Токио и отправился в добровольную ссылку на Кюсю, поскольку правительство решило, что воевать Корею оно еще не готово. Теперь его мечта осуществилась. Корея стала японской. Получалось, что памятник ему поставили не зря.

Япония теперь владела Тайванем, Сахалином, Кореей и умирительно походила на «настоящую» колониальную державу. Как по методам своей внешней политики, так и по картине мира, в которой этот мир представал как объект силового воздействия. Многим японцам это было приятно.

В награду за сговорчивость членам королевской фамилии Кореи предоставили приличное содержание, 76 представителей знати получили японские дворянские титулы. Император Сунджон остался жить в Сеуле в качестве генерала японской армии. У него были нелады со здоровьем, поскольку двенадцать лет назад ему подложили в кофе яд, так что он вряд ли был способен осуществлять командование хотя бы взводом.

Перспектива. Бывший корейский наследный принц Ли Юн получил превосходное образование в Японии и женился на дочери японского принца Насиномото. Он сделал успешную военную карьеру, командовал Первой военно-воздушной армией.

Как это ни странно, присоединение Кореи привело к расколу в стане историков. Нет, против присоединения Кореи не выступал практически никто. Задача понималась верно – обосновать законность аннексии. Но тут мнения разделились. Одни доказывали, что японский и корейский народы произошли из одного корня, а потому присоединение – акция совершенно естественная. Другие же утверждали, что японцы и корейцы принадлежат к абсолютно разным народам, а потому японцы, как более развитые, культурные и цивилизованные, имеют полное право вести себя в Корее соответствующим образом^[366].

Принц Ёсихито продолжал свои многочисленные поездки по стране. Он посещал школы и больницы, выставки и предприятия. «Инспектировал» он и маневры, хотя, по свидетельству современников, ничего не понимал в военном деле. Маневры тем не менее проходили успешно, а роль Ёсихито состояла вовсе не в том, чтобы водить указкой по карте, раздавать рекомендации и вносить предложения. Присутствие наследного принца должно было вдохновлять войска, о его некомпетентности они ничего не знали.

В августе были решительно изменены правила приветствия императора и наследного принца. Неудомимое Министерство образования разослало по школам циркуляр, согласно которому ученикам, выстроившимся на платформе в ожидании проезда августейшего поезда, предписывалось встать по стойке «смирно», а «за десять шагов до приближения августейшего вагона» склониться в поклоне, причем отклониться от вертикального положения следовало «на угол приблизительно в 30 градусов». За исключением абсурдных – если учесть немалую скорость движения поезда – десяти шагов, в этом указании не было ничего особенно нового. Настоящее новшество заключалось в другом. Теперь всем ученикам запрещалось исполнение государственного гимна^[367].

Японские церемониймейстеры решили отказаться от западного стиля бурного и шумного

выражения восторга, они сочли, что августейшим особам больше подходит полная тишина. И в этом они следовали японским традициям – выезды сёгуна или князя-даймё тоже проходили в полной тишине, которая была скорее устрашающей, чем торжественной. Лишь бежавшие впереди паланкина самураи разрывали ее криками «На колени!». При сёгунах железных дорог не было, и простолюдины падали ниц вдоль самых обычных немощеных дорог.

Откат к национальным формам публичной жизни продолжался. То, что раньше вызывало восторг, казалось теперь абсурдным. Об этом, в частности, свидетельствует Сансиро, главный герой одноименной повести Нацумэ Сосэки. Вот его впечатления от представления «Гамлета»: «Этот великолепный текст Сансиро тем не менее слушал без всякого интереса. Уж очень не японски мыслит этот Гамлет. Вместо того чтобы сказать: „Матушка, ведь нехорошо так поступать с батюшкой“, – он вдруг вспоминает Аполлона, словом, ведет себя легкомысленно и беспечно»^[368].

Японская публика требовала «высокоморальных» представлений. Не случайно, что именно в этом году на экраны вышел полнометражный фильм «Тюсингура» – кинематографический вариант знаменитой пьесы театра Кабуки, посвященной 47 самураям и их благородной мести. Японский кинематограф того времени в значительной степени контролировался мафией и, безусловно, отражал и ее вкусы. Члены мафии были японцами, они тоже придерживались идеалов бусидо.

Фильм продолжался 80 минут. На вкус западного зрителя, он оказался чересчур статичным. Это объясняется тем, что находящийся в зале актер-рассказчик добросовестно и подробнейшим образом «озвучивал» фильм. Амплуа рассказчика широко представлено в японском национальном театре, японский экран последовал в этом отношении за сценой. Даже после появления звука японский кинематограф сохранил привычку к «замедленному» ритму, первоначально приспособленному к тому, чтобы рассказчик успевал за действием. Амплуа тапера в японском немом кино распространения не получило^[369].

1911 год

44-й год правления Мэйдзи

7 января император проигнорировал первый парад этого года в Аояма. Доктора посоветовали ему не покидать пределы дворца. Однако 10 января он все-таки выслушал привычные новогодние лекции. Они были посвящены культу предков в Древней Греции, китайской «Книге перемен» и одному японскому мифу. В нем рассказывалось, как японское божество с помощью веревки притянуло к Японии кусочек Корейского полуострова. Сейчас, после присоединения Кореи, этот миф показался особенно актуальным.

18 января при дворе состоялось традиционное поэтическое собрание на тему «Холодная луна, освещающая цветы сливы». Мэйдзи сложил:

Луна сияет,
По-прежнему холоден
Свет ее,
Но пахнут весною
Сливы цветы.

Тема поэтического собрания оказалась вполне традиционной. Но она была традиционной прежде всего для лунного календаря. В первые дни лунного нового года цветение сливы и вправду становится актуальным. Стихи о сливе, сочиненные в первые дни года солнечного, писались как поэтическое воспоминание о том, что когда-то новый год и цветение сливы не были разделены григорианским календарем.

В этот же день верховный суд приговорил к высшей мере наказания 24 человека во главе с Миясита и Канно Суга, бывшей гражданской женой Котоку Сюсуй. Они были признаны виновными в подготовке покушения на жизнь императора. Премьер-министр Кацура Таро доложил о вердикте Мэйдзи, и тот распорядился смягчить наказание. В результате – смертной казни через повешение подверглось всего 12 человек. Остальные получили пожизненный срок. Приговор был приведен в исполнение на удивление быстро – 24 и 25 января. В числе казненных находился и Котоку Сюсуй. Его признали идейным вдохновителем неудавшихся убийц.

Казнь заговорщиков нанесла тяжелый удар по японским социалистам. У «простых» японцев они не вызывали никакого сочувствия. Мало того, что они покушались на императора. Они были открытыми приверженцами «свободной любви». Пресса не упускала возможности, чтобы еще раз подчеркнуть: социалисты угрожают святым святым – семье ^[370]. «Свободная любовь» по-прежнему процветала в «веселых кварталах», но к этому времени они все больше ассоциировались с непотребством. Многие мужчины являлись клиентами публичных домов, но говорить об этом вслух стало неприличным.

Чтобы прийти в себя, социалистам потребовалось около десяти лет. Им не удалось перехватить «террористическую инициативу» у ультраправых – в ближайшие десятилетия в качестве главных террористов будут выступать носители самурайских, «патриотических» идеалов – почитатели института императоров, полагавшие, что им выпало счастье проживать в стране богов.

Газеты опубликовали текст приговора по делу о покушении на жизнь Мэйдзи 19 января. В этот же день газета «Ёмиури» поместила передовицу под названием «Проблема Южного и

Северного дворов. Грубая ошибка государственного учебника»^[371]. Речь шла о трактовке событий XIV века, когда в Японии сосуществовали два императорских двора – в Киото и в горах Ёсино, в нескольких десятках километров к югу от столицы. В Киото находились ставленники сёгунов из рода Асикага, в Ёсино – императоры из конкурирующей линии, которые были более самостоятельны в своих поступках. В 1392 году дворы объединились под эгидой Севера. Что оставалось делать школьникам? Они заучивали девизы правления обоих дворов, могилы правителей как Северной, так и Южной династии обладали для них одинаковым статусом.

Однако состояние умов в обществе было таково, что требовалась однозначность – краеугольным камнем официальной идеологии являлась формула «бансэй иккэй» – «десять тысяч правлений императоров из одной родственной линии». Параллельное сосуществование двух дворов нарушало стройную картину мира, одновременное сияние сразу двух солнц слепило и раздваивало личность.

Поэтому ревнители метафоры «единого» были просто обязаны принести в жертву один из дворов. Задача была непростой – ведь Мэйдзи был потомком императоров Северной династии. Однако здесь сыграло роль другое соображение. Сёгуны Асикага считались не просто «плохими», а очень плохими. Они держали киотосский двор в «черном теле», не предоставляли средств на его содержание, так что многие императорские ритуалы перестали проводиться. А двор Ёсино боролся с сёгунами. Это означало, что следует пожертвовать Северной династией. Школьный учебник подвергся осуждению довольно широкой общественности за несоответствие принципу «бансэй иккэй».

Вопрос о династической законности достиг такой остроты, что его обсуждали в парламенте, на заседании правительства, в Тайном совете. Власти перепугались и объявили, что только Южный двор следует признать легитимным. Период «Южной и Северной династий» перестал существовать, теперь это время приказали именовать «периодом Ёсино». Автора учебника Кида Садакити (1871–1939) уволили из Министерства образования, другие историки еще раз призадумались над тем, где проходит граница дозволенного. В то время история и современность были связаны крепко, в актуальности истории не сомневался никто.

1 марта состоялась церемония открытия Императорского театра. Он стал первым европейским театром в стране. Он был построен в стиле французского ренессанса, но, в отличие от прежних знаковых сооружений, архитектором был не европеец, а японец. Здание было отделано мрамором, на церемонии открытия японская элита наблюдала за балетом в исполнении местной хореографической школы. Первыми из иностранцев там выступали танцоры Дягилева. Вскоре в этом лучшем в Японии зале стали выступать и актеры Кабуки. То, что европейские знаменитости выступали с ними на одной площадке, придавало театру Кабуки международный престиж.

В сентябре священник Петр Торопов из села Байкаловского Ирбитского уезда Пермской губернии отправил императору Мэйдзи послание, призывающее того принять православие. Но теперь даже отец Николай, когда-то питавший надежды крестить Мэйдзи, отнесся к этой идее без всякого энтузиазма^[372]. Другой проект тоже не понравился ему. Начальница сиротского приюта предложила завести в соборе соломенные сандалии-дзори, которые следовало выдавать за плату посетителям-нехристианам при входе. Однако Николай решительно отверг предложение и записал в своем дневнике, что «брать деньги за посещение Собора – было бы унижительно»^[373].

Перспектива. В настоящее время за вход в Воскресенский собор взимается плата в размере 300 йен. Вместо дзори выдается свечка и открытка с изображением собора.

Казнь Котоку Сюсуй и его товарищей не остановила рабочего движения. В канун Нового года, 31 декабря, началась забастовка токийских трамвайщиков под руководством Катаяма Сэн. Трамвай, один из символов новой, электрической Японии, вдруг оказался символом угрозы режиму. Бастовавшие требовали повышения зарплаты, и они ее получили. От трамвайщиков стало зависеть слишком много людей. Протяженность путей в Токио составляла уже 190 километров, 580 тысяч столичных жителей ежедневно пользовались услугами трамвая. Транспортные предшественники трамвайщиков – рикши и работники конки – не бастовали никогда.

1912 год

45-й год правления Мэйдзи. 1-й год правления Тайсё

В январе с берега моря Росса на двух собачьих упряжках три члена экспедиции, возглавляемой Сирасэ Нобу (1861–1946), направились на покорение Южного полюса. Они смогли пройти всего 283 км, но им все-таки удалось преодолеть 80-ю параллель. До сих пор к Южному полюсу были отправлены 22 экспедиции, но только трем из них – норвежца Амундсена, англичан Скотта и Шеклтона – удалось покорить его (Амундсен первым в мире достиг полюса в декабре 1911 г.). При этом и норвежцы, и англичане имели богатейшие традиции по покорению пространства. Японцы же, как известно, до этого времени великих путешественников миру не подарили. Члены экспедиции Сирасэ вообще стали первыми японцами, высадившимися в Антарктиде. Так что в японской истории экстремальных путешествий был совершен настоящий прорыв. На месте своей последней стоянки Сирасэ патриотично воткнул в снег японский флаг. Это место он назвал Ямато-но Юкихара – Снежная Равнина Ямато. Сирасэ был патриотом, на родине его восторженно приветствовали тоже патриоты. Популярности Сирасэ добавил кинематограф – запечатлевшие его кадры демонстрировались по всей стране. Кинематограф превращался из развлечения в дополнительное средство воспитания национальной гордости.

Сирасэ Нобу

Из первых для Японии Олимпийских игр такой гордости не получилось. В Стокгольм страна направила двух легкоатлетов – спринтера и марафонца. Их выступление оказалось откровенно провальным, марафонец даже не сумел добежать до финиша. Несмотря на несомненные успехи Японии как страны, в «коллективном зачете» в области экономической и военной, в зачете индивидуальном японцы по-прежнему не могли составить достойной конкуренции на международной арене.

3 февраля скончался отец Николай – астма подточила его сердце. За сорок пять лет своего проповедничества он настолько сроднился с японцами, что про него стали слагать легенды. Одна из них утверждала, что по своему происхождению он – японец, бежавший в Россию от преследований сёгуната. В России он будто бы женился на русской, а потом снова приехал в Японию. Словом, ему приписали биографию Татибана Косай. Похороны отца Николая были пышными, от имени Мэйдзи даже прислали венок, что было большой редкостью. В особенности для иностранца. Император Николай II венка не прислал, большинство российских газет про смерть проповедника православия не сообщили.

Перспектива. В 1970 году Русская православная церковь причислила Николая к лику святых. Он скончался в сане архиепископа, теперь он стал именоваться равноапостольным Николаем Японским.

Здоровье самого Мэйдзи внушало самые серьезные опасения. В начале года выяснилось, что он не в состоянии надлежащим образом отправлять свои императорские обязанности. Он всегда посещал маневры, но теперь это стало проблемой. Поэтому очередные плановые маневры этого года решили провести вблизи столицы. О том, что император чувствует себя неважно, знали только самые приближенные.

Июль в этом году выдался душным, температура поднималась выше 30 градусов. При влажном японском воздухе такую жару переносить тяжело. Публика ожесточенно обсуждала «Кукольный дом» Ибсена. Для одних Нора стала олицетворением освобождения женщины от «феодалных предрассудков», для других – очередным доказательством того, насколько прогнила европейская мораль. Героиней японской литературы пока что не могла стать женщина, которая по своей воле оставила семью, мужа и детей.

С не меньшим ожесточением газеты обсуждали взлетевшие цены на рис. «Можно обойтись без мяса и без рыбы, но как можно прожить без риса утром, днем и вечером? Для японцев нет вещи более важной, чем рис. Цены на самый важный продукт поднимаются с каждым днем, и люди не могут наесться досыта»^[374]. В адрес правительства раздавались гневные обвинения, но оно ничего не могло поделать – два года кряду урожаи были плохими. Атакам подверглось и Военно-морское министерство – за новые планы по укреплению флота, планы, которые ложились тяжелым бременем на народ. Это было бремя Империи. Нести его становилось все труднее.

Июль выдался жарким, но император всюду появлялся в увешанном орденами черном глухом мундире. Тяжелая сабля также была его неизменным атрибутом.

2 июля Мэйдзи выслушивал планы генералов относительно осенних морских маневров. 6 июля в Россию отправился бывший премьер Кацура Таро. Его целью было подписание очередного, третьего по счету секретного соглашения о разделе сфер влияния. В первых двух соглашениях (1907 и 1910 гг.) речь шла о Маньчжурии, теперь дело дошло до Внутренней Монголии. Мэйдзи подарил Кацура «на дорожку» бочонок сакэ и шелковый отрез. 10 июля император присутствовал на выпускной церемонии в Токийском императорском университете. Этот университет был единственным гражданским учебным заведением, которое постоянно чтит своим присутствием Мэйдзи. Все остальные были военными училищами. Находясь в университете, Мэйдзи почувствовал слабость, подниматься по лестнице было тяжело. Еще несколько дней он продолжал появляться на людях, но слабость была так велика, что он засыпал сидя. Аппетит пропал, даже звуки столь любимого граммофона стали раздражать его. 19 июля посреди ужина он встал из-за обеденного стола, произнес «в глазах темнеет» и упал. После этого он почти не приходил в сознание. Император обычно спал на кровати, теперь его по японскому обыкновению переложили на постеленный на полу матрас. Слуги боялись, что с кровати он может упасть.

20 июля в правительственной газете «Кампо» появилось сообщение Министерства двора, что император тяжело болен. Театральные представления и другие увеселения отменялись. В течение последующих десяти дней регулярно публиковались медицинские бюллетени. Сначала их появлялось три за один день, потом – пять. Это было неслыханное новшество – от подданных обычно скрывали и сам факт болезни, и даже саму смерть императора или сёгуна. Теперь японцы впервые узнали, что священное тело императора подвержено вульгарным человеческим недугам – гастриту, диабету, нефриту. Бюллетени вешали на досках объявлений в городе и в универмагах. В некоторых магазинах клиентам раздавали бюллетени в форме открыток. Они извещали о пульсе, частоте дыхания, мочеиспускании и стуле императора. На токийской бирже обвалились акции. Директора школ и представители местных властей получали тысячи и тысячи писем с пожеланиями императору выздоровления. Их пересылали в Министерство двора. Около

самого императорского дворца были организованы три пункта, где принимали письма с пожеланиями выздоровления. Раньше писать такие письма имели право только обладатели придворных рангов. Чувство единения между императором и его народом достигло небывалого градуса.

Врачей критиковали за бездеятельность и некомпетентность. Но на самом деле они уже ничего не могли поделать. Уколы не позволял придворный протокол, запрещающий дотрагиваться до императора, профессиональных медсестер к больному тоже не допускали, поскольку они не имели придворных рангов и вход во дворец был им заказан.

Чтобы не производить лишнего шума, трамваи, проезжавшие рядом с дворцом, стали замедлять свой ход, а на рельсы положили ветошь. Пушку, возвещавшую наступление полдня, из дворца убрали. Бить в пожарные колокола запретили. Охранявшие дворец гвардейцы перестали пользоваться горном. Площадь перед дворцом заполнили тысячи людей, молившихся о выздоровлении Мэйдзи. Как бы надеясь на всеисилие коллективной энергетики, газеты – на манер уличных зазывал – призывали своих читателей немедленно отправиться к дворцу:

Всем – к мосту Нидзюбаси!

Там ты получишь великий духовный заряд!

Что было сокрыто – явлено будет. Там!

Во всех храмах Японии – синтоистских, буддийских и христианских – тоже молились о выздоровлении Мэйдзи. Но находившийся без сознания император об этом не знал.

Мэйдзи скончался 29 июля в 22 часа 43 минуты. Вернее, не сам Мэйдзи, а его земное тело, вместилище его души. И не просто его индивидуальной души, а души его рода, той души, которую он унаследовал от предков и которую он должен был передать потомкам. Трон не должен был оставаться незанятым ни одной минуты. Два часа заняло обсуждение деталей восшествия на престол принца Ёсихито. Именно поэтому, согласно официальной версии, Мэйдзи умер 30 июля в ноль часов 43 минуты.

Сразу после этого священный меч, яшму, императорскую и государственные печати отнесли в Залу государственных церемоний, где их передали принцу Ёсихито. Для участия в церемонии передачи регалий Ёсихито сменил свою генерал-лейтенантскую форму на форму главнокомандующего. Он вознес молитвы богам в той комнате, где находилось тело его отца. Трон оставался незанятым всего 17 минут. Только после передачи регалий Министерство двора объявило, что Мэйдзи скончался. К утру обнародовали указ, что новый император будет править под девизом Тайсё – Великая Справедливость. Он еще не успел сделать ничего великого, этим эпитетом он был награжден из-за возлагавшихся на его правление великих ожиданий.

Скорость, с которой произошла смена девиза правления, не знала примеров. Обычно новый девиз принимался после соблюдения годовичного траура. Сам Мэйдзи дожидался полтора года, чтобы принять собственный девиз. Кое-кто критиковал Тайсё за такую поспешность, но мало кто обращал на это внимание. Девизом общественной и государственной жизни уже давно сделалась скорость, в принятых вместе с конституцией установлениях правящего дома говорилось о том, что передача полномочий должна осуществляться сразу же после смерти прежнего монарха.

Только после смерти стал известен рост Мэйдзи. При жизни он отказывался дать обмерить себя, что доставляло немалую головную боль придворным портным. Но теперь отказаться от этой процедуры он уже не мог. Оказалось, что рост бывшего императора равнялся 5 сяку 5 сун и 4 буна, то есть 167 сантиметров. Он был значительно выше среднестатистического японца.

Мэйдзи не дожил до своего шестидесятилетия всего три месяца. Средняя продолжительность мужской жизни составляла тогда около 42 лет, так что для своего времени Мэйдзи можно считать долгожителем. Это утверждение тем более справедливо применительно к императорской фамилии. Комэй, отец Мэйдзи, прожил всего 37 лет.

Тело Мэйдзи лежало на помосте, покрытом белым шелком. Точно таким же шелком был покрыт и он сам. 31 июля попрощаться с ним пришло около 180 человек – члены императорского дома, сановники. После прощания тело Мэйдзи положили в гроб. Двор на пять дней погрузился в траур. В это время не производились казни и телесные наказания преступников, запрещалось петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах.

В соответствии с желаниями Мэйдзи его решили похоронить на горе Момояма возле его родного Киото. При этом гору решили переименовать. «Момояма» означает «Персиковая гора». Для погребения императора это название сочли несколько простоватым и приземленным. Поэтому к слову Момояма решили прибавить еще одно слово – Фусими. Так называлась расположенная на горе деревня, воспетая в японской поэзии. Поэтому гора получила название Фусими-Момояма.

Как это обычно бывает в обществах, единственным символическим центром которого является одна личность, известие о смерти императора вызвало среди подданных настоящий шок. Мэйдзи был с ними всегда, деревни строили планы преобразований, рассчитанные на завершение в 100-м году правления императора Мэйдзи^[375]. О полной растерянности свидетельствуют слова некоего студента, о которых сообщил репортер газеты «Токё асахи» 31 июля: «Эпоха Мэйдзи закончилась. До сих пор все мы гордились тем, что мы – мужчины и женщины – люди нового времени. Теперь же мы перестали быть новыми людьми, теперь наша судьба ничем не отличается от людей прошлых времен». Даже Токутоми Рока (1868–1927), писатель и младший брат Токутоми Сохо, известный своими независимыми взглядами и малым уважением к официальным ценностям, написал в сборнике «Мимидзу-но тавагото» («Бормотанье земляного червячка»), что он, конечно же, знал – со смертью императора наступит другая эра правления, но все равно жил с ощущением того, что годы девиза Мэйдзи, с провозглашением которого он родился, никогда не кончатся. «Я привык к мысли о том, что годы Мэйдзи – это мои годы; быть ровесником годов Мэйдзи наполняло меня и счастьем, и стыдом. Смерть Его величества запечатала свиток истории периода Мэйдзи. И когда название „Мэйдзи“ сменилось на „Тайсё“, я ощутил себя так, как если бы отрезали часть моей жизни. У меня было такое чувство, что император Мэйдзи унес с собой половину моей жизни»^[376]. Нацумэ Сосэки был недоволен помпезностью и «официальщиной» погребальных церемоний, но и он написал, что дух эры Мэйдзи начался с императора и закончился с ним, оставив живущих в качестве анахронизма. Япония оплакивала утерю своего главного символа. Проставляя дату, рука японца выводила не «1-й год Тайсё», а «45-й год Мэйдзи».

Японские газеты сравнивали Мэйдзи с Петром Великим и Вильгельмом I. Ему ставили в заслугу дарование конституции, указ об образовании, победы над Китаем и Россией, присоединение Кореи. Общим местом сделалось утверждение, что путь, который западные страны прошли за несколько столетий, Япония проскочила за 45 лет правления Мэйдзи. Сладкой патокой хлынули приторные панегирики.

Тон большинства зарубежных изданий был также по преимуществу восторженным. Российская печать нередко сравнивала Мэйдзи с Петром I, хвалила за то, что он прорубил окно в Европу, а саму Японию за то, что она стала за годы правления Мэйдзи сильной. «Нива» утверждала: до Мэйдзи японцев считали дикарями, «Иллюстрированное обозрение» подхватывало: «Покойный император был первым монархом Японии, понявшим, что для сохранения самостоятельности страны и устранения покушений на нее европейских держав

необходимо привить населению всю нынешнюю цивилизацию, а главное, создать сильный флот и мощную армию»^[377]. Вспоминали и про капитана В. М. Головнина (1776–1831), который в своих знаменитых «Записках» провидчески отмечал, что «если над сим многочисленным, умным, тонким, переимчивым, терпеливым, трудолюбивым и ко всему способным народом будет царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то с пособиями и сокровищами, которые Япония имеет в недрах своих, он приведет ее в состояние, через малое число лет, владычествовать над всем Восточным океаном». Надо ли говорить, что в устах Головнина способность владычествовать имела исключительно положительный смысл. Россия начала XX века оставалась верна этой сверхценности: «Япония переживает героический период своей истории и готовится вслед за Кореей поглотить Южную Маньчжурию и Восточную Монголию. В смысле технически-прекрасно работающего государственного аппарата она наверное легко справится со своей нелегкою задачей»^[378]. О русско-японской войне если и говорилось, то без особой обиды и горечи.

Многие японцы надели траурные повязки. Многие, но не все. Почти все чиновники, служащие крупных компаний и студенты такие повязки надели. Однако ремесленники, мелкие торговцы и крестьяне, то есть люди занятий, требующих большей самостоятельности и меньшей грамотности, что предполагает и меньшую силу поэтического воображения, остались более равнодушными. Точно так же не испытали особого приступа горя и многие представители старшего поколения, которое не успело получить начального воспитания в государственных школах. Неграмотная служанка Токутоми Рока не имела понятия о том, кто это такой – государь император. Зато она знала имя генерала Того. Немало корейцев тоже отказывались соблюдать траур. Тем самым они отказывались признать Мэйдзи своим государем.

Как всегда это происходило в дни национального траура, увеселительные мероприятия были отменены. Клоуну Дурову с его звериным цирком коммерчески повезло – он успел вернуться с японских гастролей незадолго до болезни императора.

Придворные гадатели рассчитали, что похороны должны состояться 13 сентября, в пятницу. Проникновение в Японию всего европейского, включая предрассудки, было настолько велико, что кое-кто говорил: этот день – нечистый. Однако при дворе думали по-другому.

Со дня смерти до 13 сентября тело императора покоилось во дворце, придворные дамы по-прежнему приносили Мэйдзи пищу, родственники молились, синтоистские жрецы проводили ритуалы, призванные обеспечить успешный переход «коллективной августейшей души», то есть власти, от старого императора к новому. Этот достаточно длительный период пребывания между двумя мирами имел давнюю традицию. В Древней Японии между смертью правителя и его похоронами могло проходить даже несколько лет. В то далекое время не существовало жесткого порядка престолонаследования, и потому время нахождения покойного правителя во «временной усыпальнице» использовалось для того, чтобы определить следующего правителя.

Сейчас вопрос о престолонаследнике не вставал. Время использовали прежде всего для подготовки «народа» к грандиозному действу – похоронам. Люди должны были проникнуться важностью события, газеты призывали их отказаться от развлечений и распутства, общественность обсуждала, каким образом следует увековечить память покойного. Большинство склонялось к тому, чтобы день рождения императора отныне именовался бы «днем Мэйдзи»^[379]. Многие токийцы, несколько раздосадованные тем, что император будет покоем в Киото, настаивали на том, чтобы построить в Токио синтоистское святилище в память о Мэйдзи. Церемонии, связанные с интронизацией Мэйдзи, еще несли на себе печать древних представлений об отделенности императора от народа, их свидетелями были лишь немногие избранные. Похороны Мэйдзи превратились в общенациональное действо. Даже будучи мертвым, Мэйдзи не утратил способности склеивать японцев в единую нацию.

27 августа покойному императору было присвоено посмертное имя – Мэйдзи. В дальневосточной истории еще не случалось, чтобы посмертное имя совпало с девизом правления. Оправданием для новшества послужило то, что для такого великого императора трудно подобрать другое посмертное имя, которое бы столь полно отвечало сути его светлого правления. Таким образом, впервые название исторического периода стало ассоциироваться с правителем столь прочно. А это мгновенно сделало его главным деятелем эпохи. И никто не задавал вопроса, было ли это так на самом деле.

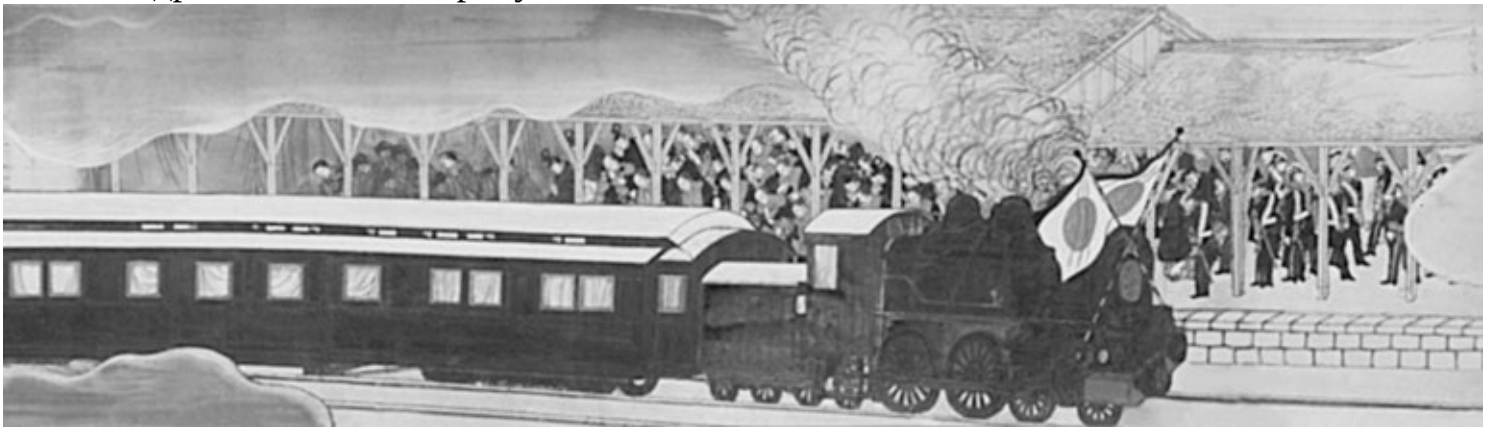
Траурная процессия

Публичные церемонии начались 13 сентября. Ровно в восемь часов вечера, когда траурная процессия показалась на мосту Нидзюбаси, в столице и с кораблей на рейде раздались залпы прощального салюта, зазвонили колокола в буддийских храмах. Услышав эти звуки, жители Токио зажигали в своих домах благовония. Траурный поезд, состоявший из 20 тысяч персон (почетный караул, принцы и принцессы, чиновники), покинул дворец и направился к Траурному павильону, сооруженному на плацу Аояма. Вдоль улиц выстроилось 24 тысячи солдат. Улицы посыпали белой галькой, перед домами горели белые траурные фонари.

От «обычных» выездов императора траурную процессию отличало то, что многие ее участники были облачены в традиционные придворные одежды. В руках они держали факелы, ветки священного синтоистского дерева сакаки, барабаны, гонги, луки, копья, стяги с изображением солнца и луны (древние символы императорской власти). Тело Мэйдзи покоилось в покрытой черным лаком повозке древнего образца, которую влекли пять волов. Похоронная процессия должна была продемонстрировать прежде всего преемственность времен, преемственность власти. Мэйдзи уходил к предкам, в прошлое. Император Мэйдзи был важен не столько сам по себе, сколько как представитель династии, которая не знает перерыва с незапамятных времен. Чиновники в процессии были одеты во фраки, но они не попадали в объективы фотокамер. Выпущенные после похорон открытки обычно фиксируют только фигуры в традиционном облачении.

Через два часа процессия добралась до Аояма. Траурный павильон представлял собой деревянное сооружение, напоминающее синтоистское святилище. Как и во всяком святилище, вход в него обозначался священными воротами – тории. Авторы погребального обряда из Министерства двора постарались сделать так, чтобы в погребальных церемониях ничто не напоминало о буддизме. На похоронах Комэй, отца Мэйдзи, читались буддийские сутры, однако теперь их место заняли синтоистские молитвословия – норито. Хотя ритуальные манипуляции синтоистских жрецов должны были произвести впечатление, что эти ритуалы являются чрезвычайно древними, на самом деле они были изобретены только что – ведь с приходом буддизма в VII веке местные похоронные обряды были в значительной степени забыты, уже

тысячу лет императоров провожали в иной мир буддийские священники. Однако элементы нового ритуала, его атрибуты действительно были традиционными для синто, что и производило впечатление древности самого ритуала.

Траурный поезд Мэйдзи

В Траурном павильоне новый император Тайсё, одетый в маршальскую форму, прочел текст, перечисляющий заслуги отца, после него выступили премьер-министр Сайондзи и министр двора. Чтение молитв было закончено около часу ночи. После этого гроб погрузили на поезд, который в два часа ночи направился в древнюю столицу – Киото. В составе было семь вагонов. Гроб с телом Мэйдзи находился в самой середине этого скорбного состава, который по пути в Киото останавливался на каждой крупной станции, чтобы местные жители могли переломиться в поклоне перед покойным. Дело было ночью. В этом отношении погребальные церемонии напоминали ночное буддийское бдение родственников у тела покойного (цую). В бдении у поезда Мэйдзи принимала участие вся страна.

Место захоронения Мэйдзи было призвано служить той же самой цели – обеспечить преемственность времен. Памятуя о российском примере, когда Москва не потеряла части своих прежних ритуальных функций, японская элита сделала то же самое с Киото. Сделать это было тем более естественно, что именно там, в буддийском храме Сэннюдзи, пребывали останки нескольких десятков императоров прошлого. Однако разница по сравнению с Россией оказалась существенной. Российские императоры прибывали в Москву на коронацию, а хоронили их в месте постоянного нахождения – Петербурге. Мэйдзи же прошел последнюю стадию интронизации в Токио, но в свой последний путь он отправился в древнюю столицу.

Участники траурной процессии в Киото были облачены в традиционные одеяния. Тело Мэйдзи поместили в специальный погребальный паланкин, который несли 52 человека. Рядом находилась еще одна смена носильщиков. Вечером процессия направилась в район Фусими-Момояма, где и были проведены заключительные погребальные ритуалы. Они продолжались всю ночь. Гроб поставили в каменный саркофаг – тело, согласно синтоистскому обычаю, предали земле. Устроители похорон соблюли и еще один древний добуддийский обычай – поставили на могиле глиняные статуэтки – ханива. В глубокой древности тысячи таких статуэток окружали курган, в котором покоился правитель или аристократ. Однако эта практика прекратилась уже в VIII веке. На сей раз статуэток оказалось всего четыре. Это были боги-защитники, оберегающие покойного императора от всей нечисти четырех сторон света (ситэнъо). Почитание именно этих богов было предписано императору новогодним ритуалом. Парадокс состоял в том, что все последние годы Мэйдзи воздерживался от его отправления, отряжая вместо себя кого-нибудь другого.

Траурный павильон в Токио был открыт для посещения с 18 сентября по 6 ноября. Помимо погребальной повозки, там выставили и другие атрибуты погребального обряда – барабаны,

гонги, стяги. Место погребения в Киото было открыто для публики до 3 ноября. В качестве главного экспоната выступал погребальный паланкин. Миллионы людей посетили эти места и сделались соучастниками погребального ритуала. Мэйдзи объединял их не только при жизни, но и после смерти. Министерство внутренних дел с удовольствием сообщало, что даже социалисты, которые никогда не украшали своих домов национальными флагами, на сей раз вывесили траурные стяги. Утимура Кандзо, который двадцать лет назад отказался поначалу кланяться портрету императора, написал, что воспринимает смерть Мэйдзи словно потерю отца.

Ретроспектива. Средневековые требовало прекращения активности подданных в случае смерти сёгуна или императора. На время траура запрещались музыка и танцы, зрелища и увеселительные мероприятия, торговля рыбой и убиение живых существ, функционирование государственных учреждений. Могла приостанавливаться деятельность даже синтоистских святилищ (ритуальные действия, которые имеют в синто, как правило, массовый характер, отменялись или переносились на более поздний срок). В старом Киото период траура продолжался 35 дней в случае смерти императора и 50 дней – в случае кончины сёгуна. Траур не объявлялся по родственникам сёгуна, но при кончине членов семьи императора он соблюдался. В княжествах также соблюдался траур, но менее продолжительное время. Таким образом, система идеологического (ритуального) контроля распространялась на все население, которое, безусловно, было информировано о случившейся смерти ^[380]. Однако в самих погребальных обрядах участвовало лишь очень ограниченное число лиц.

Правительство Мэйдзи наследовало традицию преподнесения смерти императора как общенационального события. Тем не менее разница в подходе оказалась огромной. От подданных требовалась теперь не пассивность, не прекращение привычного ритма жизни, а активность. В ритуалах похорон императора принимали участие миллионы людей. Если раньше траур воспринимался в контексте ритуального загрязнения (именно поэтому не могло быть и речи об участии в похоронах посторонних людей), то теперь участие в похоронах рассматривалось как акт лояльности и одновременно очищения. Вся страна жила в соответствии с ритмом, заданным покойным императором. 13 сентября моления и собрания проводились по всей стране, цены на черный креп взлетели.

Смерть и похороны Мэйдзи создали «информационный повод» для того, чтобы вспомнить прошлое – как далекое, так и близкое. На литографиях, которые были выпущены в связи со смертью императора, изображались и поминались главные события его правления. Подданные империи видели на них прибытие «черных кораблей» в 1853 году, вспоминали бурные события Реставрации, перенос столицы в Токио, выезды императора в самые дальние уголки страны, введение обязательного образования и воинской повинности, провозглашение конституции, военные кампании и парады победы.

Ноги Марэсукэ и его супруга в день самоубийства

Похороны Мэйдзи принесли стране нового героя. Им оказался бывший командующий 3-й армией Ноги Марэсукэ. В тот самый вечер, когда воны вывезли тело императоры из дворца, он и его жена совершили дзюнси (смерть вслед за сюзереном) – покончили жизнь самоубийством. Они не хотели жить на этом свете без своего императора. Ноги поставил столик у окна, смотрящего в сторону дворца, покрыл его белым покрывалом, поставил на него фотографию Мэйдзи и ветку сакаки. Потом он распорол себе живот своим армейским мечом, а затем упал на его кончик так, чтобы он пронзил горло. Жена ударила себя кинжалом в сердце. Утром этого дня супруги позвали ничего не подозревавшего фотографа, который запечатлел их. На снимке Ноги в полном генеральском облачении сидит за круглым столиком и читает свежую газету.

В предсмертном стихотворении Ноги говорилось:

Горюя
О божестве божественном,
Что покинул
Сей бранный мир,
Отправляюсь за ним.

В приложенной записке Ноги пояснял, что в 1877 году, во время боев с армией Сайго Такамори, он потерял флаг своего полка. И уже тогда этот проступок так мучил его, что он хотел искупить его смертью, но ему это не удалось. Во время войны с Россией при осаде Порт-Артура

погибли десятки тысяч «сыновей императора», за которыми не уследил Ноги. Но Мэйдзи не стал винить его и назначил директором привилегированной школы Гакусюин. Во время болезни Мэйдзи Ноги каждый день приходил к дворцу и возносил молитвы о выздоровлении, но император все-таки скончался. Его смерть наполнила генерала таким горем, что он решил последовать вслед за своим господином. После окончания войны с Россией Ноги уже просил разрешить ему самоубийство, но тогда император велел подождать того дня, когда он умрет сам. И вот этот день настал...

Поначалу оценки поступка Ноги Марэсуке были разными – от самых восторженных до самых уничижительных. Като Хироюки посчитал самоубийство анахронизмом и спрашивал, почему генерал не мог перенести свои верноподданнические чувства на нового императора – Тайсё. Другие говорили, что он, занимая пост директора школы Гакусюин, эгоистично лишил малолетних детей Тайсё своего руководства. Из опасения дальнейшей потери кадров генералитет вообще попытался скрыть мотивы самоубийства Ноги, заявив, что тот страдал душевным заболеванием. Газеты писали, что он на днях должен был принять английского принца, и его самоубийство означает, что он не выполнил своего служебного долга. Они рассуждали в полном соответствии с установлениями сёгуната Токугава, который запретил дзюнси еще в 1603 году. Формулировка закона была жесткой: самоубийца, совершивший дзюнси, подох, как собака. Законы законами, но верные вассалы, следовавшие вслед за своим господином, все равно считались в приличном самурайском обществе настоящими героями.

Однако уже через пару дней тон газет резко изменился. Правительство имело достаточно возможностей для того, чтобы они одумались максимально быстро. И теперь они слились в согласном хоре: Ноги был признан образцом верности монарху. Другие мнения не приветствовались.

Правительство попыталось скрыть последнюю волю Ноги: он просил, чтобы его родственники стали носить другую фамилию. Но Токутоми Сохо посчитал, что сокрытие завещания является оскорблением памяти покойного, и его газете «Кокумин симбун» удалось опубликовать полный текст. Тем не менее фамилия Ноги была восстановлена в 1914 году.

Правительству удалось запретить публикацию полного текста медицинской экспертизы относительно причин смерти Ноги – чтобы избежать излишнего физиологизма, который мог подпортить картину «красивой» смерти. Реабилитация воинского кодекса чести бусидо продолжалась. Кодекса, который всегда уделял наибольшее внимание не самому сюзерену, а его преданному вассалу. Это и немудрено – подданные Великой Японской Империи должны были подражать вовсе не Мэйдзи, а его верноподданному. Наряду с Кусуноки Масасигэ и 47 самураями Ноги попал на страницы школьных учебников и стал любимым героем для подрастающего поколения воинов.

Мори Огай

Но общество все равно раскололось. Два замечательных писателя – Мори Огай (1862–1922) и Акутагава Рюносукэ (1892–1927) – заняли прямо противоположные позиции. Если Мори Огай восхищался Ноги и бусидо (повесть «Семья Абэ»), то Акутагава – издевался (рассказ «Генерал»). Однако раскол вышел неравным. Большая часть общества согласилась с Мори Огай. Это была трагическая ошибка. Как для самой Японии, так и для всего остального мира. Япония оказалась лишь одним из звеньев той цепи ошибок, которые преследовали человечество всю первую половину XX века. Несмотря на всю разницу национальных культур, ошибки оказались похожими. В их основе лежит убеждение: кто-то там, на самом верху, знает лучше тебя, что нужно делать. И поэтому его жизнь обладает большей ценностью, чем твоя собственная, которую следует принести в жертву.

Но жизнь продолжалась. Она продолжалась и без Мэйдзи, и без Ноги. 5 ноября, на сотый день после кончины Мэйдзи, император Тайсё посетил его могилу. Как и почти во все последующие поездки (за исключением посещений маневров), супруга сопровождала императора. Мэйдзи старался путешествовать отдельно от Харуко, в образе Тайсё «семейная» составляющая занимала гораздо более важное место. Но, заняв трон, он перестал быть принцем и теперь на него все равно стали распространяться многие табу прошлого. Теперь никто не слышал его голоса, теперь газеты не передавали сказанные им слова. Для репутации империи

это, наверное, было и к лучшему.

Одна эпоха закончилась, начиналась другая. Тело Мэйдзи влекли к могиле медленные волы и носильщики погребального паланкина, а на улицах Токио в этом году уже появились первые таксомоторы. Герои прежней эпохи уходили один за другим. В следующем году скончался и последний сёгун – Токугава Ёсинобу. Перед смертью он успел получить орден Утреннего Солнца с цветами павлонии. Указ о награждении подписывал Тайсё, но Ёсинобу получил орден за то, что 46 лет назад он отказался от сопротивления новой власти и ушел в тень, освободив место под солнцем Мэйдзи. Так что можно считать, что своим орденом Ёсинобу был обязан именно ему. Это была дань истории – примирение между прошлым и настоящим вышло полным.

В 1915 году было начато строительство святилища Мэйдзи-дзингу. Его освятили через пять лет. Там поклонялись самому Мэйдзи и его супруге Харуко, скончавшейся в 1914 году. Ей присвоили посмертное имя Сёкэн и похоронили там же, где ее супруга – в Киото, на холме Фусими-Момояма. Но памятника Мэйдзи все равно не поставили – старые запреты продолжали действовать.

С окончанием строительства святилища в имени Мэйдзи еще сильнее зазвучали символические нотки. В стране снова стали праздновать его день рождения – 3 ноября. С 1933 года в местах, где ему довелось побывать, стали устанавливать памятные знаки. Память людей, которые были связаны с императором при жизни, также увековечили – в 1924 году открыли святилище, где поклонялись духу Ноги Марэсукэ. После своей смерти Мэйдзи в еще большей степени превратился в символ Японии. Японии старой, которая сумела превратиться в Японию новую. Японии новой, которая не захотела утратить связи с прошлым. И сегодня, пожалуй, никто из японских правителей не может сравниться с Мэйдзи в знаковом богатстве.

Япония Мэйдзи была двулика. Один из ликов смотрел в будущее, другой – был обращен в прошлое. Япония создала новое, которое уравнивалось традицией. Эта традиция была во многом придуманной по ходу обновленческого дела, но люди воспринимали ее как подлинность и как якорь, позволяющий не быть унесенными теми бурными волнами, которые неизбежно генерировала модернизация.

Чем была Япония и чем она стала? Что она приобрела и что потеряла?

В пору малолетства Мэйдзи Японии реально грозила опасность превратиться в полуколонию и задворки Запада. Неспособность справиться с этой угрозой, бессилие в политической, экономической и военной сферах привели к краху сёгуната Токугава и выдвижению на первые роли тех молодых и деятельных людей, которые решительно выступили за модернизацию.

Ворота-тории, ведущие в святилище Мэйдзи-дзингу

Эти низкоранговые самураи происходили по преимуществу из юго-западных княжеств, где волею исторических обстоятельств выработался чрезвычайно энергичный психотип. Решимость этих людей направить Японию по пути модернизации обуславливалась прежде всего тем, что они трезво оценили возможности прежней Японии, которая не была в состоянии оказать сопротивление натиску Запада. В качестве щита, заслонявшего их от упреков «почвенников» в пренебрежении вековыми устоями, обновленцы выставили юного и безусого Мэйдзи. Его главным достоинством являлась принадлежность к древнему институту императоров-тэнно. Сёгунат был устранен силой, стране объявили, что произошла «реставрация» вековой власти императоров, находившихся в течение двух с половиной веков под пятой Токугава.

В принятии решений, сопутствующих этим событиям, Мэйдзи никакой роли не играл. Он позиционировался как символ возрождения «древнего» принципа, в соответствии с которым ритуальные и распорядительные функции принадлежат одному и тому же источнику («сайсэй итти» – «единство ритуала и управления»). Мэйдзи неизменно присутствовал на всех совещаниях, где принимались важнейшие решения, но никогда не произносил там ни слова. Зато только он (или же представлявшие его посланцы) имел право зачитывать тексты указов или же обращений, адресованных синтоистским божествам. Его существование обеспечивало новому правительству поистине «божественную» легитимность.

Церемонии, которые устраивали сёгуны и императоры до Мэйдзи, были закрыты для непосвященных. Их тайность считалась необходимой гарантией действенности. Они воодушевляли элиту, поднимали ее значимость в своих собственных глазах, но «народ» оставался в стороне. Однако теперь противниками Японии стали европейские державы, где слияние элиты и народа не давало прежней Японии никаких шансов на независимость и достойное

существование. Японии не оставалось ничего другого, как последовать в этом отношении за Западом. Поэтому-то и ритуальная логика правления Мэйдзи изменилась кардинально.

Коммуникацию с синтоистскими божествами Мэйдзи по-прежнему осуществлял в присутствии немногих избранных, но многие другие церемонии стали отправляться публично. Они приобрели «зрелищность» – в том смысле, что теперь их стало возможно наблюдать. Как стало возможным видеть и самого императора – его паланкин, его самого. Раньше, за исключением самого близкого придворного окружения, «драконий лик» императора наблюдать не мог никто.

Визуализация Мэйдзи началась с аудиенций, потом он предпринял серию поездок по стране, наблюдал военные маневры, участвовал в смотрах и триумфах, посещал школы, больницы, выставки, представления и другие публичные действия. Подданные могли видеть его открытый экипаж в день принятия конституции, они могли наблюдать его во время празднования серебряной свадьбы. Апофеозом в этой череде действий оказались похороны императора. Мэйдзи не мог показаться всем своим подданным сразу, и его ритуальным «заместителем» стал его портрет, которому поклонялись во время церемоний, устраивавшихся в школах, частных предприятиях и государственных учреждениях.

Образцы для большинства перечисленных церемоний были взяты на Западе, но от этого они не потеряли главное социальное свойство ритуала – объединять и «склеивать». Только теперь склеиванию подлежала не только элита, но и «народ», «нация». Нация, которая создавалась по ходу ритуального действия. Ее центром, вокруг которого и возводилось все здание, оказался Мэйдзи и его династия. Именно это обеспечивало новым ритуалам желаемую патину времени – ведь сама династия была действительно древней. В Европе формирование и конструирование наций началось в тот период, когда уже начался закат монархической идеи. В Японии же формирование нации было обеспечено за счет возрождения монархической конструкции.

Именно в этом ритуально-церемониальном контексте и следует понимать жизнь Мэйдзи. Он вел себя не так, как ему хотелось, а как того требовала логика публичных действий. Его права совпадали с его обязанностями – как это обычно бывает в средневековье. Изучая доступные нам материалы, нельзя отделаться от ощущения, что имеешь дело не столько с «живым» человеком, сколько жрецом, в которого вдохнули жизнь ритуалы, церемонии, этикет.

Но имя Мэйдзи освящало не только традицию, но и новшества. Облачившись в военный мундир европейского кроя, отрастив бороду и усы, Мэйдзи пожаловал своим подданным образец, каким надлежит быть настоящему японцу: под европейской одеждой у него скрывается японское сердце.

Да, подданные знали Мэйдзи в лицо. Толпы людей переламявались в поклонах и выкрикивали здравницы, на глазах одного поколения произошла настоящая «банзаизация» Мэйдзи. Но мысли и чувства Мэйдзи слишком часто остаются нам неизвестны. Живые свидетели по большей части хранили этикетное молчание, не рискуя внести хоть что-нибудь человеческое в предписанный официальными нормами образ. Сам Мэйдзи ничего о себе не написал. В отличие от своего отца Комэй он даже не писал писем. Большинство его стихов, которые могли бы хотя бы отчасти послужить пониманию его персональной души, удивительным образом пропали. В конце жизни, когда Мэйдзи стал вести более уединенную жизнь и редко показывался на публике, большинство современников знали его только по давней «фотографии» – фотографии его парадного портрета. К этому времени Мэйдзи приобрел статус божества, над обликом которого не властно время.

Сказывалась ли личность Мэйдзи на том, что происходило в стране? Ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным. На протяжении 45-летнего «правления» его деятельное окружение проводило самую разную политику. От растерянной открытости западным веяниям – до

неприкрытого экспансионизма, надиктованного теми же западными образцами. Осторожность и опасливость первых лет сменилась беззастенчивым попранием интересов других народов. На место комплекса неполноценности приходил комплекс превосходства. И каждый раз смена курса осуществлялась от имени Мэйдзи. Его следует уподобить сосуду, который можно наполнить любым содержимым. Или же следует уподобить Мэйдзи великой пустоте, которая вмещает в себя все?

В глазах простых японцев Мэйдзи представал как всемогущий правитель. Но на самом деле западный термин «император» по отношению к нему был неприменим. И когда мы говорим «император Мэйдзи издал указ», это выражение следовало трансформировать в «Мэйдзи подписал указ, составленный теми людьми, в руках которых находились реальные распорядительные полномочия». Страна строила империю, в которой не было императора.

Однако можно ли говорить о Мэйдзи как о человеке непоследовательном или же двуличном? Япония менялась. И в древности, и в средневековье, и в новое время. Несмотря на это – по большому счету – не менялась роль «императора», находившегося вне действия этических норм, а значит, и вне зоны критики. Он был подобен иконе, которая одним своим присутствием освящает любое начинание. В опубликованной в 1890 году документальной книге некий продавец сладостей выразил эту идею так: «Мы имеем возможность жить и дышать, поскольку император пребывает в спокойствии. Родители занимают более высокое положение, чем мы, а император занимает более высокое положение, чем родители. Император не творит добра, не творит он и зла. Извините, но он подобен младенцу. В нынешнее время политика меняется во многом, но это все дела тех людей, которые находятся рядом с императором»^[381].

Именно это «недеяние» и, следовательно, выведенность императора из того поля, где была возможна критика, и помогли сохранить сам институт императорской «власти» и саму династию на протяжении столь длительного времени. Для Японии был важнее институт, а не то, кто находился на троне. Наследник Мэйдзи, Тайсё, по своим способностям, здоровью физическому и психическому, вообще не был в состоянии отправлять свои обязанности – если бы только ему самому пришлось принимать хоть какие-то решения. И, тем не менее, его недееспособность не привела к сколько-нибудь серьезным кризисам, за которые можно было бы спросить с него лично. Внук Мэйдзи – Сёва – был свидетелем нападения Японии на Китай и Америку, он был очевидцем ужасного поражения во Второй мировой войне, при нем американские самолеты сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, он публично дезавуировал свой божественный статус, он был современником отказа Японии от имперских амбиций и ее возвышения в качестве великой экономической державы. Ни одна из этих драматических перемен не сумела хоть сколько-нибудь серьезно поколебать неизменность его статуса и образа в глазах подданных. Он взошел на трон в качестве символа, объединяющего японскую нацию. Точно в таком же качестве он и покинул этот мир: его смерть и всенародные похороны еще раз напомнили японцам, что они являются японцами.

Мэйдзи был носителем символических смыслов, он ничего не решал, и в этом отношении он напоминал многих японских правителей древности и средневековья. Однако существовало и огромное отличие. В древности, до возникновения сёгунатов, власть принадлежала императорскому роду в лице его родственников. Это мог быть отрекшийся от трона отец действующего императора, какой-нибудь из принцев, глава дома, поставлявшего императорскому дому невест. Однако в случае с Мэйдзи ничего подобного не видно. Его кровные родственники и супруга играли чрезвычайно важные символические роли, но никакими реальными распорядительными полномочиями они тоже не обладали. Судьбой страны распоряжались совсем другие люди.

При жизни Мэйдзи всего за несколько десятилетий Япония совершила прыжок из

феодализма в современность. Один из зачинателей западной японистики англичанин Чемберлен, проживший в Японии тридцать лет, говорил: за это время я будто бы прожил четыре европейских века. Размышляя на закате своей жизни об этом длинном пути, Фукудзава Юкити отмечал в «Автобиографии», что из всех стран Востока только Японии удалось стать вровень с Западом. «Даже российский Петр Великий, который отправился в Голландию для изучения навигации, со всеми его достижениями в области науки не может считаться равным Японии в этом подвиге. Не подлежит сомнению, что знаменитый император России был человеком исключительных способностей, но люди не откликнулись на его указания в научной области, как то сделали японцы при достижении этой великой цели».

Трудно не согласиться с Фукудзава Юкити – Мэйдзи и вправду окружали очень способные люди, а его страна действительно достигла многих из тех целей, которых добивалась элита. Как бы мы ни относились ныне к этим целям, следует признать, что они были достигнуты. На этом пути находившиеся у кормила власти люди совершили немало ошибок, но следует отдать им должное: они учились на промахах и исправляли их быстро.

Программа действий Мэйдзи была обнародована в самом начале его правления. Она была зафиксирована в «Пятистатейной клятве». Мэйдзи обещал богам принимать решения на основе «общественных собраний» – и в стране был создан парламент. Мэйдзи обещал, что правящие и управляемые станут ближе друг другу, – и средневековая пропасть между властью и подданными действительно сузилась, а из разрозненных территориальных, сословных, конфессиональных и профессиональных групп была сформирована японская нация, обладавшая японской культурой. Третий пункт о развитии личной инициативы был также выполнен. Прежде всего это относится к предпринимательству во всех его проявлениях. Именно благодаря этому Япония сумела провести ускоренную индустриализацию и превратиться в могущественную державу. Четвертый пункт гласил о реформировании «дурных обычаев прошлого» и о введении управления в соответствии с принципами Неба и Земли, что обычно понимается как справедливое управление в соответствии с законами. Сословное право было упразднено, закон стал одним для всех. В пятом пункте говорилось о большей открытости Японии миру и о развитии образования. Эта цель была тоже, безусловно, достигнута.

Все пункты этой программы были воплощены в жизнь. Свидетельством тому служат и множество более частных достижений.

За годы правления Мэйдзи численность населения страны выросла с 34 миллионов до 50 миллионов человек.

За годы правления Мэйдзи Япония не страдала от сколько-нибудь серьезного голода, хотя раньше недороды приводили к гибели тысяч людей.

За годы правления Мэйдзи японцы подросли на целый сантиметр.

За годы правления Мэйдзи продолжительность жизни мужчин выросла приблизительно на полтора года и составила 44,25 года (у женщин она увеличилась на четыре месяца – до 44,73 года).

За годы правления Мэйдзи в стране произошла промышленная революция, Японию опутали железные дороги и телеграфные линии, были построены сотни заводов.

За годы правления Мэйдзи Япония стала страной с поголовной грамотностью.

За годы правления Мэйдзи Япония создала национальную культуру, которой стали восхищаться во всем мире.

За годы правления Мэйдзи страна действительно сумела стать вровень с западными державами – Японию стали опасаться во всем мире, ибо она напала на Китай и Россию и выиграла обе войны.

За годы правления Мэйдзи площадь подведомственной ему территории увеличилась с 382

562 квадратных километров до 675 406.

Но не станем забывать, что и цена этих достижений была огромной.

Идеал эпохи Токугава предполагал не единообразие, а разнообразие. Сложность социальной иерархической структуры, а не ее гомогенность представлялась наиболее желательным состоянием общества. Усилия сёгуната были направлены на поддержание такой структуры, а не на ее упрощение. Такую же позицию занимал сёгунат и по отношению к культурному разнообразию. В своем «Завещании» Токугава Иэясу говорил, что в разных частях Японии существуют разные обычаи, которые, принимая в расчет их древнее происхождение, следует оставить без изменений.

Правительство Мэйдзи решительно упростило социальную структуру японского общества. Но одновременно произошла ликвидация региональных культур и наиболее ярких проявлений местного колорита. Перед лицом грандиозного и помпезного здания Центра местные строения казались жалкими хижинами и подлежали уничтожению. Центр любил единообразие, метафора единства и единения была приравнена к эстетическому идеалу, множественность подлежала прореживанию. Теперь, когда государственные школы учили одной-единственной версии истории, когда главным деятелем исторического процесса являлся могучий Центр во главе с императором, история и культура утратили многомерность и вариативность. Гордость за свою деревню постепенно сменялась гордостью за страну. Этот процесс при Мэйдзи еще не успел дойти до конца, но Япония двигалась именно по этой дороге. Люди черпали все больше вдохновения и смысла не в окружающей их среде, а в том, чего нельзя ни увидеть, ни пощупать. Государственные идеалы перерастали масштабы человеческой жизни. Все мировые державы шли по этому пути, Япония не смогла остаться в стороне.

Многие прежние привычки и обыкновения, религиозные культы и языковые диалекты стали казаться анахронизмом. Айны на Хоккайдо и обитатели Рюкю из живых людей на глазах превращались в объект изучения этнографов. То же самое происходило и во многих других районах собственно Японии. Их обитателям предписывалось вести себя так, как сочтут это нужным в Токио, культурное доминирование столицы перерастало в диктат. Существенные для каждого подданного события происходили теперь по преимуществу в Центре. Они получали санкцию на существование только при условии вовлеченности в них самого императора. Только исполняя его волю, только переживая его время и его пространство как свои собственные, подданный получал санкцию на полноценное существование.

Чрезмерное единение вышло в перспективе боком. Отсутствие разных мнений и сколь-нибудь сильной оппозиции лишило японское общество иммунитета против правительственных авантюр. Предпринятые позднее попытки создания колоссальной колониальной империи не были подкреплены ни продуманной стратегией, ни ресурсами. Однако, как и в случае с аннексией Кореи или японско-русской войной, голосов «против» почти не было слышно.

Да, маленькая Япония стала «великой Японией». Мирно правивший страной сёгунат на это рассчитывать не мог. Он гордо жил «своим домом», никому не угрожал, войска были ему нужны не для войны, а для поддержания порядка и социального мира. Погнавшись за Западом, Япония встала в один ряд с великими державами, но она ввергла себя в пропасть «международных отношений» со всеми вытекающими из них последствиями. Япония приняла на вооружение системообразующую концепцию Запада: она уверовала в «прогресс», прониклась идеей, что в движении заключена сила. Неподвижность и неизменность уступили место движению и реформам. И чем быстрее движение, тем лучше. Утратив меру между покоем и движением, Япония развивалась стремительно, но, как известно, быстрая езда чревата опасностью для жизни. Отказавшись от векового обычая освоения исключительно ближнего пространства, страна Япония сменила пространственную парадигму – ее пространство стало расширяющимся.

Однако отсутствие исторического опыта по освоению дальнего пространства с населяющими его другими народами закончилось трагически.

Право назвать себя «японцами» покупалось не только при помощи мирного созидания единого фонда культурно-исторической памяти, но и кровью, которая служила тем страшноватым жертвенным раствором, который соединяет кирпичики в грандиозное здание. Нация – это еще и общая кровь, которая с неизбежностью проливается и застывает в бронзе, которая призвана увековечить имена строителей этого здания. И если жертвы «реставрации Мэйдзи» еще можно как-то оправдать, то что сказать о жертвах завоевательных войн? Жертвах японцев и жертвах других народов? В исторической перспективе они оказались напрасными: в результате поражения во Второй мировой войне территория Японии сжалась до пределов ее исторических границ.

Мэйдзи родился в эпоху господства военного сословия. С «реставрацией Мэйдзи» самурайское сословие было упразднено, но потомков самураев оказалось много, много больше, чем дворян в любой европейской стране. К тому же, в отличие от них, самураи не обладали земельной собственностью. Не получили они ее и в результате бурных событий «реставрации Мэйдзи». Будучи самыми образованными в стране, самураи перетекали на государственную службу, сформировав костяк административного, образовательного, полицейского и армейского аппаратов и привнеся в них самурайские ценности: дисциплину, порядочность, верность и воинственность. Мэйдзи закончил свою жизнь главнокомандующим, когда в результате осуществления всеобщего начального образования и всеобщей воинской повинности эти ценности были распространены уже на все общество. Мэйдзи начинал с осуждения самурайской морали, к концу его правления слово «бусидо» вновь обрело признаки респектабельности. Мэйдзи умер в обществе, которое было намного более милитаризованным, чем в год его рождения. Силовая составляющая этого общества возросла многократно. И ее вектор удалось направить вовне.

Здесь сыграл свою роль и присущий военным способ мышления, когда силовое воздействие рассматривается как наиболее «естественный» способ разрешения конфликтов, здесь сказалось и западное влияние. Запад в то время находился на вершине империалистического угара. Этот угар реализовывался в конкретных действиях и оказался заразен. Убеждение, что в этом мире правит сила, передалось и Японии. Может быть, это был главный урок, который преподал Японии Запад: нации подобны биологическим видам, в их борьбе побеждает сильнейший. Железные дороги, телеграф, заводы, образование, мораль, искусство – лишь техническое подспорье для достижения победы.

Установка на движение и прогресс могла бы – теоретически – вступить в непреодолимый конфликт с проектом по созданию национальной культуры. Однако этого не случилось. Европейское «новое» было объявлено преображенной формой японского «старого». Прием сработал. В длинной японской истории всегда можно было найти пример, который бы доказывал, что любая протоформа «нового» уже была когда-то явлена. Мир оставался созданным из пяти первоэлементов, из ян и инь, превращение одного в другое представлялось неизменной нормой. Стыдливость первых годов Мэйдзи, когда горячие головы предлагали японцам превратиться в клон европейцев, сменилась уверенностью, что Япония и японцы обладают рядом уникальных особенностей, которых нет ни у кого. Ландшафты и климат, рисосеяние и пищевая диета, искусство и синто, непрерывная императорская династия и неподражаемые моральные нормы позволяли утверждать: такого народа не существует больше нигде. Возразить на это было некому, поскольку западные народы тоже упивались своей неповторимостью. Японский этнонарциссизм не был пассивным, он привел в действие громадные людские массы, которые убивали друг друга, которые умирали, считая свою смерть достойным вкладом в

общенациональное дело. Возразить на это было нечего, потому что любая страна, в конечном итоге, уникальна. И заставить ее потерять свою уникальность еще труднее, чем приобрести ее.

notes

Примечания

Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь. Элементная база. М.: Наталис; Рипол классик, 2004.

Таки Кодзи. Тэнно-но сёдзо. Токио: Иванами, 2002.

Fujitani T. Splendid Monarchy. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1996.
Частичный перевод см.: *Такаси Фудзитани*. Великолепная монархия // Новое литературное
обозрение. 2002. № 4. С. 67–95.

Keene D. Emperor of Japan. Meiji and His World, 1852–1912. New York: Columbia University Press, 2002.

Об институте императорской власти в древности см.: *Мещеряков А. Н.* Японский император и русский царь. Элементная база. М.: Наталис; Рипол классик, 2004.

Все даты до принятия Японией григорианского календаря в 1873 г. приводятся в соответствии с лунным календарем. После этого датировка событий осуществляется в соответствии с григорианским календарем (за исключением дат, приводимых в российских источниках, использующих юлианский календарь).

Описание первых дней жизни будущего императора Мэйдзи и связанных с этим событием ритуалов см.: Мэйдзи тэнноки. Токио, 1967. Т. 1. С. 2–27; *Keene D.* Emperor of Japan. P. 10–14.

New York Courier. 26.03.1852.

Виноградов К. Г. Хоккайдо при сёгунско-княжеской системе (конец XVI – вторая половина XIX в.) // Япония. 2004–2005. М.: АИРО – XXI, 2005. С. 266.

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 3. С. 182–183.

Там же. С. 179.

Текст указа см.: *Мори Киёто*. Дайниппон сётёку цукай. Токио, 1941. С. 550–551.

О понятии «добродетельность» в древности см.: Мещеряков А. Н. Рецепция теории «мандата Неба» в Древней Японии (VII–VIII вв.) // Япония. Путь кисти и меча. 2002. № 1. С. 52–58.

Исии Кандзи. Кайкоку то исин. Токио: Сёгаккан, 1993. С. 37–38.

Мэйдзи тэнноки. Т. 1. С. 117.

Ясумару Ёсио. Киндай тэннодзо-но кэйсэй. Токио: Иванами, 2002. С. 135.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2004. С. 284.

Танака Акира. Кайкоку то табаку. Токио: Сюэйся, 1992. С. 192–193.

Окагами. Великое зеркало / Пер. Е. М. Дьяконовой. СПб.: Гиперион, 2000. С. 105–106.

Keene D. Emperor of Japan. P. 49–50.

Harootunian H. D. Toward Restoration. The Growth of Political Consciousness in Tokugawa Japan. Berkeley: University of California Press, 1970. P. 210.

Нихонси сирё. Токио: Иванами, 1997. Т. 4. С. 36.

Miyoshi Masao. As We Saw Them: The First Japanese Embassy to the United States (1860). Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979. P. 71, 73.

Окитакэ Такэки. Бакумацу кэнгай сисэцу моногатари. Токио: Коданся, 1989. С. 132.

Там же. С. 75.

Там же. С. 40.

Там же. С. 102.

New York Daily Tribune. 01.05.1860.

Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 194.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. М., 2003. С. 472–473.

Satow, Sir Ernest. A Diplomat in Japan. Tokio: Tuttle, 1983. P. 25.

Ibid. P. 47.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. С. 450.

Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. С. 208.

Танака Акира. Кайкоку то табаку. С. 154–157.

Мэйдзи тэнноки. Т. 1. С. 341.

Там же. С. 344.

Cosenza M. E. (ed.). The Complete Journals of Townsend Harris. Rutland (Vt): Tuttle, 1959. P. 371, 518.

Танака Акира. Кайкоку то табаку. С. 187–187.

Там же. С. 218.

Нихонси сирё. Токио: Иванами, 1997. Т. 4. С. 64–67.

Танака Акира. Кайкоку то табаку. С. 284–286.

Mitford's Japan. *Memoirs and Recollections 1866–1906* / Ed. and introd. by H. Cortazzi. London: Japan Library, 2002. P. 37–40.

Ibid. P. 46.

Ibid. P. 44.

Ibid. P. 45.

О восприятии творчества Хокусая в Европе см.: *Inaga Shigemi*. The Making of Hokusai's Reputation in the Context of Japonisme // *Nichibunken Japan Review*. 2003. P. 77–100.

Архимандрит Сергей (Страгородский). По Японии (записки миссионера). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1998. С. 82–83.

Mitford's Japan. P. 62.

Satow, Sir Ernest. A Diplomat in Japan. P. 263.

Mitford's Japan. P. 74.

Дайниппон сётёку цукай. С. 567.

Дайнихон гайко бунсё. Токио, 1936. Т. 1. С. 370–371.

Mitford's Japan. P. 85–87.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. С. 672.

Satow, Sir Ernest. A Diplomat in Japan. P. 359.

Mitford's Japan. P. 110–111.

Satow, Sir Ernest. A Diplomat in Japan. P. 360.

Mitford's Japan. P. 119–120.

Накамура Сатору. Мэйдзи исин. Токио: Сюэйся, 1992. С. 47.

Мэйдзи тэнноки. Т. 1. С. 649–652.

Huffman J. L. Politics of the Meiji Press. The Life of Fukuchi Gen'ichiro. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1980. P. 58–60.

Тамамура Фумио. Синбуцу бунри. Токио: Кёйкуся, 1977. С. 168–172.

Ясумару Ёсио. Киндай тэннодзо-но кэйсэй. С. 190.

Keene D. Emperor of Japan. P. 145.

Дайниппон сётёку цукай. С. 598.

Окубо Тосимити. Окубо Тосимити мондзё. Токио: Нихон сисэки кёкай, 1927–1929. С. 193–194.

Дайниппон сётёку цукай. С. 587.

Цит. по: *Sonoda Hidehiro*. The Transfiguration of Miyako and the Emergence of Urbanity in Japan. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 2003. P. 98.

Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь. С. 95–100.

Satow, Sir Ernest. A Diplomat in Japan. P. 366.

Mitford's Japan. P. 161–162.

О древнеяпонских исторических хрониках и месте истории в картине мира см.: *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. М.: Наука, 1991. С. 15–44.

Дайниппон сётёку цукай. С. 627–628.

Крестовский В. В. Указ. соч. С. 370–371.

Hashimoto Takehiko. The Introduction of the Metric System to Japan // The Introduction of Modern Science and Technology to Turkey and Japan. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 1996. P. 189.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. С. 24–26.

Суханова Н. А. Цветущая ветка сакуры. История православной церкви в Японии. М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ, 2003. С. 21.

Griffis W. E. The Mikado: Institution and Person. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1915.
P. 183–184.

Ibid. P. 190–191.

Ясумару Ёсио. Киндай тэннодзо-но кэйсэй. С. 209–213.

Там же. С. 215.

Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 3. С. 153.

Крестовский В. В. Указ соч. С. 376.

Kuriyama Shigehisa. The Puzzle of Katakori: The Spiritual History within a Bodily Disorder // Nichibunken Newsletter. 2005. July. No. 59. P. 6.

Мураками Сигэёси. Тэнно-но сайги. Токио: Иванами, 1977. С. 114–119.

Оно Хидэо. Мэйдзи вадай дзитэн. Токио: Токёдо сёппан, 1996. С. 11.

Fister P. Art by Buddhist Nuns. Treasures from the Imperial Convents of Japan. New York: Institute for Medieval Japanese Studies, 2003. P. 19, 53.

О российских впечатлениях миссии Ивакура см. на русском языке: *Ковальчук М. К.* Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. 2002–2003. М.: Макс-пресс, 2003. С. 238–255.

Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 2001. С. 173.

Stern J. P. The Japanese Interpretation of the «Law of Nations», 1854–1874. Princeton, 1979. P. 88–89.

Мэйдзи тэнноки. Т. 2. С. 696.

Мэйдзи исин тэн. Киндай нихон-но тандзё. Токио: Мэйдзи дзingu, 1998. С. 45.

Накамура Сатору. Мэйдзи исин. Токио: Сюэйся, 1992. С. 133134.

Нисимура Хироси. Сёгакко-дэ ису-ни сувару кото. Моно то синтай кара миру нихон-но киндайка. Киото: Кокусай нихон бунка кэнкю сэнта, 2005.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. С. 462.

3. Meiji Japan through Contemporary Sources. Tokyo: The Centre for East Asian Cultural Studies. Vol.

Дневники святого Николая Японского: В 5 т. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 2. С. 108.

Uchida Hoshimi. The Spread of Timepieces in the Meiji Period // Nichibunken Japan Review. 2002. No. 14. P. 182–190.

Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь. С. 68–70.

Суханова Н. А. Цветущая ветка сакуры. С. 18.

Токё нити-нити симбун. 08.11.1873.

Тамамура Фумио. Синбуцу бунри. С. 209–218.

Маруяма Ёсио. Мэйдзи исин. Токио: Сюэйся, 2000. С. 229.

Бэруцу-но никки. Токио: Иванами, 1979. Т. 1. С. 115.

Тамамура Фумио. Синбуцу бунри. С. 175.

Мураками Сигэёси. Тэнно-но сайги. С. 134–136.

Ковальчук М. К. Правительство́нный кризис 1873 г.: внутриполитические и внешнеполитические причины // Ежегодник «Япония», 2001–2002. М.: Макс-пресс, 2002. С. 395.

Накамура Сатору. Мэйдзи исин. Токио: Сюэйся, 1992. С. 283–284.

Keene D. Emperor of Japan. P. 226.

Крестовский В. В. Указ соч. С. 479.

Japan at the Dawn of the Modern Age. Woodblock Prints from the Meiji Era, 1868–1912. Boston: MFA Publications, a division of the Museum of Fine Arts, 2001. P. 36.

Ямада Сюндзи. Тайсю симбун га цукуру мэйдзи-но нихон. Токио: Нихон хосо сюппан кёкай, 2002. С. 35, 44.

Ёмиури симбун. 12.11.1875; *Ямада Сюдзи*. Тайсю симбун га цукуру мэйдзи-но нихон. С. 94–95.

Ёмиури симбун. 22.06.1875.

Ямада Сюндзи. Тайсю симбун га цукуру мэйдзи-но нихон. С. 20–25.

Токё нити-нити симбун. 07.04.1872.

Хацуда Тоору. Токё. Тоси-но мэйдзи. Токио: Тикума сёбо, 2000. С. 109.

Мечников Л. И. Воспоминания о двухлетней службе в Японии. С. 186.

Там же. С. 186.

Ёмиури симбун. 14.04.1875.

Мэйроку дзасси. 1875. № 33.

Сакамото Корэмару. Кокка синто кэйсэй катэй-но кэнкю. Токио: Иванами, 1994. С. 440–443.

Ясумару Ёсио. Киндай тэннодзо-но кэйсэй. С. 185–186.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 47.

Keene D. Emperor of Japan. P. 264.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 52–53.

Токё симбун. 08.04.1876.

Ямада Сюндзи. Тайсю симбун га цукуру мэйдзи-но нихон. С. 69.

Там же. С. 70–71.

Маруяма Ёсио. Мэйдзи исин. С. 224–225.

Keene D. Emperor of Japan. P. 289.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 146.

Ёсими Сюнъя. Хакуранкай-но сэйдзигаку. Токио: Тюо коронся, 2001. С. 124.

Morse, Edward Sylvester. Japan Day by Day. Boston: Houghton Mufflin, 1917. Vol. 1. P. 279–280.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. С. 464.

Мэйдзи тэнноки. Т. 4. С. 413–414.

Дайниппон сётёку цукай. С. 719.

Мэйдзи тэнноки. Т. 4. С. 490.

Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV–XVI веков. Отоги-дзоси / Пер. с яп. М. В. Торопыгиной. СПб.: Академический проект, 1994. С. 238–239.

Сасаки Сугуру. Нихон киндай-но сёппацу. Токио: Сюэйся, 1992. С. 45–46.

Коломиец А. С. Манга: Сборник рисунков Хокусая. М.: Наука, 1967. С. 135–136.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. С. 600–601.

Хацуда Тоору. Токё. Тоси-но мэйдзи. Токио: Тикума сёбо, 2000. С. 202–205.

Keene D. Emperor of Japan. P. 316.

Kornicki, Peter. The Book in Japan. A Cultural History from the Beginnings to the Nineteenth Century. Leiden; Boston; Koln, 1999. P. 317.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 97–98.

Keene D. Emperor of Japan. P. 333–334.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. С. 623.

Gluck C. Japan's Modern Myths. Ideology in the Late Meiji Period. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1985. P. 108.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 114.

Крестовский В. В. В дальних водах и странах. С. 541–544.

Там же. С. 536.

Там же. С. 585–586.

Там же. С. 587–588.

Там же. С. 606.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 754

Оно Хидэо. Мэйдзи вадай дзитэн. С. 134.

Там же. С. 158.

Keene D. Emperor of Japan. P. 362–363.

Ясумару Ёсио. Киндай тэннодзо-но кэйсэй. С. 260.

Keene D. Emperor of Japan. P. 363–364.

Каталог коллекции см.: *Toropygina M. V.* Descriptive Catalogue of Japanese Books in St. Petersburg University. A Catalogue of the Arisugawa Collection. Tokyo: Benseisha, 1998.

Ясумару Ёсио. Киндай тэннодзо-но кэйсэй. С. 231.

Оно Хидэо. Мэйдзи вадай дзитэн. С. 19.

Цит. по: *Fujitani T.* Splendid Monarchy. P. 69–70.

Цит. по: *Keene D.* Emperor of Japan. P. 392.

Иваи Сигэки. Рэнка-но сёгэн. Хякунин иссю-но киндайтэки токутё-ни цуйтэ // Нихон кэнкю. Киото, 2003. Т. 27. С. 219–222.

Дайниппон сётёку цукай. С. 757.

Huffman J. L. Politics of Meiji Press. The Life of Fukuchi Gen' – ichiro. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1980. P. 156.

Мэйдзи тэнноки. Т. 5. С. 339–342.

Fenollosa E. F. Epochs of Chinese and Japanese Art. New York: Frederick A. Stokes, 1911. Vol. 1. P. 50–51.

Окакура Тэнсин дзэнсю. Токио: Рокугэйся, 1939. Т. 4. С. 10.

Прасол А. Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи. 1868-1912. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 63–65.

Narasimbha Murthy P. A. The Rise of Modern Nationalism in Japan. A Historical Study of the Role of Education in the Making of Modern Japan. New Delhi: Ashajanak Publishers, 1973. P. 392–396.

О проблеме японской эмиграции см.: *Савельев И. Р.* Японцы за океаном. История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997.

Оно Хидэо. Мэйдзи вадай дзитэн. С. 201–202.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 286.

Дайниппон сётёку цукай. С. 596.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 158.

Pyle, Kenneth B. The New Generation in Meiji Japan. Problems of Cultural Identity 1885–1895. Stanford (CA): Stanford University Press, 1969. P. 41.

Хёдо Хироми. Коэ-но кокумин кокка нихон. Токио: Нихон хосо сюппан кёкай, 2000.

Александр Михайлович. Мемуары великого князя. М.: Захаров, 2004. С. 100–106; *Подалко П. Э.* Япония в судьбах россиян. С. 27–30.

Александр Михайлович. Мемуары великого князя. С. 205.

Сасаги Сугуру. Нихон киндай-но сьуппацу. Токио: Сюэйся, 1992. С. 63–68.

Нихондзин. 3.07.1888.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 22–23.

Japan Daily Mail. 16.02.1889.

Tinus, David Anson. Palace and Politics in Prewar Japan. New York; London: Columbia University Press, 1974. P. 48–49.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 134–135.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 43.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 312.

Bacon, Alice Mabel. A Japanese Interior. Boston; New York: Houghton Mufflin. P. 133–134.

Fujitani T. Splendid Monarchy. P. 110.

Ibid. P. 208.

Асахи симбун. 11.02.1889.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 135.

Дзидзи синпо. 10.02.1889.

Fujitani T. Splendid Monarchy. P. 223.

Нацумэ Сосэки. «Сансиро. Затем. Врата» / Пер. с яп. А. Рябкина. М.: Художественная литература, 1973. С. 174.

Pyle, Kenneth B. The New Generation in Meiji Japan. P. 93–95.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 137.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 316.

Там же. Т. 4. С. 547.

Pyle, Kenneth B. The New Generation in Meiji Japan. P. 138.

Там же. Р. 147.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 85.

Pyle, Kenneth B. The New Generation in Meiji Japan. P. 126–127.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 123.

Pyle, *Kenneth B.* The New Generation in Meiji Japan. P. 158–159.

Сэки Хидэй. Хакубуцукан-но тандзё. Токио: Иванами, 2005. С. 195.

Цит. по: *Хохлов А. Н.* Японская печать о предстоящем визите в Японию наследника русского престола Николая Александровича весной 1891 г. // Япония. Путь кисти и меча. 2002. № 3. С. 27–28.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 503.

Там же. Т. 3. С. 353.

Там же. Т. 4. С. 654.

Владимир Николаевич Ламздорф. Дневник 1891–1892. Воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2003. С. 142–144.

Там же. С. 131–133.

Ким Ен-Су. Корейский посланник Ли Бом-Джин и русско-японская война // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие. М.: Три квадрата, 2004. С. 230.

Цит. по: *Уортман, Ричард С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. С. 445.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 133–135.

Тэйкоку гикай сюгийн гидзи сокукироку 7. Токио: Токё дайгаку сюппанкай, 1979. Дайго гикай. С. 252.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 136.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 748.

Там же. С. 766.

Цит. по: *Иванова Г. Д.* Русские в Японии XIX – начала XX в. М.: Вост. литература, 1993. С. 130.

Hearn L. Out of the East. Reveries and Studies in New Japan. London: Keagan Paul, Trench, Trubner[, s. a]. P. 53–55.

Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 786.

Там же. С. 88.

Ямада Сюндзи. Тайсю симбун га цукуру мэйдзи-но нихон. С. 22.

Fujitani T. Splendid Monarchy. P. 228–229.

Ковальчук М.К. Политика Японии в Корее накануне японо-китайской войны // Известия восточного института Дальневосточного государственного университета. 2000. С. 93.

Hearn L. Out of the East. Reveries and Studies in New Japan. P. 281–284.

Keene D. Emperor of Japan. P. 822.

Keene D. The Sino-Japanese War of 1894-95 and Its Cultural Effects in Japan // Tradition and Modernization in Japanese Culture / Ed. by Donald H. Shiveley. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1971. P. 133–136.

Pyle, Kenneth B. The New Generation in Meiji Japan. P. 168–174.

Keene D. Emperor of Japan. P. 492–493.

Таяма Катай. Токё-но сандзюнэн. Токио: Иванами сётэн, 1981. С. 288.

Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 85.

Lensen G. A. The d'Anethan Dispatches from Japan 1894–1910. The observations of Baron Albert d'Anethan Belgian Minister Plenipotentiary and Dean of the Diplomatic Corps. Tokyo: Sophia University, 1967. P. 45.

Keene D. Emperor of Japan. P. 823.

Архимандрит Сергей (Страгородский). По Японии (записки миссионера). С. 69–70.

Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 220.

Hearn L. Writings from Japan. Harmondsworth: Penguin, 1984. P. 264–267.

Токё асахи симбун. 1.06.1895; *Fujitani T.* Splendid Monarchy. P. 226–227.

Фудзита Сатору. Кинсэй сэйдзиси то тэнно. Токио: Ёсикава кобункан, 1999. С. 87–90.

Kakuzo Okakura. The Ideals of the East with Special Reference to the Art of Japan. New York etc.: ICG Muse, 2000. P. 235.

Там же. Р. 210.

Как живут японцы / Сост. В. Овчининская. М.: Типография товарищества Сытина, 1899. С. 147.

Lensen G. A. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 34

Цит. по: *Каширин В. Б.* «Русский Мольке» смотрит на Восток // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие. С. 157.

Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 331.

Там же. Т. 3. С. 241.

Там же. С. 251.

Там же. С. 546, 551.

Подробное описание убийства на русском языке см.: *Симбирцева Т.* Убийство во дворце Кёнбоккун // Восточная коллекция. 2004. № 3. С. 127–142.

Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 537, 558.

Хоти симбун. 23.10.1895.

Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 274.

Там же. С. 568.

Токутоми Сохо. Один день в Ясной Поляне / Пер. с яп. М. В. Торопыгиной // Япония. Путь кисти и меча. 2003. № 2. С. 15.

Мияко симбун. 25.04.1896.

Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 652, 654–655.

Там же. С. 448, 456, 460.

Прасол А. Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи. С. 187.

Таки Кодзи. Тэнно-но сёдзо. Токио: Иванами, 2002. С. 211.

Pyle, Kenneth B. The New Generation in Meiji Japan. P. 133.

С. Ю. Витте. Воспоминания. Мемуары. М.; Минск: АСТ; Харвест, 2002. Т. 1. С. 234–236.

Айрапетов О. Р. «На сопках Маньчжурии» // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие. С. 366.

Моррис А. Благородство поражения: трагический герой в японской истории. М.: Серебряные нити, 2001. С. 189.

Молодяков В. Э. Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть первая: Тайвань, 1898–1906 // Япония. 2004–2005. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 275.

Ёмота Инукихо. Нихон эйгаси хякунэн. Токио: Сюэйся, 2000. С. 42.

Keene D. Emperor of Japan. P. 550–551.

Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 47.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 137.

Тюо симбун. 19.04.1900.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 204.

Хара Такэси. Тайсё тэнно. Токио: Асахи симбунся, 2000. С. 77.

Там же. С. 90.

Бэруцу-но никки. С. 218–219.

Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 343, 331.

Гершельман Ф. К., Гурко Д. И. Генералами рождаются. М.: Русское слово, 2002. С. 285.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 218.

Там же. С. 199–200.

Хара Такэси. Тайсё тэнно. С. 140.

Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 534.

Keene D. Emperor of Japan. P. 576.

Ёкота-Мураками Такаюки. Фтабатэй Симэй во Владивостоке: революция, пацифизм и женщина // Дальний Восток России и Япония. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 110–111.

Осака асахи симбун. 12.04.1902.

Мэйдзи тэнноки. Т. 10. С. 318–319.

Цит. по: *Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. С. 527–528.

Цит. по: *Рыбаченок И. С.* Николай Романов и К. Путь к катастрофе // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 310.

Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 880–881, 891892, 907–908.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 342.

Там же. С. 352.

Kakuzo Okakura. The Ideals of the East with Special Reference to the Art of Japan. New York, etc.: ICG Muse, 2000. P. 223.

Ibid. P. 230.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 237. 182.

Александр Михайлович. Мемуары великого князя. С. 207.

Бэруцу-но никки. Т. 1. С. 372.

Раввина М. Последний самурай. М.: Эксмо, 2005. С. 63.

Lensen G. A. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 181-

Япония и ея обитатели. СПб.: Библиотека самообразования, 1904. С. 360.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 148.

Георгиева Л. С. Письма священника Г. И. Шавельского //Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. СПб.: Фонд по истории изучения православной церкви, 1998. С. 174.

Бэруцу-но никки. Т. 2. С. 376.

Куланов А. Налетели ветры злые, да с восточной стороны... // Япония. Путь кисти и меча. 2004. № 1. С. 11–12.

Бэруцу-но никки. Т. 2. С. 46–47.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 93.

Там же. С. 52.

Бэруцу-но никки. Т. 2. С. 29, 32–35.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 80.

Бэруцу-но никки. Т. 2. С. 89.

Narasimbha Murthy P. A. The Rise of Modern Nationalism in Japan. P. 439–440.

Инадзо Нитобэ. Бусидо: душа Японии. М.: София, 2004. С. 183–184.

Комори Ёити. Нитиро сэнсо-но киоку, киоку-но нака-но нитиро сэнсо // Нитиро сэнсо
сутадидзу / Под ред. Комори Ёити и Тацута Рюити. Токио: Кинокуния сётэн, 2004. С. 203–204.

Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 47–48.

Там же. С. 273.

Подробнее о восприятии японского изобразительного искусства в России этого времени. См.: Дьяконова Е. Японизм в русской графике Серебряного века (конец XIX – начало XX в.) // Япония. Путь кисти и меча. 2002. № 2. С. 6–11.

Новое время. 12(25).02.1904.

Павлов Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004. С. 197.

Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга кот / Пер. с яп. Л. Коршикова и А. Стругацкого. М.: Художественная литература, 1960. С. 197–198.

Бэруцу-но никки. Т. 2. С. 154.

Нарита Рюити. «Кокумин»-но (нога+кожа – окончау) тэки кэйсэй // Нитиро сэнсо сугадидзу / Под ред. Комори Ёити и Тацута Рюити. Токио: Кинокуния сётэн, 2004. С. 116.

Бэруцу-но никки. Т. 2. С. 368.

Там же. С. 284.

Подробнее о связях японской разведки с российскими революционерами см.: *Павлов Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. С. 160–261.

Конкретные цифры по снаряжению парохода заимствованы из цитированной монографии Д. Павлова. Они довольно сильно расходятся с данными японских источников. Это связано с тем, что исследователи пользуются агентурными данными того времени, на которые оказывали влияния множество факторов: условия нелегальной работы, невозможность перепроверки донесений по другим каналам, желание начальства преуменьшить потери и преувеличить успехи и т. д.

Айрапетов О. Р. «На сопках Маньчжурии» // Русско-японская война 1904–1905: взгляд через столетие. С. 471.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 289–290.

Сюмпэй Окамото. Японская олигархия в русско-японской войне. М.: Центрполиграф, 2003. С. 207.

Бэруцу-но никки. Т. 2. С. 263.

Золотарев В. А., Соколов Ю. Ф. Трагедия на Дальнем Востоке. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Animi Fortitudo, 2004. Т. 2. С. 215.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 264–265.

Нарита Рюити. «Кокумин»-но (нога+кожа – окончау) тэки кэйсэй. С. 121.

Русско-японская война. Официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. СПб., 1909. Т. 2. С. 204–206.

Lensen G. A. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 211.

Fujitani T. Splendid Monarchy. P. 130–131.

Lensen G. A. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 214–215.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 144.

Там же. С. 422.

Накамура Синтаро. Нихондзин то росиадзин. Моногатари нитиро дзимбуцу орай си. Токио: Дайгэцу сётэн, 1978. С. 265–266, 271.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 323, 345.

Хара Такэси. Тайсё тэнно. С. 107.

Mitford’s Japan. P. 222.

Fujitani T. Splendid Monarchy. P. 131–137.

Ирокава Дайкити. Мэйдзи-но бунка. Токио: Иванами, 1997. С. 328.

Нацумэ Сосэки. «Сансиро. Затем. Врата». С. 34.

Там же. С. 224–225.

Роман «Сорэкара».

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 211.

Ирокава Дайкити. Мэйдзи-но бунка. Токио: Иванами, 1997. С. 329–330.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 158.

Там же. Р. 208–209.

Keene D. Emperor of Japan. P. 653.

Мэйдзи тэнноки. Т. 11. С. 835.

Хара Такэси. Тайсё тэнно. С. 141.

Цит. по: *Иваи Сигэки*. Рэнка-но сёгэн. Хякунин иссю-но киндайтэки токутё-ни цуйтэ. С. 217.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 453.

Архимандрит Сергей (Страгородский). По Японии (записки миссионера). С. 159.

Хара Такэси. Тайсё тэнно. С. 151–152.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 200.

Об исторических корнях японского менеджмента см.: *Kasaya Kazuhiko*. The Origin and Development of Japanese-style Organization. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 2000.

Исикава Тэнгай. Токёгаку. Токио, 1909. С. 2.

Lensen G. A. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 252–254.

Дайниппон сётёку цукай. С. 894–895.

Толстогузов А. А. Японская историческая наука. Очерки истории. Проблемы изучения средних веков и феодализма. М.: Восточная литература, 2005. С. 396–397.

Хара Такэси. Тайсё тэнно. С. 165–166.

Нацумэ Сосэки. «Сансиро. Затем. Врата». С. 178.

Ёмота Инухико. Нихон эйгаси хякунэн. Токио: Сюэйся, 2000. С. 47–54.

Хёдо Хироми. Коэ-но кокумин кокка нихон. С. 175–177.

Толстогузов А. А. Японская историческая наука. Очерки истории. Проблемы изучения средних веков и феодализма. С. 397–399.

Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 796.

Там же. С. 749.

Ёродзу тёхо. 08.03.1912.

Gluck C. Japan's Modern Myths. P. 274.

Мэйдзи бунгаку дзэнсю. Т. 42. С. 338.

Нива. 1912. № 30. С. 603; Иллюстрированное обозрение. 1912. № 30.

Нива. 1912. № 30. С. 603.

Асукаи Масамити. Мэйдзи дайтэй. Токио: Коданся, 2002. С. 58.

Курода Хидэо. О-но синтай, о-но сёдзо:. Токио: Хэйбонся, 1993. С. 42–43.

Ясумару Ёсио. Киндай тэннодзо-но кэйсэй. С. 262.